

Питер Ладлоу

Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии

Давайте представим, что мы посетили вечер, где на одну короткую ночь была создана республика сбывшихся желаний. Не должны ли мы признать, что политика этой ночи имеет для нас больше реальности и силы, чем, скажем, все действия правительства Соединенных Штатов?

Хаким Бей Предисловие

Когда я готовил к изданию книгу «Полдень на электронном фронтире» («High Noon on the Electronic Frontier», MIT Press, 1996), то стремился собрать вместе отдельные неакадемические «проповеди и манифесты», отличавшиеся провокационностью и вызывавшие интерес постановкой философских проблем. Осенью 1994 года я читал базовый университетский курс под названием «Философские вопросы на электронном фронтире». Я планировал начать со статьи Джулиана Диббеля «Изнасилование в кибер-пространстве» из еженедельника Village Voice и затем перейти к более традиционным работам, которые обычно можно разбирать на занятиях по компьютерной этике. Сначала все шло очень даже неплохо, но стоило нам дойти до известных академических трудов в этой области, как мой класс дружно впал в коллективную кому. Так что я сделал то, что в подобных обстоятельствах сделал бы любой трезвомыслящий человек, — умыл руки. Я вернулся назад, чтобы предложить студентам ознакомиться с более «подходящими» проповедями и манифестами, которые легко найти в киберпространстве, но практически невозможно отыскать в учебниках.

Когда я обратился к более эксцентричным текстам, класс очнулся от спячки (*а это очень важное условие, если ты пытаешься кого-то чему-то научить*) и студенты действительно начали серьезно размышлять о каких-то уже не поверхностных вопросах, лежащих в основе электронных обсуждений, которые им было задано прочитать. И это не должно вызывать удивления, если подумать. Львиная доля академической писанины, посвященной киберпространству, просто ужасна: либо она отдает постмодернистской фразеологией, либо представляет собой некачественную социологию, через дебри которой невозможно пробраться. Если меня самого клонит от такого в сон, почему это не может произойти со студентами? Кроме того, даже студентам порой больше удовольствия доставляет что-то додумать самостоятельно, а не получать готовое решение. Иногда мы, ученые, можем прямо-таки анатомировать предмет изучения, обсасывая его до последней косточки, хотя, возможно, было бы лучше просто сформулировать проблему так, чтобы она могла заинтересовать, а потом отойти в сторону.

Вместе с тем меня волновало, станет ли ясен мой замысел читателям. Как они среагируют? Недовольно поморщатся, увидев, что я придал этим жестким и подчас резким статьям полновесный статус, поместив их рядом с серьезными научными работами, или все же поймут, что статьи были включены в сборник для того, чтобы положить начало обсуждению или скорее позабавить и не претендовать на последнее слово о природе киберпространства?

В итоге я обнаружил, что большинство читателей не только поняли мою идею, но и откликнулись на нее с неожиданным энтузиазмом. Меня удивило количество благосклонных отзывов, поступивших от критиков. Благожелательные комментарии от Internet Underground — это нормальное дело, но вот одобрительного отклика от Times Higher Education Supplement

ожидать было трудно. Между тем Chronicle of Higher Education опубликовала процитированный выше отрывок из «Полдня на электронном фронтире» в своей рубрике «Разное».

Естественно, я начал ломать голову о причинах такой сильной реакции. С одной стороны, мне казалось, что столь широкий отклик объясняется скрытой враждебностью к научному, строго академическому дискурсу: слишком много сообразительных «любителей» оказывались за рамками дискуссии, которая могла бы привлечь их и в которую, не исключено, они внесли бы какой-то ощутимый вклад.

Если же брать научное сообщество, то, наверное, профессиональные исследователи чувствовали ограничения, накладываемые «чистым» академическим дискурсом. Возможно, эта фрустрация уже дала о себе знать благодаря популярному сегодня в определенных научных кругах словесному салату а-ля Деррида. Так или иначе, я пришел к выводу, что многие ученые — вроде меня самого — задумывались о способе расширить возможности языка науки, с тем чтобы сделать его менее сухим, более доступным и в то же время наделить его способностью передавать ту энергетику и волнение, сопутствующие многим из нас в процессе исследования (то самое волнение, которое нашим журнальным статьям хронически не удается передать).

Итак, замысел «Полдня на электронном фронтире» себя оправдал. После этого успеха мне пришла в голову мысль, а что если распространить общий подход к такому модному предмету, как сущность киберпространства, на темы, имеющие отношение к политической философии (хотя и с уклоном в киберпространство). Можно ли составить сборник, включив туда нетрадиционные статьи смысленных непрофессионалов, которые рассказали бы читателям о ключевых концептуальных проблемах, связанных с возникновением властных структур в рамках онлайн-сообществ или даже с представлениями о политическом суверенитете, оформляющем некоторые из этих сообществ? Я надеялся, что это возможно.

Взять, к примеру, тему анархии. По какой-то причине большинство из нас считают, что анархисты — это самые настоящие фрики с длинными лохмами, швыряющие бутылки с коктейлем Молотова в окна добропорядочных банков. На самом деле анархия не имеет ничего общего с такими представлениями. Как становится ясно из интервью с Ноамом Хомским, которое дается в приложении [к настоящей антологии], анархия — это скорее утверждение, согласно которому присутствие иерархической власти в обществе должно быть обязательно оправдано (это часто можно сделать). Однако если институты власти такого обоснования не получают, их надлежит расформировать. Здесь не идет речь о полном отказе от власти или морали (совсем наоборот — автономность накладывает огромное нравственное бремя на каждого из нас).

Причина, по которой обсуждение анархии в контексте кибер-пространства вызывает интерес, проста: широкая доступность различных технологий (таких, как криптография с открытым ключом), похоже, делает определенные анархистские идеалы достижимыми, если не неизбежными. Другими словами, криптография и связанные с ней технологии, подобные анонимным ремейлерам и электронной наличности, могут ослабить концентрацию власти в знакомой нам форме (в форме национального государства, к примеру), таким образом предоставив возможность взять на себя гораздо больше личной ответственности.

Анархия не единственно возможный вариант развития событий по мере колонизации киберпространства. Мне кажется, можно ожидать многочисленных экспериментов с различными правовыми системами в разных виртуальных сообществах. Прекрасным примером может служить эксперимент с властной структурой в рамках LambdaMOO, в которой был совершен переход от аристократии (в данном случае управление находилось в руках «магов») к «Новому курсу» (главный эксперимент LambdaMOO по введению демократии) и обратно к аристократии. Самое примечательное, что все эти изменения и их обсуждение поступило в архив. Какой фантастический источник для изучения процесса возникновения и развития политических структур в виртуальных сообществах! Я считаю, что MOO и прочие виртуальные сообщества действительно можно рассматривать в качестве

полигона для испытания властных структур, которые появятся в новом тысячелетии. Многие из этих опытов провалятся, и все-таки новые и более совершенные властные структуры обязательно сформируются — уже с учетом разнообразных вариантов в возможных экспериментальных условиях.

Осуществятся ли в киберпространстве известные утопии? Об утопиях мы слышаны со времен Томаса Мора (хотя на самом деле — еще с платоновского «Государства»), но пока в реальном мире не случилось ничего такого, что хотя бы отдаленно напоминало описанные утопии. Это, наверное, оттого, что мы ждем какой-то масштабной, даже глобальной утопии. Для настоящей утопии, скорее, характерен небольшой размах, общинность и скоротечность существования.

В этой связи, пожалуй, можно сказать, что Интернет создает возможность возникновения утопий в разных удаленных уголках киберпространства — на «островах в Сети», если воспользоваться выражением Брюса Стерлинга.

Это всего лишь несколько общих тем, которых я хотел коснуться, но есть и другие, которые тоже можно было бы рассмотреть. Тем не менее они остались за кадром, и это нельзя не заметить. Так, например, я умышленно избегал говорить о таких важных вопросах виртуального законодательства, как цензура в Сети, осуществляемая правительством, право доступа в Интернет и т. д. Без сомнения, эти вопросы имеют большое значение, однако они возникают вокруг отношений между существующими властными структурами и Сетью. В данном же случае я больше заинтересован в анализе возникновения новых властных структур внутри Сети, чем в рассмотрении попыток установления законного суверенитета над Сетью. Я нахожу эти вещи концептуально интересными, и если сегодня они кажутся несущественными или оторванными от реальности, в свое время, я думаю, они обретут исключительную важность для понимания тех сложных миров, в которых мы обитаем.

Несмотря на отсутствие четкой структуры в некоторых сборниках по киберпространству, мне кажется, что изложение и представление данного материала требует некой линейной логики. В первом разделе мы обсуждаем проблему суверенитета Интернета, и открывает дискуссию статья Джона Перри Барлоу «Декларация независимости киберпространства». В ней содержится дерзкое заявление о том, что обычные государства не имеют законной власти над ки-берпространством. Неудивительно, что статья Барлоу вызвала шквал критики: автора обвинили в том, что он предлагает своего рода бегство от реальности. Другие же полагают, что эта критика может оказаться поспешной.

Чем бы ни обернулась политическая независимость для киберпространства, было бы ошибкой считать, что ее достижение невозможно по технологическим причинам. Во втором разделе мы обращаем внимание на то, что широкий доступ к таким ресурсам, как Pretty Good Privacy (программа шифрования данных) и анонимным ремейлерам, создает возможность криптоанархии, старательно подготавливая почву для тех видов деятельности, которые выходят за пределы влияния государства и других традиционных форм власти.

Как станет ясно в дальнейшем, автономные от государства пространства возникают не обязательно под воздействием криптоанархии: во многом этот процесс протекает без помощи технологий шифрования. Статьи, составляющие третий раздел, показывают, что рост коммерческой деятельности в Интернете порождает вопросы установления законной юрисдикции и налогообложения, в свете чего географические границы существующих государств, по-видимому, перестают иметь значение. Скорее всего, будут введены варианты независимой онлайн-юрисдикции, и впоследствии они во многом сохранят свою независимость от обычных органов власти.

Если возникновение политически автономных островов в Сети действительно станет возможным, то какие же властные структуры появятся в этом случае? Как мы увидим из материала, объединенного в четвертом разделе, поле для экспериментов огромно. На самом деле эксперимент уже идет полным ходом. В результате подобных экспериментальных проектов, разворачивающихся в условиях полного беззакония и доходящих до демократии, развивающихся от виртуальных аристократий к демократическим режимам, и, по крайней

мере, в одном случае — от аристократии к демократии и обратно к ограниченной аристократии — возник ряд онлайн-сообществ, в том числе MUD и MOO. Проводились эксперименты и в области виртуального законотворчества с внедрением виртуальных судей и различных форм виртуальных наказаний. Чему мы можем научиться на основе этих экспериментов? Что они могут нам рассказать о властных структурах, которые возникнут на островах в Сети в будущем? Положат ли они начало формированию беспристрастных и справедливых институтов управления, которые будут уважать нравственную независимость индивидуума? Или они повторят путь, которым идут правительства в реальном мире?

Есть немало людей, доказывающих, что возникающим в Интернете властным структурам нет необходимости повторять судьбу правительств реального мира. Действительно, отдельные авторы пропагандируют утопическое представление о том будущем, которое настанет в результате появления этих островов в Сети. Другие утверждают, что это чистой воды эскапизм, характерный для наступления миллениума. Но опять же не исключено, что подобная критика объясняется непониманием особенностей ожидаемых утопий — не постоянных властных структур, поражающих своим размером, а скорее кратковременных, изолированных «пиратских утопий».

Чья же точка зрения оказывается верной? В каком-то смысле это не важно. Если в результате рождение Интернета и возникновение криптоанархии на Западе в начале нового тысячелетия вызывает у нас утопические видения, то, может, это к лучшему, даже если эти представления никогда не станут явью. Мы так редко по-настоящему задумываемся о политических структурах, существующих в наше время. Если, для того чтобы заставить нас размышлять, необходима какая-то новая технология и приход нового тысячелетия, то давайте будем благодарны за то, что эти условия у нас есть. Ибо несомненно, что политические возможности, доступные нам на сегодняшний день в реальном мире, незначительны. Лучшее всего это видно на примере Соединенных Штатов, где различия между республиканской и демократической партией крикливо подаются как кардинальные, а переход власти от одной партии к другой называется революцией, тогда как в действительности разница между республиканцами и демократами почти незаметна. Возможно, все эти вещи начинают бросаться в глаза лишь тогда, когда мы внимательно вглядываемся в политический ландшафт, охватывая взором последние десять веков, а не жалкий десяток дней. Быть может, для того чтобы вдохновить нас на раздумья о том, что могло бы быть и — что еще важнее — как должно быть, необходимы утопические представления, — представления, основанные на развивающихся информационных технологиях нашей эпохи.

В конечном счете главная цель этого сборника заключается не в стимулировании новых утопий или даже более глубоких размышлений о возможных властных структурах. Важнее всего получить удовольствие, анализируя все эти возможности. В итоге получилось, что героями этой работы стали маг Хаакон, парочка киберпанков, разные писатели-фантасты, журналисты, владельцы ранчо, университетские преподаватели и кое-кто еще вроде Хакима Бея. Это, конечно, разношерстная компания, но она не более эклектична, чем онлайн-мир сам по себе. Я надеюсь, что этот сборник отражает примеры многообразных точек зрения, бытующих сегодня в онлайн-мире, и что он демонстрирует потрясающую креативность и энергию обитателей этого мира. На мой взгляд, именно здесь и проходит реальная вечеринка по случаю смены тысячелетий. Может стать так, что в будущем киберпространство колонизируют деловые костюмы, превратив его в громадный пригородный торговый центр, и участникам вечеринки придется разойтись. Но мораль этого сборника такова, что эту вечеринку нельзя разогнать раз и навсегда — когда-нибудь она начнется снова на одном из островов в Сети. И под конец самое приятное: если вы можете отыскать нас, то вас примут с распростертыми объятиями. Там и увидимся!

Путер Ладлоу ludlow@well.com

Об авторах

Ричард Барбрук (Richard Barbrook) — соучредитель Hypermedia Research Center.

Джон Перри Барлоуопп (Perry Barlow) —удалившийся отдел владелец ранчо в Вайоминге, бывший автор текстов песен группы Grateful Dead, соучредитель Electronic Frontier Foundation. С мая 1998 года — сотрудник Беркманского центра изучения Интернета и общества при Гарвардской юридической школе.

Хаким Бей (Hakim Bey) (он же Питер Лэмборн Уилсон), его прозвали «Марко Поло субандеграунда». Он написал ставшую классикой андеграунда книгу «Временные автономные зоны», и кроме того, автор статей на разнообразные темы — от неоязычества до эстетики обезьян.

Дэвид Беннахам (David S. Bennahum) — автор и редактор журналов Wired, Spin, Lingua Franca, I.D. Его статьи появляются на страницах New York Times, Harper's Bazaar, New York, The Economist, Marketing Computers, Slate, FeedwNetGuide.

Уильям Бомл. (William E. Vaugh Jr.) — вице-президент, руководитель сектора информационных и прикладных систем в Science Applications International Corporation. Бывший помощник директора Федерального Бюро Расследований.

Дэвид Брин (David Brin) — ученый и автор художественных бестселлеров. В своем романе-триллере «Земля» (1989) он предсказал и глобальное потепление, и появление Всемирной паутины. Фильм с Кевином Костнером в главной роли был снят по мотивам его книги «Почтальон». Еще одну его вещь — «Звездный прилив» («Startide Rising») — готовит к экранизации киностудия Paramount Pictures. У Брина есть книга и в жанре нон-фикшн — «Открытое общество: Заставит ли нас технология выбирать между свободой и неприкосновенностью частной жизни?», в ней рассматриваются явления, угрожающие открытости и свободе в условиях новой сетевой эпохи. Последний роман Брина «Триумф Академии» («Foundation's Triumph») доводит до торжественного финала историю мира, описанного в «Академии» Айзека Азимова.

Дороти Э. Деннинг (Dorothy E. Denning) — профессор факультета информатики в Джорджтаунском университете, автор книги «Информационная война и безопасность».

Марк Дери (Mark Dery) — критик-культуролог. Его статьи о маргинальных культурных течениях, технологии, масс-медиа и искусстве публикуются на страницах New York Times, Rolling Stone, Wired, 21. C, Mondo 2000, Elle, Interview, New York и Village Voice. Он постоянно пишет для Virtual City, где ведет колонку популярной киберкритики под названием «Uplist». Дери — автор книг «Культурные помехи» («Cultural Jamming») и «Скорость убегания» («Escape Velocity»), а также редактор сборника «Большой базар: Дискурс киберкультуры» («Flame Wars: The Discourse of Cyberculture»).

Кэрри Джекобе (Karrie Jacobs) — критик в области архитектуры и дизайна, главный редактор журнала Dwell, нового издания по квартирному дизайну, которое выходит в Сан-Франциско. На страницах этого журнала дом предстает в виде некой творческой лаборатории, позволяющей внедрять как эстетические, так и культурные новшества.

Энди Камерон (Andy Cameron) — соучредитель Hypermedia Research Center.

Дэвид Джонсон (David R. Johnson) — председатель Connset Connect и один из директоров Института киберпространственного права (Cyberspace Law Institute).

Дженнифер Мнукин (Jennifer Mnookin) — адъюнкт-профессор в юридической школе Виргинского университета.

Тимоти Мэй (Timothy C. May) работал физиком в компании Intel, откуда уволился в тридцати четыре года. С тех пор всю свою энергию отдает защите криптоправ. Один из родоначальников Cypherpunks.

Натан Ньюман (Nathan Newman) пишет диссертацию на получение степени доктора философии в Калифорнийском университете в Беркли.

Джедедия Перди (Jedediah S. Perdy) — ведущий корреспондент American prospect, учится в Йельской юридической школе. Автор книги «Ради обычных вещей: Ирония, доверие и соблюдение обязательств в современной Америке». В 1999 году читал спецкурс «Политические традиции либералов и прогрессистов в Америке» участникам летней программы в Century Institute.

Дэвид Пост (David G. Post) — адъюнкт-профессор, которого приглашают читать курсы лекций в Юридическом центре Джордж-таунского университета, один из директоров Института киберпространственного права, а также советник по политике в Electronic Frontier Foundation.

Чарльз Стивейл (Charles J. Stivale) — профессор и декан факультета французской филологии университета штата в Вейне.

Дункан Фриссель (Duncan Frissell) — адвокат, консультант по вопросам защиты частной жизни. Пишет о политических и социальных последствиях развития технологий в области коммуникации.

Эрик Хьюз (Eric Hughes) — один из родоначальников Cypherpunks.

Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии

Суверенитет киберпространства

Восьмого февраля 1996 года, вскоре после подписания президентом Биллом Клинтоном Закона о телекоммуникациях (Telecommunications Act of 1996) (куда вошел и Communications Decency Act — Закон о благопристойности в коммуникациях), Джон Перри Барлоу разместил в Интернете свою «Декларацию независимости киберпространства». Декларация (см. § 2) начиналась так:

Декларация независимости киберпространства Правительства индустриального мира, вы, бессильные гиганты из плоти и стали, я пришел к вам из Киберпространства, новой обители Разума. Во имя будущего я прошу вас, живущих в прошлом, — оставьте нас. Вы — незваные гости среди нас, и ваша власть не простирается туда, где собираемся мы.

У нас нет выборного правительства и, скорее всего, не будет, и я обращаюсь к вам именем лишь той власти, которой говорит сама свобода. Я объявляю глобальное социальное пространство, которое строим мы по природе независимым от тирании, которую вы

пытаетесь нам навязать. У вас нет морального права управлять нами, нет у вас и таких методов принуждения, которых мы имели бы основания бояться.

Правительства получают свою власть по соглашению с управляемыми. Вы не просили и не получали нашего согласия. Мы не приглашали вас. Вы не знаете нас и не знаете нашего мира. Киберпространство лежит вне ваших границ. Не думайте, что вы можете построить его, как завод или жилой квартал. Вы не можете. Это природное образование, которое развивается самостоятельно через посредство наших коллективных действий.

Вы не участвовали в нашем обширном и объединяющем общении, не вами создано изобилие наших рынков. Вы не знаете нашей культуры, нашей этики и тех неписаных правил, которые уже сейчас обеспечивают больше порядка в нашем обществе, чем могли бы обеспечить любые ваши установления.

Вы заявляете, что у нас есть проблемы, которые вы должны решить. Вы используете это заявление как оправдание для вашего вторжения в наши пределы. Многих из этих проблем не существует. Там, где есть реальные конфликты, где есть виновные, мы определим их и разберемся с ними нашими средствами. Мы подготовим наш собственный **Общественный Договор**. Это управление будет действовать в соответствии с условиями нашего мира, не вашего. Наш мир — другой.

Да, сильно сказано, ничего не скажешь, но, может, это просто бред сумасшедшего? Как вообще мы можем рассуждать о киберпространстве как о реальном месте с собственными властными структурами — вот что я имею в виду. Точнее говоря, к чему Барлоу тратит время на эти оторванные от реальности бредни, когда вокруг полно серьезных политических проблем, которые необходимо решать? Например, борьба с цензурой в Интернете через судебную систему и Конгресс или противодействие введению ограничений на криптографию. Обеспечение доступа в Интернет малоимущим и лишенным гражданских прав людям — чем не реальная проблема? Дел просто невпроворот, поэтому может ли быть что-то менее полезное, чем декларация Барлоу? Может, она просто сводится всего лишь к призыву отказаться от реальности?

Именно так некоторые критики рассматривают статью Барлоу. К примеру, Дэвид Беннахам (§ 4) утверждает, что в действительности мы не живем в киберпространстве, и поэтому даже не совсем ясно, как это в принципе выглядит — жизнь в киберпространстве:

Мне хотелось бы знать, что имеется в виду под словами о подготовке общественного договора для киберпространства, договора, претендующего на аутентичность и правомочия конституции. В теории это выглядит замечательно, однако в действительности я ведь нахожусь не в киберпространстве. Я живу в городе Нью-Йорк, в штате Нью-Йорк, в Соединенных Штатах Америки. Подозреваю, что я воспринимаю сказанное слишком уж буквально. Надо полагать, мой «разум» пребывает в киберпространстве, и это именно то, что действительно имеет значение. А моя рудиментарная плотская оболочка, известная мне как тело, обретается в Нью-Йорке. Государственное управление, география, мое тело — все это сейчас выходит из употребления, как поясняет Барлоу, «благодаря киберпространству, этой новой обители разума».

С Беннахамом полемизирует Дэвид Брин (§ 3). Что бы там ни подразумевалось под киберпространством, считает он, в любом случае это некое развлечение. Брин замечает, что примерно в то время, когда Барлоу обнародовал свою «Декларацию», правительство Китая призывало всех пользователей Интернета регистрироваться в полиции — вот о чем нужно беспокоиться:

Попробуйте оценить следующее газетное сообщение, оказавшееся погребенным под жуткими рассказами про Закон о телекоммуникациях 1996 года и захватывающим манифестом Барлоу в защиту независимости Сети:

"Правительство заставляет пользователей сети регистрироваться в полиции"

Какое правительство? Что скрывается за этими звездочками? Откуда вообще взялась эта ложь? А вот и ключ к разгадке. Такая политика затрагивает интересы более чем миллиарда

людей, распространяя свое воздействие далеко по ту сторону океана. Под конец Брин выдает следующее заявление, под которым, без сомнения, подпишутся многие: IAAMOAS!¹

Ричард Барбрук (§ 5) теряет всю свою благожелательность, доказывая, что в разглаговольствованиях Барлоу проявилось некое разочарование, наступившее в результате столкновения либертарианской идеологии с суровой реальностью капитализма — и не более того:

Декларация Барлоу является симптомом глубокого идеологического кризиса, с которым пришлось сейчас столкнуться сторонникам либертарианства «свободного рынка» внутри онлайнного сообщества. В тот самый момент, когда киберпространство собирается стать открытым для широкой публики, личная свобода, столь высоко ценимая внутри Сети, по-видимому, вот-вот будет ликвидирована в законодательном порядке с сохранением минимальной политической оппозиции или же вообще без таковой. Здесь важно отметить, что снятие ограничений на рыночную конкуренцию не оказало никакого положительного эффекта на дело борьбы за свободу слова. Наоборот, приватизация киберпространства происходит параллельно с введением суровой цензуры. Будучи не в силах объяснить это явление в рамках «калифорнийской идеологии», Барлоу предпочел ретироваться в неолиберальную гиперреальность и тем самым избежать столкновения с противоречиями реального капитализма. Именно таких критических отзывов, которыми поделились Брин, Беннахам и Барбрук, мы и ожидали. Их критика отражает очевидные тревоги, вызванные манифестом Барлоу. Единственная загвоздка в том, что очевидные тревоги не всегда оказываются обоснованными.

Для начала зададимся вопросом, а справедливо ли обвинять Барлоу в эскапизме? Своим реальным вкладом в борьбу за онлайнные права он известен больше, чем кто-либо, и это факт. В конце концов именно он стал одним из основателей Electronic Frontier Foundation, создание которой стало ответом на слишком суровые меры, предпринятые против хакеров американской Секретной службой.

К тому же он возглавил борьбу за криптоправа. Судя по всему, он мог как выдвигать радикальные идеи, так и заниматься конкретными делами.

Но что же можно сказать насчет утверждения о том, что мы не живем в киберпространстве на самом деле, а являемся жителями болгарского города Пловдива, или Де-Мойна в Айове, или Милтона-Кейн-са в Англии? Понятно, что с этим невозможно поспорить. Или все-таки можно? Если копнуть глубже, все оказывается далеко не так просто. Именно эту проблему я старался исследовать и в других работах. Во введении к пятому разделу «Полдня на электронном фронти-ре» я писал, что персонажи, которые мы создаем в онлайнном режиме (наши личности в виртуальной реальности, или VR-личности), могут оказаться не менее важными — и не менее реальными, раз на то пошло, — чем те личности, что созданы нами в так называемом реальном мире (PM). Свою мысль я попытался проиллюстрировать на примере половой принадлежности (р. 315):

Если основная часть моих социальных контактов протекает в VR, а не в PM, тогда почему бы VR не иметь больше прав на формирование моей половой принадлежности? Другими словами, если половая принадлежность задается социальными институтами и если большая их часть, к которой я имею отношение, принадлежат к VR, то почему бы моему VR-гендеру не быть «реальным»?

Разумеется, этим я не хотел сказать, что вы меняете свою половую принадлежность, если просто регистрируетесь в Сети как представитель противоположного пола. Сначала необходимо притереться к новому миру, и многое будет зависеть от того, как вас воспримут другие его обитатели. Ключевая идея не столько в том, что VR-миры обладают решающим

1 I Am A Member Of A Civilization — «Я — член цивилизации». Попробуйте время от времени повторять эту фразу вслух. Это заклинание против одурманивающего наркотика самодовольства. В сравнении со всеми остальными творениями человечества, это самая лучшая из когда-либо существовавших цивилизаций. Она забавна. Она создала Интернет. Она заслужила вашу лояльность — и уже более тысячи раз.

влиянием на реальность, а скорее в том, что РМ превысил свое влияние на реальность. Быть может, последнее слово в споре о том, что вообще есть реальность, остается вовсе не за РМ.

Если имеет хотя бы какой-то смысл говорить о влиянии коллективных (общественных) представлений о реальности на самосознание отдельной личности, то еще больше смысла имеет говорить о воздействии общественного сознания на процесс создания политических институтов наподобие правительства. В случае конкретного человека мы можем указать на его физическое тело и сказать, что его Я следует идентифицировать именно с этим физическим организмом. Но если взять правительство, то здесь мы не можем апеллировать к реальному физическому телу, с которым можно было бы идентифицировать обсуждаемый объект. Правительства, его институты и законы по-своему реальны, но очевидно, что эта реальность создана общественным сознанием. Мне кажется, этот момент был упущен из виду некоторыми авторами сборника, участвовавшими в обсуждении проблемы суверенитета киберпространства. Как станет ясно в дальнейшем, рассмотрение указанного аспекта может повлиять на дискуссии о суверенитете онлайн-сообществ и на возникновение властных онлайн-структур в этих сообществах.

Криптоанархия

Понятие криптоанархия ввел в оборот Тимоти Мэй (§ 6 и 7), описывая возможные (неизбежные?) политические последствия повсеместного использования таких шифровальных технологий, как Pretty Good Privacy. Суть в том, что, чем больше наших сделок проходит в закодированном виде, становится все легче и легче вести бизнес без присмотра традиционного национального государства. В итоге речь пойдет не только о процветании «незаконных» коммерческих операций (по меньшей мере, их станет проще осуществлять), но и о том, что государству станет все труднее взимать налоги. Ведь действительно может появиться вполне сложившаяся теневая экономика, которая в конечном счете обгонит по размерам и жизнеспособности легальную экономику, контролируруемую государством.

Это довольно спорное утверждение: если довести мысль до конца, все сведется к тому, что существующие в привычной для нас форме государства обречены, — но считать его ложным априори нельзя. В поддержку этой точки зрения можно высказать следующий аргумент: Интернет не только подрывает существование обычных средств информации, но и изменяет природу нашей коммерческой инфраструктуры. Строго говоря, Интернет и есть наша новая коммерческая инфраструктура. Хотя за прошедшие столетия мы привыкли перевозить товары морем, по железной дороге или на грузовиках, через Интернет все равно можно доставить больше. Отметим также, что Интернету нет дела до государственных границ. Информацию и программное обеспечение можно без проблем перекинуть куда-нибудь в Болгарию почти с такой же легкостью, как в Бостон: Интернет позволяет вам заводить бизнес-партнеров в любом уголке земного шара. Если сама личность еще остается привязанной к обычной торговле и коммерческой деятельности (как это происходит на протяжении последних, по меньшей мере, трех тысяч лет), то понятно, что наше самовосприятие начнет отрываться от границ того государства, в котором мы живем.

Наглядный пример этого феномена был приведен в выпуске EFFector Online (volume 9, number 3, March 6, 1996), подготовленном EFR «Недавно американские таможенники показательно оштрафовали "виртуальную" корпорацию ACD, разрабатывающую программное обеспечение, на сумму 85 долларов. На корпорацию работают инженеры из Калифорнии и Венгрии, но реальной инфраструктуры она не имеет». Один из продуктов ACD — EPublisher для Сети — был разработан по Интернету без каких-либо встреч или других контактов между разработчиками. Когда венгерские инженеры послали несколько записанных на дискету версий программы своим американским партнерам, посылка была задержана служащими американской таможни Международного аэропорта в Лос-Анджелесе

за «нарушение торговой марки». В сопроводительных документах в графе «страна происхождения» венгерские разработчики указали «Интернет», поскольку было сложно приписать готовый продукт только Венгрии или Соединенным Штатам и у владельцев прав на данную интеллектуальную собственность не было какого-то одного адреса. Как сказал представитель ACD Ласло Чаки: «Мы были вынуждены заплатить штраф в размере 85 долларов за нарушение торговой марки. Виртуальная компания в виртуальном городе с вполне реальным штрафом на 85 долларов!»

Сотрудники ACD правильно поняли, что у них нет привязки ни к одному реально существующему государству и место их работы — Интернет. Государственные границы в этом случае ничего не значили.

Кроме того, возможно появление разных валют для разных торговых компаний. Однако эта новая наличность не будет ограничена рамками отдельных географических регионов, но скорее будет зависеть от совокупности деловых контактов. В каком-то смысле новые деньги можно было бы сравнить с древней практикой бартерного обмена между группами с разной производственной специализацией или с оплатой в кредит при совершении покупок в магазинах компании.

Уже давно идут разговоры о том, что в будущем деньги окончательно обретут электронную форму и что используемая технология шифрования даст возможность подпольной экономике уйти от преследования со стороны государства. Шифропанки доказывают, что возникновение подобной подпольной экономики не просто возможно, а неизбежно.

Если мой бизнес — сплошная информация, то ничто не мешает мне вести его через какую-нибудь оффшорную учетную запись, торговать с оффшорными партнерами и иметь дело с оффшорными банками. Рано или поздно появятся новые Россы Перо и Биллы Гейтсы, которые накопят себе миллиардное состояние, потратят самую малость и станут вести свои дела, прибегая к услугам оффшорных банков в Интернете. Правда, этого недостаточно для подпольной экономики даже с оборотом в один миллиард долларов. Подпольный электронный банк будет вкладывать деньги в другие предприятия, таким образом расширяя приток финансовых средств в подпольную экономику. После определенного момента от государственного налогообложения начнет ускользать порядочное количество денег, так что возможности национального государства, позволяющие ему эффективно функционировать, будут подорваны. Если государство решит увеличить налоги, то еще больше предпринимателей ускользнет в электронное подполье, что, в свою очередь, еще больше ослабит жизнеспособность правительства. По крайней мере, таковы аргументы.

Заявления шифропанков по поводу криптоанархии можно оспаривать по двум направлениям: во-первых, действительно ли наступление криптоанархии неизбежно или хотя бы вероятно, а если так, то желательно ли это в принципе? Что касается последнего вопроса, то Дороти Деннинг (§ 9) доказывает, что придуманное Тимоти Мэем выражение «криптоанархия» — это просто-напросто один из способов лакировки действительности, где царит малоприятное беззаконие:

Хотя Мэй делает невнятное заявление о том, что анархия не означает беззакония и беспорядка, отсутствие правительства приведет к возникновению именно этих форм хаоса. Я не хочу жить в анархическом обществе, если его вообще можно назвать обществом, и сомневаюсь, что многие хотят этого. Все больше людей привлекает экономический либерализм, концепцию которого разрабатывали Джефферсон, Хайек и другие, — но не анархия. Таким образом, криптоанархисты практически утверждают, что эта технология приведет к исходу, которого не хочет большинство из нас.

По мнению Деннинг, криптоанархия — это не самый желаемый вариант развития событий, однако точка зрения Мэя вполне академическая, поскольку, как считает Деннинг, время криптоанархии вообще никогда не наступит, хотя ее взгляды на причины этого за последние несколько лет претерпели изменения. Изначально Деннинг (§ 9) утверждала, что

заслоном на пути криптоанархии станет «депонирование ключей», разработанное в рамках шифровальной технологии:

Я не считаю криптоанархию неизбежной. Новая парадигма криптографии — депонирование криптоключей — выходит из тени и получает распространение в промышленности. Инструменты, которые предлагает эта технология, не обеспечат абсолютной приватности или полной анонимности любых транзакций. Я утверждаю, что возможности депонирования криптоключей позволят людям отдать предпочтение гражданскому, а не анархическому обществу.

Депонирование ключей предполагает внедрение шифровальных стратегий, обеспечивающих правительственным структурам секретный доступ ко всем зашифрованным процессам передачи информации. Разумеется, подобная технология обернулась бы настоящим проклятием для таких шифропанков, как Эрик Хьюз (§ 8), потому что она серьезно скорректировала бы его тревоги по поводу того, будут ли уважать крупные «безликие» организации нашу личную жизнь и стоит ли им в этом доверять:

Не приходится рассчитывать на то, что государство, корпорации или другие крупные безликие организации добровольно предоставят нам приватность. Им выгодно разглашать информацию о нас, и мы должны быть к этому готовы.

Чтобы понять причины этого беспокойства, нужно просто оценить степень доверия к правительственным чиновникам, которые будут распоряжаться депонированием ключей. Можно ли доверять низкооплачиваемым правительственным бюрократам настолько, чтобы предоставить им ключи ко всем нашим зашифрованным сообщениям, особенно к тем, где будет фигурировать информация исключительной финансовой ценности или сведения, щекотливые с политической точки зрения?

В исследованиях Деннинг последних лет, на протяжении которых стала понятна безуспешность попыток ввести в действие шифрование с депонированием ключей, говорится, что даже без этой технологии правоохранные органы, компенсируя отсутствие ключей к шифрам, оказались способны пресечь криминальную и подпольную деятельность. За примерами обращайтесь к статье Деннинг и Уильяма Бо-младшего (§ 12). Деннинг (§ 10) приходит к выводу о том, что у криптоанархии не очень большие шансы:

Хотя криптография и затрудняет применение законов и даже полностью препятствует проведению некоторых расследований, ситуация ни в коей мере не напоминает анархию. В большинстве дел, с которыми я сталкивалась, правоохранные органы смогли добыть доказательства, необходимые для вынесения обвинительного приговора.

И все-таки находятся те, кто придерживается противоположной точки зрения, утверждая, что правоохранные органы обречены на поражение, а наступление криптоанархии неизбежно и даже желательно. Что касается последнего пункта, Дункан Фриссель (§11) отвечает на заявленное Деннинг нежелание жить в условиях криптоанархии, откуда вытекает, что если люди вроде нее предпочитают жить под неусыпным контролем правительства, то такая возможность для желающих останется:

Что бы ни случилось, вокруг всегда будет существовать множество культов (возможно, государство Соединенных Штатов — один из них), в один из которых человек волен вступить и преклонять колени перед его алтарем. В сущности, по сравнению с текущей ситуацией, когда люди держаться друг друга, разлад во взаимодействии между людьми облегчит существование многих деспотических культов. Недостатка в людях, указывающих своим последователям, что делать, не будет. Ничто не мешает человеку присоединиться к такому обществу.

Разумеется, как совершенно справедливо отметила Деннинг, речь идет не о поклонении деспотическим государственным режимам, а скорее о стремлении к сильному государству, способному эффективно противостоять криминалу. Но и здесь Фриссель настроен скептически. Он считает, что «безопасность», которую могут обеспечить современные государства, слишком часто оказывается призрачной.

Смещение границ

Можно утверждать, что нам нет нужды дожидаться расцвета криптоанархии, чтобы увидеть, как происходит размывание власти правительственных и правовых институтов РМ. Совершенно независимо от технологии шифрования этот процесс уже начался и протекает на наших глазах. Он вызван самыми что ни есть реальными потерями доходов, с которыми столкнулись государства и местное самоуправление. По словам Натана Ньюмана (§15), государственная и местная власть стремительно становятся «жертвой наезда на информационной сверхскоростной трассе». Это явление стало побочным результатом недавно принятых правительством решений, в соответствии с которыми органы налогового управления были выведены из подчинения федеральному правительству и штатам и переданы в распоряжение местной власти. Проблема состоит в том, что органы местной власти оказываются абсолютно беспомощными перед лицом многонациональных корпораций, участвующих в электронной коммерции. Взимание налогов было передано местным властям, а они просто не в состоянии собирать налоги в информационной экономике.

Впрочем, взимание налогов и потеря доходов — это не единственные факторы, имеющие значение в данной ситуации. Постановка ряда правовых вопросов утрачивает смысл, если их рассматривать в контексте территориальных границ. Дэвид Джонсон и Дэвид Пост (§ 13) обращают внимание на возникновение независимой юрисдикции в киберпространстве — чем дальше, тем очевиднее это становится. В киберпространстве могут возникнуть такие спорные моменты, уладить которые окажется не под силу всем вместе взятым юридическим институтам, существующим сегодня. Так, например, что делать, если разногласия возникнут между деловыми партнерами, живущими по соседству в киберпространстве, но физически находящимися за тысячи километров друг от друга — в странах с разными судебными системами? Как поступить в этом случае: разрешить спор согласно законам РМ, действующим в одной из стран, или лучше все-таки обратиться к облеченным новыми полномочиями институтам, действующим по виртуальному «адресу» истцов в киберпространстве? Ктрудноразрешимым вопросам, которые будут не на шутку озадачивать обычное, привязанное к конкретной территории законодательство, относятся закон об охране торгового знака (а он искони имеет территориальную привязку), закон о клевете, регулирование профессиональной деятельности в Интернете и закон об авторских правах. Джонсон и Пост приходят к выводу о том, что следует ожидать появления новой онлайн-юрисдикции:

Глобальные компьютерные коммуникации пересекают территориальные границы, создавая новую область человеческой деятельности и подрывая осуществимость — и легитимность — применения законов, основанных на географических границах. В то время как электронные коммуникации сеют хаос среди географических границ, на свет появляется новая граница — созданная из заслонов и паролей, отделяющих мир виртуальный от «реального мира», из атомов. Эта новая граница определяет обособленное киберпространство, которое нуждается в своем собственном праве и правовых институтах и может их создать.

Дэвид Пост (§14) идет еще дальше и указывает на возможность возникновения целого множества онлайн-правовых систем и формирование своеобразного свободного рынка внутри них, где онлайн-сети станут отбивать друг у друга граждан, оптимизируя свои своды правил:

Модель, обрисованная выше, предполагает, что, хотя каждая отдельная сеть может быть ограничена «сверху» в отношении наборов правил, которые она может или не может принимать, совокупная область действия подобных наборов правил в киберпространстве будет гораздо менее чувствительна к такому контролю. Своего рода соревнование между отдельными сетями по проектированию и применению наборов правил, которые совместимы

с предпочтениями отдельных пользователей объединенной сети, материализуется, таким образом, в виде нового и в основном нерегулируемого, почти неподдающегося регулированию рынка правил. Поэтому результат отдельных решений в пределах этого рынка — совокупный выбор отдельных пользователей, ищущих конкретные наборы правил, наиболее соответствующие их предпочтениям, — будет в значительной мере определять форму «закона киберпространства».

Появление законодательства в киберпространстве

До сих пор мы обсуждали возможность развития новой онлайн-правовой системы, но мало что сказали о характере самих законов и институтов, которые могут появиться. Поскольку пока по большей части мы можем лишь строить догадки, хоть как-то прояснить этот вопрос поможет изучение правовых институтов, сформировавшихся к сегодняшнему дню. Эти правовые системы возникли, главным образом, в таких причудливых средах, как MUD (многопользовательские сетевые игры) и MOO (объектно-ориентированные MUD), которые по своей сути являются текстовыми виртуальными средами. Для кого-то MUD и MOO — это всего лишь детально разработанные игры «Подземелья и драконы», но кое-кто утверждает, что в этих средах рождаются самые настоящие виртуальные культуры и институты власти, так что мы можем многое узнать, изучая их.

Один из известных примеров — LambdaMOO, придуманное Павлом Кертисом из Исследовательского центра Пало-Альто корпорации Херох. Своей известностью LambdaMOO во многом обязано вызвавшей широкий резонанс статье «Изнасилование в киберпространстве» Джулиана Диббеля, появившейся в Village Voice (повторно публикуется в § 29 в «Полдне на электронном фронтире»). Как и в случае с другими MUD и MOO, LambdaMOO начиналась с аристократии (или «магократии»), то есть изначально программисты имели абсолютную власть и отвечали за виртуальное улаживание всех социальных конфликтов. Потом в своем знаменитом письме, размещенном на доске объявлений в LambdaMOO, главный мастер Хаа-кон (то есть Павел Кертис) объявил о новом направлении в развитии LambdaMOO:

Сообщение 537 on *social-issues (#7233):

Время: среда, 9 декабря 1992, 23:32:29 по стандартному тихоокеанскому времени

От: Хаакон (#2)

Кому: *social-issues (#7233)

Тема: переход на следующий уровень...

[отрывок]

Сейчас я вижу, что общество LambdaMOO достигло того уровня сложности и многообразия, которого я так ожидал и на который надеялся с того момента, когда вместе с четырьмя хакерами впервые задумался о создании этого места. И вот птичка вылетела из гнезда.

На мой взгляд, это общество больше не нуждается в матерях-магах, стерегущих гнездо и стремящихся привить птенцам дисциплину ради их же собственного блага. Пришла пора, когда маги должны отказаться от роли «наседки» и начать относиться к этому обществу как к группе взрослых, у которых есть собственные побуждения и цели.

Так что последнее общественное решение, которое мы принимаем за вас, хотите вы, самостоятельные взрослые, этого или нет, состоит в том, что маги умывают руки и перестают следить за дисциплиной, устанавливая правила поведения и разрешать споры; это бремя и свободу мы передаем обществу в целом. Мы больше не будем играть роль «поборников справедливости», к которым можно было бегать жаловаться на кого-то и все в таком духе. Крылья этого общества еще не совсем окрепли (это скажет каждый, кто

ознакомится с дискуссией по социальным вопросам), но я думаю, что в них уже достаточно силы, чтобы позволить ему взлететь.

Лично я считаю, что маги должны превратиться в системных программистов: наша работа заключается в том, чтобы поддерживать нормальное функционирование МОО и улучшать его исключительно в техническом плане.

Вскоре предложенный Хааконом новый курс прошел проверку на прочность, когда разгорелись споры по поводу виртуального сексуального нападения, совершенного одним из обитателей LambdaMOO по имени Mr. Bungle. Bungle использовал «куклу вуду» — компьютерную подпрограмму, позволяющую устанавливать временный контроль над действиями других виртуальных личностей, — с целью подчинить себе несколько виртуальных человек и принудить их к отвратительным сексуальным актам (виртуальным). Жертвы — или скорее реальные люди-пользователи — ничего не могли с этим поделать. Им оставалось лишь наблюдать за тем, как их виртуальные личности подвергаются насилию (само собой, при желании на это можно было не смотреть).

Разумеется, все, что происходило в реальном мире, сводилось лишь к тому, что несколько человек стучали по клавиатуре, подключившись к Интернету, однако восприятие происходящего его участниками — совсем другое дело. Кое-кто из них действительно счел, что над ним было совершено насилие, и потребовал немедленных действий. Одним из них оказался персонаж Legba. Она отправила в дискуссионную группу LambdaMOO, где обсуждался этот случай, следующее сообщение («Полдень...», р. 380):

Обычно куклы вуду даже забавны... И обычно я склонна считать, что ограничительные меры, на мысль о которых наводит этот инцидент, вызывают больше проблем, чем предупреждают их. Но это не мешает мне считать Mr. Bungle порочным и мерзким ублюдком, и я... хочу, чтобы его несчастную задницу разбросали от #17 до Cinder Pile. Я не требую вмешательства полиции, суда или, тем более, тюрьмы. Я вообще не знаю, что мне нужно. Наверное, если бы я могла, я бы устроила виртуальную кастрацию. Все-таки [подобное] здесь чаще всего не происходит. Пожалуй, мне так казалось потому, что лично со мной такого не случалось. Обычно я жду от людей, что они будут вести себя, соблюдая хотя бы какую-то видимость вежливости. Вообще-то я хочу добраться до его задницы.

Впоследствии Диббель взял интервью у Legba и поделился своими наблюдениями («Полдень...», р. 380):

Несколько месяцев спустя эта женщина из Сиэтла могла признаться мне, что, когда она писала это послание, посттравматические слезы заливали ее лицо — это реальный факт, которого должно хватить для доказательства того, что эмоциональное наполнение слов не было простой игрой.

В конечном итоге Legba предложила «превратить Mr. Bungle в жабу», то есть уничтожить эту виртуальную личность, а реального человека, стоящего за ней, лишить его/ее/их учетной записи. В приводимом ниже обсуждении фигурируют мнения, отразившие различные участки политического спектра. Диббель систематизировал эти мнения, включая следующие («Полдень...», р. 384-386):

Сторонники парламентской системы, поборники законности: «К сожалению, для "превращения Mr. Bungle в жабу" не было никаких законных оснований, поскольку точно сформулированные положения, запрещающие изнасилование или какие-либо другие действия, в рамках МОО отсутствовали. Так что чем скорее подобные правила будут установлены, добавили они, и, возможно, даже введена полноценная судебная система, укомплектованная выборными чиновниками и дополненная тюрьмами, — система, необходимая для того, чтобы обеспечить соблюдение данных правил, тем лучше». Роялисты: «Возмутительный поступок Bungle, за который он до сих пор не понес заслуженное наказание, доказал, что вся эта бессмыслица в виде Нового Курса продолжалась достаточно долго — пришло время магократии занять свое прежнее место и вернуть себе эффективное и неоспоримое руководство, осуществлять которое ей было предназначено с рождения».

Технолибертарианцы: «Насильники, совершающие преступления в MUD, конечно, полные отморозки, но вместе с тем их присутствие в системе — это такая же техническая неизбежность, как шум в телефонной линии, и лучше всего с ними разбираться не через репрессивные общественно-дисциплинарные механизмы, а с помощью своевременного введения защитных программных средств. Какой-то козел достаёт тебя живописной бранью? Нечего жаловаться вышестоящим органам — просто задействуй команду @gag, и все заявления этого придурка не будут выводиться на экран твоего компьютера (только твоего). Это просто, это эффективно, это не пахнет никакой цензурой».

Анархисты: «Как и технолибертарианцев, анархистов не слишком волнуют всякие там наказания, какая-то политика в области чего-то или властвующие элиты — они точно так же надеялись на то, что МОО сможет превратиться в место, где люди будут неплохо взаимодействовать, не испытывая необходимости в перечисленных вещах. Однако большие надежды осложняются, в общем и целом, не такой бескомпромиссной верой в технологию («Даже если ты не можешь разнести хозяйский дом хозяйскими же инструментами — почти слоган из характеристики одного игрока-анархиста, которую он дал сам себе: "Это чертовски хорошее местечко для начала"»).

В итоге участники дискуссии сошлись на том, что Mr. Bungle следует «превратить в жабу». Вскоре после этого Хаакон ликвидировал учетную запись Bungle. Однако особенно интересно то, что этот случай привел к введению системы подачи ходатайств и инициатив для голосования, конечной целью которой стало завершение перехода от власти магов к демократии.

Как пишет Дженнифер Мнукин (§ 16), впоследствии ситуация в LambdaMOO стала предметом спора между «формализаторами» и «сопротивленцами». Первые склонялись к необходимости составления свода законов для LambdaMOO, тогда как последние колебались, доказывая, что LambdaMOO задумывалась как игра и, следовательно, к ней невозможно относиться со всей серьезностью. Вместе с тем Мнукин отмечает, что в целом возобладала точка зрения «фор-мализаторов», и от игроков поступил ряд инициативных предложений (часть из них была принята), в которых определялись преступления, характерные именно для МОО. В одном из предложений, в конечном счете все-таки не принятом (оно не получило двух третей голосов), была сделана попытка сформулировать понятие «изнасилование в МОО» и отделить его от «высказывания»:

Виртуальное изнасилование, также известное как «изнасилование МОО», определяется в LambdaMOO как имеющий отношение к сексу акт насилия, сильного унижения или крайне оскорбительного действия, направленного против персонажа, который явно был против подобных действий. Вышеописанным актом изнасилования считается любое действие, имеющее отношение к принудительным раздеванию против чьей-то воли, прикосновениям или иным действиям с половыми органами одного персонажа, осуществляемым другим персонажем.

В целях данного ходатайства под «действием» понимается локальное или удаленное использование персонажем или объектом, который контролирует персонаж «эмоционально окрашенных» команд, команд обмана или других команд, выполняющих аналогичные функции.

Использование команд «сказать», «отправить сообщение», «прошептать»... и других функциональных возможностей, предусматривающих тот же смысл, не рассматривается в этом ходатайстве как «действия», они считаются «словами». Краткие послания, почтовые сообщения, описания и другие общедоступные средства связи в LambdaMOO, которые скорее цитируют или передают написанное, чем выражают действие, также являются формами «речи». Это ходатайство не следует понимать, как уменьшение свободы слова в общественных нормах LambdaMOO. Высказывания могут продолжаться считаться оскорбительными или раздражающими, но в целом не рассматриваться как виртуальное изнасилование, если они не описывают персонажа как совершающего явно насильственные действия.

Кроме того, как отмечает Мнукин, обсуждались и некоторые предложения по введению правового надзора и посредничества, которые отчасти были реализованы.

Когда мы начинаем размышлять о том, не переключаются ли преступления, заявившие о себе в МОО, из конкретной виртуальной среды в какую-нибудь другую или даже в реальную жизнь, мы сталкиваемся с любопытным вопросом. Весьма интересной иллюстрацией к этому вопросу может служить инцидент с SamlAm, в результате которого одно судебное решение, принятое в рамках LambdaMOO, было перенесено на другое виртуальное сообщество — MediaMOO Массачусетского технологического института, возглавляемое Ами Брукман. Бросающиеся в глаза различия между MediaMOO и LambdaMOO делают этот случай особенно примечательным. MediaMOO уходит своими корнями не в игры типа «Драконы и подземелья», а скорее в текстовую среду, в которой отдельные люди, занимавшиеся информационным поиском, могли встречаться, социализироваться и обсуждать свою работу. Администраторы MediaMOO не были магами, скорее их называли «привратниками». Впрочем, как и в LambdaMOO, администраторы утратили право улаживать спорные ситуации (в данном случае оно перешло к выборному консультативному совету).

Как упоминает Чарльз Стивейл (§ 17), спор между двумя обитателями LambdaMOO — SamlAm и gru — разгорелся в 1994 году. Из-за щекотливости обвинений обычные процедуры разрешения конфликтов использовать не стали, и в результате дискуссий сеть решила «превратить SamlAm в тритона», то есть исключить его из сообщества на полгода. Вскоре после этого состоялась встреча консультативного совета MediaMOO, на которой SamlAm также был исключен на основе обвинений, вынесенных ему в LambdaMOO. Один из ключевых моментов, встревоживших Стивейла в инциденте с SamlAm, заключался в том, что этот случай продемонстрировал ту легкость, с какой могли отменяться установленные онлайн-судебные процедуры:

Несмотря на то что кого-то может удивить приведенное выше описание того, что происходит внутри МОО, но, с точки зрения инсайдера, выводы из него довольно поучительны и заключаются в том, что существует тонкий баланс — между законами, регулирующими администрирование сайта, а также местные и международные системы связи и свободу высказываний, — который способствует динамичному развитию как синхронных, так и асинхронных сайтов. Я готов поспорить, что во всем этом есть поучительный урок: несмотря на очень скромные успехи, достигнутые к настоящему времени, мы всеми силами стремимся разработать онлайн-кибердемократию, обусловленную практикой искажения и нарушения прав, часто используя фрагменты различных процессов из реальной жизни, в том числе и политических.

Возможно, еще больший интерес — с точки зрения нашей задачи — вызывают вопросы по поводу согласованности действий судебных систем в киберпространстве. Несмотря на очевидную обособленность рассматриваемых виртуальных миров, между ними существовала, по крайней мере де-факто, какая-то правовая и политическая связь — независимо от того, была она закреплена юридически или нет.

Наконец, стоит отметить, что после всех этих событий консультативный совет MediaMOO был распущен, а еще через несколько лет было объявлено о восстановлении власти магов в LambdaMOO:

Сообщение 300 из *News (#123):

Дата: вторник, 16 мая 1996, 11:00:54 по дневному тихоокеанскому времени

От кого: Хаакон (#2)

Кому: *News (#123)

Тема: LambdaMOO меняет курс

9 декабря 1992 года Хаакон прислал сообщение «Новый курс LambdaMOO». Его цель состояла в том, чтобы освободить магов от ответственности за принятие социальных решений и переложить это бремя на плечи самих игроков. Там было сказано, что маги устраняются от принятия социальных решений и остаются в МОО лишь в качестве

технических специалистов. По прошествии трех с половиной лет недостижимость этого идеала стала очевидна: разница между «техническим» и «социальным» далеко не всегда ясна и вообще не может быть однозначной. Мучения, с которыми мы сталкиваемся каждый раз, когда у нас не получается достичь невозможного, стали просто невыносимы.

Итак, мы признаем и соглашаемся с тем, что за последние три года мы были вынуждены принять некоторые социальные решения, и сообщаем вам, что остаемся вправе делать это и впредь. 1. Мы снова узакониваем вмешательство магов. В частности с этого момента мы открыто оставляем за собой право принимать решения, которые будут приводить к бесспорным социальным последствиям. Мы также признаем, что любое техническое решение может иметь социальный подтекст; мы больше не станем пытаться оправдать каждое действие, предпринимаемое нами.

Что и говорить, описанные события дают серьезный повод для пессимистических выводов, однако не похоже, чтобы Стивейл был готов отказаться от попыток создания онлайн-сообществ, хотя в то же время он предвидит немалое разочарование и очень резкую кривую обучения:

Тем не менее даже для тех из нас, кто активно участвует в создании онлайн-микромиров и вносит свой вклад в построение соответствующего сообщества, концепция этого общества может быть изменчивой и недолговечной. Доказательство равнодушия масс к ки-берполитике — наличие тупиковых ситуаций, и отсутствие подходящих моделей не отпугивает нас от попыток исследования способов управления, которые не попадают в «ловушки» демократии и «капканы» ее альтернатив, в особенности диктата. Этот эксперимент с медиумом, находящимся в нашем распоряжении, — всего лишь один из этапов процесса познания, который далек от завершения и поэтому может принести совершенно неожиданные результаты в каком-нибудь виртуальном времени-пространстве.

Я не хочу создать впечатление, будто все интересные начинания в киберправе вертятся только вокруг способов разрешения конфликтных ситуаций в MUD и MOO. Знакомясь с третьей частью этого сборника, мы видим, что в области юрисдикции возникают реальные проблемы и что в этой связи могут появиться какие-то виртуальные законы, охватывающие определенные зоны онлайн-общения. По наблюдению Дэвида Джонсона (§ 18), мы уже сталкиваемся с любопытным вопросом в рамках киберправа, когда решаем, вправе ли системный оператор запретить кому-то доступ в онлайн. Этот вопрос может возникнуть в случае с SamlAm, который обсуждался выше, или касаться переноса чьего-нибудь веб-сайта с одного места на другое, или запрета кому-то входить в определенный чат. Само собой разумеется, что пользователи могут перебраться в какое-нибудь новое виртуальное сообщество, и сделать это будет не в пример легче, чем поменять место жительства. Но, как отмечает Джонсон, заработав определенную репутацию на конкретном сайте, отнестись спокойно к произвольному решению системного администратора, которому вдруг захотелось удалить твою учетную запись, просто невозможно.

В итоге виртуальное право появится скорее в ответ на конфликты между системными администраторами и пользователями, чем между правительствами РМ и гражданами, и отсюда вытекает иная природа будущих законов. Джонсон приводит список, куда вошли примеры новых правовых стратегий, которые появятся с течением времени, включая онлайн-формы регулирования конфликтов. Попытки ввести онлайн-способы разрешения спорных ситуаций (помимо тех, что наблюдались в виртуальных сообществах наподобие LambdaMOO) уже предпринимаются, и среди них — учреждение онлайн-Виртуального Магистрата (§ 19 и 20).

Конечно, эти попытки еще слабы, но было бы ошибкой считать, что они не выльются в развитые правовые системы, которым будет суждено оказать существенное влияние на будущие теории права во всем мире. Важно не забывать о том, что наши сегодняшние правовые системы начинались очень скромно и даже в каком-то смысле необычно (что касается англоговорящего мира, здесь можно указать на обычное право, действовавшее на

территории англосаксонских королевств, или феодальные законы, вступившие в силу после норманнского завоевания). Чтобы не позволить себе слишком вольных заявлений, скажем, что, возможно, нам следует учесть вероятность того, что мы наблюдаем зарождение правовых систем и практик нового тысячелетия.

Но даже если итог этих процессов будет не настолько грандиозен, все равно очевидно, что нам есть чему поучиться с помощью этих экспериментов — это точно подметила Мнукин:

Судья Льюис Брэндис сформулировал пожелание, которое впоследствии часто цитировали: «Самое удачное, что могло бы случиться с федеральной системой, заключалось бы в том, чтобы отдельный, набравшийся мужества для подобного шага штат мог, с согласия своих жителей, послужить в качестве лаборатории и провести нестандартные социальные и экономические эксперименты, без риска для всей оставшейся части страны». Спустя семьдесят лет именно виртуальные пространства могут наилучшим способом послужить в качестве лаборатории для проведения экспериментов, то есть в качестве мест, в которых участники эксперимента могут проверять социальные, политические и правовые механизмы.

Утопия, антиутопия и пиратские утопии

Если мы действительно создаем новые правовые системы и институты (или, по крайней мере, экспериментируем), есть ли у нас основания размышлять о том, что мы находимся в уникальных условиях, позволяющих нам оптимизировать эти институты, то есть на самом деле довести их до такого уровня, на котором могут возникнуть настоящие утопии? Здесь легко увлечься и загореться утопическим рвением, охватившим отдельных комментаторов цифровой революции, начиная с Кевина Келли и заканчивая Дугласом Рашкоффом, Лу Россетто и Джоном Перри Барлоу. Кэрри Джекобе (§ 21) систематизирует отдельные утопические высказывания упомянутых авторов и отмечает, что все они игнорируют тот факт, что «электронная культура, в которой они варятся, до сих пор по большей части творение белого человека (*и пишет о ней он же; см. статью «Сценарии: будущее будущего»*, опубликованную в *Wired* в октябре 1995 года), и заправляют в ней такие корпоративные гиганты, как АТТ, Microsoft и Sony». Может, утопического пыла у Келли и его коллег поубавилось бы, не будь они богатыми белыми мужчинами. Однако, ссылаясь, в частности, на «Утопию» Томаса Мора, Джекобе также высказывает мнение, что сами по себе утопические представления не всегда оказываются слишком привлекательными:

Что поражает меня больше всего на острове Мора и что так хорошо знакомо всем нам — это то, что утопийцы не могут выйти за границы своей привычной жизни, потому что любое место на острове похоже на любое другое: «На острове есть 54 города, все огромные и величественные, и во всех них принят один язык, одинаковые обычаи, учреждения и законы, — пишет Мор. — Насколько позволяют условия местности, все они построены по одному и тому же плану и имеют одинаковый вид».

Можно подумать, что это написано об американских торговых центрах или системе мотелей Holiday Inn. На другой стороне планеты могут подумать, что Мор предвидел города, возведенные советскими архитекторами спустя 450 лет после его смерти, с одинаковой поквартальной застройкой, угрюмыми площадями, магазинами продуктов, кафе и серыми ДК.

Влияние «Утопии» (это слово, кстати, буквально значит «нигде») может быть прослежено и в том, как программисты упаковывают мир. Вы можете пойти куда угодно в Сети при помощи Netscape, и все же вы останетесь в привычных границах окна вашего «навигатора». Как и «Утопия» Мора, Сеть — это место, где, «если вы знаете один город, вы знаете все». Перескакиваете ли вы с одного веб-сайта на другой или получаете деньги через банкомат, электронный мир — это место с ограниченным набором действий.

Разумеется, по этому поводу с Джекобс можно поспорить. Хотя интерфейсы браузеров более или менее стандартизированы, виртуальные адреса, на которые мы заходим через эти браузеры, совершенно различны. Так, например, существует огромная разница между текстовыми в своей основе виртуальными средами LambdaMOO и MediaMOO, и в свою очередь обе эти среды разительным образом отличаются от таких виртуальных сообществ, как WELL. Вопрос не в том, превратится ли сама Сеть в какую-нибудь утопию, а в том, появятся ли утопии внутри нее и какими они будут.

И все-таки слишком самонадеянно думать, что мы можем создать более совершенные миры, просто перебравшись в онлайн-мир и начав все с начала. Это один из выводов, сделанных Джедедией Перди (§ 22), который взял на прицел Кевина Келли и прочих критиков, а в особенности — общую морально-этическую концепцию пророков из журнала Wired. Не заметно, чтобы Перди терпимо относился к полетам в виртуальные сообщества:

Некоторые люди, в основном студенты колледжей, почти потеряны для жизни в своих собственных телах и живут почти исключительно в виртуальных сообществах. Келли хочет, чтобы эта практика зашла гораздо дальше. Он хочет видеть множество людей, населяющих специализированные онлайн-сообщества, часто созданные ими самими. Создание этих миров расширяет область «жизни», и «любой творческий акт не более и не менее как повторение заново акта творения». Программисты, творящие эти миры, воспроизводят «старую тему бога, сходящего в созданный им самим мир». Келли отождествляет эту тему с темой Иисуса, но можно спросить себя, не будет ли образ Нарцисса более уместным для описания столь амбициозного замысла.

Однако в целом Перди считает, что дух Wired «презирает все границы — закона, общества, морали, места, даже границы тела». Так, он пишет следующее:

Идеал журнала — это раскованный индивидуум, который, если ему однажды что-то понравилось, делает это, покупает, изобретает или сам становится этим без промедления. Такой дух ищет товарищей лишь по равенству целей в самоизобретении и создании миров; это не пренебрежение, а скорее нежелание возноситься, это желание забыться вместе. Ничем не ограниченный индивидуализм, при котором закон, требования общества и любая деятельность носят радикально произвольный характер, — это подростковая доктрина, бесконечный шоп-тур по стране фантазий.

Очевидно, это камень в огород Wired с его технолибертарианскими идеалами, но здесь есть уроки, которые могут извлечь для себя и онлайн-сообщества. Станут они лишь удобным местом, где либидо сможет как следует разгуляться, или все-таки некоторые из них дорастут до уровня настоящего общества, в котором люди зависят друг от друга? В четвертом разделе антологии мы встречаем несколько примеров эволюции виртуальных сообществ наподобие LambdaMOO, превратившихся из незрелых фантастических миров в реальные общества с реальными (на мой взгляд) законами. Можно надеяться, что многие из тех, кто голосует за виртуальные сообщества, откажутся от идеологии Wired и начнут создавать жизнеспособные социальные структуры. При этом им нет нужды покупать на спесивые заявления Келли насчет того, что они «повторяют сотворение мира».

Раскрыть суть идеологии Wired и предупредить ее разъедающее действие — это, безусловно, важно, но не менее существенно попытаться понять ее происхождение и посмотреть, как она вписывается в более широкий контекст политической жизни Америки. К этой проблеме обращаются Ричард Барбрук и Энди Камерон (§ 23), анализирующие феномен, который они называют «калифорнийской идеологией», лежащей в основе большей части размышлений Келли, Россетто и прочих. По мнению Барбрука и Камерона, эта идеология является результатом некоего противоречия, с которым столкнулись «мастера хайтека»: работа специалистов по информационным технологиям прилично оплачивается, но регламентируется контрактом, что неизбежно ставит их перед неясными перспективами на будущее:

Существуя в условиях контрактной культуры, мастера высоких технологий ведут шизофреническое существование. С одной стороны, они не могут оспорить главенства рынка

по отношению к их собственным жизням. А с другой стороны, они негодуют по поводу посягательств власти предрержащей на их индивидуальную автономию. Объединив новых левых с новыми правыми, «калифорнийская идеология» мистически разрешает противоречие в позициях, занимаемых членами «виртуального класса». Главным здесь является то, что антиэтатизм предлагает средства для согласования радикальных и реакционных представлений в отношении технологического прогресса. В то время как новые левые возмущаются по поводу финансирования правительством военно-промышленного комплекса, новые правые критикуют государство за вмешательство в стихийный процесс распространения новых технологий, обусловленный рыночной конкуренцией. Игнорируя главенствующую роль общественного вмешательства в развитие гипермедиа, калифорнийские идеологи проповедуют антиэтатистскую доктрину хайтечного либертарианства — причудливую мешанину из анархизма хиппи и экономического либерализма, обильно сдобренную постулатами технологического детерминизма.

Марк Дери (§ 24) избрал в качестве мишени другого представителя дигерати — Николаса Негропonte, директора Лаборатории медиа Массачусетского технологического института и бывшего автора статей для журнала Wired. Дери считает, что утопические представления Негропonte о будущем поражают тем, насколько последовательно они оставляют без внимания социальное измерение жизни:

Беспокойные размышления на тему таких социальных изъянов, как преступность, безработица, нехватка жилья, редко заставляют Негропonte хмурить брови. Невероятно, но факт: его вообще не интересует социальное как таковое — ни на уровне отношений с соседями, ни на уровне государственной политики. Несмотря на настойчивые заявления Негропonte о том, что **Цифровая Революция**TM коснулась прежде всего коммуникации, а не компьютеров, о реальной гражданской жизни или общественной сфере в его будущем говорить не приходится.

В будущем, написанном по сценарию Негропonte, коммуникация по большей части протекает между вами и разговорчивыми дверными ручками или «агентами интерфейса» — «голографическими помощниками высотой в двадцать сантиметров, расхаживающими по вашему столу». По его предсказаниям, в следующем тысячелетии «мы обнаружим, что львиную долю времени — или в любом случае больше, чем сейчас, — разговариваем с машинами, а не с другими людьми». Вот он, аутизм информационной эпохи, вытекающий из щемящей «мечты по интерфейсу», которой охвачен Негропonte, желающий, чтобы «компьютеры были как люди». В его будущем полноценным общением наслаждаются различные приспособления и бытовые приборы, обменивающиеся электронными «рукопожатиями» и «дружескими звонками». «Если ваш холодильник замечает, что у вас закончилось молоко, — моделирует ситуацию Негропonte, — он может "попросить" вашу машину напомнить вам купить молока по дороге домой». А общение между людьми будет сводиться к «цифровому соседству, где физическое пространство перестанет иметь какое-либо значение». И вот перед нами высококвалифицированные специалисты, подключающиеся к Интернету из своих электронных коконов, втискивающие свою социальную жизнь в телефонные провода.

Как отмечает Дери, утопия Негропonte часто напоминает мультфильм про семейку Джетсонов, потому что технические безделушки вроде голографических помощников и говорящих приборов тоже стали для нее фетишем, а в этом есть что-то странное и старомодное. Но устарелость утопии Негропonte не ограничивается рамками одной технологии. Она также недвусмысленно дает о себе знать в элитарности дигерати — той самой элитарности, против которой протестуют Джекобе, Перди, Барбруки Камерон. У Дери очень хорошо получилось это подытожить:

[Дигерати] и мир, в котором они существуют, — это воспоминание о минувшем будущем. Это вымирающая технократия времен Всемирной выставки 1939 года или диснеевская Страна Завтрашнего Дня — социально срежиссированные утопии, вероятно,

подсмотренные мечтательной элитой, которая «в основном и правит цивилизацией», если верить лихому заявлению Стюарта Бранда, которое появилось в Los Angeles Times.

Порой мы превозносим отдельных людей как передовых мыслителей, тогда как в действительности они оказываются всего лишь старыми спекулянтами, упаковывающими затасканные идеи в новую обертку (возможно, называя их «сетевыми» идеями), но не открывающими новых горизонтов там, где это необходимо. Нет сомнений в том, что СМИ продолжают преклоняться перед этими личностями и их «прозрением». Это не значит, что мы должны делать то же самое. Дигерати из утопических представлений журнала Wired — это не кто иные, как облаченные в новые одежды стражи из платоновского «Государства» или каста самураев из «Современной утопии» Уэллса. Полагать, что дигерати способны направить развитие цивилизации по какому-нибудь интересному пути — это ошибка, коренящаяся в одной давнишней идее, перенятой без всяких раздумий и, без сомнения, подпитанной безграничным нарциссизмом новой элиты. Джордж Оруэлл как-то заметил, что «Современная утопия» Уэллса стала «раем для маленького раскормленного человека». Мы могли бы добавить, что утопические мечты дигерати — это райское местечко для заикленных лишь на себе белых парней.

Так к чему же мы пришли? Устарели ли утопические воззрения? Неужели онлайн-общение — это просто способ избежать самореализации и отгородиться от общества? Мне хотелось бы закончить на какой-нибудь оптимистической ноте. Все-таки я считаю, что, как следует проинформированные вышеупомянутыми критиками, мы можем отыскать тот путь, который позволит онлайн-жизни стать поучительной, а утопическим размышлениям — иметь смысл.

Понятное дело, что мы не стремимся к тому варианту утопии, что был предложен Томасом Мором и вызывает вполне объяснимое неприятие у Кэрри Джекобе. Ничего притягательного в мире, лишенном разнообразия, нет. То же самое можно сказать и о созданных подростковым воображением мирах, описываемых Келли и Негропонте, — они не могут манить к себе. Мир, где общественная жизнь людей урезается настолько, что у бытовых приборов она оказывается интенсивнее, уж точно не может представлять собой чего-нибудь стоящее. Точно так же ясно, что онлайн-сообщества будут вызывать лишь ограниченный интерес, если мы станем резко отделять их от остальной своей жизни или в том случае, если они никогда не пойдут дальше ролевых игр типа «Драконы и подземелья».

Но мы доподлинно знаем, что онлайн-среда способна стать основой для развития искренних личных отношений и полноценного общества и что онлайн-дружба нередко перетекает в реальные встречи и дружеские отношения в РМ (за многочисленными примерами обращайтесь к пятому разделу «Полдня на электронном фрон-тире»). Нам также известно, что в структуре пространства онлайн-общения возникает множество различных вариаций, а его участники могут играть активную роль в улучшении своего места встречи. Как убеждает нас четвертый раздел, в области виртуального законотворчества и регулирования конфликтов проводятся важнейшие эксперименты. Более того, мне кажется, что именно эти вариации и эксперименты позволяют нам серьезно говорить об утопиях.

Как справедливо указывает Дери, утопии в том виде, в каком их предлагают дигерати, — «управляемые» элитой и строящиеся вокруг технофетишей в джетсоновском духе, — давным-давно вышли из моды. Те разновидности утопий, к которым нам следует стремиться, пожалуй, должны опираться на общество, отличаться экспериментальным и динамичным (в том смысле, что должны постоянно меняться) характером и, наверное, не претендовать на долгожительство. Они могут вырваться в недрах киберпространства и оказаться под защитой технологий шифрования, а могут и исчезнуть, не выдержав напора каких-либо действий со стороны правительства или экономических реалий. Но это не делает их менее утопичными.

Завершает сборник (§ 25) отрывок из ставшей классикой маргинальной культуры книги Хакима Бея «Временные автономные зоны», в которой приводятся примеры вполне осуществимых, на мой взгляд, утопий. С точки зрения Бея, временные автономные зоны

(ВАЗ) представляют собой альтернативу прямым столкновениям в привычном виде, — столкновениям, которые могут окончиться разве что мученичеством:

ВАЗ — это восстание, которое не угрожает Государству напрямую, партизанская операция, которая освобождает область (земля, время или воображение), а затем рассыпается на частицы, заставляющие изменяться все вокруг до того, как Государство придет, чтобы сокрушить ее. Поскольку Государство озабочено в первую очередь целостностью своей Симуляции, а не субстанции, ВАЗ может занимать эти области незаметно и может достигать своих праздничных целей в относительном мире. Вероятно, некоторые небольшие ВАЗ существовали на протяжении поколений, потому что они оставались незамеченными, как горные деревушки, — потому что они никогда не пересекались со Спектаклем, никогда не появлялись за пределами той реальной жизни, которая невидима для агентов Симуляции.

Бей проводит аналогию с явлением, которое он сам называет «пиратскими утопиями» XVIII века:

Морские волки и корсары XVIII столетия создали «информационную сеть», охватившую весь земной шар: несмотря на всю ее примитивность и узость целей, которые преследовали ее создатели, — в первую очередь, служить их мрачному бизнесу, эта сеть, тем не менее, превосходно функционировала. Ее узлами были острова, отдаленные убежища, где пиратские капитаны могли запастись пресной водой и провиантом или обменять трофейные корабли на предметы роскоши и первой необходимости. Некоторые из этих островов поддерживали существование «спецпоселений», целых миниатюрных обществ, сознательно живущих вне закона и стремящихся сохранить подобное положение дел хотя бы на срок их короткой, но веселой жизни.

Быть может, существуют такие впадины — или «острова в Сети», по выражению Брюса Стерлинга, — где мы можем создать миры лучше, но только на короткий срок. Не исключено, что эти острова возникнут благодаря использованию технологий шифрования или просто будут представлять собой причудливо эволюционировавшие МОО или ВАЗ, на которые государство не станет обращать внимания, — как знать. В условиях этих пространств и станут возможными эксперименты со структурами управления. В результате каких-то отдельных экспериментов могут возникнуть сообщества, которые местные обитатели сочтут близкими к утопии. Вряд ли эти утопии просуществуют продолжительное время, к тому же они вполне могут развалиться изнутри, однако такая недолговечность не умаляет их ценности, ибо некоторые из них явятся альтернативой элитарным, строго иерархичным, претенциозным утопиям под управлением стражей, самураев или дигерати. В конечном счете краткосрочность и открытость новых утопий оказывается важна с той точки зрения, что они не должны становиться местом, где скрываются от мира, а давать нам возможность отдохнуть, повеселиться, чему-то учиться и в то же время никогда не забывать о взаимопомощи (в этом и состоит явное отличие от первоначальных пиратских утопий).

Стремление к веселью нельзя игнорировать. На мой взгляд, это один из ключевых моментов, волнующих Хакима Бея. Почему бы и нет? Бей пишет смело и безрассудно — это так, кое-кто даже сказал бы, что он перегибает палку. Однако его рассуждения о восстаниях, «неотесанных парнях» и пиратских анклавах, всущности, могут дать волю воображению и позволить нам немного развлечься, то есть ускользнуть от насыщенных техническими терминами выступлений Николаса Негропонте на каком-нибудь заседании совета директоров, заполнить наше воображение образами островов и пиратов, а не умными тостерами. Настоящий сборник был задуман как попытка сделать что-то в этом же духе.

Не шучу ли я, говоря о наступлении криптоанархии и гибели обычного государства? Неужели я всерьез размышляю о возможности обсуждения независимости киберпространства? Действительно ли я считаю власть магов в LambdaМОО серьезным правительством? Обитатели МОО, создающие законы, — это я серьезно? Ответить на все эти вопросы можно и «да» и «нет» из-за двусмысленности самого слова серьезно: по своей сути это серьезные вопросы, однако мы можем хорошенько повеселиться, пытаясь отыскать на них ответы.

И все же кто-то может спросить: эти онлайн-институты, они «действительно реальны»? Вопросы подобного рода кажутся мне недостаточно мотивированными. С чего мы взяли, что эта реальность не может быть частью уравнения только потому, что в ней есть элемент игры и веселья? Очень удачно об этом в конце своей статьи сказал Хаки м Бей:

Давайте представим, что мы посетили вечер, где на одну короткую ночь была создана республика сбывшихся желаний. Не должны ли мы признать, что политика этой ночи имеет для нас больше реальности и силы, чем, скажем, все действия правительства Соединенных Штатов? Некоторые из «вечеринок», которые мы упомянули, продолжались два или три года. Разве они не достойны того, чтобы о них мечтали, чтобы за них сражались? Давайте изучать невидимость, работу в сетях, учиться психическому кочевничеству — кто знает, чего мы достигнем?

И в самом деле. Кто знает?

(Перевод Т. Давыдовой)

Суверенитет киберпространства? Декларация независимости киберпространства Джон Перри Барлоу ²

Вчера это беспозвоночное в Белом Доме подписало Закон о телекоммуникациях 1996 года, включающий Закон о благопристойности в коммуникациях, в то время как Самовал-Гор использовал цифровую фотографию для подготовки книги «Twenty-four Hours in Cyberspace» [«Круглые сутки в киберпространстве»].

Меня тоже приглашали участвовать в создании этой книги и написать что-нибудь подходящее к этому случаю. Отдавая отчет в том, к каким ужасным последствиям для Сети может привести этот закон, я решил, что как раз время вылить немного чаю в виртуальную гавань.

Как-никак в соответствии с этим законом, прошедшим через сенат всего с пятью голосами против, сказать «дерьмо» онлайн — противозаконно и наказуемо штрафом в 250 тысяч долларов. Или еще по этому поводу: запрещено использовать любое из «семи грязных слов» в широковебательных медиа. Или открыто обсуждать аборты. Или рассказывать о физиологии иначе — не используя медицинскую терминологию.

Этот закон ограничить общение в киберпространстве в большей степени, чем это принято в кафетерии сената, где я обедал и слышал самые цветастые непристойности из уст сенаторов Соединенных Штатов.

Данный законопроект был принят в отношении нас людьми, не имеющими ни малейшего понятия о том, что мы собой представляем, или о том, где мы друг с другом общаемся. Как сказал мой хороший приятель, редактор Wired Луис Россетто, это выглядит так, словно «неграмотный стал бы вам указывать, что вам следует прочитать».

Да пошли они к черту!

Впрочем, с учетом момента уместнее будет просто попрощаться с ними. Они объявили войну Киберпространству. Так давайте же покажем им, сколь изобретательными, загадочными и могучими мы можем оказаться, защищая самих себя.

Я кое-что написал (с присущим мне пафосом), что, надеюсь, станет подходящим орудием для этих целей. Если это покажется вам полезным, я также надеюсь, что вы перешлете этот текст как можно большему количеству людей. Если хотите, вы можете опустить мое имя, поскольку я не сильно озабочен славой. На самом деле.

² Этот текст первоначально появился в виде электронного письма и широко распространился по Интернету. Печатается с разрешения автора. © John Perry Barlow, 1996. [Перевод В. Харитонова и Е. Кроссера.]

Но я действительно надеюсь, что этот крик отзовется эхом по всему киберпространству, изменяясь, разрастаясь, размножаясь, пока не станет по силе равным тому идиотизму, который они хотят нам навязать.

Я даю вам...

Декларация независимости киберпространства

Правительства индустриального мира, вы, бессильные гиганты из плоти и стали, я пришел к вам из Киберпространства, новой обители Разума. Во имя будущего я прошу вас, живущих в прошлом, — оставьте нас. Вы — незваные гости среди нас, и ваша власть не простирается туда, где собираемся мы.

У нас нет выборного правительства и, скорее всего, не будет, и я обращаюсь к вам именем лишьтой власти, которой говорит сама свобода. Я объявляю глобальное социальное пространство, которое строим мы по природе независимым от тирании, которую вы пытаетесь нам навязать. У вас нет морального права управлять нами, нет у вас и таких методов принуждения, которых мы имели бы основания бояться.

Правительства получают свою власть по соглашению с управляемыми. Вы не просили и не получали нашего согласия. Мы не приглашали вас. Вы не знаете нас и не знаете нашего мира. Киберпространство лежит вне ваших границ. Не думайте, что вы можете построить его, как завод или жилой квартал. Вы не можете. Это природное образование, которое развивается самостоятельно через посредство наших коллективных действий.

Вы не участвовали в нашем обширном и объединяющем общении, не вами создано изобилие наших рынков. Вы не знаете нашей культуры, нашей этики и тех неписаных правил, которые уже сейчас обеспечивают больше порядка в нашем обществе, чем могли бы обеспечить любые ваши установления.

Вы заявляете, что у нас есть проблемы, которые вы должны решить. Вы используете это заявление как оправдание для вашего вторжения в наши пределы. Многих из этих проблем не существует. Там, где есть реальные конфликты, где есть виновные, мы определим их и разберемся с ними нашими средствами. Мы подготовим наш собственный Общественный Договор. Это управление будет действовать в соответствии с условиями нашего мира, не вашего. Наш мир — другой.

Киберпространство состоит из взаимодействий, отношений и самой мысли, образующих подобие волнового узора на паутине наших коммуникаций. Наш мир — везде и нигде, но он не там, где живет тело.

Мы создаем мир, в который могут придти все, без привилегий или ограничений в зависимости от расы, экономического могущества, военной силы или положения по рождению.

Мы создаем мир, в котором каждый, откуда бы он ни был, может выразить свои идеалы, сколь непривычны они ни были бы, не опасаясь быть принужденным к молчанию или единомыслию.

Концепции, лежащие в основе ваших законов: собственность, выражение, личность, передвижение, контекст, — не относятся к нам. Они основаны на материальных понятиях. Здесь нет материи.

У наших сущностей нет материальных тел, поэтому, в отличие от вас, нами нельзя управлять с помощью физического принуждения. Мы уверены, что наше управление, основанное на этике, осознанном личном интересе и общественной пользе, будет действовать. Наши личности могут быть распределены между многими из ваших областей влияния. Единственный закон, который признан во всех этих составляющих культурах, это Золотое Правило. Мы надеемся найти свои собственные решения на этой основе. Но мы не можем принять решения, которые вы пытаетесь нам навязать.

Сегодня вы в Соединенных Штатах приняли закон, Акт о телекоммуникационной реформе, который отвергает вашу собственную конституцию и является оскорблением идей

Джефферсона, Вашингтона, Милля, Мэдисона, Токвиля и Брэндейса. Эти идеи должны теперь вновь возродиться в нас.

Вас пугают ваши собственные дети, потому что они — жители того мира, в котором вы всегда будете иммигрантами. Поскольку вы боитесь их, вы передаете родительскую ответственность вашим бюрократическим учреждениям: вы слишком трусливы, чтобы нести ее сами. В нашем мире все мысли и высказывания человечества, от низменных до ангельских, — части неделимого целого, глобального потока битов. Мы не можем отделить воздух, в котором задыхаешься, от воздуха, по которому ударяют крылья.

В Китае, Германии, Франции, России, Сингапуре, Италии и Соединенных Штатах вы пытаетесь отразить атаку вируса свободы, устанавливая пограничные посты на границах Киберпространства. Они могут задержать заразу на короткое время, но они не сработают в мире, который скоро будет полностью покрыт средой, переносящий потоки битов.

Ваша все более и более устаревающая индустрия информации будет охранять себя в Америке или где бы то ни было, предлагая законы, которые объявят объектом собственности саму речь. Эти законы объявят мысль всего лишь еще одним промышленным продуктом, не более благородным, чем чугун. В нашем мире все, что может создать человеческий разум, воспроизводится и передается бесплатно. Теперь мысль может распространяться без помощи ваших фабрик.

Принимаемые вами все более враждебные, колонизаторские меры ставят нас в то же положение, в каком находились прежние борцы за свободу и самоопределение, вынужденные отрицать власть далекой и несведущей силы. Мы должны объявить свои виртуальные сущности неподвластными вашему авторитету, даже если наши тела подчиняются вашему правлению. Мы распространимся по планете, и никто не сможет арестовать наши мысли.

Мы создадим цивилизацию Разума в Киберпространстве. И пусть она будет более гуманной и справедливой, чем тот мир, который создан под вашим правлением.

Определимся с нашими приоритетами ³ ***Дэвид Брин***

Несколько дней тому назад Джон Перри Барлоу, соучредитель Electronic Frontier Foundation, распространил через Интернет страстный манифест под названием «Декларация о независимости кибер-пространства» в качестве своего ответа на принятие Закона о телекоммуникациях 1996 года. Используя чисто развлекательный стиль изложения, он рисует возникшую ситуацию в мелодраматических тонах, призывая всех свободолюбивых граждан Интернета занять круговую оборону для отражения попыток правительств-динозавров попать электронную свободу. Среди грозных оруэлловских предзнаменований, подвергнувшись его хуле, был и видеочип, позволяющий родителям программировать свои телевизоры таким образом, чтобы в максимальной степени оградить детей от просмотра передач, содержащих постельные сцены либо сцены насилия.

Оставим театр и драматургию: разумно ли считать видеочип чем-то большим, нежели просто удобным механизмом реализации рыночных решений для владельцев телевизоров, и представлять дело так, будто Большой Брат берет под свой контроль сознание всей американской публики и особенно бесчисленных ребятишек, которые наверняка проявят недюжинную смекалку, чтобы перехитрить этот видеочип?

Все прочие угрожающие аспекты Закона о телекоммуникациях, как утверждали его противники, были столь же пагубны и зловещи. И тем не менее, этот закон постепенно выветрился из нашей памяти после того, как одни его положения были аннулированы судами, а другие заменены в процессе законодательной деятельности, поскольку целые его разделы

³ Настоящая глава первоначально появилась в электронной газете Мете. Перепечатывается с разрешения автора. © David Brin, 1997. [Перевод А. Матвеева.]

оказались несостоятельными либо практически неосуществимыми по причине непрерывного совершенствования техники и технологий. Если сейчас бросить взгляд в прошлое, то едва ли удастся вспомнить, из-за чего тогда поднялся весь этот шум. Единственным достойным упоминания моментом будет удивительно живучая «Декларация о независимости киберпространства», которая, подобно произведению искусства, остается неподвластной времени.

Где-нибудь в другом месте я бы заявил о своей почтительной симпатии к Барлоу и его единомышленникам, относящимся к числу наиболее креативных, эксцентричных и динамичных представителей данной цивилизации, независимо оттого, подключены они к Интернету или же нет. В самом деле, их основные инстинкты представляются верными: Сеть действительно олицетворяет собой весьма значительное расширение рамок человеческой свободы с потенциалом преобразования, который стоит того, чтобы его защищать. Но — увы! — я бы посчитал их добродетельную риторику более убедительной, если бы ими были признаны два наиболее существенных факта: Соединенные Штаты и западная цивилизация в целом в настоящее время довольно-таки свободны (по крайней мере, в сравнении с любым другим из известных человеческих сообществ); наши институты, по-видимому, весьма благожелательно воспринимают процесс развития и распространения того нового, что объединено понятием «Сеть». Действительно, это новое орудие суверенных индивидуумов в борьбе за независимость является столь же символическим для нашей новой культуры, что и сам Барлоу — величественно непокорный и почти полностью неподконтрольный. Получение ответа на вопрос, почему же все-таки возникла Сеть и почему она столь органично вписалась в уже существовавшую у нас культуру,— необходимое условие для того, чтобы выступать в ее защиту.

Само собой разумеется, Барлоу и компания (к примеру, так называемые киберпанки) ведут себя так, словно их подготовкой к этой роли занимались несколько поколений американской пропагандистской машины. Если припомнить наиболее популярные кинофильмы и романы за последние сорок лет, непременно обнаружится одна объединяющая их тема, одна общая мысль, пронизывающая почти каждый сюжет: тема подозрения в отношении к власти. В самом деле, вам едва ли удастся назвать полдюжины первоклассных картин, в которых хотя бы одна крупная корпоративная или правительственная организация изображалась в качестве честно и добросовестно выполняющей свою работу. Наоборот, в большинстве случаев государственные институты выступают воплощением зла, поскольку такой подход позволяет голливудским режиссерам облегчить свою задачу подвергать главных героев опасностям на протяжении всех девяноста минут фильма.

Не сомневайтесь, я в принципе отношусь к этому мифу (подозрение по отношению к властям) положительно, в противоположность идее «Мы — великие / Не сомневайтесь в старших», проповедовавшейся культурой прошлого. В «The Transparent Society» (1998 [«Прозрачное общество»]) я обсуждаю вопрос о том, каким образом определенное сочетание факторов влияния — внушения антиавторитарных идей, широкого образования и восхитительного эндорфинного⁴ опьянения самодовольством — может поспособствовать созданию первой в мире высокоэффективной социальной иммунной системы, обеспечивающей защиту от тирании и заблуждений. Эта новая система, дающая волю миллионам блестящих, пытливых молодых умов, чтобы они направили свой острый критицизм против любой элиты, — быть может, наша единственная надежда на последующее процветание в долгосрочной перспективе.

Тем не менее мало приятного будет в том, если лишь немногие из этих разгневанных иммунных «клеток» решатся повременить с упоминанием или признанием того, что они определились в своем отношении к власти с младых ногтей. Похоже, они совершенно не чувствуют предельной пикантности ситуации: будучи подготовленными к роли бунтарей и

4 Эндорфин — вырабатываемое человеческим мозгом вещество с морфино-подобным действием. — Здесь и далее постраничные примечания редактора и переводчика.

повстанцев, они стараются использовать свои обвинения в качестве средства, подтверждающего жизнеспособность всей той системы, которую они обличают! Отсутствие перспективы оказывается особенно ощутимым, и поэтому многие киберпанки фокусируют весь свой гнев лишь на одном внушающем опасность центре власти — правительстве, оставляя без внимания или игнорируя другие зловещие средоточия власти. Действительно, любая элита, располагающая таким фантастическим количеством пушек и тюрем, заслуживает того, чтобы стать объектом самого тщательного изучения. (И чем глубже будет такой анализ, тем лучше!) Однако на современном Западе вовсе не правительства, а макрокоммерческие интересы грозят отчуждением огромных областей киберпространства. Мне было бы легче, если бы самозванные защитники Интернета возложили на себя ответственность за охрану всех без исключения участков «фронта»⁵, а не только тех, что связаны с их фаворитом и явным врагом.

Где-нибудь в другом месте обстоятельства могут сложиться по-иному. Попробуйте оценить следующее газетное сообщение, оказавшееся погребенным под жуткими россказнями про Закон о телекоммуникациях 1996 года и захватывающим манифестом Барлоу в защиту независимости Сети:

"Правительство заставляет пользователей сети регистрироваться в полиции"

Какое правительство? Что скрывается за этими звездочками? Откуда вообще взялась эта ложь? А вот и ключ к разгадке. Такая политика затрагивает интересы более чем миллиарда людей, распространяя свое воздействие далеко по ту сторону океана. И эти люди окажутся отнюдь не единственными пострадавшими в случае эффективного проведения этого курса — он может представлять угрозу самому нашему существованию.

Здесь, на Западе, нам пришлось проделать более трудный путь к осознанию того факта, что критика—это единственно верное противоядие от ложных представлений (в Сети же такой критики более чем достаточно!). Однако почти все правящие клики на протяжении человеческой истории гораздо больше волновал вопрос о сохранении собственной власти, чем об использовании тех выгод, которые могла бы принести им свобода слова, позволявшая избавлять людей от заблуждений. Давайте попробуем проиллюстрировать сказанное на примере так называемых мемов. Наш самонадеянный мем открытости сможет одержать победу, если ему удастся заразить собой все земное население. Лица, стоящие во главе закрытых обществ, логично полагают, что они обязаны защитить свой народ от этой заразы. Мы же, благополучно инфицированные носители мема открытости, призваны решать прямо противоположную задачу: внедрять его в организмы таких закрытых обществ, что бы об этом ни говорили их самозванные стражи. Однако имеется и более веский довод в пользу противодействия этой инстинктивной и предсказуемой мере со стороны архаичной старой гвардии. Он заключается во все возрастающей угрозе войны — да-да, старомодной, физической войны. Диктатуры пользуются дурной славой из-за совершаемых ими невероятных просчетов и стратегических ошибок (вспомните дни накануне Первой мировой войны или советско-германский договор о ненападении). Это объясняется тем обстоятельством, что правящие клики предпочитают действовать почти в полной изоляции, заглушая любой голос, способный указать на изъяны в их преисполненных энтузиазмом планах. Другими словами, замалчивание критики всегда становилось главной предпосылкой для возникновения вооруженных конфликтов.

Если все страны полностью «запутаются» в Сети, то это позволит значительно понизить уровень опасности. Будет ли образовавшаяся система походить на то, что мы называем демократией, или же она приобретет иные, восточные черты — неизвестно, однако совершенно ясно, что полностью и свободно подключенное к Сети общество достигнет такой

⁵ «Фронт» — новые земли на западе США, которые постепенно осваивали американцы, продвигаясь к Тихому океану. Здесь — еще и намек на название организации, соучредителем которой является Барлоу.

степени прозрачности, что внезапная, импульсивная агрессия станет значительно менее привлекательной и столь же значительно возрастет ответственность за нее.

ЦРУ уже не удастся вовлечь нас в процесс бессмысленного наращивания оборонных расходов (как оно это делало на протяжении почти всего периода холодной войны), если оно не будет обладать всей полнотой информации в отношении военного потенциала других стран. Наоборот, все мы получим доступ к данным, позволяющим принимать хорошо обоснованные и учитывающие наши личные интересы решения.

Главное здесь — определиться с нашими приоритетами. Давайте позаботимся в первую очередь о том, чтобы подключить к Интернету весь мир, предотвратить военную угрозу и активно пропагандировать неудобную идею обеспечения взаимной ответственности, способствуя ее распространению в пределах цивилизации Земли, уже вступившей в пору зрелости.

И на этом фоне, действительно, довольно-таки неприятно слышать все эти стенания и жалобы насчет того, что произойдет конец света, если, к примеру, родители получают возможность устанавливать на домашних телевизорах программные фильтры, вместо того чтобы лично, и днем и ночью, осуществлять неусыпный контроль за содержанием телевизионных передач.

Как сохранить свободу в изменчивом мире

Позвольте мне в заключение привести короткую притчу, позаимствованную из «The Transparent Society». В одном древнегреческом мифе рассказывается о земледельце по имени Академ, которому однажды удалось оказать какую-то услугу Аполлону. Взамен простому смертному был дарован сад, в котором он мог говорить все, что ему вздумается, и даже критиковать всемогущих обитателей Олимпа, не опасаясь быть подвергнутым божьей каре.

Я не раз возвращался к этой небольшой истории, задавая себе вопрос, как вообще мог Академ поверить обещанию Аполлона. Ведь общеизвестно, что легендарные греческие небожители отличались непостоянством, мелочностью и мстительностью. Никогда нельзя было положиться на данное ими слово, особенно если они оказывались разгневанными критикой со стороны простых смертных. Короче говоря, в этом отношении они весьма походили на земных вождей.

Я пришел к заключению, что существовало только два способа, на самом деле позволявших защитить Академа. Во-первых, Аполлон мог бы окружить поляну глухой стеной, такой надежной и непроницаемой, что даже остроглазый Гермес оказался бы не в состоянии там что-нибудь высмотреть или подслушать. К сожалению, такая ограда выглядела бы не особо привлекательной, и вряд ли бы нашлось много желающих поболтать с Академом в его обители.

Альтернативный вариант заключался в том, чтобы наделить Академа такими полномочиями, которые бы позволили ему добиться от богов выполнения данного ими обещания. При этом должен был существовать некий уравнивающий фактор, который бы вынуждал небожителей держать свое слово, даже если бы этот простой смертный вздумал рассказывать про Зевса неприличные анекдоты в компании друзей.

Таким уравнивающим фактором могло бы быть только знание.

Корни этой своеобразной легенды насквозь пронизывают западное мышление. Во времена Перикла свободные граждане Афин собирались в саду Академа, где могли свободно обсуждать свои повседневные дела. Они пользовались этой вольницей, пока рядом находился Перикл, напоминавший о заключенном между ними соглашении, — договоре об открытости.

Увы, то была новая и непростая идея. И это чудо ненадолго пережило великого демократа. Прямодушный Сократ заплатил высокую цену за свои попытки в саду Академа воспитать своих учеников чистосердечными и искренними: его ученик Платон взял на этом «поле» парадоксальный реванш, в своих трудах сурово порицая открытость и одновременно

ратуя за строгое правительство при «просвещенной» элите. Советы Платона служили оправданием для многочисленных тиранов на протяжении последующих двух с половиной тысячелетий, сохраняя свою значимость вплоть до нынешнего поколения.

Однако теперь предвидение Перикла подвергается еще одному испытанию. Сегодняшняя «академия» простирается далеко за священные границы тысячи главных университетов планеты. Повсюду на Новом Западе (и частично во всем остальном мире) люди начинают разделять дерзкое убеждение, что идеи сами по себе не являются вредными, по крайней мере, для тех выходцев из разных социальных слоев, что культивируют смелые мысли.

Свобода слова все чаще воспринимается как лучшая купель для критики — единственного практического и эффективного противоядия от заблуждений. Более того, здесь подходят оба пути. Большинство достойных граждан не испытывают особых страхов по поводу того, что другие могут о них что-нибудь знать.

Будем откровенны: это трудный для усвоения урок, особенно если учесть, что любой из нас, включая и тех, кто готов руководствоваться самыми благими намерениями, стал бы тираном, получи он такую возможность. Очень немногое в нашей истории готовило нас к решению будущей задачи — совместного проживания одной семьей из более чем шести миллиардов равноправных граждан, каждый из которых руководствуется собственной независимой волей; семьей, управляемой властителями, которых мы выбираем на основе справедливых принципов, выработанных в ходе непростых переговоров друг с другом. Любое другое поколение посчитало бы это несбыточной мечтой, хотя наши бесчисленные предки проливали свой пот и прилагали все свои усилия, чтобы подвести нас к рубежу, с которого мы могли бы предпринять такую попытку.

Но и среди тех, кто присягнул на верность этой новой надежде, ведется ожесточенная борьба за наилучшие способы защиты от богов гнева, фанатизма, заговора и тирании — духов, обитающих не на какой-нибудь горней вершине, а в сердцах каждого мужчины и каждой женщины, пытающихся добиться расширения своей ничтожной мирской власти или прибыли за счет подавления других. Возможно, наступят такие времена, когда наши потомки окажутся достаточно зрелыми, чтобы самостоятельно обуздывать подобного рода импульсы. Ну а пока требуется найти способ умерить самооправдательные амбиции тех, кто готов обосновать свободу грабить всех остальных рассуждениями о том, что это их право или что это делается для нашего же собственного блага.

Если верить некоторым энергичным ревнителям свободы, оптимальный вариант обеспечения защиты нашей всемирной «академии» представляется совершенно очевидным. Многие «поборники приватности» жаждут возводить ограды, позволяющие поставить всех людей на один уровень с властью имущими. В соответствии с их точкой зрения мы должны построить стены для охраны каждого частного сада, дабы свобода смогла процветать в каждом надежном прибежище мысли.

В ответ я могу сказать лишь только то, что такие попытки уже были. И вы не найдете ни одного примера, как государство, построенное на основе такого принципа, добилось процветания.

Однако есть вариант и получше, заключающийся в использовании средства, в первую очередь, ответственного за тот ренессанс, который мы сейчас переживаем. Подотчетность — вот тот факел, который способен озарить даже богов власти. Соберутся ли они на олимпийских высотах правления, среди бурных потоков коммерции или же в Аиде преступности, — им не удастся причинить нам никакого вреда, пока они будут пригвождены к месту его ослепительным светом.

Подотчетность — единственное средство защиты, которое во все времена надежно охраняло свободу слова, — в саду, гордо простирающемся без единой стены.

Не я первый сказал это. Перикл, Джордано Бруно, Спиноза, Секвойя⁶ и многие, многие другие исповедовали открытость на протяжении мрачных эпох, в которые они жили. И я не могу претендовать на первенство после научной риторики Карла Поппера в его книге «Открытое общество и его враги» (1950), вышедшей в тот период, когда представлялось весьма вероятным, что наш грандиозный эксперимент будет прекращен — либо извне, либо изнутри. В мрачные времена начала «холодной войны» Поппер воздавал трогательную хвалу обыкновенным людям, которым удается превращать себя в граждан — независимых, сотрудничающих друг с другом и неукротимых.

Описывая «стремление бесчисленных неизвестных людей освободить себя и свои умы от опеки власти и от предубеждений», он выражал надежду на «их нежелание передавать всю полноту ответственности за управление миром гуманной или сверхгуманной власти и их готовность разделить бремя ответственности за страдания, которых можно было бы избежать, и бороться зато, чтобы исключить саму возможность таких страданий».

Но даже если мы обратимся к более приземленному или предельно популярному варианту этой же самой идеи, я окажусь не одинок. Возьмем, к примеру, следующую выдержку из статьи, появившейся до того, как рукопись моей книги была отдана в набор.

С пришествием объединенного Сетью глобального общества идея открытости становится важной, как никогда ранее. Это приводной ремень, который заставит новый мир работать. Если быть кратким, то ключевая формула грядущей эры выглядит следующим образом: то, что открыто, — хорошо, а то, что закрыто, — плохо. Сделайте такую татуировку у себя на лбу. Применяйте ее по отношению к технологическим стандартам, стратегии предпринимательской деятельности, к философии жизни. Это концепция победы для отдельных людей, народов, мирового сообщества будущего⁷.

В своем комментарии в Wired Питер Шварц и Питер Лейден сопоставили картины будущего мира в случае выбора «закрытого» и «открытого» пути развития. В первом случае нации замкнутся на себя самих, разделившись на блоки. Это приведет к ригидности мышления, стагнации экономики и усилению нищеты и нетерпимости, что повлечет за собой порочный круг дальнейшей самоизоляции и фрагментации. Если же, напротив, общество выберет «открытую» модель развития, то тогда добродетельные круги повернут свои культуры лицом к внешнему миру, навстречу инновациям и новым идеям. Рост благосостояния способствует повышению уровня терпимости и уменьшению размера хозяйственных единиц, делает общество более открытым, а мир — еще более интегрированным.

Подобного рода синергизм лежит в основе движения за достижение открытости, резко контрастирующего с подходами «нулевой суммы», предлагаемыми дьявольскими дихотомиями, которые предусматривают жалкие компромиссы между парами вещей, без которых мы не мыслим своего существования. Те же, кто отдает предпочтение идее открытого общества, полагают, что у нас могут быть свобода и эффективное правительство, независимость и безопасность. В сущности, мы знаем, что каждая из этих пар либо будут развиваться, либо потерпят крах «в унисон».

Подобная уверенность простирается так далеко, что мы можем представить себе характер информационной эры и процесс развития ее институтов, которые до настоящего времени «наслаивались друг на друга, подобно осадкам», а не создавались в результате разумного планирования. Проводя аналогию с разработкой Конституции США, Джарон Ланье высказался за прагматический симбиоз конкуренции и сотрудничества, когда мы будем конструировать — а затем и модернизировать — Интернет будущего:

6 Секвойя (17607—1843) — просветитель народа чероки, создавший алфавит из 85 знаков для языка своего племени. В зрелом возрасте взял себе имя Джордж Гист, владел французским, английским и испанским языками. Крупнейшие и древнейшие деревья Америки названы в его честь.

7 Peter Schwartz and Peter Leyden, «The Long Boom: A History of the Future, 1980—2020», Wired (July 1997). — Здесь и далее примечания, отмеченные решеткой, принадлежат автору статьи.

Благонамеренные и выдающиеся люди с отвратительными, противоречивыми интересами каким-то образом создали коллективный продукт, который оказался лучше, чем любой из них мог себе это представить в то время... Как и в Филадельфии двухсотлетней давности, должен появиться коллективный продукт (Интернет), который будет лучше, чем любой из них или любой из нас смог бы сделать в одиночку⁸.

В ходе подобного рода обсуждений представляется вполне разумным «сбивать» частные интересы, обговаривая взаимные уступки между отдельными группами. Это — состязательный прагматизм, один из видов подотчетности. Однако он не должен влечь за собой признания применимости строгих дихотомий по отношению к вопросам первостепенной важности.

Если всем нам суждено быть либо почтительными рабами, либо раскрепощенными варварами, — в чем, тогда, собственно, дело?

В конце концов, какой прок от цивилизации, которая не способна осторожно помочь нам стать такими умными, непохожими друг на друга, творчески активными и уверенными в себе, чтобы мы, наконец, решились — по своей собственной воле — стать порядочными людьми?

Вот тот момент, который, как мне кажется, следовало бы запомнить этим разгневанным героям, этим настоящим паладинам западной свободы — Джону Перри Барлоу и его единомышленникам. В конечном счете независимость и взаимозависимость сводятся к одному: только независимые взрослые люди способны помогать друг другу жить и оставаться свободными.

IAAMOAS!⁹

Соединенные Узлы Интернета: мы создаем «цифровое государство»?¹⁰ **Дэвид С. Беннахам**

Если вы схожи со мной всего лишь в двух отношениях: вы тоже проживаете в Соединенных Штатах и являетесь подписчиком всевозможных электронных дискуссионных групп, — велика вероятность того, что ваш ящик с электронной почтой переполнен сигналами тревоги, последними новостями и инвективами по поводу «конца Интернета». Для Интернета — или киберпространства — один из таких редких в его истории критических моментов наступил в феврале 1996 года. Как вы, вероятно, знаете, конгресс Соединенных Штатов принял закон под названием Communications Decency Act (CDA, являющийся частью Закона о телекоммуникациях 1996 года), в котором распространение «неприличных» или «заведомо оскорбительных» материалов в онлайн классифицируется как уголовное преступление. Этот закон, подписанный президентом Клинтонем, ныне находится в подвешенном состоянии, ожидая окончательного вердикта судебной власти США в

8 Jaron Lanier, «Karma Vertigo: Or Considering the Excessive Responsibilities Placed on US by the Dawn of the Information Infrastructure» (1994), статья доступна по адресу <http://www.advanced.org/Jaron/essay.html>.

9 I Am A Member Of A Civilization — «Я — член цивилизации». Попробуйте время от времени повторять эту фразу вслух. Это заклинание против самоодурманивающего наркотика самодовольства. В сравнении со всеми остальными творениями человечества, это — самая лучшая из когда-либо существовавших цивилизаций. Она забавна. Она создала Интернет. Она заслужила вашу лояльность — и уже более тысячи раз.

10 Настоящая глава первоначально появилась в электронном информационном бюллетене автора Мете. Публикуется с разрешения автора. © David S. Bennahum, 1996. [Перевод А. Матвеева.]

отношении своего соответствия Конституции. Вместо того чтобы утомлять вас второстепенными подробностями этого процесса, я приглашаю вас посетить Voters Telecommunications Watch (<http://www.vtw.org>), где содержится достаточно много информации о порядке рассмотрения данного законопроекта и его предыстории. Вы можете также ознакомиться с моей передовицей по поводу указанного законопроекта, которая была напечатана в New York Times в мае 1995 года (<http://www.reach.com/matrix/nytgettingcybersmart.html>).

Почему же данный момент является критическим? Нет, вовсе не потому, что Интернет, по мнению некоторых, «отключат». И не потому, что был принят CDA. Критичность момента заключается в том, что CDA подталкивает неумных пользователей Интернета к принятию волонтаристского решения, решения, чреватого долговременными последствиями. В основе такого решения — главный вопрос: будем ли мы иметь дело с реальным миром или же погрузимся в свою собственную фантазию — фантазию, которая возносит киберпространство над реалиями материального мира?

Миф о «цифровой нирване»

Некоторые полагают, что киберпространство изолировано от реалий материального мира. Они доказывают, что киберпространство, поскольку оно находится «не там, где живут тела», играет роль неизбежного катализатора — предвестника нового, более совершенного мира. В таком случае CDA являет собой еще один пример бестолкового, неуклюжего государственного управления. Согласно этим пророкам, государство как рудимент примитивного общества вскоре отомрет само собой и ему на смену придет общество разума. Так что кому интересно, чем все эти органы власти озабочены? Почему бы ни переждать эти беспокойные времена до пришествия нового мира? Но не спешите, однако, закатывать глаза. Серьезные люди, — по крайней мере, в том смысле, что они удостоиваются внимания СМИ, а общественность рассматривает их в качестве представителей киберпространства, — утверждают следующее:

Данный законопроект был принят в отношении нас людьми, не имеющими ни малейшего понятия о том, что мы собой представляем, или о том, где мы друг с другом общаемся. Как сказал мой хороший приятель, редактор Wired Луис Росетто, это выглядит так, словно «неграмотный стал бы вам указывать, что вам следует прочитать».

Да пошли они к черту!

Впрочем, с учетом момента, уместнее будет просто попрощаться с ними. Они объявили войну Киберпространству. Так давайте же покажем им, сколь изобретательными, загадочными и могучими мы можем оказаться, защищая самих себя.

Это цитата из «Декларации о независимости киберпространства» Джона Барлоу (<http://www.eff.org/homes/barlow.html>). Барлоу, соучредитель Electronic Frontier Foundation (www.eff.org), бывший настройщик музыкальных инструментов из Grateful Dead (американская рок-н-рольная группа) и фермер, воспринимается публикой и СМИ в качестве связного, представляющего воззрения новой сетевой культуры. Так что к его мнению стоит прислушаться. Упомянутая декларация о независимости, написанная через неделю после того, как CDA стал законом,— это лучший на сегодняшний день анализ ошибочности подхода, рассматривающего киберпространство как что-то оторванное от всего остального мира (см. §2 настоящего сборника). Порочность такого подхода заключается в том, что людям предлагается игнорировать реальность, сидя дома и закрыв глаза руками, в то время как настоящая жизнь будет проходить мимо них.

Проверка реальности

До апреля 1995 года Интернет обеспечивался прямым государственным финансированием через Национальный научный фонд (NSF), который заведовал работами по созданию волоконно-оптической магистрали с высокой пропускной способностью (в апреле руководство проектом было передано частному сектору промышленности). В настоящее время Интернет обеспечивается непрямым государственным финансированием через правительственные организации, использующие Сеть для распространения информации среди населения, а также посредством государственных субсидий университетам, проводящим исследования, в которых проявляет заинтересованность федеральное правительство. Одним из таких учреждений является Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA), другим — Массачусетский технологический институт. Все протоколы, регулирующие процессы обмена информацией внутри Интернета (типа FTP, TCP/IP, HTTP, SMTP), разрабатываются органами стандартизации, де-факто являющимися правительственными.

Интернет — это замечательный продукт, «выгодоприобретатель» одного из редких случаев международного сотрудничества. В мире, где развитие свободного рынка провозглашается оптимальным средством управления системами, Интернет являет собой удивительный, завораживающий пример преуспевающего в своих начинаниях коллектива. Вполне вероятно, что мы просто не замечаем этого феномена, однако развитие Интернета представляется поразительным. Он бросает вызов тем, кто пытается доказать, что государство является неэффективным и тираническим по самой своей природе, будучи рудиментом какого-то примитивного процесса эволюции человечества. Я отказываюсь понимать, как пользователи Интернета, вроде Барлоу, могут отрицать значение и роль государства в деле формирования этой среды и заявлять, что она не сможет оказать никакого позитивного воздействия и в будущем. Разве правительство США не главное действующее лицо в развитии Интернета с 1969 (когда Пентагон начал финансирование исследовательских работ по пакетным сетям) по 1995 год?

В мире споров, инвектив и гипербол история — это не более чем фикция, которой манипулируют для достижения определенных целей. И поэтому, когда Барлоу обрушивается на государство, заявляя: «Киберпространство лежит вне ваших границ. Не думайте, что вы можете построить его, как завод или жилой квартал. Вы не можете. Это природное образование, которое развивается самостоятельно, через посредство наших коллективных действий», — я вспоминаю Пентагон, министерство обороны и американские университеты с федеральными фондами, идущими на финансирование AT&T, Sun Microsystems и прочих компаний, сооружающих сеть из кабелей, компьютеров и телефонных линий, и задаю себе вопрос: «О чем он говорит?» Государство создало основу всего этого, расходуя реальные деньги — то, что вы получаете путем сбора налогов. «Природа» — это ливень с ураганом или восход луны, а не спонтанное появление пакетной сети, охватывающей весь мир.

Как бы то ни было, оставив историю в покое, Барлоу предлагает простые решения проблем, которые могли бы представлять для властей определенный интерес, например рекламу услуг компаний, предлагающих секс по телефону, посредством веб-страниц с изображениями обнаженных женщин и звукозаписями оргазма (<http://www.cyberslut.com/cyber.html>):

Вы заявляете, что у нас есть проблемы, которые вы должны решить. Вы используете это заявление как оправдание для вашего вторжения в наши пределы. Многих из этих проблем не существует. Там, где есть реальные конфликты, где есть виновные, мы определим их и разберемся с ними нашими средствами. Мы подготовим наш собственный Общественный Договор.

Мне хотелось бы знать, что имеется в виду под словами о подготовке общественного договора для киберпространства, договора, претендующего на аутентичность и правомочия конституции. В теории это выглядит замечательно, однако в действительности я ведь

нахожусь не в киберпространстве. Я живу в городе Нью-Йорк, в штате Нью-Йорк, в Соединенных Штатах Америки. Подозреваю, что я воспринимаю сказанное слишком уж буквально. Надо полагать, мой «разум» пребывает в киберпространстве, и это именно то, что действительно имеет значение. А моя рудиментарная плотская оболочка, также известная мне как тело, обретается в Нью-Йорке. Государственное управление, география, мое тело — все это сейчас выходит из употребления, как поясняет Барлоу, «благодаря киберпространству, этой новой обители разума». Вот почему, говоря о государственной власти, Барлоу утверждает: «Концепции, лежащие в основе ваших законов: собственность, выражение, личность, передвижение, контекст, — не относятся к нам. Они основаны на материальных понятиях. Здесь нет материи».

Это философия «потемкинской деревни», словесный флер, служащий для создания своей собственной независимой вселенной логических построений, где реальный мир всегда оказывается ошибочным, а кибернетический мир — всегда правым. Это не та вселенная, где я хотел бы жить.

Это киберпространство, которое я знаю, и их, таких пространств, — множество.

Эссе, которое вы сейчас читаете, первоначально будет распространяться среди читателей Мете — выходящего раз в две недели информационного бюллетеня, создателем которого я являюсь. Как показала последняя проверка, Мете имеет около двадцати пяти сотен подписчиков в пятидесяти четырех странах мира, включая Иран, Пакистан, Сингапур, Турцию, Чили, Индию, Саудовскую Аравию, Новую Зеландию, Японию, Англию, Соединенные Штаты и Украину. Вот тот мир, куда отправится эта статья. И я бы мог спросить: какие ценности способны объединить упомянутые мною выше государства — мусульманские, христианские, индуистские, светские, демократические, монархические, теократические? Как же мы «подготовим наш собственный Общественный Договор», как это предлагает Барлоу? Разве это практически осуществимо? Любой и каждый читатель Мете принимает участие в создании киберпространства. Как же мы тогда сможем, забыв полемику о цифровых технологиях, как предлагают кибергражданин, или граждане Интернета, на основе согласованных действий сформировать общество, по сложности своей структуры сопоставимое с каким-нибудь реально существующим государством? В последнее время, как я выяснил, некоторые из этих стран в моем перечне подписчиков находятся чуть ли не на пороге войны, и, тем не менее, все мы надеемся создать какое-то автономное, самоуправляющееся киберобщество в обход самой что ни на есть реальной истории развития Homo sapiens? Если только последние тридцать тысяч лет известной истории человечества в одночасье не будут признаны недействительными, я думаю, шансы успешно справиться с этой задачей в ближайшем будущем представляются довольно-таки невысокими.

Таким образом, это мнимое решение проблемы создания в киберпространстве параллельной формы правления в ближайшее время работать не будет. Но почему же тогда оно оказалось главным предметом дискуссии об установлении для киберпространства соответствующих стандартов?

Что будет работать?

Компьютерные сети и передаваемая по ним информация являются продуктами человеческого труда, а люди живут в физическом пространстве с географией, руководствуясь при этом законом. Следовательно, киберпространство будет управляться людьми в контексте их культуры. Серьезной задачей здесь является разработка серии стандартов, способных охватить весь этот удивительный диапазон культур с предоставлением людям возможности свободно общаться друг с другом. Одним из обстоятельств, затрудняющих решение данной задачи, является окружающая киберпространство завеса таинственности: кажется, словно оно представляет собой некую сплошную среду. Однако это не так. На самом деле киберпространство — это совокупность средств связи, каждое из которых подлежит

отдельному рассмотрению. Обозначим одну из границ данной совокупности словом «частные» (средства), а другую — «общественные». Чем более «общественным» является какой-нибудь форум, тем больше прав предоставляется обществу; чем более «частный» характер он носит, тем шире права индивидуума. В реальном мире жизнь — это постоянное балансирование, серия нескончаемых переговоров. Киберпространство же представляет собой часть реального мира. Переноса данный процесс на поле битвы — «Победитель получает все!» («Победить или умереть!»), — мы избавляемся от рутины ведения переговоров, споров и коммерческих проблем на пути к достижению согласия. Только это в конечном итоге является испытанным и верным способом, позволяющим добиться поставленной цели. Итак, начнем с примеров того, что я подразумеваю под различными средствами связи, простирающимися от «частных» к «общественным».

Частные

Электронная почта (отношение «один на один»)

Чат (Internet relay chat, IRC) (только по приглашению)

Протокол передачи файлов (FTP) (защищенный паролем)

Видеоконференции CU-SeeMe (двусторонние, только по приглашению)

Интернет-телефония (двусторонняя, только по приглашению)

Всемирная компьютерная сеть (WWW) (защищенные паролем сайты)

Общественные

Листы рассылки на основе электронной почты (типа Мете)

Протокол передачи файлов (FTP) (анонимный доступ, пароль не требуется)

Новости Usenet

Чат (Internet relay chat, IRC) (открытый, приглашения не требуется)

Всемирная компьютерная сеть (WWW) (пароль не требуется)

Видеоконференции CU-SeeMe (пароль не требуется)

Подобный вариант классификации СМИ имеет прецедент (Соединенные Штаты). Содержание телефонных разговоров считается частным; переход через весь спектр имеющихся СМИ приводит к другому концу шкалы — вещательному телевидению. Оно является «крайним» из общественных средств коммуникации (и поэтому сталкивается с наиболее строгими общественными ограничениями в отношении содержания передач). В диапазоне от телефона до телевизора размещается гамма различных СМИ, от частных до общественных, с печатными изданиями, видеокассетами и фильмами посередине. Интересно, что в случае киберпространства все эти СМИ «свертываются» в одно. Когда Yahoo!, популярный веб-сайт, ежедневно имеет четырнадцать миллионов обращений к нему, это начинает выглядеть весьма похожим на телевидение. Информационный бюллетень, рассылаемый нескольким тысячам своих подписчиков, очень походит на печатное издание — чуть более упорядоченный по сравнению с телефонным разговором, но значительно менее упорядоченный по отношению к какому-нибудь телевизионному шоу. Однако за Мете, как и за Yahoo!, стоит одна и та же технология.

Думаю, что немногие законодатели действительно понимают это обстоятельство. Хороший довод в пользу того, что мы должны заняться демистификацией киберпространства. Проза, живописующая эту среду как нечто таинственное, способствует лишь дополнительной путанице, принося больше вреда, чем пользы. Законодатели, не знакомые с этой средой, не воспринимают риторику, выставляющую их настоящими динозаврами, продирающимися к мусорному ящику истории. Вместо этого они обращаются к тому, что действительно способно повлиять на их мнение, — политике. Единственное, что мы, дорожащие этой средой, можем здесь сделать — это работать над тем, чтобы передать ее в руки людей, составляющих наши законы. Незнание среды — главный враг киберпространства.

Царящий вокруг обман способен оказаться важным доводом в пользу развития киберпространства, поскольку эта среда впервые в истории общества предоставляет возможность любому человеку одинаково легко достигать как другого человека, так и миллиона людей. Никогда прежде столь мощное средство не находилось в руках представителей элиты, таких как телевизионные компании и правительства. Расширение числа допущенных к власти — вот суть того, чем так замечателен Интернет, действующий подобно вакцине для мира, в котором информация сосредоточивается в руках нескольких медиамагнатов. Однако эта власть одновременно является и источником возможной гибели самого Интернета. Предоставление больших полномочий каждому из нас требует и повышения уровня ответственности. Такова обратная сторона медали. Готовы ли мы ответить на этот вызов?

Свобода гипермедиа *Ричард Барбрук*¹¹ **Неолиберальные фантазии** **Введение**

Приняв Закон о телекоммуникациях 1996 года (включающий в себя Communications Decency Act), обе правящие политические партии США тем самым сошлись во мнении, что движущей силой процесса конвергенции медиа, телекоммуникаций и компьютерных технологий должна стать рыночная конкуренция между крупными корпорациями. Придя к выводу, что для создания национальной широкополосной сети потребуется значительная экономия на основе роста масштабов производства, президент-демократ и законодатель-республиканцы сняли большинство ограничений на перекрестное владение медиа и телекоммуникационными системами. Кроме того, на стадии рассмотрения находится еще один закон, предусматривающий существенное расширение прав владельцев авторского права с целью обеспечения правовой структуры электронного рынка для торговли информационными товарами. Тихо похоронив свои навеянные «Новым курсом» надежды на программу построения информационной супермагистрали, федеральное правительство ныне отказалось от своей стратегической ответственности, передав ее частному сектору. Однако эта вера в рыночную конкуренцию чревата определенными опасностями.

В ближайшем будущем ни одна страна не сможет стать серьезным конкурентом на мировом рынке без наличия оптоволоконной сети. Точно так же, как строительство железных и грунтовых дорог, прокладка линий электропередачи, газовых магистралей, телефонных линий и водопровода заложило в прошлом основы для современной городской жизни, информационное шоссе обеспечит появление базовой инфраструктуры для следующей стадии капитализма. Оптоволоконная сеть будет не только служить средством распространения развлечений и информации, но и предоставит людям возможность совместной деятельности почти в каждом секторе производства. Вдохновляемый финансированием со стороны высокотехнологичных корпораций, американский политический истеблишмент лелеет надежду на то, что построение национальной информационной инфраструктуры может оказаться успешным благодаря неолиберальным панацеям дерегулирования и приватизации.

Если обратиться к истории развития персонального компьютера и Интернета, то тогда более вероятной кажется возможность создания информационного шоссе в результате взаимопроникновения государственного, частного и общественного секторов экономики. По

¹¹ Настоящая статья первоначально появилась на веб-сайте HyperMedia Research Centre и (в измененном виде) в электронном журнале C-Theory. Перепечатывается с разрешения автора. © Richard Barbrook, 1996. [Перевод А. Матвеева.]

иронии судьбы, однако, обсуждение Закона о телекоммуникациях 1996 года в Соединенных Штатах сконцентрировалось вовсе не на вопросе о том, является ли единственным путем развития киберпространства неограниченная рыночная конкуренция между частными компаниями. Вместо этого яростные споры разгорелись вокруг введения контроля за содержанием распространяемой через Интернет информации — по аналогии с существующим по отношению к телевидению и радио. Согласно положениям этого закона, онлайн-службам запрещается предоставлять доступ к «порнографии» либо использовать «семь грязных слов» в какой бы то ни было форме. Из почти неконтролируемого средства связи Сеть вдруг превратилась в объект самого жесточайшего вида цензуры из всех когда-либо существовавших в Соединенных Штатах. Неудивительно, что это вызвало бурю протестов со стороны онлайн-сообщества. Сайты Сети окрасились в траурный черный цвет, а на веб-страницах появились голубые ленточки в знак протеста против этих ограничений свободы слова. Готовятся судебные иски, имеющие целью проверить, не нарушают ли данные правила право на свободу выражения мнений, гарантированное первой поправкой к Конституции. В этой полемике на карту оказался поставлен целый ряд важных вопросов.

Так, можно понять родителей, обеспокоенных использованием Сети педофилами для контактов с несовершеннолетними и распространения порнографии. Дети должны иметь возможность развиваться естественным путем до достижения половой зрелости, не подвергаясь при этом никакому сексуальному насилию. Однако вводимые Законом о коммуникациях ограничения — это не только лишь строгие меры в отношении небольшого числа растлителей юных душ. Под нажимом христиан-фундаменталистов двумя основными политическими партиями был принят закон, который способен воспрепятствовать распространению любых материалов сексуальной направленности даже среди согласных на это взрослых лиц. Если данная попытка введения цензуры окажется успешной, онлайн-службы в Соединенных Штатах смогут предоставлять лишь такую информацию, которая соответствует репрессивным нравам, царящим среди американских пуритан.

Включи, войди в систему и отпади! ¹²

Как и любой другой законодательный акт, Закон о телекоммуникациях 1996 года неизбежно столкнется с проблемой правоприменения. Объявление «войны наркотикам» отнюдь не отвратило американцев от безоглядного расходования миллиардов долларов ежегодно на приобретение запрещенных химических препаратов. Аналогичные сомнения возникают и по поводу практического применения предлагаемых новым законом мер по обеспечению цензуры. Неужели американское государство в самом деле считает себя способным помешать своим гражданам говорить друг другу «fuck» в своей частной электронной переписке? Как оно собирается воспрепятствовать людям заходить на веб-сайты в других странах с менее лицемерными установками по отношению к вопросу о сексе для взрослых? Развитие гипермедиа является результатом конвергенции не только радио- и телевизионного вещания, но и других видов медиа, не столь сильно подвергающихся цензуре, примером которых могут служить печатные издания и музыка. Почему на Интернет налагаются ограничения, применяемые к вещательным средствам, а не те, что практикуются по отношению к печатным материалам? Похоже, сейчас начинается долгая политическая борьба по поиску приемлемого уровня правового контроля над новыми видами общественных коммуникаций.

Однако в этот критический момент один из лидеров главного объединения лоббистов — Electronic Frontier Foundation (EFF) — испытал приступ идеологической истерии.

¹² Аналогия со слоганом Тимоти Лири для психоделической революции: «настройся, включись, отпади» («tune in, turn on, drop out»).

Обуреваемый какой-то странной самонадеянностью, Джон Перри Барлоу, соучредитель EFF, обнародовал «Декларацию о независимости киберпространства». В этом манифесте он мнит себя новым Томасом Джефферсоном, призывая народ к оружию для борьбы с тиранией Билла Клинтона — «самого слабохарактерного человека в Вашингтоне». Беря на себя смелость выступить «от имени будущего», он заявляет, что избранная в Соединенных Штатах государственная власть не вправе издавать законы, распространяющиеся на «Киберпространство, эту новую обитель Разума».

А поскольку «мы создаем мир, который будет существовать везде и нигде, но только не там, где живет тело», Барлоу утверждает, что киберпространство не попадает под юрисдикцию США, равно как и любого другого из существующих государств. В пределах киберпространства только пользователи Сети имеют право устанавливать правила поведения. Согласно Барлоу, обитатели этого виртуального пространства уже наводят у себя порядок без помощи федеральных законодателей: «Вы не знаете нашей культуры, нашей этики и тех неписаных правил, которые уже сейчас обеспечивают больше порядка в нашем обществе, чем могли бы обеспечить любые ваши установления». Таким образом, пользователи Сети должны «отказать в полномочиях далеким, несведущим властям» и игнорировать цензурные ограничения, налагаемые Законом о телекоммуникациях.

Не составит особого труда высмеять эту декларацию как высокотехнологичную версию старой фантазии хиппи о выпадении из обычного общества в психоделическое царство грез. В научно-фантастических романах киберпространство нередко поэтически именуется «согласованной галлюцинацией». Однако в действительности построение информационного шоссе представляет собой самый что ни на есть физический процесс. Специалисты из плоти и крови отдают немалую часть своей жизни разработке аппаратного обеспечения, сборке персональных компьютеров, прокладке кабелей, наладке систем маршрутизации, написанию программ, дизайну вебстраниц и т. д. Поэтому чистой фантазией здесь выглядит предположение о том, что когда-нибудь киберпространство удастся отделить от обществ (и государств), в которых эти люди живут. Следовательно, «Декларацию о независимости киберпространства» Барлоу нельзя рассматривать как серьезный ответ на угрозу гражданским свободам пользователей Сети со стороны христиан-фундаменталистов и им подобных фанатиков. Напротив, она является симптомом глубокого идеологического кризиса, с которым пришлось сейчас столкнуться сторонникам либертарианства «свободного рынка» внутри онлайн-общества. В тот самый момент, когда киберпространство собирается стать открытым для широкой публики, личная свобода, столь высоко ценяемая внутри Сети, по-видимому, вот-вот будет ликвидирована в законодательном порядке с сохранением минимальной политической оппозиции или же вообще без таковой. Здесь важно отметить, что снятие ограничений на рыночную конкуренцию не оказало никакого положительного эффекта надело борьбы за свободу слова. Наоборот, приватизация киберпространства происходит параллельно с введением суровой цензуры. Будучи не в силах объяснить это явление в рамках «калифорнийской идеологии»¹³, Барлоу предпочел ретироваться в неолиберальную гиперреальность и тем самым избежать столкновения с противоречиями реального капитализма.

Идеологическое банкротство борцов за свободу личности с Западного побережья происходит из их исторически ошибочного представления о том, что киберпространство образовалось в результате «лево-правого смещения свободных умов со свободными рынками» (Луис Россетто, главный редактор журнала Wired). В написанной мною совместно с Энди Камероном статье «Калифорнийская идеология» показано, что неолиберализм был воспринят существовавшим на Западном побережье «виртуальным классом» (в терминах Крокера и Вайнштейна) в качестве средства сопряжения анархизма «новых левых» с предпринимательским рвением «новых правых». Более того, сей причудливый гибрид основывался на проецировании старых мифов об американской революции на процесс

13 См. статью Ричарда Барбука и Энди Камерона «Калифорнийская идеология» в этом сборнике, § 23.

конвергенции цифровых технологий. Согласно Wired, развитие гипермедиа приведет к созданию высокотехнологичной «джефферсонов-ской демократии»: восемнадцатый век получит вторую жизнь в веке двадцать первом.

В своей декларации Джон Перри Барлоу сознательно имитирует риторику написанной отцами-основателями Декларации о независимости Соединенных Штатов. И вновь свободолюбивые индивидуумы выступают против деспотичного и коррумпированного правительства. Однако эти революционные фразы из прошлого скрывают в себе немало реакционных устремлений. В 1776 году Джефферсон стал выразителем национальной мечты о построении деревенской утопии на диких просторах Америки. Завоевание независимости от Великобритании было необходимым условием для того, чтобы американцы смогли обрести себя в качестве независимых, самодостаточных фермеров, проживавших в небольших поселках. Джефферсон с его пасторальными представлениями был противником городской жизни как первопричины коррупции, которую он усматривал в быстром развитии конурбаций тогдашней Европы. Однако когда начался процесс индустриализации самой Америки, этой пасторальной мечте пришлось дрейфовать в западном направлении, в сторону фронта. Но даже после окончания войн с индейцами Дикий Запад продолжал оставаться в американской мифологии местом реализации свободы личности и самопознания. Ну а Джефферсон превратился в ковбоя.

Таким образом, судя по названию, Electronic Frontier Foundation обращается не только к ковбойским мифам прошлого столетия, но и к пасторальным фантазиям автора первоначальной Декларации о независимости. Когда правительственные органы США предприняли первую попытку обрушиться на хакеров, группой бывших радикалов было принято решение оказать поддержку новому поколению киберпанков. В результате такого акта солидарности и возникла EFF — группа политического лобби интересов киберсообщества Западного побережья. Используя либертарианские аргументы, она вела кампанию за минимизацию цензуры и регулирования новых информационных технологий. Однако EFF никогда не был борцом лишь за одни только киберправа. Он также был и ведущей «группой поддержки» для индивидуалистических фантазий «калифорнийской идеологии».

Согласно догматам этой запутанной доктрины, антиавторитаризм хиппи в конечном итоге реализует себя путем слияния цифровых технологий с либерализмом «свободного рынка». Однако неизбежное возрождение джефферсоновской демократии теперь, похоже, переносится на более поздний срок. Более того, все лоббистские усилия EFF, по-видимому, оказались напрасными: предлагаемые Законом о телекоммуникациях репрессивные меры были одобрены без сколько-нибудь заметного сопротивления со стороны законодательной и исполнительной власти. И вот в этот критический момент Барлоу решил обратиться к самым безумным фантазиям анархокапиталистов Западного побережья. Согласно представлениям последних, когда способы шифрования получают широкое распространение, свободолюбивые индивидуумы смогут жить в виртуальном мире без цензуры, налогов и всех прочих зол, присущих большому государству. Оказавшись не в состоянии справиться с социальными противоречиями проживания в «цифровом городе», Барлоу решил присоединиться к виртуальным ковбоям, живущим на электронном фронте.

Если это электронный фронт, то кто тогда индейцы?

Отнюдь не случайно, что Барлоу в этой ретрофутуристической программе подражает Джефферсону. В отличие от европейцев, предававшихся мечтам о деревенских утопиях, Джефферсон никогда не отвергал технический прогресс «за одну компанию» с урбанизацией. Напротив, «мудрец из Монтиселло» являлся убежденным приверженцем технологических инноваций. Так, он считал возможным «заморозить» общественное развитие Соединенных Штатов, одновременно осуществляя модернизацию способа производства. Поборники «калифорнийской идеологии» следуют аналогичной логике. Они хотят сохранить киберпространство в качестве отчего дома для стойких индивидуумов и прогрессивно настроенных предпринимателей, в то же самое время содействуя коммерческой экспансии Сети. Согласно их представлениям, развитие нового информационного общества может

происходить только путем претворения в жизнь непреложных принципов либерализма, сформулированных отцами-основателями. Однако подобно всем прочим странам, Соединенные Штаты существуют в контексте мирской истории. Их политико-экономические структуры являются результатом многовековых противоречивых общественных процессов, а не воплощением каких-то священных истин. Их руководители были сложными личностями, а не «людьми из мрамора».

Эту диалектическую реальность проще всего себе представить на примере жизни тех самых отцов-основателей (Томас Джефферсон, Джордж Вашингтон и Джеймс Мэдисон), на которых ссылается Барлоу в своей декларации. С одной стороны, они были великими революционерами, добившимися независимости Америки и заложившими основы ее конституционной формы правления. Однако в то же самое время они были жестокими плантаторами, жившими за счет принудительного труда своих рабов. В других странах люди давно пришли к осознанию противоречивости характеров своих революционеров-преобразователей. Даже китайские коммунисты ныне соглашались с тем, что наследие Мао Цзэдуна характеризуется как положительными моментами (например, освобождение страны от колониализма), так и отрицательными чертами (например, кровавая бойня «культурной революции»). В противоположность этому Барлоу, как и многие другие американцы, никогда не смогут признаться в том, что их любимая республика была построена не только благодаря упорному труду свободолюбивых фермеров, но и за счет угнетения чернокожих и «этнической чистки» индейцев. Плантаторская экономика старого Юга и истребление аборигенов в американской истории равноценны голоду в Ирландии, холокосту и архипелагу ГУЛАГ. Однако подобные противоречия действительной истории Соединенных Штатов слишком неприятны для Барлоу и других поборников внеисторических истин либерального индивидуализма, чтобы оказаться объектом их анализа. Облик Джефферсона, высеченный на склоне горы Рашмор, должен оставаться незапятнанным.

Однако для понимания развернувшейся сейчас полемики вокруг будущего Сети не следует забывать о противоречивом характере исторических прецедентов, на которые столь бойко ссылается «калифорнийская идеология». Распространение новых промышленных технологий в начале девятнадцатого века не привело к освобождению рабов. Наоборот, изобретение хлопкоочистительной и прядильной машины в действительности лишь укрепило архаичные и жесткие институты рабовладения Старого Юга. В наши дни либертарианская риторика об индивидуальном правомочии посредством новых информационных технологий аналогичным способом используется для сокрытия факта углубляющейся поляризации между преимущественно белым «виртуальным классом» и, как правило, чернокожей беднотой. Если попытаться взглянуть на все это через призму европейской иронии, то тогда джефферсоновская демократия может оказаться подходящей метафорой для дистопического¹⁴ бытия, характерного для обитателей гетто крупных городов Соединенных Штатов.

Социал-демократические варианты решений Первый электронный фронт

Поскольку либеральные принципы джефферсоновской демократии существуют за пределами реальной истории, Барлоу и прочие «калифорнийские идеологи» оказываются не в состоянии представить себе временную динамику реального капитализма. Хотя новые фронтиры могут быть открыты и предприимчивыми индивидуумами, на смену пионерам

¹⁴ Дистопия — противоположность утопии, то есть негативная картина будущего; обычно используется как синоним антиутопии, хотя некоторые критики пытаются проводить тонкие отличия одной от другой, говоря, например, о том, что дистопия не отрицает утопию, а рисует ее оборотную сторону.

быстро приходят коллективные формы организации типа акционерных компаний. Так, например, свободолюбивые ковбои Дикого Запада охотно завершали свою карьеру в качестве работников сельскохозяйственных предприятий, финансируемых промышленным Востоком. Аналогичный процесс имел место и в случае первого в истории США электронного фронта — системы радиовещания. В начале 1920-х годов ее разработкой стала заниматься небольшая группа преисполненных энтузиазмом любителей и предпринимателей. С учетом существовавших тогда незначительных ограничений по вещанию, почти каждый человек имел возможность либо создать свою собственную радиостанцию, либо купить эфирное время на чужой. Однако когда дорогие радиоприемники стали широкодоступными, радиоволны были быстро оккупированы корпоративными вещательными сетями, принадлежавшими NBC и CBS. Этот процесс монополизации был закреплен федеральным правительством в Законе о радиовещании 1927 года, который ограничивал круг вещательных компаний владельцами лицензий, выдаваемых соответствующим государственным регулятивным органом. Разумеется, консервативно настроенные политики постарались воспользоваться благоприятной возможностью, чтобы заглушить голоса политических и культурных радикалов, особенно со стороны «левых». Однако введение подобного рода цензуры не вызвало особого недовольства в массах. Напротив, большинство избирателей поддержали этот закон, поскольку система лицензирования фактически стала гарантом высокого качества приема популярных радиопередач национальных сетей без помех со стороны других станций. По иронии судьбы демократизация доступности радиовещания лишила большинство людей возможности активного овладения этим новым медиа.

Главный вопрос сейчас заключается в том, обречен ли новый электронный фронт киберпространства на повторение того же самого пути развития? Вопреки утверждению Барлоу о том, что кибер-пространство — это не «государственный строительный объект», основным препятствием для распространения Сети внутри Соединенных Штатов является определение источников финансирования работ по созданию оптоволоконной сети. Поскольку и демократы и республиканцы отказываются предоставлять государственные инвестиции, они должны были использовать Закон о телекоммуникациях 1996 года для учреждения какой-нибудь регулирующей структуры, благоприятствующей крупным корпорациям, которые располагают капиталом, необходимым для построения информационного шоссе. Прежде всего, обе партии благословили интенсификацию слияния компаний, оперирующих в сближающихся друг с другом сферах медиа, компьютерных технологий и телекоммуникаций. Ввиду того что американская экономика лишилась конкурентного преимущества в отраслях промышленности, традиционных для эпохи Форда, теперь ей приходится полагаться в основном на компании, удерживающие ведущие позиции в процессе конвергенции цифровых технологий, например на студиях Голливуда, Microsoft и AT&T. Не проявив каких-либо симпатий по отношению к джефферсоновской демократии, основывающейся на мелком бизнесе, Закон о телекоммуникациях расчистил дорогу для американских «национальных чемпионов», обладающих достаточными размерами, чтобы построить информационное шоссе у себя в стране и при этом успешно конкурировать со своими европейскими и азиатскими соперниками за пределами США.

Для многих левых такие мультимедийные корпорации — наибольшая угроза для свободы слова в Сети. Как и в случае с радиовещанием (а впоследствии — и с телевидением), желание привлечь массовую аудиторию может оказаться гораздо более эффективным средством сдерживания политического радикализма и культурного экспериментирования, нежели какие-то непродуманные цензурные предписания, образующие заключительную часть Закона о телекоммуникациях. Сбываются самые худшие опасения пессимистов-неолуддитов, когда корпоративные лидеры в открытую провозглашают своей целью трансформацию Сети в «интерактивное телевидение». В соответствии с этим сценарием новые формы социальности, характерные для современного киберпространства, будут заменены пассивным потреблением популярных развлекательных программ и ангажированной информации, поставляемых мультимедийными корпорациями.

Несмотря на свои лицемерные протесты по поводу антипорнографических положений нового закона, эти корпорации вряд ли сильно огорчит введение правил, посредством которых Интернет превратится в надежную (а значит, и доходную) разновидность семейной забавы.

При таком видении будущего джефферсоновская демократия представляется не более чем неолиберальной пропагандой, цель которой заручиться поддержкой со стороны представителей «виртуального класса» в деле приватизации киберпространства. Беспорядочно смешивая между собой «новых левых» с «новыми правыми», «калифорнийская идеология» привлекает к себе всех, кто надеется оказаться достаточно ловким и удачливым, чтобы воспользоваться благоприятными возможностями, предоставляемыми в результате быстрых изменений в технологическом базисе общественного производства. Однако, в то время как они предаются мечтам о своем будущем преуспевании в качестве киберпредпринимателей, большинству мастеров цифровых технологий фактически отказано в гарантии занятости, которая ранее предоставлялась работникам фордовских производств. Отнюдь не являясь независимыми пионерами электронного фронта, многие из них ведут полуголодный образ жизни, кое-как перебиваясь от одного краткосрочного корпоративного контракта до другого. Аналогичным образом приватизация киберпространства таит угрозу и для общественного использования этого пространства. Чем больше коммерческих средств расходуется на поддержку онлайн-услуг, тем труднее становится непрофессионалам создавать веб-сайты такого уровня, чтобы они могли привлекать внимание значительного числа пользователей. Но, как и в случае с радиовещанием 1920-х годов, многие опять-таки с удовлетворением воспримут введение корпоративного контроля над киберпространством при условии предоставления им высококачественных онлайн-услуг. Согласно воззрениям неолуддитов, демократизация доступности Сети лишает большинство людей возможности активного освоения киберпространства.

Киберпространство является общественным

Развернувшаяся в Соединенных Штатах полемика вокруг Закона о телекоммуникациях 1996 года безжалостно обнажила ограничения «калифорнийской идеологии». Барлоу может, конечно, предаваться мечтаниям об уходе в гиперреальность киберпространства, однако на самом деле он просто пытается избежать столкновения с политическими и экономическими противоречиями реально существующего капитализма. Отнюдь не тяготея к идее электронного фронта, состоящего из большого числа мелких предприятий, коммерциализация киберпространства создает условия для концентрации капитала в общемировом масштабе. С учетом огромных расходов на построение общегосударственной широкополосной сети получается, что только очень крупные корпорации окажутся в состоянии мобилизовать достаточные средства для реализации такой инфраструктуры. В рамках этой зарождающейся олигополии наиболее передовые предприниматели по-прежнему будут добиваться публичной известности в качестве руководителей крупных производств или субподрядчиков мультимедийных корпораций. Однако их личный успех станет возможным только в контексте колоссальных коллективных усилий по созданию информационного шоссе. Динамика конвергенции цифровых технологий в условиях реального капитализма имеет тенденцию к повышению уровня обобществления производства и средств связи, а вовсе не к реализации фантазий восемнадцатого века о самодостаточности индивидуума.

В свете вышесказанного позиция EFF, направляющей свой критицизм лишь против антипорнографических предписаний Закона о телекоммуникациях, представляется довольно-таки однобокой. Угроза свободе слова в Сети исходит не только со стороны государства, но и со стороны рынка. Как показывает история развития радиовещания в Соединенных Штатах, эти два вида цензуры нередко действовали параллельно. Как политики, так и корпорации заинтересованы в том, чтобы представители «средней Америки» не попадали под

воздействие радикальных политических и культурных идей, распространяемых посредством медиа нового типа. Следовательно, любая сколько-нибудь значимая кампания в защиту киберправ должна подразумевать борьбу за свободу выражения мнений и вестись как против государственной, так и против рыночной цензуры. Развитие Сети открывает путь к преодолению политических и экономических ограничений на свободу слова в существующих медиа. В этом случае каждый мог бы получить возможность не только иметь доступ к информации и развлечениям, но и распространять свою собственную продукцию. Вопрос заключается в том, каким образом такая потенциальная возможность будет претворяться в жизнь.

Кампания в защиту свободы гипермедиа может оказаться успешной только в том случае, если в ее ходе будут осознаны врожденные противоречия этого основного права граждан. Политические права каждого человека ограничиваются правами других людей. Так, например, для обеспечения защиты детей государству вменяется в обязанность ограничивать свободу слова педофилов в Сети. Поскольку этнические меньшинства имеют право жить в мире, власти демократической республики должны предпринимать оперативные меры по недопущению образования организаций фашистского толка. Однако если не считать этих минимальных ограничений, граждане, разумеется, имеют право говорить друг другу все, что им заблагорассудится. И конечно же, демократическое государство не располагает мандатом, позволяющим ему навязывать какую-то определенную религиозную мораль всем своим гражданам, не считаясь с их верованиями.

Аналогичным образом, организаторы кампании в защиту киберправ также должны осознавать экономические противоречия, связанные со свободой гипермедиа. Поскольку в проектах общественных гипермедиа оказываются задействованными непрофессионалы, такие проекты могут благополучно существовать в рамках высокотехнологичной «экономики дарения». Однако если труд мастеров цифровых технологий будет подлежать оплате, внутри Сети понадобится создать некое подобие товарообмена. Тем не менее господство свободного рынка будет препятствовать свободному распространению идей. Следовательно, любые кампании в защиту киберправ должны проводиться с учетом экономических противоречий, связанных с проблемой свободы гипермедиа. Прежде всего, им не следует занимать абсолютистские позиции по вопросу о форме цифровой экономики. Напротив, до настоящего времени развитие киберпространства происходило на основе комбинированного использования государственных, частных и общественных инициатив. В процессе построения информационного шоссе все эти составляющие играли одинаково важную роль. Однако в случае с Законом о телекоммуникациях американцы столкнулись скорее с проблемой неправильных действий правительства, нежели с чересчур активным вмешательством со стороны государства. Слишком явно стремясь наложить моральную цензуру на пользователей Сети, федеральное правительство в то же самое время уклоняется от своей обязанности по предоставлению всем гражданам доступа к онлайн-услугам. В то время как корпорации могут располагать ресурсами для построения широкополосной сети, государство должно использовать всю полноту своей власти для недопущения исключения из киберпространства какого-либо слоя общества по причине нехватки ресурсов.

Вопреки предсказаниям пессимистов победа в борьбе против политической и экономической цензуры представляется вполне вероятной. Хотя государство может — и обязано — преследовать малочисленных педофилов и фашистов в судебном порядке, объем ресурсов, требующихся для отслеживания содержания электронной корреспонденции и веб-сайтов каждого пользователя, сделает насаждение морального пуританства весьма трудновыполнимой задачей. Даже при наличии совершенных цензурных программ один только трафик Сети в конце концов приведет к разорению любого хорошо финансируемого наблюдательного органа. И хотя сейчас представляется возможным контролировать содержание передач тысяч радио- и телевизионных станций, расходы по проверке многих миллионов пользователей, получающих доступ к глобальной сети онлайн-услуг,

оказались бы непомерно высокими. Социальная природа гипермедиа является лучшей защитой права индивидуума на свободу слова.

Аналогичным образом попытки корпораций скупить все кибер-пространство на корню также будут контролироваться посредством социальной основы процесса конвергенции. Так, например, недавние испытания системы интерактивного телевидения оказались коммерчески несостоятельными. Как замечает Энди Камерон в своей книге «Тайники», корпоративные «группы поддержки» становятся жертвами категориальной ошибки, пытаясь придать новым гипермедиа форму старых медиа. Дело в том, что интерактивность не сводится к перебору различных пунктов меню пощелкиванием кнопкой мыши. Многие люди стремятся использовать киберпространство, чтобы встречаться друг с другом. В отличие от существующих медиа, Сеть не ограничивается односторонним информационным потоком, исходящим от ограниченного числа отправителей. Наоборот, гипермедиа представляют собой двустороннее средство связи, где каждый является и получателем, и отправителем. Несомненно, мультимедийным корпорациям будет принадлежать ведущая роль в построении инфраструктуры информационного шоссе и продаж через Сеть «информационных товаров», однако им придется убедиться в невозможности монополизации социального потенциала кибер-пространства.

В последние годы приверженцами «калифорнийской идеологии» делаются заявления о том, что либеральный индивидуализм восемнадцатого века чудесным образом возродится в результате процесса конвергенции цифровых технологий. Однако теперь, когда онлайн-услуги оказываются доступными широким массам населения, коллективный характер нового информационного общества становится все более и более очевидным. Что касается политики, то электронная демократия займет центральное место во взаимоотношениях между представителями и их избирателями. Во всех секторах экономики информационное шоссе вскоре превратится в базовую инфраструктуру для совместной трудовой деятельности во времени и пространстве. Главным здесь является то, что такое обобществление политики и экономики окажется наилучшим средством защиты свободы личности в киберпространстве. Люди, не чувствующие необходимости уноситься в неолиберальную гиперреальность, смогут использовать новые цифровые технологии для повышения уровня своей жизни как внутри киберпространства, так и за его пределами. Электронная агора¹⁵ еще будет построена.

Криптоанархия Манифест криптоанархиста. Шифропанки мира,

Тимоти Мэй¹⁶

Некоторые из вас на вчерашнем собрании «физических Шифропанков» в Силиконовой долине потребовали, чтобы у всех читателей из шифропанк-рассылки, призраков, подглядывающих и прочих был электронный доступ к материалам, выдаваемым на встречах.

Перед вами «Манифест криптоанархиста», который я прочитал на первом собрании в сентябре 1992 года. Он восходит к середине 1988 года, когда с ним познакомились некоторые мои единомышленники техноанархисты на конференции Crypto'88 (а также на конференции

¹⁵ Агора — центральная площадь греческого полиса, где проводились народные собрания. Здесь: демократия.

¹⁶ Этот текст широко распространялся по Интернету. Публикуется с разрешения автора. © Timothy C. May, 1992. [Перевод О. Турухиной]

хакеров, состоявшейся в том же году). Я рассказывал о нем также на хакерских конференциях 1989 и 1990 годов.

Я бы кое-что изменил, но ради исторической достоверности просто оставлю все как есть. Некоторые термины могут оказаться непонятны... Надеюсь, недавно выпущенный мной «Криптословарь» поможет¹⁷.

Призрак бродит по современному миру, призрак криптоанархии. Компьютерные технологии стоят на пороге того, чтобы дать возможность отдельным людям и группам общаться и взаимодействовать абсолютно анонимно. Два человека смогут обмениваться сообщениями, заниматься бизнесом, заключать электронные контракты, не имея возможности установить Подлинные Имена, личности друг друга. Взаимодействия в сети невозможно будет отследить из-за многократных изменений маршрутов зашифрованных пакетов и предупреждающих от несанкционированного вмешательства блоков, которые наделяют криптографические протоколы практически идеальной защитой. Репутация будет иметь первостепенную важность при заключении сделок, гораздо большую, чем сейчас имеет оценка кредитоспособности. Эти нововведения полностью изменят характер государственного регулирования, возможность взимать налоги и контролировать отношения в экономике, возможность хранить информацию в секрете; изменят свою сущность даже понятия доверия и репутации.

Технология для такой революции, — а революция эта определенно будет и социальной, и экономической, — теоретически разработана в прошлом десятилетии. Ее методы основаны на использовании открытых ключей, систем аутентификации на основе минимальных данных и разнообразных программных протоколов, предназначенных для взаимодействия, аутентификации и верификации. До сегодняшнего дня в центре внимания были академические конференции в Европе и США, конференции, за которыми пристально наблюдало Агентство национальной безопасности. Но лишь недавно компьютерные сети и персональные компьютеры приобрели быстродействие, достаточное для практической реализации этих идей. И в следующее десятилетие быстродействие возрастет еще более, для того чтобы сделать эти идеи экономически осуществимыми и необратимыми. Это обеспечат технологии, сейчас находящиеся на стадии разработки: высокоскоростные сети, ISDN, защитные блоки, смарт-карты, спутники, передатчики, работающие в Ку-диапазоне¹⁸, персональные компьютеры, производящие несколько триллионов операций в секунду, шифрующие чипы и многое другое.

Государство, очевидно, боясь социальной дезинтеграции, попытается замедлить или приостановить распространение таких технологий, ссылаясь на соображения национальной безопасности, использование этих технологий наркоторговцами и неплательщиками налогов. Любое из этих соображений будет обоснованным: крипто-анархия позволит свободно торговать национальными секретами, а также незаконными препаратами и краденым. Анонимный компьютеризированный рынок сделает возможным даже создание отвратительного рынка заказных убийств и вымогательств. Криминальные элементы и иностранцы станут активными пользователями Crypto-Net'a. Но это не остановит криптоанархию.

Точно так же, как технология книгопечатания изменила социальный строй и уменьшила могущество средневековых гильдий, криптографические методы принципиально изменят корпорации и роль государства в экономических транзакциях. В сочетании с возникающими рынками информации криптоанархия создаст ликвидный рынок любых материалов, которые можно представить в виде слов или изображений. Подобно кажущемуся второстепенным изобретению колючей проволоки, позволившей огораживать огромные ранчо и фермы и тем самым навсегда изменившей представления о земле и правах собственности в западных

17 См., например, по адресу: <http://www.totse.com/en/privacy/encryption/crypglos.html>.

18 Диапазон радиоволн 10,7—12,750 ГГц, наиболее используемый в современном спутниковом ТВ.

штатах, «второстепенное» открытие «темной стороны» математики стало кусачками, разрезающими колючую проволоку вокруг интеллектуальной собственности.

К восстанию, ибо вам нечего терять, кроме этих изгородей из колючей проволоки!

Криптоанархия и виртуальные сообщества Современная криптография

Тимоти Мэй¹⁹

За два прошедших десятилетия в криптографии (сокращенно крип-то), науке создания шифров и кодов, произошла революция. Помимо обычных шифров, полезных, главным образом, для сохранения секретности передаваемой информации, современная криптография включает в себя разнообразные инструменты для аутентификации сообщений, создания цифровых временных меток для документов, сокрытия сообщений в других документах (стеганография) и даже для систем электронной личности.

Криптография с открытым ключом, детище Диффи и Хеллмана, драматически изменила роль крипто. Появившаяся одновременно с широким распространением компьютерных сетей и всемирных коммуникаций, она стала ключевым элементом безопасности, конфиденциальности и успеха. В следующем десятилетии роль крипто только возрастет. Pretty Good Privacy (PGP) — популярная версия алгоритма (известный как RSA), разработанного Ривестом, Шамиром и Эдльманом. Алгоритм RSA был запатентован в США, однако не был запатентован ни в одной европейской стране и имеет коммерческую лицензию²⁰.

Эти инструменты описаны в различных текстах и отчетах с конференций и не являются темой для обсуждения в этой главе²¹. Центр внимания здесь влияние сильной криптографии на киберпространство, в особенности на виртуальные сообщества. Следует упомянуть о роли Дэвида Чома в определении ключевых понятий. В нескольких новаторских работах Чом представил идеи использования открытого ключа для анонимных электронных сообщений, путь передачи которых невозможно отследить, для систем электронной личности, не раскрывающих личность покупателя, и схем, связанных с ними²². (Я не утверждаю, что Чом согласен с моими выводами о политических и социально-экономических последствиях использования этих технологий.)

Виртуальные сообщества киберпространство, Habitat, виртуальная реальность, Виндж и так далее. Крипто поддерживает существование этих реалий киберпространства. Контроль доступа, право доступа, право на модификацию.

19 Эта статья широко распространялась в Интернете. Публикуется с разрешения автора. © Timothy S. May, 1994. [Перевод О. Турухиной.]

20 RSA Data Security Inc., Redwood Shores, California — лицензионный администратор. Свяжитесь с ними для получения более полной информации

21 Существует много учебников по криптографии. Хорошее начало — «Applied Cryptography» Брюса Шнайера (New York: Wiley, 1996). Текст содержит ссылки на многие другие источники. Необходимо упомянуть о ежегодниках «Crypto Proceedings» (Berlin: Springer-Verlag). На ежегодной крип-токонференции в Санта-Барбаре и конференциях Eurocrypt и Auscrypt представляются большинство достижений криптографии.

22 David Chaum, «Untraceable Electronic Mail, Return Addresses, and Digital Pseudonyms», Communications of the Association for Computing Machinery 24 (February 2, 1981): 84—88 (ремэйлеры в стиле шифро-панка — форма «цифрового коктейля» Чома, хотя и далекая от совершенства); David Chaum, «Security without Identification: Transaction Systems to Make Big Brother Obsolete», Communications of the Association for Computing Machinery 28 (October 10, 1985) (эта ранняя работа посвящена электронным деньгам; обязательно обратитесь к более поздним работам).

Виртуальные сообщества представляют собой сети, в которые входят отдельные пользователи или группы пользователей, не обязательно находящиеся близко друг к другу географически. Термин «виртуальные» подразумевает нефизическую связь, но не следует думать, что виртуальное сообщество меньше похоже на сообщество, чем обычное физическое.

Примерами виртуальных сообществ могут служить церковь, сервисные организации, клубы, криминальные структуры, картели, клубы фанатов и так далее. Католическая церковь и бойскауты — примеры виртуальных сообществ, которые охватывают весь мир, разрушают национальные барьеры и создают ощущение привязанности, принадлежности и общности. Мафия тоже виртуальное сообщество со своим подчиняющим устройством и собственными незаконными правилами. Можно привести еще огромное количество примеров: масоны, триады, Красный Крест, Интерпол, ислам, иудаизм, мормоны, «Сендеро Луминосо» (Sendero Luminoso), ИРА, наркокартели, террористические организации, «Арийская нация», «Гринпис», «Фронт освобождения животных» и прочие. Несомненно, подобных виртуальных сообществ больше, чем государств, и узы, связывающие их, куда прочнее шовинистических и националистических чувств. Общих интересов, будь то идеологические или какие-то иные интересы, достаточно, чтобы превратить группу в сплоченное сообщество.

Корпорации с их собственными целями и средствами, с их географически разбросанными офисами, закрытыми каналами коммуникации, в основном недоступными для внешнего мира, в том числе и для властей,— еще один существенный пример виртуального сообщества. В сущности, многие авторы киберпанковской (не шифропанковская) фантастики ошибочно, на мой взгляд, полагают, что в будущем власть сосредоточится в руках транснациональных мегакорпоративных «государств». На самом деле корпорации — это всего лишь один из примеров виртуального сообщества, которое будет находиться на равных правах с государством. (Обратите внимание на то, что законы, ограничивающие использование крипто, немедленно влекут за собой глубокие проблемы для корпораций, и когда в таких странах, как Франция и Филиппины, была предпринята попытка ограничить использование крипто, корпорации ее проигнорировали. Любая попытка объявить крипто вне закона вызовет волну непредсказуемых «слияний», и таким образом новым членам корпораций будет обеспечена защита корпоративных секретов.) В академических кругах существуют сообщества исследователей — «невидимые колледжи».

Эти виртуальные сообщества обычно «непрозрачны» для посторонних. Попытки получить доступ к внутренним делам этих сообществ очень редко бывают успешными. Правоохранительные и разведывательные организации, такие как Агентство национальной безопасности в США, Чобецу в Японии, SDECE во Франции и многие другие, могут проникать в такие группы и вести электронное наблюдение для надзора за подобными виртуальными сообществами. Неудивительно, что эти сообщества быстро приняли на вооружение технологии шифрования, начиная от шифрующих мобильных телефонов, заканчивая полнофункциональным PGP-шифрованием²³.

Использование шифрования «плохими» группами, например изготовителями детской порнографии, террористами, врачами, незаконно делающими аборт, или противниками абортов, — аргумент, постоянно приводимый теми, кто стремится ограничить гражданский доступ к инструментам шифрования. Мы называем такие группы «четырьмя всадниками инфокалипсиса», так как они зачастую являются причиной, по которой обычные граждане государства не могут получить доступ к крипто.

Ясно, что по многим существенным причинам это очень опасный аргумент. Фундаментальное право на свободу слова — это право говорить на языке, возможно, непонятном соседям или власти имущим, на зашифрованном языке. Здесь недостаточно

23 По словам Фила Циммермана, автора PGP, политическая оппозиция в Мьянме (бывшая Бирма) использует Pretty Good Privacy на ноутбуках,

места для детального обсуждения большого количества веских аргументов против ограничения хранения частной информации и доступа к средствам коммуникации и крипто.

Появление полнофункциональных систем коммуникаций будет иметь еще более глубокие последствия для компьютеризированных виртуальных сообществ. MUDs и MOOs (мультипользовательские домены и т. д.) и трехмерные виртуальные реальности, с одной стороны, и текстовые сетевые коммуникации — с другой. (Однажды в недалеком будущем они сольются, как описано в пророческом романе Вернора Винджа 1980 года «Истинные Имена».)

Возможность наблюдения и слежки

Интересно взглянуть на вопрос о сетевой видимости с точки зрения прозрачности узлов и каналов, связывающих узлы. Прозрачный — значит видимый для посторонних, возможно для сил правопорядка или разведки. Непрозрачный — значит непроницаемый, невидимый. Открытка прозрачна, письмо в конверте непрозрачно. Изобретатель PGP Фил Циммерман сравнил требование прозрачности с приказом использовать открытки для всей корреспонденции, где шифрование подобно запечатанному конверту (конверты, безусловно, можно вскрывать — так было всегда).

Прозрачные каналы и узлы — норма для полицейских государств, таких как бывший Советский Союз, Ирак, Китай и многих других.

Каналы коммуникации просматриваются, а частное использование компьютеров ограничено. (Однако это становится сложным даже в полицейских государствах; многие называют распространение средств коммуникации непосредственной причиной коллапса коммунистических государств в последние годы.)

Существует интересная «химия» или «алгебра» прозрачных каналов и узлов в сравнении с непрозрачными. Что произойдет, если каналы прозрачны, а узлы нет? (Ответ: то же самое, как если бы непрозрачными были и каналы и узлы, — вот они, результаты сильной крипто-то. Следовательно, любая попытка запретить крипто коммуникаций, пока существуют процессоры, принадлежащие частным лицам...)

Если Алиса и Боб свободны общаться и выбирать маршруты для сообщений, Алиса может использовать «крипто-арбитраж» для связи с сайтами, возможно, в других странах, которые работают так, как ей хочется (другой вариант этого понятия — «регулирующий арбитраж» — Эрик Хьюз употребляет для перенесения транзакций в другие юрисдикции). Это может подразумевать использование ремэйлера, компьютера-ретранслятора и так далее. Например, гражданам Канады запрещен доступ к делу Гомолки (судья, ведущий это противоречивое дело, приказал канадским и работающим в Канаде медиа не обсуждать кровавые подробности), но, несмотря на запрет, у них есть масса средств, включая telnet, gopher, ftp, web и проч., позволяющих получить доступ к сайтам, находящимся в других странах или даже не находящимся ни в какой определенной стране.

Большинство описанных здесь последствий возникают из-за «химии» каналов и узлов: пока не все узлы и каналы прозрачны, включая каналы связи с другими странами и узлы в этих странах, всегда могут возникнуть тайные коммуникации. Вот результаты криптоанархии.

Криптоанархия

«Сеть — это анархия». Этот трюизм — ядро криптоанархии: никакого центрального контроля, никакого правителя, никакого лидера (исключение — люди, являющиеся примером для подражания или пользующиеся хорошей репутацией), никаких «законов». Аятолла в Иране так же бессилен запретить новостные группы alt.wanted.moslem.women и alt.wanted.moslem.gay, которые ему не по нраву, как, скажем, президент Франции бессилен остановить оскорбление французского языка в soc.culture.french. Также и ЦРУ не может

запретить новостные группы, сайты и веб-страницы, которые раскрывают его секреты. По крайней мере, в Сети как таковой. Размышления о том, какие несетевые меры могут быть предприняты, остаются для упражнений параноикам и просто осторожным.

Эта неизбежная анархия распространена намного шире, чем многие предполагают. Анархия (отсутствие правителя, указывающего другим людям, что делать) характерна для многих занятий: выбор книг для чтения, фильмов для просмотра, друзей для общения и т. д. Анархия вовсе не означает полную свободу (в конце концов, мы можем читать только те книги, которые написаны и изданы), но она подразумевает свободу от принуждения. Идея анархии, однако, испорчена многими ассоциациями.

Прежде всего, анархия — это не анархия в обычном понимании беззакония, беспорядка и хаоса. Это также и не анархия бросавших бомбы «черных» анархистов XIX века, обычно ассоциирующаяся с Россией и пролетарским движением. И это не анархия «черного флага» анархо-синдикалистов и писателей вроде Пру-дона. Анархия, о которой здесь говорится, — это анархия «отсутствия руководства» (в буквальном смысле слова «арха» — правитель, глава).

Анархия имеет здесь то же значение, что и в слове «анархока-питализм», идеология свободного рынка, пропагандирующая добровольные, ненасильственные экономические транзакции²⁴. Я придумал термин «криптоанархия» как каламбур, связывая значение крипто — «скрытый» — с политическими убеждениями (подобно знаменитому обвинению Гора Видала в адрес Уильяма Бакли: «Вы крип-тофашист!») и, конечно, имея в виду, что технология криптографии делает эту форму анархии возможной. Впервые этот термин был представлен в Манифесте 1988 года, причудливо имитирующем другой знаменитый манифест. Быть может, более доступный для понимания термин, такой как «киберсвобода», имел бы ряд преимуществ, но у «криптоанархии», как мне кажется, есть свой шарм.

И слово «анархия» в том смысле, в каком оно здесь употребляется, не означает, что не существует локальных иерархий и руководителей. Группы, не находящиеся под непосредственным контролем властей, могут иметь своих лидеров, правителей, президентов клубов, выборные органы и т. д. Однако многие обходятся без них.

С политической точки зрения виртуальные сообщества, находящиеся вне поля зрения местных органов государства, могут представлять проблему для обеспечения правопорядка и сбора налогов. (Некоторым из нас нравится такое положение.) Уклонение от принудительных транзакций может подразумевать уклонение от налогов, законов, в которых сказано, кто может что-либо продавать, а кто нет, и т. д. Вероятно, многим не понравится, что кто-то уклоняется от законов, созданных для контроля поведения.

Государственные границы становятся более прозрачными для информации, чем когда-либо. Потоки бит несутся по телефонным линиям, кабелям, оптоволокну, каналам спутниковой связи, миллионам дискет, кассет, CD-дисков и т. д. Нет совершенно никакой надежды остановить информацию на границе.

В конечном счете возможность по своему желанию передавать данные в любую точку мира и по своему желанию связываться с удаленными сайтами подразумевает возможность использования «регулирующего арбитража» для преодоления законных контрольно-пропускных пунктов. Например, при отправке сообщения в США с сайта в Нидерландах следует применять какие законы? (Если кто-то полагает, что американские законы применимы к сайтам в Нидерландах, тогда почему бы ни применять иракские законы в США?)

Кроме того, регулирующий арбитраж поможет избежать путаницы в законах и постановлениях, с которыми можно столкнуться, ведя деятельность в определенной стране, включая судебные тяжбы с «глубокими карманами», которых так много в США. Перенос

24 # David Friedman, «The Machinery of Freedom: Guide to a Radical Capitalism» (Ashland, Olt: Open Court, 1989). Дэвид Фридман — ведущий теоретик анархокапитализма, как и Фридрих Хайек.

операций в Сеть за пределы судебной юрисдикции — уникальный способ уменьшить деловую задолженность. Как швейцарские банки, только по-другому.

Истинные имена и анонимные системы

Нужно сказать несколько слов о роли анонимности и цифровых псевдонимов. Хотя, конечно, это тема для отдельной статьи.

Действительно ли нужны истинные имена? Почему их хотят знать? Есть ли у государства имеющие силу основания требовать их использование?

Люди хотят знать, с кем имеют дело по психологическим и эволюционным причинам, и чтобы обеспечить возможность узнать местонахождение человека для обеспечения условий транзакции. Анонимный человек, возможно, не без оснований, кажется подозрительным.

И все-таки псевдонимы уместны во многих обстоятельствах. Мы редко знаем, является ли человек, представляющийся каким-либо именем, действительно тем самым человеком. Писатели, художники, актеры и многие другие часто используют псевдонимы. Сопrotивляемость и стойкость — вот что важно. Крипто это обеспечивает.

В списке адресов рассылки шифропанков²⁵ появились очень уважаемые люди, использующие цифровые псевдонимы, мнение о которых ничуть не хуже, чем об их «реальных» коллегах.

Сфера цифровой идентификации репутации и «капитала репутации», который накапливается или формируется под влиянием мнения окружающих, сочетает элементы экономики, теории игр, психологии и ожиданий. Здесь еще есть что изучать. Неясно, перейдет ли правительство к системе, выражаясь фигурально, требующей «водительских прав для информационной магистрали», и как подобная система может быть реализована. (Снова химия непрозрачных узлов и каналов связи.)

Примеры и использование

Многих людей удивляет, что некоторые из способов использования [криптографии] уже были тщательно исследованы. Анонимные ремэйлеры используются десятками тысяч людей, вероятно, ими даже злоупотребляют²⁶. И конечно же, шифрование с использованием RSA, PGP и т. д. широко распространено в некоторых сообществах (среди хакеров, пользователей Сети, борцов за свободу, белых сепаратистов и многих других... Здесь я не даю моральной оценки использованию этих методов).

Ремэйлеры — хороший пример для более подробного рассмотрения. На настоящий момент есть два основных вида ремэйлеров.

- Ремэйлеры в стиле шифропанка. Они обрабатывают текстовые сообщения и переадресовывают их на другие сайты; используют командный синтаксис, допускающий произвольную вложенность переадресации (столько сайтов, сколько захочется) с шифрованием PGP на каждом уровне вложения.

²⁵ Организация шифропанков была сформирована в основном Эриком Хью-зом, Джоном Гилмором и мной. Она начала свое существование с реальных встреч в Заливе и других местах и с виртуальных встреч в немодерируемой рассылке. Название дала Джудит Милон: это игра слов «киберпанк» и британского варианта написания «cipher». Подписку на рассылку можно получить, отправив единственное сообщение, subscribe cypherpunks (в теле письма) на адрес majordomo@toad.com. Ждите по меньшей мере 50 сообщений в день. В настоящий момент в списке рассылки около 600 подписчиков.

²⁶ По мнению некоторых людей, уже имеет место злоупотребление ремэйлерами. Шифропанковский ремэйлер был использован для публикации проприетарной хэш-функции RSA Data Security, Inc. в Usenet. Потороплюсь добавить, что это не был ремэйлер, с которым я работаю или который контролирую

• Ремэйлеры в стиле Юлфа. Основаны на оригинальной работе Карла Кляйнпасте и управляются и поддерживаются Юлфом Хел-сингиусом (Julf Helsingius) из Финляндии. Шифрование отсутствует. На данный момент существует только один такой сайт. (Эта система широко используется для сообщений, отправляемых в Usenet, и в основном эффективна. Такая модель опирается на надежность оператора и его нахождение в Финляндии, за пределами досягаемости судебных предписаний и повесток в суд из большинства других стран.)

В настоящее время насчитывается около двадцати шифропанк-ремэйлеров, и их количество растет каждый месяц. Нет причины думать, что в ближайшие несколько лет не появятся сотни таких ремэйлеров. BlackNet — экспериментальный «рынок информации»; эта система возникла в 1993 году. Она позволяет анонимный двусторонний обмен любой информацией. Ходят слухи, что власти США проводили расследование в отношении BlackNet из-за ее присутствия в сетях исследовательских лабораторий департамента обороны. Конечно, они почти ничего не могут с этим сделать, и следует ожидать возникновения еще большего числа таких систем.

Все это имеет глубокие и необратимые последствия для шпионажа. Любой человек, у которого есть домашний компьютер и одна из форм доступа к Сети или Всемирной паутине, может использовать эти методы для безопасного общения, анонимного или под псевдонимом, почти не боясь быть обнаруженным. «Цифровые тайники» могут быть использованы для гораздо более безопасной передачи информации, чем обеспечивают старые физические «тайники» (больше никаких сообщений, оставленных в банке из-под колы у дерева на дальней тропинке).

Доносительство — еще один набирающий обороты способ применения анонимных ремэйлеров; люди, боящиеся возмездия, используют ремэйлеры для открытой отправки информации. (Конечно, между доносительством, мщением и шпионажем существует огромная разница.)

«Гавани данных» для хранения и торговли противоречивой информацией — еще одна область, расцвет которой ожидается в будущем. Почти любой вид информации, связанной с медициной, религией, химией и т. д., незаконен или запрещен в одной или нескольких странах; таким образом, те, кто ищет эту незаконную информацию, будут обращаться к системам передачи анонимных сообщений, чтобы получить доступ или, быть может, купить эту информацию за анонимные электронные деньги. Такая информация может включать в себя базы данных кредитных историй, файлы с именами бывших арендаторов какой-либо собственности, банки органов и т. д. (На все эти вещи в США введены разные ограничения. Например, нельзя беспрепятственно составить базу данных кредитных историй или список бывших арендаторов: хорошая причина перенести их в киберпространство или, по меньшей мере, за пределы Соединенных Штатов, а затем продавать доступ к ним через ремэйлеры.) Подходящие друг другу покупатели и продавцы органов — еще один такой актуальный рынок (ведь речь идет о жизни или смерти), но разнообразные законы строго контролируют такие рынки.

Попытки использования электронных денег²⁷. О цифровой наличности уже многое написано. У компании Дэвида Чома DigiCash наиболее интересная технология, которую недавно начали тестировать на рынке. У Стефана Брэндса может быть, а может и не быть конкурирующая система, которая обходит некоторые патенты Чома. (Отношение криптоанархистов к патентам — еще одна тема для обсуждения. Достаточно сказать, что патенты и другие вопросы, касающиеся интеллектуальной собственности, не теряют своей важности в физическом мире, несмотря на разрушительное действие технологических тенденций.) Системы, основанные на использовании кредитных карточек, например First Virtual System, — это не совсем цифровая наличность с точки зрения концепции анонимных

27 # Статья об электронных деньгах в журнале The Economist, 26 ноября 1994, р. 21—23. Статья об электронных деньгах Стивена Леви в журнале Wired (декабрь 1994).

счетов Чома, но они дают некоторые преимущества, которые могут быть полезны на рынке, пока не будут доступны более совершенные системы. Я предполагаю увидеть намного больше таких экспериментов в ближайшие несколько лет, и некоторые из них, вероятно, будут коммерчески успешными.

Торговля и колонизация киберпространства

Как же эти идеи повлияют на развитие киберпространства? «Ты не можешь питаться киберпространством» — часто приводимый аргумент о роли киберпространства в повседневной жизни. Суть этого аргумента в том, что деньги и богатства, накопленные в киберпространственных системах будущего (или ближайшего будущего), невозможно будет «отмыть» в реальном мире. Даже такой пророк, как Нил Стивенсон, в своей книге «Лавина» сделал главного героя очень состоятельным человеком в Мультиверсе, но почти нищим в физическом мире²⁸.

Это возможно по нескольким причинам. Во-первых, мы каждый день видим перевод ценностей из абстрактного мира биржи, секретного знания консультантов и т. д. в реальный мир. «Консультант» здесь ключевое слово. Во-вторых, тем, кто отмывает деньги, хорошо известно множество способов сделать это посредством фальшивых счетов, невостребованных займов, предметов искусства и т. д. Эти и другие, более передовые методы, вероятно, будут использованы людьми, желающими перенести свои доходы из киберпространства в реальный мир. (Еще одно затруднение состоит в том, как сделать это анонимно, не оставив следов. Возможно, есть какие-то методы. Идеи по этому вопросу выглядят обстоятельными, но над ними нужно еще много работать.)

Всемирная паутина растет стремительными темпами. В сочетании с коммуникациями и электронной наличностью в каком-либо виде (несколько сейчас испытываются), защищенными криптографическими методами, это должно привести к долгожданной колонизации киберпространства. Большинство пользователей Сети и Всемирной паутины уже почти не обращают внимания на мнимые законы регионов и стран, где они живут, несомненно, ощущая себя в большей степени членами виртуальных сообществ, нежели членами сообществ, управляемых местным правительством.

И эта тенденция набирает обороты.

Важнее всего то, что информация может быть передана и продана, в том числе анонимно, а затем использована в физическом мире. Нет оснований ожидать, что это не послужит главной причиной «переселения» в киберпространство.

Последствия

Я уже несколько раз затрагивал вопрос о последствиях. Многие сознательные люди обеспокоены возможностями, открываемыми сильной криптографией и анонимными системами коммуникаций. Некоторые предлагают ограничить доступ к инструментам криптографии. Недавний спор в США о Clirreg и других системах депонирования ключей (key escrow)²⁹ демонстрирует накал страстей вокруг этой темы. Могут возникнуть отвратительные рынки. К примеру, анонимные системы и неотслеживаемые электронные деньги имеют некоторые очевидные последствия для подготовки заказных убийств и подобных вещей. (Наибольший риск при подготовке таких операций состоит в том, что непосредственная встреча раскрывает покупателей и продавцов этих услуг. Криптоанархия

28 Нил Стивенсон, «Лавина».

29 Key escrow — система поддержки криптоключей какой-то третьей стороной, например независимым доверенным агентством.

уменьшает или даже устраняет этот риск, тем самым снижая стоимость транзакции. Риск для непосредственного исполнителя не уменьшается, но покупателю и не нужно беспокоиться об этом риске. Представьте себе анонимные сервисы депонирования, которые хранят деньги, пока работа не сделана. В связи с этим возникает много вопросов. Жаль, что эта область так мало обсуждается... Кажется, люди с антипатией относятся к тому, чтобы упражняться в логике в таких областях.) О последствиях для корпоративного и государственного шпионажа я уже говорил. В сочетании с подвижным рынком информации они создадут трудности для хранения секретов. (Представьте «цифровую Джейн» за руководствами по военному оружию, анонимно составленными и проданными за электронные деньги, вне досягаемости различных правительств, которые не хотят, чтобы их секреты были раскрыты.)

Новые пути отмывания денег — еще одна область для исследования.

Неизбежно возрастет роль личности, что приведет к созданию нового вида элиты. Те, кто чувствует себя комфортно с описанными здесь инструментами, могут избегать ограничений и налогов, чего не могут остальные. Если местные законы можно обходить технологическими средствами, последствия очевидны.

Безусловно, последствия для свободы личности будут очень значительными. Государство больше не будет диктовать своим гражданам, что им может быть доступно, если граждане имеют возможность получить доступ к киберпространству через анонимные системы.

Насколько все это вероятно?

Я не делаю смелых прогнозов о том, что эти изменения могут в любой момент обрушиться на мир. Большая часть людей не имеют представления об этих методах, да и сами методы находятся на стадии разработки. Массовый переход к «жизни в киберпространстве» еще невозможен, по крайней мере не в ближайшие несколько десятилетий. Но для обширной и растущей группы людей Сеть — это реальность. Там заводят друзей, ведут бизнес и находят вдохновение. И многие из этих людей используют инструменты криптоанархии. Анонимные ремэйлеры, пулы сообщений, рынки информации. Люди начали добывать информацию под псевдонимом, и количество таких людей еще возрастет. (Как обычно, отсутствие сильной системы электронной наличности замедляет процессы.)

Можно ли остановить криптоанархию? Несмотря на то, что развитие событий пока неясно, так как будущее почти всегда неясно, маловероятно, что настоящие тенденции переменятся, а именно:

- поразительное увеличение пропускной способности и вычислительной мощности компьютеров, которыми владеют частные лица;
- экспоненциальный рост числа пользователей Сети;
- быстрое увеличение степени свободы в личных предпочтениях, вкусах, желаниях и целях;
- неспособность властей контролировать экономику, культурную моду и т. д.³⁰

Сеть неразрывно связана с экономическими транзакциями, и ни одна страна не может себе позволить «отсоединиться» от нее. (СССР попытался это сделать и отстал от США, европейских и азиатских стран на световые годы.) И уже через несколько лет не будет никакой надежды ограничить использование этих инструментов, ФБР это признало³¹.

30 См. обсуждение проблемы упадка централизованного управления и современной парадигмы — рыночных механизмов, личного выбора и технологических возможностей в книге Кевина Келли «Out of Control: The Rise of Neo-Biological Civilization» (Reading, MA: Addison Wesley, 1994) (или см. сайт: wiki.xref.ru/OutOfControl).

31 Во время дебатов по поводу законопроекта о цифровой телефонии сотрудник ФБР заявил, что невозможность получить разрешение на прослушивание телефонных разговоров в течение восемнадцати месяцев сделает законопроект спорным, так как стоимость поднимется выше любого разумного бюджета (на настоящий момент 500 миллионов долларов на расходы по модификации).

Технологическая неизбежность: эти инструменты уже широко распространены, и только драконовские меры по ограничению доступа к компьютерам и каналам коммуникации могли бы существенно повлиять на их дальнейшее использование. (Сценарии ограничения частного использования крипто.)

Как заметил Джон Гилмор, «Сеть склонна воспринимать цензуру как повреждение и обходить ее». Это также применимо к попыткам издать законы о поведении в Сети. (Абсолютная невозможность контролировать Всемирную сеть с точками выхода в более чем ста странах и миллионом компьютеров до сих пор не до конца осознана правительствами большинства стран, которые до сих пор рассуждают о контроле Сети, в то время как в действительности законы одного государства по преимуществу не действуют в других странах.)

Электронные деньги в их различных видах, пожалуй, самое слабое звено. Большинство остального мира работает по меньшей мере в начальном виде, но цифровую наличность по понятным причинам сложнее ввести в оборот. Любительские или «игрушечные» эксперименты вышли неуклюжими, и их «игрушечная» сущность слишком заметна. Сейчас еще сложно пользоваться электронной наличностью («чтобы использовать Magic Money, сначала создайте клиент...»), особенно по сравнению с их простой для понимания альтернативой³². Ясно, что люди не расположены доверять настоящие деньги таким системам. И до сих пор не совсем понятно, что можно купить за цифровую наличность (дилемма «курица или яйцо», которая должна разрешиться в последующие несколько лет). Электронные деньги, электронные банки и т. д. — вероятные мишени для законодательных попыток ограничения развертывания криптоанархии и электронной экономики. Через банковское регулирование или налоговые законы, похоже, электронные деньги будет нелегко ввести в обращение («Дети, не пробуйте повторить это дома!»).

Некоторые из существующих схем также могут включать в себя методы оповещающих власти транзакций, занимающихся сбором налогов, и могут содержать функции «депонирования криптоключей», которые сделают транзакции полностью или частично видимыми для властей.

Заключение

Сильная криптография помогает достичь нового уровня приватности, становящейся все более важной в эру усилившегося надзора, наблюдения и искушения потребовать удостоверение личности и бланк допуска. Часть работы «удостоверения без личности» Чома и других может приостановить движение в сторону общества, находящего под наблюдением.

Последствиями, как мне представляется, будут ослабление силы государства, реорганизация налоговой полиции, экономическое взаимодействие будет основано на личном учете ценностей, а не на общественном заказе.

Хорошо ли это? В целом да. У криптоанархии есть некоторые аморальные аспекты, в этом нет никаких сомнений. От относительно незначительных аспектов, таких как ценообразование и внутренняя торговля, к более серьезным, таким как экономический шпионаж, разглашение информации, принадлежащей корпорациям, и даже до чрезвычайно аморальных вещей, таких как анонимный рынок заказных убийств.

Но давайте не будем забывать, что государство, прикрываясь тем, что защищает нас, только в этом веке убило больше 100 миллионов человек. Мао, Сталин, Гитлер и Пол Пот —

³² Magic Money — экспериментальная реализация системы электронных денег Чома. Она была написана PrOduct Cypher, анонимным членом шифропанк-рассылки. Никто из нас не знает его подлинной личности, так как он использовал для связи ремэйлеры и ставил на свои сообщения цифровую подпись. Многие из нас сочли, что этой системой слишком сложно пользоваться, а это является свидетельством наличия серьезных проблем, связанных с использованием цифровых аналогов (это непреднамеренный каламбур) настоящим, физическим деньгам.

это лишь наиболее яркие примеры. Трудно себе представить, что уровень убийств по цифровому контракту когда-нибудь приблизится к варварству государства. (Однако я согласен, что мы можем, говоря об этом, допускать ошибку; я не думаю, что у нас есть выбор, принимать крипто-анархию или нет, поэтому я предпочитаю сосредоточиться на ее светлой стороне.) Сложно спорить с тем, что опасность анонимных рынков и уклонение от налогов оправдывает всемирное подавление использования инструментов шифрования и коммуникаций. Люди всегда убивали друг друга, и государство не могло это остановить (возможно, оно даже усугубило ситуацию, как показали мировые войны двадцатого столетия).

Кроме того, существуют различные способы уменьшения риска влияния криптоанархии на личную безопасность³³.

Сильная криптография предоставляет технологические средства, обеспечивающие подлинную свободу читать и писать то, что хочется человеку. Хотя, возможно, не под подлинным именем, так как государство, вероятно, все-таки будет пытаться контролировать наши действия (посредством голосов большинства), то, что можно говорить, а что нельзя, что читать, а что не читать, и т. д. И конечно, если есть свобода слова, свобода и множество видов экономического взаимодействия, неразрывно связанных со свободой слова.

Наступает новая эпоха. Набравшие силу виртуальные сообщества меняют традиционные взгляды на статус государства. Географическая близость уже не так важна, как раньше.

Предстоит еще много работы. Техническая криптография пока не решила всех проблем, роль репутации — хорошей или плохой — нуждается в дальнейшем изучении, и многие практические вопросы еще мало изучены. Мы будем колонизаторами киберпространства.

Выражаю благодарность моим коллегам, бывшим или настоящим, по Шифропанк-организации, всем семистам человек. Свыше ста мегабайт трафика прошло через Шифропанк-рассылку, что дало большое количество интересных идей. Но особую признательность я выражаю Эрику Хьюзу, Сэнди Санд-форту, Данкану Фрисселу, Хэлу Фини, Перри Мецгеру, Нику Шабо, Джону Гилмору, Уиту Диффи, Карлу Эллисону, Биллу Стюарту и Гарри Бартоломью. Спасибо также Робину Хэнсону, Теду Кэлеру, Кейт Хенсон, Чипу Монингстару, Эрику Дину Трибблу, Марку Миллеру, Бобу Флемингу, Чери Кушнер, Майклу Корнсу, Джорджу Готтлибу, Джиму Беннету, Дейву Россу, Гейлу Пергамит и особенно Филу Салину. В заключение спасибо за ценные обсуждения, иногда длинные, иногда короткие, Вернору Винджу, Дэвиду Фрилману, Руди Рю-керу, Дэвиду Чому, Кевину Келли и Стивену Леви.

Манифест шифропанка³⁴ **Эрик Хьюз**

Приватность необходима открытому обществу цифрового века. Приватность и секретность не одно и то же. Частное дело — это то, о чем, по мнению человека, всему миру знать не нужно, о секретном же деле не должен знать вообще никто. Приватность — это возможность выбирать, какую информацию о себе открыть миру.

³³ Робин Хэнсон и Дэвид Фридман написали достаточно о сценариях борьбы с угрозами вымогателей, потенциальных наемных убийц и т. д. См. рассылку Extropian за 1992—1993 гг.

³⁴ Этот текст широко распространялся по Интернету. Публикуется с разрешения автора. © Eric Hughes, 1993. [Перевод О. Турухиной.]

Если две стороны заключают сделку, у каждой из них остаются воспоминания, о которых она впоследствии может рассказать. Разве кто-то способен этому помешать? Можно было бы принять запрещающий это закон, однако свобода слова еще более важна для открытого общества, чем приватность. Мы не пытаемся добиться ограничения свободы слова. Если на одном форуме в дискуссии участвует множество людей, каждый из них может обращаться к остальным и обобщать сведения о некоторых лицах или других участниках. Электронные коммуникации сделали такие дискуссии возможными, и они никуда не исчезнут только потому, что нам этого хочется.

Если нам необходима приватность, мы должны позаботиться о том, чтобы все участники транзакции располагали только той информацией, которая требуется для совершения сделки. Поскольку любая информация может быть передана, мы должны постараться рассказать о себе настолько мало, насколько это возможно. В большинстве случаев личность человека не очевидна. Когда я, покупая в магазине журнал, отдаю деньги продавцу, ему нет необходимости знать, кто я. Когда я договариваюсь с провайдером об отсылке и получении электронной почты, ему не нужно знать, кому я посылаю сообщения, что я пишу и что мне отвечают; ему нужно знать только, как их доставить и сколько я должен за это платить. Если механизмы транзакции таковы, что моя личность непременно раскрывается, значит, приватности у меня нет. У меня нет возможности выбирать, раскрывать свою личность или нет; я всегда должен это делать.

Приватность в открытом обществе, таким образом, подразумевает наличие системы анонимных транзакций. До настоящего времени наличные деньги оставались основой такой системой. Система анонимных транзакций — это не система секретных транзакций, но система, дающая человеку возможность раскрывать свою личность только тогда, когда он сам этого захочет. Вот в чем суть приватности.

Приватность в открытом обществе требует использования криптографии. Если я что-то говорю, то хочу, чтобы это слышали только те люди, к которым я обращаюсь. Если мои слова доступны всему миру, приватности у меня нет. Использование шифрования указывает на стремление к приватности, использование для шифрования слабой криптографии говорит о том, что это стремление не слишком велико. Кроме того, если сообщение послано анонимно и вы хотите иметь гарантию, что ваша личность будет раскрыта только получателю, необходимо использовать криптографическую подпись.

Не приходится рассчитывать на то, что государство, корпорации или другие крупные безликие организации добровольно предоставят нам приватность. Им выгодно разглашать информацию о нас, и мы должны быть к этому готовы. Пытаться заставить их молчать — значит бороться с существующей информационной реальностью. Информация не просто хочет быть свободной — ей это необходимо. Информация занимает весь предоставленный ей объем. Информация — это младшая, но более сильная сестра Молвы: она быстрее, у нее больше глаз, она больше знает, но понимает меньше, чем Молва.

Если мы рассчитываем на приватность, то должны сами ее защищать. Мы должны объединиться и создать системы, которые позволят осуществление анонимных транзакций. Люди веками пытались добиться приватности, используя шепот, темноту, конверты, закрытые двери и курьеров. Однако эти методы не могли обеспечить полной приватности, а вот электронные технологии могут.

Мы, шифропанки, призваны создать анонимные системы. Мы защищаем свою приватность с помощью криптографии, анонимных систем переадресации электронной почты, цифровых подписей и электронных денег.

Шифропанки пишут программы. Мы знаем, что кто-то должен писать программы для защиты приватности, а поскольку мы не сможем добиться приватности, пока ее не получат все, мы напишем такие программы. Мы публикуем код программ, чтобы наши единомышленники могли попрактиковаться и поработать над ним. Он доступен любому в любой точке планеты. И нам нет дела, что кто-то не одобряет наши программы. Мы уверены,

что их невозможно уничтожить и что работу над распространившейся по всему миру системой нельзя остановить.

Шифропанки протестуют против ограничения использования криптографии, поскольку шифрование — основной способ защиты приватности. Шифрование, в сущности, делает информацию недоступной широкой общественности. Законы, запрещающие использование криптографии, бессильны за пределами границ конкретного государства. Криптография неизбежно распространится по всему миру, а вместе с ней и системы анонимных транзакций, существование которых она делает возможным.

Широкое распространение приватности требует, чтобы она стала частью общественного договора. Люди должны объединиться и использовать эти системы ради общего блага. Приватность будет поддерживаться только в том случае, если все члены общества объединятся для этого. Мы, шифропанки, готовы выслушать ваши вопросы и предложения и надеемся, что вы присоединитесь к нам и поможете осуществить наши планы. Однако мы не отклонимся от нашего курса только потому, что кому-то не по душе цели, которые мы преследуем.

Мы, шифропанки, активно работаем, чтобы достичь приватности в сетях. Давайте же продолжим наше дело вместе.

Вперед. Будущее криптографии **Дороти Деннинг**³⁵

Для обозначения неминуемого наступления Славного Нового Мира, когда правительства в том виде, в каком они сейчас существуют, рассыплются, исчезнут и будут заменены виртуальными сообществами, свободными беспрепятственно делать все, что пожелают, несколько лет назад было придумано слово криптоанархия. Сторонники криптоанархии утверждают, что она является неизбежным (и желанным) следствием изобретения криптографии с открытым ключом. Они заявляют, что криптоанархия сделает невозможным государственный контроль над информацией, ведение досье, прослушивание телефонных разговоров, регулирование экономической деятельности и даже сбор налогов. Люди будут свободны от принуждения со стороны своих физических соседей и государства. Эту точку зрения в последнее время поддерживал Тим Мэй³⁶.

В основе взглядов анархистов лежит убеждение в том, что гарантия полной приватности и анонимности транзакций будет способствовать гражданскому обществу, основанному на либертарианском свободном рынке. Они ссылаются на Томаса Джефферсона и Фридриха Хайека, которых ужаснула бы мысль о том, что общество без правительства может быть гражданским или свободным. Адам Фергюсон однажды сказал: «Свобода или Независимость — это не то, что, как может показаться, подразумевает происхождение этих слов; это не освобождение от всех ограничений, но наиболее целесообразное приложение всех справедливых ограничений, распространяющихся на каждого члена свободного общества, независимо оттого, является он должностным лицом или простым гражданином». Свою книгу «Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма» Хайек начинает именно с этой цитаты Фергюсона³⁷.

³⁵ Эта статья первоначально была представлена в виде доклада на Joint Australian/OECD Conference on Security, Privacy and Intellectual Property Protection in the Global Information Infrastructure (Объединенная конференция Австралии и Организации экономического сотрудничества и развития [ОЭСР] по безопасности, приватности и защите интеллектуальной собственности в глобальной информационной инфраструктуре) в 1996 году. Печатается с разрешения автора. © Dorothy E. Denning, 1996. [Перевод О. Турухиной.]

³⁶ Tim May, «Crypto Anarchy and Virtual Communities», Internet Security (April 1995): p. 4—12 (§ 7 в данной антологии).

Хотя Мэй делает невнятное заявление о том, что анархия не означает беззакония и беспорядка, отсутствие правительства приведет к возникновению именно этих форм хаоса. Я не хочу жить в анархическом обществе, если его вообще можно назвать обществом, и сомневаюсь, что многие хотят этого. Все больше людей привлекает экономический либерализм, концепцию которого разрабатывали Джефферсон, Хайек и другие, — но не анархия. Таким образом, крип-тоанархисты практически утверждают, что эта технология приведет к исходу, которого не хочет большинство из нас.

Вот то заявление, с которым я хочу здесь выступить: я не считаю криптоанархию неизбежной. Новая парадигма криптографии — депонирование криптоключей — выходит из тени и получает распространение в промышленности. Инструменты, которые предлагает эта технология, не обеспечат абсолютной приватности или полной анонимности любых транзакций. Я утверждаю, что возможности депонирования криптоключей позволят людям отдать предпочтение гражданскому, а не анархическому обществу. Далее я сделаю обзор этой технологии, а также возможностей избежать криптоанархии. Однако сначала я хочу поговорить о пользе, ограничениях и отрицательных сторонах криптографии, а также о текущих тенденциях, ведущих к криптоанархии.

Польза, ограниченность и отрицательные стороны криптографии

Польза криптографии хорошо известна. Шифрование защищает хранимую или передаваемую информацию от несанкционированного доступа и раскрытия. Другие методы криптографии, например средства аутентификации и цифровые подписи, предотвращают использование для проникновения в компьютерную систему ложного IP-адреса и подделку сообщений. Практически все согласны с тем, что криптография — важнейшее средство обеспечения информационной безопасности, которое должно быть доступно пользователям. Я возьму это утверждение в качестве первой посылки, и в этом отношении я полностью согласна с криптоанархистами.

Об ограниченности криптографии говорят меньше. Шифрование обычно преподносится как средство для решения всех проблем с безопасностью и для ликвидации угроз, с которыми оно на самом деле не может справиться. Например, заголовок статьи Джима Уорена, опубликованной на странице комментариев в San Jose Mercury News, гласит: «Шифрование могло бы остановить компьютерных взломщиков»³⁸. К сожалению, у шифрования нет таких возможностей. Оно бессильно против многих распространенных способов атак, включая те, которые используют плохую настройку или уязвимости сетевых протоколов и программного обеспечения, в том числе программного обеспечения, предназначенного для шифрования. Обычно для того чтобы избежать проникновения злоумышленников, используются другие средства. Система Sidewinder™, разработанная Secure Computing Corporation и описанная в книге Уильяма Чесвика и Стивена М. Белловина «Брандмауэры и Интернет-безопасность», устраняет 42 «бомбы» (уязвимости), не используя при этом шифрования³⁹.

Более того, защита, которую дает шифрование, может оказаться иллюзией. Если злоумышленнику удастся проникнуть в систему, где используется шифрование, он сможет напрямую обратиться к незашифрованному тексту, хранящемуся в файлах или в памяти, или изменить настройки сетевых протоколов, программных приложений или программ для шифрования и получить доступ к ключам шифрования, незашифрованному тексту или нарушить процедуру шифрования. Например, программу Pretty Good Privacy (PGP) можно

37 Friedrich Hayek, «The Fatal Conceit: The Errors of Socialism», ed. by W. W. Bart-ley III (Chicago: University of Chicago Press, 1988).

38 Jim Warren, «Is Phil Zimmermann Being Persecuted? Why? By Whom», Internet Security (April 1995): p. 15—21.

39 Secure Computing Corporation, «Ответы на Часто Задаваемые Вопросы о Сетевой Безопасности», Roseville, MN, October 1994; William R. Cheswick and Stephen M. Belovin, «Firewalls and Internet Security: Repelling the Wily Hacker» (Reading, MA: Addison-Wesley, 1994).

заменить троянской программой, которая, на первый взгляд, будет вести себя так же, как PGP, но помимо этого, подобно программам для сбора паролей, создаст скрытый файл с пользовательскими ключами шифрования для последующей передачи владельцу «трояна». Недавняя проверка 8932 компьютеров на возможность проникновения, проводившаяся Агентством по защите компьютерных систем, показала, что 88% компьютеров не защищены от атаки. Использовать PGP для шифрования данных, передаваемых или хранящихся на обычном компьютере, — то же самое, что установить надежный замок на заднюю дверь здания, а главный вход оставить открытым. Для обеспечения безопасности недостаточно одного шифрования — необходимы аутентификация, грамотная настройка, хорошая архитектура, контроль до-стуга, брандмауэры, аудит, опыт и многое другое.

Отрицательные стороны криптографии также часто остаются незамеченными. Широкое распространение сильной криптографии вкупе с анонимными сервисами может привести к тому, что коммуникация станет недоступной для законного перехвата (прослушивания), а документы — для легального поиска и изъятия, будет невозможным государственный контроль и регулирование электронных транзакций. Это будет иметь пагубные последствия для общественной безопасности и экономической и социальной стабильности. Без надзора государства компьютеры и телекоммуникации станут безопасным местом для преступной деятельности. Даже Мэй признает, что крипто-анархия предоставляет возможности для уклонения от налогов, отмывания денег, шпионажа (с использованием «мертвых цифровых тайников»), заказных убийств и создания хранилищ незаконной или противоречивой информации. Кроме того, шифрование угрожает национальной безопасности, так как будет служить помехой для организации разведывательных операций за рубежом. США, наряду со многими другими государствами, накладывает ограничение на экспорт технологий шифрования, чтобы уменьшить эти риски.

Криптография также представляет угрозу для организаций и частных лиц. Используя шифрование, служащий компании может продавать проприетарную⁴⁰ электронную информацию конкурентам; исчезает необходимость в фотокопировании и физической передаче документов. Электронная информация может быть продана и куплена в хорошо защищенных и полностью анонимных «черных сетях», таких как Black-Net, где можно легко нанять людей для корпоративного или государственного шпионажа. Ключи, открывающие принадлежащие корпорации файлы, могут быть потеряны, повреждены или похищены с целью получения выкупа, делая ценную информацию недоступной.

Рассматривая угрозы, которые создает криптография, важно понимать, что опасность представляет только использование шифрования для достижения конфиденциальности и анонимности. Использование же криптографии для сохранности информации и аутентификации, в том числе для цифровых подписей, опасности не представляет. В самом деле, обеспечивая сохранность доказательств и устанавливая их источник, инструменты криптографии, предназначенные для аутентификации, могут помочь в расследовании преступлений. Поскольку для аутентификации и конфиденциальности могут использоваться разные криптографические методы, ограничения, которые могут быть наложены на средства криптографии, не повредят механизмам аутентификации или протоколам, использующим аутентификацию для предотвращения проникновения в систему и фальсификации или замены кода кодом злоумышленника.

Дрейф в сторону криптоанархии

Криптоанархию можно рассматривать как стремительное распространение криптографии, обеспечивающее защиту конфиденциальности и сохраняющее все ее отрицательные стороны. Криптоанархия — это шифрование, защищающее от государства, не

⁴⁰ Проприетарный — то есть находящийся в чей-то собственности.

позволяющее правительству получить доступ к информации даже по судебному ордеру или другому законному предписанию. Криптоанархия не гарантирует защиты пользователей и организаций от несчастных случаев и злоупотреблений при использовании средств криптографии. Она похожа на автомобиль без тормозов, без ремней безопасности, без системы контроля загрязнения воздуха и без номерных знаков, в который к тому же невозможно попасть, если оставить ключи внутри.

Криптоанархисты считают, что киберпространство неотвратимо движется к криптоанархии. Сильные алгоритмы шифрования, включая DES, тройной DES (triple-DES), RSA и IDEA, легко доступны и бесплатно распространяются на Интернет-серверах в виде отдельных программ или как часть пакетов, содержащих средства для шифрования файлов и электронной почты и создания цифровых подписей. Одним из таких пакетов является PGP: он использует для шифрования файлов и электронной почты алгоритмы RSA и IDEA и довольно популярен. Из Интернета можно бесплатно скачать программное обеспечение, способное превратить обычный компьютер в безопасный телефон и не имеющее механизмов, поддерживающих санкционированное правительством дешифрование. Контроль экспорта малоэффективен, так как подобные программы могут быть выложены на сайты в странах, где нет таких законов.

Средства шифрования не только бесплатно распространяются в Сети, но и становятся основной частью коммерческих программных пакетов и сетевых приложений. IP Security Working Group of Internet Engineering Task Force был разработан документ, предусматривающий полностью совместимую с DES-криптографией реализацию IPv6 (Internet Protocol, версия 6).

Анонимные ремэйлеры, позволяющие пользователям отправлять сообщения, не раскрывая своей личности и не позволяя идентифицировать компьютер отправителя, также приобрели популярность у пользователей Интернета. Мэй говорит о существовании в Интернете примерно двадцати ремэйлеров в стиле шифропанка, и их количество каждый месяц увеличивается. Такие ремэйлеры обеспечивают произвольную вложенность переадресации, причем на каждом уровне переадресации может использоваться шифрование PGP.

Не за горами появление систем анонимных цифровых наличных, которые сделают невозможной отслеживание электронных платежей.

Потенциальный вред криптографии уже начал сказываться. В мае 1995 года из нескольких бесед я узнала, что при ведении многих дел следственные органы сталкивались с зашифрованными сообщениями и файлами. Эти дела были связаны с детской порнографией, контрабандой, наркотиками, шпионажем, растратами, убийствами, препятствованием осуществлению правосудия, протестом против налогов и терроризмом. На конференции International Cryptography Institute, проводившейся в сентябре 1995-го в Вашингтоне, директор ФБР Луис Фри сообщил, что проводившееся на Филиппинах расследование заговора, целью которого было убийство папы Иоанна Павла II и взрыв американского авиалайнера, показало, что террористы использовали шифрование⁴¹.

Специализирующаяся на поставках правоохранительным органам и компаниям программного обеспечения, предназначенного для восстановления информации, доступ к которой заблокирован средствами шифрования, компания AccessData Corp. (из Орема, штат Юта) утверждает, что каждый день от компаний поступает больше дюжины звонков. Около половины подобных звонков являются следствием того, что сотрудники недобросовестно относятся к работе и пропускают промежуточные этапы процесса шифрования, не оставляя необходимых ключей (обычно в форме паролей). Другая часть звонков поступает после смерти сотрудников компаний или их увольнения, при котором они просто забывают оставить ключи. В остальных случаях речь идет о потере ключей служащими компании.

41 Louis J. Freech, Keynote talk at International Cryptography Institute, Вашингтон, округ Колумбия, сентябрь 1995, доступен по адресу <http://www.fbi.gov/crypto.html>.

Появление альтернативы: депонирование криптоключей

Чтобы использовать преимущества сильной криптографии, не обязательно становиться на ведущий к беспорядку в обществе путь криптоанархии. Существует многообещающая альтернатива — шифрование с депонированными криптоключами (или депонированное шифрование)⁴². Идея заключается в сочетании сильного шифрования и возможности аварийного дешифрования, обеспечиваемой связыванием зашифрованной информации и ключа восстановления данных, с помощью которого производится дешифрование. Этот ключ не обязательно должен быть (и обычно не бывает) тем ключом, который используется при нормальном дешифровании, однако он должен обеспечивать доступ к такому ключу. Ключ восстановления данных обычно хранится у доверенного лица, которым может являться государственная организация, суд, доверенная или обеспеченная облигациями частная организация. Ключ может быть разделен между несколькими такими организациями. Организации, у которых есть агенты по депонированию, могут также иметь свои собственные ключи для аварийного дешифрования. Следственная или разведывательная организация для получения доступа к коммуникациям или хранящимся в компьютере файлам должна подать заявление и пройти определенные процедуры (обычно это получение судебного ордера), после чего ей выдается ключ. Порядок получения доступа, аудит и другие мероприятия защищают законные интересы, касающиеся приватности.

В апреле 1993 года в ответ на растущую необходимость в средствах шифрования администрация Клинтона поддержала их разработку и распространение при условии, что следственные органы, наде-денные полномочиями для перехвата сообщений или поиска файлов, смогут осуществлять дешифрование⁴³. Правительственным агентствам была поручена разработка всеобъемлющей политики в сфере шифрования, которая бы учитывала нужды граждан и фирм в приватности и защите, возможность уполномоченных должностных лиц получать доступ к коммуникациям и информации по судебному или другому законному предписанию, эффективное и своевременное использование современных технологий для создания государственной информационной инфраструктуры и необходимость компаний США в производстве и экспорте высокотехнологичных товаров. Вовсе не ставилась цель запретить использование криптографии гражданами или «заклеймить криптографию как средство, которое используют только преступники». Частью этой инициативы была государственная разработка чипа Slipper, предполагающего депонирование шифроключей.

В каждом чипе Slipper запрограммирован уникальный ключ, который используется для восстановления данных, зашифрованных с помощью чипа. Ключ состоит из двух частей, одна из которых хранится в Государственном институте стандартов и технологий, а вторая — в Департаменте автоматизированных систем министерства финансов. Skipjack, закрытый алгоритм шифрования, используемый Slipper'ом, был разработан Агентством национальном безопасности⁴⁴. Он имеет восьмидесятибитный ключ. В феврале 1994 года были приняты

42 Характеристики систем шифрования с поддержкой депонирования криптоключей: Dorothy E. Denning и Dennis K. Branstad, «A Taxonomy of Key Escrow Encryption», Communications of the Association for Computing Machinery (March 1996). Более детальное описание тридцати систем вы можете найти по адресу <http://www.cosc.georgetown.edu/~denning/crypto>. Смотрите также: Dorothy E. Denning, «Key Escrow Encryption: The Third Paradigm», Computer Security Journal (Summer 1995), и Dorothy E. Denning, «Critical Factors of Key Escrow Encryption Systems», Proceedings of the Eighteenth National Information Systems Security Conference, Baltimore, October 1995.

43 Заявление пресс-секретаря, Белый дом, 16 апреля 1993 г.

44 Поскольку алгоритм закрыт, то для его изучения были приглашены специалисты, которые должны были сообщить свои выводы общественности. См. по адресу <http://www.cosc.georgetown.edu/~denning/crypto>: Ernest F. Brickel, Dorothy E. Denning, Stephen T. Kent, David P. Maher, Walter Tuchman, «The SKIPJACK Review, Interim Report: The SKIPJACK Algorithm», July 28, 1993

общая спецификация для Clipper — Escrowed Encryption Standard (EES), государственного стандарта для телефонных коммуникаций: голосовых сообщений, факсов и передаваемых данных. Реализация стандарта ESS требует использования защищенного от несанкционированного доступа аппаратного обеспечения для предохранения закрытого алгоритма. Для чипа и связанной с ним системы депонирования криптоключей были приняты исчерпывающие меры предосторожности, например двухсторонний контроль и аудит, защищающие от несанкционированного использования ключей⁴⁵. Система депонирования Clipper'a не обеспечивает пользователю возможности восстановления данных.

Агентство национальной безопасности разработало и более передовой чип под названием Capstone, являющийся частью «Инициативы по многоуровневой защите информационных систем» (MISSI). Чип Capstone реализует EES и алгоритмы Digital Signature Standard (DSS) и обмена сеансовыми ключами. Capstone встроен в карты Fortezza (карты PCMCIA), где используется для обеспечения безопасности при передаче сообщений и хранении файлов. Секретные ключи, хранящиеся на карте Fortezza и используемые для обмена ключами и создания цифровых подписей, не могут храниться в системе депонирования Clipper'a. Однако они поддерживаются лицензированным лицом, которому пользователь предоставляет свой открытый ключ, и могут быть восстановлены в случае повреждения карты, что позволяет прочесть зашифрованные файлы и полученные электронные сообщения. Карты Fortezza могут быть снабжены возможностью работы с модемом, при этом шифрование и дешифрование могут быть реализованы как часть протокола передачи данных или вызываться независимо (например, для шифрования отдельных файлов или электронных сообщений).

В распространении технологий шифрования с депонированными криптоключами заинтересовано не только правительство. Депонирование ключей в определенном виде реализовано в таких коммерческих продуктах, как Fisher Watchdog®, Nortel's Entrust, PC Security Stoplock KE, RSA Secure™ и TECSEC Veil™. Поддержка ключей производится организацией, в которой работает пользователь, и в основном служит для предотвращения потери данных.

Несколько компаний предложили модели коммерческих систем шифрования с депонированием криптоключей, основанных на хранении ключей у доверенной третьей стороны, которая должна обеспечить аварийное дешифрование по требованию пользователя или уполномоченных государственных служащих. Доверенная сторона может получить лицензию, которая будет подтверждать ее навыки в управлении таким шифрованием, ключами для восстановления данных, а также другой важной информацией. Некоторые из предложенных систем были разработаны с учетом возможности международного использования.

Примером может служить предложение Bankers Trust интернациональной коммерческой системы шифрования с поддержкой депонирования криптоключей для безопасных коммуникаций⁴⁶. Система использует сочетание аппаратного и программного обеспечения, открытые алгоритмы и криптографию с открытым ключом для обмена ключами и поддержки ключей третьей стороной. У каждого пользователя должно быть устройство для шифрования, секретный и открытый ключи для цифровой подписи и секретный и открытый

45 # Технические характеристики чипа Clipper и система поддержки депонирования криптоключей см.: Dorothy E. Denning and Miles Smid, «Key Escrowing Today», IEEE Communications 32, no. 9 (September 1994): p. 58—68. Более популярное описание и обсуждение Clipper см.: Dorothy E. Denning «The Case for Clipper», MIT Technology Review (July 1995): p. 48—55. Обе статьи доступны по адресу <http://www.cosc.georgetown.edu/~denning/crypto>.

46 Bankers Trust Electronic Commerce, «Private Key Escrow System», доклад, представленный на Software Publishers Association and Advanced Engineering Applications Cryptography Policy Workshop, 17 августа 1995 г.

ключи шифрования для обмена сессионными ключами и восстановления информации. Секретные ключи передаются на хранение во время регистрации устройства и могут быть поделены между несколькими агентами по депонированию.

Trusted Information System (TIS) предлагает коммерческую систему депонирования ключей, предназначенную преимущественно для шифрования файлов. Доверенной стороной является коммерческая структура, управляющая центром восстановления данных. Чтобы воспользоваться услугами такого центра, пользователь должен заключить с ним договор. Для аварийного дешифрования используется секретный ключ, принадлежащий центру и не предоставляющийся ни пользователю, ни государству, вместо этого центр занимается дешифрованием всех зашифрованных разными ключами файлов. TIS предоставляет лицензию на создание центров восстановления информации заинтересованным организациям. National Semiconductor совместно с TIS предлагает сервис Commercial Automated Key Escrow (CAKE), основанный на использовании жетона PersonaCard™ (криптографическая карта PCMCIA от National Semiconductor) и центра восстановления данных TIS. Их целью было создание экспортируемой и сильной альтернативной системы, использующей распространенные алгоритмы шифрования, например DES, тройной DES или RSA.

По законам США, регулирующим экспорт, средства шифрования с ключами, длина которых превышает 40 бит, в основном не подлежат экспорту, если могут быть использованы для сохранения конфиденциальности. Одно из преимуществ шифрования с депонированными криптоключами заключается в том, что, предоставляя государству механизм для санкционированного дешифрования, оно позволяет экспортировать продукты с сильной криптографией. Например, Clipper и Capstone разрешены к экспорту, несмотря на то, что имеют сильные алгоритмы шифрования и используют восьмидесятибитные ключи. Коммерческие разработки в области шифрования с депонированием криптоключей, использующие аппаратные средства идентификации, также могут быть экспортированы, поскольку имеют достаточную защиту от модификаций, позволяющих обходить депонирование ключей. Это относится к Bankers Trust и TIS и National Semiconductor. Fortress U&T, Ltd также предлагает продукт с аппаратными средствами идентификации».

Использование для шифрования аппаратных средств обычно обеспечивает большую степень защиты, нежели использование программных. Несмотря на это, существует большой рынок программного шифрования. 17 августа 1995 года администрация Клинтона внесла предложение о разрешении экспорта программных средств шифрования с длиной ключа до 64 бит при условии наличия поддержки депонирования шифроключей. Такая политика позволит, к примеру, экспорт использующего пятидесятичетырехбитный ключ DES, но не тройного DES. Ключи будут находиться у авторизованной правительством доверенной стороны в частном секторе и использоваться как для восстановления информации пользователем, так и для легитимного дешифрования данных государством. Предложение должно было вступить в силу в начале 1996 года.

Шифрование с поддержкой депонирования криптоключей является предметом растущего интереса исследователей. Модель «полноценной криптосистемы»⁴⁷, предложенная Сильвио Микали, оказала влияние на несколько разработок, включая разработку Bankers Trust. Система TESS Университета Карлсруэ использует для хранения ключей пользователя смарт-карты⁴⁸. По замыслу Royal Holloway ключи должны передаваться авторизованной доверенной третьей стороне.

47 Silvio Micali, «Fair Cryptosystems», MIT/LCS/TR-579.C, Laboratory for Computer Science, MIT, Cambridge, MA, August 1994.

48 Thomas Beth, Hans-Joachim Knoblock, Marcus Otten, Gustavus J. Simmons, Peer Wichmann, «Clipper Repair Kit: Towards Acceptable Key Escrow Systems», Proceedings of the Second Association for Computing Machinery Conference on Communications and Computer Security, 1994.

В определенном виде депонирование может использоваться не только для контроля шифрования, но и для контроля сервисов, предоставляющих анонимность. Можно, например, использовать депонирование для систем цифровой наличности и анонимных рe-мэйлеров, чтобы обеспечить возможность получения информации об инициаторе транзакции при наличии соответствующего судебного ордера или других законных полномочий. Эрн Брикелл, Питер Гем-мель и Дэвид Кравиц предлагают систему цифровых наличных, в которой доверенное лицо может осуществлять трассировку системы, во всем остальном являющейся анонимной.

Альтернативы депонированию криптоключей

Поддержка депонирования криптоключей — это не единственный способ предоставления государству доступа к информации. Другой подход — это использование слабой криптографии. При этом ключи должны быть достаточно короткими, для того чтобы их можно было подобрать путем перебора. С точки зрения пользователя системы с поддержкой депонирования криптоключей имеют преимущество перед слабой криптографией: они позволяют использовать сильные криптографические алгоритмы, не уязвимые для взлома. Однако иногда в таком высоком уровне безопасности нет необходимости, тогда использование слабой криптографии является недорогой альтернативой. Недостаток слабого шифрования (если только оно не предельно слабо) с точки зрения правоохранительных органов заключается и в том, что провести дешифрование в реальном времени в экстренной ситуации (например, в случае похищения людей), вероятно, будет невозможно.

Третий подход — шифрование сообщений при прохождении по каналу связи. Коммуникационные каналы защищены между узлами сети, но не на самих узлах. Таким образом, к незашифрованной информации можно получить доступ на узлах коммутации. Одно из основных достоинств шифрования сообщения при прохождении по каналу связи заключается в том, что оно позволяет владельцам сотовых телефонов передавать по беспроводным каналам защищенную информацию, причем от принимающей стороны не требуется использования совместимого устройства для шифрования и вообще какого-либо шифрования. Используемый во всем мире стандарт мобильных телекоммуникаций GSM предусматривает шифрование передаваемых по радиоканалу сообщений, однако они дешифруются еще до того, как полностью пройдут сеть. Недостатком шифрования сообщения при прохождении по каналу связи является возможность чтения незашифрованного текста на промежуточных узлах. Для сравнения: шифрование с поддержкой депонирования криптоключей обеспечивает безопасную передачу информации на всем пути прохождения сообщения.

Криптоанархии можно избежать

В Соединенных Штатах Америки не существует ограничений на импорт, производство или использование средств криптографии (если используются государственные стандарты). Вопрос в том, нужны ли такие ограничения или добровольное использование депонирования криптоключей в сочетании со слабой криптографией и шифрованием сообщений при прохождении по каналам связи позволит избежать криптоанархии?

Способствовать распространению поддержки депонирования криптоключей будет несколько факторов. Поскольку экспорт средств шифрования с депонированием разрешен, у продавцов появится хороший стимул для внедрения поддержки депонирования криптоключей, так как это позволит им включить сильную криптографию в линейку продуктов, предназначенных как для домашнего использования, так и для продажи за границу. В настоящее время продавцам приходится использовать слабую криптографию, которая не удовлетворяет нужды многих клиентов, или разрабатывать две линейки продуктов, что существенно увеличивает производственные затраты и ведет к

несовместимости программного обеспечения частных и иностранных клиентов. Пользователей к покупке продуктов с поддержкой депонирования криптоключей должны побуждать соображения защиты ключей от потери или повреждения. Инвестиции государства обеспечат создание большого рынка продуктов с такой поддержкой. С развитием рынка все больше пользователей будет выбирать продукты с поддержкой депонирования криптоключей для общения с другими покупателями, выбравшими аналогичные продукты. Помимо всего прочего, распространению депонирования может способствовать законодательное установление квалификации, ответственности и обязательств агентов по депонированию и определение незаконных действий, связанных с компрометацией депонирования или его злоупотреблением (например, предоставление ключей неавторизованному лицу). Подобное законодательство, по меньшей мере, будет гарантировать, что лицензированные агенты удовлетворяют требования пользователей и государства. Кроме того, люди, предоставившие ключи доверенной третьей стороне, будут уделять меньше внимания соображениям приватности.

Успеху систем депонирования криптоключей будет также способствовать и международный интерес. Поддержка депонирования криптоключей получает все более широкое признание у правительств и фирм по всему миру, поскольку одновременно соответствует требованиям и пользователей и правоохранительных органов. Шифрование с поддержкой депонирования криптоключей рассматривается не только как средство обеспечения конфиденциальности и аварийного дешифрования, но и как способ преодоления введенных во многих странах ограничений на экспорт, препятствующих использованию сильной криптографии для защиты интересов национальной безопасности. Поддержка депонирования криптоключей позволит стандартизировать сильную криптографию и использовать ее для обеспечения информационной безопасности при ведении международного бизнеса. Поддержка ключей шифрования может обеспечиваться доверенной стороной, которая будет управлять системой открытых ключей и выдавать сертификаты X.509. Такой подход реализован во многих продуктах и проектах, использующих депонирование криптоключей.

На встрече, спонсируемой ОЭСР и Международной торговой палатой, состоявшейся в декабре в Париже, представители международного бизнес-сообщества и правительств договорились о сотрудничестве в разработке законопроектов о шифровании, которые будут учитывать интересы обеих сторон. INFOSEC Business Advisory Group (IBAG) выступила с заявлением, содержащим 17 пунктов, которые, по мнению членов группы, должны лечь в основу такого законо-проекта⁴⁹. IBAG — это ассоциация ассоциаций (преимущественно европейских), представляющая интересы пользователей в сфере информационной безопасности.

IBAG признает право компаний и частных лиц на защиту информации, а также право исполняющего законы государства на перехват и изъятие информации, если не существует другой альтернативы. Ключи, принадлежащие частным лицам и компаниям, должны храниться у доверенной стороны, обязанной оберегать ключ от компрометации или неправильного использования, которые могут повлечь за собой его повреждение или потерю. Доверенной стороной может являться независимая уполномоченная организация или аккредитованное подразделение данной компании. Ключи предоставляются частным лицам или компаниям, доказавшим право на владение ими, а также правительству и правоохранительным органам неограниченный период времени при соблюдении надлежащих правовых процедур. Получение и использование ключей будет контролироваться. Правительства — в соответствии с международными договоренностями — отвечает за обеспечение доступа к ключам, находящимся вне юрисдикции отдельного государства. IBAG призывает производителей разрабатывать открытые, добровольные, общепринятые

49 Заявление INFOSEC Business Advisory Group (IBAG) доступно по адресу <http://www.cosc.georgetown.edu/~denning/crypto>.

международные стандарты, а государства, организации и частных лиц — сотрудничать для определения требований к этим стандартам. Определение стандарта позволит выбрать алгоритм, способ работы, длину ключа и реализацию стандарта программным или аппаратным способом. Для продуктов, разработанных в соответствии со стандартами, не будет вводиться ограничений на импорт и использование (в основном они будут разрешены к экспорту).

EUROBIT (Европейская ассоциация производителей оборудования для бизнеса и индустрии информационных технологий), ITAC (Ассоциация индустрии информационных технологий Канады), ITI (Совет индустрии информационных технологий, США) и JEIDA (Японская ассоциация развития электронной промышленности) также выступили с заявлением, содержащим международные принципы криптографической политики на встрече ОЭСР⁵⁰. Четырехсторонней группе принадлежит 90% общемировых доходов в сфере информационных технологий. Выдвигаемые ими принципы учитывают интересы пользователей и государства и направлены на синхронизацию криптографической политики различных государств и международных стандартов производства средств шифрования.

Возможно, эти внутренние и международные инициативы смогут помешать распространению криптоанархии, особенно если их поддержит международное бизнес-сообщество. Однако, возможно, этого будет недостаточно. Многие компании разрабатывают продукты с сильной криптографией, не позволяющей правительству получить доступ к зашифрованной информации, создаются стандарты, не поддерживающие депонирование криптоключей, а программные средства шифрования, например PGP, стремительно распространяются в Интернете, что частично является результатом деятельности криптоанархистов, старающихся предотвратить вмешательство государства в свои дела. Поддержка депонирования криптоключей увеличивает стоимость разработки и использования средств шифрования, что также может помешать ее добровольному использованию. Однако если депонирование включено в инфраструктуру открытого ключа, стоимость может быть значительно снижена.

Учитывая экспоненциальный рост телекоммуникаций и рынка средств шифрования, нужно опасаться возможного влияния шифрования на деятельность правоохранительных органов. Если государство не сможет получить доступ к зашифрованной информации, то это подорвет способность правоохранительных органов исполнять свои обязанности по борьбе с организованной преступностью и терроризмом, а потому необходимо принять законы, ограничивающие использование криптографии. Одна из возможностей — выдача лицензий на продукты для шифрования, а не на их использование. Лицензируются будут только те продукты, которые удовлетворяют требования правоохранительных органов и национальной безопасности по экстренному дешифрованию и обеспечивают защиту приватности пользователям. Точные требования могут включать принципы и стандарты, разработка которых сейчас ведется ОЭСР и международным бизнес-сообществом. Производство, распространение, импорт и экспорт нелицензированных средств шифрования будет считаться незаконным, однако использование определенного метода шифрования навязываться не будет. Пользователям будет разрешена разработка собственных систем шифрования для частного использования или в образовательных целях без приобретения лицензии. Во Франции и России принято лицензирование программ, имеющее, однако, несколько другую суть. В обеих странах для использования шифрования необходима лицензия.

Чтобы получить лицензию, коммерческие средства шифрования, в том числе программы, распространяемые на общедоступных серверах, должны соответствовать установленным государством требованиям. Эти продукты не должны обеспечивать абсолютной приватности или полной анонимности транзакций. Программы, имеющие широкое распространение, должны поддерживать возможность идентификации и соответствовать интересам общества и организаций.

50 Заявление EUROBIT-ITAC-ITI-JEIDA доступно по адресу <http://www.cosc.georgetown.edu/~denning/crypto>.

Несмотря на то что возможность распространения продуктов, неудовлетворяющим этим требованиям, через нелегальные серверы и доски объявлений по-прежнему сохранится, такие продукты не будут совместимы с лицензированными, поэтому их использование будет ограничено.

Конечно, лицензирование не остановит использование преступниками и террористами средств шифрования, ограничивающих доступ государства к информации. Преступные и террористические организации могут разрабатывать свои собственные продукты или незаконно приобретать чужие, однако лицензирование значительно это усложнит. Если бы подобный закон был принят несколько лет назад, пока такие программы, как DES и PGP, не получили распространения в Интернете, средства шифрования сейчас непременно предполагали бы депонирование криптоключей или другой способ обеспечения доступа государства. Приобретение сильных средств шифрования, не позволяющих на законных основаниях провести дешифрование, у респектабельных продавцов или на серверах в сети было бы невозможно. Средства шифрования, доступные на нелегальных серверах и на черном рынке, скорее всего, имели бы более низкое качество, чем законно распространяемые продукты. Незаконные продукты были бы более уязвимы в плане безопасности или менее удобны для пользователя. Они не были бы совместимы со стандартными приложениями и сетевыми программными приложениями.

Вывод

Криптоанархия — это международная угроза, распространение которой стимулируется развитием систем коммуникаций, в том числе телефонии и Интернета. Чтобы бороться с этой угрозой, необходим интернациональный подход к обеспечению безопасности международных трансграничных коммуникаций и надзор государства за деятельностью преступников и террористов в рамках их юрисдикции. Чтобы избежать ситуации, когда использование криптографии не позволит правоохранительным органам во всем мире бороться с преступностью и терроризмом, необходимо сотрудничество правительств разных стран. Результатом такого сотрудничества будет не ограничение коммуникаций и использования инструментов криптографии, как утверждает Мэй, а ответственное использование этих инструментов, не ведущее к общественным беспорядкам. Информационные каналы требуют не менее ответственного отношения, чем магистраль, соединяющие различные штаты.

Поддержка депонирования криптоключей — один из подходов к решению проблемы сочетания конфиденциальности, возможности восстановления информации, необходимой организациям, и санкционированного государственного доступа, направленного на борьбу с терроризмом и преступностью. Депонирование криптоключей может способствовать распространению стандартов и продуктов, удовлетворяющих требованиям безопасности международной информационной инфраструктуры. Правительства стран, входящих в ОЭСР, в сотрудничестве с международным бизнес-сообществом пытаются найти выход из сложившейся ситуации, который устроил бы всех.

Выражаю благодарность Биллу Бо и Питеру Деннингу за комментарии к черновику этой статьи.

Послесловие к «Будущему криптографии» *Дороти Деннинг*⁵¹

С момента, когда я корректировала вышеприведенную статью (см. § 9 [антологии]) в январе 1996 года, ситуация в области криптографии сильно изменилась. Администрация Клинтона ослабила ограничения на экспорт в том же году, а затем в 1998 и 1999 годах. Несмотря на то что поддержка депонирования криптоключей играла значительную роль в либерализации законов в 1996 году, она полностью утратила свое значение с изменениями, произошедшими в 1999 году. Сейчас компании имеют право экспортировать сильную криптографию, не предоставляя государству никаких гарантий доступа к зашифрованной информации. Развился рынок поддержки депонирования криптоключей, направленной скорее на защиту компаний от внутренней потери информации, чем на предоставление правоохранительным органам доступа к данным. Депонирование криптоключей практически не используется при разовом обмене сообщениями.

Статья чрезвычайно устарела, а размышления, приведенные в ней, можно назвать паникерскими. Мои более поздние исследования в области криптографии и преступлений, связанных с ее использованием, приведенные в §12 [антологии] «Как скрыть преступление в киберпространстве», показали, что, хотя криптография и затрудняет применение законов и даже полностью препятствует проведению некоторых расследований, ситуация ни в коей мере не напоминает анархию. В большинстве дел, с которыми я сталкивалась, правоохранительные органы смогли добыть доказательства, необходимые для вынесения обвинительного приговора. Во внутригосударственном контроле использования криптографии нет необходимости, и я не являюсь сторонницей его введения. Более подробное рассмотрение криптографической политики вы найдете в моей книге «Информационные войны и безопасность» (Reading, MA: Addison Wesley, 1999) или в работе «Роль криптографии в обеспечении безопасности в информационном обществе» (National Research Council, Washington, DC: National Academy Press, 1996).

Re: Криптоанархия по Деннинг *Дункан Фриссель*⁵²

Хотя Мэй делает невнятное заявление о том, что анархия не означает беззакония и беспорядка, отсутствие правительства приведет к возникновению именно этих форм хаоса.

[У Тима на редкость хорошо получается делать невнятные заявления. Я не замечал, чтобы он уделял много времени рассмотрению социальной структуры свободного общества, которое сформируется после криптореволюции. Он просто указал на последствия применения технологии.]

Я не хочу жить в анархическом обществе, если его вообще можно назвать обществом, и сомневаюсь, что многие хотят этого. [Что бы ни случилось, вокруг всегда будет существовать множество культов (возможно, государство Соединенных Штатов — один из них), в один из которых человек волен вступить и преклонять колени перед его алтарем. В сущности, по сравнению с текущей ситуацией, когда люди держаться друг друга, разлад во взаимодействии между людьми облегчит существование многих деспотических культов. Недостатка в людях,

51 Этот текст был подготовлен специально для настоящей антологии. © Dorothy E. Denning, 2001. [Перевод О. Турухиной.]

52 Этот текст первоначально появился в шифропанковской рассылке. Публикуется с разрешения автора. © Duncan Frissell, 1996. Выдержки из статьи Дороти Деннинг «Будущее криптографии» (§ 9 данной книги), переработанной 6 января 1996 года, сопровождаются комментариями в квадратных скобках Дункана Фриссела (Duncan Frissell). [Перевод О. Турухиной.]

указывающих своим последователям, что делать, не будет. Ничто не сможет помешать человеку присоединиться к какому обществу.]

Все больше людей привлекает экономический либерализм, концепцию которого разрабатывали Джефферсон, Хайек и другие, — но не анархия. Таким образом, криптоанархисты практически утверждают, что эта технология приведет к исходу, которого не хочет большинство из нас.

[Разговоры о том, нужен ли нам свободный рынок, идут до сих пор. Рост влияния рынков и (традиционных) либеральных идей является результатом роста богатства и влияния отдельных людей во всем мире. Криптоанархисты всего лишь указывают на то, что будущее рынка сейчас находится не в руках «властей», а в руках тех, кто торгует на рынке, то есть всех людей на Земле.]

Вот то заявление, с которым я хочу здесь выступить: я не считаю криптоанархию неизбежной. Новая парадигма криптографии — депонирование криптоключей — выходит из тени и получает распространение в промышленности.

Время покажет.

Отрицательные стороны криптографии также часто остаются незамеченными. Широкое распространение сильной криптографии вкупе с анонимными сервисами может привести к тому, что коммуникация станет недоступной для законного перехвата (прослушивания)...

[Мои мысли недоступны для «законного перехвата», как и мысли всех других людей, и все-таки мир это пережил. Мысли — это коммуникации внутри мозга. Коммуникация — это «мысль» между мозгами. Мир, переживший приватные мысли, переживет и приватные коммуникации. К тому же идея контроля коммуникаций уже несколько устарела. В прошлые века угроза обществу исходила только от больших групп людей (отсюда и желание перехватывать сообщения и контролировать коммуникации), сейчас же отдельный человек может принести больше вреда, чем большая группа в прошлом.]

...а документы — для легального поиска и изъятия, будет невозможным государственный контроль и регулирование электронных транзакций. Это будет иметь пагубные последствия для общественной безопасности и экономической и социальной стабильности. [Обратитесь к недавнему исследованию, проведенному Институтом Като, Институтом Фрейзера и другими мозговыми центрами, которое показало, что для государств существует прочная корреляция между свободной экономикой и богатством. Мало кто сомневается в правильности сокращения государственного влияния на экономику. И в ближайшие несколько лет у нас будет шанс проверить эту гипотезу. А пока я не видел примера нации, которой бы повредила свободная экономика.]

Без надзора государства компьютеры и телекоммуникации станут безопасным местом для преступной деятельности. Даже Мэй признает, что криптоанархия предоставляет возможности для уклонения от налогов, отмывания денег, шпионажа (с использованием «мертвых цифровых тайников»)...

[То есть для хранения собственных денег, денежных переводов и исследований. Эти действия, кажется, не должны быть заботой окружающих?]

..заказных убийств... [Возможно, осуществлять частные заказные убийства станет проще, зато государственные — сложнее, так как у государства может не хватить ресурсов, чтобы продолжать делать то, что оно делает. (С 1917 по 1989 год каждые 30 секунд коммунистические государства убивали одного человека: в сумме — 60 миллионов человек.) Кроме того, люди, боящиеся стать жертвой заказного убийства, могут указывать неверное местонахождение, использовать псевдонимы и неотслеживаемые коммуникации, чтобы затруднить поиск, а следовательно, и убийство.]

...и создания хранилищ незаконной или противоречивой информации.

[Последний раз, когда я обращал на это внимание, противоречивые материалы можно было законно хранить и передавать. Нелегальная информация перестанет быть нелегальной, когда ее передачу нельзя будет остановить потому, что законы, которые станут невозможно соблюдать, исчезнут (как в случае с гомосексуализмом).]

Кроме того, шифрование угрожает национальной безопасности, так как будет служить помехой для организации разведывательных операций за рубежом. США, наряду со многими другими государствами, накладывает ограничение на экспорт технологий шифрования, чтобы уменьшить эти риски.

[Бесспорно, если США будут ослаблены ростом (по-настоящему) свободного рынка, с их врагами произойдет то же самое, так что иностранная угроза уменьшится.]

Криптография также представляет угрозу для организаций и частных лиц. Используя шифрование, служащий компании может продавать проприетарную электронную информацию конкурентам; исчезает необходимость в фотокопировании и физической передаче документов.[Эту угрозу создает оцифровка, а не криптография.]

Ключи, открывающие принадлежащие корпорации файлы, могут быть потеряны, повреждены или похищены с целью получения выкупа, делая ценную информацию недоступной.

[Разве нельзя сделать резервную копию информации, хранящейся на компьютере, который может сломаться, взорваться, утонуть и диск которого может быть поврежден? Эта не только проблема криптографии. Резервные копии и удаленные сайты необходимы всегда. Высокоскоростные сети, безопасные коммуникации и шифрование облегчает создание резервных копий вашей системы сразу во многих местах по всему миру. Использование этих средств помогает избежать, а не способствует потере информации. Разделение ключей и частное использование депонирования хорошо защищают ключи.]

Рассматривая угрозы, которые создает криптография, важно понимать, что опасность представляет только использование шифрования для достижения конфиденциальности и анонимности.

[Конфиденциальность — основная цель изобретения шифрования. Кроме того, Верховный суд США постановил, что анонимность защищена Первой поправкой⁵³. Общество уже решило, что во многих случаях в анонимности нет ничего плохого. Я уверен, что многие из нас ежедневно участвуют в большом количестве анонимных транзакций, и все-таки мир это пережил.]

Криптоанархию можно рассматривать как стремительное распространение криптографии, обеспечивающее защиту конфиденциальности и сохраняющее все ее отрицательные стороны. Криптоанархия — это шифрование, защищающее от государства, не позволяющее правительству получить доступ к информации даже по судебному ордеру или другому законному предписанию.

[В странах, где попытки регулярно не практикуются, мы можем в любом случае не подчиняться предписаниям суда. Современные технологии просто упрощают это и уменьшают вероятность наказания. В любом случае, выдача судебных ордеров — это редкость. Много шума из ничего.]

Криптоанархия не гарантирует защиты пользователей и организаций от несчастных случаев и злоупотреблений при использовании средств криптографии.

[Это работа людей, которые пишут программное обеспечение, а не философов.]

Криптоанархисты считают, что киберпространство неотвратимо движется к криптоанархии.

[Я склонен соглашаться с тем, что развитие рынков стимулируется дешевизной коммуникаций и ростом эффективной инфраструктуры. Криптография еще не оказала на них большого влияния. Ко, полагаю, даже без нее попытки управлять рынками провалятся. Поскольку люди могут свободно перемещаться, их сложнее контролировать даже без всякой криптореволюции.]

Средства шифрования не только бесплатно распространяются в Сети, но и становятся основной частью коммерческих программных пакетов и сетевых приложений. IP Security Working Group of Internet Engineering Task Force был разработан документ,

53 Первая поправка конституции США касается защиты свободы слова.

предусматривающий полностью совместимую с DES-криптографией реализацию IPv6 (Internet Protocol, версия 6).

[Сеть принадлежит своим пользователям, и в качестве владельцев они, вероятно, захотят защитить свою собственность. По-моему, очень демократично.]

Потенциальный вред криптографии уже начал сказываться. В мае 1995-го из нескольких бесед я узнала, что при ведении многих дел следственные органы сталкивались с зашифрованными сообщениями и файлами. Эти дела были связаны с детской порнографией...

[Владение набором нулей и единиц.]

... контрабандой...

[Свободная торговля.]

...наркотиками...

[Розничная продажа фармацевтических средств.]

...шпионажем...

[Исследования.]

...растратами...

[А вот и преступление, наконец.]

...убийствами...

[Еще одно преступление. Не могли бы вы предоставить информацию об убийстве, скрытом средствами криптографии? Без упоминания имен, конечно.]

...препятствованием осуществлению правосудия...

[Нежелание облегчить работу обвинения — это настоящее преступление. Вы случайно не о Хиллари?⁵⁴]

...протестом против налогов...

[Вы, должно быть, имеете в виду уклонение от налогов. Насколько мне известно, протест против налогов — легальная деятельность.]

...и терроризмом.

[Частным или оплачиваемым государством?]

На конференции International Cryptography Institute, проводившейся в сентябре 1995-го в Вашингтоне, директор ФБР Луис Фри сообщил, что расследование на Филиппинах заговора, целью которого было убийство папы Иоанна Павла II и взрыв американского авиалайнера, показало, что террористы использовали шифрование.

[Но, несмотря на это, террористы были пойманы. А не тот ли это Луис Фри, который считает, что потеря (им) государственного мобильного телефона также скверна, как приказ ФБР стрелять на поражение по мирным американским гражданам, даже не предпринимая попыток их арестовать, потому что в обоих случаях он получит письмо с выговором?]

Специализирующаяся на поставках правоохранительным органам и компаниям программного обеспечения, предназначенного для восстановления информации, доступ к которой заблокирован средствами шифрования, компания AccessData Corp. (из Орема, штат Юта), утверждает, что каждый день от компаний поступает больше дюжины звонков.

[По-моему, это говорит о плохой архитектуре системы. Кроме того, мне не кажется, что советы о том, как безопасно хранить свои деловые документы, имеют какое-то отношение к правопорядку.]

Идея заключается в сочетании сильного шифрования и возможности аварийного дешифрования, обеспечиваемой связыванием зашифрованной информации и ключа восстановления данных, с помощью которого производится дешифрование. Этот ключ не обязательно должен быть (и обычно не бывает) тем ключом, который используется при нормальном дешифровании, однако он должен обеспечивать доступ к такому ключу. Ключ восстановления данных обычно хранится у доверенного лица, которым может являться

54 Речь, конечно, идет о Хиллари Клинтон и ее участии в деле «Клинтон — Левински».

государственная организация, суд, доверенная или обеспеченная облигациями частная организация. Ключ может быть разделен между несколькими такими организациями.

[Почему вы считаете, что государственная организация или суд могут лучше организовать бизнес? Если я ищу организацию, которая бы установила в моем офисе локальную сеть, мне не приходит в голову немедленно пригласить для выполнения этой работы почтовое ведомство. Бизнес-сервисы, такие как резервное копирование и восстановление данных, более эффективно осуществляются частными исполнителями.]

Организации, у которых есть агенты по депонированию, могут также иметь свои собственные ключи для аварийного дешифрования. Следственная или разведывательная организация для получения доступа к коммуникациям или хранящимся в компьютере файлам должна подать заявление и пройти определенные процедуры (обычно это получение судебного ордера), после чего ей выдается ключ.

[А что если я выберу агента по депонированию, находящегося вне юрисдикции суда? Вам, бесспорно, не нужны проблемы с Североамериканским соглашением о свободной торговле или Генеральным соглашением по тарифам и торговле. Всемирная торговая организация может объявить вашу криптографическую политику нечестной коммерческой конкуренцией.]

Порядок получения доступа, аудит и другие мероприятия защищают законные интересы, касающиеся приватности.

[А если кому-то из нас нужна лучшая защита, чем бюрократические процедуры? В прошлом уже был случай, когда слишком полагавшиеся на государство и его обещания люди отводили других людей в переполненный «душ», пытаясь выделить кислород из выхлопов дизеля.]

В апреле 1993 года в ответ на растущую необходимость в средствах шифрования администрация Клинтона поддержала их разработку и распространение при условии, что следственные органы, наделенные полномочиями для перехвата сообщений или поиска файлов, могут осуществлять дешифрование.

[И эта инициатива имела потрясающий успех.]

IBAG признает право компаний и частных лиц на защиту информации, а также право исполняющего законы государства на перехват и изъятие информации, если не существует другой альтернативы.

[Можно ли считать коммунистическую диктатуру «исполняющим законы государством»?]

IBAG призывает производителей разрабатывать открытые, добровольные, общепринятые международные стандарты, а государства, организации и частных лиц — сотрудничать для определения требований к этим стандартам. Определение стандарта позволит выбрать алгоритм, способ работы, длину ключа и реализацию стандарта программным или аппаратным способом. Для продуктов, разработанных в соответствии со стандартами, не будет вводиться ограничений на импорт и использование (в основном они будут разрешены к экспорту).

[Хм, а я думал, так все и происходит.]

Возможно, эти внутренние и международные инициативы смогут помешать распространению криптоанархии, особенно если их поддержит международное бизнес-сообщество. Однако, возможно, этого будет недостаточно. Многие компании разрабатывают продукты с сильной криптографией, не позволяющей правительству получить доступ к зашифрованной информации, создаются стандарты, не поддерживающие депонирование криптоключей, а программные средства шифрования, например PGP, стремительно распространяются в Интернете, что частично является результатом деятельности криптоанархистов, старающихся предотвратить вмешательство государства в свои дела. Поддержка депонирования криптоключей увеличивает стоимость разработки и использования средств шифрования, что также может помешать ее добровольному использованию.

[Звучит так, как будто добровольное объединение людей на международных рынках само собой разумеется, не правда ли? Кажется, большинство участников рынка обеими руками и ногами за сильную криптографию. Система — это Решение.]

Чтобы получить лицензию, коммерческие средства шифрования, в том числе программы, распространяемые на общедоступных серверах, должны соответствовать установленным государством требованиям.

[Если под «общедоступным сервером» понимается сервер, информация с которого может быть доступна из любой точки планеты, то, учитывая, что в ближайшее время их количество возрастет приблизительно до 100 миллионов, не будет ли несколько затруднительным применение к ним правового принуждения?]

Конечно, лицензирование не остановит использование преступниками и террористами средств шифрования, ограничивающих доступ государству к информации. Преступные и террористические организации могут разрабатывать свои собственные продукты или незаконно приобретать чужие, однако лицензирование значительно это усложнит. Если бы подобный закон был принят несколько лет назад, пока такие программы, как DES и PGP, не получили распространения в Интернете, средства шифрования сейчас непременно предполагали бы депонирование криптоключей или другой способ обеспечения доступа государства.

[Насколько я помню, открытый ключ был разработан, несмотря на неофициальный запрет Агентства национальной безопасности на исследования в области криптографии. Запрет АНБ не был исполнен. Вы не предлагаете объявить такие исследования вне закона, так что же заставляет вас думать, что законов, ограничивающих распространение средств шифрования, будет достаточно?]

Приобретение сильных средств шифрования, не позволяющих на законных основаниях провести дешифрование, у уважаемых продавцов или на серверах в сети было бы невозможным. Средства шифрования, доступные на нелегальных серверах и на черном рынке, скорее всего, имели бы более низкое качество, чем законно распространяемые продукты.

[Сам Интернет преимущественно работает на программном обеспечении, разработанном в условиях открытого рынка некоммерческими источниками. И кажется, он был принят рынком, несмотря на отсутствие на продуктах глянцевой упаковки.]

Криптоанархия — это международная угроза, распространение которой стимулируется развитием систем коммуникаций, в том числе телефонии и Интернета. Чтобы бороться с этой угрозой, необходим интернациональный подход к обеспечению безопасности международных трансграничных коммуникаций и надзор государства за деятельностью преступников и террористов в рамках их юрисдикции.

[Хорошо, что вы это заметили. Можно ли установить такие добровольные международные стандарты, которые бы учитывали заинтересованность всех правительств в контроле различных видов коммуникаций. Давайте рассмотрим возможные проблемы. Одни государства хотят запретить американские фильмы, другие — азиатский вариант Wall Street Journal, третьи — книги о здоровье бывших глав государства, публикации о сенсационных убийствах, звонки с использованием обратного вызова, финансовые телефонные сервисы, книги, написанные левыми, проживающими в Англии, сообщения, отправляемые по электронной почте, содержащие английское слово, обозначающее сексуальную связь (если эти сообщения могут быть прочитаны детьми), советы о том, где в Лондоне можно сделать аборт, и т. д. И все эти государства будут стремиться вскрыть частные сообщения, чтобы доказать вину пользователей в этих «преступлениях». Это, должно быть, сделает разработку добровольного международного стандарта чертовски сложной. Думаю, ни одно учреждение не сможет лавировать между конкурирующими государствами, стремящимися контролировать коммуникации остальных.]

Между прочим, если запустить проверку орфографии в слове «unescrowed» (как в сочетании «unescrowed encryption»⁵⁵), скорее всего вам будет предложено заменить его словом «unscrewed» (как в сочетании «unscrewed encryption»⁵⁶).

Как скрыть преступление в киберпространстве **Дороти Деннинг и Уильям Бо-мл .⁵⁷** **Введение**

Развитие телекоммуникаций и электронной коммерции привело к росту рынка цифровых технологий шифрования. Шифрование необходимо бизнесу для защиты интеллектуальной собственности и установления безопасной связи с партнерами, поставщиками и клиентами. Банкам оно нужно для обеспечения конфиденциальности и подтверждения подлинности финансовых транзакций. Правоохранительные органы нуждаются в нем для того, чтобы подозреваемые не могли перехватить сообщения полиции и помешать тем самым ведению расследования. Частным лицам шифрование требуется для защиты частных коммуникаций и конфиденциальной информации. Шифрование чрезвычайно важно для построения безопасной и надежной всемирной информационной инфраструктуры для коммуникаций и электронной коммерции.

С другой стороны, для преступников и террористов шифрование — мощный инструмент, позволяющий скрыть свою деятельность. Оно может лишить правоохранительные органы возможности получать доказательства, необходимые для вынесения обвинительного приговора или проведения опасного для преступников расследования. Шифрование может препятствовать перехвату сообщений, играющему значительную роль в предотвращении террористических атак и в сборе информации о таких международных угрозах, как терроризм, торговля наркотиками и организованная преступность (White House, 1995). Шифрование также может затягивать ведение расследований, увеличивая их стоимость.

Использование шифрования для сокрытия преступной деятельности не ново. В апрельском выпуске FBI Law Enforcement Bulletin 1970 года сообщалось о нескольких случаях, когда органам правопорядка пришлось взламывать коды для получения доказательств или предотвращения нарушения закона. Однако ни в одном из этих дел не фигурировала хранящаяся в электронном виде информация или компьютеры. Для сокрытия текста использовались простые подстановочные шифры.

Цифровые компьютеры заметно изменили картину. Шифрование и другие передовые технологии используются все шире, что непосредственно влияет на обеспечение правопорядка. Если бы все коммуникации и информация были зашифрованы, это было бы настоящим кошмаром для следователей. Было бы невозможно дешифровать все, даже если с технической точки зрения дешифрование было бы возможным. Откуда органам правопорядка знать, на что потратить ограниченные ресурсы?

Здесь мы проанализируем использование криптографии и других информационных технологий для сокрытия преступной деятельности. В качестве примеров приведено большое

55 Шифрование без депонирования (англ.).

56 Неиспорченное шифрование (англ.).

57 Этот текст первоначально появился в журнале Information, Communication and Society 2, no. 3 (Autumn 1999) и в следующем издании: B. D. Loader and D. Thomas, eds., «Cybercrime: Law Enforcement in the Information Age» (New York: Routledge, 1999). Публикуется с разрешения авторов и издательства. © 1999, Routledge. [Перевод О. Турухиной.]

количество расследований. Сначала мы рассмотрим шифрование и возможности органов правоохранения по работе с ним. Затем мы обсудим ряд других средств сокрытия информации: пароли, цифровую компрессию, стеганографию, удаленное хранение и отключение аудита. В завершении мы поговорим об инструментах, позволяющих скрывать преступления путем анонимности: анонимных ремэйлерах, анонимных цифровых наличных, преодолении защиты и лупинге (looping), клонировании номеров мобильных телефонов и карт мобильных телефонов.

Шифрование, используемое преступниками и террористами

В данном разделе описывается криминальное использование шифрования в четырех областях: передача голосовых и факсимильных сообщений и данных; электронная почта; файлы, хранящиеся в компьютерах преступников и преступных компаний; информация, хранящаяся в общедоступных участках компьютерных сетей.

Передача голосовых и факсимильных сообщений и данных в реальном времени

Преступники могут использовать шифрование для того, чтобы сделать коммуникацию в реальном времени недоступной для правоохранительных органов. В результате становится невозможным применение одного из самых ценных средств борьбы с организованной преступностью — санкционированного судом прослушивания. В марте 1997 года директор ФБР Луис Фри заявил, что в 1995 году ФБР не смогло удовлетворить пять запросов на дешифрование перехваченных коммуникаций, а в 1996 году — двенадцать (US Congress, 1997a). Прослушивание чрезвычайно важно, так как оно фиксирует слова субъекта, что имеет большую ценность в суде, чем данные, полученные от информаторов, которые сами часто являются преступниками и крайне ненадежны. Прослушивание также служит источником ценной информации о замыслах, планах и членах преступного сговора и помогает определить направление ведения расследования. Наркосиндикаты весьма полагаются на сетевые коммуникации, поэтому мониторинг сетей может дать сведения о конкретных исполнителях и нелегальных доходах. Кроме того, перехват коммуникаций крайне полезен в делах о терроризме, иногда даже позволяя избежать смертельных атак. Он, например, помог предотвратить взрыв в иностранном консульстве в США и ракетный удар по одному из союзников США (US Congress, 1997a).

В открытом доступе известно очень мало об использовании специальных устройств-шифраторов преступными сообществами. Предполагается, что картель Кали использует сложное шифрование для защиты своих телефонных коммуникаций. Среди устройств, конфискованных у этого картеля в 1995 году, были радиостанции, искажающие голос, видеофоны, обеспечивающие визуальную аутентификацию личности собеседника, и средства для скремблирования передаваемых модемами сигналов (Grabosky and Smith, 1998).

Мы предполагаем, что некоторые террористические группы используют высокочастотную зашифрованную передачу голоса/данных для связи с крупными спонсорами терроризма. Сообщают, что ХАМАС использует шифрование Интернет-коммуникаций для передачи карт, снимков и другой информации, необходимой для террористических атак. Служба безопасности Израиля утверждает, что большая часть данных передается во всемирный центр ХАМАС, находящийся в Великобритании (IINS, 1997).

Проблемы с совместимостью и цена в несколько сотен долларов за одно устройство для шифрования телефонных разговоров, обеспечивающее надежную защиту, наверное, немного снизили распространение таких устройств среди преступных группировок. Однако падение цен и распространение Интернет-телефонии могут добавить проблем правоохранительным органам. Преступники могут обмениваться голосовыми сообщениями через Интернет, платя за это мало или вообще бесплатно. Этот удар по обеспечению правоохранения, однако, может быть компенсирован появлением цифровых мобильных коммуникаций. Радиосигнал шифруется при прохождении между мобильным устройством и главной станцией, где

коммуникации становятся доступными для перехвата. Далее сообщения передаются в исходном виде (или частично зашифрованными при прохождении радиорелейных или спутниковых каналов), что делает возможным их санкционированный судом перехват на коммутаторах. Цифровые мобильные коммуникации дают пользователям возможность защищать локальные коммуникации даже в том случае, если вторая сторона, принимающая участие в разговоре, использует телефон без шифрования или с несовместимым методом шифрования. Преимущество такого метода передачи сообщений для правоохранительных органов заключается в том, что незашифрованный текст можно перехватить на главной станции или коммутаторе. Несмотря на существование мобильных устройств, обеспечивающих шифрование на всем пути сообщения, эти устройства более дорогостоящие и должны использоваться обеими сторонами.

Хакеры используют шифрование для защиты от перехвата коммуникаций в IRC-каналах. Они также устанавливают свое программное обеспечение для шифрования на компьютеры, в которые им удается проникнуть. Эти программы впоследствии используются для установления безопасной связи между компьютером хакера и взломанной машиной. Это усложняет, но не останавливает ведение расследований.

Электронная почта

Расследуя дела о педофилии и детской порнографии, органы правопорядка несколько раз сталкивались с шифрованием электронной почты и файлов, в том числе в общенациональном расследовании ФБР «Невинные картинки». В большинстве случаев подозреваемые использовали программу PGP. PGP основана на традиционной криптографии для шифрования файлов и обмене открытыми ключами. Следователи полагают, что подозреваемые в педофилии и распространении детской порнографии отдадут предпочтение PGP, поскольку в основном они являются образованными, технически подкованными и хорошо знающими Интернет пользователями. PGP доступна в Интернете, откуда эти люди могут бесплатно ее скачать. Следователи, однако, утверждают, что большая часть распространяемой в Интернете детской порнографии не зашифрована.

Известен случай, когда хакер использовал шифрование электронной почты для продажи номеров кредитных карт, украденных им у Интернет-провайдера и двух других компаний, занимающихся бизнесом в Сети. По словам директора по публикациям Института компьютерной безопасности Ричарда Пауэра, Карлос Фелипе Сальга-до завладел более чем сотней номеров кредитных карт, взламывая компьютеры с учетной записи Калифорнийского университета в Сан-Франциско, к которой ему удалось получить несанкционированный доступ. С помощью широко распространенных у хакеров инструментов он использовал уязвимости в системе безопасности для обхода брандмауэров, шифрования и других мер предосторожности. Хвастаясь своими подвигами в IRC, Сальгадо, известный также под псевдонимом SMAK, сделал ошибку, предложив купить награбленное человеку, с которым познакомился в Интернете. Онлайн-переговоры он вел посредством зашифрованной электронной почты, а первоначальную оплату получил анонимным банковским переводом Western Union. Незаметно для себя он попал в ловушку ФБР. Сделав две выплаты и проверив достоверность номеров карт, агенты ФБР договорились с Сальгадо о встрече в аэропорту Сан-Франциско. Сальгадо был готов обменять номера кредитных карт на 260 тысяч долларов. На встречу он прибыл с зашифрованным CD-ROM-дискон, содержащим около ста тысяч номеров кредитных карт, и бумажной копией «Последнего дона» Марио Пьюзо. Ключ для дешифрования состоял из первых букв всех предложений первого абзаца на 128-й странице книги. Сальгадо был арестован и отказался от претензий. В июне 1997-го ему были предъявлены три пункта обвинения в мошенничестве с использованием компьютера и два пункта обвинения в торговле украденными кредитными картами. В августе он был признан виновным по четырем из пяти пунктов. Если бы он не был пойман, потери для компаний,

продающих товары по кредитным картам, могли бы составить от 10 до 100 миллионов долларов (Power, 1997).

Нам известен еще один случай, когда террористическая группа, совершавшая покушения на фирмы и государственных чиновников, использовала шифрование, чтобы скрыть передаваемые сообщения. Власти, перехватив сообщение, не могли расшифровать его, однако они провели анализ трафика, чтобы выяснить, кто и кому посылал сообщения. Позднее они обнаружили на конфискованном компьютере ключ, но для этого им пришлось сломать дополнительные уровни шифрования, архивацию и парольную защиту. По их словам, дешифрованные сообщения были крайне полезны для следствия. Мы также получили анонимное сообщение об использовании PGP террористической группой для шифрования электронной почты.

Хранящиеся данные

Во многих уголовных делах документы и другие бумаги, найденные у подозреваемого, являются наиболее важными для обвинения доказательствами. Все чаще такие документы хранятся в электронном виде на компьютерах. Компьютеры сами по себе доставляют большие затруднения правоохранительным органам, криптография же только усугубляет ситуацию.

ФБР обнаружило зашифрованные файлы в ноутбуке Рамзи Юсефа, члена международной террористической группы, ответственной за взрыв во Всемирном торговом центре в 1994 году и взрыв авиалайнера компании Manila Air в конце 1995 года. После успешного дешифрования выяснилось, что файлы содержат информацию, касающуюся планов взрывов одиннадцати американских авиалайнеров на Дальнем Востоке (US Congress, 1997a). Хотя в незашифрованных документах также содержалось большое количество важной информации, это дело демонстрирует потенциальную угрозу шифрования для общественной безопасности в случае, когда властям не удастся получить сведения о готовящейся атаке, тем более что многие преступники все еще на свободе.

Успешное дешифрование электронных документов может быть очень важно при проведении расследований. Так, например, было в случае, когда японские власти конфисковали компьютеры секты Аум Синрикё, ответственной за отравление газом в токийском метро в марте 1995 года, в результате которого погибли 12 человек и более шестисот пострадали (Kaplan and Marshall, 1996). Секта хранила в компьютерах документы, зашифрованные RSA, и властям удалось их расшифровать только после того, как на дискете были найден ключ. По словам властей, зашифрованные файлы содержали доказательства, сыгравшие огромную роль в расследовании, в том числе планы использования оружия массового уничтожения в США и Японии.

В деле Аум Сенрикё властям посчастливилось найти дискету с ключом. В большинстве же случаев подозреваемые сами предоставляют ключи правоохранительным органам. Например, полицейское управление Далласа столкнулось с зашифрованной информацией при расследовании дела о крупном наркосиндикате, занимавшемся продажей экстази в нескольких штатах. Член синдиката, находившийся в районе, на который распространялась юрисдикция управления, зашифровал свою адресную книгу. Он предоставил пароль, позволив полиции дешифровать файл. Между тем подозреваемый был выпущен под залог и предупредил сообщников, поэтому дешифрованная информация оказалось не такой полезной, какой могла бы. Детектив, ведущий расследование, сказал, что работал над делами о наркотиках 10 лет, но с шифрованием столкнулся впервые — до этого ему вообще очень редко приходилось иметь дело с компьютерами. Он отметил, что торговцы экстази разбирались в компьютерах лучше, чем торговцы другими наркотиками, скорее всего потому, что были моложе и лучше образованы. Они осуществляли продажи через Интернет, но не шифровали электронную почту. Детектив также упомянул о том, что крупные наркоторговцы не

шифруют телефонные звонки. Вместо этого чтобы уйти от закона, они меняют телефоны (мы затронем тему клонирования телефонов позже) (Manning, 1997)⁵⁸.

При ведении многих дел для того, чтобы получить доступ к информации, следователям приходится взламывать шифры. Например, в компьютере, конфискованном у агента ЦРУ Олдрича Эймса, ФБР обнаружило зашифрованные файлы, но не нашло к ним ключей. К счастью, Эймс использовал стандартное коммерческое программное обеспечение, что позволило следователям, работающим с компьютерами, взломать код, используя программное обеспечение, предоставленное AccessData Corporation (Орем, штат Юта). Ключом оказалось русское кодовое имя Эймса — KOLOKOL. По словам следователей, невозможность расшифровки информации ослабила бы позицию обвинения. В результате Эймс был признан виновным в шпионаже против Соединенных Штатов (CSI, 1997)⁵⁹.

Но взломать код не всегда так просто. В книге об осужденном хакере Кевине Поулсене ее автор, Джонатан Литман, рассказывает, что Поулсен зашифровал все, начиная от записей перехваченных телефонных разговоров до досье, которые он собирал на своих врагов. В книге говорится, что файлы несколько раз были зашифрованы DES. По словам Литмана, суперкомпьютеру министерства энергетики, который был использован для подбора ключа, на выполнение этого задания потребовалось несколько месяцев, стоимость дешифрования оценивается сотнями тысяч долларов. Однако затраченные средства окупились, так как в результате было получено десять тысяч страниц доказательств (Littman, 1997).

Значительные усилия потребовались для взлома средств шифрования, использованных Эдвардом Лири, человеком, в 1996 году бросившим зажигательные бомбы в нью-йоркском метро. Документы, полученные в результате взлома, содержали детскую порнографию и частную информацию и не принесли делу значительной пользы. Следственные органы, однако, нашли в компьютере другие улики, которые использовались в судебном разбирательстве. Лири был признан виновным и приговорен к девяти годам тюремного заключения.

При ведении некоторых расследований очень важно быстро провести дешифрование. Несколько лет назад боливийской террористической организацией были убиты четыре военнослужащих американской морской пехоты. Для дешифрования файлов, изъятых у солидной фирмы, была приглашена компания AccessData. На выполнение этого задания им было дано только 24 часа, и уже через 12 часов зашифрованные стандартными средствами файлы были расшифрованы. Дело закончилось крупнейшим за всю историю Боливии разгромом наркоторговли. Террористы были пойманы и посажены в тюрьму (CSI, 1997). В случаях, подобных этому, все усилия следствия могли бы пропасть впустую, если бы на завершение работы потребовались месяцы или годы.

В других случаях дешифрование файлов может оказаться необязательным, как, например, в деле священника из Дарема, приговоренного к шести годам тюремного заключения за сексуальное домогательство по отношению к несовершеннолетним и распространение детской порнографии (Akdeniz, n.d). Священник был членом международного объединения педофилов, поддерживающих связь и обменивающихся фотографиями через Интернет. Когда британские власти изъяли его компьютеры, то обнаружили там архивы зашифрованных сообщений. Шифрование было успешно взломано, однако добытые материалы никак не повлияли на ход дела.

Даже когда дешифрованная информация представляет небольшую ценность для следствия, значительные средства уходят на то, чтобы это установить. Если бы вся информация была зашифрована, правоохранительным органам было бы крайне сложно определить, на что направить драгоценные ресурсы. Было бы непрактично и невозможно

58 Дополнительная информация предоставлена Р. Монтемэйером, детективом полицейского управления Далласа

59 О ключе, использованном Эймсом, нам рассказал Роберт Рейнард 18 февраля 1998 года.

дешифровать все. Однако если бы ничего не было дешифровано, многие преступники остались бы на свободе.

По причине того что преступники использовали шифрование, некоторые расследования так и не были завершены. Например, профессор одного из университетов подозревался в распространении детской порнографии, но расследование было приостановлено, так как полиция кампуса не смогла дешифровать файлы. В другом случае служащий компании скопировал проприетарное программное обеспечение на дискету, которую отнес домой, где сохранил файл на компьютере, зашифровав его с помощью PGP. Он намеревался позже использовать эти программы для создания сервисов, которые ежегодно приносили бы ему доход в 10 миллионов долларов (разработка самого программного обеспечения обошлась в миллион долларов). На момент, когда нам стало известно об этом деле, следствие не подобрало ключевой последовательности для дешифрования файла. Информация, содержащаяся в логах, дала им основание для подозрений о том, что в файле содержится украденная программа.

На заседании сената в сентябре 1997 года Джеффри Хериг, специальный агент судебного департамента Флориды, сообщил, что департамент не смог получить доступ к защищенным файлам персональной финансовой программы во время расследования дела о растратах в университете штата Флорида. Он заявил, что файлы могут содержать важную информацию о местонахождении присвоенных денег (US Congress, 1997b).

Хериг также сообщил о том, что его департамент столкнулся с сильной криптографией в «деле таможенной службы США», связанном с «нигерийской аферой». Было объявлено, что по меньшей мере триста жертв были обмануты в общей сложности на 60 миллионов долларов. Хериг сказал, что его департаменту пришлось иметь дело с тремя различными системами шифрования, причем им удалось взломать первые две, однако перед третьей они оказались бессильны. Фирма, распространяющая систему, заявила, что в ней не предусмотрено «черного хода». «Несмотря на то что мне удалось получить доступ к части зашифрованных данных, относящихся к этому делу, мы уверены, что значительное количество обличительной информации невозможно восстановить», — говорит Хериг (US Congress, 1997b).

В начале 1997 года нам сообщили, что голландские организованные преступные группы получили поддержку опытных хакеров, использующих PGP и PGPfone для шифрования коммуникаций. Хакеры предоставили гангстерам палмтопы, на которых был установлен Secure Device, голландский программный продукт, осуществляющий шифрование информации с помощью IDEA. Палмтопы служили для незаметного переноса баз данных полиции и разведывательных служб. В 1995 году полиция Амстердама изъяла компьютер, находившийся во владении члена преступной группировки. На жестком диске компьютера был обнаружен зашифрованный сегмент, расшифровать который полиции на тот момент не удалось. Несмотря на это, обвинение представило достаточное количество улик. В конце концов в 1997 году диск, зашифрованный с помощью американского программного обеспечения, удалось дешифровать, но тогда его содержимое уже не представляло большого интереса.

Нам известно также о нескольких случаях использования шифрования как инструмента вымогательства инсайдерами компаний. Служащие или бывшие служащие компании отказывались предоставить ключи, если им не будет выплачена определенная сумма денег. В подобных случаях шифрование используется не для того, чтобы скрыть улики, а скорее для того, чтобы шантажировать организацию. Мы не знаем ни одного случая, когда подобная попытка вымогательства увенчалась успехом.

Использование шифрования жертвой преступления также может создать проблему для обеспечения правопорядка. На заседании, проходившем в июне 1997 года, сенатор Чарльз Грэсли рассказал историю одиннадцатилетнего мальчика из округа Денвер, который покончил с собой из-за сексуальных домогательств. Мальчик оставил после себя записную книжку, в которой, по мнению следствия, могла содержаться информация о том, что мать

мальчика сексуально домогалась его. Однако записная книжка была зашифрована, и полиция не смогла взломать пароль. Следствие шло с февраля 1996 года.

В апреле 1998 года судебная лаборатория ФБР Computer Analysis Response Team (CART) начала сбор информации о судебных делах, связанных с использованием компьютеров, ведшихся штаб-квартирами или периферийными отделениями ФБР. К 9 декабря ими было получено 299 докладов, 12 из которых (4%) содержали сообщения об использовании криптографии⁶⁰. Это немного ниже, чем прогнозируемые CART 5-6% на 1996 год (Denning and Vaughn, 1997). Этому есть по меньшей мере три правдоподобных объяснения. Во-первых, прогноз 1996 года был сделан еще до того, как ФБР начало сбор данных, и поэтому был завышен. Во-вторых, поскольку компьютеры становятся все более привычными и интуитивно понятными пользователям, они все больше используются преступниками, не имеющими надлежащих знаний и навыков, чтобы зашифровать свои файлы. Таким образом, процент судебных дел о шифровании среди общего количества дел, связанных с компьютерными преступлениями, остается прежним или даже уменьшается, в то время как общее число таких дел растет. В-третьих, ранние доклады были неточны; по мере поступления новых докладов доля дел, в которых фигурирует криптография, может достичь 5—6%.

Публичная публикация

Преступники могут использовать шифрование для безопасного обмена сообщениями через открытые форумы, доски объявлений и веб-сайты. Несмотря на то что многие люди могут видеть зашифрованные сообщения, только те, у кого есть ключ, смогут прочесть исходный текст.

Эта техника была использована вымогателем, весной 1997 года грозившим убить президента и главного исполнительного директора Microsoft Билла Гейтса⁶¹. Вымогатель передавал Гейтсу сообщения в бумажных письмах и просил подтвердить их получение посредством отсылки определенного сообщения на доску объявлений AOL Netgirl.

Затем Гейтс получил письмо с приказом открыть счет на имя некоего Роберта М. Рата в Банке Люксембурга и перевести 5 246 827 долларов 62 цента. Деньги должны были быть переведены к 26 апреля, «чтобы, помимо всего прочего, избежать смерти». Гейтсу было прислано письмо с напоминанием о том, что 26 апреля — день рождения его дочери. К письму прилагалась дискета с фотографией исполнительницы роли Эльвиры, Повелительницы Тьмы, и ключ для простого подстановочного шифра. Гейтсу было приказано использовать этот код для шифрования инструкций для доступа к счету Рата по телефону или факсу. После этого он должен был добавить зашифрованный текст в основание фотографии и разослать ее копии в многочисленные библиотеки фотографий Photography Forum of America Online. Графическое изображение было загружено на AOL по распоряжению ФБР 25 апреля. Хотя Гейтс выполнил требования, он остался при своих деньгах. Было установлено, что угрозы исходили от Адама Куина Плетче-ра, жившего в Лонг-Гров (штат Иллинойс). 9 мая Плетчер сознался в том, что он написал и отправил Гейтсу четыре письма с угрозами.

Возможности правоохранительных органов

Большинство расследований, о которых нам известно, не были остановлены шифрованием. Власти получали ключ с согласия подозреваемого, находили его на диске или

60 Информация предоставлена CART 9 декабря 1998 года

61 Федеральный суд США, Северный округ штата Иллинойс, Восточное отделение, ордер на обыск, дело номер 97-157M, 8 мая 1997 год; «Соединенные Штаты против Адама Куинна Плетчера», Федеральный суд США, Западный округ Вашингтона, Сиэтл, судебное досье, дело номер 97-179M, 9 мая 1998 года.

каким-то образом взламывали систему шифрования, например угадывая пароль или используя уязвимости операционной системы. В качестве альтернативы они могли использовать другие улики, например печатные копии зашифрованных документов, другие бумажные документы, незашифрованные разговоры и файлы, свидетельские показания и информацию, полученную с помощью более надежных технологий наблюдения, например жучков. Однако мы хотим подчеркнуть, что все эти дела были связаны с поиском или конфискацией компьютеров, но не с прослушиванием. В данном разделе мы рассмотрим средства, доступные органам правопорядка для работы с шифрованием.

Получение ключа от подозреваемого

Подозреваемый часто соглашается сотрудничать с полицией и предоставляет свой ключ или пароль, иногда в рамках сделки о признании вины. Хакер, зашифровавший файлы с помощью Colorful File System, признал свою вину и раскрыл полиции свой пароль:

ifyoucanreadthisyoumustbeerikdale-* *oragoodcypherpunk26

Он хотел ускорить процесс. Дешифрованные файлы содержали важную для дела информацию⁶².

В связи с этим встает вопрос: может ли суд принуждать к раскрытию информации или ключей или же ответчик защищен Пятой поправкой⁶³. Филип Рейтинджер, адвокат департамента юстиции из отдела по борьбе с компьютерной преступностью, занимался изучением этой проблемы и пришел к выводу, что указания большого жюри могут влиять на предоставление незашифрованного текста или документов, содержащих ключи, хотя ограниченный иммунитет необходим (Reitinger, 1996). Он оставил открытым вопрос о том, могут ли правоохранительные органы принуждать к раскрытию ключа, который был запомнен, но не записан. Он также заметил, что когда обвиняемым приходится выбирать между предоставлением ключей, которые раскроют криминальные улики, и риском быть обвиненным в неповиновении суду, большинство выбирает последнее, ссылаясь на потерю памяти или уничтожение ключа.

В деле «народ против Прайса», проходившем в графстве Йоло, обвинители верховного суда Калифорнии добились успеха в получении пароля, защищающего ключ PGP ответчика. Однако в данном деле ключ искали не для получения обвинительных улик, а для того чтобы принять решение о том, может ли полиция вернуть компьютер владельцу. Он уже был признан виновным в сексуальных домогательствах к детям и хотел получить назад свой компьютер. В полиции заявили, что компьютер не может быть возвращен, так как были подозрения в том, что на нем находились незаконные зашифрованные PGP файлы с детской порнографией. Основания верить в это давало существование двух файлов: «Boys.gif» и «Boys.pgp» (когда PGP шифрует исходный файл, он автоматически дает зашифрованному файлу то же имя, но с расширением «.pgp»)⁶⁴.

Ответчик пытался воспользоваться Пятой поправкой. Обвинение же доказывало, что содержание файла уже было раскрыто, поэтому Пятая поправка на него не распространяется. До заключения с ответчиком соглашения о раскрытии файла обвинение не предпринимало попыток выяснить идентификационную фразу.

Для получения пароля один из служащих суда принес клятву судебного распорядителя. Следователь произвел все операции с программой шифрования PGP до момента, когда

62 Byron Thompson, доклад на HTCIA-FBI Training Seminar «Perspectives on Computer Crime», 12—13 ноября 1998 года.

63 Помимо прочего, речь в Пятой поправке к конституции США идет о том, что никто не обязан свидетельствовать против себя.

64 Информация по этому делу была предоставлена Фрэдом Коттоном, членом SEARCH Group, Inc. Коттон является следователем, активировавшим программу PGP на компьютере обвиняемого.

требовалось ввести идентификационную фразу, и покинул комнату. Обвиняемый раскрыл идентификационную фразу судебному распорядителю, который ввел ее в компьютер. Затем следователь вернулся в комнату, нажал клавишу enter и завершил процесс дешифрования. Как и ожидалось, файл содержал детскую порнографию. После этого судья приказал уничтожить компьютер, его периферийные устройства и дискеты. Обвиняемый пытался оспорить решение суда, утверждая, что в компьютере содержались материалы исследований, но судья вынес ему предупреждение за смешивание этих материалов с запрещенной информацией.

Получение доступа через третью сторону

Некоторые продукты для шифрования содержат систему аварийного восстановления ключа, которая предоставляет нестандартные средства доступа к незашифрованному тексту. Для восстановления ключа, необходимого для дешифрования, используется информация, хранящаяся вместе с зашифрованным текстом, и информация, хранящаяся у доверенного лица, которым может являться чиновник или организация, владеющая данными, или третья сторона. Главная цель восстановления ключа состоит в защите организаций и частных лиц, использующих сильное шифрование, от потери или разрушения ключей, что может закрыть доступ к важной информации.

Системы восстановления ключа могут быть использованы при проведении расследований, предоставляя властям средства для получения необходимых ключей. Если ключи находятся у третьей стороны, восстановление ключа можно провести без ведома находящейся под следствием преступной группы. Конечно, в случае, если криминальный синдикат использует собственные средства восстановления ключей, органы правопорядка могут быть бессильны. В конечном счете они могут оказаться в еще более сложной ситуации, если столкнутся со стойким шифрованием, а преступники откажутся сотрудничать. Более того, при прослушивании, которое должно вестись тайно, чтобы не потерять своей ценности, следователи не могут обратиться к подозреваемым с просьбой предоставить ключ для подсоединения к сети. Системы восстановления ключей могут также способствовать распространению шифрования в среде организованной преступности для защиты электронных файлов, поскольку преступникам больше не придется волноваться о потере ключа. Из-за потенциальной пользы восстановления ключей для органов правопорядка администрация Клинтона поддержала разработку продуктов для восстановления ключей, предоставив компаниям, производящим такие продукты, привилегии в экспорте. С декабря 1996 года продукты, имеющие систему восстановления ключей, могут свободно распространяться и иметь неограниченную длину ключа. Администрация наложила ограничения на распространение продуктов, в которых подобная система отсутствует: они должны иметь ключ не длиннее 56 бит, однако даже в этом случае закон об экспорте предусматривает ослабление ограничений на некоторых условиях.

Взлом кода

Использование слабых мест алгоритмов шифрования, их реализации, систем обмена ключами или каких-либо иных частей системы часто предоставляет возможность получения ключа для дешифрования данных. Действительно, в Интернете можно найти программное обеспечение для взлома шифрования многих коммерческих приложений. Один из сайтов Всемирной паутины содержит бесплатные программы взлома и продукты AccessData Corp., а также программное обеспечение CRAK для Microsoft Word, Excel и Money,

WordPerfect, Data Perfect и Professional Write, Lotus 1 -2-3, Quattro Pro, Paradox, PKZIP, Symantex Q&A и Quicken⁶⁵.

65 http://www.hiwaay.net/boklr/bsw_crak.html (по данным на февраль 1997 года).

Эрик Томпсон, президент AccessData, сообщил о том, что 80— 85% восстанавливаемого его компанией программного обеспечения — это крупные коммерческие приложения. Он также заметил, что в 90% случаев система бывает взломана не на уровне криптографического движка, а, например, на уровне предварительной обработки текста (CSI, 1997). Ключи или пароли могут быть найдены на диске в своп-файле.⁶⁶

В случае, когда атака не производится непосредственно на программу, ключ может быть определен грубым поиском, то есть подстановкой всех возможных ключей, пока не будет найден тот, с помощью которого можно получить незашифрованный текст, или, если ключ не будет найден, значащую информацию. Ключ представлен в компьютере строкой нулей и единиц, то есть для подбора ключа нужно проверить все возможные комбинации. Если длина ключа не превышает 40 бит, это относительно просто; можно взломать и несколько более длинные ключи, если иметь соответствующие вычислительные мощности. В июле 1998 года Джон Гилмор, борец за компьютерную приватность и гражданские свободы, и Пол Кочер, президент калифорнийской фирмы Cryptography Research, получили 10 тысяч долларов за проектирование суперкомпьютера, взломавшего 56-битный шифр DES за рекордное время — 56 часов, то есть менее чем за три дня. EFF DES Cracker был собран командой, состоящей примерно из дюжины исследователей, спонсируемой Electronic Frontier Foundation. На сборку компьютера ушло менее года, а стоимость проекта составила менее 250 тысяч долларов. Суперкомпьютер перебирал ключи с частотой 100 миллиардов операций в секунду (EFF, 1998; Markoff, 1998).

К несчастью, преступники могут защитить себя от подобного метода, если будут использовать более длинные ключи, например 128-битные ключи алгоритмов RC4, RC5 или IDEA, или 168-битный ключ triple-DES. Так как каждый дополнительный бит удваивает число комбинации, которые необходимо проверить, подобрать ключ путем грубого поиска очень скоро становится невозможно. Чтобы взломать один такой код за год, потребуется триллион компьютеров (более ста компьютеров на одного человека), каждый из которых должен работать с частотой в миллиард раз большей, чем EFF DES Cracker. Другими словами, потребуется десять миллиардов триллионов DES Cracker'ов! Многие продукты, включая PGP, используют 128-битный или более длинный ключ.

Во многих системах шифрования, например PGP, секретный пользовательский ключ, раскрывающий ключи сообщений, создается из пароля или защищается паролем, выбранным пользователем. В этом случае применить грубый перебор для нахождения пароля легче, чем для нахождения ключа, так как пароль ограничен символами ASCII и является менее произвольной комбинацией битов. Эрик Томпсон сообщает, что существует возможность правильно угадать пароль. При этом используется несколько различных техник, включая цепи Маркова, алгоритмы фонетического анализа и сцепление коротких слов (CSI, 1997).

Следователи часто обнаруживают в компьютере подозреваемого несколько различных систем шифрования. Например, для электронной почты может использоваться PGP, в то время как в приложения для работы с определенными типами документов встраивается другой вид шифрования. В таких случаях субъект может использовать один и тот же пароль для всех систем. Следователи могут взломать сначала одну, наиболее слабую систему, затем более сильную, попробовав применить в ней тот же пароль.

Чтобы помочь органам правопорядка быть в курсе развития новых технологий, в том числе шифрования, ФБР предложило создать центр технической поддержки, который будет тесно сотрудничать с продавцами продуктов для шифрования. Администрация Клинтона одобрила создание центра во время сентябрьских корректировок криптографической политики (White House, 1998).

В связи с разработкой и использованием инструментов для взлома шифров возникает вопрос: как органы правопорядка собираются защищать свои источники и методы. Если

66 Свop-файл — файл для хранения текущей информации, создаваемый операционной системой.

следователи должны в суде раскрывать использованные методы дешифрования сообщений, дальнейшее использование этих методов может быть опасным.

Нахождение точки доступа

Еще одним способом получения незашифрованной информации является нахождение точки доступа, обеспечивающей прямой доступ к данным до шифрования или после дешифрования. При передаче сообщений это можно сделать на коммутаторе. Коммуникации шифруются при прохождении по каналам связи (входящим в коммутатор и исходящим из него), где сообщения представлены в незашифрованном виде, поэтому на коммутаторе можно поместить прослушивающее устройство. Ранее мы отмечали, что таким образом могут быть перехвачены цифровые мобильные коммуникации, которые предоставляют гораздо большую безопасность и приватность, нежели аналоговые телефоны, не использующие шифрования.

Сетевые системы шифрования, имеющие точки доступа, в отличие от систем, в которых точек доступа нет, получают привилегии в экспорте (White House, 1998). Этот подход первоначально был назван «частным дверным звонком» для отличия от метода, использующего системы восстановления ключей (Corcoran 1998; Cisco Systems, 1998). Сейчас он считается разновидностью этого метода.

Для хранимой информации Codex Data Systems (Бардония, штат Нью-Йорк) продвигает продукт под названием Data Interception by Remote Transmission (DIRT), разработанный для удаленного мониторинга компьютера, подозреваемого правоохранительными и другими легально собирающими информацию органами. После инсталляции DIRT на машину подозреваемого программное обеспечение будет тайно записывать нажатия клавиш и передавать полученные сведения на определенный IP-адрес, управляемый Command Center Software. Возможности DIRT включают удаленный доступ к файлам, фиксацию нажатий клавиш в реальном времени, удаленное создание скриншота экрана и удаленная запись аудио и видео. Данное программное обеспечение может быть использовано для сбора паролей и чтения зашифрованной электронной почты и файлов.

Когда ничего не помогает

Невозможность взломать шифрование не всегда бывает роковой. Следственная группа может обнаружить печатные копии зашифрованных документов, найти оригинальную незашифрованную версию файла, например если подозреваемый забыл удалить исходный файл или если он не был полностью удален с диска. Обличающая информация может быть получена из незашифрованных разговоров, от свидетелей, информаторов и с использованием скрытых микрофонов. Следствие может проводить операции под прикрытием или провокации для поимки подозреваемого. Эти методы, однако, не гарантируют успеха.

Если найдено некоторое количество доказательств какого-то преступления, но, однако, существуют улики, скрытые шифрованием, возможно, будет выдвинуто меньше пунктов обвинения. Так произошло в Мэриленде, когда полиция столкнулась с зашифрованными файлами в деле о торговле наркотиками. Было заявлено, что подозреваемый занимался подделкой документов, и названия зашифрованных файлов совпадали с названиями подделанных документов. Попытки дешифровать файлы провалились, таким образом обвинение было предъявлено только по пунктам, связанным с торговлей наркотиками⁶⁷.

Еще одно дело: пятнадцатилетний мальчик пришел в отдел по расследованию преступлений против несовершеннолетних ведомства шерифа в округе Сакраменто со своей мамой, которая хотела подать жалобу на совершеннолетнего мужчину, который лично

67 Об этом деле нам сообщил Говард Шмидт

встречался с ее сыном, подружился с его друзьями и купил им пиццу. Мужчина продал ее сыну аппаратное и программное обеспечение, стоящее 500 и 1000 долларов соответственно, за 1 доллар и дал дискеты с непристойными фотографиями. Позже мужчина регулярно присылал мальчику дискеты с порнографическими материалами и порнографические файлы по Интернету через AOL. После нескольких месяцев расследования был выдан ордер на обыск мужчины, проживающего в Кэмпбеле, Калифорния, и приостановлено дело об усыновлении им девятилетнего мальчика. В конце концов подозреваемый был арестован. На тот момент он уже купил еще одну компьютерную систему и отправился в Англию, чтобы встретиться еще с одним мальчиком.

В течение 10 дней после приобретения системы он экспериментировал с различными системами шифрования и остановился на PGP, с помощью которого он зашифровал директорию на диске. Поступали сведения о том, что подозреваемый был замешан в крупномасштабном корпоративном шпионаже, а в зашифрованных файлах, по мнению следователей, могла содержаться информация, подтверждавшая это. Ведомство шерифа никогда не занималось дешифрованием файлов, однако после неудачной попытки подозреваемого из тюрьмы заказать убийство, он не пытался оспорить многочисленные случаи распространения вредных материалов среди молодежи и попыток повлиять на своих жертв, разубедить их или повредить им⁶⁸. Если шифрование мешает доступу к доказательствам преступной деятельности, дело закрывают (в случае если другие методы ведения расследования не принесли никаких результатов). Несколько дел было закрыто или приостановлено из-за шифрования.

Другие способы сокрытия улик

Помимо шифрования, в распоряжении современных преступников есть множество инструментов для сокрытия информации.

Преступники или люди, уклоняющиеся от правосудия, часто защищают свои компьютеры от проникновения с помощью пароля. Во время расследования дела об игорном бизнесе, связанном с нью-йоркскими криминальными кланами Гамбино, Дженовезе и Коломбо, у букмекеров были обнаружены защищенные паролем компьютеры, использовавшиеся для сокрытия ставок, размер которых превышал 65 миллионов долларов в год (Ramo, 1996). После того как выяснилось, что паролем было имя матери одного из бандитов, полиция обнаружила 10 тысяч цифровых ставок на 10 миллионов долларов.

Другая корпорация, занимающаяся игорным бизнесом, управляла охватывающей три калифорнийских округа сетью связанных сайтов. Глава синдиката работал с документацией, используя коммерческую бухгалтерскую программу и пароль для защиты доступа к своим файлам. Хотя разработчики программы отказались сотрудничать с правоохранительными органами, полиции удалось получить доступ к документам, обнулив пароли в файлах данных. Следователи обнаружили ежедневные записи о ставках, выигрышах и вовлеченных людях и суммы ставок и выплат или долгов и т. д. Распечатанные файлы, содержащие результаты четырех лет работы букмекеров, признаны доказывающими вину по предъявленным пунктам, что налагает на ответчика обязательство производить выплаты штату и государству⁶⁹.

Использование паролей наиболее часто встречается в делах о компьютерных преступлениях. Из 299 проверенных CART с апреля по декабрь компьютеров шестьдесят (20%) были защищены паролями, то есть в шесть раз больше, чем шифрованием.

68 Об этом деле нам сообщил Брайн Кеннеди, сотрудник ведомства шерифа в округе Сакраменто.

69 Впервые об этом деле мы услышали 22 февраля 1997 года от Джима МакМагона, бывшего главы отделения по расследованию высокотехнологических преступлений полицейского департамента Сан-Хосе. Дополнительную информацию мы получили 10 июня 1998 года от Роберта Рейнарда.

Цифровая компрессия

Цифровая компрессия в основном используется для уменьшения размера файла или передаваемого сообщения без потери данных или, по крайней мере, значащих данных. Наибольшего сжатия можно добиться с аудио, графикой и видео, однако можно значительно сжать даже текст. Компрессия может способствовать сокрытию преступной информации двумя способами. Во-первых, она затрудняет полиции идентификацию и доступ к информации, содержащейся в перехваченных сообщениях или изъятых файлах. Во-вторых, используемая перед шифрованием компрессия может осложнить взлом даже простого шифра. Это связано с тем, что представление сжатой информации менее упорядоченно, чем представление оригинальных данных, это делает их менее чувствительными к технологиям восстановления данных, использующим избыточность языка и мультимедиа.

Стеганография

Стеганографией называют метод сокрытия секретной информации внутри другой информации таким образом, что скрытым оказывается само наличие секретной информации. Один из методов стеганографии заключается в записи секретной информации в младшие биты графических, аудио- и видеофайлов. Существует множество инструментов, работающих на основе этого метода, многие из которых можно бесплатно скачать из Интернета. С помощью таких инструментов пользователь может спрятать информацию, просто перетаскив значок файла на графическое изображение. Программа может также при необходимости до сокрытия зашифровать информацию, чтобы обеспечить дополнительную безопасность. Инструменты стеганографии также могут скрывать информацию в аудиофайлах или в секторах на диске, которые нельзя обнаружить стандартными средствами.

Нам известно о нескольких случаях использования стеганографии преступниками. Например, известен случай, когда вор кредитных карт прятал их номера на взломанной веб-странице. Он заменил маркеры изображениями, выглядящими также, но содержащими номера кредитных карт, которые он затем продавал своим сообщникам. Это дело иллюстрирует потенциал использования изображений в качестве «мертвых цифровых тайников» для торговли информацией. О существовании тайника может быть известно только горстке людей.

Стеганография также может быть использована для сокрытия существования файлов на жестком диске компьютера. Росс Андерсон, Роджер Нидхам и Ади Шамир предлагают систему стеганографии, которая делает файл невидимым для всех, кто не знает имени файла и пароля. Взломщик, не располагающий данной информацией, не получит никакого подтверждения существования файла, даже имея полный доступ к программным и аппаратным средствам. Выполнив простые действия, можно скрыть файл в одном или нескольких маскирующих файлах. Маскирующие файлы выбираются введенным паролем пользователя (Anderson, Needham, and Shamir, 1998).

Удаленное хранение

Преступники могут прятать информацию, сохраняя ее на удаленных хостах, например, на сервере Интернет-провайдера (ISP). Джим МакМагон, бывший глава отделения по расследованию высокотехнологических преступлений полицейского департамента Сан-Хосе, сообщил нам о том, что лично сталкивался со случаями, когда подозреваемые хранили информацию на нелокальном диске, зачастую ISP, а иногда и в плохо защищенных от взлома системах непричастной к преступлению третьей стороны. Юджин Шульц, бывший управляющий отдела компьютерных инцидентов министерства энергетики, сообщил, что группа хакеров из Нидерландов украла настолько большой объем информации из

компьютеров министерства обороны, что не могла хранить его на своих дисках, поэтому хакеры взломали системы университета Боулинга Грина и университета Чикаго и загрузили туда информацию, рассчитывая позже переправить ее в другое место⁷⁰. Известны случаи, когда компьютерные пираты хранили украденные файлы в скрытых директориях взломанных ими систем.

Информация также может быть спрятана на съемных дисках и храниться удаленно от компьютеров. Дон Дилани, детектив полиции штата Нью-Йорк, в начале 1997 года сообщил нам о том, что при расследовании дела о русской организованной преступной группе, подозреваемой в неуплате налогов в размере 100 миллионов долларов, отмывании денег, незаконной торговле бензином и коррупции на предприятиях, полиция получила ордера на обыск и изъятие дисков и записей, хранившихся в портфелях и чемоданах в двух расположенных в разных местах офисах. После изматывающего шестимесячного исследования улики следствие установило, что наибольший объем важных доказательств содержался на дискетах. Мошенники работали в Excel, а результаты работы сохраняли на флоппи-дискетах. Следователи извлекли из этого дела урок: нужно производить обыск всех доступных мест и искать диски там, где обычно хранится частная собственность. Носители информации становятся все меньше по размеру, давая преступникам все больше возможностей для сокрытия данных.

Отключение аудита

Большинство систем сохраняют записи о производимых действиях. Злоумышленники, совершающие компьютерные преступления, во многих случаях отключают отслеживание действий или удаляют записи, указывающие на их деятельность. Используемое хакерами средство RootKit, к примеру, содержит набор системных утилит, «тро-янов», скрывающих присутствие хакера и отключающих аудит. Другая программа, ZAP, удаляет записи о произведенных действиях. Оба эти средства можно бесплатно скачать из Интернета.

Соккрытие преступлений посредством анонимности

Преступления можно скрыть под покровом анонимности. Для этого доступно большое количество разнообразных технологий

Анонимный ремэйлер — это сервис, позволяющий отправлять электронную почту так, что получателю не будет известна личность отправителя. Ремэйлер может сохранять только ту информацию об отправителе, которая позволит получателю ответить на сообщение, причем ответ будет доставлен через этот же ремэйлер. К примеру, Алиса хочет послать Бобу по электронной почте анонимное сообщение. Вместо того чтобы отправить его напрямую, она посылает сообщение на ремэйлер (почтовый сервер), где заголовок сообщения удаляется, а само сообщение перенаправляется Бобу. Когда Боб получит сообщение, он увидит, что оно пришло с ремэйлера, но не сможет определить, кто был отправителем. Некоторые ремэйлеры дают пользователям псевдонимы, так что получатель может ответить на сообщение через ремэйлер. Ремэйлер пересылает ответ обладателю псевдонима. Псевдоанонимные ремэйлеры не обеспечивают пользователю полной анонимности, так как на нем хранится информация об обеих сторонах. Другие ремэйлеры предоставляют полную анонимность, но не поддерживают ответ на сообщения. Они работают как механизм перенаправления сообщений.

В Интернете есть большое число псевдоанонимных и анонимных ремэйлеров. Некоторые из них используют, помимо пересылки сообщений, средства шифрования (обычно PGP), так что сообщения, передаваемые с ремэйлера или на ремэйлер, могут быть

⁷⁰ Сообщение от Юджина Шульца, 15 мая 1998 года

зашифрованы. Пользователи, не доверяющие одному ремэйлеру, могут пересылать сообщения через несколько.

Анонимные ремэйлеры позволяют человеку заниматься преступной деятельностью, не раскрывая свою личность. Например, президент Клинтон получал приходившие через анонимные ремэйлеры сообщения с угрозами убийства. Еще один пример использования ремэйлеров: вымогатель угрожал запустить мини-модель самолета в двигатель реактивного самолета во время взлета в немецком аэропорту, что могло привести к авиакатастрофе. Угрозы посылались по электронной почте через анонимные ремэйлеры, находящиеся в Соединенных Штатах. Сообщения направлялись на учетные записи America Online, где отправитель указал фиктивные имена и номера кредитных карт. Однако он был пойман, не успев выполнить свои угрозы.

Анонимные цифровые наличные

Цифровые наличные позволяют пользователю продавать и покупать информацию и услуги. Они довольно полезны в небольших транзакциях, играя роль твердой валюты. Некоторые системы электронных денег позволяют пользователю участвовать в транзакциях, сохраняя полную анонимность, другие дают возможность отслеживать транзакции в чрезвычайной ситуации, например по судебному ордеру.

Полная анонимность позволяет преступникам отмывать деньги и заниматься другой нелегальной деятельностью, обходя закон. В сочетании с шифрованием или стеганографией и анонимными ре-мэйлерами цифровые наличные могут использоваться для продажи в сети украденной интеллектуальной собственности или для вымогательства денег.

В мае 1993 года Тимоти Мэй (May, 1996b) написал эссе о возможности создания такой организации, как BlackNet, которая будет использовать комбинацию криптографии с открытым ключом, анонимных ремэйлеров и анонимных электронных денег для покупки и продажи информации:

BlackNet может, если это позволяет законодательство о банках, делать анонимные вклады на выбранный вами банковский счет, может непосредственно отправлять деньги... или выдавать Вам кредит в CryptoCredits, внутренней валюте BlackNet... Если Вы заинтересованы, не пытайтесь связаться с нами напрямую (так вы только потеряете время) и не отправляйте сообщений, содержащих ваше имя, адрес электронной почты и т. п. Вместо этого напишите сообщение, зашифруйте его открытым ключом BlackNet (он приведен ниже) и используйте один или несколько анонимных ремэйлеров для передачи зашифрованного анонимного сообщения на один из следующих адресов.

Несмотря на то что Мэй утверждает, что написал это эссе для того, чтобы подчеркнуть, как сложно остановить использование новых технологий, вскоре после публикации эссе в Интернете пошли слухи о том, что реальный BlackNet используется для продажи украденных коммерческих секретов.

В статье «Политика убийств» Джеймс Далтон Белл предложил использовать киберпулы для убийства работников налоговой службы и других «ненавистных государственных служащих и чиновников» (Bell, 1996). Идея Белла была проста: используя Интернет, шифрование и анонимные цифровые деньги, любой может сделать анонимную ставку. Человек, возможно, убийца, верно угадавший время смерти жертвы, выигрывает деньги. Потратив два года на распространение своей идеи в дискуссионных группах Интернета и списках рассылки, Белл был арестован и признан виновным в двух уголовных преступлениях: препятствовании работе и угрозам налоговой службе, а также незаконном использовании номера социального страхования с целью мошенничества. В рамках сделки о признании вины Белл сознался в организации атаки на офис налоговой службы в Ванкувере с использованием «бомб-вонючек» (McCullah, 1997)⁷¹. Кроме того, он раскрыл пароль,

71 <http://jya.com/jimbell3.htm>.

необходимый для доступа к зашифрованной PGP электронной почте, присланной Беллу его сообщниками. Хотя Белл не создал ни одного киберпула, через Интернет-рассылку шифропанков было распространено анонимное сообщение, в котором сообщалось о создании Assassination Politics Bot программы Dead Lucky. В сообщении также были названы имена четырех потенциальных жертв, а также содержалась ссылка на веб-страницу под названием Dead Lucky, где было вывешено объявление: «Если ты сможешь верно предсказать дату и время смерти других, то выиграешь крупную сумму, выплачиваемую в необлагаемых налогом не-отслеживаемых цифровых наличных». На странице также говорилось: «Состязание официально начнется после объявления правил и официальной даты начала (до того момента может использоваться только для развлечения)». Другое разосланное шифропанкам анонимное сообщение имело тему: «Зашифрованная СМЕРТЕЛЬНАЯ Интернет. УГРОЗА!!! / Внимание: Судьи Девятого Округа / Пароль: sog». После дешифрования сообщения, зашифрованного PGP, с помощью указанного пароля были обнаружены угрозы убийства и указание на авторство Assassination Bot. Следователи установили связь между сообщениями, Bot и человеком по имени Карл Эдвард Джонсон. В августе 1998 года был выдан ордер, инкриминировавший Джонсону угрозы «убийства офицеров правоохранительных органов и судей США с целью запугать названных офицеров и судей и препятствовать исполнению их обязанностей или повлиять на них».

Проникновение в компьютер и лупинг

Взламывая чью-либо учетную запись и отправляя с нее команды, преступники могут скрываться за личностью владельца учетной записи. Нам стало известно о случае, когда хакеры проникли в компьютеры Strong Capital Management и разослали около 250 тысяч рекламных объявлений с заголовками, в которых было указано название компании. Рекламировались онлайн-стриптиз-услуги («киберстриптиз»), компьютерное оборудование и спортивные ставки. SCM начало против хакеров судебное разбирательство стоимостью 125 миллионов долларов, требуя от них ежемесячных выплат в размере 5000 долларов.

Хакеры также могут препятствовать установлению своих личностей, используя технологию так называемого лупинга. Вместо того чтобы напрямую взламывать определенную систему, они могут войти в одну систему, использовать ее как плацдарм для проникновения в другую систему, после чего вторая система используется для проникновения в третью и т. д., пока не будет достигнута нужная система. Цель этих действий — скрыть местонахождение взломщика и затруднить следствие. Чтобы проследить связь, следователям требуется помощь системных администраторов. Если пути взлома пересекают несколько национальных границ, сотрудничество с администраторами может быть невозможным.

Мобильные телефоны и клонирование

Наркобароны, гангстеры и другие преступники часто используют «клонированные» мобильные телефоны, чтобы избежать преследования полиции. Обычно они покупают телефоны оптом и избавляются от них после использования. Топ-менеджер картеля Кали может использовать до 35 телефонов в день (Ramo, 1996). В деле о колумбийском наркосиндикате сотрудники Управления по борьбе с наркотиками обнаружили в своих телефонных счетах необычно большое число звонков в Колумбию. Оказалось, что члены синдиката клонировали номера Управления! Некоторые клонированные телефоны, называемые «вечными телефонами», могут содержать до 99 украденных номеров. Новые номера могут быть внесены с клавиатуры телефона, позволяя пользователю для каждого нового звонка менять номер телефона. В случае с клонированием органам правопорядка

неважно, зашифрованы ли коммуникации, поскольку они даже не знают, какой номер прослушивать.

Цифровые мобильные телефоны используют более сильные методы защиты от клонирования. С заменой аналоговых телефонов цифровыми клонирование может стать меньшей проблемой для правоохранительных органов.

Карты мобильных телефонов

Похожую проблему создают карты для мобильных телефонов (SIM-карты). Эти prepaid карты, устанавливаемые в мобильный телефон, определяют его номер и количество доступного для разговора времени. В Швеции можно анонимно приобрести SIM-карту, что делает прослушивание невозможным. Отдел по борьбе с наркотиками потребовал от покупателей регистрации в базе данных, которая будет доступна полиции (Minow, 1997). Такие же карты используются во Франции, однако там покупателю необходимо предъявить удостоверение личности. В Италии prepaid SIM-карта должна быть привязана к личности владельца.

Заключение

Преступники и террористы используют шифрование и другие передовые технологии для сокрытия своей деятельности. Все указывает на то, что использование этих технологий продолжится и станет более масштабным, и это усложнит работу правоохранительных органов. Хотя большинство расследований, о которых нам известно, не были остановлены использованием криптографии, все же встречалось несколько расследований, которые были закрыты или приостановлены по этой причине. Даже если шифр удастся взломать, эта работа задерживает ведение расследований, иногда на месяцы и годы, увеличивает их стоимость, во многих случаях дешифрование файлов обходится агентствам в сотни тысяч долларов.

Попытки дешифрования информации органами правопорядка или компаниями, нуждающимися в восстановлении данных после потери ключа, в целом успешны из-за слабости большинства систем. Однако доля успешного дешифрования наверняка сократится, поскольку продавцы встраивают в свои продукты все более сильное шифрование и уделяют большее внимание безопасности. Взломать хорошо спроектированную криптосистему, использующую ключ длиной более 128 бит, невозможно. Дело даже не в стоимости дешифрования или проблеме поиска в Интернете достаточного количества людей, которые могли бы помочь. Ресурсов для такого дешифрования просто не существует.

Большинство следователей, с которыми мы разговаривали, утверждают, что пока не сталкивались с использованием шифрования крупными организованными преступными группировками. Это может быть обусловлено несколькими факторами, в том числе сложностью, накладными расходами на использование шифрования (в основном оплачиваемое время работы обслуживающего персонала) и общими соображениями о том, что их окружение уже достаточно изолировано и защищено от правоохранительных органов.

Мария Кристина Асентс, руководительница уголовно-технологического центра национальной итальянской полиции, утверждает, что итальянская мафия все больше склоняется к использованию шифрования для защиты от правительства. Она называет шифрование самым большим препятствием для проведения расследований и отмечает, что, вместо приглашения криптографов для разработки собственных кодов, гангстеры скачивают из Интернета PGP (Ramo, 1996).

С ростом уровня образованности населения в области технологий и шифрования, все больше преступников приобретают знания и навыки, необходимые для уклонения от закона. Ситуация усугубляется возможностью скачать из Интернета простое в использовании программное обеспечение для стойкого шифрования. Мы рекомендуем продолжать сбор

информации об использовании преступниками шифрования и других передовых технологий. Нас интересует то, как шифрование влияет на ведение расследований, взломано оно или обойдено каким-то другим способом, успешно ли расследование дела и вынесен ли обвинительный приговор, несмотря на невозможность дешифрования, а также стоимость проведения расследований.

Шифрование — чрезвычайно важный международный вопрос. Оно может нанести значительный вред или принести пользу бизнесу и правопорядку. Государственная политика должна учитывать не только угрозу деятельности правоохранительных органов и разведывательным операциям, но и необходимость защиты интеллектуальной собственности и экономического соревнования в промышленности. Криптографическая политика должна также уважать нужды потребителей в шифровании и основные права человека, включая право на приватность и свободу самовыражения. Учесть все эти интересы чрезвычайно сложно.

Библиография

Akdeniz, Y n.d. «Regulation of Child Pornography on the Internet», <http://www.leads.ac.uk/law/pgs/yaman/child.htm>.

Anderson, R., R. Needham, and A. Shamir. 1998. «The Steganographic File System», Paper presented at the Workshop on Information Hiding, Portland, OR, April 14—17.

Bell, James Dalton. 1996. «Assassination Politics». In: Winn Schwartau, ed., «Information Warfare» (2nd ed., p. 420—425). New York: Thunder's Mouth Press.

Cisco Systems. 1998. «Thirteen High-Tech Leaders Support Alternative Solution to Network Encryption Stalemate». Press release, July 13.

Corcoran, E. 1998. «Breakthrough Possible in Battle over Encryption Technology», Washington Post, July 12, p. A8.

CSI. 1997. «Can Your Crypto Be Turned against You? An interview with Eric Thompson of AccessData», Computer Security Alert, no. 167, February.

Denning, D. E. and W. E. Baugh, Jr. 1997. «Encryption and Evolving Technologies as Tools of Organized Crime and Terrorism». National Strategy Information Center, Washington, DC, July.

Electronic Frontier Foundation (EFF). 1998. «"EFF DES Cracker" Machine Brings Honesty to Crypto Debate». Press release, July 17.

Federal Bureau of Investigation (FBI). 1970. «Crime and Cryptology», FBI Law Enforcement Bulletin, April 13—14.

Fischer, C 1998. Presentation at Georgetown University, July 22.

Grabosky, P. N., and R. G. Smith. 1998. «Crime in the Digital Age: Controlling Telecommunications and Cyberspace Illegality». New Brunswick, N.: Transaction.

HNS News Service. 1997. « Hamas Using Internet for Attack Instructions ». Israel, September 28.

Kaplan, D. E., and A. Marshall. 1996. «The Cult at the End of the World.: The Terrifying Story of the Aum Doomsday Cult, from the Subways of Tokyo to the Nuclear Arsenals of Russia» (New York: Crown).

Littman, J. 1997. The Watchman: The Twisted Life and Crimes of Serial Hacker Kevin Poulson». Boston: Little, Brown.

Manning, W. M. 1997. «Should You Be on the Net?» FBI Law Enforcement Bulletin, January 18—22.

Markoff, J. 1998. «U.S. Data-Scrambling Code Cracked with Homemade Equipment», New York Times, July 17.

May, T. C. 1996a. «BlackNet Worries». In: Peter Ludlow ed., «High Noon on the Electronic Frontier» (p. 245—249). Cambridge: MIT Press. May, T. C 1996b. «Introduction to BlackNet». In: P.

Ludlow, ed., «High Noon on the Electronic Frontier» (p. 241—243). Cambridge: MIT Press.
McCullah, D. 1997. «IRS Raids a Cypherpunk». Netly News; accessed April 4. Minow, M. 1997.
«Swedish Narcotics Police Demand Telephone Card Database», Risks-Forum Digest, 19, no. 7;
accessed April 14. Power, R. 1997. «CSI Special Report: Salgado Case Reveals Darkside of
Electronic

Commerce», Computer Security Alert, no. 174, September.

Ramo, J. C 1996. «Crime Online», Time Digital, September 23, p. 28—32.

Reitinger, P. R 1996. «Compelled Production of Plaintext and Keys». University of Chicago
Legal Forum (1996): p. 171—206. U.S. Congress. 1997a. Statement of Louis J. Freeh, Director
FBI, «Impact of Encryption on Law Enforcement and Public Safety», testimony before the Senate
Committee on Commerce, Science, and Transportation, March 19.

US Congress 1997b. Jeffrey A. Herig, Special Agent, Florida Department of Law
Enforcement, «The Encryption Debate: Criminals, Terrorists, and the Security Needs of Business
and Industry», testimony before the Senate Judiciary Subcommittee on Technology, Terrorism, and
Government

Information, September 3.

White House. 1995. Remarks by the President to Staff of the CIA and Intelligence
Community, Central Intelligence Agency, McLean, VA, July 14.

White House. 1998. «Administration Updates Encryption Policy». Statement by the Press
Secretary and fact sheet, September.

Сдвигая границы: как виртуальная реальность требует юрисдикции реального права

Право и границы: истоки права в киберпространстве

*Дэвид Р. Джонсон И Дэвид Дж. Пост*⁷²

Введение

Глобальные компьютерные коммуникации рассекают территориальные границы, создавая новую область человеческой деятельности и подрывая осуществимость — и легитимность — применения законов, основанных на географических границах. В то время как электронные коммуникации сеют хаос среди географических границ, на свет появляется новая граница — созданная из заслонов и паролей, отделяющих мир виртуальный от «реального мира», из атомов. Эта новая граница определяет обособленное киберпространство, которое нуждается в своем собственном праве и правовых институтах и может их создать. Размещающиеся на [реальной] территории законодательные и правоохранительные власти находят эту новую среду исключительно угрожающей. Но укоренившиеся территориальные власти уже могут учиться считаться с саморегулирующими усилиями участников кибер-пространства, которых больше всего волнует новый, цифровой обмен идеями, информацией и услугами. Обособленно от доктрины, привязанной к территориальным юрисдикциям, в многообразии онлайн-пространств появятся новые правила, которым суждено управлять широким кругом новых явлений, которым нет очевидных аналогов в неvirtуальном мире. Эти новые правила сыграют роль права, определяя юридический статус личности и собственности, разрешая споры и кристаллизуя коллективное обсуждение основных ценностей.

⁷² Эта глава была опубликована в Stanford Law Review, № 48, а в электронной форме появилась в First Monday (<http://www.firstmonday.dk/issues/issue1/index.html>). Публикуется с разрешения авторов. © 1996, David R. Johnson and David G. Post. [Перевод И. Мякишева.]

Снося территориальные границы Территориальные границы «реального мира»

Примем за данное мир, в котором географические границы — линии, разделяющие физическое пространство, — имеют первоочередное значение при определении юридических прав и ответственности: «Всякое право прежде всего территориально»⁷³. Вообще говоря, территориальные границы очерчивают области, в которых применяются различные наборы юридических правил. До текущего момента существовало общее соответствие между границами, прочерченными в физическом пространстве (между национальными государствами или другими политическими образованиями), и границами в «пространстве права». Например, если нам пришлось бы наложить «карту права» (очерчивающую области, в которых различные правила применяются к определенным поведением) на политическую карту мира, две карты в значительной степени совпали бы. Скопления однородных применяемых правовых норм и правовых институтов совпали бы с существующими физическими границами, обособляясь от соседних однородных скоплений.

Пример с торговой маркой

Рассмотрим конкретный пример, на который будем ссылаться на протяжении этой главы: право торговых марок — это схемы для защиты связей между словами или изображениями и конкретными коммерческими предприятиями. Право торговых марок четко основано на географических разделениях. Права на торговые марки обычно возникают в пределах заданной страны, чаще всего на основе использования метки на физических товарах или в связи с предоставлением услуг в определенных местах в пределах той страны. Различные страны имеют разные законы о торговых марках, серьезно различающиеся в вопросах вроде «Может ли одно и то же имя использоваться в различных сферах деятельности?» В Соединенных Штатах одно и то же имя может быть использовано в той же сфере деятельности в случае, если имеет место географическое разделение, достаточное для того, чтобы избежать путаницы⁷⁴. Вообще-то множество местных магазинов, ресторанов и бизнесов имеют одинаковые имена и не вредят друг другу, потому что их клиенты не совпадают. Вещественные отличия, обеспечиваемые различными сферами деятельности, позволяют использовать большинство марок во множестве направлений деловой деятельности без ущерба для прав других пользователей. Не существует глобальной системы регистрации; защита особенно известной марки на глобальной основе требует регистрации в каждой стране. Поэтому обладатель торговой марки должен быть постоянно готов к основанным на принципе территории требованиям к отказу от прав и к распылению, являющемуся результатом вводящего в заблуждение использования сходных торговых марок. Он должен осваивать законы различных стран, касающиеся процедурных вопросов и вопросов юрисдикции, которые применяются в каждом подобном случае.

Когда географические границы для права имеют смысл

Конечно, физические границы — это не просто чьи-то выдумки. Хотя они могут быть основаны на исторической традиции, в реальном мире географические границы для права

⁷³ American Banana Co. v. United Fruit Co., 213 U.S. 347, 357 (1909) (установлено в качестве общего правила толкования, что любой статут предназначен для исполнения в территориальных пределах государства).

⁷⁴ Dawn Donut Co. v. Hart's Food Stores, 267 F.2d 358 (2d Cir. 1959) (установлено, что владелец зарегистрированной торговой марки не может запрещать другое использование этой марки в рамках географически обособленного рынка, если держатель зарегистрированной марки не намеревается расширяться в направлении этого рынка).

имеют смысл. Их отношение к разработке и внедрению правовых норм логически основывается на определенном количестве связанных соображений.

- Власть Контроль над физическим пространством, а также над людьми и предметами, расположенными в этом пространстве, — определяющий атрибут суверенитета и государственности. Законотворчество требует некоего механизма для приведения законов в жизнь, который, в свою очередь, зависит (в большой степени) от способности осуществлять физический контроль и налагать принудительные санкции на нарушителей закона. Например, правительство Соединенных Штатов не применяет свой закон о торговых марках на бразильский бизнес, действующий в Бразилии, по крайней мере отчасти из-за того, что наложение санкций на бразильский бизнес требует притязаний на физический контроль над теми, кто ответствен за работу этого бизнеса. Подобные притязания на контроль вступили бы в конфликт с общепризнанной монополией бразильского правительства на использование силы в отношении своих граждан⁷⁵.

- Результаты Соответствие между физическими границами и границами в «пространстве права» также отражает глубоко укорененное отношение между физической близостью и результатами любого отдельно взятого поведения. То есть бразильский закон о торговых марках управляет использованием марок в Бразилии, поскольку это использование оказывает более непосредственное влияние на людей и имущество, расположенных в пределах этой географической территории, чем на расположенных где-то еще. Например, маловероятно, что «Ресторан Джонса» в Рио-де-Жанейро оказывает влияние на работу «Ресторана Джонса» в Осло в Норвегии, поскольку мы можем предположить, что не существует значительного совпадения клиентов или конкурентов этих двух организаций. Защита торговой марки первой не отражается и, вероятно, не должна отражаться на защите, предоставленной второй.

- Легитимность Мы в целом принимаем идею о том, что люди в пределах географически определенных границ — главный источник законотворческой власти для деятельности в этих пределах. «Согласие управляемых» подразумевает, что те, на кого действует набор законов, обязаны принимать участие в его формировании. На основании предшествующих размышлений заключаем, что категория людей, на которую действуют законы верховной власти и на которой они отражаются наиболее сильно, будет в первую очередь состоять из индивидов, находящихся на соответствующих территориях. Подобным же образом распределение ответственности по уровням управления основывается на предположении, что при решении множества правовых проблем физическая близость между ответственной властью и теми, на ком отражается закон, улучшит качество принятия решений и что легче определить волю тех индивидов, которые физически близки друг к другу.

- Уведомление Физические границы также подходят для разграничения «пространства права» в физическом мире, поскольку они могут уведомлять о том, что правила меняются, когда граница пересечена. На правильных границах стоят указатели, привлекающие внимание к тому, что после пересечения мы будем вынуждены подчиняться другим правилам, да и физические границы — линии на географической карте — в общем-то хорошо служат в этой функции указателей⁷⁶.

⁷⁵ Например, способность верховной власти претендовать на юрисдикцию в отношении определенной стороны зависит от связи этой стороны с физической областью, над которой имеет контроль верховная власть, такой как нахождение в этой области самой стороны или принадлежащего ей имущества или деятельность этой стороны, направленная на людей или вещи в пределах этой области. Таким же образом, выбор закона, применяющегося к соглашению, гражданскому правонарушению или преступному действию, исторически определялся физическим местонахождением сторон или местом рассматриваемого деяния. См.: Henry N. Perritt Jr., *Jurisdiction in Cyberspace* (October 28, 1995) (неопубликованная рукопись, прилагающаяся к *Stanford Law Review*); Henry N. Perritt Jr. *Law and the Information Superhighway*, ch. 12 (1996).

⁷⁶ Исключение, подтверждающее правило: мы чувствуем гнев, когда журналист, пересекший территориальную границу без каких-либо знаков, оказывается в тюрьме за какое-то воображаемое преступление против местного государства. Некоторые указатели являются культурно обусловленными традициями, которые

Отсутствие территориальных границ в киберпространстве

Киберпространство радикально подрывает соответствие между юридически значимым (онлайновым) явлением и физическим месторасположением. Развитие глобальной компьютерной сети разрушает связь между географическим расположением и (1) правом местных правительств провозглашать контроль над онлайн-поведением, (2) последствиями онлайн-поведения, оказанными на индивидов или вещи, (3) легитимностью усилий местной верховной власти по внедрению правил, применяемых к глобальным явлениям, и (4) возможностью физического размещения уведомлений о том, какие наборы правил применяются. Таким образом, Сеть радикально ниспровергает систему создания правил, основанную на границах между физическими пространствами. По крайней мере, ниспровергает утверждение о том, что киберпространство должно естественно управляться территориально определенными правилами.

Киберпространство не имеет территориальных границ, поскольку стоимость и скорость сообщения, посланного по Сети, почти никак не зависит от физического расположения. Сообщения могут передаваться из одного физического места в любое другое без ущерба, разрушения или сколько-нибудь существенной задержки, а также без каких-нибудь физических меток или барьеров, которые в ином случае могли бы сохранять определенные географически разделенные места и людей в обособленности друг от друга⁷⁷. Сеть позволяет осуществлять сделки между людьми, которые не хотят (а во многих случаях и не могут) узнать физическое расположение другой стороны. Расположение остается жизненно важным, но лишь внутри виртуального пространства, состоящего из «адресов» машин, между которыми курсируют сообщения и информация. Системе безразлично физическое расположение этих машин, и нет никакой принудительной связи между Интернет-адресом и физической юрисдикцией.

Впрочем, когда заданной машине изначально присваивается имя домена, оно может быть ассоциировано с определенным протокольным Интернет-адресом, соответствующим территории, на которой машина физически расположена (например, расширение доменного имени .uk). Машина может перемещаться в физическом пространстве без какого бы то ни было движения в логическом пространстве имен доменов в Сети. Или в качестве альтернативы владелец доменного имени может потребовать, чтобы имя было связано с другой машиной, с другим физическим расположением. Таким образом, сервер с доменным именем, оканчивающимся на .uk, не обязательно должен быть расположен в Соединенном Королевстве, сервер с доменным именем, оканчивающимся на .com, может быть где угодно, а пользователи, вообще говоря, даже не осведомлены о расположении сервера, хранящего содержимое, с которым они знакомятся. Физические границы не могут больше функционировать в качестве указателей, информирующих индивидов об обязательствах, которые они на себя берут, вступая в новое, значимое с правовой точки зрения место, поскольку, двигаясь через виртуальное пространство, индивиды не осведомлены о существовании этих границ. Право контролировать деятельность в киберпространстве имеет лишь самую тонкую связь с физическим местоположением. Многие правительства на пересечении их территориальных границ электронными коммуникациями сначала отвечают попыткой остановить или отрегулировать поток информации, пересекающий их границы⁷⁸.

сопутствуют входам в особые места, например залы суда, офисные здания или церкви.

77 Как однажды съязвил Вуди Аллен, «пространство — это способ природы мешать чему бы то ни было с тобой происходить». Хотя в онлайн-пространстве и есть расстояния, они ведут себя отлично от расстояний в пространстве реальном. См.: M. Ethan Katsh, *The Electronic Media and the Transformation of Law*, 92—94 (1989); M. Ethan Katsh, *Law in a Digital World* 57-59, 218 (1995).

78 См.: Jon Auerbach, *Fences in Cyberspace: Governments Move to Limit Free Flow of the Internet*, Boston Globe, Feb. 1, 1996, p. 1 (исследование «цифровой балканизации» Интернета через правительственную цензуру и

Многие правительства устанавливают торговые барьеры, стремятся обложить налогами любой груз, пересекающий границу, охотнее, чем считаются с усилиями участников онлайн-дел по улаживанию своих собственных дел, и особенно благожелательно относятся к жалобам о том, что поступающая в юрисдикцию информация может оказаться вредной для местных жителей. Усилия по сдерживанию информационного потока увеличиваются по мере того, как онлайн-информация становится все более важной для местных граждан. В частности, противодействие трансграничному потоку данных (transborder data flow, TDF) отражает заботы суверенных наций о том, что развитие и использование TDF подрвет их «информационный суверенитет»⁷⁹, негативно отразится на неприкосновенности частной жизни местных жителей⁸⁰ и подрвет заинтересованность в частном владении информацией⁸¹. Даже местные администрации в Соединенных Штатах выразили озабоченность потерей своего контроля над информацией и сделками, происходящими с пересечением их границ⁸².

Но попытки контролировать поток электронной информации через физические границы — применять местные нормативные акты и физические границы к киберпространству — вероятнее всего, окажутся тщетными, по крайней мере, в странах, которые надеются участвовать в глобальной торговле⁸³. Отдельные электроны легко и без сколько-нибудь

фильтрацию); Seth Faison, *Chinese Cruise Internet, Wary of Watchdogs*, N. Y Times, Feb. 5, 1995, A1; см. также примеч. 20 (описание попыток правительства Германии по препятствованию доступа граждан Германии к определенным дискуссионным группам Usenet); см.: Anne Wells Branscomb, «Jurisdictional Quandaries for Global Networks», Linda M. Harasim (ed.), in *Global Networks: Computers and International Communication* (1993) (исследование попыток по осуществлению юрисдикционного контроля над электронными информационными службами).

79 Anthony Paul Miller, *Teleinformatics, Transborder Data Flows and the Emerging Struggle for Information: An Introduction to the Arrival of the New Information Age*, 20 Colum. J. L. & Soc. Probs. 89, 107—108, 127—132 (1986) (исследование готовности некоторых национальных правительств отказаться от преимуществ нерегулируемых трансграничных потоков информации в целях защиты политических, общественных и культурных интересов).

80 *Id.*, p. 105—107, 111—118 (предполагается, что возможности по накоплению данных и анонимность информационных технологий подтолкнули ОЭСР и правительства по всей Западной Европе на ограничение содержания трансграничных потоков информации в целях защиты неприкосновенности частной жизни и корпоративной конфиденциальности).

81 *Id.*, p. 109—111 (отмечено настойчивое стремление, особенно среди разработчиков компьютерного программного обеспечения, к обузданию угрозы, которую трансграничные потоки информации представляют для прав на интеллектуальную собственность); см. также: *Book Publishers Worry About Threat of Internet*, N. Y Times, Mar. 18, 1996, A1 (речь ведется о появлении в Интернете книги о бывшем президенте Франции Франсуа Миттеране «Великий секрет», несмотря на ее запрет во Франции, а также об общей озабоченности книгоиздателей, касающейся неавторизированной дистрибуции в Интернете).

82 Например, А. Джерд Сильверман, бывший глава бюро ценных бумаг штата Нью-Джерси, выразил озабоченность способностью штата по защите его жителей от мошеннических схем, если он не объявляет за собой права на регулирование любых ценных бумаг, предлагаемых в Сети и доступных из пределов штата. Также см.: Gregory Spears, *Cops and Robbers on the Net*, Kiplinger's Pers. Fin. Mag., Feb. 1995, p. 56 (исследование реакции на онлайн-инвестиционные аферы). Более того, прокуроры различных штатов выразили озабоченность азартными играми и обманом потребителей, доходящих по Сети до жителей их штатов

83 Сложность контроля электронной границы может иметь отношение к ее относительной протяженности. См. комментарий Peter Martin, *New-juris Electronic Conference 13*, (Sept. 22, 1993) (обсуждение «почти бесконечной границы» киберпространства с территориальными юрисдикциями). Материальные дороги и порты, соединяющие суверенные территории, немногочисленны, а географические границы могут быть обнесены забором и обеспечены охраной. Количество же стартовых точек для электронного «путешествия» за пределы данной страны ошеломительно и определяется количеством телефонов, способных к установлению связи, выходящей за территорию этой страны. Даже если электронный обмен информацией концентрируется в точках широкополосного соединения, таможня, открытая на электронной границе, вызвала бы мощный затор, угрожающий той самой электронной коммерции, для поддержания которой такие учреждения и были созданы.

реалистичной перспективы быть обнаруженными могут «входить» на территорию любого суверенного государства. Объем электронных коммуникаций, пересекающих границы, попросту слишком велик по отношению к доступным государственной власти ресурсам, для того чтобы допустить адекватный контроль.

В общем-то чиновники таможи Соединенных Штатов сдались. Они отстаивают полномочия лишь в отношении физических товаров, пересекающих границу. Они не сохраняют и не объявляют за собой права внедрять декларирование стоимости материалов, переданных по модему⁸⁴. Инспекторы по банковскому делу и ценным бумагам, похоже, проиграют свою битву по применению местных нормативных актов на глобальный финансовый рынок⁸⁵. И прокуроры штатов сталкиваются с серьезными трудностями, стремясь перехватить электроны, передающие различные случаи обмана потребителя, который можно было бы прекратить легче, если бы он физически происходил в пределах местной юрисдикции.

Столкнувшись со своей неспособностью контролировать поток электронов через физические границы, некоторые власти стараются ввести свои границы в новую электронную среду через механизмы фильтрации и установку электронных барьеров⁸⁶.

84 # Cp.: Information Infrastructure Task Force, Intellectual Property and the National Information Infrastructure: The Report of the Working Group on Intellectual Property Rights, 221 (1995) («White Paper») (обсуждение пересылки копий работ, защищенных авторским правом, через границу): «Хотя мы признаем, что, принимая за данность глобальные масштабы информационной инфраструктуры будущего, таможенная служба Соединенных Штатов практически не может привести в действие запрет на импорт путем пересылки, важно, чтобы у владельцев авторских прав были другие средства против применимых к ним нарушений этого типа». Есть ирония в том, что «Голос Америки» не может помешать информации, размещаемой этой радиостанцией в Сети, возвращаться обратно в США, несмотря на то, что такое внутреннее распространение нарушает Акт Смита—Мюндта 1948 г. John Schwartz, *Over the Net and Around the Law*, Wash. Post, Jan. 14, 1995, C1.

85 См.: Walter B. Wriston, *The Twilight of Sovereignty* (1992) (исследование проблем, поставленных информационной революцией перед верховной властью): «Технология сделала нас "глобальным" сообществом в буквальном смысле этого слова. Готовы мы к этому или нет, но теперь человечество обладает полностью интегрированным международным финансовым и информационным рынком, способным к перемещению денег и идей в любую точку планеты за несколько минут. Капитал будет идти туда, где он нужен, и оставаться там, где с ним правильно обходятся. Он избежит махинаций и обременительного регулирования его стоимости или использования, и никакая правительственная сила не сможет ограничивать его постоянно» (Id., p. 61—62). Например, комиссия по ценным бумагам и биржам заняла такую позицию, что предложения ценных бумаг на продажу, «имеющие место вне пределов Соединенных Штатов», не подлежат регистрационным требованиям Статьи 5 Акта о ценных бумагах 1933 г., даже если покупателями являются жители Соединенных Штатов. См. Правило 90 Комиссии по ценным бумагам; см. также Правило 903 (в случаях предложений и продаж, которые, как предполагается, будут «иметь место вне пределов Соединенных Штатов», среди всего прочего, не должно предприниматься никаких «непосредственных попыток продажи...на территории Соединенных Штатов»); Правило 902(Б)(1) (определение «непосредственных попыток продажи» как «любой деятельности, предпринимаемой в целях создания условий для сбыта рассматриваемых бумаг в США или такой, от которой может ожидать подобный эффект»). Если, как многие предсказывают, трейдинг на материальных биржах будет все в большей мере уступать место трейдингу через Сеть (см., например: Therese H. Maynard, *What Is an e-Exchange? Proprietary Electronic Securities Trading Systems and the Statutory Definition of an Exchange*, 49 Wash. & Lee L. Rev., 833, 362 [1992]; Lewis D. Solomon & Louise Corso, *The Impact of Technology on the Trading of Securities*, 24J. Marshall L. Rev. 299, 318—319 [1991]), это правило неминуемо будет становиться все сложнее и сложнее применять на вразумительной основе. Где на таком рынке имеет место предложение? Может ли информация о предложении, размещенная во Всемирной паутине, «быть такой, от которой может ожидать эффект создания условий для сбыта рассматриваемых бумаг США»? См. выше: Solomon & Corso, p. 330. Авторы желают поблагодарить профессора Меррита Фокса, чья речь, озаглавленная «The Political Economy of Statutory Reach: U.S. Disclosure Rules for a Globalizing Market for Securities» (Georgetown University Law Center, March 6, 1996), привлекла наше внимание к этим вопросам в таком контексте.

86 Например, власти Германии, пытающиеся предотвратить нарушения законов этой страны против распространения порнографических материалов, приказали CompuServe блокировать доступ жителей Германии к определенным новостным группам глобального Usenet. См.: Karen Kaplan, *Germany Forces Online Service to Censor Internet*, L. A. Times, Dec. 29, 1995, A1; *Why Free-Wheeling Internet Puts Teutonic Wall over Pom*, Christian

Другие без промедления заявили право на регулирование всей онлайн-торговли в такой мере, что это может неблагоприятно отразиться на местных гражданах. Например, прокурор штата Миннесота заявил право на регулирование азартных игр, которые имеют место на заграничной веб-странице, к которой был получен доступ жителем штата. В Нью-Джерси ведомство, регулирующее ценные бумаги, таким же образом объявило о праве прикрыть любую преступную веб-страницу, доступную из пределов штата⁸⁷.

Однако подобные схемы защиты, скорее всего, также потерпят неудачу. Во-первых, решительный человек, заинтересованный в запрещенных коммуникациях, может запросто переконфигурировать свое соединение так, чтобы казалось, будто он пребывает в другом месте, за пределами определенной местности, штата или страны. Поскольку Сеть спроектирована для работы на базе логического, а не географического пространства, любая попытка преодолеть независимость сообщений от физического расположения будет также тщетна, как и попытка привязать бит к атому. И кроме того, утверждение законотворческой власти над деятельностью в Сети на основе того, что эта деятельность является вступлением в физическую юрисдикцию, может с такой же легкостью быть осуществлено любой властью на территориальной основе.

Sci. Monitor, Jan. 4, 1996, p. 1; Cyberporn Debate Goes International: Germany Pulls the Shade on CompuServe, Internet, Wash. Post, Jan. 1, 1996, F13 (описание стараний местных полицейских сил Баварии, результатом которых стало требование к CompuServe временно полностью отключить доступ к новостным группам, по крайней мере, до тех пор, пока не будет разработан способ предотвращения получения информации из определенных групп новостей к германской аудитории). Во время запрета кто угодно в Германии, обладая доступом в Интернет, легко мог найти способ получить доступ к запретным новостным группам. См. примеч. 12, Auerbach, p. 15. Хотя и уступив сначала, впоследствии CompuServe отменила запрет на большинство файлов, разослав родителям новую программу, позволяющую самим выбирать, что запрещать. CompuServe Ends Access Suspension: It Reopens All But Five Adult-Oriented Newsgroups. Parents Can Now Block Offensive Material, L. A. Times, Feb. 14, 1996, D1. Таким же образом инфо Теннесси может настаивать (не напрямую, посредством применения федерального закона, считающегося со стандартами местных сообществ) на том, чтобы на электронной доске объявлений в Калифорнии были установлены фильтры, предотвращающие отображение оскорбительных страниц пользователей из Теннесси, если это поможет избежать ответственности за нарушение местных стандартов непристойности. См.: «United States v. Thomas»—F.3d—, 1996 W.L. 30477 (6th Cir. 1996) (пара из Калифорнии признана виновной в нарушениях федеральных законов о непристойности, заключавшихся в публикациях на электронной доске объявлений, размещенных из Калифорнии, но доступных из Теннесси и являющихся оскорбительными для стандартов местного сообщества). См.: Electronic Frontier Foundation, A Virtual Amicus Brief in the Amateur Action Case (Aug. 11, 1995), доступно на http://www.eff.org/pub/Legal/Cases/AABBS_Thomas_Memphis/Old/aa_eff_vbrief.html. В этом случае на доске объявлений присутствовали очень четкие предостережения и парольная защита. Эта нематериальная граница затрудняла лишь тем, кто добровольно желал видеть материалы и принимал правила системного оператора. Наша точка зрения заключается в том, что размещение оскорбительных материалов в областях, где невольные читатели могут на них набрести по неосторожности, поднимает различные проблемы, которые лучше было бы решать тем, кто понимает используемую технологию, а не с помощью экстраполяции из конфликтующих законов многочисленных географических юрисдикции

87 Канцелярия прокурора штата Миннесота распространила предупреждение всем пользователям Интернета и провайдером (доступно на <http://www.state.mn.us/cbranch/ag/memo/txt>), в котором заявляется, что «лица за пределами Миннесоты, передающие информацию через Интернет и осведомленные о том, что эта информация будет доступна в Миннесоте, могут быть осуждены судами Миннесоты за нарушения уголовного и гражданского прав штата». Решение основано на общем законе об уголовной юрисдикции Миннесоты, гласящем, что «лицо может быть осуждено и приговорено по закону этого штата, если лицо... пребывая за пределами штата, умышленно добивается таких имеющих место в пределах штата последствий своих действий, которые запрещены уголовными законами штата». Minn. Stat. Ann. sec. 609.025 (1987). Также Миннесота начала разбирательства по гражданскому иску против Wagnernet, игрового бизнеса из Невады, размещавшего в Интернете рекламу онлайн-азартных игр. См.: Complaint, Minnesota v. Granite Gate Resorts (1995) (No. 9507227), доступно на <http://www.state.mn.us/ebranch/ag/ggcom.txt>. Прокурор же штата Флорида, напротив, утверждает, что незаконно использовать Паутину для того, чтобы играть в азартные игры из Флориды, но что канцелярия прокурора штата не должна тратить время на осуществление неосуществимого. 95—70 Op. Fla. Att'y Gen. (1995), доступно на <http://legal.firm.edu/units/opinions/95-70.html>. Интересное обобщающее исследование подобных заявлений см.: Mark Eckenwiler, States Get Entangled in the Web, Legal Times, Jan. 22, 1996, S35.

Если закон Миннесоты применяется к азартным играм, происходящим во Всемирной паутине, потому что их проведение может отразиться на жителях Миннесоты, тогда к ним должен применяться и закон любой территории, на которой они доступны. Заявляя право регулировать все то, к чему граждане могут иметь доступ по Сети, эти местные власти закладывают основу для довода в пользу того, что Сингапур, или Ирак, или какое-либо другое суверенное государство могут регулировать деятельность компаний США, работающих в киберпространстве из места, физически расположенного в Соединенных Штатах. С этой точки зрения на подобную деятельность с веб-основой должны налагаться законы всех территориальных органов власти одновременно.

Результаты онлайн-деятельности также не привязаны к географически ближайшим местам. Информация, доступная во Всемирной паутине, одновременно доступна любому человеку, подключенному к глобальной сети. Какой бы разумной в неvirtуальном мире не была идея о том, что последствия деятельности, имеющей место на веб-сайте, распространяются от физического местоположения на географической карте концентрическими кругами уменьшающейся интенсивности, она неадекватна в применении к киберпространству. Если продолжить наш пример, то веб-сайт, который физически расположен в Бразилии, оказывает влияние на индивидов в Бразилии не большее, чем веб-сайт, который физически расположен в Бельгии или Белизе и доступен в Бразилии. Возьмем другой пример: дискуссионные группы Usenet состоят из постоянно изменяющихся наборов сообщений, которые направляются от одной сети к другой, без какой-либо централизованной фиксации в пространстве; в результате они существуют везде, нигде конкретно и только в Сети⁸⁸.

Также нельзя естественно привязать легитимность каких-либо правил, управляющих онлайн-деятельностью, к основанной на географии форме правления. Не существует географически локализованного корпуса руководителей, обладающих более сильным правом требования их регуляции, чем у какой-либо другой местной группы; самым сильным правом требования управления обладают сами участники, а они могут быть где угодно.

Рост электронной среды, пренебрегающей географическими границами, повергает в замешательство и право, создавая абсолютно новые феномены, которые необходимо подчинять четким правовым нормам, но которые не могут удовлетворительно управляться ни одной из существующих территориальных властей. Например, электронные коммуникации порождают громадные количества записей о транзакциях и ставят серьезные вопросы, касающиеся природы и адекватности защиты секретности. Тем более что коммуникации, которые генерируют эти записи, могут осуществляться через многие территориальные юрисдикции или даже существовать в них одновременно⁸⁹.

88 См.: David G. Post, *The State of Nature and the First Internet War*, Reason Apr. 1996, p. 30—31 (описана деятельность группы Usenet alt.religion.Scientology, отмечено, что «группы Usenet, подобные alt.religion.Scientology, начинают свое существование когда кто-то... посылает предложение об учреждении группы в особую новостную группу [под названием "alt.config"], настроенную на прием подобных предложений. Операторы каждой из тысяч компьютерных сетей, подключенных к Интернету, вольны выбирать — поддерживать предложенную группу или игнорировать ее. Если Сеть избирает поддержку группы, ее компьютеры будут проинструктированы для того, чтобы "подключить" alt.religion.Scientology; то есть поток сообщений, размещенных в alt.religion.Scientology, идущий от других сетей-участников, будет доступен пользователям данной сети, которые смогут читать этот поток и, если пожелают, добавлять к нему что-либо, пока он не прошел к следующей в этой всемирной цепочке сети. Это абсолютно децентрализованный организм (в технических терминах — "распределенная база данных"), содержание которого постоянно изменяется, по мере того как он бесшумно движется от сети к сети и от машины к машине, не укрепляясь ни в одной правовой юрисдикции, ни на одном компьютере»). См.: «What Is Usenet?» и «Answers to Frequently Asked Questions About Usenet», доступно на <http://www.smartpages.com/bngfaqs/news/announce/newusers/top.html>

89 Европейские страны пытаются защитить данные, касающиеся их граждан, запрещая экспорт информации для обработки в странах, не предоставляющих необходимой защиты. См.: Peter Blume, «An EEC Policy for Data Protection», 11 Computer L.J. 399 (1992); Joseph I. Rosenbaum, *The European Commission's Draft Directive on Data Protection*, 33 Juri-metrics 1 (1992); Symposium, *Data Protection and the European Union's Directive*, 80 Iowa L. Rev. 431 (1995). Однако данные, касающиеся деятельности их граждан, не могут подвергаться контролю: они могут

Какое материальное право мы должны применить, чтобы защитить эту новую, уязвимую группу деловых данных? Может ли французский полицейский законно получить доступ к записям из потока информации, идущего через Сеть из США в Японию? «Можно ли коммерческой организации публиковать запись всех сообщений любого отдельно взятого индивида в новостные группы Usenet?» или: «Можно ли применять на веб-странице интерактивное приложение, которое просматривает "закладки" пользователя для того, чтобы определить, какие еще страницы он посещал?» — на эти вопросы существующие правовые системы также не готовы ответить, потому что речь идет о нестандартных явлениях и ни один местный территориальный орган власти не готов управлять реальными, рассредоточенными по всему миру деятелями и действиями⁹⁰.

События в Сети происходят везде и нигде конкретно, в них заинтересованы онлайн-персоны, которые и «реальны» (обладают репутацией, могут оказывать услуги и использовать интеллектуальное имущество) и «неосязаемы» (необязательно или неявно привязаны к какой-то конкретной личности в физическом смысле), а также касаются «вещей» (сообщений, баз данных, установленных отношений), которые необязательно отделены друг от друга какими-либо физическими границами, поэтому ни один физический орган власти не имеет более обоснованного права требования подчинить эти события своим законам, чем какой-либо другой.

Пример с торговой маркой

Вопрос о том, кто должен регулировать или контролировать имена доменов в Сети, представляет собой иллюстрацию сложностей, с которыми сталкивается законотворчество на территориальной основе. Инженеры, создавшие Сеть, разработали систему доменных имен, которая ассоциирует численные машинные адреса с более легкими для запоминания именами. Таким образом, IP-адрес компьютера вроде 36.21.0.69 с помощью таблицы соответствия может быть получен из leland.stanford.edu.

Определенные буквенные расширения (.com, .edu и .net) были предназначены в качестве глобальных доменов без ассоциирования с какой-то географической зоной. Хотя создатели Сети проектировали эту систему для удобства, она быстро раскрыла свою коммерческую ценность, поскольку позволяет клиентам легче запоминать расположение некоторых веб-страниц или адресов e-mail. В настоящий момент имена доменов регистрируются с помощью особых компаний, которые отражают информацию на серверы доменных имен по всему миру. В общем случае регистрация проходит на основе принципа обслуживания в порядке поступления⁹¹, генерируя новый тип собственности, родственной являться результатом действий, зарегистрированных на серверах, находящихся за пределами их границ

⁹⁰ По крайней мере относительно привычной концепцией является тайна частной жизни, которую в рамках Сети можно определить при помощи аналогий с почтовой системой, телефонными звонками и публикациями, носящими характер вторжения в личную жизнь. Однако множество новых вопросов, поставленных присущими лишь Сети явлениями, нам не знакомо. Поскольку электронный обмен информацией не обязательно привязан к личностям в реальном мире, возникают новые вопросы, касающиеся прав на непрерывное существование псевдонима или защиты его репутации. Например, возможности запустить компьютерный вирус или «заспамить Сеть», рассылая по новостным группам множество сообщений не по теме, создают необходимость в определении правил, управляющих онлайн-поведением. В то время как множество людей сотрудничают через Сеть, создавая ценные труды или новые виды услуг, мы сталкиваемся с вопросом, формируют ли они корпорации или товарищества — со своими правами и обязанностями, отличными от прав и обязанностей отдельных участников, — в окружении, в котором никакие географические власти не могут произвести их регистрацию. Вопрос о правах подобных властей на регулирование этих новых юридических лиц остается открытым.

⁹¹ Конфликты между именами доменов и зарегистрированными торговыми марками заставили Network Solutions, Inc. (NSI), посредника, через которого ведется регистрация доменных имен в США, требовать от регистрирующих «представлять доказательства и ручаться», что они обладают правом на требуемое доменное

правам на торговую марку, но без неотъемлемых связей с законом о торговых марках какой-либо отдельной страны. Определение прав на эту новую ценную собственность вызывает множество вопросов, включая отношение к переносимости, условиям владения (таким, как оплата регистрации), продолжительности прав на владение и конфискации в случае отказа от прав. Кто должен создавать эти правила?

Рассмотрим размещение «традиционной» торговой марки на странице во Всемирной паутине. Доступ к этой странице может быть получен мгновенно из любого места, подключенного к Сети. Не ясно, попадает ли или должно попадать подобное размещение под юрисдикцию властей любой отдельно взятой страны. Иначе любое использование торговой марки в Сети одновременно попадало бы под юрисдикцию всех стран. Должна ли веб-страница, рекламирующая местный бизнес в Иллинойсе, считаться нарушающей торговую марку в Бразилии только потому, что из Бразилии к странице может быть свободно получен доступ? Крупные компании Соединенных Штатов могут быть огорчены появлением в Паутине имен и символов, которые совпадают с торговыми марками, зарегистрированными в США.

Но те же самые имена и символы также могут быть законно зарегистрированы другой стороной в Мексике, чьи «преступные» марки теперь стали вдруг доступны из Соединенных Штатов. Удовлетворение иска о нарушении или ущербе, поданного владельцем зарегистрированной в США торговой марки, исключительно на основании конфликта марок в Сети, открывает того же владельца торговой марки для исков из других стран в случаях, когда использование зарегистрированной в США торговой марки в Сети якобы нарушает подобную же марку в тех государствах.

Миграция иной регулируемой деятельности в Сеть

Почти все, что включает перемещение информации, может быть осуществлено в онлайн — образование, банковское дело, предоставление нематериальных услуг, все виды издательского дела и юридическая практика. Законы, регулирующие многие из этих видов деятельности, развились как очевидно местные и территориальные. Местные власти сертифицируют учителей, дают разрешение на создание авторизованных филиалов банков и лицензируют врачей и юристов. В сущности, законом предполагается, что деятельность, которую ведут эти регулируемые субъекты, не может осуществляться без привязки к физическому телу или помещению, подвергающимся регулированию территориальными властями, и что результаты этой деятельности наиболее ощутимы в географически описанных областях. Эти явно локальные правила не могут соблюдаться, если эта деятельность ведется разбросанными по всей Сети участниками. Поскольку теперь множество занятий может осуществляться способом, не связанным с физическим расположением, местные управляющие структуры либо задержат развитие новой среды, либо, что более вероятно, будут замещены новыми структурами, которые окажутся более приспособленными к рассматриваемым онлайн-явлениям⁹².

Любые требования по «приведению» всех онлайн-транзакций к правовому рассмотрению, основанному на географических границах, представляют, по сути, новую

имя, а также обещать, что они будут «защищать, гарантировать возмещение убытков и предохранять от вреда» NSI в случае любых исков, порожденных использованием или регистрацией требуемого имени. См.: Network Solution, Inc., NSI Domain Name Dispute Policy Statement (Revision 01, effective Nov. 23, 1995), доступно на <ftp://rs.internic.net/policy/internic/internic-domain-4.txt>. Интересный обзор системы регистрации доменных имен, а также конфликтов между правами на торговые марки и именами доменов см.: Gary W. Hamilton, Trademarks on the Internet: Confusion, Collusion or Dilution?, 4Tex. Intell. Prop. L. J. 1 (1995). Также см.:

92 David R. Johnson, The Internet vs. the Local Character of the Law: The Electronic Web Ties Iowa and New York into One Big System, Legal Times, Dec. 5, 1994, на S32 (предсказание преобразования «местного» регулирования Сети).

проблему «сознания-тела» в глобальных масштабах. Мы знаем, что деятельностью, которая традиционно являлась объектом регулирования, все еще должны заниматься реальные люди, в конечном счете находящиеся в определенных физических местах. Но теперь взаимодействие людей каким-то образом переступает пределы этих физических мест. Сеть делает возможными такие формы взаимодействия, в которых доставка материальных предметов через географические границы не имеет смысла и в которых расположение участников не имеет значения. Попытки определения того, где происходят рассматриваемые события, определенно приведут не туда, если вообще не бесполезны.

Новая граница в киберпространстве

Хотя географические границы могут быть неуместны при определении правового режима для киберпространства, более юридически значимая граница для «пространства права» в Сети состоит из заслонов и паролей, которые отделяют материальный мир от виртуального. Традиционная правовая доктрина рассматривает Сеть всего лишь как передающую среду, которая обеспечивает обмен сообщениями, посланными из одного юридически значимого географического положения в другое, каждое из которых имеет свои собственные применяемые в этом месте правовые нормы. Хотя попытки привязать законы какого-то отдельного территориального государства к сетевым транзакциям или даже попытки анализировать правовые последствия коммерции в Сети так, словно каждая сделка происходит где-то конкретно, оказываются предельно неудовлетворительными.

Киберпространство как место

Множество юридических и материально-правовых затруднений, созданных электронными коммуникациями, пересекающими границы, может быть разрешено благодаря одному простому принципу: представлению киберпространства в качестве отдельного «места» в целях правового анализа с помощью признания юридически действительной границы между киберпространством и «реальным миром». При использовании этого нового подхода нам больше не пришлось бы задавать не имеющий ответа вопрос о том, «где» в географическом мире произошла сделка, имевшая место в Сети. Вместо этого возникают более актуальные вопросы: какие правила лучше всего будут приспособлены к уникальным характеристикам этого нового места и оправдают ожидания тех, кто ведет там деятельность? Какие механизмы существуют или нуждаются в разработке для того, чтобы определить содержание этих правил и механизмы, с помощью которых они могут быть внедрены?

Ответы на эти вопросы позволят разработать правила, лучше приспособленные к рассматриваемым нами новым явлениям. Вероятнее всего, они будут созданы теми, кто понимает эти явления и участвует в них, и вероятнее всего, будут внедрены средствами, которые делает доступными и эффективными новая среда глобальных коммуникаций.

Новая граница реальна

Отношение к киберпространству как к обособленному «пространству», к которому применяются особые законы, должно прийти естественным путем, поскольку вход в этот мир хранимой в режиме онлайн информации происходит через заслон и (обычно) границу «пароля». В киберпространство можно что-либо «поместить», поскольку информация, к которой мы получаем доступ, стабильна и доступна множеству людей. Ты знаешь, когда ты «там». Никто не забредает через границу в киберпространство случайно. С уверенностью можно сказать, что киберпространство не однородное место; группы и виды деятельности, основанные на различных онлайн-локациях, обладают своими собственными уникальными характеристиками и различиями, и, скорее всего, каждая область разработает свой собственный набор внятных правил*33. Но линия, которая отделяет онлайн-сделки

от наших дел в реальном мире, настолько же отчетлива, насколько отчетливы физические границы между нашими территориальными государствами — может, даже отчетливей.

Вступление в киберпространство — это значимый акт, который делает возможным применение особого «киберпространственного права» к тем, кто переступил через электронную границу. Как отмечалось ранее, первичная функция и характеристика границы или рубежа — это способность быть осознаваемой тем, кто ее пересекает⁹³. По мере того как регулирующие структуры будут развиваться для управления киберпространственными сделками, станет много легче быть уверенным в том, какие из правил применяются к вашим действиям в онлайн, чем определить, какие территориальные власти могут применить свои законы к вашему поведению. Например, вы узнаете, что надо подчиняться «условиям обслуживания», установленным CompuServe или America Online, когда вы находитесь на их онлайн-территории, скорее, чем догадаетесь, что Германия, Теннеси или же Комиссия по ценным бумагам преуспеют в утверждении своего права регулировать вашу деятельность и деятельность тех «безместных» онлайн-личностей, с которыми вы общаетесь.

Пример с торговой маркой

Основной вопрос о том, кто должен устанавливать набор правил для использования имен в Сети, представляет подходящий микрокосм для исследования отношения между Сетью и правовыми системами на территориальной основе. Юридически нет ничего более фундаментального, чем имя или индивидуальность: право юридически признаваемой личности — это основа накопления капитала, включая капитал репутации и финансовый капитал, который появляется в результате соответствующих взаимоотношений. Система имен доменов и другие онлайн-виды использования имен и символов, связанные с репутацией и виртуальными локациями, операционно существуют лишь в Сети. Конечно, эти имена могут быть распечатаны на бумаге или воплощены в физическую форму и переправлены через географические границы. Но подобные виды вещественного использования должны быть отделены от электронного использования подобных имен в киберпространстве, поскольку публикация имени или символа в Сети не то же самое, что намеренное распространение под какой-либо конкретной юрисдикцией. Напротив, использование имени в Сети подобно распространению под всеми юрисдикциями одновременно. Вспомним, что не привязанные к странам имена доменов вроде .com и .edu устанавливают онлайн-адресацию на глобальной основе. Благодаря такому широко распространенному использованию, глобальные имена доменов приобрели ценность в качестве собственности. В этом контексте претензии какой-либо местной юрисдикции на право устанавливать правила, применимые к пространству имен доменов, являются незаконным экстерриториальным захватом власти.

Представление Сети в виде обособленного места в целях правового анализа будет иметь огромный упрощающий эффект. Например, станет возможной система глобальной регистрации для всех доменных имен, а также используемых в Сети имен и символов, имеющих значение для репутации. Подобный режим в Сети мог бы учитывать особые требования владельцев мощных мировых марок (как используемых на вещественных товарах) и резервировать за этими владельцами права на использование их марок на недавно открытой онлайн-территории. Но глобальная регистрационная система Сети также

⁹³ Наличие заметной границы может являться предварительным условием для установления любого правового режима, который сможет быть объявлен обособленным по отношению к уже существующим режимам. Если кто-то, действующий в любом заданном пространстве, не извещен о том, что правила изменились, легитимность любой попытки осуществления особой системы права неминуемо ослаблена. Ни одно основанное на географии государство не смогло бы правдоподобно заявлять о своей юрисдикции над территорией с тайными границами. И ни одна саморегулирующаяся организация не смогла бы провозглашать свои прерогативы, если и членам и нечленам, находящимся в отдалении друг от друга или под чужими масками, было бы сложно сказать, играют ли они свои роли, имеющие отношение к членству.

отвечала бы истинной природе Сети, если бы рассматривала использование торговых марок на веб-страницах как глобальное явление, оценивала бы вероятность путаницы и ущерба в онлайн-контексте, а также согласовывала бы любые правила с помощью такого технического критерия, как оптимизация общего объема пространства доменных имен.

Четкий набор правил, применимых к торговым маркам в кибер-пространстве, значительно упростил бы дело благодаря обеспечению базиса для противостояния несообразным и конфликтующим притязаниям на географически локальные прерогативы. Если страна возражает против использования в Паутине марки, конфликтующей с локально зарегистрированной маркой, контрдоводом может служить то, что та марка вообще не использовалась в стране, а лишь в Паутине. Если компания захочет знать, где зарегистрировать использование своего символа в Сети или проверить предшествующие конфликтующие использования этой марки, ответ будет очевидным и эффективным по издержкам: предусмотренный для соответствующей части Сети регистрационный орган. Если нам нужно разработать правила, контролирующие отказ от прав, ущерб и условия использования определенных типов доменных имен и адресов, эти правила — применимые исключительно в киберпространстве — смогут отражать особые характеристики этой новой электронной среды⁹⁴.

Другие режимы киберпространства

Серьезное принятие в целях правового анализа киберпространства в качестве отдельного места делает возможным ясность и упрощение правил, применимых к онлайн-сделкам.

Закон о диффамации

Отношение к сообщениям в Сети как к пересылке из одного места в другое, породило замешательство тех, кто озабочен вопросом ответственности за диффамацию: сообщения могут передаваться между странами с очень различающимися законами, и ответственность может быть наложена на основе «публикации» под множеством юрисдикции с различающимися стандартами⁹⁵. Подход, который рассматривает глобальную сеть как обособленное место, напротив, рассматривал бы любое якобы клеветническое сообщение как

94 Например, нам придется учитывать желание участников онлайн-обмена информацией иметь псевдонимы. Это отразится на степени, до которой должна быть раскрыта информация о личности соискателя для получения действующей адресной записи. См.: David G. Post, Pooling Intellectual Capital: Thoughts on Anonymity, Pseudonymity, and Limited Liability in Cyberspace, U. Chi. Legal F. (готовится к публикации), доступно на <http://www.jaw.lib.uchicago.edu/forum/>, также доступно на <http://www.cli.org/DPost/paper8.htm> (обсуждение ценности обмена информацией под псевдонимами); A. Michael Froomkin, Flood Control on the Information Ocean: Living with Anonymity, Digital Cash, and Distributed Databases (Dec. 4, 1995) (неопубликованный материал, прилагающийся к Stanford Law Review), доступно на <http://www.law.miami.edu/~froomkin> (исследование использования и возможной регуляции компьютерной анонимности); A. Michael Froomkin, Anonymity and Its Enmities, 1995 J. of Online Law art. 4, доступно на <http://www.law.cornell.edu/jol/jol.table.html> (обсуждение механики анонимности и того, как она отражается на создании личностей-псевдонимов и на обмене информацией через Сеть). И любая схема регистрации или разрешения конфликтов должна будет принимать в расчет то, как Интернет-адреса и имена расцениваются с точки зрения спроса. Поскольку более короткие имена ценятся дороже (jones.com является более ценным, чем jones@isp.members.directory.com), эта новая форма «доменной зависти» должна быть учтена в будущем.

95 См., например: Henry N. Perritt Jr., Tort Liability, the First Amendment, and Equal Access to Electronic Networks, 5 Harv. J. L. & Tech. 65, 106—108 (1992) (оценка применимости деликта клеветы в отношении сетевых пользователей или операторов); Michael Smyth & Nick Braithwaite, First U. K. Bulletin Board Defamation Suit Brought, Nat'l L. J., Sept. 19, 1994, C10 (отмечено, что английские суды могут быть более привлекательны для тех, кто предъявляет иски в отношении клеветы в киберпространстве).

опубликованное лишь «в Сети» (или в какой-то ее отдельной области) — по крайней мере, до того как произойдет распространение на бумаге⁹⁶.

Такое переопределение более осмысленно. Человек, который закачивает потенциально клеветническое утверждение, мог бы легче определить правила, применимые к собственным действиям. Более того, поскольку Сеть обладает своей спецификой, включая возможность оклеветанной особы ответить, правила о диффамации, разработанные для Сети, могли бы учитывать эти технологические возможности, например, требуя, чтобы для определенных клеветнических сообщений в Сети возможность ответить на них имела преимущество перед денежной компенсацией⁹⁷. Отдельные характеристики Сети также можно было бы учитывать при применении и адаптации доктрины «общественного деятеля» в глобальном и вместе с тем поделенном на ячейки контексте, который размывает границу между личными и общественными местами.

Регуляция профессиональных видов деятельности в Сети

Упрощающие последствия «принятия киберпространства всерьез» также проявляются в контексте режимов регулирования профессиональных видов деятельности. Как отмечалось ранее, традиционная регуляция требует того, чтобы профессионалы лицензировались под каждой территориальной юрисдикцией, в которой они предоставляют свои услуги⁹⁸.

Это требование неосуществимо, когда профессиональные услуги отправляются по Сети и потенциально предоставляются во множестве юрисдикции. Установление режимов сертификации, которые применяются только к подобной деятельности в Сети, значительно упростило бы дело. Такое регулирование учитывало бы особые свойства профессиональной деятельности в Сети, например дистанционной медицины или глобальной юридической практики, если бы была принята во внимание необходимость избегать любых особых рисков, связанных с выдачей онлайн-медицинского совета в отсутствие непосредственного физического контакта с пациентом или же с ответом на вопрос, касающийся местного закона, из удаленного места⁹⁹. Используя этот новый подход, мы могли бы отмахнуться от попыток местных школьных советов лицензировать онлайн-образовательные учреждения, относясь к посещению онлайн-учреждений студентами скорее как к форме «ухода в школу», чем как к подсудному распространению неодобренных материалов в потенциально не готовом к их принятию сообществе, как это делают локальные лицензирующие власти.

96 Последующее распространение печатных версий может быть characterized как публикация без всякого подрыва преимуществ применения этой новой доктрины. Много легче определить, кто предпринял такое действие и где (в физическом пространстве) оно имело место, и сторона, вовлеченная в распространение клеветнических работ, гораздо лучше предупреждена о характере своих действий и применимости законов определенного территориального государства.

97 Edward A. Cavazos, *Computer Bulletin Board Systems and the Right of Reply: Redefining Defamation Liability for a New Technology*, 12 Rev. Lit. 231, 243—247 (1992). Эта доктрина права на ответ может по-разному применяться к различным областям Сети в зависимости от того, предлагается ли в этих областях действительно серьезная возможность ответить на клеветнические сообщения

98 В ситуации с «дистанционной медициной» ранние попытки избежать подобного результата принимают форму дозволения общения врача с другими врачами в рамках консультаций, соответствие местным предписаниям требуется лишь тогда, когда доктор имеет дело непосредственно с пациентом. См.: Howard J. Young & Robert J. Waters, *Arent Fox Kitner Plotkin & Kahn, Licensure Barriers to the Interstate Use of Telemedicine* (1995) доступно на <http://www.arentfox.com/newslett/telelb.htm>. Регулирование деятельности юристов запутано: иногда оно основывается на том, где расположен офис юриста (как в случае регулирования рекламы в Техасе), иногда на характере предлагаемых юридических услуг, а иногда на характере клиентуры и ее местонахождении. См. примеч. 10, Katsh, p. 178—181.

99 Действительно, практика права самой Сети, по-видимому, требует навыков, не имеющих отношения к тем, что дает локальная адвокатская практика.

Мошенничество и антитрестовое законодательство

Даже пример, который в иных обстоятельствах мог бы быть рассмотрен как аргумент в пользу утверждения полномочий местной власти — защита местных граждан от мошенничества и нарушений антитрестового законодательства, —демонстрирует благотворные последствия правового режима киберпространства. Как мы должны анализировать «рынки» в антитрестовых целях и целях защиты потребителей, когда анализируемые компании ведут дела только через Всемирную паутину?

В целях оценки концентрации и объема рынка, можно было бы рассматривать киберпространство как отдельный рынок. Концентрация в географических рынках имеет значение лишь в редких случаях, когда объем такого рынка может быть неподобающим образом использован для обретения власти над онлайн-рынками, например с помощью создания таких условий доступа к Сети, что местным жителям приходится покупать услуги онлайн у той же самой компании (например, телефонной компании). Жалобы, касающиеся права на доступ к определенным онлайн-услугам, в отличие от жалоб по поводу доступа к определенным физическим каналам, будут оставаться немногочисленными до тех пор, пока имеется возможность моментально создать новую онлайн-услугу в любом уголке расширяющегося онлайн-пространства¹⁰⁰.

Доктрины защиты потребителей также могут иначе развиваться в онлайн — с учетом того факта, что каждый, кто читает онлайн-рекламу, находится лишь на расстоянии щелчка мышью от руководства из агентств по защите прав потребителя и возможности обсудить проблему с другими потребителями. Может ли Миннесота запретить учреждение схемы Понзи¹⁰¹ на веб-странице, физически базирующейся на Каймановых островах и доступной жителям Миннесоты через Сеть? В рамках предложенного нового подхода к регулированию онлайн-деятельности ответ — четкое «нет». У Миннесоты нет особого права запрещать подобную деятельность. У властей штата не хватает власти для приведения права в жизнь, они не смогут продемонстрировать желаемые последствия и не могут говорить от имени сообщества, требования которого на самоуправление крайне обоснованны. Но это не значит, что мошенничеству, по крайней мере в крупных областях киберпространства, не может быть придан статус «незаконного». Те, кто учреждает и использует онлайн-системы, заинтересованы в сохранении безопасности своих электронных-риторий и предотвращении преступлений. Вероятнее всего, они будут способны внедрять свои собственные правила. И, как будет более полно рассмотрено ниже, пока согласованное базовое «право Сети» нуждается в обретении уважения и почтения со стороны местных властей, новым законотворческим организациям в Сети имеет смысл избегать видов деятельности, которые угрожают жизненно важным интересам территориальных правительств.

Авторское право

Не без некоего трепета мы предполагаем, что «принятие киберпространства всерьез» могло бы пролить свет на интенсивные дебаты о том, как применять принципы авторского права в цифровой век. В отсутствие общего согласия в отношении принципов авторского права имеют место серьезные проблемы юрисдикции, присущие любой попытке применить

100 Здесь, как и в остальных вопросах, необходимо различать слои «стека протоколов». Может быть, и можно установить власть над физическими соединениями, но гораздо сложнее это осуществить в отношении логических соединений, имеющих на уровне приложений.

101 Схема Понзи названа в честь ее изобретателя, Чарльза Понзи, первого организатора финансовой пирамиды в 1920-х годах.

основанные на территориальном принципе режимы авторского права к произведениям в электронной форме, одновременно доступным по всему земному шару. Джейн Гинзбург отметила:

Ключевой особенностью глобальной информационной инфраструктуры (ГИИ) является ее способность делать авторские работы повсеместно и одновременно доступными по всему миру.

Принцип территориальности становится проблематичным, если он означает, что размещение работы в ГИИ вводит в игру законы всех тех стран, в которых она может быть получена, в то время как... законы эти могут существенно различаться.

Должны ли права на работу в случае, когда она одновременно доступна во множестве стран, определяться многообразием несовместимых правовых режимов? Если учитывать законы одной страны, сложность размещения работ в цифровой сети уже обескураживает; должна ли задача быть более трудной из-за необходимости оценивать влияние законов каждой страны, из которой к работе может быть получен доступ? Если более прямо, для работ в ГИИ физической территориальности не будет... Может ли правовая территориальность существовать без физической территориальности?

Отношение к киберпространству как к отдельному месту в целях правового анализа не только разрешает конфликтующие требования различных юрисдикции: оно также делает возможным разработку новых доктрин, которые учитывают особые характеристики онлайн-«места». Основным оправданием защиты авторского права является то, что предоставление авторам исключительного права собственника управлять воспроизведением и распространением работ увеличивает поставку подобных работ благодаря финансовым стимулам, обеспечивающим старание, необходимое для творческой деятельности авторов. Но даже в «реальном мире» обильная творческая экспрессия совсем не зависит от структуры поощрения, поскольку основная награда автора связана скорее с признанием общества и ростом репутации, чем с лицензированием и продажей отдельных копий¹⁰². В общем-то это может быть еще более справедливо в отношении авторства в киберпространстве. Поскольку теперь, впервые в истории, авторы могут распространять копии своих творений по всему миру мгновенно и практически бесплатно, можно ожидать, что они разработают новый образ действий, который будет скорее пользоваться преимуществами фундаментальных свойств этой новой среды, чем работать против них¹⁰³.

Одна из подобных линий поведения уже зарождается — раздача информации даром или то, что может быть названо «стратегией Netscape»¹⁰⁴. Она представляет собой наращивание

102 Например, творческая продукция юристов и преподавателей права: статьи с обзорами судебной практики, сводки по делу, прочие состязательные бумаги и т. д. — может по большому счету определяться факторами, не имеющими никакого отношения к возможности или невозможности защиты авторских прав на эти работы, поскольку, вообще говоря, эта категория авторов от повсеместного распространения получает репутационную выгоду, которая сильно перевешивает преимущества, которые могли быть получены от лицензирования отдельных копий. См.: Stephen Breyer, *The Uneasy Case for Copyright: A Study of Copyright in Books, Photocopies, and Computer Programs*, 84 *Harv. L. Rev.* 281, 293—309 (1970) (анализ побудительной структуры рынка научных публикаций); см. также: Howard P. Tuckman & Jack Leahey, *What Is an Article Worth?*, 83 *J. Pol. Econ.* 951 (1975).

103 Существует обширная и разнообразная литература о новых видах авторства, которые, вероятно, появятся в киберпространстве как следствие интерактивной природы среды, легкости, с которой можно манипулировать цифровой информацией, и новых возможностей поиска и связывания. См. одну из наиболее проницательных работ этого направления: Pamela Samuelson, *Digital Media and the Changing Face of Intellectual Property Law*, 16 *Rutgers Corp. & Tech. L. J.* 323 (1990); Ethan Katsh, *Law in a Digital Age*, chaps. 4, 8, and 9 (1994); Eugene Volokh, *Cheap Speech*, 94 *Yale. L.J.* 1805 (1994); and Sherry Turkle, *The Second Self: Computers and the Human Spirit* (1984).

104 Netscape Corp. бесплатно раздала более четырех миллионов копий своего веб-браузера; по оценкам, сейчас она контролирует более 70% рынка веб-браузеров, благодаря чему смогла достичь господства на рынке программного обеспечения для веб-серверов, достаточного для того, чтобы сделать одно из самых удачных размещений акций на бирже в истории Соединенных Штатов³¹. См.: *Netscape IPO Booted Up: Debut of Hot Stock Stuns Wall Street Veterans*, *Boston Globe*, Aug. 10, 1995, p. 37; *With Internet Cachet, Not Profit, A New Stock Is Wall St.'s Darling*, *N.Y. Times*, Aug. 10, 1995, p. 1. Идут по следу Netscape и другие компании; например, RealAudio,

капитала репутации, который впоследствии может быть конвертирован в доход (например, путем продажи услуг). Эстер Дайсон пишет:

Контролирование копий (однажды созданных автором или третьей стороной) становится сложной задачей. Вы можете либо контролировать что-то очень строго, ограничивая распространение небольшой доверенной группой лиц, либо пребывать в уверенности, что рано или поздно ваш продукт дойдет до большой аудитории, которой не придется за него платить, — конечно, в случае, если он кому-то интересен.

Большая стоимость будет гарантировать аутентичность и надежность, но не содержание. Будут важны известное имя, подлинность и другие признаки стоимости, так же как и безопасность поставок. Клиенты будут платить за поток информации и содержания из доверенного источника. Например, зонтик газеты *New York Times* подкрепляет слова ее репортеров. Содержание, произведенное репортерами *Times*, имеет высокую стоимость, поскольку оно подвергается контролю качества, и журналисты пользуются доверием в обществе.

Фокус заключается в том, чтобы контролировать не копии вашей работы, а отношения с ее потребителями — подписку или членство. И часто это именно то, чего они хотят, поскольку рассматривают это как гарантию продолжительных поставок надежного и актуального содержания.

Существенные изменения в отношении авторских стимулов основательно меняют подходящий баланс между стоимостью и выгодами защиты авторского права в киберпространстве, вызывая пересмотр устоявшихся принципов. Другие уникальные характеристики кибер-пространства тоже бросают весьма серьезный вызов традиционным концепциям авторского права¹⁰⁵. Сама повсеместность «копирования» файлов — тот факт, что нельзя получить доступ к какой бы то ни было информации в опосредованной компьютерами среде без создания «копии» этой информации¹⁰⁶, — предполагает, что любая простодушная попытка применить традиционные представления о «копировании» на труды в киберпространстве возымеет иные результаты¹⁰⁷. Применение доктрины «первой продажи»

Ипс. распространяет программное обеспечение, позволяющее веб-браузерам проигрывать звуковые файлы из Интернета в реальном времени, по всей видимости, надеясь сходным образом занять доминирующую позицию на серверном рынке. См.: <http://www.realaudio.com>.

105 См.: Jane C Ginsburg, *Putting Cars on the Information Superhighway: Authors, Exploiters, and Copyright in Cyberspace*, 95 *Colum. L. Rev.* 1466, 1488 (1995) (делается вывод о том, что авторам нравится то обстоятельство, что на сегодняшний день эффективное обеспечение соблюдения их прав представляется весьма сомнительным); David G. Post, *New Wine, Old Bottles: The Evanescent Copy*, *Am. Law.*, May 1995, p. 103.

106 См.: David G. Post, *White Paper Blues: Copyright and the National Information Infrastructure*, *Legal Times*, Apr. 8, 1996: «например, перелистывание веб-страниц неминуемо приводит к созданию многочисленных "копий" информации; сперва компьютер А передает компьютеру Б сообщение, требующее, чтобы компьютер Б послал компьютеру А копию определенного файла (например, "начальной страницы", хранящейся на компьютере Б). Когда запрос получен компьютером Б, делается копия запрашиваемого файла и передается компьютеру А (где она снова копируется — загружается в память — и отображается). То, как сообщения путешествуют через Интернет, чтобы дойти до предназначенных им получателей, — посредством компьютеров-посредников, известных как "маршрутизаторы", на каждом из которых сообщение "читается", то есть "копируется" в память компьютера,—[приводит к]... бесчисленным независимым актам... "репродукции". Копирование в сети не просто дешево, оно повсеместно; и оно не просто повсеместно, оно необходимо... Если бы вы могли оборудовать свой компьютер "блокировкой копирования" — воображаемым устройством, которое предотвращало бы любую форму репродукции любой информации, хранящейся на компьютере, — он, по сути, перестал бы работать».

107 См.: Jessica Litman, *The Exclusive Right to Read*, 13 *Cardozo Arts & Ent. L.J.* 29,40—42 (1994) (отмечается, если считать, что «работу репродуцируют каждый раз, когда считывают в оперативную память компьютера... любой акт чтения или просмотра [цифровой] работы требует использования компьютера и в такой трактовке приводит к репродукции, дающей основание для судебного преследования»); Pamela Samuelson, *The Copyright Grab*, *Wired*, Jan. 1996, p. 137 (id.); Pamela Samuelson, *Legally Speaking: Intellectual Property Rights and the Global Information Economy*, 39 *Commun. Assoc. Cotr. Machinery* 23,24 (1996) (просмотр цифровых работ потенциально

(позволяющей заказчику защищенной авторским правом работы свободно перепродать заказанную копию) проблематично, когда передача законно принадлежащей копии технически ведет к созданию новой копии, перед тем как старая будет уничтожена¹⁰⁸. Также проблематично и определение «добросовестного использования», когда размер работы не может быть определен и варьируется от (1) отдельного пункта, полученного в результате поисков и проданного по требованию отдельно, до (2) целой базы данных, из которой этот пункт и происходит, которую никогда не продавали целиком¹⁰⁹.

Отношение к киберпространству как к отдельному месту предусматривает создание новых законов об интеллектуальной собственности, применимых только в Сети, которые должным образом сосредоточили бы внимание на уникальных характеристиках этого нового, отдельного места, сохранив доктрины, применимые к работам, имеющим физическое воплощение (например, книги) или же демонстрирующимся в юридически значимых местах (например, театры). Текущие дебаты о применении авторского права в Сети зачастую так и рассматривают ее, хоть и неявно, как отдельное место, по крайней мере, в той степени, что владельцы коммерческих авторских прав довольно-таки неточно отсылают к ней как к «беззаконному» месту. Цивилизованность дебатов могла бы повыситься, если каждый допустил бы, что Сети необходимо иметь соответствующее и отличающееся право, включающее специальный закон о неавторизованных перемещениях работ из одной сферы в другую. Другими словами, мы могли бы регулировать контрабанду работ, созданных в физическом мире, относясь к неавторизованной загрузке копии такой работы в Сеть как к нарушению закона. Этот новый подход помог бы тем, кто способствует электронной коммерции, сфокусироваться на разработке стимулирующих правил, которые способствовали бы авторизованным переносам еще недоступных работ в киберпространство. Кроме того, они уверили бы владельцев существующих авторских прав на ценные работы, что изменения в авторском праве для Сети не потребуют изменения законов, применяемых к распространению физических работ. Это позволило бы осуществить разработку новых доктрин предполагаемого лицензирования и добросовестного использования в отношении работ, изначально созданных в Сети или импортированных с разрешения автора, которые уместным образом позволили бы передачу и копирование, необходимые для облегчения их использования в электронной сфере¹¹⁰.

преступен, если «временное копирование в память компьютера, необходимое для того, чтобы позволить пользователям читать документы» рассматривать как «репродукцию» в значении, устанавливаемом законом об авторском праве); см. примеч. 50, Post, p. 103—104 («если сам акт вывода документа на ваш экран рассматривается как "создание копии" в значении, устанавливаемом законом об авторском праве, тогда большая часть миллионов сообщений, путешествующих через Интернет каждый день, потенциально нарушает право некоего создателя файла... на контроль за созданием копий. И если сам акт чтения подобных документов онлайн вызывает копирование, тогда какая-то форма лицензии... была бы необходима практически для каждой пересылки сообщения»).

108 Neel Chatterjee, *Imperishable Intellectual Creations: Use Limits of the First Sale Doctrine*, 5 *Fordham Intell. Prop. Media & Ent. LJ.* 383, 384, 415—418 (1995) (обсуждение предложения Специальной комиссии по информационной инфраструктуре об исключении пересылок из доктрины первоначальной продажи).

109 См., например: *Telerate Systems v. Cars*, 689 F. Supp. 221, 229 (S.D.N.Y. 1988) (установлено, что копирование «нескольких страниц» 20 000-страничной базы данных являлось достаточно существенным, чтобы противоречить законному использованию).

110 # Например, мы, в отсутствие окончательного соглашения, могли бы принять правила, делающие «кэширование» веб-страниц заведомо допустимым, вместо того чтобы принимать стандарт доктрины авторского права (кэширование является копированием веб-страниц на жесткий диск для того, чтобы в будущем сайт загружался быстрее). Поскольку создание в компьютерной памяти «кэшированных» копий необходимо для ускорения работы в Паутине и поскольку введение процедуры отслеживания и ограничения скорости, связанные с любым применением лицензий, позволяющих кэширование, закупили бы свободный поток информации, мы должны принять правило, благоприятствующее браузерингу. См.: *Cyberspace Law Institute, Caching and Copyright Protections* (Sept. 1, 1995), доступно на <http://www.il.georgetown.edu/cli.html>; См. прим. 49, Post (предложение нового правила для кэширования веб-страниц);

Появятся ли в сети ответственные саморегулирующие структуры? Пример с торговой маркой

Даже если мы согласимся, что к онлайн-явлениям нужно применять новые правила, остаются вопросы о том, кто устанавливает правила, как они внедряются. Мы полагаем, что Сеть сама может развить собственные эффективные правовые институты.

Для того чтобы пространство доменных имен администрировалось легальной нетерриториальной властью, нужно, чтобы развились новые законодательные институты. Многим возникающим при установлении этой системы вопросам понадобятся ответы — решения о том, создавать ли новый домен высшего уровня, принадлежат ли онлайн-адреса пользователям или же провайдерам и можно ли или недопустимо какому-то имени пересекаться с другим, тем самым смущая общественность и ослабляя ценность изначально существовавшего имени¹¹¹. Кроме того, новая система должна включать процедуру предупреждения в случае конфликтующих требований, их разрешения, а также определения уместных мер (возможно, включая компенсацию) в случаях преступного использования. Если разовьется киберпространственный эквивалент права на отчуждение собственности, могут возникнуть вопросы о том, как производить компенсацию тем, чьи доменные имена разрушены или передислоцированы для общего блага сообщества Сети¹¹².

Кто-то также должен решить вопросы с порогом членства для граждан киберпространства, в том числе насколько сильно пользователи должны приоткрыть (и кому) свои реальные личности для того, чтобы в коммерческих целях пользоваться адресами электронной почты и доменными именами. Это обсуждение должно предполагать осознание того, что эти правила будут значительными и внедряться лишь в том случае, если граждане пространства рассматривают управляющий орган, который принимает подобные решения, как легитимный.

Опыт подсказывает, что сообщество онлайн-пользователей и провайдеров готово к задаче развития самоуправляющейся системы. Существующая система доменных имен появилась из решений, принятых инженерами, и практики Интернет-провайдеров. Теперь, когда владельцы торговых марок угрожают компании, которая администрирует систему регистрации, те же инженеры, что установили оригинальные стандарты на имена доменов, снова раздумывают, не изменить ли систему доменных имен для того, чтобы учесть эти

111 Опасность путаницы существует, когда имя конфликтует с употреблением торговых марок «реального мира» или с чисто онлайн-применениями. С уверенностью можно сказать, что кто бы ни разрешал эти вопросы, в случаях, когда онлайн-имена пересекаются с существующими торговыми марками материальных товаров, должна учитываться точка зрения властей, базирующихся на географии. Также придется решать и вопросы, касающиеся подлинности адресов, имен и логотипов, не имеющих применения в оффлайне. В этом случае мнение территориальных властей не имеет такого значения.

112 Пространство имен доменов может поднять вопрос о том, должна ли Сеть развить онлайн-эквивалент суверенного права на отчуждение частной собственности. Новоявленные общественные нужды, такие как использование определенного домена или же его уничтожение в целях установки новой системы, могут противоречить «ожиданиям, подкрепленным инвестициями». Для того чтобы оградить себя от властей, базирующихся на географии, сетевым властям, возможно, понадобится резервировать мощные глобальные торговые марки и мешать тем, кто приобрел доменные имена на основе принципа «первым пришел — первым обслужен», придерживать их — вести ответственную внешнюю политику, тем самым избегая излишнего регулирования местными властями. Возможно, что влияние на отдельных лиц этих попыток добиться большего блага потребует обязательной компенсации. Кто будет платить за это и как, остается неясным.

новые вопросы политики¹¹³. Остается неясным, кто обладает наиглавнейшим правом регулировать поведение в этой области.

Каждый системный оператор (сисоп), который распределяет пароли, налагает определенные требования на условия продолжительного доступа, включая своевременную оплату счетов или пребывание членом группы, имеющей право на доступ (например, студентом в университете)¹¹⁴. Системные операторы имеют в своем распоряжении крайне мощный инструмент для внедрения подобных правил — запрет доступа¹¹⁵. Более того, сообщества пользователей ввели немало орудий принуждения для того, чтобы побуждать правонарушителей выполнять местные правила поведения, такие как правила против флейма¹¹⁶, маскировки¹¹⁷, почтовых бомб и многого другого¹¹⁸. Как сисопы, так и пользователи начали ясно осознавать, что формулировка и внедрение подобных правил предмет для принципиальной дискуссии, а не акт воли того, у кого контроль над выключателем¹¹⁹.

В то время как многие из этих новых правил и традиций применяются только к определенным, локальным областям глобальной сети, некоторые стандарты благодаря техническим протоколам применяются почти на универсальной основе. А по поводу главных принципов «сетикета» в листах рассылок и дискуссионных группах уже существует широко распространенное соглашение — хотя, надо признать, что у новых пользователей наблюдается медленная кривая обучения и Сеть практически не предлагает формального «общего образования», касающегося применимых норм. Механизмы разрешения споров в

113 David W. Maher, Trademarks on the Internet: Who's in Charge? (Feb. 14, 1996), доступно на <http://www.aldea.com/cix/maher.html> (автор доказывает, что владельцы торговых марок материально поддерживают Сеть, что нужно принимать в расчет).

114 Типичные правила также требуют воздерживаться от действий, угрожающих ценности онлайн-пространства или увеличивающих риск того, что у системного оператора возникнут неприятности с законом в реальном мире. Многие онлайн-сообщества имеют также правила, сохраняющие особый характер их онлайн-пространств, правила, управляющие опубликованными сообщениями, правила, препятствующие «флейму» (рассылке оскорбительных сообщений) или «спаму» (рассылка одного и того же сообщения в множество новостных групп), и даже правила, требующие от участников определенных профессиональных навыков

115 См.: Robert L. Dunne, Detering Unauthorized Access to Computers: Controlling Behavior in Cyberspace Through a Contract Law Paradigm, 35 *Jurimetrics J.* 1,12 (1994) (автор предполагает, что согласие системных операторов изгонять правонарушителей более успешно удерживало бы их от неавторизованного доступа к компьютерам, чем применяющиеся сейчас уголовные наказания).

116 См.: John Seabrook, My First Flame, *New Yorker*, June 6, 1994, p. 70 (описание онлайн-явление «флейм», когда пользователь теряет «самоконтроль и пишет сообщение, в котором используется уничижительная, непристойная или неуместная лексика»).

117 Один пользователь «прячется» от другого, отказываясь принимать от него сообщения (или, если конкретнее, применяя программу, известную как «черный список», для того чтобы автоматически отклонять любые сообщения электронной почты от указанного адреса).

118 Пользователи бросают на жертву «почтовую бомбу», засылая большое количество бестолковых сообщений электронной почты с целью перегрузить принимающий компьютер или, по меньшей мере, причинить неудобства получателю

119 Jennifer Mnookin, *Virtual(ly) Law: A Case Study of the Emergence of Law on LambdaMOO* (May 15, 1995) (неопубликованный манускрипт, прилагающийся к *Stanford Law Review*) (описание зарождения правовой системы в виртуальном сообществе LambdaMOO). См. §16 этой книги

этой новой среде тоже кажутся развивающимися¹²⁰. Киберпространство — какое угодно, но точно не анархичное; его четкие наборы правил крепчают с каждым днем.

Возможно, наиболее подходящей аналогией для возникновения отдельного права киберпространства является происхождение торгового права — отдельного набора правил, появившегося еще в Средние века вместе с новой, пересекающей границы торговлей¹²¹. Купцы не могли разрешить свои споры, обращаясь к местным аристократам, чье укоренившееся феодальное право касалось в основном притязаний на землю. Местный лорд также не мог легко установить имеющий смысл правила для той сферы деятельности, которую едва понимал, к тому же деятельность происходила в местах, ему неподконтрольных. Результатом этой путаницы в юрисдикциях, возникшей от бывшей тогда непривычной формы коммуникаций, пересекающих границы, стала разработка новой правовой системы — *lex mercatoria*¹²². Люди, которые больше всего заботились о своем новом творении и лучше всего его понимали, формировали и отстаивали это новое право, которое не уничтожило и не заменило существующее право, касавшееся в большей степени зависимых от территории сделок (например, передача владения землей). Возможно, явление такого же типа развивается прямо сейчас в киберпространстве¹²³.

120 См.: Henry N. Perritt Jr., *Dispute Resolution in Electronic Network Communities*, 38 *Vill. L. Rev.* 349, 398-399 (1993) (предлагается альтернативный механизм разрешения споров, который мог бы применяться провайдерами); Henry N. Perritt Jr., *President Clinton's National Information Infrastructure Initiative: Community Regained?*, 69 *Chi.-Kent L. Rev.* 991, 995—1022 (1994) (пропаганда использования новых информационных технологий для облегчения разрешения споров); I. Trotter Hardy, *The Proper Legal Regime for «Cyberspace»*, 55 *U. Pin. L. Rev.* 993, 1051—1053. В Сети уже возникла одна подобная служба разрешения споров, Виртуальный Магистрат. См.: <http://vmag.law.vill.edu:8080>

121 См. примеч. 72, Hardy, p. 1020 (торговое право было «просто набором обычаев, обеспеченным правовой санкцией, которые действовали на пользу купцам и которые были достаточно единообразными во всех юрисдикциях, в которых проходили [средневековые] ярмарки»); Leon E. Trakman, *The Law Merchant: The Evolution of Commercial Law 11—12* (1983) (торговое право было «системой права, которая... не полагалась исключительно на институты и местные обычаи каждой отдельной страны», но состояло «из некоторых принципов справедливости и торговых традиций, повсеместная пригодность и общая справедливость которых заслужили доверие регулировать сделки купцов и моряков во всей торговых странах цивилизованного мира»). Бен-сон следующим образом описывает развитие торгового права: «После падения Римской империи торговли в Европе, по сравнению с тем, что было ранее, и с тем, что будет потом, практически не существовало. Все начало меняться в одиннадцатом и двенадцатом веках с зарождением класса профессиональных купцов. Однако существовали серьезные препятствия, которые нужно было преодолеть до того, как могла бы развиваться серьезная межрегиональная и международная торговля. Купцы говорили на разных языках и имели разное культурное происхождение. Кроме того, географические расстояния зачастую мешали непосредственному сообщению, не говоря уже о создании крепких межличностных уз, которые способствовали бы доверию. Зачастую для осуществления бартера требовалось множество посредников. В контексте локализованных, часто противоречивых законов и деловых обычаев, все это порождало враждебность в отношении чужих торговых традиций и вело к коммерческим кон-фронтациям. Существовала явная необходимость в праве как в "языке взаимодействия"»: Bruce L. Benson, *The Spontaneous Evolution of Commercial Law*, 55 *S. Econ. J.* 644, 646—667 (1989)

122 См. прим. 73, Benson, p. 647 (вследствие необходимости в единообразных законах коммерции для содействия международной торговле «были сформированы основные концепции и институты современного западного торгового права, *lex mercatoria*, и, что даже более важно, на Западе именно тогда торговое право впервые стало рассматриваться как интегрированная, развивающаяся система, совокупность правовых норм»; после одиннадцатого века этой совокупностью норм «определялся» практически каждый аспект торговых сделок по всей Европе, а порой и за ее пределами... Эта совокупность норм вырабатывалась спонтанно, служила естественной основой для принятия решений и добровольно приводилась в исполнение. Вообще говоря, так оно и должно было быть. Не существовало иного возможного источника такого права, не было им и государственное принуждение»).

123 См. примеч. 9, Perritt, p. 49; примеч. 72, Hardy, p. 1019 («сильны параллели [между развитием торгового права и] киберпространством. Множество людей взаимодействует через сети, но не всегда каждый раз с теми же людьми, поэтому не всегда практично продвигать договорные отношения. Коммерческие сделки будут все чаще заключаться в киберпространстве, и все чаще эти сделки будут пересекать государственные границы и тем

Правительства не смогут остановить потоки информации через свои границы, даже если бы захотели. Также не могут они и достоверно объявить право регулировать Сеть, основываясь на нанесении локального ущерба деятельностью, имеющей истоки за пределами их границ и электронным путем распространяющейся на различные государства. Поэтому правовые институты одного государства не должны монополизировать создание правил для всей Сети. Даже при этих условиях признанные власти, вероятнее всего, продолжают утверждать, что им необходимо анализировать и регулировать новые онлайн-явления в привязке к каким-то физическим локациям. В конце концов люди, участвующие в онлайн-обмене информацией, все еще живут в материальном мире. И, как следует из довода, местные законные власти должны обладать полномочиями по исправлению проблем, созданных в реальном мире теми, кто действует в Сети. Однако возникновение ответственных законотворческих образований в киберпространстве перевесит доводы, гласящие, что Сеть «беззаконна» и поэтому необходимо привязать регуляцию онлайн-торговли к физическим юрисдикциям. Как было отмечено ранее, сисопы, действующие в одиночку или коллективно, обладают полномочиями на запрет доступа, что позволяет контролировать преступные действия в онлайн¹²⁴. Таким образом, ведя речь об онлайн-видах деятельности, которые оказывают минимальное влияние нежизненные интересы государств, саморегулирующиеся структуры киберпространства кажутся лучше приспособленными для разрешения правовых вопросов в Сети, чем местные власти¹²⁵.

Местные власти, чужие правила: урегулирование конфликтов

Что должно происходить, когда возникают конфликты между местным территориальным законом (применимым к людям и явлениям на основе их расположения в определенной области физического пространства) и законом, применимым к определенным видам деятельности в Сети? Доктрина «уступчивости», как и принципы, применяемые в случаях передачи полномочий саморегулирующим организациям, обеспечивает нас руководством для урегулирования подобных споров.

В классической формулировке Верховного суда Соединенных Штатов доктрина уступчивости является «признанием, обеспечиваемым законодательным, исполнительным или судебным действиям одной страны на территории другой страны и предоставляемым во

самым сплетать различные совокупности правовых норм. Скорое разрешение споров будет столь же необходимо, как и в Средние века! Средства неформальной судебной системы уже существуют в форме онлайн-дискуссионных групп и электронной почты. Сосуществование "киберпространственного права" с уже действующими видами права было бы в высшей степени практичным и эффективным способом управления коммерцией в сетевом мире»); примеч. 60, Post, § 43;

124 Этот инструмент принуждения не совершенен, как и изгнание купцов со средневековых ярмарок не было идеальным средством для развития торгового права. См.: Paul R. Milgrom, Douglass C. North & Barry R. Weingast, *The Role of Institutions in the Revival of Trade: The Law Merchant, Private Judges, and the Champagne Fairs*, 2 *Econ. & Pol.* 1 (1990) (описание использования изгнания и других механизмов принуждения, предшествующих возникновению государства). Индивиды, намеренные совершить правонарушение, могут иметь возможность снова проскользнуть в Сеть или определенную онлайн-область под новой личиной. Но средства принуждения, используемые судебными властями в реальном мире, также имеют свои пределы. Однако мы не отказываемся признавать власть своих территориальных правительств лишь потому, что они не могут полностью контролировать свои физические границы или все действия своих граждан

125 Социальный философ Майкл Сэндел пришел к такому же выводу, когда писал о новых транснациональных законотворческих институтах, которые необходимы для смягчения «утраты власти и эрозии общества, лежащих в основе народного недовольства»: «В мире, где капитал и товары, информация и изображения, загрязнение и люди перетекают через государственные границы с беспрецедентной легкостью, для того чтобы идти в ногу со временем, политика должна принимать транснациональные, даже глобальные формы. Иначе экономическая мощь освободится из-под поддерживаемой обществом политической власти» (Michael Sandel, *America's Search for a New Public Philosophy*, *Atlantic Monthly*, March 1996, p. 72—73).

благо международного долга и удобства, а также во благо прав своих собственных граждан или иных личностей, находящихся под защитой ее закона»^{*126}.

Это заключено и в принципах, изложенных в Своде (III) норм международных отношений Соединенных Штатов, в особенности в статье 403, гласящей, что «государство может не осуществлять правосудие, предписанное законом, в отношении личности или деятельности, связанных с другим государством, в случае, когда осуществление такого правосудия неблагоразумно» и что, когда возникает конфликт между законами двух государств, «у каждого государства есть обязанность оценивать как свои интересы, так и интересы другого государства в отправлении правосудия, оно должно уступать другому государству, если его интересы явно выше».

Доктрина возникла как попытка смягчить некоторые грубые черты мира, в котором законотворчество является атрибутом контроля над физическим пространством, но в котором люди, вещи и деятельность могут перемещаться через физические границы, и она действует на строгом применении территориальных принципов, пытаясь согласовать «принцип абсолютного территориального суверенитета с тем фактом, что отношения между государствами зачастую требуют признания законотворческих актов одной страны в юрисдикции другой»¹²⁷. Вообще-то уступчивость отражает мнение, что те, кому наиболее безразлична спорная деятельность и кто лучше ее понимает, должны определять исход. Соответственно она при должной интерпретации может идеально подойти для разрешения новых конфликтов между внетерриториальной природой деятельности в кибер-пространстве и законными нуждами территориальных властей, а также тех, чьи интересы они по другую сторону границы киберпространства защищают. Доктрина не избавляет территориальные власти от защиты интересов тех, кто находится в их сферах контроля, но она призывает их проявлять в этом значительную степень сдержанности.

Местные чиновники, разрешающие конфликты, также могут поучиться на многочисленных примерах передачи полномочий саморегулирующимся организациям. Церквям позволено устанавливать религиозное право¹²⁸. Клубы и общественные организации

126 *Hilton v. Guyot*, 115 U.S. 113, 163-164 (1895). См. также: *Lauritzen v. Larsen*, 345 U.S. 571, 582 (1953) («Международное или морское право... имеет своей целью достижение стабильности и порядка с помощью традиций, которые появились как следствие размышлений об учтивости, взаимности и долгосрочных интересах и которые определяют область, на которую каждое государство заявляет свои права»); *Mitsubishi Motors v. Soler Chrysler-Plymouth*, 473 U.S. 614 (1985); см. также: *The Bremen v. Zapata Off-Shore Co.*, 407 U.S. 1 (1972). Приличное общее объяснение доктрины уступчивости см.: Swanson, Comity, International Dispute Resolution Agreements, and the Supreme Court, 21 *Law & Pol'y in Int'l Bus.* 333 (1990); Joel R. Paul, Comity in International Law, 32 *Harv. Int'l L.J.* 1 (1991); Hessel Yntema, The Comity Doctrine, 65 *Mich. L. Rev.* 9 (1966); James S. Campbell, New Law for New International Trade 5 (Dec. 3, 1993) (прилагается к *Stanford Law Review*); Mark W. Janis, *An Introduction to International Law* 250 ff. (1988); Lea Brilmayer, *Conflict of Laws: Foundations and Future Directions* 145—190 (1991).

127 Harold G. Maier, Remarks, 84 *Proc. Am. Soc. Int'l L.* 339, 339 (1990); *id.*, p. 340 (принцип уступчивости является основой принципов выбора правовой нормы «на границе интересов», заложенных в Своде); примеч. 78, Paul, p. 12 (уступчивость является результатом «потребности в разрешении более изощренной системы конфликтов... вызванной зарождением национальных государств и подъемом торговли, который участил контакты между различными нациями, а также их конфликты»); *id.*, p. 45—48 (где отмечается, что, хотя связь между «классической доктриной уступчивости» и принципом «разумности» из Свода неоднозначна, первая «сохраняет в Своде существенное значение»); *id.*, p. 54 (принцип уступчивости «уменьшает неотъемлемую напряженность между принципами территориальной исключительности и суверенного равенства»); ср. примеч. 78, Campbell, p. 6 (судебная практика Верховного суда, касающаяся уступчивости, «в делах, имеющих отношение к международной торговле, подразумевает выяснение того, какие ценности способствуют этой торговле. Торгующие государства имеют общую заинтересованность в поддержке этих ценностей, и потому государственные ведомства — суды, законодатели, администраторы — должны стремиться к уважению и, следовательно, усилению этих ценностей по мере их зарождения в процессах формирования права»).

128 Ср. с Adam Gornik, *The Virtual Bishop*, *New Yorker*, March 18, 1996, p. 63 («конечно, первоначальная церковь сама по себе была чем-то вроде Интернета, что и было одной из причин того, что Римской империи было слишком сложно против нее бороться. Ранние христиане понимали, что самым важным было не притязать

могут в широких пределах определять правила, управляющие деятельностью в их сфере интересов. Биржи ценных бумаг могут устанавливать коммерческие правила при условии, что они защищают жизненные интересы окружающих сообществ. В этих случаях правительство усмотрело разумность возложения функций по созданию правил на тех, кто лучше понимает сложные явления и кто заинтересован в обеспечении роста и благополучия совместных предприятий.

Киберпространство представляет на рассмотрение новую форму следующего вопроса: насколько местные власти должны считаться с новыми саморегулирующимися видами деятельности, возникающими независимо от местного управления и простирающимися за ограниченные физические границы государства? Это перемешивание материальных и нематериальных границ ведет к сближению интеллектуальных категорий уступчивости в международных отношениях и передаче властями полномочий саморегулирующимся группам. При применении к киберпространству как доктрины «уступчивости», так и идеи о «передаче полномочий» местная власть призывается к уступке саморегулирующихся разбирательств, касающихся населения, частично, но не полностью состоящей из ее же поданных.

Несмотря на кажущееся противоречие в конценции государства, уступающего власти тех, кто не является его собственными поданными, такая линия поведения имеет смысл, особенно в свете основных целей обеих доктрин. Уступчивость и передача полномочий представляют собой благоразумное сохранение государственных ресурсов и возложение решений на тех, кто в полной мере осознает особые нужды и характеристики определенной «сферы» бытия. Хотя киберпространство представляет собой новую сферу, прорывающую государственные границы, фундаментальные принципы сохраняются.

Если сисопы и пользователи, вместе населяющие определенную область Сети и управляющие ею, захотят установить особые правила поведения, и если этот набор правил существенно не вторгается в жизненные интересы тех, кто никогда не посещает это новое пространство, тогда закон государств в физическом мире должен уступать этой новой форме самоуправления.

И еще раз рассмотрим пример с торговой маркой. Представитель правительства Соединенных Штатов заявил, что, поскольку правительство платило за начальную разработку и администрирование системы доменных имен, оно «обладает» правом контролировать стратегические решения, касающиеся создания и использования этих имен. Очевидно, что это ценный и вполне сформировавшийся новый вид имущества был создан в глобальном масштабе, в добавление к индивидуальным усилиям, средствами правительства. Но требование правительства, основанное на его вложениях, не слишком убедительно. Вообще говоря, вероятно, что Соединенные Штаты отстаивают свое право на контроль над стратегией, управляющей пространством имен доменов, потому что боятся, что любая другая власть над Сетью может заставить их снова платить за доменные имена «.gov» и «.mil», используемые правительственными организациями. Чтобы облегчить беспокойство по этому поводу, власть Сети должна уступить правительствам. Например, она должна примириться с устойчивой заинтересованностью военных в свободе регулировать и использовать свои «.mil»-адреса¹²⁹. Новая создающая стандарты власть в Сети должна также примириться с заинтересованностью правительства в том, чтобы сохранять свои собственные неоплачиваемые имена доменов и не допускать фальсификации. При данном ответственном ограничении власти Сети и развитии эффективной саморегулирующей схемы правительство может решить, что не нужно тратить свои ограниченные ресурсы, пытаясь отобрать

на физическую власть в каком-то материальном месте, а основать сеть верующих — чтобы быть на связи» — цитируется французский епископ Жак Гейо).

129 Id. отмечается, что «домен .mil выведен» из-под юрисдикции частной корпорации, администрирующей регистрацию доменных имен

эффективный контроль над неправительственными доменными именами у тех, кто больше всех заботится о содействии росту онлайн-торговли.

Поскольку столь трудно контролировать поток электронов через физические границы, местная власть, добиваясь предотвращения доступа своих граждан к определенным материалам, должна либо поставить вне закона любой доступ в Сеть, — тем самым отрезая себя от новой глобальной торговли, — либо добиваться навязывания своей воли Сети в целом. Это было бы похоже на феодала средневековых времен, пытавшегося либо предотвратить проход торговцев шелком через собственные границы (к ужасу местных покупателей и купцов), либо претендовавшего на провозглашение своей юрисдикции над всем известным миром. Сложно вообразить, что местные территориальные власти уступят закону Сети, когда от самого свободного потока информации — наиглавнейшей характеристики Сети — исходит ощутимая угроза локальным интересам, если, например, местные власти заинтересованы в том, чтобы граждане не подвергались неблагоприятному воздействию информации, которую местная судебная власть полагает вредной, но которая везде свободно (и законно) доступна. Есть примеры попыток правительства Германии предотвратить доступ своих граждан к запретным материалам или обвинения оператора доски объявлений из Калифорнии в том, что делал оскорбительные для местных «стандартов сообщества» материалы доступными для скачивания в Теннесси.

Местные власти настаивают, что их заинтересованность (в защите своих граждан от вреда) первостепенна и легко перевешивает любую целевую заинтересованность в том, чтобы сделать подобные материалы свободно доступными. Но противопоставляемая заинтересованность — это не просто заинтересованность в том, чтобы люди имели доступ к якобы непристойным материалам, это «мета-интерес» граждан Сети в сохранении глобально свободного потока информации.

Если и есть один центральный принцип, с которым должны быть согласны все локальные власти в Сети, то он состоит в том, что нужно противостоять локальным территориальным требованиям ограничения онлайн-сделок (не имеющих отношения к жизненным или локализованным интересам территориального правительства). Это сетевой эквивалент Первой поправки, принцип, уже признанный в форме международной доктрины прав человека, отстаивающей право на общение¹³⁰.

Участники новой онлайн-коммерческой деятельности должны противостоять внешнему регулированию, предназначенному для блокирования этого потока. Этот центральный принцип онлайн-права основывается на анализе «уступчивости», поскольку он делает очевидным, что сохранение свободы потока информации через Сеть так же жизненно важно для интересов Сети, как и защита местных граждан от воздействия нежеланной информации с точки зрения местной территориальной власти¹³¹. Для того чтобы

130 См.: Jonathan Graubert, *What's News: A Progressive Framework for Evaluating the International Debate Over the News*, 77 Cal. L. Rev 629,633 (1989): «со времен Второй мировой руководящим принципом международных коммуникаций была инспирированная США задача "свободного потока информации". Согласно этому принципу, "свобода информации предполагает право на сбор, передачу и публикацию новостей везде и повсюду без ограничений"» (цит. по: G. A. Res. 59[1], 1[2], U.N. GAOR Resolutions стр. 95, U. N. Doc. A/64/Add. 1 [1947]). Принцип свободного потока информации был определен как неотъемлемая часть свободы мнения и выражения. См. пункт 19 во «Всеобщей декларации прав человека ООН», G.A. Res. 217(III)A, 3(1) U. N. GAOR Resolutions стр. 71, 74—75, U.N. Doc. A/810 (1948), где заявляется, что свобода выражения включает «свободу беспрепятственно придерживаться своих взглядов, а также разыскивать, получать и передавать информацию и идеи через любую среду, несмотря на границы».

131 Более того, право человека участвовать в определенных онлайн-областях строго зависит от того, получает ли он об этих областях информацию. Поскольку любое территориальное правительство лишь заявляет о моральном превосходстве своих законов и ценностей, ему не слишком удобно противиться свободному потоку информации, которая можно привести его граждан к расхождению во взглядах, поскольку это было бы равноценно защите невежества как необходимого ингредиента сохранения ценностей, поддерживаемых местным государством. Такой взгляд на вещи вряд ли убедит создателей правил, находящихся вне пределов государства и не разделяющих эти ценности.

максимально полно реализовать перспективы Сети, устанавливающие правила онлайн-власти не должны считаться с требованиями территориальных властей об ограничении онлайн-коммуникации, если они не связаны с жизненными или локализованными интересами правительства.

Внутреннее многообразие

Одной из ключевых характеристик границы является то, что она замедляет взаимный обмен людей, вещей и информации через свой раздел. Возможно, отдельные наборы правовых норм могут развиваться и существовать лишь там, где существуют эффективные границы. Поэтому развитие настоящего «права киберпространства» зависит от разделительной линии между этой новой онлайн-территорией и неvirtуальным миром. До сих пор мы опирались на то, что новая онлайн-сфера отрезана, по крайней мере до некоторой степени, от институтов, создающих правила в материальном мире, и поэтому нуждается в создании отдельного права, применимого исключительно к онлайн-сфере.

Но поспешим добавить, что за этой границей киберпространство не однородная или единообразная территория, где информация течет, не встречая препятствий. Хотя бессмысленно говорить о французской или армянской части киберпространства, поскольку физические границы, отделяющие территории Франции или Армении от их соседей, в общем случае нельзя применять к потоку информации в киберпространстве, Сеть обладает другими видами внутренних границ, очерчивающих множество отдельных внутренних локаций, которые замедляют или блокируют поток информации.

Индивидуальные имена и (виртуальные) адреса, особые пароли, входная плата и визуальные подсказки — программные границы — могут отделять друг от друга дочерние области. Новостная группа Usenet'a alt.religion.Scientology обособлена от alt.misc.legal, и обе они обособлены от чат-комнаты на CompuServe или America Online, которая, в свою очередь, обособлена от сервера рассылок Института права киберпространства или Counsel Connect. Пользователи могут получить доступ к этим форумам только через определенные адреса или телефонные номера, зачастую проходя через ввод пароля и внесение платы. Воистину та легкость, с которой могут быть сооружены внутренние границы, состоящие исключительно из программных протоколов, является одной из самых примечательных и выдающихся характеристик киберпространства; учреждение новой новостной группы Usenet'a или дискуссионной группы сервера рассылок требует не многим более нескольких строк программного кода¹³².

Обособление дочерних «территорий» или сфер деятельности в киберпространстве, а также барьеры для обмена информацией через эти внутренние границы предусматривают развитие отдельных наборов правил и расхождение этих наборов правил с течением времени. Процессы, лежащие в основе биологической эволюции, представляют собой удачную аналогию. Видообразование — то есть появление разнообразных, обособленных совокупностей генетической информации из одной исходной группы течением времени — не может иметь место, когда в исходной популяции происходит свободный обмен информацией (в форме генетического материала) среди ее членов.

Другими словами, единичная, свободно скрещивающаяся популяция организмов не может разделиться на генетически отличные популяции. Меняясь со временем, генетический материал популяции делает это более или менее единообразно (например, популяция вида *Homo erectus* стала популяцией *Homo sapiens*) и не может стать источником одновременного

132 Сервер рассылок, например, может быть настроен на любом сетевом (или Интернет-) сервере путем задания простых инструкций одной из нескольких широко доступных программ (listproc или majordomo). Дискуссионная группа Usenet может быть установлена в alt.hierarchy ссылкой простого запроса в alt.config newsgroup. См. источники, приведенные в примеч. 23. Киберпространство позволяет не только эффективно очерчивать внутренние границы между различными онлайн-пространствами, но и эффективно определять отдельные онлайн-роли в различных сферах деятельности, в отношении

возникновения более чем одного обособленного генетического набора. Видообразование как минимум требует некоего барьера для обмена генетическим материалом между подмножествами исходной однородной популяции. Обычно для предотвращения обмена генетическими данными одной подгруппы с другой хватает физического барьера. Как только такая «граница» установлена, внутри «генофонда» — совокупности базовой генетической информации — каждой субпопуляции может произойти отклонение¹³³. Со временем это отклонение может стать достаточным для того, чтобы даже в случае исчезновения физического барьера две подгруппы не смогли бы больше обмениваться генетическим материалом, то есть стали отдельными видами.

Как и генетический материал, правила — самовоспроизводящаяся информация*97. Внутренние границы в киберпространстве предусматривают установление различий среди обособленных совокупностей такой информации — в этом случае скорее наборов правил, чем видов. Содержание или поведение, приемлемое в одной области Сети, может быть запрещено в другой. Институты, разрешающие споры в одной области киберпространства, могут не получить поддержку или законный статус в других. Местные сисопы, напротив, могут налагать по умолчанию правила, кто и при каких условиях имеет право воспроизводить и перераспределять материалы, в зависимости от источника их происхождения. В то время как опора киберпространства на биты, а не на атомы может делать физические границы более проницаемыми, границы, обозначающие цифровые онлайн-«сферы бытия», могут становиться менее проницаемыми. Защита онлайн-систем от неавторизованных злоумышленников может оказаться задачей более легкой, чем опечатывание границы для предотвращения нежелательной иммиграции¹³⁴. Группы могут учреждать онлайн-корпоративные организации или клубы с членством, которые строго контролируют участие в своих делах или даже осведомленность о них.

Такие группы могут скорее достигать соглашения по правилам или модифицировать их посредством онлайн-коммуникации. Таким образом, наборы правил, применимые к

133 Географический барьер лишь предоставляет возможность дивергенции; он ее не гарантирует. Обособление, например, произойдет, лишь если две разделенные субпопуляции станут объектом действия различных селекционных воздействий или если по крайней мере одна из них достаточно мала для того, чтобы накапливать в своем генофонде существенные случайные изменения («генетический дрейф»). Интересное приличное нетехническое описание эволюционной теории см.: Daniel C. Dennett, *Darwin's Dangerous Idea: Evolution and the Meanings of Life* (1995); John Maynard-Smith, *Did Darwin Get It Right? Essays on Games, Sex, and Evolution* (1989); John Maynard-Smith, *On Evolution* (1972); George C. Williams, *Adaptation and Natural Selection: A Critique of Some Current Evolutionary Thought* (1966)

134 Как писал судья Этан Кэч, киберпространство — это «мир программного обеспечения», где «код — это Закон». М. Ethan Katsh, *Software Worlds and the First Amendment: Virtual Doorkeepers in Cyberspace*, Univ. of Chi. Legal F. (готовится к публикации), цитируя William Mitchell, *City of Bits* (1995): «В значительной степени сети, вообще говоря, представляют собой то, чем позволяет им быть программное обеспечение. Интернет не сеть, но набор коммуникационных протоколов... Интернет — это программное обеспечение. Подобным же образом Всемирная паутина — это не нечто вещественное. Это клиент-серверное программное обеспечение, позволяющее машинам, объединенным в сеть, совместно пользоваться информацией и работать с ней на любой из подсоединенных машин» (id., p. 7). См. также примеч. 60, Post, § 16 («сети не просто управляются действующими правилами поведения, в отдельности от этих правил они не существуют»). И требования программного обеспечения могут быть суровы (как сможет подтвердить каждый, кто пытался отправить сообщение электронной почты по неверно написанному адресу): «Вход сообщений в электронные сети на цифровой основе и направление сообщений через них... контролируются более эффективными протоколами [чем те, что обычно управляют неэлектронными коммуникационными сетями в "реальном мире"]: технические спецификации каждой сети (обычно реализованные в программном обеспечении или переключающих механизмах) вводят в силу правила, которые точно отличают подходящие сообщения от неподходящих. Эта граница [не является] искусственным конструктом, поскольку правила эффективно самовнедряются. Проще говоря, вы не можете быть "почти" в локальной сети университета Джорджтауна или в сети America Online — вы либо передаете совместимые с этими сетями сообщения, либо нет» (id., см. § 20). Таким образом, с помощью подобных уникальных спецификаций можно конфигурировать отдельные сетевые сообщества так, чтобы относительно легко блокировать весь межсетевой трафик (или его определенную часть).

онлайновому миру, могут быстро эволюционировать от традиционных и тем самым образовывать более широкий разброс.

Куда пойдет этот процесс дифференциации и эволюции — один из наиболее сложных и захватывающих вопросов, касающихся права в киберпространстве, но он находится за пределами рассматриваемого в этой статье. Однако мы должны обратить внимание на важный нормативный аспект разрастания внутренних границ между отдельными сообществами и отдельными наборами правил, а также характер процесса, в ходе которого в киберпространстве эволюционирует право. Киберпространство может послужить важной основой для развития новых связей между индивидами и механизмами самоуправления, с помощью которых индивиды обретают все более эфемерное ощущение сообщества. Комментируя эрозию государственного суверенитета в современном мире, неудачу существующей системы национальных государств по культивированию гражданского голоса и моральную связь между индивидом и сообществом (или сообществами), в которое(ые) он входит, Сэндел писал:

Сегодня надежда на самоуправление заключается не в перераспределении власти, но в ее рассеивании. Самой многообещающей альтернативой суверенному государству является не космополитичное сообщество, основанное на солидарности человечества, а многообразие сообществ и политических органов — некоторые обширнее государства, некоторые не так обширны, — среди которых и рассеяна власть. Только политика распространения власти как вверх [вплоть до транснациональных институтов], так и вниз может сочетать могущество, необходимое для соперничества с глобальными рыночными силами, с дифференциацией, необходимой для общественной жизни, которая может вселить преданность в поданных. Если государство вызывает не более чем минимальную общность, маловероятно, что глобальное сообщество справится лучше, по крайней мере, своими силами. Более многообещающей основой для демократической политики, выходящей за пределы государств, является восстановленная гражданская жизнь, поддерживаемая в тех сообществах, в которых мы обитаем. Во времена Североамериканского соглашения о свободной торговле соседские отношения имеют большее, а не меньшее значение.

Более того, легкость, с которой индивиды могут в киберпространстве перемещаться между различными наборами правил, имеет важные последствия для политической философии, основанной на идее договора, выводящей оправдание применению государством права на принуждение своих подданных из их согласия на применение этого права. В неvirtуальном мире в этом согласии есть серьезная доля вымысла: «Опора государства на согласие, выведенное лишь из пребывания на его территории, чрезвычайно нереалистична. Нежелание людей навлекать на себя крайне серьезные затраты по выезду из родной страны не должно трактоваться как всеобщее обязательство подчиняться ее властям».

Конечно, граждане Франции, недовольные французскими законами и предпочитающие, скажем, армянские нормы, могут попробовать убедить своих соотечественников и местных законодателей в превосходстве армянского набора правил. Тем не менее их возможность «выхода», по терминологии Альберта Хиршмана, ограничена необходимостью физически переместиться в Армению, для того чтобы воспользоваться преимуществом ее набора правил.

В киберпространстве любой пользователь, напротив, обладает более доступной возможностью выхода, перемещаясь от одного набора правил виртуальной среды к другому, обеспечивая тем самым более приемлемый «механизм отбора», благодаря которому различающиеся наборы правил будут со временем эволюционировать.

Возможность обитателей киберпространства по собственному желанию пересекать границы между юридически значимыми территориями много раз за день тревожит. Создается впечатление, что эта возможность приуменьшает юридическую силу развивающихся законов, распространяющихся на онлайн-культуру и коммерцию: как эти правила могут быть «правом», если участники могут буквально включать и выключать их с помощью переключателя? Частые онлайн-путешествия могут подвергнуть довольно мобильных

человеческих существ действию много большего количества наборов правил, чем если бы они в то же время путешествовали по физическому миру. Общеизвестные власти, наблюдающие зарождение нового права, применимого к онлайн-деятельности, могут возразить, что нельзя с легкостью существовать в мире со слишком многими источниками и типами права, особенно такими, что созданы частными (неправительственными) участниками, не усугубляя при этом путаницу не позволяя антиобщественным деятелям избегать эффективной регуляции.

Но скорость, с которой мы можем пересекать юридически значительные границы или присваивать юридически существенные роли, а затем избавляться от них, не должна снижать нашу готовность признавать многочисленные наборы правил. Быстрое перемещение между сферами бытия не отвлекает от различительной силы границ, пока участники осознают, что правила меняются. Не отвлекает оно и от уместности правил, применяемых в рамках любого заданного места, так же как и смена коммерческих или организационных ролей в физическом мире не отвлекает человека от способности различать правила и подчиняться им в качестве члена множества различных институциональных организаций и знать, для каких ролей какие правила уместны¹³⁵. Оно также не снижает внедряемости любого заданного набора правил в соответствующих ему границах, пока группы могут контролировать неавторизованное пересечение границ группами или сообщениями.

Смена различных юридических личностей несколько раз за день может смущать тех, для кого киберпространство остается чуждой территорией, но для тех, для кого киберпространство — естественная среда обитания, в которой они проводят все большее количество времени, эта смена может стать второй натурой. Правовые системы должны научиться приспосабливаться к более мобильному виду юридических лиц.

Заключение

Глобальные электронные коммуникации создают новые территории, на которых будут развиваться особые наборы правил. Мы можем согласовать новое право, созданное в этом

135 Для перенесения информации через эти границы в Сети, возможно, понадобятся новые метаправила. Например, члены многопользовательской области LambdaMOO детально обсуждали вопрос о том, стоит ли разрешать использование информации, полученной от действующей дискуссионной группы в «реальном мире». См. примеч. 69, Mпоokin, p. 20—21. Некоторые онлайн-системы имеют правила, касающиеся копирования перемещения материалов из одной онлайн-области в другую. Например, условия обслуживания Counsel Connect содержат следующие правила приемлемого копирования: «Будет сочтено, что участники, предоставившие материал, даруют... подписчикам системы оплаченную бессрочную неотзывную лицензию на использование, копирование и повторное распространение материала, любых его частей и любых производных от него работ по всему миру. В качестве условия получения лицензии каждый участник дает согласие не удалять из дословных копий предоставленных материалов информацию, идентифицирующую источник... и не репродуцировать их части, идентифицируя источник, но неточно характеризуя суть и источник любой модификации, переделки или выборки... Несмотря на лицензии, дарованные участниками и поставщиками информации, подписчики... не должны участвовать в систематическом, значительном и регулярном тиражировании коммерческим издателем материалов, предоставленных системе... поскольку результатом подобных действий будет предоставление лицам, не являющимся подписчиками соответствующих материалов, реальной замены такой подписки» (Terms and Conditions for Use of Counsel Connect, прилагается к Stanford Law Review). Соглашение об условиях обслуживания компании America Online содержит сходный параграф: «4. Права и обязанности. Участники сознают, что AOL включает в себя информацию, программное обеспечение, фотографии, видео, графику, музыку, звуки и другие материалы и услуги (собирает — "содержание")... AOL разрешает доступ к содержанию, защищенному авторскими правами, торговыми марками и прочими собственническими (включая интеллектуальную собственность) правами... Использование содержания участниками должно определяться применимыми законами об авторском праве и другой интеллектуальной собственности... Предоставляя содержание в "общедоступную область"... [участники] автоматически даруют... AOL Inc. бесплатные бессрочные неотзывные неисключительные права и лицензию на использование, репродукцию, модифицирование, приспособление, публикацию, перевод, создание работ на основе распространения, исполнения и отображения такого содержания (как в целом, так и частично) по всему миру» (AOL Inc.'s Terms of Service Agreement, прилагается к Stanford Law Review).

пространстве с уже существующими и основанными на принципе территории правовыми системами, относясь к этому праву как к отдельной доктрине, применимой к явно очерченной сфере, созданной, в первую очередь, легитимными саморегулирующимися процессами и удостоенной соответствующего почтения, но и подвергающейся ограничениям, когда право выходит за пределы соответствующей ему сферы.

Право любого отдельно взятого места должно учитывать особые характеристики регулируемого пространства, а также типы личностей, мест и вещей, там встречающихся. Так же как и юриспруденция некой страны отражает ее уникальный исторический опыт и культуру, право киберпространства будет отражать его особый характер, который заметно отличается от всего, что есть в физическом мире. Например, право Сети должно иметь дело с личностями, которые «существуют» в киберпространстве лишь в форме адреса электронной почты и явные черты которых могут соответствовать или не соответствовать физическим характеристикам в реальном мире. Вообще говоря, адрес электронной почты не обязательно должен принадлежать одному человеку. Таким образом, если праву киберпространства необходимо распознавать природу своих «субъектов», оно не может основываться на тех же доктринах, какие отдаются под юрисдикцию географически основанных властей «целых», материальных людей, местонахождение которых можно определить. Право Сети должно быть готово к тому, чтобы иметь дело с личностями, которые проявляют себя только через какой-то идентификатор, учетную запись или имя домена. Более того, когда права и обязанности привязываются к самой учетной записи, а не к личности из реального мира, традиционные концепции вроде «равенства», «дискриминации» или даже «прав и обязанностей» могут работать не так, как мы их обычно понимаем. Могут развиваться новые взгляды на эти идеи. Например, когда пользователи America Online в больших количествах подсоединялись к Сети, другие пользователи киберпространства зачастую осмеивали их, основываясь на метке .aol на адресах электронной почты — это форма «доменизма», которому, возможно, будут препятствовать новые формы «сетикета». Если доктрина киберпространственного права предоставит пользователям права, нам нужно будет решить, будут ли эти права соблюдаться лишь по отношению к определенным типам онлайн-явлений, но не по отношению к соответствующим индивидам в реальном мире, или же как-то иначе.

Сходным образом типы «собственности», которые могут стать предметом юридических дебатов в киберпространстве, будут отличаться от недвижимости или материальных объектов реального мира. Например, в реальном мире физическая обложка книги обозначает границы «работы» в целях защиты авторского права. Эти границы могут полностью исчезнуть, когда те же материалы являются частью большой электронной базы данных. Таким образом, возможно, нам придется изменить в авторском праве доктрину законного использования, которая ранее основывалась на вычислении объема скопированной части физической работы¹³⁶. Точно так же «расположение» веб-страницы в киберпространстве может приобрести смысл, не имеющий отношения к физическому месту, в котором находится диск, на котором лежит эта страница, и попытки регулирования веб-страниц через контролирование физических объектов могут лишь заставить соответствующие биты перемещаться с места на место. С другой стороны, границы, установленные URL'ами (унифицированные указатели информационных ресурсов, указывающие местонахождение документа во Всемирной паутине), возможно, будут нуждаться в особой защите против

136 Электронная информация может распределяться кусками любого размера, варьирующимися от нескольких слов до целой базы данных. Если в качестве меры мы используем базу данных целиком, тогда подборка любого пользователя будет представлять собой несущественную часть. Если же мы, напротив, попытались бы использовать традиционные границы книжной обложки, пользователь не смог бы придерживаться этого стандарта; в некоторых случаях, касающихся извлеченных из базы данных материалов, это чисто теоретическая граница. Что снова демонстрирует нам то обстоятельство, что отсутствие в киберпространстве физических границ, выделяющих отдельные «работы», подрывает полезность доктрин вроде закона об авторском праве, основывающихся на существовании подобных границ в реальном мире.

конфискации или смущающе похожих адресов. И поскольку подобные онлайн-«места» могут содержать оскорбительные материалы, нам, возможно, понадобятся правила, обязывающие группы (или позволяющие им) вывешивать определенные знаки или отметки на внешних границах подобных мест.

Границы, разделяющие людей и вещи, ведут себя иначе в виртуальном мире, но, несмотря на это, значимы юридически. Сообщения, отправленные с одного адреса электронной почты, не отразятся на репутации других адресов, даже если за ними стоит тот же материальный человек. Материалы, обособленные паролем, будут доступны различным наборам пользователей, даже если эти материалы физически существуют на одном и том же жестком диске. Требование пользователя на право обладать определенной онлайн-личностью или требование на компенсацию в случае, если репутации этой личности нанесен вред, могут быть законными, даже если эта личность точно не соответствует ни одному человеку в реальном мире¹³⁷.

Четкие границы делают возможным право, поддерживающее стремительное дифференцирование между наборами правил и определяющие темы юридических прений. Новые возможности быстро путешествовать и обмениваться информацией через старые границы могут изменить правовую систему координат и потребовать фундаментальных перемен в правовых институтах. Основополагающие виды законотворческой деятельности: согласование конфликтующих требований, определение права собственности, учреждение правил для руководства поведением, внедрение этих правил и разрешение споров — по-прежнему живы на новоопределенной, нематериальной территории киберпространства. В то же время зарождающееся право бросает вызов основополагающей идее существующих законотворческих властей—территориальному национальному государству с существенной, но ограниченной законом властью.

Если правила киберпространства возникнут из наборов правил на основе всеобщего согласия и субъекты этих законов смогут свободно перемещаться среди множества различающихся онлайн-пространств, тогда рассмотрение действий системных администраторов киберпространства как применение власти, сходное с «владычеством», может быть неуместным. В рамках правового каркаса, в котором высший уровень физически подчиняет низшие и его непрерывная действенность основана на неспособности подданных сопротивляться или покинуть территорию, правовые и политические доктрины, выведенные нами за столетия, важны для того, чтобы ограничивать подобную власть. В такой ситуации, когда выход невозможен, является дорогостоящим или болезненным, необходимо право голоса для народа. Но когда «люди», о которых идет речь, не являются целым народом, когда их «собственность» нематериальна и «движима» и когда все заинтересованные могут без труда уйти из-под юрисдикции, которую они находят неподходящей, отношения между «гражданином» и «государством» радикально меняются. Право, определенное как взвешиваемое групповое обсуждение главных ценностей, устоит. Но оно не будет, не может быть и не должно быть тем же правом, что применяется к физическим, географически определенным территориям.

137 Вопрос о том, должен ли закон рассматривать этот интерес как право собственности или как право представлять личность, о которой ведется речь, остается нерешенным

Анархия, государство и Интернет: о законотворчестве в киберпространстве

Дэвид Пост¹³⁸

Введение

В настоящее время всевозрастающее внимание уделяется интересным и важным вопросам о нормах, которые будут (или должны) управлять поведением в рамках глобальной сетевой среды: какую форму должна принять защита авторских прав в мире моментального, бесплатного и неподдающегося отслеживанию копирования? Нужно ли интерпретировать Первую поправку для обеспечения права на распространение анонимных или коммерческих сообщений среди групп Usenet или права на рассылку зашифрованных сообщений, не доступных для «подслушивания» силами правопорядка? Какой стандарт ответственности должен применяться к системным операторам, учитывая возможность размещения «непристойных» материалов в их системах?

Это внимание к действительному содержанию правовых норм, по крайней мере частично, отражается в том, что Оливер Уильямсон назвал «правовым централизмом»¹³⁹. «Централистские» исследования фокусируются на альтернативных наборах действующих законов с целью определения оптимального набора на основе некоего заданного критерия, например общего благосостояния. Это идеально подходящая модель для исследования в случае, когда некий законотворческий орган — обычно верховное правительство — стоит перед выбором оптимального набора законов.

Однако в данной главе я фокусирую свое внимание не на этом. По мере того как глобальная сеть доказывает свою сравнительную сопротивляемость централизованному управлению — а я по причинам указанным ниже уверен, что она это докажет, — вопрос: «Какой закон о защите авторских прав "лучший"?» — должен быть, по меньшей мере, дополнен вопросом: «Что за силы управляют траекторией правовой системы через "пространство правил" и что за форму (или формы) вероятнее всего со временем примет закон о защите авторских прав вследствие действий этих сил?»¹⁴⁰. Перед тем как мы

138 Эта статья впервые появилась в *Journal of Online Law* (<http://www.warthog.cc.wm.edu/law/publications/jol/post.html>). Публикуется с разрешения автора. © 1995, David G. Post. [Перевод А. Кузнецова и И. Мякишева.]

139 Oliver W. Williamson, *Credible Commitments: Using Hostages to Support Exchange*, 73 *Am. Econ. Rev.* 519, 520, 537 (1983). См. убедительную критику позиции правовых централистов: Robert C. Ellickson, *Order Without Law: How Neighbors Settle Disputes* 137—147 (1991); Robert D. Cooter, *Decentralized Law for a Complex Economy*, 23 *Sw. U. L. Rev.* 443

140 Эволюционная биология иллюстрирует эти различия в подходе к решению проблемы. Для изучения того, почему тараканы такие, какие они есть, биологи не начинают с вопросов типа «Что такое оптимально спроектированный таракан?» или «Будет ли таракан с восемью ногами или таракан, способный к фотосинтезу, быть "лучшим" тараканом?» Такие вопросы могут быть уместны, если бы мы участвовали в процессе создания некоего организма, способного делать вещи, свойственные таракану. Но биологическая эволюция происходит без главного специалиста по разработке, который выбирает между альтернативными версиями таракана, и вопросы, относящиеся к «оптимальному дизайну таракана», не имеют смысла до тех пор, пока на предыдущий вопрос — «Что это за процесс, посредством которого реализованы изменения в дизайне таракана?» — не будет дано удовлетворительного ответа. Для того чтобы объяснить, почему тараканы такие, какие они есть, или для того, чтобы предсказать, как они будут выглядеть в будущем, биологи, занимающиеся эволюцией, должны начать с теории того, как протекает эволюция и затем задаваться вопросом «Можем мы объяснить свойства таракана, ссылаясь на работу этих сил эволюции?» (и, «если нет, должна ли быть пересмотрена наша теория пути протекания эволюции и наше понимание проблем, связанных с тараканами»). Что и говорить, установление оптимума до сих пор представляет интерес, но только в контексте вопроса, способны ли эти силы создавать систему, близкую к этому оптимуму. Для обсуждения этих проблем см.: David G. Post, *Is the Optimization Approach the Optimal Approach to Primate Foraging?*, in P. Rodman & J. Cant (eds.), *Adaptations for Foraging in Non-human Primates* (1984).

попытаемся ответить на эти вопросы и попытаемся решить, что собой может представлять «лучший» закон о защите авторских прав в глобальной сети, мы должны остановиться для того, чтобы рассмотреть несколько предварительных вопросов: какие существуют механизмы, посредством которых такой закон может быть приведен в исполнение? Кто может создавать и проводить в жизнь правила в киберпространстве независимо от того, каково может быть действительное содержание этих правил?

Нижеследующий текст — это грубый набросок обоснования того, что эти вопросы в контексте электронных сетей исключительно интересны и ценны, а также эскиз остова, который может содействовать структуризации исследований законов и законотворчества в глобальной сети. Само по себе киберпространство уже продемонстрировало невероятную мощь коллективных умственных усилий, и я предлагаю этот очерк с надеждой на то, что смогу побудить и других тщательно и по-новому задуматься об этих важных вопросах¹⁴¹.

Законотворчество и общественный контроль в сетевых сообществах

Основы управления поведением по Роберту С. Элликсону являются подходящей точкой отсчета для дискуссии о силах, управляющих индивидуальным поведением в электронных сетях. Элликсон различает пять «органов управления», которые обеспечивают действующие правила, управляющие индивидуальным поведением: сам деятель; другие индивидуумы, подвергающиеся воздействию; не иерархически организованные социальные силы; иерархически организованные неправительственные организации; и наконец, правительство (которое представляет собой иерархическую организацию, «понимаемую широко как обладающую узаконенной властью в пределах ее географической юрисдикции причинять ущерб лицам, которые не обязательно добровольно отдали себя в ее власть»)¹⁴². В качестве иллюстрации применения этого каркаса рассмотрим правила, которые сочетаются для установления частоты, с которой определенное поведение — скажем, передача сообщений, содержащих любое из установленных Федеральной комиссией по коммуникациям «семи грязных слов», — может иметь место в локальной сети моего университета. Каждый из участников сети может иметь собственную этическую позицию в отношении уместности или неуместности подобных сообщений.

Можно вообразить (в данном контексте, возможно, не слишком уж реалистически) двусторонние соглашения между пользователями сети, касающиеся использования определенных слов в сообщениях электронной почты или в файлах, хранящихся в сети, или даже самопомощи (в виде авторизованного или неавторизованного удаления файлов) конкретных пользователей сети. В свою очередь, каждое из них, по крайней мере, частично определено реакцией каждого пользователя на различные социальные силы, такие как культурные и профессиональные нормы. Формальные или неформальные правила организации, провозглашенные сетевыми администраторами (то есть самим университетом Джорджтауна) могут применяться к этому руководству так же, как и федеральные законы или законы штата, касающиеся передачи «непристойных» сообщений.

Таким образом, вопрос, который я здесь задаю («Чьи правила будут управлять поведением в киберпространстве?»), может быть перефразирован: как происходит соперничество между этими органами управления? Что это за «правила выбора органа управления»¹⁴³, которые определяют, правила какого органа управления имеют первенство в

141 Я не заявляю, что первым рассмотрел эти мета-вопросы законотворчества в киберпространстве. См., например: I. Trotter Hardy, *The Proper Legal Regime for Cyberspace*, 55 U. Pitt. L. Rev. 993 (1994); David R. Johnson & Kevin A. Marks, *Mapping Electronic Data Communications onto Existing Legal Metaphors: Should We Let Our Conscience (and Our Contracts) Be Our Guide?*, 38 Vill. L. Rev. 487 (1993).

142 Ellickson, см. примеч. 1, p. 127, выдержка из Frank I. Michelman, *States' Rights and States' Roles: Permutations of «Sovereignty»* в *National League of Cities v. Usery*, 86 Yale L.J. 1165, 1167 (1977).

143 По словам Элликсона, «в обществе, наполненном правительствами, частными организациями, социальными силами, договорными соглашениями и индивидами, потенциально способными к самоконтролю,

конфликтной ситуации? Возьмем конкретный пример: как Акт о благопристойности в коммуникациях, недавно представленный сенату Соединенных Штатов¹⁴⁴, отразится на частоте, с которой в определенной сети появляется «неблагопристойная» или «неприличная» информация, если предписания этого Акта конфликтуют с остальными органами управления поведением в рамках этого сообщества? Еще более конкретно: что это за особенные характеристики электронных сетей, которые могут оказывать влияние на то, как работают эти правила выбора органа управления?

Природа сетей

Сети (электронные или иные) — это частные виды «организаций», которые едва ли способны провозглашать действующие правила управления. Сама их сущность определяется такими правилами, в данном случае — сетевыми протоколами. Соответственно человек или сущность, диктующий(ая) содержание этих протоколов, является, по крайней мере, в первую очередь, главным создателем правил, касающихся поведения в Сети.

То, что мы называем киберпространством, может быть охарактеризовано как множество отдельных, но соединенных между собой сетей электронных коммуникаций, например индивидуальные электронные доски объявлений, Prodigy, локальная сеть университета Джорджтауна, дискуссионный лист Cybertia или сеть машин, которые могут соединяться через Всемирную паутину. Коммуникационные сети любого вида (группа индивидуумов, собирающихся в комнате; сеть, включающая людей, читающих это эссе: или сеть компьютеров, соединяющихся через America Online) определяются набором правил — сетевых протоколов, указывающих (1) среду, через которую могут проходить сообщения; (2) характеристики сообщений, которым разрешается попадать в сеть; и (3) способ, которым сообщения направляются через среду к членам сети.

Например, группа ребяташек, играющих в «телефон», составляет сеть так же, как и участники университетской конференции. И в том, и в другом случае сетевые протоколы требуют различных звуков, передающихся через атмосферу (хотя и тихих в случае с «телефоном»). В каждой сети есть свои правила порождения и направления сообщений; в «телефоне» сообщения порождает ребенок на одной стороне комнаты, и они направляются от одного ребенка к другому, находящемуся по соседству. На конференции правила могут требовать, чтобы все сообщения исходили от выступающего («Никаких вопросов, пока я не закончил»), от которого они одновременно направляются ко всем участникам («На заднем ряду меня слышно?»).

Локальная сеть университета Джорджтауна, находясь в которой я сочиняю это эссе, также требует, чтобы сообщения передавались через особые кабели, проложенные в нашем здании, и чтобы эти сообщения подчинялись определенным форматным и кодовым соглашениям, встроенным в действующее системное программное обеспечение локальной сети, что позволяет корректно управлять ими с помощью центрального сервера.

Тогда сети в известном смысле едва ли управляются действующими правилами поведения; в отдельности от них они просто не существуют. Если смотреть с этой точки зрения, сетевые протоколы имеют что-то вроде соревновательного преимущества над другими органами управления в том, что касается поведения, имеющего место в сетях, за счет

должны быть правила, которые для каждой области человеческой деятельности определяют распределение контролируемого обществом труда между различными органами управления. Эту функцию выполняют правила выбора органа управления»: Ellickson, см. примеч. 1, p. 135.

144 The Communications Decency Act 1995, S. 314, был представлен 1 февраля 1995 года сенатором Эксоном и касается уголовной и гражданской ответственности каждого, кто «передает или иными способами делает доступной» посредством «телефонных или телекоммуникационных устройств» любую «порнографическую, непристойную, развратную, вульгарную или неподобающую» ссылку. Это породило множество дебатов; относящиеся к этому материалы можно найти на сайте Electronic Frontier Foundation

превосходства своей способности управлять входом в сеть, исключая поведение, которое несовместимо с входными правилами для сообщений. И так, человек или сущность, диктующийся) содержание этих протоколов, является, по крайней мере, в первую очередь, главным создателем правил, касающихся поведения в сети

Нужно признать, что в отношении большинства обычных сетей это всего лишь трюк с определениями и вряд ли этим можно пролить свет на вопросы поведения, представляющие реальный интерес (поскольку граница между нахождением «внутри» и «вне» сети объективно не имеет большого значения в вопросах, которые, вероятно, возникнут) и касающиеся частоты, с которой проявляется данное поведение. Предположим, например, что во время нашей игры в «телефон» один из детей встает и неуместно громким голосом заявляет: «Это дурацкая игра. А сообщение такое: "Вчера в классе Джонни и Сьюзи держались за руки"».

Если нам интересно, как эти дети себя ведут в сети игры в «телефон», мы можем проигнорировать это замечание. Поскольку оно нарушает сетевые протоколы, мы можем попросту посчитать, что оно имело место «вне сети». Но маловероятно, что это поможет нам хоть как-то понять детское поведение. Другие дети слышали сообщение и отметили вышеописанное поведение, хотя оно и имело место «вне сети». В некотором роде эта конкретная сеть в значительной степени является искусственным конструктом, существующим почти исключительно в уме наблюдателя, и тот факт, что в некотором техническом смысле протоколы исключают определенное поведение, будет иметь не много значимых последствий.

Ввод сообщений в электронные цифровые сети и направление сообщений через них контролируется, однако более эффективными, чем в нашем примере с телефонной игрой, протоколами: технические спецификации каждой сети (обычно реализованные в программных или коммутирующих механизмах) создают правила, которые проводят четкую границу между совместимыми и несовместимыми сообщениями. От этой границы не так легко отделаться, как в случае с искусственным конструктом, поскольку правила весьма действенно внедряются сами. Проще говоря, вы не можете быть «почти» в локальной сети университета Джорджтауна или в America Online: вы либо передаете сообщения, совместимые с локальной сетью или AOL, либо нет.

Последствием этого является то, что способность механизма контроля применять свои правила к управлению сетью существенно более значима для электронных сетей, чем для их неэлектронных аналогов, поскольку допустимое поведение может быть более четко отделено от недопустимого. Поэтому любая дискуссия о создании правил в киберпространстве должна начинаться с ознакомления с ролью сущностей и институтов, определяющих сетевые протоколы, поскольку этот уровень организационного органа управления обладает тем, что может быть определено, как «соревновательные преимущества» над другими органами управления в сетевых сообществах.

Тогда являются ли эти технические спецификации сетей частью «закона киберпространства»? Я полагаю, что являются — или, по крайней мере, было бы выгодно так их рассматривать. С другой стороны, оказывается, что они управляют довольно узким спектром того, что мы могли бы назвать «поведением». Оказывается, что и HTML-совместимый Интернет-браузер, и контроль четности передачи сообщений, и пакеты фиксированной или переменной длины, и SMTP-протокол отправки почты имеют мало общего с вопросами поведения и нарушением авторских прав, передачи непристойных сообщений, мошенничества и им подобными, в которых мы по-настоящему заинтересованы, когда ведем речь о «законе киберпространства». Поскольку технические спецификации сетей в основном оперируют теми характеристиками сообщений, которые не относятся к их содержанию, они могут оказаться не слишком важными для нашего понимания регулирования поведения, которое может быть определено только касательно этого содержания.

Но мы не должны так быстро их отбрасывать, словно они суть что-то совершенно незначимое для нашего исследования, поскольку эти технические спецификации могут иметь отношение к содержанию более глубокое, чем можно подумать на первый взгляд. Легко не заметить тот факт, что в цифровых сетях поток сообщений целиком состоит из последовательности двоичных цифр. В такой среде черта между смыслом, содержащимся в передачах сообщений, и чисто техническими формами этих сообщений действительно размыта.

Конечно, с трудом можно вообразить правило, касающееся, скажем, мошеннических сделок, которое могло бы быть реализовано в этих технических спецификациях. Однако можно себе представить цифровую реализацию правил, касающихся других видов деятельности (например, передачи анонимных сообщений или зашифрованных файлов), которые легче представить в цифровой форме и потому легче внедрить на уровне технических спецификаций сетей. Пределы оцифровки правил поведения представляют собой исключительно плодородное поле для исследований при попытке определить роль, которую могут сыграть эти спецификации при установлении правил управления в этих сетях¹⁴⁵.

Необходимо отметить и то, что сетевые спецификации, реализованные в цифровой форме, — это не единственные средства, с помощью которых орган управления сети может применять свои правила, касающиеся дозволенного и недозволенного поведения в сети. Любая централизованная сетевая архитектура, содержащая единственную локацию, через которую должны пройти все сообщения — идет ли речь о клиент-серверной локальной сети или же о модерерируемой конференции Интернета, — предусматривает изучение всех посланий на совместимость с определенными правилами поведения. То есть независимо от того, может ли в программном обеспечении локальной сети университета Джорджтауна содержаться правило, исключающее «непристойные» сообщения или нет, администратор сети может, хотя, вероятно, и за высокую плату, просматривать все сообщения на предмет совместимости с правилом, запрещающим подобные послания¹⁴⁶. Подобным же образом модератор дискуссионной группы может объявить и внедрить правило, предусматривающее, что любые сообщения, не удовлетворяющие определенному критерию важности для внимания группы, вкуса или пристойности, будут удалены.

Таким образом, я выдвигаю тезис о том, что этот орган управления — сами индивидуальные сетевые «организации» — обладает, по меньшей мере, некоторыми неотъемлемыми преимуществами в соревновании за первенство в порождении правил в

145 Возьмем другой пример, модель следующего поколения протокола передачи гипертекста (HTTP) — набор спецификаций, позволяющих передачу документов WWW, — разрабатываемая в настоящее время Internet Engineering Task Force. Одной из задач проектирования, находящейся на рассмотрении для внедрения в новой версии HTTP, является оптимизирование кэширования веб-страниц. Кэширование включает скачивание и копирование веб-страниц с хостов на промежуточные серверы (к примеру, серверы локальных сетей или другие отдельные сетевые хосты), которое будет позволено тем пользователям, которые имеют прямое подключение к таким промежуточным хостам, получать доступ к подобным страницам без необходимости ждать, пока файлы будут переданы через Интернет. Конечно, кэширование поднимает сложные вопросы, касающиеся закона Соединенных Штатов об авторских правах. Если при хранении веб-страницы в кэше имеет место создание «копии» — как это было при рассмотрении таких случаев, как «MAI Systems Corp. v. Peak Computer», 991 F.2d 511 (9th Cir. 1993) и «Advanced Computer Services v. MA Systems Corp.», 845 F. Supp. 356 (E.D. Va. 1994), хранение этой временной фиксации в памяти компьютера представляет копирование, попадающее под закон об авторском праве, — тогда каждый образец кэширования, при отсутствии доказательств в пользу противного, нарушает закон. Моя цель здесь не вести дебаты о том, каким образом должен толковаться закон об авторском праве, но отметить, что каждый заинтересованный в этом вопросе должен изучить новые стандарты HTTP, так как любой взгляд, не принимающий во внимание законы об авторском праве в Интернете, касающиеся допустимого копирования, будет считаться крайне неадекватным.

146 Стоит напомнить о том, что фирма Prodigy проверяет все сообщения электронной почты на предмет включения любого из «семи грязных слов», то есть деятельности, возможной благодаря централизованной архитектуре сети Prodigy.

киберпространстве и что поэтому данный орган управления потенциально является ключевой точкой для порождения действующих правил, которое будет иметь там место. «Потенциально» — важное понятие. Высказывание о том, что киберпространство может состоять из большого количества отдельных сетей, каждая из которых обладает своими правилами (например, об уместности «непристойного» текста и определении непристойности), не сообщает нам, будет ли закон киберпространства в совокупности состоять из множества подобных правил или же сведется к одному или небольшому количеству таких правил. Для того чтобы проанализировать этот вопрос, нам необходимо исследовать еще одно свойство соревнования между органами управления.

Состязание среди органов управления асимметрично, по крайней мере, до тех пор, пока государство сохраняет монополию на применение насильственных санкций в отношении органов управления, находящихся ниже на иерархической лестнице. Однако возможности государства для внедрения действующих законов с помощью санкций значительно ограничены самим существованием глобального Интернета, что обеспечивает достойную стратегию ухода для сетей и других органов управления низкого порядка.

В классификации органов управления есть что-то асимметричное, по крайней мере, до тех пор, пока государство сохраняет монополию на использование насильственных санкций в случаях столкновения с нарушениями тех правил, которые провозглашает. Таким образом, мы можем вести речь о способности этого органа управления налагать свои законы на индивидов, договаривающиеся стороны или организации, находящиеся ниже в иерархии органов управления, но не наоборот. Никакие отдельные деятели, договаривающиеся стороны или организации не могут также применять свои правила к государству, когда эти правила вступают в конфликт с законами государства. Вообще говоря, эффективность государственных санкций — это функция, обратная легкости, с которой органы управления более низкого порядка могут «выйти» из режима, определенного этими законами, избегая обнаружения поведения, нарушающего правила, или избегая санкций, применяемых государством за такие нарушения, или иным образом уходя из-под законодательной юрисдикции государства как органа управления.

Понятие «выхода» можно обобщить, чтобы применить ко всей иерархии органов управления, то есть, может быть, полезно думать, что каждый орган управления обладает способностью применять свои правила к органам управления более низкого уровня, а каждому из них необходимо полагаться на ту или иную форму выхода для того, чтобы противостоять этому применению. Таким образом, организация, которая наняла меня — университет Джорджтауна, — может применить к моему поведению свои правила, касающиеся должного управления факультетом; я же, со своей стороны, возможно, постараюсь избежать обнаружения, если мое поведение вступит в противоречие с правилами, или избежать санкций, которые налагает университет, если такое поведение будет обнаружено, или, наконец, буду пытаться занять подобную должность где-то еще и таким образом полностью выйду из-под юрисдикции университета Джорджтауна.

Если вернуться к нашему вопросу о многообразии и единообразии наборов сетевых правил, то применение правительственных законов к наборам правил отдельных сетей — это один из путей, ведущих к появлению основы единообразия правил в киберпространстве. Государство испытывает очевидные осложнения, пытаясь отследить поведение пользователей отдельных сетей, многочисленных и рассеянных среди множества подобных сетей. Но поскольку каждая такая сеть работает для своих пользователей в киберпространстве в качестве сторожа, мы можем ожидать того, что правительство попытается положиться на свою способность применять насильственные санкции к сетевым администраторам (и тем самым к правилам сетей) для осуществления собственного набора правил в отношении поведения в этой среде.

Масштабы происходящего и реальные области, в которых эта стратегия вероятнее всего будет использована и в которых она вероятнее всего будет эффективной, — важные и сложные вопросы, полное разъяснение их находится далеко за пределами этой статьи. И

снова я приведу одно замечание, которое может пролить немного света: существование глобальной объединенной сети выступает в роли существенного ограничения возможности любого высшего органа власти применить эту стратегию.

Интернет, как и любая сеть,— это не физический объект с материальным воплощением; сам по себе он является набором сетевых протоколов, которые были приняты большим количеством отдельных сетей, позволяющим передачу информации между ними. Очевидно, что не может быть принципа более важного для понимания процесса создания правил в киберпространстве, чем различие между Интернетом в целом и отдельными сетями, которые являются составляющими его элементами. Действительно, существует взаимодействие между множеством значительно централизованных отдельных сетей и децентрализованной глобальной сетью, благодаря которому они могут соединяться, которое и окажется наиважнейшим в определении эффективности, с какой государственный закон может быть применен к сообществу отдельных сетей.

Способность государства применять санкции к нарушителям закона существенно ограничена необходимостью физического контакта и физического управления. Но это ограничение ни в коем случае не является абсолютным. Конечно, существуют механизмы, посредством которых отдельные органы власти могут переносить свои правила на людей и организации, физически не присутствующих в области, над которой орган власти имеет контроль.

Подобные механизмы, однако, влекут за собой дополнительные затраты по правоприменению — и прямые затраты по экстерриториальному осуществлению полномочий органа власти и затраты по координированию и согласованию правовых режимов конкурирующих органов власти. Таким образом, закон Соединенных Штатов обычно неприменим к сетевому оператору, скажем, в Сингапуре, так же как к нему неприменимы и санкции Соединенных Штатов. Попытки Соединенных Штатов обойти эти ограничения требуют или каких-то средств получения контроля над сетевым оператором или его имуществом, или какой-то степени сотрудничества с государственной властью в Сингапуре или другими органами власти, под юрисдикцией которых оператор хранит физическое имущество, к которому может быть применено постановление суда.

Конечно, кажется очевидным, что Интернет подпадает под множество юрисдикции, так как сообщения могут путешествовать от сети в Вашингтоне к сети в Сингапуре, Казахстане или в любое место на земном шаре, где компьютеры имеют доступ к коммуникационной среде Интернета. Но это вовсе не так; он почти не подвластен никакой юрисдикции: физическое местоположение и физические границы настолько же неуместны в сетевой среде, насколько, я уверен, нигде больше.

К примеру, передвигаясь по Всемирной паутине, следуя по гипертекстовым ссылкам от одного Интернет-сайта к другому, пользователю почти безразлично (на самом деле, он может не иметь об этом никакого представления), находится ли файл, который он просматривает, на компьютере на этой же улице или на другой стороне земного шара. Точно так же, осуществляется ли управление почтовым сервером Cyberia компьютером в Вильямсбурге (штат Вирджиния) или Вильямс-Корнер (Новый Южный Уэльс), это почти не сказывается на функциональных возможностях этой конкретной сети или удобстве, с которым любой человек с доступом в Интернет может принимать участие в деятельности, имеющей место в этой сети.

Эта независимость от географических ограничений вытекает как из электронной сущности передачи сообщений (которая в значительной степени разрушает связь между физическим расстоянием, разделяющим соединяющиеся машины, и временем движения сообщения), так и, что более важно, из децентрализованной модели Интернета.

Так как Интернет, в отличие от большинства составляющих его сетей, был спроектирован без механизма централизованного управления или любой отдельно взятой локации, через которую должен проходить весь трафик объединенной сети, то все узлы сети

действительно равносильны, каждый в равной степени способен к выполнению ключевых функций маршрутизации сообщений объединенной сети.

Как следствие, Интернет сам по себе является «стратегией выхода» для создателей правил отдельных сетей по двум причинам. Во-первых, Интернет позволяет выходить, избегая обнаружения. Децентрализация подразумевает, что затраты на мониторинг поведения существенно выше и нарушающее правила поведение значительно тяжелее обнаружить, чем в случае централизованной модели объединенной сети.

Вторая причина имеет отношение к уходу посредством выхода из-под юрисдикции — такой передислокации нарушающего правила поведения, что оно оказывается вне юрисдикции любого физического органа власти. Если набор правил отдельной сети не совместим с законом государства X, сам набор правил сети может быть относительно свободно перемещен куда-то в другое место объединенной сети, вне зоны юридических границ государства. То есть университет Джорджтауна действительно может решиться на приведение в исполнение конкретного правила, запрещающего передачу определенных видов порнографических картинок через локальную сеть Джорджтауна, и это действительно может произойти, поскольку округ Колумбия или правительство Соединенных Штатов к этому принудили (решили применять санкции к сетям, которые не выполняют такие правила и попадают под их юрисдикцию). И Джорджтаун действительно может быть способен придать законную силу этому запрету в отношении своей сети, преодолевая любые трудности, с которыми он может столкнуться, пытаясь обнаружить нарушения этого правила.

Однако сам по себе эффект от применения правил Джорджтауна в отношении поведения (присутствие порнографических картинок и частоты, с которой подобные картинки передаются по общей объединенной сети) может быть значительно ослаблен или даже несуществен. По мере того как те, кто ведет подобную деятельность в локальной сети Джорджтауна, могут посредством своего доступа в Интернет одинаково свободно получить доступ к какой-то другой сети, чьи правила не являются объектом контроля округа Колумбии или Соединенных Штатов, эти наборы правил и сами изображения могут мигрировать под менее жесткую юрисдикцию.

Заключение

Модель, обрисованная выше, предполагает, что, хотя каждая отдельная сеть может быть ограничена «сверху» в отношении наборов правил, которые она может или не может принимать, совокупная область действия подобных наборов правил в киберпространстве будет гораздо менее чувствительна к такому контролю. Своего рода соревнование между отдельными сетями по проектированию и применению наборов правил, которые совместимы с предпочтениями отдельных пользователей объединенной сети, материализуется, таким образом, в виде нового и в основном нерегулируемого, почти неподдающегося регулированию рынка правил. Поэтому результат отдельных решений в пределах этого рынка — совокупный выбор отдельных пользователей, ищущих конкретные наборы правил, наиболее соответствующие их предпочтениям, — будет в значительной мере определять форму «закона киберпространства».

Какие правила породит этот процесс? У нас нет почти никакого опыта работы с нерегулируемыми рынками правил социального контроля, и поэтому у нас есть небольшая основа для предсказания критерия, которым, вероятно, будут пользоваться люди при выборе между этими альтернативными наборами правил и для прогнозирования результата этого соревнования. Однако ясными кажутся два вопроса. Во-первых, перспектива свободного индивидуального выбора между конкурирующими наборами правил, несомненно, привлекательная перспектива, поскольку в результате появляются правила, которые люди выбрали добровольно, так как принимают их охотнее, чем правила, которые были наложены на них другими.

Во-вторых, правила, управляющие поведением в отдельных сетях, могут производить негативное впечатление на участников других сетей почти так же, как законы отдельного географического сообщества (в отношении, скажем, загрязнения водной среды) могут налагать выплаты на соседние сообщества. Все сообщества могут извлекать выгоду из соглашения, устанавливающего правило, запрещающее загрязнение, но при отсутствии средств для обеспечения выполнения этого соглашения в интересах каждого отдельного государства может быть «жюльничество». Это хорошо известная «дилемма пленника», и если считать точным мое описание создания правил в киберпространстве, то возможно, нет более важной задачи для тех, кто заинтересован в развитии киберпространства, чем разработка способов, которыми эта проблема координирования может быть решена с минимальным вмешательством в индивидуальную свободу лиц выбирать правила, под управлением которых они хотят работать.

Примечания

Я хочу поблагодарить большинство участников дискуссионных групп на Lexis Counsel Connect, а также на сервере рассылок Cyberia за их бесчисленные интересные и дельные комментарии, что помогли мне сформулировать некоторые из идей, изложенных в этом эссе. Версия этой статьи была прочитана на семинаре исследовательского факультета университета Джорджтауна, и я хочу поблагодарить участников этого форума Эвери Катца, Марка Ротенберга, Стива Салопа и в особенности Уоррена Шварца, а также Юджина Волока за полезные комментарии к наброскам статьи. Разумеется, вся ответственность за изложенные здесь идеи и все остающиеся ошибки лежит на мне.

Тринадцатое предложение и Интернет: как финансы властей штатов и местных властей становятся жертвой наезда на информационной магистрали

Натан Ньюман ¹⁴⁷

Девяностые годы были порой дебатов о передаче большего количества функций федерального правительства штатам, городам и округам. В то время как большая часть битв между демократами и республиканскими силами, ведомыми Ньютом Гингричем, велась за средства, выделяемые на подобные функции, практически незатронутым остался вопрос о том, обладают ли власти штатов и местные власти основой для доходов, необходимых для того, чтобы справиться с порученными им обязанностями.

Представляется ясным, что, хотя после годов балансирования на краю банкротства таких городов, как Нью-Йорк и Лос-Анджелес, многие местные власти достигли кое-какой временной стабильности во время бума середины девяностых; новые технологии Интернета и глобальные экономические перемены, их сопровождающие, похоже, справятся с нанесением последнего, сокрушительного удара по финансовой безопасности местных властей. Когда-то они могли рассчитывать на экономическое развитие на местах, обеспечивающее рабочие места для того, чтобы местные служащие могли тратить деньги в местных магазинах, порождая налоговые поступления, обеспечивающие дальнейшее развитие. Этот действенный цикл был фатально подорван новыми технологиями киберпространства. Хотя множество штатов и районов и надеются на увеличение доходов, связанное с ростом, основанным на высоких технологиях, местным властям становится все сложнее запихивать этот рост в местные налоговые поступления. Есть своя ирония (а точнее,

¹⁴⁷ Эта глава является исправленной версией 6-й главы диссертации автора, защищенной в университете Калифорнии, Беркли. Публикуется с разрешения автора. © Nathan Newman, 2001. [Перевод И. Мякишева.]

стратегия) в том, что Ньют Гингрич, лидер консервативного движения за передачу обязанностей правительства местным властям, был в конгрессе главным пропагандистом тоффлерианских идей экономики «третьей волны» — идей высокотехнологичной экономики, при которой у местных властей отбирают налоги все более глобализирующейся коммерции.

В этой главе будут описаны не только фискальные затруднения с местными налогами на продажу, вызванные сетевыми технологиями, но и то, как эти затруднения вытекают из Тринадцатого предложения¹⁴⁸ и прочих мер по ограничению налогов на недвижимость, послуживших ответом на более раннюю волну увеличения глобальных спекуляций на местных рынках жилья. Тяготы подстройки под глобальную экономику нарушили способность местных властей способствовать долгосрочному экономическому развитию, и, поскольку богатые области отказываются от финансовых вложений в общерегиональное экономическое развитие и от участия в нем, между регионами выросло экономическое неравенство. Можно провести параллель между этим «уклонением» богатых областей от общих капиталовложений и отказом состоятельных людей от участия в местных банковской, энергетической и телефонной системах, которое когда-то способствовало некоторому выравниванию регионов.

Карточный домик

Корень фискального кризиса, с которым сталкиваются местные власти, — это расширение розничной торговли между штатами (от компьютеров до рождественских свитеров), торговли, которая остается не облагаемой налогами в соответствии с постановлением Верховного суда Соединенных Штатов от 1967 г., препятствующим налогообложению взаимной торговли правительствами штатов. Это повод для торжества потребителей (и ключевое преимущество торговли по почте и через Интернет), но потенциальная катастрофа для властей штатов и местных властей, зависящих от доходности налога на продажи.

Как подсчитано Консультативным комитетом по межправительственным отношениям США (организация, состоящая из представителей властей штатов, целью которой является усиление влияния федеральной политики на правительства штатов), из-за того, что розничные продажи мигрировали в сторону заказов по почте, к 1994 году штаты уже теряли по меньшей мере до 3,3 миллиарда долларов доходов каждый год. И этот подсчет основан на доинтернетовской технологии. С ростом Интернета и онлайн-торговли доступность национального и мирового рынков для потребителя увеличивается экспоненциально. Все чаще и чаще по нажатию кнопки потребители получают доступ к самым дешевым товарам страны. Имея преимущество необложения налогом с продаж, торговля между штатами грозит завоевать Интернет, оставив властям штатов и местным властям рожки да ножки.

Как ни странно, Калифорния, самое сердце Интернет-технологий, ощущает, вероятно, самые тяжелые последствия этих перемен. Из-за введенных Тринадцатым предложением ограничений на доход от налогов с недвижимости, пополнение бюджетов местных властей и властей штата в Калифорнии очень сильно зависит от налогов с продаж, так что любое увеличение необлагаемой торговли между штатами идет в ущерб местным розничным продажам. Уолли Дин, бывший в 1995 году мэром Купертино (место рождения Apple Computer), подытожил то потрясение, которое скоро постигнет его политических коллег, когда в следующие несколько лет продажи через Интернет вырастут настолько, что подорвут традиционные налоговые показатели и показатели экономического развития:

Что нас пугает, так это то, что города живут на местные налоги с продаж, а если продажи ведутся по Интернету, налога с продаж нет. Для финансов местных властей — это карточный домик. Для властей штата и местных властей это может быть ахиллесовой пятой.

148 Предложение 13», или так называемая «инициатива Джарвиса—Ганна», — поправка к конституции Калифорнии 1978 года, которая снизила и ограничила размер налога на недвижимость.

И это скрытая проблема. Среднестатистический розничный торговец представления не имеет, что такое компьютер... такого слова в его словаре нет. Меняется старая цепочка производителей, продающих оптовому торговцу, в свою очередь продающего розничному. Может, дойдет и до того, что производитель будет выходить в Интернет и выбрасывать товар непосредственно на рынок — в обход налога с продаж. Когда-то мы строили управление городом на местных производителях и продажах: мы не думали глобально. Это еще куче народу заморочит головы.

Насколько реальна для местных налогов опасность Интернета?

Имеет место и мощный скачок оптовых продаж через Интернет (большая их часть нормально облагается налогом по причинам, раскрытым ниже). Ведущими в этом отношении являются компьютерные компании вроде Cisco с более чем 1 миллиардом долларов онлайн-продаж в 1996 году, а компании типа General Electric сделали 1 миллиард долларов лишь на договорах, заключенных онлайн. Розничные онлайн-продажи не доходят до таких сумм. 200 миллионов долларов от прямых Интернет-продаж в 1994 году экспоненциально увеличиваются каждый год, достигнув к 1997 году 2,6 миллиарда долларов совокупных розничных продаж. В тот же период заметно увеличилось количество деловых веб-сайтов. Компании, входящие в первые пять сотен журнала Fortune и имеющие веб-сайт, выросли с 34% в 1995 году до 80% к концу 1996 года. По розничным Интернет-продажам лидирует околокомпьютерная продукция. К 1998 году в Паутине первое место по продажам компьютеров у Dell Computers, пионера в области заказов по почте — 3 миллиона долларов в день. Некомпьютерные компании, выступившие первопроходцами в освоении Паутины, — рестораны вроде Virginia Diner, который ведет 75% своих дел по почте и использует веб-страницу для глобального расширения охвата, компании поторговле компакт-дисками и магазины, осваивающие прямые продажи автомобилей через Сеть. Одной из замечательных историй успеха розничных продаж в Сети является, без сомнения, история книжного магазина. Стартовав в 1995 году, Amazon.com, исключительно онлайн-магазин, базирующийся в Сиэтле, к первому кварталу 1997 года делал 16 миллионов долларов продаж, удваивающихся каждый квартал (к лету 1997 года — 54 миллиона долларов). Хотя книги — это быстро устаревающий товар, наличие у Amazon.com каталога из 2,5 миллиона печатных книг (которые он, в свою очередь, заказывает у издателей и со складов по запросу розничных покупателей) дает значительное преимущество перед местными книжными магазинами, — это преимущество онлайн-магазинов, которые виртуально способны собирать все, что только может пожелать покупатель. В сочетании с поисковыми механизмами, онлайн-обзорами и скидками Amazon.com стал символом будущего онлайн-коммерции и угрозы местным розничным торговцам.

Даже если продажи не происходят напрямую через Сеть, расширенное онлайн-присутствие облегчает многим компаниям увеличение области охвата и укрепляет доверие к традиционному заказу по почте, даже если в конечном итоге продажи ведутся по телефону. Марк Мазотто из CommerceNet заметил: «...очевидно, что будет появляться все больше и больше рассказов о том, как размещение информации в Интернете снижает количество телефонных звонков и количество распространенных брошюр. Есть плюсы в том, чтобы обладать возможностью предоставлять информацию 24 часа в сутки и при этом постоянно не держать на телефонах людей для обслуживания международного рынка. Среда обеспечивает много большие возможности по оказанию интерактивной поддержки: вы можете читать и искать информацию, немедленно вытягивать интересующую информацию, вместо того чтобы просматривать в ее поисках целый каталог. Интересующийся информацией человек может искать ее более эффективно».

Хотя до достижения полной безопасности Интернет-сделок оказалось дальше, чем рассчитывали многие компании, Интернет-продажи вышли на такой высокий уровень, что

перспективы в области развития абсолютно безопасных схем платежей в Интернет-торговле опережают самые технологически оптимистичные ранние прогнозы.

Грозась в ближайшее 10-летие дорасти до масштаба десятков и сотен миллиардов долларов, Интернет-коммерция увеличит потери доходов местных властей, связанные с розничной торговлей между штатами. В настоящий момент много более 200 миллиардов долларов торговли между штатами, большая часть которых не облагается налогом с продаж, порождаются торговлей по почтовым заказам, «магазинами на диване», обработчиками кредитных карт и тому подобными компаниями, не имеющими местных офисов. Подгоняемая ранним поколением телекоммуникаций и достижений в области компьютерных технологий, индустрия торговли по почтовым заказам в последние несколько десятилетий необыкновенно выросла. Общие продажи по почтовым заказам выросли с 2,4 миллиарда долларов в 1967 году до примерно 100 миллиардов долларов в 1983 году и почти до 240 миллиардов долларов в 1993 году — необычайный рост, даже принимая в расчет инфляцию.

В то же самое время налоги с продаж оказались важным источником дохода для властей штатов и зачастую даже более важным — для местных властей. С начала восьмидесятых годов федеральное правительство стало урезать финансирование штатов, принуждая власти штатов и местные власти к тому, чтобы за все большее количество служб платить из местных бюджетов. Часто налоги с продаж становились главным доходом. Власти штатов фактически заменяли местными налогами с продаж федеральные налоги на прибыль, урезанные в первые годы правления Рейгана. Сейчас целых сорок четыре штата (и округ Колумбия) облагают налогами розничные продажи — статья дохода, которая составляет примерно 25% ежегодного дохода штатов. При том что налоги на прибыль со все большим трудом поддаются увеличению, а законы, ограничивающие налоги, вроде Тринадцатого предложения, усложняют рост налогов на недвижимость, налоги с продаж стали наиболее привлекательным способом поднять местные доходы. В 1997 году с налогов на продажу штаты получили 132,2 миллиарда долларов, третью часть их общего дохода, в то время как в 1950 году налоги с продаж составляли лишь 20% дохода.

Эти две тенденции: все большее количество продаж за пределами штата и увеличивающаяся зависимость местных властей от налогов с продаж — должны столкнуться. Даже если проигнорировать мелкие почтовые фирмы за пределами штатов, Консультативным комитетом по межправительственным отношениям США подсчитано, что каждый год штатами теряется 3,3 миллиарда налогов с продаж. В 1994 году девять штатов потеряли более чем по 100 миллионов долларов дохода, а возглавляет список Калифорния с потерей 483 миллионов долларов. Эти суммы составляют 2,4% общих сборов налогов на продажу. Из-за того что продажи по почтовым заказам растут под влиянием Интернета и других технологий, их воздействие, вероятно, станет еще более жестким. В отчете, выпущенном в 1997 году Национальной ассоциацией губернаторов, все возрастающая потеря дохода от налогов с продаж из-за новых технологий отмечена, наряду с урезанием государственной программы бесплатной или льготной медицинской помощи, как одна из сильнейших угроз финансам штатов.

Поскольку многие местные власти терпели урезания своих бюджетов с 1980-х до начала 1990-х годов, эффект может быть еще более разрушительным. Хотя многие города в Силиконовой долине испытывали прилив средств во время экономического бума, обусловленного Интернетом, эта новая стабильность вряд ли компенсирует потери последних времен. Сокращая бюджета по 293 миллиона долларов в год в начале 1990-х, в 1997 году округ Санта-Клара выявил 8-миллионный остаток — несмотря на экономический бум, — едва ли сделав шаг к направлению к восстановлению ранее обрезанных средств. Как это ни смешно, округ Санта-Клара, включающий в себя большую часть Силиконовой долины, является одним из округов Калифорнии, наиболее уязвимых для потери дохода от налогов с продаж.

Если сравнивать с другими округами, то округ Санта-Клара обходит округ Лос-Анджелес, Сан-Диего и Орандж по доле дохода, поступающего от налогов с продаж, и по общему доходу от налогов с продаж, хотя и уступает этим округам по населению. Города даже более уязвимы, чем округа,— множество мелких городов получает почти весь налоговый доход от налогов с продаж. Неудивительно, что мэр Купертино был одним из первых, кого взволновала эта угроза для городских финансов: Купертино является одним из самых зависимых от налогов с продаж городов Калифорнии, поскольку этот налог составляет 81 % всех налоговых сборов города. Даже если учесть неналоговые доходы, такие как субсидия штата, штрафы и плата за коммунальные услуги, Купертино все же зависит от налогов с продаж, составляющих 45% от общих доходов города. Однако если обобщить, представляется ясным, что миллиарды дохода крупных городов типа Лос-Анджелеса, Сан-Франциско, Сан-Диего и Сан-Хосе также находятся под угрозой, создаваемой новыми технологиями¹⁴⁹.

Почему штаты не могут собирать налоги с продаж по почтовым заказам: решение по Quill

Очевидным ответом в связи с потерей налоговых доходов с продаж по почтовым заказам и с Интернет-продаж стало бы разрешение штатам напрямую облагать налогом эти продажи. Однако в 1967 году в деле «National Bellas Hess против Налогового управления» Верховный суд Соединенных Штатов принял решение, запрещающее штатам налогообложение компаний, находящихся за пределами штата, но осуществляющих продажи жителям штата. Это решение основывалось на пункте о регулировании торговли Конституции США. Суть этого пункта Конституции — вывод регулирования торговли, включая ее налогообложение, из-под контроля местных властей в случаях, когда масштаб этой торговли выходит за пределы одного штата. В случае с заказами по почте мнение суда заключалось в том, что фирма, работающая в одном штате, не может облагаться налогом другого штата просто потому, что жители этого штата покупали продукцию компании через федеральную почтовую систему. С учетом увеличения торговли по почтовым заказам и повсеместности каталогов, прямого маркетинга и прочих изменений в технологии работы с покупателями штаты питали некую надежду на то, что Верховный суд внесет изменения в определение того, что считать «внутриштатной» торговлей. Однако в своем решении по делу 1992 года «Корпорация Quill против Северной Дакоты» Верховный суд снова подтвердил, что фирмы, занимающиеся торговлей по почтовым заказам, освобождены от уплаты этого налога. Создав исключительно строгий стандарт определения продаж внутри штата, в терминологии права называемый нексус, Верховный суд окончательно прояснил, что к Интернет-продажам нужно относиться как к сделкам, заключаемым за пределами штата и не облагаемым налогом.

В определенном смысле опасность для самих штатов новых сетевых технологий для продаж между штатами иллюстрирует случай Quill, ставший поводом для решения 1992 года. Quill базируется в штате Делавэр и имеет офисы и склады в Иллинойсе, Калифорнии и Джорджии. Quill занимается продажей канцелярских товаров, бумаги и оборудования, предлагая более 9500 различных видов продукции — от скрепок до компьютеров. Получив в 1992 году доход более 340 миллионов долларов, Quill является одной из крупнейших компаний в стране, занимающихся торговлей по почтовым заказам, уступая лишь L. L. Bean и Lands' End

149 Figures are from Municipal Analysis Services, Governments of California: 1993 Annual Financial and Employee Analysis (Austin: Municipal Analysis Services, 1993). Заметьте, Сан-Франциско уникален в том, что в его случае нет разницы между границами города и графства, в отличие от Лос-Анджелеса и Сан-Диего, где эти границы не совпадают

Quill подстегивает свой бизнес бесчисленными каталогами и объявлениями, рекламой на картонных коробках и в периодике, убеждениями по телефону. Из более чем 200 тысяч заказов, полученных Quill в 1992 году, к моменту решения суда приблизительно половина была получена по телефону. Оставшаяся половина была получена по почте, факсу, телексу, а также при непосредственной связи через компьютер. Применяя компьютерные технологии для расширения своего бизнеса, Quill предоставляла программное обеспечение, позволяющее клиентам напрямую связываться с компьютерами Quill и делать заказы. Как только появился Интернет, Quill оперативно заменила свою технологию онлайн-системой заказов через веб-сайт.

Пытаясь получить с Quill свои налоги с продаж, Северная Дакота в судах отстаивала то, что сама природа прямого маркетинга создала в штате «повсеместное присутствие». Домогательства через почту, телефон и компьютер привели к тому, что Верховный суд, запретивший в 1967 году налоги на продажи между штатами, не мог тогда предвидеть. Как утверждала Северная Дакота, для того чтобы штаты могли продолжить свое существование в качестве фискальных единиц, судам необходимо признать, что новые технологии превращают компании в такую же часть местной экономики, как если бы они расставили продавцов в торговых центрах. Однако, принимая решение по Quill, Верховный суд придерживался своего «очевидного» правила, гласящего, что для инициации взимания налогов с продаж необходимо присутствие персонала компании в пределах штата. Логика заключалась в том, что, не имея в штате персонала, компания не получает пользы от предоставляемых службами штата услуг, следовательно, и налоги платить не надо. Таким образом, Quill должна платить налоги в Делавэре, Иллинойсе, Калифорнии и Джорджии, то есть там, где у них есть служащие, и больше нигде.

Таким образом, нивелируя для своих клиентов расстояния, новые технологии прямого маркетинга не приближают компании к обложению налогами с продаж. Наоборот, бесплатные номера, компьютерные базы данных и сам Интернет позволяют компаниям, практикующим прямой маркетинг, обходиться без размещения в большинстве штатов своего персонала, инвентаря, выставочных залов. Подобные технологии действительно помогают таким компаниям избегать физического присутствия, попадающего под нексус, обязывающий их к выплате налогов с продаж. Поскольку веб-страницы в Интернете, располагающиеся на серверах в отдаленных штатах, все больше замещают каталоги, рассылаемые по домам, очевидно, что физическая связь между торговцами и штатами, пытающимися обложить их налогами, будет все больше ослабевать.

Почему сохранение налогов с продаж требует более решительного правительственного регулирования

Парадоксальность укрепления местного управления и децентрализации заключается в том, что возросшая зависимость от местных налогов и дохода при все более глобализирующемся рынке розничной торговли толкает власти к более обременительному регулированию бизнеса и более решительному управлению отдельными лицами, — к политике, которая должна способствовать сбору тех самых налогов с продаж между штатами. Из-за того что регионы постепенно ограничивают сферу правительственных полномочий, предпринимается все больше плохо продуманных попыток по сохранению их финансового благополучия.

В решении по «делу Quill» Верховный суд все же оставил лазейку. Хотя штаты не могут в одностороннем порядке облагать налогами с продаж торговлю между штатами, подобный налог может учредить сам Конгресс, а доход направить соответствующим штатам. Сенатор Дейл Бампере (демократ от Арканзаса) в 1994 году разработал Акт о налоговой справедливости, который мог бы установить такой налог для бизнеса на федеральном уровне, но предложение сенатора столкнулось с оппозицией в лице «Ассоциации прямого маркетинга» и близких ей деловых и потребительских групп — Американский совет слепых,

Американские инвалиды войны, Национальный союз пожилых граждан» и др. Перед этим похожий законопроект, представленный Палате представителей в 1989 году, так и не вышел за пределы заседания из-за полумиллиона гневных писем, адресованных членам конгресса и генерированных той же технологией рассылки, которую использует индустрия при ведении своего бизнеса по всей стране. В конце 1997 года местные власти и представители Ассоциации прямого маркетинга были близки к соглашению, по которому фирмы добровольно платили бы штатам налоги в обмен на ограничение их ревизий и право расширять свое присутствие в выбранных штатах, не попадая под налоговый некус. Однако когда информация о намечающейся сделке попала в *New York Times*, многочисленные клиенты таких торговых фирм, как L. L. Bean, породили огромное количество недовольных телефонных звонков, и компании отказались от сделки. После поступления в конгресс в 1997 году нового закона о решительном запрете получения штатами дохода от розничных Интернет-продаж, автором которого был калифорнийский республиканец Крис Кокс, стало ясно, что все надежды штатов на налогообложение продаж между штатами тают с каждым днем. Конгресс волновало продвижение глобальной торговли через Интернет, а не сохранение фискальной жизнеспособности местных бюджетов (к этому вопросу мы вернемся в конце статьи при обсуждении билля Кокса в контексте экономического развития штатов).

Помимо требований инвалидов и лежачих больных, главным доводом против принуждения к уплате местных налогов с продаж компаниями, практикующими прямой маркетинг, стало административное бремя национальной торговли, подлежащей налогообложению согласно постоянно меняющимся налоговым законам тысяч отдельных юрисдикции. Поскольку свои налоги с продаж собирают сорок шесть штатов, округ Колумбия, а также более шести тысяч округов, городов и школьных округов, сложность отслеживания налоговых ставок в каждой области и необходимость иметь дело с местными властями попросту разорили бы многие компании. Некоторые утверждают, что для облегчения тягот исчисления налоговых выплат могли бы использоваться компьютеры, которые и привели прямой маркетинг к расцвету, однако необходимость иметь дело с огромным количеством отдельных местных властей остается.

Арнольд Миллер, заведующий финансовым отделом Quill, в записке по делу компании приводил доводы против «невыразимой сложности» выплаты депозитов, подачи квартальных отчетов и прохождения ревизий под множеством юрисдикции. Когда-то Миллер работал в компании Sears Roebuck & Co., которая благодаря своим магазинам попадала под некус во всех штатах, и отметил, что в любой момент Sears подверглась, по меньшей мере, пяти ревизиям. Sears могла стерпеть это бремя, поскольку она могла позволить себе содержать 25 профессионалов, занимающихся исключительно налоговыми вопросами, роскошь, непозволительную более мелким компаниям, практикующим прямой маркетинг. Проблема с налогами вряд ли была единственной причиной, но в 1993 году Sears приостановила рассылку каталогов, передав своих клиентов и адреса фирмам, которые занимались исключительно торговлей по каталогам, например Hanover Direct of Weehawken (штат Нью-Джерси) — компании, не попадающей под некус в других штатах, следовательно, избегающей бремени налога с продаж. Когда Spiegel, крупнейшая в США компания, занимающаяся торговлей по каталогам, приобрела компании Honeybee и Eddie Bauer, она неожиданно попала под некус в тридцати четырех штатах. «Вам и вправду понадобится уйма компьютерной мощности,— заметила Дебби Купман, ответственная за связи с инвесторами компании Spiegel. — Например, некоторые штаты вроде Массачусетса и Коннектикута не облагают налогом продажи одежды по почтовым заказам, не превышающие определенной суммы, скажем, 75 долларов. Другие штаты имеют одну ставку для обуви, которая классифицируется как одежда, и другую для той, которая классифицируется как спортивное снаряжение». Точные затраты компаний по выплате налогов с продаж во всех юрисдикциях не известны, но оцениваются в дополнительные 10—20% от текущих расходов*²⁶, хотя другие исследования утверждают, что выплата тех же налогов с продаж, что платят местные розничные торговцы, будет стоить компаниям, находящимся за

пределами штата, на 50% больше. Все это без учета дополнительных затрат на предоставление отчетов различным местным властям.

Альтернативой сбора налогов с торговых компаний является налогообложение штатами самих покупателей, сбор не налога с продаж, но «налога на использование». Штаты уже могут легально этим заниматься, и они могут продвинуться на шаг, собирая налоги на использование непосредственно с конечных покупателей. Обладающие разрешением на перепродажу компании в любом штате уже обязаны при регулярных налоговых ревизиях доказывать, что они платят налог со всего, что приобретено для собственного пользования. Что касается частных лиц, то некоторые штаты уже используют компьютеризированные записи таможни Соединенных Штатов для предъявления своим жителям счетов по сделанным за границей приобретениям, подлежащим обложению налогом на использование. Коалиция производителей программного обеспечения, один из основных голосов Силиконовой долины в дебатах по налогам с продаж, поддержала предложение о том, чтобы все штаты добавили в свои декларации о подоходном налоге специальную строку для налога с продаж на товары, заказанные из-за пределов штата. Таким образом, бремя выплаты налогов на продажи (а также возможные правительственные ревизии) будут нести покупатели, а не торговые компании.

Кое-кто предположил, что в целях сбора подобных налогов с частных лиц штаты могли бы начать сбор информации о продажах из частных источников вроде информации о платежах по личным кредитным картам и чекам. Ни один штат не осмелился это сделать, однако, если доходы от налогов с продаж продолжают падать, законодатели могут решиться выступить в этом направлении. Некоторые штаты, например Калифорния, запрещают подобные действия, так как в их конституциях прописаны твердые гарантии неприкосновенности частной жизни. Но кое-где еще мы можем наблюдать появление анализа частного потребления, эквивалентного тому, которое проводит Налоговая служба, производя ревизию личных покупок. Вторжение властей в частную жизнь людей станет парадоксальным результатом децентрализации, продвигаемой консерваторами во имя «избавления людей от пристального внимания правительства».

Налоги с продаж и их влияние на бедных

Другой серьезной проблемой усиленного использования налогов с продаж в качестве источника дохода является то, что оно непропорциональным бременем ложится на бедные и рабочие семьи. Помимо лоббирования собственных экономических интересов, Ассоциация прямого маркетинга заявляла о гнете, которым налогообложение продаж по почтовым заказам легло бы на престарелых, инвалидов и малоимущих сельских жителей. Хотя в этой «заботе» Ассоциации, в том, как она представляла перед Конгрессом своих союзников из обществ престарелых и инвалидов, есть определенный цинизм, но есть в их доводах и суровая истина: налогообложение продаж более всего отражается на бедных.

Исследование за исследованием показывают регрессивную природу налогов с продаж как источника дохода. Наиболее всестороннее исследование было предпринято организацией «Граждане за налоговую справедливость» в их отчете 1991 года «До честности, как до Луны». В этом обзоре всех налогов, собираемых местными властями, утверждается, что «избыточная опора на налоги с продаж и акцизные сборы определенно является признаком регрессивного налогообложения». Отчет демонстрирует, что в 1991 году по всей стране беднейшие 20% семей выплачивали 5,7% своего дохода в качестве налогов с продаж, в то время как 1% богатейших платил лишь 1,2% дохода: бедные платили по ставке почти в пять раз большей, чем богатых. Это резко контрастирует со значительно более прогрессивным подоходным налогом. Средний подоходный налог по стране для семьи из четырех человек равняется всего лишь 0,7% для беднейших 20% жителей и 4,6% — для богатейшего 1%¹⁵⁰.

150 Citizens for Tax Justice, *A Far Cry From Fair: CTJ's Guide to State Tax Reform* (Washington, DC: Citizens for Tax Justice and Institute for Taxation and Economic Policy, 1991).

Из-за регрессивной природы налогов с продаж штаты, которые от них зависят, например Вашингтон и Техас, имеют самые высокие в США налоговые ставки для бедных. Если учитывать налог на недвижимость (обременяющий бедных как часть их арендной платы), в Вашингтоне налоги штата и местные налоги составляют 17,4% дохода беднейших 20% населения. Сравните с соседним Орегонем, в котором есть подоходный налог и где 20% беднейших платят в налогах штата и местных налогах лишь 9,8% своего дохода. В результате становится очевидным, что зависимость от налогов с продаж ведет к тому, что тяжелейшее налоговое бремя ложится на тех, кто наименее платежеспособен.

Многие аналитики беспокоятся о том, что продажи через Интернет усугубляют это налоговое неравенство, поскольку налогоплательщики с большим доходом, обладающие компьютерами, имеют доступ к миру не облагаемых налогом товаров, заказываемых по Интернету, а тем, кто стеснен в средствах, приходится осуществлять покупки на месте и платить за это налоги с продаж. Центр финансовых и политических приоритетов утверждает, что не облагаемые налогами продажи через Интернет «создают порочный круг, ведущий к еще более регрессивным налогам с продаж. Онлайнные покупки компаний и многочисленных потребителей приводят к эрозии самой основы налогов с продаж, которая вынуждает штаты и города поднимать их ставки, тем самым побуждая к еще большему количеству онлайнных покупок, которые, в свою очередь, инициируют дальнейшее увеличение ставок. Это будет продолжаться до тех пор, пока выплачивать налоги с продаж, большие, чем когда-либо, будут лишь группы населения с наименьшим доходом, неспособные делать покупки онлайн»¹⁵¹.

Технология, субурбанизация и Тринадцатое предложение

Несмотря на то что экономические убытки и бремя регрессивных налогов, порождаемые зависимостью от налогов с продаж, являются основной заботой тех, кто планирует региональную экономику, более серьезная проблема — раздробление налоговой базы по мере того, как обнаруживается, что, вместо того чтобы сотрудничать во имя увеличения общего роста, городам приходится отчаянно соревноваться за доход от торговых точек. По мере поляризации городов из-за этого состязания усиливается неравенство регионов, а в свете регрессивной природы налогов с продаж усиливается и всеобщее неравенство.

Перед тем как подойти к тому, как это региональное соревнование за налоги с продаж подрывает экономическое развитие, важно осмыслить контекст проблемы в рамках долгой истории поляризации регионов из-за налоговой политики и развития. Наиболее сильная поляризация имела место в Калифорнии во время ее роста за последние десятилетия. В 1978 году поляризацию увенчало принятие Тринадцатого предложения, обусловленного особенностями раннего этапа вызванных появлением новых технологий экономических перемен, которые сначала исказили, а затем окончательно подорвали региональную фискальную стабильность и планирование.

В послевоенный период не налоги с продаж, а налоги на недвижимость были ключевым источником налоговых доходов местных властей. Экономическая экспансия 1950—1960-х годов не только инициировала экономический рост, увеличив количество домовладельцев, но и создала финансовую базу для продолжения местного расширения служб благодаря тому самому новому классу плательщиков налога на недвижимость. В эффективном цикле застройки друг друга поддерживали домовладельцы, строители, подрядчики и региональное развитие в целом. Однако экономические и технологические перемены конца 1960 — 1970-х

151 Michael Mazerov and Iris J. Lay, «A Federal "Moratorium" on Internet Commerce Taxes Would Erode State and Local Revenues and Shift Burdens to Lower-Income Households», отчет Центра финансовых и политических приоритетов, 11 мая 1998 г

годов подорвали этот цикл и нарушили политическое единство, которое поддерживало продолжавшийся рост.

Те же самые компьютерные и коммуникационные технологии, которые позволили новому среднему классу забирать свои деньги из местных банков и вкладывать их в мировой рынок, также создавали глобальные инвестиционные рынки, выискивающие по стране возможности вложения в местную недвижимость, защищаясь от инфляции 1970-х годов. Инвесторы в США и по всему миру играли на рынке жилья во все более спекулятивные игры, что особенно коснулось городов Калифорнии, находящихся на пике роста. Цены на жилье стали стремительно расти, подготавливая почву для Тринадцатого предложения и подобных ему решений по всей стране. В 1950—1960-е годы инфляция на рынке жилья составляла две трети от общей инфляции, в 1970-е соотношение перевернулось. В некоторых областях Калифорнии цены на жилье, в середине 1960-х увеличивавшиеся на 2—3% каждый год, в 1976 году увеличивались на 2—3% каждый месяц.

Но гнала эти цены вверх не только финансовая спекуляция, но и новая динамика политики медленного роста, а также «пригородный сепаратизм», которые истощали доступные для застройки области, увеличивая наценку на жилье там, где проводилась застройка. Постановления, замедляющие рост, появлялись в первую очередь в районах, занимаемых верхушкой среднего класса, состоящей из новых миллионеров, разбогатевших на высоких технологиях, и воспроизводились ниже по экономической лестнице. К 1975 году в большинстве городов и округах Калифорнии проводилась та или иная форма политики управления ростом, тем самым чрезвычайно поднята стоимость неконтролируемой земли. Спекуляция процветала и в предельных случаях, как, например, в округе Орандж, где чуть ли не половина всех односемейных домов была выкуплена перекупщиками.

Майк Дэвис в своей книге «Город кварца» сравнивал «кейнсианскую субурбанизацию» 1960 — начала 1970-х годов, когда местное финансирование обеспечивало местный рост, с «новым спрутом» гигантских застройщиков, вытягивающих финансовую поддержку из глобальных рынков. Поскольку цена на землю стремительно росла, множество старых железнодорожных компаний и промышленных концернов обнаружили, что их земельные владения являются самым ценным их ресурсом. Зачастую застройка земли становилась их новым экономическим приоритетом. Эти новые застройщики вступили в разгорающуюся политическую конфронтацию с новыми состоятельными жителями пригородов, разрабатывающими свои собственные стратегии сохранения доходов, не связанные с политикой общего роста региона. Целью этих жителей пригорода было замедлить застройку собственных районов, чтобы сохранить уровень жизни и избежать экономического бремени предоставления услуг новым жителям, особенно беднякам. Эта схватка застройщиков и пригородной элиты увенчается битвой за Тринадцатое предложение. Ее последствием стало то, что обе элиты разорвали почти все еще остававшиеся союзы с рабочим классом и городскими силами, которые когда-то питали политику общего роста.

Начиная с 1950-х годов имущественное и расовое разделение подпитывало строительство все большего количества муниципальных объединений, отделенных от центральных частей города. Перед этим домовладельческие соглашения и организации внедряли расовую сегрегацию, хотя большинство горожан и пребывало под одной и той же фискальной и политической юрисдикцией. Когда Верховный суд в 1940 году объявил подобные соглашения вне закона, старые ассоциации домовладельцев мобилизовались, чтобы найти новые стратегии для осуществления сегрегации, которая вскоре будет объединена с задачей фискального отделения от бедных. В прошлом возможность обособленного муниципального объединения существовала лишь для богатейших анклавов вроде Беверли-Хиллз. Однако принятый в Калифорнии в 1956 году Акт Бредли-Бёрнса в корне изменил фискальное обложение объединений. Акт позволил любым местным властям собирать 1 % налога с продаж исключительно для собственного использования, став главным орудием пригородного сепаратизма, поскольку теперь окраины при наличии торгового центра могли финансировать муниципальные органы и без выплат налога на недвижимость.

Это сочеталось с новыми соглашениями местных властей и округов по предоставлению последними основных услуг (обычно по сниженным ценам), что предоставляло новым городам возможность контролировать районирование, но не создавало финансовых трудностей с предоставлением большинства услуг. Как пишет Дэвис, «Сакраменто [столица Калифорнии] позволил пригородным властям платить за предоставляемые округами по контрактам услуги регрессивными доходами с продаж вместо прогрессивных налогов на недвижимость — это прямая субсидия пригородному сепаратизму за счет ослабления налоговой базы основных городов». Первый шаг в сторону местной зависимости от налогов с продаж был сделан.

Состоятельные домовладельцы начали переселяться из городов, чтобы избежать выплаты стандартных налогов, поддерживающих городскую инфраструктуру. Дэвис отметил отчетливый «угол наклона» графика цен на дома в каждом объединении, который можно было наблюдать при наличии четкого разделения территорий, занимаемых низами среднего класса, средним средним классом, верхушкой среднего класса и богачами, обеспечиваемого новыми юрисдикционными границами объединений и районирования. Из-за того что бедняки были вытеснены из этих новых городов, подобное фискальное районирование помогало вытягивать рабочие места из большого города в эти области с низкими налогами и минимальной стоимостью обслуживания. Разделение по доходу и цвету кожи росло. Этому фискальному делению также способствовали затраты штата и государства на дорожные магистрали и прочие традиционные городские расходы, обеспечивающие необходимую инфраструктуру без помощи союзов регионального роста и тому подобного. Благодаря созданию разделения между муниципальными объединениями, инвесторам, заинтересованным в застройке, стало проще добиваться уступок от более слабых фискальных единиц, после выезда состоятельных жителей отчаянно нуждающихся в новых источниках дохода.

Поразительно, что как только той самой состоятельной элите понадобилось серьезное регулирование для обособления от общей банковской системы и общих коммунальных систем, тут же последовало вмешательство властей, способствующее сохранению их жилищных анклавов. Федеральные власти и власти штата опекали эти анклавы, сначала предоставив им собственные налоги с продаж, отделенные от общего потока доходов, а затем и способствуя в обособлении основных служб от региональных систем. А эти состоятельные домовладельцы, пропагандисты свободных рынков в других областях экономики, продвигали то, что консервативный комментатор Джордж Уилл назвал «большевизмом солнечного пояса», используя мощную систему регулирования земельной собственности, контроль над ростом и прочее районирование в целях подрыва рынков жилья во избежание появления в своих кварталах «нежелательных лиц».

В то же время правительство своими действиями, а иногда и бездействием поддерживало интересы застройщиков, ведя пригородных сепаратистов к столкновению с экономикой роста, что после принятия Тринадцатого предложения обеспечило еще большее расщепление экономического развития. Даже когда фонды денежного рынка и другие финансовые средства всюду использовались для перетягивания личных сбережений из местных финансовых рынков в спекулятивные глобальные рынки, тем самым естественно подпитывая усиленные вложения в недвижимость, правительство, как ни странно, начало увеличивать ее субсидирование, раздувая уже разгорающийся костер спекуляции. Благодаря алфавитной мешанине учреждений — FNMA, GNMA, FHLMC, REIT — в сочетании с целым спектром налоговых послаблений, правительство способствовало новым вливаниям капитала, таким образом повышая цены на жилье на всем протяжении 1970-х годов¹⁵². Федеральный совет банков жилищного кредита США был прекрасно осведомлен о том, что цены на жилье были взвинчены настолько, что выходили за финансовые возможности средних домовладельцев, но отказался что-либо предпринять, ограничившись лишь беззубым

152 Martin Mayer, *The Builders: Houses, People, Neighborhoods, Governments, Money* (New York: Norton, 1978).

предостережением подконтрольным сберегательным и ссудным учреждениям воздержаться от выдачи ссуд спекулянтам, не намеренным проживать в покупаемых домах. Ужесточенное регулирование или налог на непредвиденную прибыль со спекуляции могли бы проделать долгий путь по остужению спекуляции, превращавшей жилье из опоры экономики регионального роста в игрушку глобального инвестирования.

Результатом столкновения между спекуляцией и контролем за медленным ростом пригородов стало то, что за четыре года, предшествовавших принятию Тринадцатого предложения в 1978 году, налоги на недвижимость, которыми облагались домовладельцы в Калифорнии, увеличились вдвое. В 1978 году обычный домовладелец платил в качестве налога на собственность в четыре раза больше, чем составляли его выплаты по закладной. Благодаря пренебрежению к плательщикам налогов на недвижимость власти штата имели бюджетные излишки в размере 3 миллиардов долларов, которые губернатор Джерри Браун не тратил на социальные программы, не возвращал, снижая налоги, а лишь использовал их в качестве доказательства собственной финансовой ответственности.

Результаты проведения Тринадцатого предложения не были предопределены; истоки налогового бунта лежали в среде низов среднего класса владельцев недвижимости, чувствовавших экономические ограничения; они готовы были вступить в союз с экономическими популистами. Но как в Калифорнии, так и в Массачусетсе (где сходное «Предложение 2 1/2» было принято вскоре после Тринадцатого предложения) начальные попытки активистов прогрессивной налоговой реформы объединиться с теми, кого зажимали новые глобальные спекулятивные силы, были разменяны на союзы с застройщиками и крупным бизнесом, ставшие в Калифорнии лебединой песней старой коалиции широкого роста. В борьбе против Тринадцатого предложения к либералам и профсоюзам присоединилась обширная экономическая элита штата от Bank of America до Калифорнийской ассоциации налогоплательщиков, главного лоббиста крупных корпораций. Калифорнийская республиканская партия даже отказалась одобрить Тринадцатое предложение. Однако альянс прогрессивной партии с все более глобализирующимися банками и застройщиками подразумевал, что никакое альтернативное решение проблемы налогового давления на небогатых домовладельцев не пройдет.

Это, в свою очередь, давало домовладельцам «верхнего» среднего класса богатых районов вроде Шерман-Оукс возможность придать налоговому бунту более консервативный характер. Кларенс Ло в своем классическом исследовании классовой динамики в борьбе за Тринадцатое предложение описывает, как домовладельцы верхнего среднего класса съезжали с живописных холмов полуострова Палос-Вердес... к нематым «тойотам», стоящим в пробках на бульваре Венчура, смешиваясь с теми, кто отоваривается в К-Март и живет в Ван-Нуйсе... Присоединяясь в массовых митингах к тем, кто был не так состоятелен, домовладельцы из Рол-линг-Хиллз-Эстейтс и Шерман-Оукс в конечном итоге взяли на себя инициативу по организации и формированию всего движения по ограничению налогов¹⁵³.

Новый налоговый бунт был тесно связан с движением против общих школьных автобусов для детей всех рас и другими расистскими политическими кампаниями. При помощи политиков правого крыла вроде Говарда Джарвиса этот союз пригородных сепаратистов добился победы с огромным преимуществом — 65 против 35%. Несмотря на расистский подтекст этого движения, победа показала остроту проблемы с налогами на недвижимость — даже среди афро-американцев за Предложение проголосовали 42%.

Однако Тринадцатое предложение оказало разрушительное действие на финансовую стабильность местных властей, особенно в бедных центральных районах городов, и привела к окончательному распаду любых союзов развития между городами и пригородами, а также, что особенно важно, между глобальными инвесторами и их старыми партнерами по альянсам регионального развития — объединениями горожан. Крупные корпорации были настроены

153 Clarence Y H. Lo, *Small Property versus Big Government: Social Origins of the Property Tax Revolt* (Berkeley: University of California Press, 1990), p. 154.

против Тринадцатого предложения, опасаясь, что за ним последует увеличение корпоративных и банковских налогов в целях компенсации недостачи. Однако когда популистской реакции не последовало, они начали пользоваться неожиданными экономическими последствиями налогового бунта. Большая часть корпоративной элиты сместила свои политические предпочтения в сторону зарождающегося общенационального налогового бунта рейганистов. Из 5,5 миллиарда долларов налогов, урезанных Тринадцатым предложением, 3,5 миллиарда долларов отошли к землевладельцам и компаниям. Эта модель корпоративного обогащения будет воспроизведена в национальном масштабе. Хотя из-за застройки и будут разгораться отдельные битвы между пригородными сепаратистами и корпоративными застройщиками, их вскоре помирят общий энтузиазм по поводу обоюдных выгод, полученных вследствие налогового бунта. (В то же время результатом совокупных налоговых изменений, включающих увеличение налогов по социальному обеспечению, стало то, что в 1977—1990 годах беднейшие 90% налогоплательщиков платили больше налогов, чем до «налогового бунта».)

Налоги с продаж и искажение экономического развития

Ленни Голдберг, бывший в 1990 году главой прогрессивной Калифорнийской ассоциации налогового реформирования, писал, что «самая выдающаяся странность Тринадцатого предложения заключается в той степени, до которой она низвела фискальные полномочия местных властей, передав их непосредственно Сакраменту,— странность, потому что в 1978 году главным источником налоговых проблем был Сакраменто, а не местные власти». Из-за беспокойства о местном самоуправлении, последствием принятия Тринадцатого предложения стало, к примеру, то, что власти штата, обеспечивавшие 25% школьного финансирования до налоговой инициативы, к 1990-м годам стали обеспечивать более двух третей этого финансирования. Местные власти потеряли почти все фискальные полномочия, которые могли бы поддержать новый рост, а границы между раздробленными муниципальными юрисдикциями сделали региональное экономическое планирование практически невозможным.

Переход от налогов на недвижимость к налогам с продаж как основного источника местного налогового дохода вызвал еще большие искажения и извращения влияния экономического развития на муниципальные сообщества. Отсутствие гибкости в финансовых формулах Тринадцатого предложения (вся недвижимость оценивается по ее стоимости в 1975 году или по последней цене при продаже с инфляционной корректировкой не более 2% в год) означало, что власти не могли пользоваться результатами роста, что отражалось в растущих ценах на недвижимость. Поскольку за строительство новых домов зачастую не платили, ожидая, когда инфляция уменьшит стоимость невыплаченных налогов, местные власти начали увеличивать авансовые взносы за строительство: Калифорния получила в виде таких взносов по 3 миллиарда долларов в год, что в среднем составляло по 10 тысяч долларов за дом. По существу, хотя старые домовладельцы, выдвигавшие Тринадцатое предложение, и получили огромную выгоду, новым покупателям домов (в том числе и городским жителям, собирающимся переселиться в пригород) приходилось выплачивать вперед крупную часть стоимости строительства. Поскольку рост не мог порождать налоговый доход, необходимый для поддержки множества социальных и коммунальных служб — от школ до парков и музеев, — возникновение которых сопутствует такому росту, Тринадцатое предложение обосновывало дальнейшее продвижение политики медленного роста. А поскольку это Предложение покрывало и коммерческую недвижимость, эта мера способствовала увеличению неэффективного использования недвижимости теми компаниями, которые выживали лишь за счет того, что им приходилось платить меньшие налоги на недвижимость, чем новым компаниям.

Из-за того что калифорнийцы платили меньше налогов на недвижимость (в реальных ценах), чем в 1977 году, и на 75% меньше, если бы Тринадцатое предложение не приняли,

для того, чтобы платить за различные службы, местным властям приходилось все больше зависеть от налогов с продаж. Это привело к отчаянному состязанию городов за расположение торговых точек, состязанию, которое не только препятствовало крепкому региональному сотрудничеству, но и подрывало доходы, поскольку городам приходилось такие точки субсидировать. Даже во время бума в Силиконовой долине города типа Сан-Хосе все же субсидировали развитие розничной торговли, избрав самый простой способ получения результатов. Газета The San Jose Mercury News приводила пример: Сан-Хосе предложил крупному магазину электроники Fry's Electronics беспроцентную ссуду в размере 1 миллиона долларов. В статье высказывалось сожаление по поводу того, что «опора на налог с продаж приводит некоторые города к предпочтению строительства торговых центров промышленности, предлагающей высокооплачиваемые работы. Это препятствует дальнейшему жилищному строительству, поскольку большее количество жителей означает большие затраты, но не обязательно больший доход».

Грег Лерой, руководитель исследовательских работ Международного союза работников сферы обслуживания, в своей книге «Кондитерской лавки больше нет» описывает, как местные власти и власти штата через субсидии отчаянно сражаются за торговые предприятия, плохо представляя, что это не создает новых рабочих мест, просто перемещая их из одного места в другое. Налоговый бунт, начало которому было положено в 1978 году, лишь укрепил эту тенденцию субсидирования. Лерой отмечает, что в 1977 году лишь девять штатов предоставляли налоговую скидку для проектно-конструкторских работ, к 1993 году — уже тридцать четыре. В 1977 году восемь штатов позволили городам и округам давать ссуды под строительство, а теперь таких штатов сорок пять; тогда двадцать штатов предоставили обеспеченные доходами, не облагаемые налогами займы под низкие проценты, а теперь сорок четыре; лишь двадцать один штат предоставил корпорациям освобождение от налога на прибыль, а теперь тридцать шесть. В мартовском информационном бюллетене отделения Федерального резервного банка в Миннеаполисе The Region за март 1995 года Мелвин Берштайн и Артур Рольник (главный консультант и руководитель исследовательских работ банка) по поводу состязания штатов через субсидирование утверждали:

Хотя для отдельных штатов и целесообразно состязаться за определенные виды бизнеса, это ставит экономику как целое в затруднительное положение. Экономисты обнаружили, что если запретить штатам подобное состязание, общественных товаров и товаров для личного потребления станет больше... Вообще, оптимальным налогом (налогом, вносящим наименьшее количество искажений) можно назвать тот, который единообразно применяется ко всем сферам деятельности. Таким образом, позволение штатам вести дискриминационную налоговую политику, то есть политику, основанную на предпочтительном размещении или степени мобильности, негативно отразится на экономике в целом, приводя к уменьшению количества общественных товаров и товаров для личного потребления.

Хотя шесть штатов начали применять к городам запреты на использование налоговых субсидий исключительно в целях привлечения розничной торговли, а некоторые пытаются блокировать субсидирование мобильных компаний, лишь в одном городе — Гэри, штат Индиана, — есть постановление, запрещающее налоговые скидки в отношении проектов, которые переместят рабочие места из других городов. К сожалению, федеральное правительство способствовало такому расточительному субсидированию передислокаций, поскольку его крупнейшие программы трудоустройства (такие как Облигации промышленного развития, Единовременные субсидии департамента жилищного строительства и градостроения на общественное развитие, а также большинство программ министерства торговли) не имеют ограничений по использованию подобных средств для поддержки передислокаций. Такие ограничения имеют лишь две небольшие программы субсидирования рабочих мест, но штаты и города могут пренебрегать ими, для финансирования сомнительных проектов смешивая деньги из нескольких федеральных источников.

Состязание за розничную торговлю вызвало нелепое искажение стандартов экономического развития, поскольку городам пришлось отчаянно торговаться за каждый следующий этап развития розничной торговли. Сначала шоппинг в городских центрах уступил место мелкой розничной торговле в пригородах. Затем такая торговля стала слабеть перед лицом пригородных торговых центров. А теперь место универсальных магазинов в торговых центрах занимают крупные специализированные магазины, торгующие со скидками, вроде Home Depot и Toys 'R' Us. Когда-то существовала надежда на то, что местное население будет порождать пропорциональный доход от продаж. Теперь же соревнующиеся города пытаются привлечь дисконтных гигантов, всасывающих в себя торговлю со всего региона, тем самым часто разоряя рассредоточенные магазины, от которых зависит финансирование бюджетов местных властей. Примером подобной крайности является городок Эмеривилль, штат Калифорния, привлечший большое количество компаний, торгующих со скидкой. Теперь в Эмеривилле приходится в пять раз больше продаж на душу населения, чем в соседних городах, например Окленде, торговый бизнес в котором потерпел убытки от такой конкуренции.

Прямой телефонный маркетинг, торговля с использованием кабельного телевидения и Интернета выводит этот экономический каннибализм на новый уровень. Города и штаты бьются за привлечение «центров обработки заказов» для того, чтобы обслуживать компании, практикующие прямой маркетинг, поскольку работа в них рассматривается как нетоксичная и «высокотехнологичная». Например, Оклахома преуспела в замещении потерянных рабочих мест в нефтяной сфере рабочими местами в сфере телекоммуникаций, но ценой стало мощное субсидирование, побуждающее соответствующие компании к размещению в этом штате. Оклахома предлагает налоговые поощрения, включающие закон, освобождающий компанию от уплаты налога с продаж по сервисным номерам телефонов, службу междугородней телефонной связи и системы частных линий связи. Кроме того, упрощено решение экологических вопросов, освобождены от уплаты налогов организационно-технические базы сбыта продукции, оказывается серьезная поддержка при обучении и переобучении рабочих. Компании, занимающиеся обработкой данных, на пять лет освобождены от уплаты налогов на недвижимость¹⁵⁴. В гонке за рабочими местами другие города и регионы организовали сходное субсидирование. В конечном счете они попросту субсидируют замещение местной розничной торговли освобожденной от налогов торговлей по почтовым заказам.

Хотя все местные власти и проигрывают в этом состязании как целое, отдельные регионы продолжают надеяться на то, что рабочие места в таких центрах обработки заказов постоянны, и на то, что прибыль от постоянных рабочих мест компенсирует затраты по субсидированию. Но даже эта надежда вянет перед лицом новых технологий. Брюс Лоуэнталь, руководитель проекта электронной торговли через Интернет компании Tandem Congregation, предсказывает, что Интернет ликвидирует необходимость в осуществлении большей части работы подобными центрами обработки заказов. Интернет станет «интерфейсом» для определения нужд покупателей и предоставления им возможности напрямую показать то, чего они хотят. В настоящее время «подобные "интерфейсы" реализуются клерками, отвечающими за ввод данных, — говорит Лоуэнталь. — Так можно заменить очень много центров обработки заказов. Некоторое количество людей понадобится для того, чтобы иметь дело с истеричными клиентами, но это, пожалуй, все». Может испариться целая индустрия клерков, отвечающих за ввод данных в центрах обработки заказов, останется лишь много меньший набор более специализированных уполномоченных по улаживанию конфликтов. Такие компании, как Federal Express и Quill, уже позволяют своим клиентам размещать заказы электронным путем, и ликвидация должностей, предполагающих работу по вводу данных, уже началась.

154 Curt Harler, «Why Governments Want Your Network Center», Communications News 29, no. 12 (December 1992): 30.

Власти штатов уже сражаются за привлечение Интернет-торговли, начиная очередной этап погони за нанесением ущерба собственным доходам. В 1994 году в Калифорнии был без лишнего шума принят закон АВ 72, автором которого являлся член местной ассамблеи Йохан Клее, позволяющий компаниям, базирующимся за пределами штата, размещать свою рекламу при помощи онлайн-служб, действующих в Калифорнии, и при этом не подвергаться обложению местными налогами с продаж. Закон был принят по ходатайству компании Apple Computer, которая боялась, что ее, ныне уже несуществующая, онлайн-торговая служба E-World будет проигрывать торговым службам, базирующимся в других штатах, а потому имеющим возможность вести в Калифорнии не облагаемую налогом с продаж торговлю. Так что даже тогда, когда города Силиконовой долины теряли свои налоговые доходы, компании вроде Apple Computer вели их к дальнейшим убыткам от уменьшения сборов по налогу с онлайн-продаж.

Мак Хикс, вице-президент Bank of America по поставке электронных услуг и председатель CommerceNet в 1995 году, резюмировал логику экономического развития новых онлайн-служб:

Если Калифорния хочет быть информационной областью, давайте назовем ее зоной необлагаемой налогом информации и сорвем большой куш. Все пытаются сообразить, как же обложить ее налогом, ведь она пересекает границы. Она слишком юна для налогообложения.

Если обложить ее налогом, можно ее убить. Как вы собираетесь облагать налогом товары, заказываемые через Интернет? Можно, конечно, брать налог с денег, но что если произошел бартер? Предположим, я нахожусь в Теннесси, захожу на сервер, находящийся в Ирландии, покупаю компьютерную программу с помощью калифорнийской кредитной карточки, программа доставлена. Какие нужно заплатить налоги — импортную пошлину, налог с продажи или что-то еще? Чертовщина какая-то¹⁵⁵.

Именно из-за приоритета поддержки роста индустрии над удовлетворением фискальных нужд регионов Интернет-компании начали продвижение Билля о налоговой свободе Интернета, авторами которого были конгрессмен Крис Кокс (республиканец от Калифорнии) и сенатор Рон Вайден (демократ от Орегона), с целью освободить все онлайн-сделки от местных налогов. Как заявил помощник Кокса Питер Ульман, приоритетная задача конгресса — «гарантировать, чтобы никакая налоговая политика, будь то местная налоговая политика, налоговая политика штатов или же иностранных государств, не препятствовала реализации потенциала экономического роста Интернета». Как и в случае с «дерегулированием» коммунальных, банковских и телекоммуникационных систем, местная власть над экономическим развитием должна быть сокращена во благо амбиций индустрии, устремленных к глобальным рынкам.

В битве за Билль о налоговой свободе Интернета местные власти были представлены Национальной лигой городов и Национальной ассоциацией губернаторов, которые яростно критиковали федеральное правительство за снижение их налоговых полномочий и за то, что обычные торговые компании ставят их в еще более невыгодное положение по отношению к тем, что занимаются торговлей по почтовым заказам. Брайан О'Нил, глава Национальной лиги городов, решительно осудил конгресс: «Это несправедливо по отношению к обычному бизнесу. Крайне не по-американски».

Хотя местные власти и были обеспокоены тем, что этот билль придаст налоговым потерям от Интернет-продаж законный статус, взбешены они были тем, что двусмысленность формулировок, накладывающих запрет на обложение налогами Интернет-сделок, вероятнее всего аннулирует существующие налоги на целый спектр местных телекоммуникаций. Большая часть вариантов билля отменила бы налоги двенадцати штатов, собираемые с Интернет-провайдеров. Но реальную тревогу вызывало то, что билль, запрещая «непрямые» налоги на Интернет, мог бы использоваться в судах для аннулирования местных налогов на телефонные услуги, особенно в свете того, что в грядущие года все больше и больше

телефонных звонков будут осуществляться для использования Интернет-протоколов. Это стоило бы местным властям миллиарды долларов и дало бы телекоммуникациям, основанным на Интернете, еще большее преимущество перед местными телефонными компаниями, обслуживающими обычных пользователей. В итоге законодательные дебаты отсрочил более ограниченный трехгодичный мораторий на новые налоги, имеющие отношение к Сети, который был наконец принят в 1998 году.

Заключение

Потеря местного контроля над налогами с продаж и налогами на телекоммуникации добавилась к общему раздроблению местного экономического развития, обусловленному совокупным действием технологичности экономики и ее увеличивающейся глобальностью. Все это должно удержать от новой активизации движения за децентрализацию посредством передачи правительственных функций местным властям. Подобная ответственность вряд ли имеет смысл в мире, в котором мультинациональные корпорации частенько превосходят по общей стоимости целые штаты и могут натравливать друг на друга местные власти, прельщая рабочими местами и местным доходом. Несмотря на то что во множестве прогнозов на информационную эру выстраиваются картины децентрализации и преобладания мелких компаний, мир накрывают корпорации, доходящие по стоимости до триллиона долларов. Даже предприятия довольно скромного размера все больше и больше начинают действовать на глобальной основе. При подобной несоразмерности сил и отсутствия у местных властей способности к свободному сотрудничеству едва ли можно ожидать, что ими будут разработаны справедливые и эффективные системы налогообложения, которые могли бы способствовать общественному благу и необходимому экономическому развитию. В результате при применении подобного подхода децентрализованных доходов утяжеленное налоговое бремя ложится на бедняков и рабочий класс. Подъем национальной и глобальной торговли требует применения подхода национальных или даже глобальных доходов. Хотя микрочипы и становятся все меньше, эта технология способствует национальному и глобальному росту экономики. Для того чтобы отражать реальность, наши налоговые системы должны регулировать наши налоговые системы.

ЗАРОЖДЕНИЕ ПРАВА И СТРУКТУР УПРАВЛЕНИЯ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Виртуальное право: Зарождение права в LambdaMOO

Дженифер Мнукин¹⁵⁶

Закон — это богатство, в том смысле что он позволяет нам подчиняться, обладать, бороться, искажать, глумиться, позорить, унижать или облагораживать.

Роберт Кавер

Таким образом, проблема... заключается в том, как нам следует представлять общество, и в том, как мы можем изменять его согласно нашему представлению.

Роберто Юнгер

156 Эта статья впервые появилась в сети в Journal of Computer-Mediated Communication 2, no.1 (июнь 1996 года). Публикуется с разрешения автора. © 1996, Jennifer L Mnookin. [Перевод А. Кузнецова.]

Первое знакомство с LAMBDAМОО

Для того чтобы изучить правовую систему, которая появилась в онлайн-обществе, в этой статье мы отправляемся в путешествие в Зазеркалье, виртуальное общество, которое отражает и преломляет известную нам реальность. Этот параллельный мир нельзя найти ни на одной обычной карте. В действительности, у него полностью отсутствует материальное воплощение, за исключением существования в виде содержимого базы данных, хранящейся на компьютере. Тем не менее этот мир посещают, исследуют и изменяют сотни раз на дню люди, сидящие за клавиатурами по всей стране и даже по всему земному шару.

Эта сверхъестественная страна чудес называется LambdaMOO: это виртуальная реальность, онлайн-общество, достижимое¹⁵⁷ только с помощью компьютера. LambdaMOO является одним из самых старых и наиболее популярных из более чем 350 текстовых виртуальных миров, доступных через Интернет. MOO и их двоюродные сестры MUD¹⁵⁸ являются интерактивными программами проведения конференций в реальном времени, благодаря которым множество людей может одновременно вести разговоры. В отличие от некоторых других способов проведения конференций, таких как телефонная коллективная абонентская линия или чат в Интернете, MOO и MUD'bi основаны на физических и пространственных представлениях; это виртуальные миры, в которых можно путешествовать. Например, посетитель LambdaMOO появляется в доме, в чулане; посетитель может пройти по комнатам дома, исследовать лабиринт в саду, прогуляться по музею или посетить бар и заказать что-нибудь выпить¹⁵⁹. В каждом месте экран компьютера пользователя показывает текстовое описание комнаты (и никакой графики) и перечисляет других обитателей комнаты. Посетитель может разговаривать со всеми в комнате, взаимодействовать с объектами в ней, шептать сообщение одному конкретному человеку в комнате или вызывать кого-нибудь зашедшего в MOO, но находящегося где-то в другом месте.

157 Для получения дополнительных ссылок на информацию о MOO и MUD, зайдите на страничку ресурсов MUD, расположенную по адресу <http://www.cis.upenn.edu/~lwl/mudinfo.html>. Первый MUD начал работать в 1979 году. Это была приключенческая игра в стиле фэнтези, похожая на компьютерную версию игры «Драконы и Подземелья». Историю MUD см.: Elizabeth Reid, *Cultural Formations in Text-Based Virtual Realities*, Master's thesis, University of Melbourne, 1994, p. 10, доступно по адресу <http://www.ee.mu.oz.au/papers/emr/index.html>; см. также: Lauren P. Burka, *A Hypertext History of Multi-User Dimensions*, located in *The MUD Archive*, доступно по адресу <http://www.ccs.neu.edu/home/Ipb/muddex.html>.

158 MUD (multiuser dungeon) расшифровывается как «многопользовательское подземелье», MOO (MUD, object oriented) — «MUD, объектно-ориентированный». MOO, как правило, предоставляют игрокам гораздо более широкие возможности для создания и изменения виртуальной окружающей среды, чем MUD.

159 Если описывать более детально, как гость заходит в LambdaMOO, выходит из чулана и входит в гостиную, то он (или она), помимо списка всех игроков, находящихся сейчас в комнате, видит на экране своего компьютера описание самой гостиной: «Гостиная. Это очень светлая и просторная комната, с большими окнами, выходящими на юг, из которых открывается вид на пруд и сад вдалеке. В северной стене находится грубой кладки камин. Восточную и западную стены практически полностью занимают книжные полки, до отказа забитые книгами. Дверь в северо-западном углу комнаты ведет на кухню, а дверь, расположенная чуть севернее, — в прихожую. Дверь в чулан находится в северном углу восточной стены, в самом конце южной стены расположена стеклянная раздвижная дверь, выходящая на деревянную веранду. В комнате стоят кушетки: несколько из них находится возле камин, другие напротив окна. Кроме этого, Вы видите в комнате ознакомительный файл для новых участников MOO, плакат "Добро пожаловать", попугая какаду, систему поиска людей в LambdaMOO, счетчик запаздывания, систему оповещения о днях рождения игроков, а также карту дома».

LambdaMOO появилось в октябре 1990 года, она была создана Павлом Кертисом, исследователем из Хегох PARC (Исследовательский центр Пало-Альто)¹⁶⁰. С тех пор она стала одной из самых популярных среди MOO и MUD; в ней около шести тысяч зарегистрированных участников и очень длинный список ожидания из людей, желающих стать участниками¹⁶¹. Некоторые участники заходят изредка, другие проводят в LambdaMOO множество часов в неделю. Зачастую сотни людей одновременно находятся в LambdaMOO; таким образом, она является развитым виртуальным сообществом¹⁶². Для того чтобы посетить LambdaMOO, необходимо просто подключиться в режиме виртуального терминала к ее сайту по адресу `lambda.moo.mud.org`, номер порта 8888. Любой может посетить LambdaMOO в качестве гостя¹⁶³; чтобы получить здесь место на более постоянной основе, нужно обратиться с запросом, предоставить действующий адрес электронной почты и занять место в списке ожидания¹⁶⁴.

Описания и действия в LambdaMOO реалистичны и фантастичны одновременно. В самое обычное послеобеденное время посетитель может встретить с полдюжины персонажей, собравшихся на кухне развалившегося дома. Эти персонажи могут быть очень разными, от заурядных — таких, как студент колледжа в рваной футболке — до невероятных: возможно, таких, как дракон, окрашенный во все цвета радуги, или «спивак», существо без пола. Вновь прибывшие приветствуются дружеским взмахом руки или кивком; старые друзья прощаются, сердечно обнимая друг друга. Обитатели LambdaMOO сидят без дела и общаются, летают на вертолетах и полосах лунного света, даже мгновенно телепортируются из одного места в другое или перемещаются на лифте из Калифорнии в Китай. К тому же опытные игроки создают свои собственные комнаты и территории внутри MOO или, используя методы объектно-ориентированного программирования, создают объекты, которыми они и другие игроки могут манипулировать, а также расширения или «команды», которые позволяют персонажам взаимодействовать новыми способами. Участники MOO буквально строят свою собственную вселенную комната за комнатой. В то же время они создают свой собственный общественный строй и собственную правовую систему. На самом деле в LambdaMOO уже в течение нескольких лет существовала система принятия законов, а также механизм разрешения споров. В данной статье внимание фокусируется на правовой системе, зарождающейся в рамках LambdaMOO.

Однако прежде чем мы обратим свой взгляд на правовую систему LambdaMOO, стоит задаться вопросом, почему эта удивительная выдуманная страна заслуживает столь

160 Павел Кертис назвал систему LambdaMOO, и центральные комнаты в главном доме были разработаны так, чтобы походить на его настоящий дом. Исходя из названия некоторые читатели могут предположить, что LambdaMOO связана с гомосексуальной тематикой, однако это не так.

В начале 1970-х Альянс гей-активистов Нью-Йорка избрал своим символом греческую букву «лямбда», поскольку по греческой традиции «лямбда» символизирует чашу весов, то есть баланс. Кроме того, спартанцы так обозначали единство, а римляне — «свет знания во тьме невежества». Все это подходило для описания идеалов и целей «голубых», и вскоре «лямбда» стала символом гей-движения во всем мире.

161 Много, возможно, что большинство игроков — это студенты колледжей. Проведенное в декабре 1993 года исследование 583 участников LambdaMOO показало, что средний возраст игроков составляет 23,66 года. В этом же исследовании 76% игроков заявили, что они были мужчинами в реальной жизни, а 23,4% сказали, что они женщины (см.: e-mail-переписка между Павлом Кертисом и Элизабет Рейд, приложение 6 в книге Рейд, см. примеч. 3, р. 66). Отмечу также, что никак нельзя проверить, честно ли отвечали опрошенные респонденты.

162 Более подробное и всестороннее обсуждение возможностей виртуальных сообществ см.: Howard Rheingold, *The Virtual Community* (1993).

163 Были выдвинуты предложения об ограничении доступа гостям, и поэтому возможно, что вскоре может быть уменьшен или даже полностью прекращен доступ гостей в LambdaMOO.

164 К весне 1996 года, для того чтобы попасть в начало списка ожидания и получить персонаж LambdaMOO, требовалось около восьми недель.

тщательного анализа. Кое-кто может объявить это сообщество всего лишь результатом деятельности нескольких тысяч виртуозов виртуального пространства, участвующих в гигантской игре «Давайте притворимся». Без сомнения, многие читатели могут подумать, что эта чокнутая онлайн-вселенная заслуживает серьезного анализа не намного больше, чем бейсбольная лига гриль-бара, студенческое самоуправление или любая другая деятельность, которая может осуществляться в основном студентами колледжей, имеющих в своем распоряжении слишком много свободного времени. Почему же тогда стоит рассмотреть появление права в LambdaMOO?

Во-первых, изучение LambdaMOO является задачей юридической антропологии, шансом изучить правовую систему отдельно от нас самих, что еще не привлекало научного внимания. Ведется огромное количество напыщенных дебатов по поводу беззакония в киберпространстве, в которых одновременно восхваляется и критикуется предполагаемое отсутствие формальных правил или законов. Поэтому стоит взглянуть поближе на виртуальное сообщество в процессе создания им своего собственного права. Кроме этого, появление права в LambdaMOO может пролить свет на тесные связи между общественным и правовым устройством. То есть мы можем видеть способы, с помощью которых обитатели LambdaMOO воплощали в жизнь право по мере того, как они создавали свое сообщество, и, несомненно, видеть то, как понимание природы LambdaMOO ее участниками сложно переплелось с пониманием ими природы «права Лямбды».

Кроме того, о чем речь пойдет далее, право стало центральным механизмом, с помощью которого участники LambdaMOO понимают саму его суть. Для одних существование права является доказательством того, что LambdaMOO является настоящим сообществом, тогда как для других наличие правовой системы в LambdaMOO говорит о том, что на этой виртуальной игровой площадке что-то пошло не так. В то же время участники бьются над фундаментальными вопросами о том, какой вид следует принять правовой системе их общества. Эти вспышки самосознания по поводу статуса права и его организационных воплощений делают LambdaMOO особенно интересным местом для подобных упражнений в юридической антропологии. В «реальном мире» редки моменты, когда члены общества размышляют над природой правовых и общественных институтов, которые ограничивают и организуют жизнь их членов. Подобные размышления обычно являются следствием революций или крупных институциональных преобразований. Но такие мысли не часто приходят в голову. Мы в Соединенных Штатах редко задаемся вопросом «нужен ли нам Верховный суд?» или «что должны означать прецеденты?». Наблюдая за LambdaMOO, мы можем стать свидетелями именно таких дебатов о праве в обществе, в котором впервые реализуются правовые институты. Таким образом, LambdaMOO дает нам возможность увидеть, как именно ее участники учреждают общественный и правовой порядок внутри виртуальной среды¹⁶⁵.

Существует и вторая причина, по которой LambdaMOO и ее правовая система могут оказаться достойными рассмотрения. Структура LambdaMOO в значительной степени отражает теоретическую концепцию ученого-юриста Роберто Юнгера. Юнгер, принципиальный поборник критического правового учения и один из ведущих теоретиков юриспруденции и социологии, выразивший в трехтомной работе «Политика» свое видение общества, похожего на LambdaMOO. «Политика» задумывалась как уточнение того, что Юнгер полагает основным догматом современной общественной мысли — идеи о том, «что общество придуманно и искусственно, что это скорее артефакт, созданный человеком, чем проявление лежащего в его основе общественного порядка». Юнгер утверждает, что, хотя

165 Эта статья фокусирует внимание на формальных аспектах такого порядка, на появлении не норм, а именно права. Интересно то, что формальное право было разработано полностью; многие ученые подчеркивали важность роли, которую играет неформальный общественный контроль или, как называл его Роберт Эликсон, «порядок без права». См.: Robert Ellickson, *Order Without Law* (1991). Поэтому стоит особо задаться вопросом, почему же было недостаточно одних только неформальных механизмов в праве Lambda? Однако обсуждение этого вопроса выходит за рамки этой статьи.

многочисленные теории — в особенности либерализм и марксизм — и провозгласили это антинатуралистическое предположение, они ничем его не подкрепили. В его работе делается попытка предложить радикальное видение человеческой свободы, которое выходит за пределы традиционных подходов либерализма и марксизма и которое фокусируется на «попытке довести до крайности антинатуралистическую идею общества». Хотя анализ социальной теории Юнгера здесь не уместен, интересным для нас является то, что LambdaMOO является воплощением антинатуралистической социальной теории — это буквальная ее материализация.

Разумеется, это утверждение будет более подробно исследовано ниже. Первое, что мы должны сделать, чтобы понять это утверждение, это более пристально взглянуть на структуру LambdaMOO. LambdaMOO — это общество, состоящее только из текста, мир, порожденный компьютерным кодом. Все в LambdaMOO, начиная от описания действующих лиц и заканчивая политическими процессами, составлено из слов, образующих язык. Комнаты, люди, объекты, технологии и политика — все это состоит только из слов и знаков. В LambdaMOO они являются не просто средством общения, но и материальной основой самой LambdaMOO, ее материальными пространствами и управляемыми объектами, ее общественными институтами и политическими процессами. Но в LambdaMOO нет внеязыковой реальности. В реальной жизни действие может быть осознано только через языковой фильтр; в LambdaMOO реальность буквально состоит из одного языка.

Одно из наиболее интересных последствий языковой основы LambdaMOO заключается в том, что LambdaMOO структурно не ограничивается законами природы. Приведу всего один пример: в LambdaMOO никак не соблюдается биологическое соответствие, то есть персонажу в LambdaMOO не нужно соответствовать личности человека в реальной жизни. Люди могут создавать и переделывать себя, выбирать свой пол и детали своего онлайн-образа. Им даже можно не представлять себя человеком. Кроме того, в LambdaMOO нет необходимости ограничиваться институциональными структурами из «реальной жизни» (или, как она часто обозначается в MOO, RL, «real life»). LambdaMOO берет за основу понятие реальности как общественного устройства. В этом смысле антинатурализм является общим допущением общества. В LambdaMOO гораздо лучше, чем в реальной жизни, проявляется то, что социальные структуры создаются, а не даруются, что они созданы из действий и допущений участников. В этом виртуальном обществе изменить код означает изменить мир; реальность ограничена только воображением. Другими словами, LambdaMOO может рассматриваться как некое воображаемое пространство, некое окружение, внутри которого могут создаваться и перестраиваться социальные структуры и правовые механизмы. То есть правовая система LambdaMOO в буквальном смысле слова может быть такой, какой ее сделают сами игроки.

Таким образом, в LambdaMOO сотворенность общества само по себе прозрачна: совершенно очевидно, что социальные институты, иерархии и правовые механизмы — это гибкие продукты человеческой деятельности, а не неизменные природные структуры или неизбежный результат эволюционного развития. Юнгер пишет, что сторонники антинатуралистической и антидетерминистской общественной теории «видят условия формирования общественной жизни... или методические основы решения проблем и согласования интересов... только в жесткой политике: прекращении существующих конфликтов и препятствовании возникновению новых. Сторонники такой теории хотят лишиться эти основы или условия атмосферы крайней необходимости и авторитета. Прежде всего, они хотят заявить, что «обстоятельства могут быть другими». Самой структуре LambdaMOO присуще то, что «обстоятельства могут быть другими». В мире слов невозможно верить, что отдельные социальные структуры естественны или необходимы.

В действительности, LambdaMOO может принять идею антинатурализма даже в большей степени, чем может предположить Юнгер, по той причине, что это не только общественная сфера, то есть явно созданная человеком, но еще и сфера «природы». Говоря другими словами, в обществе, ограниченном только воображением, не существует

убедительных отличий между природой и обществом: они оба в равной мере могут придумываться и многократно переделываться человеком. В результате в LambdaMOO нет неустрашимых жестких организационных ограничений — за исключением тех, которые воплощены в жизнь самими участниками. Общественные формации любых размеров (или концепции природы) в LambdaMOO считаются неизменными или доказанными как очевидные и неизбежные. Но доказанными они считаются не из-за своей высокой необходимости или авторитетности, а скорее из-за того, что они встроены в ограничения MOO самими участниками.

Однако то, что LambdaMOO является точным воплощением социальной теории Юнгера, не обязательно означает, что политика LambdaMOO будет зеркально отражать идеалы Юнгера. По существу, для Юнгера антинатуралистичность общества является исходной предпосылкой. На этой предпосылке он строит свою концепцию той разновидности общества, которую нам следует создавать. Говоря проще, Юнгер отстаивает позицию, согласно которой нам следует стремиться изменить саму основу нашего общества и социального строя, чтобы сделать их менее консервативными и более подающимися исправлению и переработке. Хотя Юнгер не верит, что мы можем создать общество совсем без структур, он пропагандирует создание более пластичных и гибких структур, которые легче разрушить. Он доказывает, что нам следует пытаться создавать наши общественные структуры менее структурированными, чтобы сделать их тем, что он называет «бесструктурными структурами».

Только то, что LambdaMOO реализует антинатуралистическую теорию Юнгера, еще не значит, что мы будем (или нам следует) создавать тот тип отношений между обществом и общественной структурой, который представлял себе Юнгер. Как обсуждается ниже, мнения граждан LambdaMOO расходятся в вопросе, насколько консервативным и неизменным следует быть их правовым и социальным структурам или насколько тяжело их разрушить или изменить. В действительности, опыт LambdaMOO как некий лабораторный эксперимент, позволяющий нам в действии видеть социальную теорию Юнгера, предоставляет нам основанные на практическом опыте сомнения в оптимизме Юнгера по поводу новаторских институциональных структур, которые могут возникнуть, если мы всерьез примем антинатурализм.

Явное сходство между социальной теорией Юнгера и LambdaMOO наводит на мысль о том, что наблюдение за типами социальных структур, которые появились в обществе, полностью принявшем идею антинатурализма, — весьма перспективный проект. Кроме того, из этого следует, что наблюдение за формами институционального экспериментирования в таком виртуальном пространстве может открыть интересные перспективы по институциональному экспериментированию и в реальной жизни. Возможно, что LambdaMOO и подобные ему пространства выступают и в качестве виртуальных лабораторий, и в качестве виртуальных зеркальных отражений реальности. Право в LambdaMOO может помочь нам узнать что-то новое о праве в реальном мире.

Следующий параграф статьи более детально рассматривает право в LambdaMOO с его раннего этапа — с 1996 года. Эта часть статьи посвящена становлению правовой системы, механизмам разрешения споров и различных видов разногласий, которые появились в MOO. Она рассматривает и главный спор MOO о характере права в LambdaMOO: многие игроки хотят сделать право Lambda более определенным, более систематизированным и в большей степени формализованным, тогда как некоторое количество других участников предпочитают, чтобы оно стало менее формальным и юридическим, или вовсе упразднить его. Третья часть статьи анализирует связь между правом в LambdaMOO и правом реального мира¹⁶⁶. Как следует праву в «реальном мире» относиться к праву в виртуальной среде? В

166 Внимание в этой части главы сосредоточено на взаимоотношениях между правом Lambda и законодательством США. Хотя LambdaMOO, безусловно, интернационально, большинство участников все же заходят в нее именно из США.

этой части вкратце описывается моделирование нескольких возможных способов взаимоотношений между законом Lambda и законом реального мира, а также приводятся доводы в пользу того, что лучшей моделью является та, которая дает LambdaMOO максимальную юридическую независимость и, следовательно, обеспечивает максимальную вероятность того, что LambdaMOO станет пространством для правового экспериментирования. Наконец, в эпилоге обсуждаются самые последние изменения в структуре LambdaMOO и приводятся некоторые размышления о праве и политике в этом виртуальном сообществе.

Право и политика в LAMBDA MOO

В начальный период своего развития LambdaMOO было олигархией, без какой бы то ни было формальной системы для разрешения разногласий или установления правил. Олигархи — основатель MOO Павел Кертис и несколько других игроков, принимавших участие в LambdaMOO с самого начала ее развития, — были известны как маги. Они были ответственны как за работоспособность техники, так и за общественный контроль в MOO. Они решали, когда увеличить квоту игрока (объем дискового пространства, зарезервированного для объектов, и сроки создания квоты). Они пытались разрешать споры между игроками. Иногда магократия¹⁶⁷ определяла наказание, самой крайней формой которого была утилизация (уничтожение) игрока за неисправимое антиобщественное поведение.

Создание правовой системы

В начале 1993 года архимаг Павел Кертис издал меморандум, чтобы проинформировать население MOO о том, что ее общественная структура стоит на пороге крупных преобразований. По мере расширения LambdaMOO, маги участвовали во все более и более безнадежной битве за контроль, примирение и умиротворение все увеличивающегося и увеличивающегося, все более и более сложного сообщества. К настоящему времени мы пытались взять на себя ответственность за поведение и поступки более чем 800 человек, которые каждую неделю посещают MOO, подключаясь из более 30 стран мира. Мы, как и многие из игроков, были разочарованы результатами; центр не мог управлять LambdaMOO. Вероятно, Вы можете представить себе, к чему это приведет.

Сейчас я начал понимать, что общество LambdaMOO достигло того уровня сложности и многообразия, которого я так ждал и на который надеялся еще с того момента, когда четыре хакера и я впервые решили создать это место; и вот это общество покинуло свое «гнездо». Я думаю, что здесь больше нет места для магов-несушек, охраняющих гнездо и пытающихся дисциплинировать птенцов для их же собственного блага. Сейчас для магов наступило время отказаться от материнской роли и начать относиться к этому сообществу как к группе взрослых существ с самостоятельными мотивациями и целями. Итак, последним общественным решением, которое мы введем для Вас в действие, будет решение о том, что маги прекращают свою деятельность по обеспечению порядка, надлежащего поведения и арбитражного разбирательства; мы полностью передаем бремя и право этой роли обществу, независимо от того, желаете ли этого Вы, ныне самостоятельные взрослые, или нет...

Согласно модели, разработанной лично мною, магам следует перейти к роли системных программистов: наша роль заключается в поддержании хорошей работоспособности MOO и улучшении ее только в техническом плане. Это предполагает, что мы ответственны за удержание людей от получения «несанкционированного» доступа; в частности, мы по-

167 В оригинале, соответственно: wizard (маг, волшебник, кудесник) и wizardocracy.

прежнему должны пытаться удерживать других от получения доступа к коду магов, так как иначе под угрозой окажется функциональная целостность всего МОО...

За пределами «гнезда» находится прекрасный новый мир, и я с большим нетерпением ожидаю начала его исследования вместе с вами. Тем из вас, кто думает, что у я могу в любой момент прекратить работу МОО и что мой палец все время лежит на кнопке перезагрузки, я отвечу так: вам незачем опасаться этого в обозримом будущем; только полный дурак захочет положить конец такому захватывающему социальному эксперименту в такое решающее для его развития время¹⁶⁸.

В том, что, как надеялся Кертис, будет «последним социотех-ническим решением, накладываемым на LambdaMOO заклятием магов», олигархи учреждали систему ходатайств, процесс, при помощи которого игроки в LambdaMOO могут принимать для самих себя законы.

Любой резидент LambdaMOO, удовлетворяющий определенным минимальным критериям¹⁶⁹, может подать ходатайство для создания социотехнического изменения в LambdaMOO. Перечень изменений, по поводу которых могут быть внесены ходатайства, очень широк: в принципе это может быть любое изменение, которому требуется техническая поддержка для воплощения в жизнь. Например, ходатайство может предлагать создание настоящей тюрьмы, из которой невозможно убежать, предложить изменения, касающиеся процесса создания персонажа, или изменение самого механизма подачи ходатайств. Когда игрок формулирует ходатайство, одновременно с этим создается список рассылки, используемый всеми пользователями LambdaMOO для обсуждения плюсов и минусов выдвинутого предложения¹⁷⁰. Игроки, поддерживающие цели ходатайства, или те, кто полагает, что в ходатайстве затронута проблема, достойная обсуждения всеми участниками LambdaMOO, могут поставить свою подпись под ходатайством. Когда ходатайство получит, по меньшей мере, десять подписей, создатель может подать ее на контрольное рассмотрение

168 Меморандум Павла Кертиса сохранен в разделе истории музея LambdaMOO в качестве экспоната номер 11, под названием «LambdaMOO Takes a New Direction». Экспонат доступен по адресу http://vesta.physics.ucla.edu/~smolin/lambda/laws_and_history/newdirection. Меморандум Павла Кертиса о повторном введении указов магов находится в этой антологии, § 17, приложение С. Замечу, что во всех выдержках, которые я приводил из текста этого меморандума, первоначально опубликованного в LambdaMOO, я позволил себе сделать некоторые незначительные грамматические и орфографические исправления, чтобы сделать текст более понятным. Однако некоторые особо выдающиеся выражения я оставил без изменений. Команды в LambdaMOO часто начинаются с символа @. Я также оставил без изменений некоторые устоявшиеся сокращения: RL означает реальную жизнь, VL расшифровывается как виртуальная жизнь, VR используется для обозначения виртуальной реальности, а LM для обозначения LambdaMOO. Кроме этого, отмечу, что все ссылки на ходатайства, голосования и номера сообщений даются только на тексты, созданные в МОО. Большинство из них до сих пор можно найти в МОО, но некоторые были удалены оттуда для того, чтобы уменьшить размер базы данных, и хранятся в настоящее время в ftp-архиве, расположенном по адресу: <ftp://ftp.lambda.moo.mud.org/pub/MOO/lambda/>. Из-за того что содержимое архива и перечень документов, все еще остающихся в МОО, постоянно изменяются, я не смог точно определить, где именно можно найти каждый конкретный текст, созданный в LambdaMOO.

169 К 1 февраля 1996 года основными критериями были следующие: (1) персонаж не должен был быть гостем или просто посетителем, (2) персонаж должен был «прожить» в LambdaMOO по меньшей мере 30 дней. См. ходатайство *Social issues (#7233), сообщение 511.

170 В LambdaMOO есть внутренняя система электронной почты, своего рода киберпространство в киберпространстве. Списки рассылок в LambdaMOO крайне многочисленны; в начале 1996 года их насчитывалось более 175, не считая тех, что были связаны с ходатайствами, голосованиями и спорами. Их темы различны: от поэзии до списка рассылки специально для пользователей МОО из Нью-Йорка, от обсуждения Всемирной паутины до выражения недовольств и жалоб. Некоторые листы, включая *Group-Therapy («Групповая психотерапия») и *Unfounded-Rumor («Сплетни»), допускают анонимное участие игроков. Разумеется, в LambdaMOO анонимны практически все, то есть личность персонажа никак не раскрывает реальную личность игрока. Наличие анонимности внутри LambdaMOO показывает, насколько серьезно ее участники принимают своих персонажей, и это наводит на мысль о том, что сами персонажи становятся общественным достоянием.

магам. Предполагается, что решение магов о принятии ходатайства основывается на пяти критериях: содержание ходатайства должно (1) соответствовать характерным темам, (2) быть достаточно ясным, чтобы маг мог понять, как его осуществить, (3) быть технически осуществимым, (4) не подвергать опасности функциональную целостность МОО и (5) не конфликтовать с законами и положениями реального мира. Маги предполагают базировать свои решения исключительно на пяти этих критериях, они выступают против отклонения ходатайства исключительно на основании своих личных мнений о здравости выдвинутых предложений. После рассмотрения, для того чтобы быть вынесенным на открытое голосование, ходатайству необходимо собрать определенное количество подписей (5% от общего количества всех голосов). В случае если подписи не будут собраны в течение отведенного для этого времени, ходатайство утрачивает свою силу. Голосования открыты для волеизъявления в течение двух недель. Для того чтобы предложения, изложенные в ходатайствах, были проведены в жизнь, ходатайства должны пройти голосование с преимуществом два к одному.

Введение процесса подачи ходатайства превратило LambdaMOO из аристократии в частично демократичную технократию. Однако назначение магов продолжалось, они не выбирались; только архимаг мог назначить игрока магом. Хотя предполагалось, что все участники МОО в равной степени должны подчиняться законам Lambda, на практике отсутствовали механизмы для ограничения власти магов или хотя бы механизмов, обязывающих их отчитываться за свои действия перед всем населением. Официально маги теперь становились всего лишь исполнителями желаний населения МОО. Но исполнение — это не просто обладание исполнительной силой. Право приводить в исполнение, то есть преобразовывать текст ходатайства в компьютерный код, — это одновременно еще и право по-своему толковать и переделывать все, что необходимо реализовать. Кроме того, у магов все еще были технические возможности и доступ к информации, закрытой для других пользователей LambdaMOO¹⁷¹. Даже если маги и обещали использовать свои возможности только для общественного блага и только по особому указанию механизмов, подобных процессу подачи ходатайств, все же их особые возможности давали им власть над всем МОО. Действительно, на магов часто ссылались как на богов, и в этом была лишь доля шутки.

Функции, которые выполняют маги по отношению к процессу подачи ходатайств, могут сравниться с функциями некоего гибрида административного органа и суда первой инстанции. Подобно административному органу, маги ответственны за фактическое исполнение проекта, предложенного в ходатайстве. (Впрочем, в отличие от административного органа, который осуществляет нормотворческий процесс только после того, как был признан годным образец законопроекта, маги выражают свои комментарии по поводу реализации проекта еще до того, как проведено голосование по ходатайству, другими словами, участники голосования заранее могут видеть, по крайней мере, в общих чертах, что может произойти, если будет принято то или иное ходатайство.) Пока маги решают, одобрить ли им ходатайство, они выступают в роли судей, занимающихся судебным надзором, отличие состоит лишь в том, что рассмотрение ходатайств магами по преимуществу проводится перед голосованием, а не после принятия законопроекта. (Если бы у судей было право выносить консультативное заключение о конституционности законопроекта еще во время его рассмотрения, то это было бы очень похоже на процесс контрольного рассмотрения ходатайств.) Зачастую процесс рассмотрения ходатайства многократно повторяется: маг может отклонить ходатайство по результатам его рассмотрения, объяснив свое решение в письме, направленном в общедоступный список рассылки по данному ходатайству; автор

171 Однако самая важная из этих возможностей — возможность полностью уничтожить МОО. Кроме того, у магов есть возможность удалить персонаж из МОО или запретить ему (или ей) появляться в МОО некоторое время. Кроме того, маги могут получить доступ к информации, имеющей отношение к реальной личности игрока, а именно — информацию об их узле в сети и адрес их электронной почты. Они также могут присваивать игрокам определенный код и изменять его, хотя предполагается, что они делают это только в случае крайней необходимости, например для устранения ошибки в программе, которая вредит игрокам.

может впоследствии изменить свое ходатайство в соответствии с замечаниями магов и заново представить его на рассмотрение. Этот процесс подач и отказов будет продолжаться до тех пор, пока маг не одобрит ходатайство или автор не сдастся и решит больше не подавать ходатайств.

Процесс подачи ходатайств в LambdaMOO иллюстрирует как ее технологическую политику, так и ее технологию политики. Любое значимое и принудительное преобразование виртуального мира требует изменений в компьютерном коде¹⁷². Кроме того, политика в LambdaMOO не может рассматриваться ни как простая надстройка над технологией, ни как нечто совершенно отдельное от технологии. Правильнее сказать, что политика в LambdaMOO осуществляется посредством технологии. Политические понятия могут быть внедрены в саму техническую структуру виртуальной среды¹⁷³. То есть представления о политике могут быть «прошиты» в обществе с помощью технологии. Например, для предотвращения подписания ходатайств хотя бы без беглого их рассмотрения, используется следующее: игрок не может поставить свою подпись, предварительно не пролистав ходатайство от начала до конца¹⁷⁴. Сейчас участникам голосования разрешается столько раз изменять свои решения в течение всего периода голосования, сколько они этого захотят, однако результаты голосования не доступны избирателям до конца голосования. Голосование в LambdaMOO не обязательно¹⁷⁵.

Все эти аспекты системы голосования отражают определенную концепцию сложившихся отношений между индивидуумом и политической сферой. Это концепция образованных личностей, добровольно принимающих участие в проекте, в котором не одобряется стратегическое голосование. Тем не менее мы с легкостью можем представить технологии LambdaMOO, используемые для реализации альтернативных систем голосования. Например, будет не трудно реализовать систему, в которой игроки были бы обязаны голосовать, или систему, в которой поощрялись бы стратегические объединения участников, так как имена голосующих за каждую из сторон и подсчеты голосов были бы открыты и могли изменяться в течение всего периода голосования¹⁷⁶. Перечень того, что можно сделать,

172 Население LambdaMOO провалило голосование под названием «Система общественного голосования», которое позволило бы голосованиям и ходатайствам, касающимся исключительно социальных вопросов, не требовать технического вмешательства магов. Однако подобное различие общественных и необщественных вопросов кажется надуманным. Любое изменение текста в LambdaMOO потребует технических поправок. Даже если бы была принята «Система общественного голосования», то потребовалось бы изменить «ходатайства помощи», что само по себе является изменением технического плана, хотя и очень незначительным (см. ходатайство *Social_Ballot_System [#26877] и связанный с ним список рассылки, касающийся деталей выдвинутого предложения).

173 Аргументы в пользу того, что в технические объекты реального мира внедрены политические концепции см.: Langdon Winner, *Do Artifacts Have Politics?*, 109 *Daedalus* 121 (1980). О важности программного обеспечения как механизма управления в киберпространстве см.: Lawrence Lessig, *Constitution and Code*, 27 *Cumb. L. Rev.* (1996—1997).

174 Этот пример показывает как возможности, так и ограничения политики, «прошитой» с помощью технологии. Персонаж можно заставить пролистать текст ходатайства, но нельзя заставить его внимательно прочесть этот текст.

175 Фактически в большинстве голосований голосуют всего лишь около 20% населения, имеющего право голоса и зашедшего в LambdaMOO в период, пока идет голосование.

176 Так, например, чтобы заставить игроков отдать свой голос, можно насильно удерживать их в специальной комнате для голосований, куда они будут попадать сразу же после входа в MOO в том случае, если проводятся какие-то новые голосования; единственным способом покинуть эту комнату и вернуться в «общество» будет участие игрока в голосовании. Голосование может быть связано и с другими сторонами жизни в MOO; например, тем, кто не участвовал минимум в трех четвертых последних двенадцати голосований, может быть отказано в любом увеличении квоты. В качестве альтернативы можно через каждые пять минут рассылать игрокам напоминания о проводящихся голосованиях и необходимости отдать свой голос; это явно будет раздражать участников MOO и, возможно, подтолкнет многих из них к тому, чтобы проголосовать и перестать

очень велик, так как каждое ходатайство — это всего лишь текстовый «объект», а каждый политический процесс создан, по сути дела, алгоритмом программы. Дело в том, что в LambdaMOO гораздо сильнее, чем в реальной жизни, ясен тот предел, до которого право выбора модели политического процесса является именно правом выбора. Как выразилась одна из личностей LambdaMOO:

LambdaMOO это не «закрытая» или «гомеостатическая» система — нам ничего не навязывают... Все законы, которые существуют в LambdaMOO, были созданы в пустоте, где никто не мог предсказать, как они в действительности будут работать с живыми, дышащими людьми, «живущими по закону». Люди ошибаются. Глупцы те, кто не осознает, что ошибки можно исправлять. В виртуальной реальности их можно исправить!

В LambdaMOO ясно видно, что политические процессы — это искусственные объекты, созданные человеком, и поэтому очевидно, что они тоже подвергаются исправлениям. Мы снова видим явное подобие между политикой в LambdaMOO и теоретическим представлением Роберто Юнгера. В LambdaMOO можно исправить все.

Право Lambda в действии

К 1 февраля 1996 года избиратели LambdaMOO провели сорок четыре голосования. Обсуждались важные социальные проблемы Lambda, такие как процедуры увеличения и передачи квоты, механизмы ограничения бурного роста населения LambdaMOO, создание команд, позволяющих опытным игрокам временно «изгонять» из системы гостей, если те недостойно или раздражающе себя ведут, создание способа, позволяющего одним игрокам запрещать другим участникам MOO, которые им неприятны, использовать их объекты или посещать их комнаты*37; включение параграфа в текст «правил поведения», гласящего, что сексуальные приставания «не допускаются сообществом Lambda» и могут привести «к вечному изгнанию из MOO». Другие голосования проводились по поводу референдума, провозглашавшего легитимность ходатайств и системы голосований, ходатайства, утверждавшего, что сообщения, пропагандирующие ненависть к гомосексуалистам, должны уничтожаться, и декларации о том, что ни одно ходатайство не может «подкупать» игроков, предоставляя какие-то особые льготы тем, кто поддержал мероприятие, подписав ходатайство.

Разрешение споров в LambdaMOO

Процесс подачи ходатайств также использовался для создания системы разрешения споров. Арбитражная система LambdaMOO состоит из добровольцев; любые участники, являющиеся членами общества, по меньшей мере, четыре месяца, могут предложить свои услуги в качестве арбитров. Каждый член LambdaMOO, включая магов¹⁷⁷, подвластен арбитражной системе. Любой игрок может инициировать спор с другим игроком. Человеку, требующему выяснения отношений при помощи дебатов, должен быть причинен реальный ущерб, что может по-разному пониматься разными людьми; вынесение решения по этому поводу отдается на усмотрение арбитров. Оба участника спора должны выбрать арбитра из тех, кто добровольно вызвался для разрешения этого дела; если спорящие не могут прийти к единому мнению по этому поводу, арбитр будет назначен случайным образом. Другие заинтересованные игроки могут присоединиться к ведущемуся спору, но участник не может начать дебаты сразу против нескольких игроков или начать два спора одновременно. Для

получать такие напоминания. Я не пропагандирую ни одну из этих систем, скорее я просто демонстрирую широкий спектр технологических возможностей и то, что политика и технология не могут рассматриваться отдельно друг от друга.

177 Хотя это и официальное правило, многие игроки очень скептически относятся к такому утверждению

каждой дискуссии создается свой список рассылки; любой, кто пожелает прокомментировать события, сам процесс или любой иной аспект дебатов, может сделать это при помощи списка рассылки¹⁷⁸. Арбитры выслушивают обе стороны, собирают информацию и сообщают свои решения при помощи списка рассылки. Они «поощряют участие в дебатах других игроков, но им не нужны их советы». Хотя сами участники и не могут обжаловать решение, оно может быть пересмотрено другими арбитрами. Если за отмену вынесенного решения проголосует больше арбитров, чем за сохранение его в силе, то вынесенное решение отменяется и, в зависимости от обстоятельств, либо тот же самый арбитр, который уже разобрал это дело, повторно проводит рассмотрение, либо вместо него назначается новый. Судебные разбирательства в отсутствие одной или обеих сторон не одобряются, однако допустимы¹⁷⁹.

У арбитров есть большие возможности средств судебной защиты. Они могут «потребовать практически любого воздействия на виновного в пределах МОО». Они могут изменять квоту игрока, утилизировать любой из его объектов или уменьшать полномочия игроков. Они могут на некоторое время изгнать из МОО любого из участников спора или приказать персонажу участвовать в общественной работе¹⁸⁰. Они даже могут наложить самое исключительное из всех наказаний — «превращение в жабу», выражение, используемое в LambdaMOO для обозначения виртуальной смертной казни. Существуют только два значительных ограничения для арбитров: (1) они могут выносить приговор только по отношению к двум спорящим игрокам; они не могут предлагать наказание, которое нарушит права других игроков, а также требовать введения нового закона по результатам арбитражного разбирательства; (2) действия, которые они предлагают, не должны выходить за пределы LambdaMOO. Наказание не может предусматривать каких-либо действий в реальной жизни. Однако на практике первое ограничение на полномочия арбитров является серьезной проблемой по двум причинам. Во-первых, такое ограничение означает, что, за исключением предоставления потенциально убедительных примеров существования норм сообщества, споры больше не представляют никакой ценности в качестве прецедентов. Иной системы для рассмотрения сходных споров, кроме применения обществом механизма «отмены» принятого решения, не существует. Кроме того, что еще более важно, когда спор затрагивает структурную проблему МОО, арбитр ограничен в принятии решения из-за специфики затронутой проблемы. Таким образом, арбитражное разбирательство не может использоваться для разрешения фундаментальной структурной проблемы, лежащей в основе спора и, возможно, требующей отдельных дебатов. Арбитры не могут препятствовать всему населению МОО в предпринятии каких-то действий, кроме того, арбитр не может использовать свое влияние для изменения социальной политики или проведения институциональной реформы.

Так за что же борются люди в LambdaMOO? Двумя наиболее важными сферами разногласий и дебатов являются природа прав собственности в LambdaMOO и противоречия между свободой слова и оскорблением.

178 Конечно, списки рассылки являются самым доступным, хотя и далеко не единственным местом для изложения своих комментариев участниками МОО. Ограничения моего анализа арбитражных разбирательств связаны с тем, что из всех архивов МОО мне доступны только списки рассылки.

179 Рассмотрение дела в отсутствие одной из сторон может быть необходимо в случае, когда кто-то отказался участвовать в разбирательстве дела или вовсе не появлялся в МОО в течение некоторого времени.

180 Отмечу, что большинство из этих наказаний может применить только маг. Однако если решение арбитров не было отменено, то маги обязаны его выполнить (по крайней мере, официально утверждается, что они обязаны это сделать).

Права собственности

До какой степени зарегистрированные игроки Lambda владеют объектами, которые они создали в МОО? Насколько создателю комнаты или объекта следует контролировать, кто будет использовать их и как? Могут ли особо полезные объекты быть названы общественным достоянием? С проблемами прав собственности были связаны несколько споров и голосований. Например, в споре «Margeaux против Yib», Yib отказалась предоставить вертолетной площадке, созданной Margeaux, место в своем списке внешних комнат. Yib заявила, что этот лист является ее собственной разработкой и поэтому ей следует разрешить использовать собственные критерии для принятия решения о включении в список. Она планировала сделать свои критерии справедливыми и хотела включать в список любую внешнюю комнату при условии, что она была «тематической», то есть при условии, что она близка к теме воздушных транспортных средств, имеет приличный внешний вид и хорошо воспринимается игроками. С точки зрения Yib, вертолетная площадка Margeaux сделана из швейцарского сыра и расположена на втором этаже ее дома, что совершенно не похоже на внешние комнаты и, следовательно, не дает права на включение в список.

Margeaux утверждала, что список Yib не был объектом, находящимся в частной собственности, а являлся общедоступной услугой. (В сущности, лист Yib обеспечивал основу для системы внутренней авиации МОО; если где-то место не было отмечено в листе, то игрокам было бы очень сложно пролететь над этим местом или приземлиться там на любом виде воздушного транспорта.) По словам Margeaux, «это уже не проект Yib. Сейчас это общедоступная транспортная система». По словам одного из игроков, проблема заключалась в следующем: «Что такое общедоступный объект? И если объект становится "общедоступным" (хотя до сих пор не определено, что это означает или когда это происходит), то кто контролирует этот объект? Автор-создатель? И должен ли такой автор сразу же после признания своего объекта общедоступным, неожиданно начать следовать неким указаниям (которые также не определены)?».

Сам спор не дал ответа ни на один из сформулированных выше противоречивых вопросов (на самом деле, по правилам арбитража Lambda, спор и не мог затрагивать такие глобальные проблемы). Тем не менее Margeaux и Yib нашли компромисс; Yib согласилась опубликовать свои стандарты для включения внешних комнат в список посадочных площадок и модифицировать код таким образом, чтобы люди могли приземляться на свои собственные вертолетные площадки, независимо от того, указаны они в каталоге Yib или нет.

Другой спор, связанный с правом владения, касался игрока, создававшего объект за объектом, а затем немедленно уничтожавшего их, чтобы получить объекты с конкретными номерами. (Он хотел получить «волшебный», по его мнению, номер — 93939.) Каждому объекту в LambdaМОО, от игрока до листа рассылки, присваивался свой номер, в основном эти номера раздавались последовательно. Игрок, осуществив свою попытку получить конкретный номер, который ему захотелось, уничтожил сотни номеров объектов. Аргумент против его поведения был существенным: эти номера являлись коллективным ресурсом, общим для всего сообщества, а игрок нарушал условия, необходимые для их совместного владения и использования всем сообществом. Игрок был наказан: часть его возможностей была временно ограничена¹⁸¹.

Наряду со спорами, проблемы, связанные с правами собственности, породили множество ходатайств. Один персонаж написал ходатайство, которое могло дать ему право владеть многочисленными объектами, принадлежавшими другим людям. Он объяснил свои мотивы: «Я не анархист. Я сторонник доктрины о свободе воли. Я верю в права собственности. В сущности, я борюсь именно за них. Однако, хотя я и представляю

¹⁸¹ Отмечу, что большинство из этих наказаний может применить только маг. Однако если решение арбитра не было отменено, то маги обязаны его выполнить (по крайней мере, официально утверждается, что они обязаны это сделать).

LambdaMOO реальным сообществом, где люди по-настоящему взаимодействуют друг с другом, это всего лишь "виртуальный" мир. Так почему бы немного не позабавиться с анархией? Это весело. Интересно использовать демократическую систему для осуществления анархических намерений».

Некоторые игроки высоко оценили попытку этого персонажа изменить LambdaMOO, в то время как остальные открыто осуждали ходатайство, как «идиотскую растрату ресурсов». Но даже поддержавшие его признавали, что голосование по этому предложению было «шуткой» и у ходатайства не было ни единого шанса успешно его пройти*56, и, действительно, ходатайство не прошло голосования. Тем временем противники персонажа, выдвинувшего это ходатайство, при помощи другого ходатайства частично преградили предложенный им путь возможной передачи собственности. Предложенное противниками ходатайство предполагало разрешить персонажам MOO писать завещания о распоряжении своим имуществом в случае, если их по какой-то причине «утилизируют» или если они совершат «саMOОбийство». (Ко времени предложения этого ходатайства один из магов работал «смертью» и принимал решения о том, что произойдет дальше с имуществом «умерших» персонажей.) Главный аргумент, приведенный в пользу введения завещаний, гласил, что завещания — это компонент, присущий праву на собственность: персонажам следует иметь какой-то механизм, с помощью которого они могли бы реализовать свое имущество, даже в случае ухода из MOO навсегда. Это ходатайство могло позволить персонажам указывать отдельные предметы, которые следовало уничтожить или сохранить в случае их смерти в MOO, а также завещать свою собственность отдельным личностям или, наоборот, препятствовать определенным лицам для ее получения. Упоминания проблем интеллектуальной собственности в реальном мире, а именно: сущность охраны авторского права, действие авторского права на «находящуюся в материальной среде» энергозависимую компьютерную память, нарушение прав интеллектуальной собственности в случае исключения кого-либо из MOO, использование программных продуктов, созданных изгнанным персонажем, — в изобилии присутствовали в дебатах по этому ходатайству.

В LambdaMOO споры о собственности менее распространены, и они не такие жаркие, в отличие от споров о речи. Но, несмотря на это, все же возникли серьезные спорные вопросы о природе права собственности на имущество в MOO. Если кто-то пишет код и делает его общедоступным, то должен ли в таком случае автор каким-то образом отчитываться перед общественностью? В каких масштабах следует создателям комнат и объектов контролировать, кто и как использует эти комнаты и объекты? Следует ли рассматривать похищение чьего-то кода как наказуемое преступление? Обитатели LambdaMOO продолжают биться над этими вопросами о природе права собственности в их виртуальном мире.

Свобода слова и оскорбления

Споры по поводу свободы слова и оскорблений гораздо чаще встречаются и гораздо более язвительны, чем споры, возникающие из-за прав собственности. Например, в споре «Abaxas против Iucifuge2» игрок затеял диспут с персонажем, который часто оскорблял других игроков, был несдержан в выражениях. В частности, Iucifuge2 неоднократно использовал эти команды для того, чтобы переместить других игроков, без их на то согласия, в неприятные места LambdaMOO, такие как «груда тлеющих углей» и «ад». При рассмотрении этого дела почти все согласились, что поведение Iucifuge2 было оскорбительным; вопрос был только в соответствующем наказании. Однако в дальнейшем проблема осложнилась, когда выяснилось, что человек, стоящий за персонажем Iucifuge2, уже несколько раз был наказан за аналогичное поведение, хотя раньше он использовал другие имена. Но некоторые люди, не принимая во внимание ранее совершенные им преступления, были убеждены, что использование самых суровых форм наказания, таких как «превращение в жабу» или раскрытие реальной информации о человеке, не соответствовало тяжести правонарушения. Они отмечали, что игроки могли легко защитить себя от выходов

Iucifuge2 с помощью простейших мер защиты, а потому суровое наказание неоправданно и не имеет значения, насколько оскорбительным было поведение Iucifuge2.

Что же это за меры защиты, которые могла использовать жертва? Любой игрок в LambdaMOO может «заткнуть» другого игрока (или объект); набор команды «@gag»¹⁸² предотвращает появление слов «заткнутого» игрока на данном экране. Эта команда действует только на печатавшего ее; она не распространяется на то, что заглушённый игрок может сказать кому-то еще. Другая команда позволяет игроку «отклонять» высказывания или команды персонажа. Например, игрок может отклонить получение от кого-то пейджинговых сообщений¹⁸³ или отклонить перемещение самого себя из одного места в другое кем-то другим. В действительности любой заткнувший Iucifuge2 или отклонивший посылаемые им команды перемещения стал бы невосприимчив к его оскорблениям¹⁸⁴.

Некоторые из дебатов в этом деле и в некоторых аналогичных случаях велись по преимуществу по поводу реакции на то, что в LambdaMOO называлось «злоупотребление командами». Многие считали, что ответственность, несомненно, лежит только на том, кто использовал «оскорбительные» команды. Арбитр в споре «Авахас против Iucifuge2» описал свою беседу с персонажем, по отношению к которому злоупотреблял командами Iucifuge2: «[Этот персонаж] считал, что постоянное, бессмысленное использование сверхэмоциональных команд, которые произвольным образом перемещали игроков, создает недопустимую обстановку, которая открыто нарушает право игрока свободно пользоваться общественными местами MOO... [Она] также хотела заявить, что ни один игрок не должен принуждаться к применению команды "@gag" по отношению к агрессивным игрокам... поскольку в итоге те, кто применял команду, могут стать уязвимыми к насмешкам со стороны агрессивного игрока, и в результате игрок, применивший команду "@gag", может быть унижен перед своими друзьями и гостями».

Однако другие участники дискуссии подчеркивали, что, хотя поведение, подобное поведению Iucifuge2, и раздражает, его высказывания защищены правом на свободу слова. По выражению одного из игроков: «Не нравится, как разговаривает Iucifuge2? Он грязное трепло? Ничего не поделаешь, так делают многие из нас. Заткни его, если он тебе не нравится. Я не сторонник уничтожения любителей поговорить, которые появляются время от времени, и не слишком обращаю внимание на их оскорбления. В этом месте следует защищать свободу слова».

В другом споре, в котором были подняты сходные проблемы, комментатор сжато резюмировал две различные точки зрения: «Те, кто не верит в возможность договориться с правонарушителями MOO, могут утверждать, что эти нарушения могут быть искоренены с помощью таких команд, как "©отклонить всех от <имя нарушителя>". Другие сравнивают команды, подобные "©отклонить всех от <имя нарушителя>", с принятием болеутоляющего и надеванием повязки на глаза во время акта насилия».

Согласно же третьей точке зрения, «оскорбительные» команды следовало запретить совсем или возложить ответственность за их использование на создавших их программистов. По словам одного из игроков, «такой тип поведения (то есть использование команд для перемещения персонажей) следует предотвращать, запрещая использование соответствующих команд. Если же все команды будут доступны для общего пользования, то кто должен решать, когда их использование "заходит слишком далеко"? Какое допустимое

182 To gag — заткнуть; заставить замолчать; остановить (англ.).

183 Так же, как и в реальной жизни, пейджинговое сообщение можно услышать, даже если вы не находитесь в одной комнате с его отправителем; однако, в отличие от реальной жизни, в LambdaMOO послание слышит только адресат.

184 Это некоторое преувеличение; по всей видимости, существуют программные способы обойти команды @gag или @refuse. Но эти команды все же обеспечивают некоторую степень защиты.

применение должны иметь команды "отправить в канализацию" или "ударить молнией"?». Как писал другой игрок:

...я полагаю, что в случае, подобном этому, ответственность лежит на персонаже, создавшем подобные команды. Я могу со всей уверенностью сказать, что его команды не имеют никакой другой цели, кроме оскорбления игроков. Это не тот случай, когда оскорбительные команды написал ребенок. Их создатель по умолчанию дал согласие на использование этих команд, предоставив доступ к своим творениям. (И мы, общество, тоже в свою очередь даем создателю команд свое согласие на их распространение, так как не заставляем его отчитываться за создание объектов, единственное назначение которых — оскорблять других, и отводим себе всего лишь роль воспитателей для «пользователей» этих команд.) Я предвижу, что все вышеперечисленное будет постоянной проблемой для разрешения споров, так как наше общество — это неустановившееся общество, с непрерывно присоединяющимися игроками различных возрастов.

В конечном счете Iucifuge2 был присвоен статус игрока, придуманный специально для этого спора: на два месяца его возможности были сильно ограничены. Создатель этого нового статуса описал его следующим образом: «Это класс игрока, отправленного в тайм-аут, названный так в память о моей четырехлетней медицинской работе с непослушными детьми. Им назначался "тайм-аут" для того, чтобы они обдумали свое поведение». Во время своего тайм-аута Iucifuge2 было разрешено присутствовать в LambdaMOO, однако его деятельность была ограничена: ему было запрещено использование всех команд, за исключением самых простейших, необходимых для общения. У него также отсутствовала возможность «затыкать» или «отклонять» других игроков. Однако у него сохранялось право начать спор в случае, если бы он стал жертвой оскорбления.

Этот спор и многие другие споры, посвященные речи, возникающие в LambdaMOO, наглядно демонстрирует сложность разделения категорий речи и действия в MOO. Один игрок может набрать слова на своей клавиатуре, и эти слова — эти высказывания — отражаются в принудительном перемещении другого игрока в какое-то место MOO, то есть отражаются в действии. Более того, игроки в LambdaMOO могут «обманывать» друг друга¹⁸⁵. Как правило, обман в MOO представляет собой высказывания, которые никто не произносил. Но обман также может использоваться одним персонажем для того, чтобы имитировать другого персонажа. Если персонаж в жилой комнате LambdaMOO произносит обидные высказывания, то, казалось бы, это именно он, а не кто-то другой произносит их. Но что, если другой персонаж посредством обмана добивается того, что кто-то, кто в действительности даже не печатает слова на клавиатуре, начинает в MOO произносить эти обидные высказывания? Это слова или это действие? И следует ли вообще придавать в LambdaMOO важность этому различию?

В LambdaMOO остается существенное разногласие по поводу надлежащего соотношения между свободой слова и защитой от нежелательных высказываний. Были предложены голосования как в поддержку свободы слова, так и в пользу существенного ее ограничения. К примеру, в одном из этих голосований было предложено признать свободу слова «основополагающим правом» и запретить любые споры, основанные «исключительно на содержании речи», вероятно, имелись в виду споры, основанные на обвинениях в сексуальных домогательствах или на оскорбительных высказываниях. Появились и разногласия, касающиеся того, включать ли «обман» в категорию защищенной речи при помощи ходатайства; однако по поводу статуса обмана так и не было достигнуто согласия, которое бы обеспечило положительный результат голосования по этому вопросу. Поэтому, как и предполагалось, голосование провалилось, набрав 337 голосов против и 269 голосов за.

185 Более подробное и всестороннее обсуждение обмана см.: Lee-Ellen Marvin, SpooF, Spam, Lurk and Lag: The Aesthetics of Text-based Virtual Realities, 1 J. Computer-Mediated Communications, Issue 2 (1995), текст доступен по адресу <http://www.usc.edu/dept/annenberg/voll/issue2/index.html>.

Меры, направленные против изнасилований, иллюстрируют другую крайность. Предложение о введении этих мер отчасти подстрекалось печально известным в LambdaMOO инцидентом, в котором персонаж под именем Mr. Bungle «обманул» в общественных местах нескольких игроков, насильственно принуждая их к половому акту и добиваясь того, чтобы все было похоже на их добровольное участие¹⁸⁶. Ходатайство вносило предложение о том, чтобы рекомендуемым наказанием для неисправимых виртуальных насильников стало «превращение в жабу» или вечное изгнание. При помощи голосования по этому ходатайству была предпринята попытка установить отличия между высказываниями и действием в LambdaMOO. Эта попытка привела к сложной системе определений:

Виртуальное изнасилование, также известное как «изнасилование MOO», определяется в LambdaMOO как имеющий отношение к сексу акт насилия, сильного унижения или крайне оскорбительного действия, направленного против персонажа, который явно был против подобных действий. Вышеописанным актом изнасилования считается любое действие, имеющее отношение к принудительным раздеванию против чьей-то воли, прикосновениям или иным действиям с половыми органами одного персонажа, осуществляемым другим персонажем.

В целях данного ходатайства под «действием» понимается локальное или удаленное использование персонажем или объектом, который контролирует персонаж «эмоционально окрашенных» команд, команд обмана или других команд, выполняющих аналогичные функции.

Использование команд «сказать», «отправить сообщение», «прошептать»... и других функциональных возможностей, предусматривающих тот же смысл, не рассматривается в этом ходатайстве как «действия», они считаются «словами». Краткие послания, почтовые сообщения, описания и другие общедоступные средства связи в LambdaMOO, которые скорее цитируют или передают написанное, чем выражают действие, также являются формами «речи». Это ходатайство не следует понимать, как уменьшение свободы слова в общественных нормах LambdaMOO. Высказывания могут продолжать считаться оскорбительными или раздражающими, но в целом не рассматриваться как виртуальное изнасилование, если они не описывают персонажа как совершающего явно насильственные действия.

Автор этого ходатайства пытался с помощью процитированных определений провести различие между теми словами, которые дают «ощущение цитирования», и теми, которые дают ощущение действия или деятельности. Спор по поводу этого голосования включал обширную дискуссию о том, прозрачно ли такое различие между словами и действием и, даже если оно и отчетливо, было ли правильным основание для определения суровости наказания. В конечном счете голосование по этому ходатайству было очень активным и получило поддержку большинства голосующих, но не преимущественно в две трети, необходимое для прохождения. Окончательный подсчет дал следующие результаты: 541 за, 379 против и 167 воздержалось.

Технология разрешения конфликтов Разрешение конфликта посредством диалога

Кажется, арбитры LambdaMOO, как и многие реальные судьи, участвующие в рассмотрении дел, готовы идти практически на все, чтобы избежать отмены механизма арбитражных разбирательств. Еще раз напомню, что возможность комментировать все происходящее в MOO, а именно: обвинение, судебный процесс, правомочность арбитров, соответствующее наказание,— не только реальна, но и поощряется самой LambdaMOO, что выражается в существовании посвященных спорам списков рассылки, с помощью которых

¹⁸⁶ См. статью современного классика: Julian Dibbell, A Rape in Cyberspace, Village Voice, Dec. 21, 1993, p. 36, доступную по адресу <http://www.levity.com/julian/cyberculture.html>, а также на многих других сайтах

свое мнение может выразить любой член сообщества¹⁸⁷. Единственная стратегия, которую используют арбитры, дабы уменьшить возможность отмены арбитража, заключается в выяснении мнений игроков перед принятием решения. Зачастую арбитры при помощи листа рассылки в неофициальной форме объявляют свое предполагаемое решение, запрашивая у пользователей МОО предложения и замечания. Это дает арбитру возможность увидеть, поддерживает ли сообщество предложенный им способ разрешения спора, а также дает шанс привести свои доводы в защиту решения и, по возможности, убедить в верности предложенного решения тех, кто недоволен выбранными санкциями. Одной из наиболее примечательных черт большинства арбитражных разбирательств в LambdaMOO является их диалогический характер. Обычно между спорящими сторонами, арбитром и другими членами сообщества происходит оживленная дискуссия и делается множество взаимных уступок. Арбитры во время дебатов редко сохраняют свойственную судьям сдержанность; они участвуют в споре, обсуждают, поясняют основания решений и даже меняют свои взгляды. На практике дискуссия очень часто побуждает арбитра изменить предложенное им наказание: например, дважды в спорах с участием *lucifuge* арбитр изменил предложенное наказание в ходе дискуссии, развернувшейся в списке рассылки, посвященной данному спору. В споре «Abaxas против *Lucifuge2*» наказание изменилось от раскрытия информации о сайте персонажа до перевода его в режим «тайм-аут» на два месяца. В споре «Basshead против *lucifuge*» наказание также изменилось: вместо временного изгнания — постоянное исключение.

Официальный язык

Процесс разрешения споров посредством диалога, однако, может сильно нагружать систему. Списки рассылки, посвященные спорам, могут превратиться в перебранку. Кроме того, арбитры иногда чувствуют себя расстроенными из-за влияния, которое оказывает на их санкции сообщество, особенно в тех случаях, когда один арбитр посвящен во все обстоятельства двух сторон конфликта. Как объяснил один из арбитров, уходящий со своей должности: «Говоря откровенно, я не хочу попасть в ситуацию, когда мне придется считаться с мнением масс вопреки своему более справедливому решению, являясь при этом единственным, кто заслушивал обе стороны в этом деле».

Подобные вмешательства общества привели к тому, что некоторые арбитры осуществляют другую стратегию, в дополнение к совместному диалогу или вместо него — нормализацию: то есть некоторые арбитры пытаются получить законные основания для своих решений, используя язык юридических терминов и официальным языком доводя до всеобщего сведения установленные фактические обстоятельства. Например, арбитр, участвовавший в споре Basshead и обнародовавший очень точный и юридически обоснованный набор правил о том, кому разрешается вступать в дебаты, объясняет:

«Я понимаю, что эти правила могут показаться слегка формальными, но против *lucifuge* требовалось принять серьезные меры, и я собирался поставить этот процесс выше всякой критики до такой степени, чтобы иметь возможность самостоятельно руководить процессом». Официальная речь и внимание к процессу могут придать авторитет арбитражному разбирательству; это может неявно подразумевать, что процедура была справедливой и безупречной. Такая попытка быть официальным, используя официальный язык, — далеко не самая странная стратегия в обществе, состоящем исключительно из текста¹⁸⁸.

187 Такая возможность комментировать все происходящее очень широко используется. Зачастую к окончанию споров в списках рассылки, которые сопутствуют дебатам, накапливаются сотни сообщений.

188 Отмечу, однако, что в деле Basshead, несмотря на то что первоначальное решение арбитра было вынесено очень корректно и по существу, оно все равно было отменено. Еще замечу, что эта стратегия распространяется не только на арбитров. В одном из споров, причиной для которого послужила клевета, игрок для объяснения того, почему совершенные действия следовало признать юридически подсудными, использовал формулировки

Пути развития права в Lambda: формализация и сопротивление

Тенденция грядущей формализации может проявляться как институционально, так и индивидуально. Она не ограничена отдельными арбитрами или даже группами арбитров. Скорее вся правовая система LambdaMOO находится на перепутье. Многие полагают, что существующий в настоящее время строй доказал свою несостоятельность. Споры часты и очень язвительны. Высоки риски срыва планов, и обычным делом являются обвинения в предвзятом отношении. Причем из-за того что арбитражные средства защиты права не могут распространяться на другие случаи, помимо участников спора, многие из проблем, лежащих в основе споров, не могут в достаточной мере быть адресованы к арбитражной системе. Объяснения существующих в настоящее время трудностей различаются между собой: некоторые считают виновными в проблемах продажных и заботящихся только о собственных интересах арбитров, другие считают, что проблемы лежат в институциональной структуре, а оставшиеся с подозрением смотрят на саму идею права в Lambda.

Выход за пределы существующей в настоящее время системы ограничений реализуется двумя подходами. Один подход благоприятствует росту степени формализации права в Lambda, в то время как другой требует, чтобы право в Lambda было уничтожено. Те, кто добивается формализации, надеются установить более мощные правовые и судебные механизмы наряду с более четкими правами и ответственностью игроков. Противоположный лагерь пропагандирует уход от права. В течение всего 1995 года и в первые месяцы 1996 года два этих лагеря находились в тупике: ни одна из группировок не преуспела в мобилизации достаточного количества избирателей для того, чтобы радикально изменить всю систему LambdaMOO, однако оба подхода поддерживаются игроками и продолжают свое существование.

Формализаторы

Возможно, самой значительной попыткой формализаторов добиться успеха была их попытка создания весной 1995 года Комитета судебного контроля (КСК), также известного как Верховный суд LambdaMOO. Этот Комитет задумывался как выборный орган, ответственный за толкование любого вопроса, связанного с правом в Lambda, и, в случае необходимости, выступающий в качестве апелляционного суда для пересмотра решений, вынесенных магами или исполнительными органами LambdaMOO. Комитет мог быть правомочен в четырех случаях: (1) установление правильного толкования пунктов ходатайства или существующего права, (2) основанное на процессуальных нормах, которым обязаны следовать маги, опротестование решений, связанных с рассмотрениями ходатайств, (3) возражения против способа реализации ходатайства магами и (4) возражения процессуального характера против действий управляющих и квазиуправляющих органов LambdaMOO. Для вынесения дела на рассмотрение Верховного суда игрокам надо было доказать свою непосредственную и конкретную заинтересованность в деле или собрать пятнадцать подписей в пользу ходатайства. Ходатайство о создании судебного контроля также объявляло, что все решения, прошедшие голосование в LambdaMOO, будут иметь статус конституционного права и что другие формы правотворчества не будут иметь такого статуса, пока они не будут официально утверждены голосованием.

У ходатайства о создании Комитета судебного контроля было три основные цели. Во-первых, оно предполагало обеспечить некоторую структурную ответственность за действия магов. Во-вторых, с его помощью надеялись обеспечить процессуальную ответственность за действия, предпринимаемые арбитрами или Комитетом контроля архитектуры, предоставляющим квоты. В-третьих, как мы уже видели, существующая в LambdaMOO

система права часто делает споры о верном толковании неразрешимыми. Яростные дебаты возникли вокруг таких вопросов, как, например, является ли ходатайство, создавшее «правила поведения», сводом правил вежливости в МОО или законом, применимым в принудительном порядке. Наличие системы арбитражных разбирательств, чьи решения не могут использоваться в качестве прецедентов, наряду с отсутствием авторитетного органа для разрешения вопросов о различиях в толкованиях, означает, что дебаты по подобным спорам не закончатся никогда. Каждый раз, когда начинается новый спор, связанный, например, с сексуальными домогательствами, аргументами кидаются с такой же силой, как и всегда¹⁸⁹. Комитет судебного контроля мог бы обеспечить механизм для доведения дебатов до логического конца — социальную структуру с полномочиями выносить окончательные решения¹⁹⁰. Хотя большинство избирателей скорее поддерживало это мероприятие, чем выступало против него, голосование по введению Комитета судебного контроля провалилось, не набрав поддержки двух третей участвующих в голосовании, требовавшейся для принятия. Однако самая претенциозная попытка формализации никогда не выносилась на голосование. Этой попыткой было предложение по реструктуризации, которое, хотя и находилось на рассмотрении магов более года, но так и не прошло его из-за того, что большое количество тонкостей реализации было сочтено не вполне понятным. Это ходатайство создавало «билль о правах»: права на неприкосновенность частной жизни, права каждого контролировать доступ к личной собственности, права на защиту от оскорблений, права на свободное выражение, права подавать жалобы в юридическую систему, права предлагать изменения социальной политики и права на надлежащую правовую процедуру (в основном это понималось как право осуществлять любой ограниченный по времени процесс, например процесс подачи ходатайств, без учета времени простоя базы данных LambdaMOO. Это предложение также установило ответственность граждан — от обязанности докладывать (не злоупотребляя) о любом нарушении безопасности до обязанности уважать конституционные права других граждан и права на интеллектуальную собственность (например, не копировать чей-либо код без разрешения). Кроме того, это ходатайство создавало законодательный орган, но не выборный, а форум, открытый для каждого, кто пожелал бы принять в нем участие, посвященный социальным проблемам (но не техническим вопросам). Для внесения изменений в конституцию был бы необходим референдум; законодательный орган не мог самостоятельно осуществлять подобные изменения¹⁹¹. Ходатайство также устанавливало определенные минимальные требования для судебной системы. Другое предложение о перестройке структуры предлагало другой билль о правах, который также включал в себя немало прав — от права на свободное выражение до права на представление LambdaMOO

189 Параграф из «правил поведения», который упоминается в любом споре, причиной которого стало нанесение оскорбления, гласит: «...сексуальные домогательства (в первую очередь сюда относятся действия, имитирующие акты насилия в отношении персонажей, не дававших согласия на подобные действия)... не допускаются сообществом LambdaMOO. Один-единственный прецедент подобного акта насилия и последующий за ним надлежащий правовой процесс приведут к постоянному изгнанию из LambdaMOO». Означает ли этот параграф, что наказание за сексуальные домогательства — это «превращение в жабу»? Всегда ли? Какой процесс называется «надлежащим»? Эти и другие вопросы возникают постоянно.

190 Отмечу, что в предложении о создании Комитета судебного контроля не было условия, запрещающего игрокам МОО повторно представлять на рассмотрение вопросы, которые уже были решены ранее. Таким образом, самые решительные игроки могли бы постоянно пытаться повторно поднять на обсуждение спорные вопросы права, ранее урегулированные Комитетом. Тем не менее Комитет судебного контроля обладал бы полномочиями быстро прекращать любое дело, в котором речь шла об уже разрешенных правовых разногласиях.

191 Из-за того, что это ходатайство признавало различие между обычным правотворчеством и «правотворчеством наивысшей инстанции», в случае подобных фундаментальных изменений потребовалось бы увеличение участия граждан МОО в этих изменениях, а также увеличилось бы и количество процедур, необходимых для их реализации. Более подробное обсуждение нормального правотворчества и правотворчества наивысшей инстанции см.: Bruce Ackerman, *We the People* (1991).

как ограниченной Вселенной. Это более позднее ходатайство о билле о правах было вынесено на голосование и получило поддержку большинства избирателей, но не набрало необходимых двух третей голосов.

Важная сторона всех предложений о реструктуризации заключается в том, что они не просто пытаются с большей точностью определить само право Lambda, но и делают попытки положить его на более надежное основание — то есть сделать его более устойчивым и менее подверженным изменениям. В частности те предложения, которые явным образом стремятся «конституционализировать» некоторые аспекты права Lambda, по сути своей являются попытками создать определенный общественный строй или отдельные права, которые бы с трудом поддавались изменениям или ликвидации. То есть эти предложения повышают власть и силу институциональных ограничений. В этом смысле попытки формализации точно отражают стремление, которое хотел подавить Роберто Юнгер. Если Юнгер стремился «уменьшать разрыв между противоречиями режима внутри структуры общественной жизни и революционной борьбой за эту структуру», то эти предложения формализации стремятся к более детальным различиям между структурой и режимом, к большему разрыву между основной институциональной структурой и низкоуровневыми институциональными конфликтами. Юнгер утверждал, что не может быть ухода от общественного строя¹⁹², и поэтому представлял себе какую-то разновидность конституции, хотя она и должна была иметь в качестве своей главной особенности право на разрушение социальных структур.

Тем не менее опыт LambdaMOO показывает, что даже в среде, в которой общество допускает антинатурализм, существуют определенные воздействия, благоприятствующие тому, чтобы структуры действительно были похожи на структуры. Только то, что жители LambdaMOO осознают антинатурализм своего сообщества, еще не означает, что они одобряют неустойчивые или легко изменяемые общественные структуры. Как мы видели, на практике многие из наиболее активных игроков LambdaMOO разочарованы гибкостью своей виртуальной среды и стремятся разработать общественные институты, которые были бы более формализованы и более устойчивы, то есть общественные институты, которые бы в большей степени порождали структуры, чем препятствовали им.

Опыт, полученный в LambdaMOO, наводит на мысль об ошибке любой теории, предполагающей неизбежные связи между осознанием антинатурализма и созданием общественных структур, которые легко разрушить или изменить. Видимо, несколько непоследовательно для самого Юнгера допускать неизбежность подобной связи: ведь одна из центральных тем его работы — опровержение неизбежности как объяснения общественных структур или исторических перемен. И все же Юнгер полагал, что понимание общества как антинатуралистического тесно связано с созданием более пластичных, гибких и модифицируемых общественных структур. Он приводил доводы о том, что его теория, объясняющая общество как антинатуралистическое и его программные идеи по поводу изменения общества «тесно взаимосвязаны: они подкрепляют друг друга, и каждая выражает свой аспект единой концепции». Однако на примере LambdaMOO видно отступление от этих правил. Ход формализации в LambdaMOO показывает, что возможно и полностью осознавать антинатурализм, и нуждаться в очень устойчивых и трудно изменяемых общественных формациях. Другими словами, осознание не обязательно ведет к революции, понимание сущности создания общества не обязательно ведет к появлению таких общественных структур, которые легко изменить и перестроить.

192 См. id., p. 23. Юнгер пишет, что лучшее из того, что мы можем сделать — это «придумать для достижения наших целей более оригинальные институциональные инструменты. Нам не остается ничего другого, кроме как пойти на такую хитрость. И наша новая хитрость должна исправить недостатки старухуловки. Мы гонимся за миражом, пытаясь найти совершенно неискаженную систему свободного взаимодействия».

Сторонники отмены права

В то время как некоторые члены сообщества тратят свои усилия, пытаясь формализовать и расширить право Lambda, другая фракция надеется уменьшить или совсем уничтожить право. Пытаясь сократить право в Lambda, сторонники этой точки зрения предложили большое количество ходатайств и голосований с антиформализаторским и антиправовым уклоном. Эти голосования пародировали формализаторский стиль и должны были добавить немного юмора в судебный процесс. Подтекст голосований был следующим: «Вспомните, предполагалось, что LambdaMOO будет развлечением. Это игра. Можем мы все немного повеселиться?» Одно из голосований проводилось по поводу принятия предложения «Выбирая справедливость», которое позволило бы отдельным жителям Lambda не прибегать к арбитражному разбирательству и разрешать споры с помощью уифла¹⁹³. Смысл предложения состоял в том, чтобы каждый из игроков получил уифл-болл — летучую мышь (другими словами, виртуальную пластмассовую игрушку), чтобы иметь возможность отправить ее тем игрокам, которых они считают агрессивными, надоедливыми или заслуживающими наказания по каким-то иным причинам. Любой персонаж, получивший определенное количество таких игрушек, автоматически изгонялся бы из LambdaMOO на сутки.

Сторонники уифлов доказывали, что предлагается альтернатива утаиванию дел и арбитражному судебному механизму в виде относительно небольшого наказания, «доступного без всей законодательной шумихи», и заявляли, что такое решение может действительно повысить уровень вежливости в MOO*90. Уифлы явно планировались в качестве правовой системы Lambda. Один из сторонников уифлов писал, что он «против введения в общество LambdaMOO насилия, связанного с использованием юристов, арбитражного разбирательства и правового бюрократизма. Это MOO, а не суд, действующий по нормам общего права. Поддержите уифлы!» Противники уифлов утверждали, что игроки будут злоупотреблять своими уифлами — летучими мышами и заваливать ими людей без причины. Они заявляли, что введение уифлов было бы «нецивилизованным» и напоминало бы суд Линча, что оно стимулировало бы насилие, а право выдворять из LambdaMOO неугодного человека привело бы к хаосу и развалу общества Lambda. В конечном итоге население LambdaMOO в целом провалило голосование по уифлам — было отдано 345 голосов за и 376 голосов против при 268 воздержавшихся.

Другое ходатайство предлагало игру в «Скрабл» в качестве альтернативного механизма для разрешения споров. Некоторые из участников находили этот механизм очень подходящим для MOO: «LambdaMOO — это общество, практически полностью основанное на словах; подобное предложение предлагает форму урегулирования споров, которая учитывает этот факт». Однако ходатайство о игре в «Скрабл» было отклонено на контрольном рассмотрении из-за того, что игроки смогли бы специально придумывать споры и договариваться с магами о том, что победитель получает увеличение квоты, используя игру в «Скрабл», чтобы положить конец более справедливой процедуре распределения квот.

Другое не менее забавное предложение предполагало прикрепление нового описания к тому игроку, который предложит успешно прошедшее контрольное рассмотрение ходатайство об изменениях в политической системе: «[Имя игрока] носит невзрачный костюм-тройку и уродливый галстук. [Игрок] несет ручной кожаный чемоданчик. На одной стороне чемоданчика большая надпись, которая гласит "Политик MOO. Остерегайтесь!"». Любой игрок, к которому прикреплялась эта характеристика, не мог бы удалить ее в течение трех недель. Хотя некоторые игроки находили занимательным голосование по подобному вопросу и полагали, что вполне приемлемо смутить политиков Lambda, другие заявили, что это было бы дискриминацией и, кроме того, просто неприятно. Голосование по данному

193 Уифл-болл — полые тренировочные шары с отверстиями, используемые в гольфе; они гораздо легче игровых, а дальность их полета меньше. Названы по имени производящей их Wiffle Ball Inc.

предложению провалилось, набрав 304 голоса за, 404 против, 253 игрока воздержалось. Самая экстремальная анти-формализаторская мера предлагала полную ликвидацию арбитражной системы. Ее автор отстаивал возвращение к виртуальному природному состоянию, то есть к системе, когда каждый игрок сам отстаивает свои права. Автор предлагал и уничтожение всего судебного принуждения, санкционируемого правом МОО. Дебаты по этому вопросу переросли в оскорбления, и мероприятие провалилось.

Все эти разногласия между формализаторами и их противниками о праве Lambda по сути своей являются философскими дебатами о природе LambdaМОО. И для противников права, и для его сторонников все заботы о смысле LambdaМОО ограничиваются областью права. Тем, кто рассматривает МОО как развлечение, виртуальную игровую площадку, право Lambda кажется лишним и бесполезным, нелепой бюрократической преградой, мешающей наслаждаться МОО. Эти члены Lambda считают, что формализаторы воспринимают самих себя и LambdaМОО гораздо серьезней, чем следовало бы. Многие, если не большинство, противники права полагают, что LambdaМОО является всего лишь игрой, виртуальной реальностью, которую не следует путать с реальностью истинной.

Однако стоит отметить, что некоторые из тех, кто препятствовал формализации права, выступали и против крупных посягательств на социальную структуру, что вполне в духе Юнгера. Например, один из противников предложения о Верховном суде, писал:

В данный момент мы столкнулись, с одной стороны, с МОО, которая не слишком подвержена изменениям, а с другой стороны, с предложением [из этого ходатайства], предполагающим нам утвердить единый набор сложных правил и процедур в качестве «правового сердца» LambdaМОО. Это прямо противоположно тому, что, по моему мнению, нам действительно необходимо, чтобы сделать это место более интересным и живым. А что нам «нужно», так это больше возможностей для экспериментирования и изменения, для того, чтобы одновременно проводить множество социальных и политических опытов (и не зависеть от последствий чужих экспериментов).

Если следовать этому мнению, то однозначно необходимо препятствовать усилению права, так как оно препятствует социальным и политическим экспериментам. Однако для формализаторов право выполняет двойную функцию: практическую и символическую. С одной стороны, они рассматривают правовую систему как практическую необходимость, потому что обществу требуются реальные механизмы для рассмотрения споров, принятия законов и создания общих норм поведения. Однако вместе с этим закон выполняет и символическую функцию: LambdaМОО будет обществом только при наличии четкой правовой системы. То есть уже само существование права Lambda становится доказательством того, что LambdaМОО — это нечто большее, чем просто игра, доказательством того, что происходящее — это не просто развлечение, а создание виртуального сообщества. У всех игр есть правила, но слышал ли кто-нибудь об игре, где есть Верховный суд и сложная правовая система? В этом смысле, формализованные законы становятся механизмом, посредством которого игроки LambdaМОО могут доказать, что они участвуют в чем-то большем, чем просто в ролевой игре, доказать, что они участники вполне развитого виртуального мира. Таким образом, право не только обеспечивает механизмы разрешения споров и законодательные процедуры, но и придает официальный статус всему происходящему в МОО.

К чему же приведет эта философская битва между формализаторами и противниками права? Кажется, что большая часть жителей МОО — или, по крайней мере, большая часть голосующего населения — больше поддерживает формализаторов, чем их противников. Некоторые из формализаторских голосований, включая проект Комитета судебного контроля, получили поддержку большей части участвующих в голосовании избирателей, хотя ни одно из предложений и не получило необходимого большинства голосов. В противоположность этому ни одна из различных антиформализаторских мер не была поддержана явным большинством. Таким образом, поддержка формализаторов является более широкой и сильной, чем поддержка противников права. Кроме того, отсутствие живого общения и

разнообразии сообщества Lambda наводит на мысль о том, что неофициальные механизмы принуждения к выполнению норм не будут исполняться; в действительности уже доказано, что они не исполняются. Поэтому кажется очень возможным, что пока будет существовать LambdaMOO, будет существовать и право в Lambda.

Право реального мира и право lambda: определение границ

Если бы право Lambda оказалось обязательной частью LambdaMOO, то определение надлежащих взаимоотношений между правовой системой внутри виртуального мира и правовыми системами, существующими вне его, стало бы проблемой. Как должны выглядеть взаимоотношения между LambdaMOO и правовой системой реального мира? Одной из крайностей (правда, нереальных) могло бы быть признание LambdaMOO как отдельной юрисдикции американскими судами. Другой крайностью было бы считать право Lambda несоответствующим «реальным» юридическим определениям деятельности, осуществляющейся в MOO. При каких обстоятельствах события, происходящие внутри виртуального пространства, смогут дать основание для судебного преследования в реальном мире?¹⁹⁴

Метафоры для MOO LambdaMOO как клуб

Если бы LambdaMOO была бы чем-то похожим на клуб, то существование права Lambda было бы практически неуместным в более широких правовых рамках. Другими словами, существование механизмов разрешения споров в MOO не отражалось бы на возможности игроков LambdaMOO искать разрешения вопросов, возникших внутри MOO, за ее пределами. Право Lambda в этом случае напоминало бы устав клуба или внутренний устав университета. Так же как правила клуба могут запрещать членам клуба определенные действия, точно также и право Lambda могло бы запретить в MOO некоторые действия, вполне допустимые за пределами LambdaMOO. Но если следовать этой аналогии, то правила Lambda не должны ограничивать правовые возможности игроков LambdaMOO вне MOO. Если у университета есть правила, запрещающие клевету, а студента оклеветали в университетской газете, то он может подать судебный иск вместо подачи или совместно с подачей жалобы внутри университета. Существование внутренних процедур не влияет на возможность студента обращаться за помощью к закону, эти процедуры также не наносят вреда действующим правовым стандартам¹⁹⁵. Точно также и право LambdaMOO имело бы незначительное отношение к судебным разбирательствам, происходящим за пределами MOO, даже если причинами, лежащими в основе судебного процесса, стали действия, произошедшие в MOO. Рассмотрение LambdaMOO в качестве клуба общения означает отсутствие причин, дающих ее организационным формам и структурам какое-то особое юридическое признание.

LambdaMOO как деревня

Если бы у права Lambda был статус, сходный со статусом «деревни», то было бы приемлемым исчерпание средств защиты права самой Lambda, перед получением доступа к государственным средствам защиты права. То есть если мы рассматриваем LambdaMOO как

194 Уифл-болл — полые тренировочные шары с отверстиями, используемые в гольфе; они гораздо легче игровых, а дальность их полета меньше. Названы по имени производящей их Wiffle Ball Inc.

195 Однако в некоторых случаях частные нормы могут оказать влияние на меры, применяемые судами, например если рассматривается мера заботы сообщества о своих членах или вопрос, который можно по-разному толковать.

отдельное пространство, расположенное внутри более крупных географических целостностей, — подобно тому как город расположен внутри штата, расположенного внутри страны,—то нам может потребоваться, чтобы правовая система МОО первоначально направляла споры на местный уровень их рассмотрения перед тем, как разрешить апелляцию к высшим инстанциям. Такая концепция предполагала бы необходимость исчерпания средств защиты права самой Lambda перед тем, как разрешить кому-либо за пределами Lambda выносить правовые решения на основании действий, происходивших внутри МОО. Согласно этому подходу суды прекращали бы рассмотрение любого дела, в котором истец первоначально не воспользовался всеми средствами защиты права, доступными ему в LambdaМОО. Другими словами, игрок LambdaМОО не может возбуждать против кого-то судебный процесс о клевете, которая имела место в LambdaМОО, без проведения первоначального арбитражного разбирательства с очернителем в самой LambdaМОО. Мы можем сравнить арбитражный процесс в Lambda с функциональным эквивалентом суда первой инстанции для споров, возникающих в LambdaМОО, или, точнее, сравнить его с административным правом¹⁹⁶. Точно так же, к примеру, как правительственный служащий может подавать в суд по поводу своего незаконного увольнения только после исчерпания административных мер защиты, точно так же и житель LambdaМОО сможет предпринимать какие-то действия вне МОО только после использования всех доступных процедур LambdaМОО.

Однако проблема, связанная с использованием этого подхода, заключается в том, что, в отличие от окружного суда или административного органа, у правовых институтов Lambda нет официальных юридических полномочий. Они не являются авторитетом в стране и не признаются ею, и в обозримом будущем не предвидится каких-либо изменений в этом плане. Поэтому маловероятно, что суды примут такой подход к LambdaМОО, — если только сама LambdaМОО не потребует этого от своих участников при помощи заключения договора. Например, LambdaМОО могла бы утвердить ходатайство, добавляющее к тексту, который видит каждый игрок при входе в систему, следующее: «Подключаясь к этому МОО, Вы соглашаетесь полностью использовать все средства правовой защиты в самой МОО, прежде чем сделать какую-либо деятельность, действия или речь, произошедшие в МОО основанием для судебного процесса за пределами LambdaМОО». Хотя суды едва ли сами установят такое требование полного использования средств защиты права, остается вероятность, что они осуществят его в случае, если станет условием договора участия в МОО¹⁹⁷. В качестве альтернативы LambdaМОО могла бы придерживаться модели, которую используют в своих контрактах многие предприятия и требовать обязательного арбитражного разбирательства для всех противоречий, возникших в МОО и не разрешенных при помощи механизмов разрешения споров МОО.

LambdaМОО как независимая страна

Третий подход — предположительно нереальный, однако заслуживающий аналитического рассмотрения — заставил бы суды признать LambdaМОО отдельной юрисдикцией. Это было бы похоже на представление LambdaМОО как некоего обособленного физического пространства, независимой территории. Говоря юридическим

196 Возможно, что в случае подачи иска в реальный суд после исчерпания всех средств защиты права в LambdaМОО будет проведено повторное рассмотрение иска.

197 Этот подход иллюстрирует, как сами организации могут создавать то, что Роберт Эликсон называет «правилами выбора регулятора», то есть правилами того, кто будет разрешать споры в случае их возникновения и образуют ли споры правовую систему. См. выше: Ellickson, прим. 12, р. 131—134. Более подробное и всестороннее обсуждение применения в киберпространстве правил «выбора регулятора» приведено в статье: David G. Post, Anarchy, State, and the Internet: An Essay on Law-Making in Cyberspace, 1995 J. Online L. art. 3 по адресу <http://www.law.cornell.edu/jol/jol.table.html>

языком, LambdaMOO будет эквивалентна не деревне в штате, а другой стране. Рассмотрение LambdaMOO как независимой юрисдикции имеет некоторые концептуальные преимущества. Но где же конкретно в конце концов происходит деятельность LambdaMOO? Сервер базы данных находится в Калифорнии, но персонажи подключаются к нему с компьютеров из разных мест страны, более того, из разных точек мира. Если LambdaMOO — деревня, в каком штате или в какой стране расположена эта деревня?

С другой стороны, если игрок из Сиэтла дискредитирует игрока из Сент-Луиса перед игроками из Сассекса и Сиракуз, то где происходит эта дискредитация — в Калифорнии, Вашингтоне, Миссури, Англии, Нью-Йорке? Где конкретно было совершено правонарушение? Возможно, наиболее удовлетворительный ответ на этот вопрос заключается в том, что правонарушение было совершено в LambdaMOO. То есть мы можем рассматривать LambdaMOO как некое реальное место — то место, где была совершена дискредитация игрока. Если бы LambdaMOO понималась как независимая сущность, обладающая собственной юрисдикцией, то в большинстве случаев суды в реальном мире отказывались бы разбирать споры, возникающие в результате действий, целиком и полностью происходящих в LambdaMOO. Как суды США не имеют полномочий для разрешения споров, происходящих в Германии между немцами, точно так же американские суды не имели бы полномочий для разрешения споров, происходящих между игроками в LambdaMOO.

Конечно, на практике ситуация будет значительно более сложной из-за наличия большого количества судов, расположенных в различных местах и имеющих свои собственные правовые возможности и полномочия. Если участник MOO из Калифорнии нарушил права другого участника, так же из Калифорнии, то, даже если бы суды Калифорнии и признали LambdaMOO независимым органом власти, они наверняка имели бы полномочия разрешить данное дело. Если мы будем дальше развивать этот сценарий, то дойдем до абсурда: мы сможем представить и судебное разбирательство касательно адекватности средств защиты права в LambdaMOO и определяющих, применять ли принцип «неудобного места рассмотрения дела», или занимающихся тщательным анализом выбора правовой нормы. Конечно, это надуманные сценарии. Дело в том, что даже признание независимости LambdaMOO как юрисдикции не даст гарантии, что споры, возникающие в LambdaMOO, будут разрешены с помощью ее собственных правовых механизмов. Все эти проблемы, связанные с юрисдикциями, не появились бы, имей LambdaMOO исключительную власть над всем происходящим в ней. Тем не менее даже если LambdaMOO и напоминает страну, сами игроки, набирающие текст на экранах своих компьютеров, все равно находятся в определенных географических местах реального мира. На основании чего суд в реальном мире будет утверждать, что у него отсутствовали полномочия над действиями реального человека, осуществлявшимися в пределах его границ? Если игрок, находящийся в Калифорнии, дискредитировал кого-то в LambdaMOO, то, очевидно, что суду в Калифорнии будет казаться, что обвиняемый подсуден именно ему и что суд Калифорнии имеет все полномочия для разрешения данного дела. Тем не менее существует сильный метафорический резонанс от признания LambdaMOO независимой юрисдикцией; это связано с тем, что многие люди считают киберпространство несуществующим.

LambdaMOO как ролевая игра

LambdaMOO можно представить и как ролевую игру, сходную по типу с игрой «Драконы и подземелья», но, безусловно, обладающую более широкими возможностями и более сложную¹⁹⁸. Для проведения такой аналогии необходимо различать роль и игрока, то есть образ, который кто-то принял в MOO, и самого человека, который в действительности

¹⁹⁸ MOO действительно берут свое начало в ролевых играх, подобных «Драконам и Подземельям», отсюда происходит и название «многопользовательское подземелье».

печатает слова на клавиатуре компьютера. Если бы LambdaMOO была ролевой игрой, то, возможно, персонажей следовало бы представлять скорее как вымышленных созданий, а не субъектов права. Но вымышленные персонажи (в отличие от признанных законом юридических лиц, таких как корпорации) не имеют правового статуса. Другими словами, если персонажи не являются субъектами права, то они не могут ни подавать иск в суд, ни сами отвечать в суде. С юридической точки зрения нанесение ущерба вымышленному персонажу неподсудно, но и человек, который управляет персонажем, не может подавать иск от имени своего персонажа. Скайуокер. Может ли Джордж Лукас подать иск в суд по поводу дискредитации Люка Скай-уокера? Оставим в стороне вопрос о том, возможно ли вообще дискредитировать вымышленную личность. Если бы Джордж Лукас мог доказать, что ему был нанесен ущерб этой дискредитацией, то основания для судебного иска были бы, но их не может быть у Люка Скайуокера. Поэтому для возбуждения гражданского иска на основании действия, совершенного в LambdaMOO, истец должен будет доказать, что человеку — пользователю компьютера, стоящему за вымышленным персонажем и являющемуся реальным человеком, — был нанесен ущерб. В отличие от ошибочного представления некоторых людей, ущерб репутации, нанесенный персонажу в MOO, не будет считаться нанесением ущерба пользователю, управляющему персонажем.

Однако реальные люди, стоящие за персонажами, будут ответственны за любой вред, который их персонажи нанесут реальным людям. Здесь можно провести аналогию с актером, напавшим на кого-то во время съемок фильма. Если случившееся — часть сценария и актер играл свою роль, то с юридической точки зрения он не совершил подлежащего суду акта насилия. Если же нападение не имело ничего общего со сценарием, то актер не может избежать ответственности, утверждая, что нападение совершил его персонаж, а не он сам. Другими словами — вернемся к примеру с дискредитацией, — если один персонаж MOO дискредитировал другого персонажа MOO, то гражданский суд откажет дискредитированному персонажу в возбуждении иска. Поэтому у жертвы дискредитации не будет другой альтернативы, кроме использования механизмов разрешения споров, доступных персонажу в LambdaMOO. Однако если персонаж MOO дискредитировал реально существующего человека, находящегося за пределами MOO, — возможно даже человека, который никогда не посещал MOO, — и в результате этой дискредитации реальному человеку был нанесен вред, вышедший за пределы MOO, у жертвы будет основание для подачи иска против пользователя, управляющего персонажем, который и произвел дискредитацию.

Однако этот подход основывается на четком разделении человека и того персонажа, которым он управляет. В действительности, разумеется, такие границы между вымышленной личностью и пользователем расплывчаты и неясны. Следствием такого разделения на пользователя и персонажа является то, что, перед тем как дать участнику MOO разрешение воспользоваться законодательством реального мира, требуется установление причинения вреда за пределами MOO. И даже если бы MOO было ролевой игрой, то, в случае возникновения ссоры, вред от которой ограничивался бы исключительно пределами MOO, были бы доступны только средства правовой защиты самой MOO. Иск о причинении вреда должен выйти за пределы игры, прежде чем он будет признан правом реального мира.

Итак, имеются четыре подхода к пониманию отношений между правом Lambda и правовой системой за пределами LambdaMOO. Каждый из подходов основывается на какой-то метафоре, представлении о сущности LambdaMOO. Так является ли LambdaMOO клубом или это деревня? Похожа ли она больше на страну или ролевую игру? Вся трудность, безусловно, заключается в том, что все четыре эти метафоры отчасти верны: LambdaMOO является гибридом. Это место необычно по двум причинам: из-за того что оно является неким утопическим местом, где возможно все, а также игровой площадкой для подростков. Это и клуб, и деревня, и страна, и ролевая игра. В таком случае какую метафору, а вместе с ней и структуру отношений между правом Lambda и санкционированного государством законодательства нам следует выбрать в качестве главенствующей?

Лаборатории для экспериментов

Как обсуждалось выше, LambdaMOO — это место, в котором реальность ограничена только воображением. Как отмечала в своей книге «Жизнь на экране», изданной в 1995 году, социальный психолог Шерри Теркл, виртуальная среда, подобная LambdaMOO, позволяет своим участникам заниматься творческим процессом моделирования самих себя. В MOO люди могут создавать персонажей, у которых они проявляют подавляемые в реальности стороны своей личности. В MOO они могут быть кем-то или чем-то, кем или чем они не способны быть в реальном мире. Но люди могут на свой страх и риск работать под своими настоящими именами и реальными описаниями; иногда в таких случаях MOO даже приносят человеку реальную психотерапевтическую пользу. Теркл описывает, каким образом виртуальное пространство стимулирует участников играть с различными сторонами своей личности, экспериментировать с чертами своего характера и представлением о самом себе. Но в MOO создаются и трансформируются не только индивидуальные особенности отдельных людей, но и особенности общества в целом. Точнотакже, как игроки придумывают сами себя, подходя к этому занятию нестандартно и творчески, они могут, воспользовавшись своим воображением, придумывать различные варианты политического строя и общественной структуры в MOO. Теркл называет места, подобные LambdaMOO, «лабораториями для создания личностей». Но такие места в равной степени могут быть и лабораториями для создания общества. Судья Льюис Брэндис сформулировал пожелание, которое впоследствии часто цитировали: «Самое удачное, что могло бы случиться с федеральной системой, заключалось бы в том, чтобы отдельный, набравшийся мужества для подобного шага штат мог, с согласия своих жителей, послужить в качестве лаборатории и провести нестандартные социальные и экономические эксперименты, без риска для всей оставшейся части страны». Спустя семьдесят лет именно виртуальные пространства могут наилучшим способом послужить в качестве лаборатории для проведения экспериментов, то есть в качестве мест, в которых участники эксперимента могут проверять социальные, политические и правовые механизмы.

Как мы видели, большинство споров в LambdaMOO связаны с проблемами прав собственности и свободы слова. Следует отметить, что острая полемика вокруг этих тем ведется не только в LambdaMOO, но и за ее пределами. Но в какой мере информация должна считаться собственностью? И как вообще следует выглядеть собственности в обществе, в котором самые ценные ресурсы в большей степени сим-воличны, чем материальны, так как являются словами, а не предметами? В какой мере информацию следует защищать как частную собственность? Все эти вопросы важны не только в LambdaMOO, но и в реальном мире. Все вышесказанное справедливо и для проблем, связанных со свободой слова: как следует правовой системе защищать людей от нежелательных разговоров и вместе с тем сохранять свободу и доступность общения? Могут ли слова сами по себе причинять вред, который следует признавать с юридической точки зрения? Существуют ли условия, при которых необходимо регламентировать содержание разговора? Очевидно, что эти вопросы являются важными и в сферах, находящихся далеко за пределами киберпространства. Поэтому подходы к решению этих проблем, сформировавшиеся в виртуальных сообществах, могут применяться или, по крайней мере, подсказать возможные пути решения таких же проблем и за пределами этих киберпространств.

Кроме того, правовая система LambdaMOO не создавалась на пустом месте. Она многое заимствует, явно или неявно, из правовых систем реального мира, особенно из правовой системы США. Часто участники реализуют какие-то идеи в области права, основанные на своем (иногда неправильном) понимании права реального мира. Например, нигде в праве Lambda нет точной кодификации ни права свободы слова, ни права на неприкосновенность частной жизни, но, тем не менее, большинство участников предполагают, что такие права существуют в MOO. (Забавно, что часто именно противники права наиболее горячо

доказывают, что свобода слова неприкосновенна¹⁹⁹.) На процессуальном и институциональном уровнях мы также видим огромное влияние, которое правовая культура США оказывает на процесс создания права Lambda участниками LambdaMOO. Как в механизме, используемом арбитрами для поддержания своего авторитета, так и в структуре Комитета судебного контроля мы видим использование системы рассмотрения процессов для вынесения решений, обоснованных с точки зрения права. Такая концепция пришла в LambdaMOO именно из правовой системы реального мира. Мы также видим использование концепции прав на собственность по отношению к виртуальным объектам, созданным компьютерным кодом. А язык, который используют участники LambdaMOO, например для объявления своих предложений о создании «Верховного суда LambdaMOO» и «Билля о правах LambdaMOO», — отражает ту правовую культуру, в которой эти участники существуют вне киберпространства.

Участники LambdaMOO создают для себя структуры, напоминающие те, от которых они не ждут неприятных сюрпризов. Но сильное доверие существующим моделям права, как процессуальным, так и материально-правовым, означает наличие ограничений для любого принципа, рассматривающего виртуальную реальность как совершенно оторванную от реальной жизни. Структура LambdaMOO делает возможным изменение мира путем изменения кода, и такие изменения ограничены только воображением. Тем не менее, хотя персонажи и места могут выглядеть как нечто, никем не виденное прежде (в реальном мире совершенно отсутствуют такие создания, как фрактальные драконы, и в нем нет возможности переместиться на лифте из Калифорнии в Китай), то, в отличие от них, организации кажутся нам весьма знакомыми. Однако мы должны быть осторожными и не стремиться к полному сходству. Право Lambda одновременно и тесно связано с культурой реального мира, и является ее калейдоскопической трансформацией. Отношение права Lambda к реальному праву не похоже на простое подражание. Это форма правового коллажа, смещения элементов «реального» права — и элементов непрофессиональных представлений о «реальном» праве — вместе с институциональными вариациями и новаторскими концепциями.

Очень вероятно, что в дальнейшем виртуальные пространства, подобные LambdaMOO, смогут стать лабораториями для проведения экспериментов с различными институциональными разработками и правовыми стандартами. Отметив эту возможность, я возвращаюсь к вопросу о главенствующей метафоре, о наилучшем способе представления взаимоотношений между реальностью и виртуальностью, правом Lambda и правом реального мира. Какое из представлений LambdaMOO — как клуб, деревня, страна или ролевая игра — дает наилучшую возможность для превращения виртуальных сообществ в опытные лаборатории для общественной и экономико-правовой сферы? Какой из подходов будет наиболее пластичным и гибким для многократного институционального моделирования?

Самой лучшей метафорой кажется та, которая описывает LambdaMOO как ролевую игру. Уподобление LambdaMOO ролевой игре дает ее участникам наибольшую свободу для экспериментов и, более того, наибольшее количество правовой автономии. Подчеркивая игровые стороны LambdaMOO, мы придаем особое значение возможности LambdaMOO создавать для себя правила, отличные от правил, действующих за ее границами. Признание LambdaMOO игрой, игровым пространством позволяет участникам играть, находясь в LambdaMOO, — то есть создавать и переделывать как самих себя, так и общественные институты. Назвать LambdaMOO «всего лишь» игрой — это самый простой способ освободить происходящее внутри LambdaMOO от внешнего правового контроля. Если бы LambdaMOO была клубом, то у внешних правовых институтов не было бы причин считаться с правилами MOO в случае их разногласий с правилами реального общества. Если бы

199 Идея о том, что защита свободы речи включает в себя защиту от нарушения ее государством, полностью отсутствует во всех обсуждениях свободы слова в MOO, с которыми я знакома. Преобладающее в MOO мнение заключается в том, чтобы рассматривать право на свободу слова как неотъемлемое право индивидуума.

LambdaMOO была деревней, то в случае конфликта законов деревни с законами штата законы штата имели бы большую силу, чем законы деревни. Если бы LambdaMOO была страной, то принцип международной вежливости предполагал бы, что судам реального мира следует уважать право Lambda как имеющее законную силу; однако в этом случае возникали бы сложные вопросы о юрисдикции. Если бы LambdaMOO была игрой, то игрокам, как правило, было бы сложно применять закон внешнего мира в тех случаях, когда он отличался бы от правил игры. Игрок американского футбола не может подавать в суд иск о нападении, если он был сбит с ног во время игры, даже если бы такое же действие при других обстоятельствах давало ему право на возбуждение иска. Когда он соглашается играть в футбол, он соглашается с его правилами, даже если они идут в разрез с правилами, принятыми обществом в целом. Точно так же участнику LambdaMOO было бы трудно возбудить судебный иск за действия, разрешенные правилами MOO, даже если подобное действие было бы запрещено за пределами MOO. Очевидно, что существуют некие границы, до которых общество разрешит дойти игре: фраза «это было частью общей игры» вряд ли предоставит достаточную защиту в суде в случае убийства. Несмотря на это, уподобление виртуального сообщества ролевой игре предоставит LambdaMOO наибольшую свободу от внешнего правового контроля.

Кроме того, метафора ролевой игры дает удобное руководство для определения того, когда внешнему законодательству следует разрешить действиям в Lambda стать основой для судебного процесса. Эта аналогия помогает нам понять, когда фраза «это было частью общей игры» не должна защищать игрока от ответственности. Как обсуждалось выше, рассмотрение LambdaMOO в качестве ролевой игры наводит на мысль о различиях между ролью и игроками, между образом и человеком. Разумеется, это различие не всегда явно. Как отмечает ШерриТеркл, «MUD размывают границы между личностью человека и игрой, между личностью человека и его ролью, между личностью человека и притворством». Действительно, в MOO часто происходят конфликты, которые наводят на мысль о непостоянстве пары взаимосвязанных различий — различия между образом и человеком и различия между жизнью в Lambda и реальной жизнью.

Для определения тех случаев, когда игроку можно требовать применения законодательства реального мира, будет полезна следующая процедура: разрешение доступа к внешнему праву происходит при условии практически полного исчезновения различий между ролью и игроком, между жизнью в MOO и реальной жизнью. То есть когда действия, которые происходят в пределах MOO, имеют последствия за ее пределами или когда действия персонажа причиняют вред не другому вымышленному образу, а реальному человеку, то во всех этих случаях человеку следует дать возможность требовать возмещения причиненного вреда через внешнее законодательство. Еще раз ; подчеркну, что вымышленный персонаж не признается судом. Для того чтобы средства правовой защиты могли опираться на действия, произошедшие в MOO, именно игроку, а не его персонажу должен быть причинен реальный ущерб. И этот предполагаемый ущерб должен быть причинен в реальном мире, а не в MOO. Только при наличии всего вышеперечисленного и следует применять внешнее законодательство.

В некоторых случаях неизбежно будут разрушаться все границы между придуманным образом и реальным человеком, между LambdaMOO и внешним миром. Действительно, в LambdaMOO существует множество примеров разрушения этих границ. Формально взаимоотношения между правом Lambda и внешним миром довольно просты. Файл помощи арбитрам гласит, что «единственными действиями в реальной жизни, имеющими существенное отношение к делам, рассматриваемым арбитражем LambdaMOO, будут интеллектуальные процессы пользователя компьютера и тот факт, что все написанное этим пользователем в MOO было следствием этих процессов». Как выразился другой игрок, «следует сделать правом всех игроков "право рассматривать весь обмен информацией, происходящий за пределами MOO как нечто, не имеющее отношения к MOO"... MOO есть MOO. Это не внешний мир». Но на деле может быть трудным сохранять такое разграничение

между МОО и внешним миром. Вот что писал один из арбитров, пытавшийся разрешить подобную проблему в судебном деле, в котором тесно переплелись действия участников в реальном мире и в Lambda:

Я расстроен и продолжаю расстраиваться все сильнее из-за того, что не могу влиять на события за пределами БД [базы данных]. Однако я могу принимать во внимание ту опасность, которую представляет для LM [LambdaМОО] действие в RL [реальной жизни]. Я считаю необходимым максимально ограничить наши отношения с MUD. Но мне кажется, что мы не сможем просто игнорировать существование этой проблемы уже из-за того, что кто-то решил вступить в конфликты вне МОО. Я боюсь, что, поступив подобным образом, мы только стимулируем увеличение подобных конфликтов.

Проблема, на которую указывает арбитр, заключается в том, что трудно сохранять четкое различие между действиями в реальной жизни и действиями в LambdaМОО, когда участники в ходе спора используют в качестве поля боя и реальность, и LambdaМОО. Если у участников LambdaМОО есть разногласия друг с другом и в реальной жизни и в LambdaМОО, то эти игроки никогда не поверят в то, что происходящее в одном месте никак не связано с тем, что происходит в другом месте. Другими словами, если игроки в ходе спора ставят знак равенства между вымышленной фигурой и реальным человеком — если они, так сказать, «срывают маску персонажа», — то арбитражной системе чрезвычайно сложно заставить их повторно «надеть сорванную маску» и успешно разрешить спор. В одном очень напряженном споре обвинения против игрока включали заявление о том, что он угрожал использовать информацию, полученную им от персонажей в LambdaМОО, для того чтобы причинить им беспокойство в реальной жизни. В ходе спора обвиняемый совершил саМООбий-ство: он добровольно изгнал самого себя из LambdaМОО. Один из наблюдавших за спором прокомментировал весь парадокс такого результата: «Несмотря на то что вы победили в выдуманной среде, он все еще может причинить вам вред в реальной жизни!»

С одной стороны, в LambdaМОО существует широко распространенное мнение о том, что LambdaМОО нельзя заявлять о своей власти над какой-либо стороной реальной жизни. С другой стороны, все игроки в МОО знают, что иногда LambdaМОО и реальность не слишком различаются. Действительно, и дружеские отношения, и вражда могут проникать сквозь границу, отделяющую реальную жизнь от виртуальной. Вера в необходимость законодательства в LambdaМОО для поддержания полного разделения реальности и виртуальности сосуществует с пониманием того, что это разделение часто неосуществимо. Это противоречие ведет к приведенному ниже обмену мнениями. По утверждениям одного игрока,

...эта специфическая проблема будет широко обсуждаться. Если у вас с другим игроком есть настоящие проблемы в реальной жизни, то вы не можете требовать возмещения ущерба в виртуальной реальности при помощи программы арбитража. Требовать возмещения за реальные правонарушения можно только в реальности. Если же у вас с другим игроком есть проблемы «виртуального характера» в МОО, то вы можете возбуждать в арбитраже дело по этой проблеме и пытаться добиться справедливости именно в том месте, где произошло правонарушение, где арбитраж обладает «юрисдикцией».

Но нет никаких переходов из одного мира в другой.

Другой игрок ответил на это замечание: «Сколько примеров подобных очевидных переходов вам нужно, чтобы признать, что они существуют?» Полное разделение реальной жизни и жизни в LambdaМОО — юридическая фикция: несмотря на то что такое разделение не подтверждается жизненным опытом людей, его все равно рассматривают как необходимое условие для работы правовой системы LambdaМОО.

В отличие от правовой системы LambdaМОО, внешняя правовая система вынуждена признать отсутствие подобного разделения. Несомненно, что по тем же причинам, по которым исчезает различие между настоящей и вымышленной жизнью, — что выражается в нанесении реального вреда реальным людям, — именно по этим же причинам законодательство должно признать происходящее в LambdaМОО в качестве подсудных

деяний. Приведу всего несколько примеров: если персонаж LambdaMOO украл в MOO компьютерный код другого персонажа LambdaMOO, а затем за пределами MOO продал копию украденного кода, то, хотя кража произошла в пределах MOO, у игрока, у которого украли код, может быть основание для подачи иска о нарушении авторского права. Или если персонаж LambdaMOO оклеветал какого-то человека из реального мира, то дискредитированному человеку следует иметь возможность потребовать возмещения ущерба, хотя речь была произнесена в MOO. И очевидно, что происходящее в MOO могло бы использоваться в качестве доказательства в делах, основаниями для которых послужили действия, совершенные за пределами MOO. Однако, за исключением действий, причинивших вред реальному человеку за пределами MOO, дискредитация, кража собственности, сексуальные домогательства или даже виртуальное изнасилование, совершенные в MOO, не будут считаться правонарушением вне MOO. Отметим также, что для того, чтобы подобная система работала, моральный ущерб, полученный человеком в результате нанесения вреда его вымышленному персонажу, не может рассматриваться как ущерб, позволяющий получить возмещение вне MOO.

Дело здесь не в том, что персонажу нельзя причинить реальный вред. Скорее вопрос заключается в том, какая организационная структура лучше всего подходит для разрешения разных споров. Когда действия, причиняющие вред, происходят в LambdaMOO и ущерб наносится ее персонажу, судебный механизм LambdaMOO представляет собой наилучший общественный институт для урегулирования разногласий. И наоборот, когда причинение вреда выходит за пределы LambdaMOO, то лучше всего подходят для разрешения таких дел правовые институты за пределами LambdaMOO.

Таким образом, мы видим, что понимание LambdaMOO как ролевой игры имеет два полезных следствия. Во-первых, такое понимание открывает простор для институциональных экспериментов в рамках LambdaMOO и, таким образом, увеличивает ее правовую автономию. Кроме того, проводя различие между ролью и игроком, то есть вымышленным персонажем и реальным человеком, ролевая игра предлагает полезные инструкции для определения того, когда спорам, являющимся результатами каких-то действий в LambdaMOO, следует быть подсудными за пределами LambdaMOO. Следовательно, сравнение с ролевой игрой максимально увеличивает возможность использования LambdaMOO в качестве лаборатории для проведения экспериментов и вместе с этим предлагает систему определения их границ.

Парадокс заключается в том, что при всех разногласиях, существующих между формализаторами и их противниками по поводу существования права Lambda, именно противники права часто отмечали, что LambdaMOO — это игра. Для противников создания права признание LambdaMOO игрой подразумевает, что право Lambda является сложным и ненужным. Как полагали многие из противников права, признание Lambda игрой могло предотвратить ее слишком серьезное восприятие игроками. Однако придание особого значения сходству между LambdaMOO и ролевой игрой вовсе не требует уменьшения значимости LambdaMOO. LambdaMOO может одновременно быть и виртуальным сообществом и игрой. Или другими словами, LambdaMOO может быть серьезной игрой.

Однако мы должны принять во внимание противников создания права и их представления о том, что право Lambda является лишним в случае, если LambdaMOO — это всего лишь игра. Точка зрения противников создания права должна напоминать нам о том, что сравнение LambdaMOO с ролевой игрой для определения ее взаимоотношений с внешним законодательством не является панацеей. Оно не гарантирует, что LambdaMOO и места, подобные ей, действительно станут лабораториями для проведения социальных экспериментов. Такое сравнение сводит к минимуму насильственное вторжение права реального мира в LambdaMOO и в связи с этим максимально увеличивает пространство для институциональных инноваций. Размах подобных институциональных экспериментов в пространстве MOO — это отдельная тема. Конечно, в LambdaMOO, как это было отмечено выше, уже появились правовые и институциональные структуры. Будут ли они процветать —

до сих пор не ясно. Даже если мы максимально увеличим свободу LambdaMOO вводить какие-то новшества, то и в этом случае могут возникнуть существенные препятствия, осложняющие подобную трансформацию LambdaMOO. Виртуальные сообщества могут посчитать слишком сложным создание эффективных способов обеспечения соблюдения прав, которые они сами создали; участники могут не захотеть тратить свое время и энергию на создание институциональной структуры в виртуальном мире; неразрешимые философские споры (как, например, между формализаторами и противниками права) могут привести к застою, а не к развитию; может случиться, что безмерное расширение виртуальных пространств приведет скорее к разделению уже имеющихся, чем к созданию новых; и наконец, коллективная идея и полученный результат могут просто не соответствовать поставленной задаче.

Следовательно, LambdaMOO может быть своего рода проверкой нашей способности к коллективному воображению, реализованной в эксперименте. LambdaMOO — это мир, в котором возможно практически все. Это мир, в котором, для того чтобы уничтожить общественный институт (или персонаж), требуется всего лишь удалить какую-то часть программного кода; это общество, в котором создание общественных институтов или введение новаций реализуется в их описании. Это общество, в котором антинатурализм является общим и универсальным допущением. И это место, где слова могут материализоваться.

Таким образом, у LambdaMOO есть все необходимое, чтобы стать неким утопическим местом, где возможно все. Это место дает возможность участникам переделывать самих себя и свои общественные институты; это место позволяет критиковать и пересматривать институциональные структуры, находящиеся за пределами MOO.

У LambdaMOO есть возможность реализовать все вышеперечисленное, но вместе с тем остается и вероятность, что она не осуществит ничего из упомянутого. Действительно, полученный в LambdaMOO опыт в области права дает основание для критики Роберто Юнгера по двум взаимосвязанным причинам. Во-первых, полученный опыт демонстрирует нам живучесть укрепившихся общественных структур даже в антинатуралистическом обществе. А во-вторых, он показывает, что противоречия по важному вопросу, поставленному еще Юнгером, о том, каким следует быть устоявшимся общественным структурам, могут привести к застою. Сама структура LambdaMOO дает ей возможность стать тем местом, в котором можно производить творческие институциональные эксперименты и нововведения в институциональной структуре; но вместе с тем приобретенный в LambdaMOO опыт в области права заставляет нас быть осторожными с возможностью реализации на практике теории Юнгера.

Возможность осуществления идеи юнгеризма — идеи о девственном месте, в котором мы сможем смыть прошлые ошибки и начать все заново, — очередной миф. Всегда находились те, кто верил в возможность изменения человечества в лучшую сторону после переезда на новые, нетронутые земли. Эти надежды выражались в разных концепциях — от идеи создания нового человека в Новом Мире и до идеи создания места, свободного от ограничений, навязываемых обществом. Совершенно очевидно, что киберпространство стало еще одним звеном в этой цепи утопических «райских» мест и что в этом новом мире, точно так же как и в предшествующих мирах, утопистов постигло разочарование. Несмотря на это, виртуальные сообщества, подобные LambdaMOO, — странная смесь игр и миров, имитации и настоящего общества — еще могут доказать свою возможность быть теми местами, где можно заново разрабатывать институциональную структуру общества, где можно узнавать и изменять самого себя, политику и право.

Эпилог

В 1996 году, через год после публикации этого очерка в онлайн-журнале *Journal of Computer-Mediated Communications*, сама LambdaMOO, а также ее правовая и политическая

структуры претерпели огромное количество незначительных изменений. Например, хотя обсуждаемое выше голосование в пользу завещаний и не имело успеха, последующее голосование утвердило механизм в рамках развивающегося права LambdaMOO, позволяющий персонажам наследовать что-либо при помощи завещаний. Этот краткий эпилог не комментирует и не описывает подробно все то множество мелких исправлений, которые были сделаны в виртуальном сообществе. Необходимо уделить внимание одной важной модификации, заметно изменившей политический облик LambdaMOO. 16 мая 1996 года маги объявили, что они частично возвращают себе право осуществлять общественный контроль. Вспомните, что еще в 1993 году маги выпустили меморандум, в котором объявили, что в LambdaMOO устанавливается демократия. С этого момента маги стали выступать в роли технического персонала, были простыми исполнителями желаний «народа» и обещали впредь воздерживаться от принятия важных общественных решений *sua sponte*²⁰⁰. Меморандум 1996 года под названием «Смена курса LambdaMOO» («LTAD») подтвердил, что ни эксперименты с демократией, ни попытка наложить ограничения на деятельность магов не увенчались успехом.

Маги осознали, что различие между технической реализацией и принятием общественно значимых решений было необоснованным: «Следование намеченным курсом в течение последних трех с половиной лет сделало ясным, что это был недостижимый идеал: граница между "техническим" и "общественным" не ясна и может никогда не проясниться... Таким образом, мы осознаем и соглашаемся с тем, что в течение трех прошедших лет мы неизбежно приняли какие-то общественные решения и сообщаем вам о том, что мы сохраняем за собой свободу поступать подобным образом и впредь».

Далее меморандум объяснял, что маги больше не будут рассматривать себя просто как технический персонал: «С этого момента и впредь мы однозначно оставляем за собой право принимать решения, непосредственно влияющие на общество. Также мы признаем, что любое техническое решение может иметь социальные последствия; мы больше не будем стараться объяснять любое действие, которое мы совершаем. Несмотря на это, игроки по-прежнему смогут выражать свое мнение. Ваше участие необходимо. Кроме того, мы сохраним все существующие в настоящее время общественные институты... но мы поощряем разработку вами идей замены этих институтов новыми». Маги признали, что структура LambdaMOO всегда давала им кое-какие возможности, несовместимые с демократическими общественными институтами. В то же время в меморандуме утверждалось, что маги не хотели получить абсолютную власть и надеялись, что участники LambdaMOO творчески переработают существующие общественные институты и разработают новые, которые улучшат MOO.

С одной стороны, этот меморандум ознаменовал важное изменение — однозначное возвращение «воли магов», то есть меморандум подтвердил, что горстка облеченных властью магов могла совершать определенные действия в обход всех процедур и правил, которым подчиняется большинство населения MOO. С другой стороны, меморандум всего лишь подтверждал то, о чем давно заявляли многие участники MOO, — что MOO не было и не могло быть истинной демократией из-за наличия магов, этого назначаемого, а не избираемого органа, имеющего право последнего слова²⁰¹. Таким образом, меморандум был сродни государственному перевороту, совершенному группой людей, которые и без того всегда удерживали в своих руках бразды правления. Некоторые рассматривали произошедшее как радикальное и нежелательное изменение; один из игроков назвал день издания меморандума

200 По собственной воле (лат.).

201 Как описывает один из игроков: «Помимо прочего, я понимаю, что пока физическая власть находится в руках кого-то, кто ее не желает, нет никакой возможности для самоуправления. Власть в MOO всегда принадлежит тем, кто контролирует MOO в реальном мире. А власть над MOO в реальном мире принадлежит Павлу [Кертису] и его приемникам. И нет никакой возможности вырвать у него эту власть, так как здесь нет для этого ни оснований, ни средств, позволяющих сделать это законным путем» (*Arbitration, сообщение 5183).

«черный четверг». Другие, тем не менее, рассматривали его как возвращение к существовавшей прежде реальности. Как писал один из участников: «LTAD положило конец существовавшему [до сих пор] недоверию между магами и игроками». Разумеется, найдутся люди, считающие, что этот меморандум коренным образом изменил ситуацию в LambdaMOO, но всегда найдутся и другие, утверждающие, что LTAD практически не изменил существовавшего до сих пор положения.

На следующий день после публикации меморандума магов было выдвинуто ходатайство, смысл которого заключался в подтверждении согласия населения LambdaMOO на возвращение воли магов, описанное в меморандуме. Данное ходатайство поясняло: «Это голосование является попыткой определить правовое и общественное положение, предлагаемое LTAD. Успешное прохождение голосования... показывает, что издание меморандума правомочно. Население продемонстрировало свое доверие магам и одобрило LTAD». Некоторые посчитали это ходатайство «глупым и ненужным». Они приводили доводы о том, что подобная проверка согласия населения лицемерна, так как у населения просто не было выбора, кроме как соглашаться на действия магов: «Независимо оттого, нравится ли нам меморандум или нет, но издание LTAD — это право государства, так как в этом месте за магами всегда остается последнее слово... Идея о том, что игроки могут с чем-то соглашаться, а с чем-то нет — это просто глупость... сходная с соглашением на восход солнца по утрам. Что-нибудь изменится, если вы выразите свое несогласие с этим явлением?» Тем не менее подавляющее большинство поддержало ходатайство на голосовании. Оно прошло, набрав 321 голос за и 111 против при 272 воздержавшихся.

Почему же так много участников LambdaMOO охотно согласились с возвращением «воли магов»? Частично из-за того, что многие чувствовали, что у них все равно нет выбора, так зачем же противостоять неизбежному? (Подобные настроения могли быть у большей части воздержавшихся.) К тому же некоторые жители LambdaMOO полагали, что магам следует дать возможность осуществить свои намерения безо всякой ненужной процессуальной волокиты. Эти игроки искренне считали, что олигархия — наилучшая система для управления MOO. Но другая часть объяснения широкой поддержки LTAD массами заключается в повсеместном разочаровании ситуацией, предшествовавшей «Смене курса» и заключающейся в непрерывных ссорах среди политически активных слоев населения и попадании в безвыходную ситуацию при создании общественных институтов.

В период, предшествовавший изданию LTAD, конфликтная ситуация в LambdaMOO достигла своего апогея. Сильные разногласия между «формализаторами» и «сопротивляющимися» в большей степени вели к застою, чем к появлению новых идей или достижению компромиссов. Как жаловался один из участников MOO, «проблема заключается в том, что у нас есть две фракции, которые очень долго воюют между собой и относятся друг к другу с таким недоверием и неприязнью, что вряд ли придут к согласию даже по поводу того, сколько будет дважды два». Разногласия между группировками привели к кажущемуся абсолютно безвыходным положением. Почти каждый в MOO поддерживал те или иные изменения, но ни одна из перспектив не имела достаточной поддержки участников для смены текущего положения вещей в LambdaMOO. Вот размышления по этому поводу одного из участников MOO: «Я слышал, что члены так называемой ВЭ [властной элиты] осуждают сложившуюся обстановку, но в то же время делают все возможное, чтобы сохранить ее навсегда. Я слышал их критику, в которой они поносят нынешнюю ситуацию, но вместе с тем они борются за сохранение без малейших изменений всех общественных институтов MOO, таких, например, как арбитраж». Этот игрок удивлялся тому, что, «если обе "стороны" так сильно выражают свое недовольство текущей ситуацией и говорят о том, что все пришло в упадок, то почему же они сговорились сохранить ее?».

Несмотря на то что почти каждый критиковал существующую систему, казалось невозможным осуществить в ней хоть какие-то изменения. Казалось, что единственным пунктом, по которому стороны достигли согласия, было то, что арбитражная система не является успешной в качестве механизма разрешения споров. Оставались спорными вопросы

отом, следует ли заменить арбитражную систему более формальным механизмом или, наоборот, менее формальным; следует ли более четко продумать и описать правовую систему Lambda или ее следует уменьшить, если не убрать совсем. Кроме того, игроки совершали злобные нападки на отдельных участников LambdaMOO, иногда даже выдвигая ходатайства о том, чтобы полностью изгнать из MOO своих врагов. Многие участники, даже те, кто некогда проявлял интерес к политике в Lambda, все больше и больше разочаровывались в ней: «Когда-то я думал, что у нас, как у сообщества, есть силы и возможности создать что-то более интересное, чем установление несправедливых законов и их принудительное исполнение, с чем мы постоянно сталкиваемся в реальной жизни. Располагаем ли мы по-прежнему такими силами и возможностями?» — с сомнением спрашивал один из игроков.

Другой разочарованный игрок советовал всем сделать «глубокий виртуальный вдох-выдох» и перестать воспринимать самих себя слишком серьезно: «Конфликты полезны. Без них нет компромиссов, без диалога мы не сможем найти лучшее решение, а если никто не будет искать такие решения, то MOO никогда не будет развиваться... но для всего существуют свои границы. Успокойтесь и повторяйте за мной: это всего лишь MOO. Это всего лишь MOO. Это место, где я провожу совсем немного времени (много времени или все свое время — нужно подчеркнуть), но это не моя настоящая жизнь. Все будет хорошо».

Для многих участников, полагающих, подобно формализаторам и противникам создания права, что институциональные изменения необходимы, но неосуществимы, частичное возвращение власти в MOO в руки магов принесло столько же облегчения, сколько и разочарования. «Агония» LambdaMOO послужила доказательством усталости ее участников.

Вернемся ненадолго к Роберто Юнгеру. Юнгер представлял себе общество таким образом, что в нем происходит огромное количество споров, в котором постоянно идет какой-то конфликт. Несомненно, этот конфликт является неизбежным следствием антинатурализма: если нет ничего постоянного, если общественные институты и структуры вновь и вновь переосмысляются и изменяются, то конфликт — это необходимый и неизбежный элемент политики. Юнгер признает и гордится тем, что общественная структура, которую он пропагандирует, «должна в большей степени стимулировать конфликт, чем подавлять его». В то же время Юнгер осознает опасность, которая появится в случае, если общество станет «механизмом, в котором вечно присутствует конфликт». Он пишет:

Может показаться, что все в воображаемом мною обществе предназначено для устранения государства и общества, увеличения неразберихи и внутренних конфликтов... В конечном счете режим чрезвычайной нестабильности закончится полной дестабилизацией, которая впоследствии уступит место устойчивому порядку. И не важно, какой ценой это произойдет. Люди будут искать сильных лидеров и примиряющие общественные институты. Их свобода будет представляться им невыносимо тягостной, если они вообще смогут ее сохранить, для чего им придется примириться с неизвестностью, которая будет присутствовать повсюду в их жизни, и с враждой, которая будет открыто проявляться в любой момент, перейдя от теоретических разногласий к сильным ссорам и от ссор к насилию

Описанная Юнгером ответная реакция общества на постоянное крушение планов и надежд его участников очень точно подходит и для LambdaMOO, хотя здесь ссоры, не прекращающиеся между участниками, и беспорядок в обществе в основном стали следствиями создавшейся безвыходной ситуации в развитии общества и его нестабильности. Бесконечный конфликт, вместо рождения новых идей и проведения разного рода экспериментов, может породить застой в политической жизни.

Юнгер предполагает, что способом избежать подобного застоя является разработка детальных и точных концепций построения общества: «Чем больше представлений сторонников конфликтов будут перенесены в подробные схемы описания коллективной жизни... тем меньше вероятность того, что эти представления будут казаться друг другу непонятными». «Сила конкретности» положит конец нестабильности в обществе, заставив

признать, что все, о чем спорят, «сильно отличается от истинных желаний людей с точки зрения политических догматов». Однако опыт LambdaMOO наводит на мысль о том, что конкретность и определенность могут и не помочь в решении этой проблемы. Институциональные предложения, звучавшие в LambdaMOO, были предельно детализированы и конкретны, более того, конкретность была обязательным условием для рассмотрения магами выдвинутых предложений, но, несмотря на это, противоборствующие фракции все равно очень редко шли на компромиссы.

Особенно распространены и жаркими были метадискуссии, то есть споры о самой природе механизма разрешения противоречий и обсуждения того, следует ли LambdaMOO вообще иметь собственное право. Казалось, что в этом виртуальном сообществе «истинные желания людей» сильно различаются между собой. Бесконечные конфликты, происходящие в LambdaMOO, неразрывно связаны с признанием всеми участниками того факта, что социальные структуры брошены на произвол судьбы. Вместо появления творческих идей и новаторского переосмысления политических и правовых механизмов это сочетание привело к появлению фракционности, к обманутым надеждам и тупиковой ситуации. Общество не может нести в себе постоянный конфликт.

Как бы то ни было, жизнь в Lambda, а вместе с ней и ее политика продолжались и после публикации LTAD. Некоторые участники LambdaMOO настаивали на том, что LTAD «парализовала» существующие политические и правовые институты, в то время как другие полагали, что публикация LTAD полностью изменила жизнь в LambdaMOO. Тем не менее количество споров в Lambda значительно сократилось, а люди открыли для себя новый способ разрешения неприятных ситуаций: склонить на свою сторону одного из магов и убедить его принять участие в разрешении спора. Это можно рассматривать как виртуальный эквивалент жалобы ребенка своей матери. Несколько излишне самоуверенных игроков рассматривали LTAD как публикацию нового обращения к сообществу LambdaMOO, призывающего к разработке своих собственных, независимых структур:

Если мы сплотимся, то станем реальной силой и сможем противостоять магам. Маги могут нанести удар... по базе данных, они могут нанести удар любому отдельно взятому персонажу. Но они не смогут причинить вреда ни тебе, ни мне, ни всему сообществу LambdaMOO, если мы будем твердо отстаивать свои позиции. Ни одна из тех вещей, которыми управляют или которые определяют маги, не будет для нас первостепенной, если мы сами этого не захотим. Мне кажется, что это своего рода тест на зрелость. Сможем ли мы организовать сами себя, чтобы существовать как независимое сообщество?

Но даже через год после публикации LTAD так и не было сделано ни одного важного изменения в институциональной структуре LambdaMOO. Меморандум магов не изменил старых порядков. Если игроки обнаруживали в LambdaMOO нечто, что им категорически не нравилось и из-за чего, по их мнению, следовало бы совсем уничтожить виртуальную вселенную, то они могли поддержать одобренное ранее магами «ходатайство о завершении». Маги пообещали, что если простое большинство игроков поддержит это ходатайство, то они полностью завершат работу LambdaMOO. Таким образом, у населения MOO была возможность произвести виртуальный эквивалент «атомного взрыва», проголосовав против продолжения существования LambdaMOO. 10 мая 1997 года это «ходатайство о завершении» получило достаточно подписей игроков, чтобы быть вынесенным на всеобщее голосование. Многие участники сочли ужасной саму мысль о проведении подобного голосования. Они утверждали, что у недовольных игроков появился отличный способ выразить свое недовольство, просто навсегда покинув LambdaMOO. Зачем им нужно уничтожать все сообщество только из-за того, что им больше не хочется быть его частью? Другие игроки полагали, что LambdaMOO начало вырождаться и что следовало прекратить его работу, не дожидаясь полной деградации MOO. Некоторые полагали, что «ходатайство о завершении» заставляет игроков задуматься и активизирует избирателей. Один из участников MOO писал:

Разумеется, я проголосовал против реализации ходатайства. Но как один из подписавшихся под ходатайством, я надеюсь (и верю), что оно принесет определенную

пользу. Несмотря на то что в МОО есть множество вещей, которые меня разочаровывают, лично я не слишком задумываюсь над тем, станет ли лучше, если это место вообще перестанет существовать.

Я считаю, что если некоторые люди любят проводить время в Lambda, то это еще не значит, что у них неполноценная реальная жизнь. Я полагаю, что мое участие в LambdaМОО — как раз одна из причин, благодаря которым моя жизнь так богата событиями и впечатлениями. Я также надеюсь, что это ходатайство подтолкнет многих людей хоть что-то узнать о политике Lambda. Подтолкнет, разумеется, не до такой степени, чтобы люди помешались на политике, но достаточно, чтобы они осознали, что политика влияет на их персонажей в Lambda.

Я буду очень удивлен, если это голосование не соберет самого большого числа избирателей за последнее время. И уж совершенно невероятной мне кажется возможность прохождения ходатайства по результатам голосования. Но если оно все же пройдет... если, несмотря на огромную просветительскую кампанию, которая уже идет среди избирателей-«новичков» [новых игроков], более половины всех избирателей будут голосовать за завершение работы LambdaМОО, то я даже не знаю, захотелось бы мне самому оставаться в таком неуютном месте, среди раздраженных людей.

Когда 24 марта 1997 года закончилось голосование, население LambdaМОО в ходе самого крупного голосования за всю историю Lambda, с треском провалило предложение о завершении работы LambdaМОО: 1406 игрока проголосовали против, 95 за и 68 игроков воздержалось.

Однако было неясно, будет ли такое увеличение активности избирателей, вызванное «ходатайством о завершении» иметь какие-то длительные последствия для политики Lambda. И остался открытым вопрос о том, обеспечат ли все эти дискуссии и политическая мобилизация, которые были вызваны прошедшим голосованием, хоть какие-то перспективы преодоления застоя и чувства разочарования игроков, которые препятствуют институциональным изменениям в LambdaМОО. Совершенно ясно, что виртуальные пространства, подобные LambdaМОО, предлагают, по крайней мере в теории, неограниченные возможности «для воплощения фантазий о возможных формах самовыражения или общения и использования этих форм вне МОО». Добьются ли успеха участники виртуальных сообществ в реализации имеющихся у них возможностей? Смогут ли они всерьез принять свои виртуальные общества или увязнут в непрерывных спорах и дебатах между фракциями? Существующие в LambdaМОО реалии дают возможность осуществления любого из этих путей. Однако опыт работы с LambdaМОО наводит на мысль о том, что пластичность общества — это не панацея. Теоретические попытки Юнгера превзойти либерализм на практике могут не принести никакой пользы.

Примечания

Я хочу поблагодарить Энн Бранскомб, Джошуа Динстага, Брайанта Гарта, Майкла Фишера, Ларри Лессига, Роберта Мнукина и Стефена Робертсона за их дельные предложения, а также выражаю отдельную благодарность всем участникам LambdaМОО, без которых эта статья (в буквальном смысле) никогда бы не появилась на свет. Я хочу поблагодарить также и Организацию адвокатов Америки за помощь в моих исследованиях.

«Правила поведения»: кибердемократия и ее превратности Чарльз Стивейл²⁰²

Каковы правила поведения и хорошего тона в киберпространстве? Если такие «правила» (или хотя бы руководящие принципы) и были бы разработаны, то как можно следить за их соблюдением в онлайн-средах, особенно в тех, где анонимность пользователя зачастую является нормой? Эти вопросы в различных формулировках задавали пользователи растущего числа синхронных чатов (то есть чатов в реальном времени), по мере того как распространение доступа в Интернет привлекало в онлайн все больше и больше «кибернавтов». Результаты такого «пограничного» правотворчества различаются от сайта к сайту, они редко успешны, некоторые явно неудачны, но они всегда вызывают множество дискуссий. Опираясь на свой опыт и результаты изучения двух так называемых МОО (многопользовательское измерение, объектно-ориентированное), я предлагаю исследовать проблемы «пограничного» законодательства и самоуправления, имеющие явное сходство с событиями, происходящими в реальной жизни, или в RL, как называют ее «кибернавты».

Кроме того, я хочу поставить несколько вопросов, которые поднимались и в более ранней версии этой статьи после опубликования в *LinguaMOO* в январе 1996 года. Знаток МОО Сьюзен Гарфинкл, которая преподавала в 1996 году курс «Понимание киберпространства» на филологическом факультете Университета Пенсильвании, пригласила меня в онлайн в *PennMOO*, сайт, предназначенный для обучения и проведения дискуссий в реальном времени, — обсудить с ее классом эту статью. Благодаря предварительной рекламе и виртуальным сообщениям информация об этом киберсеминаре стала доступна «кибернавтам» за пределами класса из Университета Пенсильвании, поэтому во время дискуссии к студентам присоединились многие другие заинтересованные участники МОО и гости. Из-за царившей во время семинара в *PennMOO* дискуссионной атмосферы стало очевидно, что моя лекция о событиях в *LambdaMOO*, особенно о событии, известном как дело *SamlAm*, не встретит всеобщего одобрения. В представленной новой редакции статьи я исправляю недостатки, выявленные как во время семинара, так и впоследствии.

Для того чтобы продемонстрировать мою точку зрения, позвольте напомнить об осторожной позиции, занятой Констанс Пэнли и Эндрю Россом в предисловии к «Технокультуре», — осторожности «по отношению к склонности лишать полномочий демонизируемую технологию», и усталости от «постмодернистских восхвалений технологического величия». Зимой 1995 года, когда я предполагал, что это всего лишь пустые разговоры, и был сосредоточен на проблемах использования онлайн-способов выражения и анализе возможного злоупотребления ими, я даже не осознавал масштабы, в каких тенденция «демонизации» всколыхнет нацию, более того, большую часть мира. Например, я даже не предполагал, что арест студента Мичиганского университета Джейка Бейкера за рассылку в сети Usenet своих сценариев изнасилований/убийств, где именами жертв были имена реальных девушек, даст федеральным органам власти право манипулировать почтовыми законами, чтобы подогнать омерзительные сообщения Бейкера под преступление. (Дело было прекращено в июне судьей федерального суда; см.: *Godwin 1995a*). Я даже не предполагал, что сомнительная статистика из отчета исследователя Питсбургского университета Мартина Рима будет использована прежде уважаемым журналистом Филиппом Элмером-Дьюитом для публикации в журнале *Time* взрывоопасной статьи под названием «Киберпорнография», которая разожгла такое пламя, что после обсуждения ее в конгрессе было вынесено решение о начале кампании против киберпорнографии. Поэтому я не предполагал, что сегодня в зарисовках этих «пограничных

202 Первоначально эта статья была представлена на съезде Ассоциации современных языков в декабре 1995 года. Различные версии этого документа до сих пор распространяются в Интернете, а одна из версий документа была опубликована в электронном журнале *Enculturation 1* (1997). Эта версия статьи публикуется с разрешения автора. © Charles J. Stivale, 2001. [Перевод А. Кузнецова.]

рассказов» я буду находить в текстовой виртуальной реальности аналоги не только беспокоящих нас проблем, но и новой практики «демонизации», которая бросает нам вызов в атмосфере потворствования цензуре и ограничения свободы выражения.

С другой стороны, есть множество примеров восхваления кибервеличия, например часто цитируемое предисловие к книге Майкла Бенедикта «Киберпространство: первые шаги» (1992). Однако источник, который выбрал я, — статья Марка Постера «Кибердемократия: Интернет и общественная сфера», написанная в 1996 году. Это довольно неожиданный выбор, поскольку я совершенно не согласен с авторским анализом возможностей для переосмысления постмодернистского политического потенциала. Как бы то ни было, занимаясь анализом связей между текстовой виртуальной реальностью и современной политической теорией, Постер предлагает довольно утопическую идею реализации этих изменчивых политических моделей. Немалый парадокс заключается в том, что я познакомился с этой статьей исключительно благодаря самой Сети, более того, этот парадокс демонстрирует сложности, с которыми мы, исследователи, столкнулись в наш стремительный цифровой век. Накануне представления первой версии данной статьи на съезде Ассоциации современных языков 29 декабря 1995 года я присутствовал в группе экспертов, перед которой выступил Марк Постер (по поводу Бодрийяра), после чего мы немного пообщались. Он поблагодарил меня за замечания, касавшиеся его статьи, опубликованной на одном из веб-сайтов, которые я выслал ему ранее. Я упомянул, что буду ссылаться на эту статью в своей лекции, на что он ответил: «Я полагаю, что Вы прочитали ее последнюю версию, где я учел Ваши комментарии». Фактически он не разрешил мне ссылаться на него во время выступления перед специалистами, из-за того что я не подумал проверить наличие исправлений в статье Постера. Однако впоследствии, в своем вступлении к лекции, я все же заявил, что я ссылаюсь на некоего эвристического виртуального Марка Постера. Позднее я просмотрел обновленную версию статьи и, хотя Постер и сделал определенные изменения, все, на что я первоначально ссылался, оставалось неизменным, позволив мне сформулировать последующее изложение и явственнее обнажить противоречия между кибертеоретизированием и реальными случаями из онлайн.

В частности, Постер утверждал, что «"магия" Интернета заключается в том, что он является технологией, которая перекладывает культурное действие и символизацию во всех ее формах на самих его участников». Во-вторых, он утверждает, что Интернет демонстрирует «весь спектр представлений об идентичности — от современных до постсовременных». По словам Постера, в МОО особо выражена «полная новизна» замены обычной речи в новых формах общественной жизни, хотя он и признает, что обитатели МОО «не наслаждаются демократической утопией», установив там очевидные иерархии (в особенности элитный статус администраторов сайта, известных как «маги» или «привратники»). Тем не менее он утверждает, что сайты МОО обнаруживают «уменьшение доминирования иерархии происхождения, классовой иерархии и особенно иерархии пола» (вопреки важному исследованию, доказывающему обратное; см.: Bruckman 1993; Nakamura 1995) и что МОО являются и местами «различия с современным обществом и сопротивления ему», и местами «вписывания новых устройств конституирования себя». Мы делаем вывод, что, «из-за того что Интернет создает новую общественную фигуру — киборга — и учреждает практику конституирования себя, известная нам политика перестраивается. Сжатие языка в Интернете, его представление в оцифрованных машинно-опосредованных означаемых в пространстве, где отсутствуют физические тела, является беспрецедентной новацией для политической теории».

Для того чтобы обсуждать некоторые из примеров, я должен дать небольшое объяснение функционирования и целей двух сайтов, выбранных для изложения. LambdaMOO и MediaMOO, расположенные соответственно на компьютерах Xerox PARC (исследовательский центр Пало-Альто) в Пало-Альто, Калифорния, и компьютерах Мас-сачусетского технологического университета в Кембридже, штат Массачусетс, представляют собой виртуальные локации, в которых участники могут синхронно (в реальном времени)

обмениваться информацией и программировать. У каждого из сайтов есть определенные главные администраторы, Павел Кертис (Lambda) и Ами Брукман (Media), которых называют «магом» или «привратником» (см.: Bruckman 1996; Curtis 1992). Социальная функция LambdaMOO становится ясной из его принципа: «большой» дом с прилегающим участком земли, с множеством главных общедоступных комнат для групповых дискуссий и громадной паутиной индивидуальных виртуальных пространств, созданных самими участниками (см. архив LambdaMOO HumbertHumbert). Принцип MediaMOO — это исследовательский комплекс, с библиотеками, лабораториями, классами и комнатами для общих собраний и сетью индивидуальных пространств, менее обширных, чем в Lambda (см.: Bruckman and Resnick 1993). Если атмосфера студенческого клуба LambdaMOO надлежащим образом отражает многие из социальных изменений, которые здесь происходят, то MediaMOO позиционирует себя как более серьезное место для «медиа-исследований». Это различие распространяется и на администрацию сайта (Bruckman 1996). То есть если регистрация человеком персонажа в LambdaMOO ограничена только количеством регистрации персонажей за день, то в MediaMOO для принятия человека в число зарегистрированных участников требуется рассмотрение его текущей исследовательской деятельности в сфере медиа. Такая политика помогает удостовериться, что у участников этой MOO будут общие профессиональные интересы и, таким образом, теоретически максимальный обмен опытом; однако единственный результат такой политики контрольного рассмотрения, независимо от того, признан он или нет, заключается в предотвращении массового наплыва новых участников, который уменьшает скорость передачи данных и увеличивает столпотворение на других сайтах, включая Lambda. Кроме того, если в LambdaMOO раскрытие личной информации из реальной жизни является добровольным, все зарегистрированные граждане MediaMOO должны согласиться с доступом к информации об их именах, адресах электронной почты и исследовательских интересах при помощи простой, заранее установленной и общедоступной команды.

Как только участник зарегистрировался, выбрал имя для своего персонажа, его пол (мужской, женский, бесполой или один из полудюжины других вариантов) и его описание, взаимодействие с другими участниками внутри сайтов MOO быстро приучают его к сложной матрице общественных отношений и возможностей программирования (см.: Marvin 1996; Reid 1995). Кроме того, участник становится все более и более сведущим в использовании языка программирования MOO, а зачастую и в злоупотреблении им (см.: Cherny 1995; Stivale 1996). Используемый в названии термин «правила поведения» относится к онлайн-овому руководству, с которым руководство сайта советует консультироваться каждому игроку, чтобы ориентироваться в MOO (см. приложение А). Этот длинный документ (восемь экранов по двадцать четыре строки) разрабатывался в течение почти шести лет — всего времени существования сайта в онлайн и в настоящее время в нем утверждается: «Подобно членам других сообществ, у обитателей LambdaMOO есть определенные представления о поведении постоянных участников и гостей. Эта статья ("правила поведения") описывает систему правил вежливого поведения или "манер", которые были согласованы народным голосованием».

Как показывает приложение А, эти «правила» представляют собой ряд указаний, направленных (1) против угрозы нарушения целостности системы хакерством или взломом, (2) против искажения содержимого базы данных и (3) против оскорблений других игроков. Среди самых последних пунктов — краткие директивы, направленные против различных форм оскорбления — «спамминга», «крика», «обмана», «подсматривания», «телепортирования игроком не принадлежащих ему объектов», «проявления эмоций <то есть высказывания> жестокости или брань» — все это обобщено правилом почтительного отношения к частной жизни игроков, и прежде всего к их чувствам. Именно по поводу такого уважения «чувств» других и возникает большинство разногласий между игроками.

На обоих обсуждаемых здесь сайтах, вопреки всеобщему желанию не иметь в MOO формы управления, которые копируют «реальную жизнь», обитатели LambdaMOO и

MediaMOO выразили мнение, что все же необходимо иметь некую форму управления или процедуру, которые заставили бы участников приходиться к консенсусу, а также для того, чтобы разработать санкции против тех участников, которые умышленно нарушают указания, ведущие к такому консенсусу. Разумеется, как и в любом, документально изложенном мнении, мои собственные пристрастия играют важную роль при выборе (и исключении) материалов, а также в интерпретации этих материалов, например, я встретил нескольких представителей из рассмотренных MOO и установил как дружеские, так и крайне неприязненные отношения с определенными онлайн-участниками. Нисколько не влияя на мое мнение, эти взаимоотношения предоставили мне полезный ракурс для того, чтобы не впасть в кибердемократическое преувеличение, которым часто умело пользуются утописты MOO. Кроме того, LambdaMOO был и все еще остается сайтом, который я посещаю чаще всего, поэтому в данной статье ничто не опровергает значительные достижения программистов и администраторов в LambdaMOO или в MediaMOO. Эта статья скорее обсуждает расхождения между лучшими намерениями в киберпространстве — сделать возможным демократическое представительство и создать надлежащую правовую процедуру — и пределами этих замыслов. В действительности в заявлении «Новый курс» от 16 мая 1996 года (ранее сообщение 300 в News) маги LambdaMOO окончательно признали эти ограничения и, таким образом, поддержали мои главные выводы, которые я сделал в первоначальной версии этой статьи.

Моя оценка процесса разработки самоуправления в киберпространстве затрагивает четыре основных «момента», которые значительно изменили эти процессы. Мне следует подчеркнуть, что участники, дольше меня «живущие» в онлайн и/или с различными взглядами на эти события, могут не только успешно определить другие ключевые моменты, но дать иное описание того, каким образом они разворачивались. Таким образом, я признаю, что данная хроника — всего лишь одно из возможных мнений, однако я создавал ее как на сохранившихся документах, так и на непосредственном опыте работы в сайтах (см. HumbertHumbert). В приложении Б я привел схему последовательности ключевых событий.

В 1992 году, после нескольких лет развития сайта, маги LambdaMOO устали следить за соблюдением положений недоработанного документа о «правилах поведения» в спорах между участниками (Curtis 1992; DIAC '94 1994). Вследствие этого в одном из сообщений внутренней почтовой службы MOO от 9 декабря 1992 года, озаглавленном «На следующий этап...», известном еще как «Смена курса LambdaMOO», Павел Кертис (архимаг Наакон) объявил о политике невмешательства магов — «каждый участник сам за себя» (за исключением действия магов как техников в делах, связанных с поддержанием работы сайта и его развитием) (см. HumbertHumbert). Позднее он заявил, что в результате такого шага ссоры и грубость на сайте должны были бы стать не менее, а гораздо более раздражающими (DIAC '94 1994). В марте 1993 года в MOO произошел случай так называемого виртуального изнасилования и жестокого обращения с человеком в онлайн, описанный в декабре 1993 года Джулианом Диббелем в статье в Village Voice. Персонаж-преступник Mr. Bungle овладел программными возможностями, необходимыми для того, чтобы изолировать персонажей-женщин, а затем «забывать» их экраны (то есть посылать им) недвусмысленными сексуальными высказываниями и высказываниями, содержащими угрозы насилия. Последующее общественное обсуждение, включая «городское собрание», которое ненадолго посетил и сам Mr. Bungle, позволило многим участникам выразить свое возмущение. Однако в отсутствие судебного процесса или заменяющих его правовых санкций один из магов посчитал все происшедшее односторонним и весьма неохотно согласился с выражением всеобщего возмущения и «принудительным консенсусом», достигнутым в виде «превращения в жабу» (то есть постоянного исключения) персонажа-преступника. В результате этого «зародышевого происшествия» (используя термин Кертиса; DIAC '94 1994), Кертис принял самостоятельное решение учредить систему подачи ходатайств и проведения голосований по ним, которые позволяли самим гражданам MOO на месте выбирать и принимать какие-либо меры. За этим односторонним актом (который оспаривался как

недемократичный по сути, так как он был совершен по принуждению) было проведено первое голосование, по результатам которого был учрежден формальный процесс «споров» при участии квалифицированных посредников, выслушивающих и разрешающих поданные жалобы, а также обеспечивающих, в случае необходимости, соответствующие штрафные санкции против участников спора.

Между тем в MediaMOO до осени 1993 года не было никакой системы управления, способной заменить автократию главного «привратника» Ами Брукман. Несмотря на то что вскоре после открытия сайта в начале 1993 года был организован «Форум о демократии», согласно заявлению Брукман, что от этого будет немного пользы, так как пока ни один участник не казался «привратнику» достаточно осведомленным в вопросах демократии, чтобы придерживаться демократического курса в MOO (DIAC '941994). Необходимое условие для регистрации на сайте (необходимым условием для принятия человека в MOO было наличие у него рассмотренных и одобренных научных исследований) изменило эту позицию, так как определенное количество игроков оспаривало некоторые отрицательные решения Брукман, считая их деспотичными. Так, после онлайн-общественного собрания в октябре 1993 года был учрежден совет MOO, в котором отдельные участники «представляли» свой электорат, состоявший по меньшей мере из пятнадцати «граждан». На деле роль совета как чисто консультативного органа для Брукман заключалась в принятии решений по запросам о вступлении в MOO, однако неясность главной цели создания совета стала источником его внутренних противоречий и в итоге привела к распаду.

На протяжении 1993 года в LambdaMOO были разработаны процессы подачи ходатайств, проведения голосований и споров, и всех граждан проинформировали об их правах и доступных им в MOO процедурах.

Статья Диббеля, написанная в декабре 1993 года, сделала известным широкой публике «спам», а также побудила персонаж по имени Dr_Jest заявить о том, что он является новым перерегистрированным воплощением Mr. Bungle, и развернуть гомофобскую кампанию оскорблений против одной из «гражданок» MOO, последняя затем успешно воспользовалась процедурой разбирательства споров. Результатом этого спора, помимо вызванных им широких онлайн-общественных дебатов, стало исключение («превращение в жабу») DrJest, несмотря на его отказ признать справедливость процедуры посредничества в споре.

Дискуссия о словесных оскорблениях и нормах сообщества в целом продолжилась в 1994 году и привела к голосованию против насилия, названного «Последствия виртуального изнасилования», которое пыталось определить более точные, чем в первоначальных немногочисленных «правилах поведения», границы сексуального насилия, то есть в правилах «уважительного отношения к чувствам других игроков». Эта попытка была провалена весной 1994 года после продолжительной и жаркой дискуссии, но его попытка продемонстрировала волнение многих участников MOO по поводу толкования надлежащего поведения. Как гражданин MOO, имеющий право голоса, я выступал против проведения голосования «против насилия», но вовсе не потому, что я одобрял оскорбительное и чересчур откровенное поведение, с которым время от времени сталкиваются все участники MOO. Подобно большинству голосовавших, я понимал, что в предложении, выдвинутом на голосование, не было четко проведенной границы между оскорблением и игрой, особенно при использовании указанных в предложении команд (см. об уровнях спама: Stivale 1996). Тем не менее совершенно ясно, что некоторые сторонники проведения голосования чувствовали необходимость в этом мероприятии, другие же не могли одобрить того, что отсутствие определенности в голосовании может привести к потенциальным оскорблениям.

Дебаты разделили население MOO, а поскольку множество участников было зарегистрировано как в LambdaMOO, так и в MediaMOO (возможно, и еще где-то), то дискуссии и дебаты, происходившие на одном сайте, нашли отражение и на других сайтах.

Последовавший затем в LambdaMOO диспут с игроком под именем SamlAm перенес подобные настроения и на другие сайты, так как MOO пересекались между собой, и показал несостоятельность системы разрешения споров. До сего дня методика действий в особых

случаях, предложенная в ходе этой полемики, вместо принятых жестко установленных руководящих принципов, остается для участников дебатов яблоком раздора. Особое недовольство вызывает «теневой» полемист, называемый gru, к которому прибегают участники дебатов, желая остаться неизвестными.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, мне следует описать степень собственного участия в этом деле. Это необходимо, так как на киберсеминаре в PennMOO меня обвиняли в необъективном отношении к SamlAm, и я хочу исправить упущения, сделанные мной в предыдущих версиях этой статьи. Я хочу открыть все обстоятельства, разъясняющие произошедшие события.

На протяжении нескольких месяцев, предшествовавших спору gru с SamlAm, я переписывался (по внутренней почте MOO и обычной электронной почте) и разговаривал в онлайн с SamlAm и реальным человеком, стоящим за этим персонажем. Мы обнаружили много общих интересов и, кроме того, у нас обоих были весьма напряженные, со временем ставшие откровенно неприязненными, отношения с персонажем по имени Nancy, автором вышеупомянутого голосования «против насилия», против которого выступали и я, и SamlAm. Однако казалось, что SamlAm во время обмена злобными посланиями по поводу этого голосования стремился выяснить, действительно ли у Nancy были честные намерения и была ли она искренна, приводя свои доводы в пользу голосования. Именно поэтому к началу дела SamlAm вражда между SamlAm и Nancy по внутреннему вопросу MOO была настолько сильной, что переросла в личную неприязнь, послужив, безо всякого сомнения, причиной некоторых из нападков на него в LambdaMOO и в других местах. Немногие, если вообще хоть кто-то из обитателей MOO, знали о моих тесных отношениях с человеком, стоящим за персонажем SamlAm. Критика этой статьи показала, что между мной и этим человеком существует некоторая общность взглядов, в том числе по поводу комментариев, которые я сделал в MOO, а также по поводу моей позиции по отношению к внутренней политике. Несмотря на то, что я скрывал свои отношения с SamlAm, а также свою личную заинтересованность в этом деле, у меня, как и у других обитателей MOO, не было права судить о существующих против SamlAm обвинениях. Поэтому в этой статье я не пытаюсь оправдать SamlAm или выступать от его имени, чтобы разъяснить какие-то его действия. Скорее я хочу изучить саму процедуру проводившейся с ним дискуссии, поскольку, если верить словам обвинителя, которые он по сей день отстаивает, существовало достаточно документов, для того, чтобы вместо проведения подобной дискуссии, провести над SamlAm официальный судебный процесс.

Однако не только тот факт, что участнику MOO не дали воспользоваться процедурами, применяемыми по отношению ко всем другим участникам споров, включая DrJest, делает этот процесс достойным порицания. Он является таковым еще и из-за того, что сторонники этой процедуры ухитрились поддерживать завесу тайны вокруг происходивших событий. Так, обвинения против SamlAm стали оспариваться, когда тайные судебные разбирательства предотвратили появление официальных и общедоступных формулировок этих обвинений, а подписчики листа рассылки, посвященного этому спору, могли получать только не заслуживающие доверия версии этих обвинений, которые рассылались самими участниками спора (подтверждение: рассылка спора gru против SamlAm, сделанная «теневым» полемистом gru). Эти тайные судебные разбирательства возникли в результате первоначального судебного решения, вынесенного посредником в споре, которое заключалось в том, что деликатность предполагаемого правонарушения требовала как сохранения анонимности участников спора, так и необходимости избежать конкретных обвинений против SamlAm. Вместе с прохождением секретных обсуждений, общественное «судебное разбирательство» (прошедшее с «документальным» подтверждением, как и прежде опубликованным в списке рассылки одним из участников диспута) на основании бездоказательной молвы обнаружило, что SamlAm якобы устно оскорблял и даже угрожал реальным людям или профессиональной карьере одного или нескольких участников LambdaMOO.

Однако после киберсеминара в РеппМОО (проводившегося 11 апреля 1996 года) Катерина Бант, одна из студенток потока, взяла интервью у Сета Рича, мага LambdaМОО (а также РеппМОО). Сет Рич отрицал существование в МОО каких-либо «теневых» участников диспутов или тайных судебных разбирательств. В такой интерпретации «фактов» получалось, что полемист под именем gru на свой собственный страх и риск затеял спор с оскорбившим его SamlAm. Хотя запись о регистрации спора разоблачает это искажение фактов, в дальнейшем, в отличие от предыдущих споров, ни в одном из документов, относящихся к спору, не сделано никаких записей о конкретных обвинениях, выдвинутых участвующим в дебатах посредником. Какие бы протесты ни выдвигали сторонники этого спора, итогом остается общее негативное отношение к этому процессу, что подтвердило голосование, добросовестно поддержанное гражданами МОО.

Другой фактор стал препятствием для разрешения этого спора. В ту пору еще неизвестный участник дебатов (позднее раскрытый SamlAm и оказавшийся ни кем иным, как Napsu) жестоко отомстил реальному человеку, стоящему за именем SamlAm, связавшись с его локальным системным администратором и заявив о совершении преступления, которое осуждалось как в реальном, так и в виртуальном мире. Чтобы защитить проводящийся совместный проект, для которого требовался выход в Интернет, пользователя, стоящего за персонажем SamlAm, заставили согласиться с требованием прекратить деятельность в МОО. Таким образом, после применения штрафных санкций к работе SamlAm, вынесенных без всякой правовой процедуры, SamlAm был заочно «приговорен» к шестимесячному изгнанию из LambdaМОО, причем он даже не имел возможности защититься. После изучения документов, связанных со спором gru и SamlAm, стало ясно, что основой этого спора, наряду с внутренними проблемами МОО, послужили отношения между людьми в реальном мире, причем неизвестно, какая из этих причин была более важной (см. сообщения 197, 199, 203, 206—207, и 215 от 6—7 июня 1994 года).

Тем временем дело вышло за пределы LambdaМОО и перешло в MediaМОО, так как некоторые из участников дебатов с SamlAm в LambdaМОО одновременно были членами совета MediaМОО.

Именно они и сделали первый шаг к исключению SamlAm не только из LambdaМОО, но и из MediaМОО. По-видимому, логика заключалась в том, что любое оскорбление, имевшее место в LambdaМОО, обязательно должно было произойти и в MediaМОО, и поэтому вполне справедливо, что SamlAm, считаясь преступником на одном из сайтов, считался таковым и на другом сайте. Впоследствии Ами Брукман, главный привратник MediaМОО, признала, что, поскольку у совета в то время не было конкретных предписаний, с которыми можно было бы свериться в случае возникновения подобных вопросов, она считала справедливым принятие решения об изгнании SamlAm с сайта (см. лист дебатов совета). И все же несмотря на это, она начала открытое для всех исследование дела SamlAm (в конце июня 1994 года) и, когда возникли подозрения о безосновательности обвинений против него в LambdaМОО и возможном злоупотреблении служебным положением в совете, Брукман (как главный привратник) отменила решение совета и разрешила SamlAm вновь появляться в MediaМОО; этот повторный прием обсуждался всякий раз, когда владелец какого-нибудь сайта давал согласие воздерживаться от подобной деятельности. Дебаты относительно этих действий продолжались между избирателями MediaМОО в течение всего лета 1994 года. Еще сильнее шло обсуждение роли совета. После многочисленных дискуссий члены совета согласились, что совет был выдающимся экспериментом в области самоуправления, однако, играя всего лишь роль консультативного органа, которая была к тому же не до конца определена, совет проводил время в совещаниях, ставших в конце концов слишком обременительными. В конце лета 1994 года совет самораспустился и MediaМОО вернулась к авторитарическому управлению, то есть бразды правления взяла на себя Брукман, которой помогал небольшой штат привратников, решавших технические вопросы и вопросы программирования.

Эксперимент создания совета в MediaMOO оказался поучительным в плане возможностей и ограничений представительного самоуправления Интернет-сайтом. Одновременно с этим продолжала свою работу и LambdaMOO. В течение 1994 года Sunny, яростная поборница так называемых «гражданских свобод» в MOO, становилась все более и более непопулярной, пытаясь разоблачить так называемый нексус (связь) собственных выгод, который структурирует отношения между различными участниками в управлении сайтом и, несомненно, сайтами в Сети. В награду за старания ее изводили бесконечными дискуссиями и даже предложили голосование, которое в случае успешного прохождения могло привести к постоянному исключению («превращение в жабу») из Lambda. Несмотря на это, в конце 1995 года были официально признаны ее прошлогодние достижения. Однако по иронии судьбы к этому времени она уже довольно долго отсутствовала в LambdaMOO, и ее персонаж был утилизирован («умер»). Другое голосование, отличное от вышеупомянутого голосования 1994 года о «превращении в жабу», называлось «Спасем нашу Sunny» и должно было «обессмертить» ее персонаж, даровав ему вечную жизнь. Только возвращение Sunny на 11 часов, чтобы поблагодарить всех за их заботу, предотвратило проведение этого голосования, продемонстрировав, что, несмотря на ее длительное отсутствие, она отнюдь не покинула MOO раз и навсегда.

Если 1994 год можно считать годом Sunny, то 1995 год, наверное, можно считать годом проведения «коллективного собрания», известного под названием Tchinek. В то время как для некоторых граждан LambdaMOO дебаты, проводимые с SamlAm, являлись всего лишь примером демократического процесса, то остальным они со всей ясностью показали новый аспект демократии — уязвимость судебного процесса перед горсткой избранных. Нарушение судебной процедуры в этом случае происходит не только из-за решения посредника спора — препятствовать выходящим за дозволенные рамки разоблачениям, — но и из-за махинаций отдельных участников спора, умело манипулирующих заявлениями в реальной жизни и осуществляющими тактику, направленную на достижение максимального эффекта в среде текстовой виртуальной реальности.

Появление в LambdaMOO в январе 1995 года нового персонажа по имени Tchinek, утверждавшего, что он способен предоставить доступ к авторизованному списку зарегистрированных участников MOO, приблизительно совпало по времени с окончанием шестимесячного исключения из MOO SamlAm и ознаменовало новую фазу развития политических стратегий сайта. Появившись на сайте, Tchinek стал добиваться проведения дебатов для того, чтобы, во-первых, доказать существование «дыры» в программе, которую он (или они) обнаружил. Во-вторых, он бросил вызов судебному процессу MOO, утверждая, что он не подвластен системе арбитражных разбирательств, что он стоит выше нее. А есть ли лучший способ задеть чувства игроков, чем вновь воскресить в памяти дело SamlAm? В свете дискуссии по делу Джейка Бейкера (студент Мичиганского университета был исключен из учебного заведения, а затем арестован за рассылку в Usenet своих фантазий на тему убийств и изнасилований), которая развернулась во внутреннем общедоступном списке рассылки, Tchinek обнародовал в LambdaMOO открытую копию письма, отправленного весной 1994 года локальному системному администратору человека, который скрывался за персонажем SamlAm, дополнив это письмо именем, адресом и институциональной принадлежностью отправителя (он удалил оригинальное послание несколько часов спустя, заменив его версией, где были вычеркнуты вышеупомянутые имя, адрес и институциональная принадлежность). Как и ожидалось, человек отправивший письмо администратору, прибегнул к арбитражной системе, начав сразу два спора одновременно: один против Tchinek, а второй против SamlAm. Однако совершенно неожиданно Tchinek сам начал дебаты со всеми арбитрами LambdaMOO, от которых, однако, он (или они) впоследствии быстро отказался. Только тогда, пытаясь назначить арбитра для разрешения двойного спора, те, кто программировал арбитражную систему, обнаружили «дыру», которую использовал Tchinek: ни один из арбитров не мог разрешать спор, в котором одна из

сторон прежде уже участвовала в дебатах с этим арбитром, таким образом, нельзя было устраивать никаких споров с Tchinek.

Не растерявшись, маги немедленно исправили «дыру» (некоторые пункты «правил поведения» появились именно в результате этих действий), и хотя были назначены два разных арбитра для разрешения двух этих споров, они, независимо друг от друга постановили, что «следует исправить систему арбитража и не наказывать Tchinek».

Действительно, позднее арбитр, принимавший участие в споре ТсЫпекзаявил: «...арбитражные разбирательства становятся просто раем для линчевателей, и мне это не нравится. Именно по этой причине в дальнейшем я, скорее всего, не буду разбирать какие-либо споры. Кажется, что большинство полемистов хотят не дебатов, а крови» (28 февраля 1995 года). Несмотря на последовавшую позже месть этому арбитру (оскорбления) и Tchinek (дебаты и ходатайства), Tchinek добился успеха не только в разоблачении документов, использованных против SamlAm в реальной жизни и основанных на бездоказательных утверждениях, но и еще в наглядной форме продемонстрировал то, из-за чего он (они), а также некоторые другие участники МОО постоянно критиковали процесс проведения споров, а именно — уязвимость этого процесса по отношению к манипуляциям со стороны тех, кто решил использовать проведение дебатов для достижения своих собственных целей. Более того, он (они) закончили год еще одной дискуссией, на этот раз оспаривающей необоснованное проведение голосования и дебатов в 1993 году Павлом Кертисом.

Несмотря на то что кого-то может удивить приведенное выше описание того, что происходит внутри МОО, но с точки зрения инсайдера, выводы из него довольно поучительны и заключаются в том, что существует тонкий баланс — между законами, регулирующими администрирование сайта, а также местные и международные системы связи и свободу высказываний, — который способствует динамичному развитию как синхронных, так и асинхронных сайтов. Я готов поспорить, что во всем этом есть поучительный урок: несмотря на очень скромные успехи, достигнутые к настоящему времени, мы всеми силами стремимся разработать онлайн-ую кибердемократию, обусловленную практикой искажения и нарушения прав, часто используя фрагменты различных процессов из реальной жизни, в том числе и политических. Казалось бы, все эти истории отрицают любое утверждение о том, что «в Интернет-сообществах гораздо сложнее утверждать об ауре фетишизма, присущей власти предрержащим, поскольку кажется, что в Интернете не поощряется деятельность индивидов с высоким положением в обществе» (Poster 1996). И в самом деле, какое положение может быть выше, чем полномочия администратора сайта, для того чтобы, выражаясь буквально, «выдернуть пробку из сайта» или принять односторонние решения, касающиеся программных и общественных вопросов, которые не могут не выполнить остальные участники?

Более того, в деле SamlAm не было вынесено никакого приговора в реальной жизни, но, тем не менее, в виртуальной реальности произошло явное искажение установленной процедуры судопроизводства. Это привело к тому, что только на основании слухов о том, что исследователь МОО нарушил закон или намеревался это сделать, системный администратор требовал от исследователя обещание «не нарушать закон» на своем рабочем месте. Только то, что исследователь был подвергнут более или менее официальному наказанию без надлежащей правовой процедуры (например, разрыв контракта, потеря учетной записи в Интернете или работы), приводило к тому, что в дальнейшем он пытался доказать в суде, вероятнее всего за счет своего времени, денег и репутации, что было совершено гражданское правонарушение. Этот процесс был в дальнейшем осложнен противоречиями между международными законами и юрисдикциями.

На протяжении 1995—1996 годов в LambdaМОО ставились под вопрос процессы подачи ходатайств, проведения споров и голосований. Всеобщее безразличие к киберполитике и безвыходное положение политически активного меньшинства относительно того, как справляться с запутанными конфликтами между гарантированием свободы выражения, с одной стороны, и соблюдения норм виртуального сообщества — с другой,

препятствовали значительным усилиям выстроить право в МОО при помощи разного рода голосований (например, «билль о правах» или Конвенция МОО). Единственным исключением, подтверждающим общее правило, является переработанная версия «правил поведения» — временных мер, предпринятых для того, чтобы залатать «дыры», обнаруженные благодаря действиям Tchinek. Следующая глава истории началась 16 мая 1996 года, когда маги LambdaМОО провозгласили еще один «Новый курс» (см. приложение С). Наряду с тем что за игроком сохранялось право «голоса», выражаемое через ходатайства или голосования, маги окончательно де юре перешли к технократии, нисходящей правительственной системе, которая уже существовала де факто после «возвращения воли магов».

Развитие этой истории произошло в начале 1999 года. На протяжении нескольких лет, прошедших после подробно изложенных выше событий, персонажи Tchinek и SamlAm оставались занозами в теле обитателей Lambda. Наконец в январе 1999 года после злобной перепалки по поводу, по всей видимости, незначительного, но, тем не менее, досадного обвинения Tchinek о злоупотреблении служебным положением один из магов в одностороннем порядке применил команду @toaded, раз и навсегда исключив его из МОО. Во многих отношениях это действие повторяет решение, вынесенное в 1993 году в отношении «изнасилования в киберпространстве», совершенного Mr. Bungle. Различие между ними заключается в том, что за прошедшее с 1993 года время LambdaМОО пыталось и всякий раз терпело неудачу создать хоть какую-то видимость справедливой правовой процедуры в онлайн. В отместку за исключение Tchinek в июне 1999 года в Сети появилась веб-страница, озаглавленная «Губчатая коровья энцефалопатия» («Bovine Spongiform Encephalopathy», 1999). Сайт, оформленный в виде газетной страницы, давал возможность ознакомиться с большим количеством «статей», предположительно свидетельствующих о множествах оскорблений, совершенных участниками различных МОО, преимущественно LambdaМОО и DhalgrenМОО.

Здесь более чем уместно французское выражение «Plus az change, plus c'est la ткте chose» («Чем больше что-то изменяется, тем больше оно остается прежним»). Постмодернистские требования для изменения политических структур в киберпространстве все еще ищут каких-то практических моделей, при помощи которых они могут быть эффективно реализованы даже (или особенно) в МОО. Такое суровое заключение может произвести на кого-то впечатление очевидного и не требующего доказательств и, более того, точно подтвердит то, что все время заявляют по поводу применения технологии киберскептики и «демонизаторы». Несмотря на это, Постер (в 1996 году) привел следующие доводы в ответ на такой скептицизм:

...«постмодернистскую» позицию не следует рассматривать как метафизическое утверждение новой эпохи; теоретики, как в ловушку, заключены в существующие рамки, причем настолько сильно, насколько это вообще возможно, может послужить поводом для их критики, хотя это и не следует делать; в отсутствие связной альтернативной политической программы лучшее, что можно сделать, — это изучить какой-нибудь феномен, например Интернет в его отношении к новым формам старой демократии, в то же время допуская возможность того, что может появиться что-то отличное от любого проявления демократии, данного в настоящее время. Безусловно, демократия как правление всех — форма политического устройства, наиболее предпочтительная из всех исторических альтернатив.

Тем не менее даже для тех из нас, кто активно участвует в создании онлайн-миров и вносит свой вклад в построение соответствующего сообщества, концепция этого общества может быть изменчивой и недолговечной. Доказательство равнодушия масс к киберполитике — наличие тупиковых ситуаций и отсутствие подходящих моделей не отпугивает нас от попыток исследования способов управления, которые не попадают в «ловушки» демократии и «капканы» ее альтернатив, в особенности диктата. Этот эксперимент с медиумом, находящимся в нашем распоряжении, — всего лишь один из этапов

процесса познания, который далек от завершения и поэтому может принести совершенно неожиданные результаты в каком-нибудь виртуальном времени-пространстве.

Приложение А «Правила поведения»

[Нижеперечисленные выдержки из «правил поведения» LambdaMOO были переработаны в 1995 году. Полный текст доступен по адресу http://vesta.physics.ucla.edu/~smolin/lambda/laws_and_history/help_manners.]

Подобно другим MUD, LambdaMOO является социальным сообществом; оно заселено реальными людьми, взаимодействующими при помощи компьютерной сети. Подобно членам других сообществ, у обитателей LambdaMOO есть определенные представления о поведении посетителей MOO. Эта статья описывает систему правил вежливого поведения или «манер», которые были приняты народным голосованием.

Прежде всего, за любое действие, угрожающее функциональной целостности MOO или способное повлечь неприятности с законом для участников MOO, игрок будет отвечать перед магами. Если вы обнаружите «черный ход» или «баг» в программном ядре MOO, сообщите об этом магам, не пытаясь использовать сделанные открытия в своих целях... [«черным ходам» посвящены три абзаца].

Кроме того, существует два основных принципа вежливой работы в MOO: позвольте MOO нормально функционировать и не оскорбляйте других игроков.

Позвольте MOO нормально функционировать

Помимо запрещения попыток хакерства или порчи чего бы то ни было в MOO, этот принцип означает запрет «захвата» ресурсов, то есть занятие памяти или процессорного времени сверх необходимого... [ресурсам посвящены три абзаца].

Не оскорбляйте других игроков

MOO остается интересным местом для общения, программирования и игр до тех пор, пока люди вежливы друг с другом. Грубость и оскорбления делают LambdaMOO менее приятным местом. Не надоедайте другим игрокам и не оскорбляйте их, используя одну из нижеследующих тактик:

- спамминг (заполнение экранов других игроков ненужным им текстом);
- перемещение других игроков или их объектов без согласия этих игроков;
- угрозы насилия или непристойные выражения;
- шаутинг (рассылка сообщений всем подключенным игрокам) ... [далее объясняется, что такое шаутинг];
- обман (создание сообщений, не принадлежащих вашему персонажу);
- шпионаж — нельзя создавать или использовать следящие устройства... [сюда относится и «скрытая», то есть не объявляемая телепортация, то есть перемещение между комнатами];
- сексуальные домогательства (в частности, включающие совершаемые по односторонней инициативе действия, имитирующие изнасилования персонажей, не желающих этого).

Подобное поведение запрещено сообществом LambdaMOO. Один-единственный прецедент подобного акта насилия [обратите на это внимание!]

и последующий за ним соответствующий правовой процесс приведут к постоянному изгнанию из LambdaMOO.

И вообще, уважайте личную жизнь других игроков и их право самостоятельно распоряжаться своими объектами, включая право определять, кому разрешено входить или оставаться в их комнатах.

Уважайте также чувства других игроков. Обитатели и гости MOO, заходящие на сайт, реально живут в разных культурных средах как в США, так и за рубежом и, следовательно, имеют различные представления о том, что представляет собой оскорбительная речь или

характеристика. Пожалуйста, насколько возможно, воздерживайтесь в тексте, на который случайно могут натолкнуться другие игроки, от потенциально оскорбительных материалов. Если Вы хотите создать объекты или зоны, которые потенциально могут оскорбить какую-то часть сообщества МОО, то, пожалуйста, дайте соответствующее предупреждение для случайных исследователей, чтобы они могли избежать встречи с этими объектами или зонами.

Самооборона

Избегайте мести! Если кто-то досаждаст вам, то у вас есть несколько вариантов действия. Обычно первым подходящим шагом в таком случае является просьба прекратить неприятные вам действия. Если просьба не приносит успеха и недостаточно просто избегать такого человека, полезно использовать команды @gag (заглушить), @refuse (отклонить) и @eject (выгнать)...

Следует отметить, что нижеследующие правила были установлены по результатам голосования Patch-Arbitration-Loopholes²⁰³ (#4223) [проводилось в апреле 1995 года]:

- все персонажи ограничены в своих действиях определенной системой правосудия, которую выбирают сами люди. Персонажи могут предположить, что это не так, однако подобные предположения будут рассматриваться как «пустые разговоры», не имеющие юридической силы. В частности, арбитры не будут считать весомыми требования о предоставлении игроку юридических привилегий. Персонажи, которые не пожелают подчиняться созданным на законных основаниях правилам этого и других МОО, могут сразу просить удалить их учетную запись;

- ни один игрок не может использовать множество персонажей для причинения вреда системе. Например, если для персонажа пользователя в качестве наказания использовалось превращение в тритона, то все персонажи, управляемые таким пользователем, будут превращены в тритонов; кроме того, нежелательно появление такого игрока в качестве гостя в течение всего времени действия наказания.

Если у вас есть серьезные проблемы с другим игроком, вы можете посчитать необходимым использование арбитражного разбирательства, при помощи которого некоторые игроки разрешают споры. Прежде чем начинать арбитражное разбирательство, убедитесь, что вы действительно его хотите, так как этот процесс причиняет определенные хлопоты, а также ограничивает в действиях обе стороны. Чтобы узнать подробности, смотрите «правила проведения арбитражного разбирательства».

9 декабря 1992 года Наакон опубликовал манифест «Смена курса LambdaMOO» (сокращенно LTAND). Его цель заключалась в освобождении магов от ответственности за принятие общественных решений и переносе этого бремени на плечи самих игроков. Этот манифест означал, что маги впредь будут воздерживаться от принятия общественных решений и будут выступать в МОО только в качестве техников. Очевидно, следование намеченным курсом последние три с половиной года показало, что это решение — недостижимый идеал: граница между «техническим» и «общественным» неясна и, возможно, никогда не станет ясной... Мы больше не хотим выносить оскорбления, которые возникают всякий раз вслед за нашими неудачами достичь невозможного.

Таким образом, мы осознаем, что в течение трех прошедших лет мы неизбежно приняли какие-то общественные решения и сообщаем вам о том, что мы оставляем за собой право свободно поступать подобным образом и впредь.

1. Мы повторно вводим волю магов

С этого момента и впредь мы однозначно оставляем за собой право принимать решения, которые будут непосредственно влиять на общественные отношения. Также мы признаем, что любое техническое решение может иметь социальные последствия; мы больше не будем стараться объяснять любое действие, которое мы совершаем.

Несмотря на это, игроки по-прежнему могут выражать свое мнение. Ваше участие необходимо. Кроме того, мы, с некоторыми описанными ниже изменениями, сохраним все существующие в настоящее время общественные институты... но мы поощряем разработанные вами идеи замещения этих институтов новыми (как это будет описано в разделе 2).

а. Ходатайства

Система подачи ходатайств останется в существующей в настоящее время форме, однако с некоторыми изменениями, перечисленными ниже.

В случаях, когда возникают трудности, непредвиденные в процессе контрольного рассмотрения, мы оставляем за собой право заново толковать и/или явно налагать вето на любое решение любого прошедшего голосования.

Мы будем продолжать рассматривать ходатайства для того, чтобы свести к минимуму наложение подобного вето на результаты голосования, и в большинстве случаев мы будем продолжать использовать существующие критерии для успешного прохождения контрольного рассмотрения. Однако мы не будем исключать возможности отмены результатов контрольного рассмотрения по другим причинам или возможность пересмотра критериев рассмотрения волей магов.

б. Арбитраж

Мы однозначно оставляем за собой:

- право накладывать вето на любое решение, вынесенное на арбитражном разбирательстве, особенно на те, что значительно уменьшают возможности магов выполнять свои обязанности;
- право накладывать вето на любое предложение об изменении процесса арбитражного разбирательства в духе голосования Arbitration (#50392), которое не является «незначительным изменением» или значительно уменьшает возможности магов выполнять свои обязанности.

Мы надеемся, что эти, возможно временные, меры будут содействовать доработке процесса арбитража или полному замещению арбитражного разбирательства чем-то, что, возможно, больше соответствует потребностям сообщества.

в. Деятельность магов

Действия, значимые для всего общества: маги не будут более воздерживаться от совершения действий, которые могут иметь последствия для всего общества. За три с половиной года не было найдено подходящего механизма, предотвращающего создание «разрушительными» игроками невыносимо враждебной рабочей атмосферы для магов. Идеал, описанный в LTAND, который так или иначе давал нам возможность ограничить свою деятельность решениями исключительно технического плана, доказал свою несостоятельность.

2. Альтернативы вынесению общественных решений магами

Мы поощряем вас, игроков, к разработке новых механизмов, которые помогут свести к минимуму необходимость в магах, для принятия односторонних общественных решений. Некоторые механизмы, в особенности система арбитражных разбирательств, представляются далеко не идеальными для выполнения поставленных перед ними целей, однако они сильно укоренились, чтобы быть измененными при помощи системы подачи ходатайств. Мы хотели бы попробовать ввести новые механизмы и разрешить системе подачи ходатайств совершать более радикальные изменения, чем она в состоянии делать на данный момент. Мы бы хотели, чтобы игроки выдвигали свои идеи новых институтов управления и способы выбора между предложениями других игроков. Мы надеемся, что это придаст новую динамику LambdaMOO, которая позволит нам найти наилучшие решения для некоторых из наших наиболее фундаментальных проблем.

Мы надеемся содействовать реконструкции систем подачи ходатайств и проведения голосований, если ее проведения захотят сами игроки.

Имейте в виду, что мы не можем продолжать работу LambdaMOO без магов, которых назначил Наакон. Отложим в сторону риторические замечания о «киберпространстве» и «новой общественной реальности». До тех пор пока MOO, находящаяся на отдельной реальной машине в отдельном месте реального мира, подчиняется законам и обязанностям реального мира, будут и ответственные за использование техники. Частично потребность в администрировании присуща модели безопасности LambdaMOO и организации ядра Lambda, но эта потребность является и следствием различных капризов общества LambdaMOO (например, необходимость хранить в секрете соответствие между личностью в реальном мире и персонажем MOO требует, чтобы кто-то за этим следил). Хотя мы и можем придумать способы децентрализации некоторых из этих задач, фактически мы просто не можем децентрализовать ее. Мы ждем ваших предложений о возможных способах децентрализации.

Однако не принимаются предложения, подобные следующим:

- персонажи, которым не доверяет Наакон, могут стать магами в результате народных выборов;
- мы можем создать «машину-мага», выполняющую, согласно программе, обязанности магов и проводящую арбитражные разбирательства без малейшего вмешательства человека.

Возможно, что где-то и найдутся администраторы сайтов, которые возьмут на себя риск, связанный с реализацией этих идей, но это будем не мы.

3. Отказ от нового курса?

Мы понимаем, что не все согласятся с тем, что этот новый курс — самый лучший из всех возможных для LambdaMOO. Мы не сомневаемся, что полемика между вами может привести к различным результатам, например (просто, чтобы избавить вас от некоторых проблем):

- шантаж магов;
- объявление военных действий;
- военное положение;
- ядерный терроризм.

Некоторым из вас новый курс покажется настолько неприятным, что вы будете обдумывать силовые методы для того, чтобы положить конец этому новому курсу или способы испортить магам жизнь из-за принятия этого курса. Вместо того чтобы рассматривать гражданское непослушание или оскорбление магов как необходимые условия отключения LambdaMOO, мы простым большинством примем следующее решение.

Любой соответствующий требованиям избиратель может стать автором ходатайства «о завершении». Это будет заранее одобренное магами ходатайство установленной формы и содержания. Как только ходатайство наберет необходимое количество голосов для

проведения голосования (нужно набрать обычное количество подписей для ходатайства), будет проводиться голосование для определения, следует ли отключить LambdaMOO. Если количество голосов за (нам следует завершить работу) будет равно или превышать количество голосов против (нам не следует завершать работу), то после 8-недельного периода отсрочки работа LambdaMOO будет завершена. (Следует отметить, что одновременно может быть активно только ходатайство «о завершении».)

Ходатайство «о завершении» будет реализовано при первой же возможности.

4. Новый курс

Мы надеемся, что LambdaMOO станет более динамичным и приятным местом как для магов, так и для игроков. Мы не хотим препятствовать активным обсуждениям или лишать игроков голоса. Мы поощряем вас к разработке новых идей, механизмов и социальной политики, чтобы, по возможности, свести к минимуму необходимость прямого вмешательства магов в общественную жизнь.

Magu LambdaMOO

Библиография

Benedikt, Michael, ed. 1992. *Cyberspace: First Steps*. Cambridge, MA: MIT Press. «Bovine Spongiform Encephalopathy». 1999. Доступно по адресу <http://members.xoom.com/NonServlAm/index.html>.

Bruckman, Amy. 1993. «Gender Swapping on the Internet». *Proceedings of INET, 1993*. In Ludlow, ed., *High Noon on the Electronic Frontier* (Cambridge: MIT Press, 1996), p. 317—325.
Bruckman, Amy. 1996. «Finding One's Own in Cyberspace». *Technology Review* (January). Доступно по адресу <http://www.techreview.com/articles/jan96/Bruckman.html>.

Bruckman, Amy, and Mitchel Resnick. 1993. «Virtual Professional Community: Results from the MediaMOO Project». Доступно по адресу media.mit.edu/pub/asb/papers/MediaMOO-3cyberconf.

Bunt, Katherine. 1996. «Perspectives on the Toxic Event at PennMOO: Social Norms or Socially Propagated Truth». Неизданное эссе. Cherny, Lynn. 1995. «"Objectifying" the Body in the Discourse of an Object-Oriented MUD». *Works and Days* 25-26:151-172. Доступно по адресу <http://gradeng.en.iup.edu/works&days>.

Curtis, Pavel. 1992. «Mudding: Social Phenomena in Text-Based Virtual Realities».

Proceedings of DIAC'92. In Ludlow (1996, 347-368). Curtis, Pavel, and David Nichols. 1993. «MUDsGrowUp: Social Virtual Reality in

the Real World». Доступно по адресу parcftp.xerox.com/pub/MOO/papers/MUDsGrowUp. DeLoughry, Thomas J. 1995. «Researcher Who Studied On-Line Porn Gets

Invitation from Congress, Criticism from Scholars». *Chronicle of Higher Education*, July 21, p. A19. Dibbell, Julian. 1993. «A Rape in Cyberspace». *Village Voice*, December 21,

p. 36—42, переиздано Mark Dery, ed., *Flame Wars: The Discourse of Cyberculture*. Durham: Duke University Press. 237-261. Также см.: Ludlow (1996, 375—395). Доступно по адресу http://vesta.physics.ucla.edu/~smolin/lambda/laws_and_history/VillageVoice.txt.

Dibbell, Julian. 1998. *My Tiny Life: Crime and Passion in a Virtual World*. New

York: Owl Books. DIAC'94.1994. «Democracy in Cyberspace». Amy Bruckman, Pavel Curtis, Nancy Deuel, Mitchell Resnick. Video. Elmer-Dewitt, Philip. 1995a. «Fire Storm on the Computer Nets». *Time*, July 24, p. 57. Elmer-Dewitt, Philip. 1995b. «On a Screen Near You: Cyberporn». *Time*, July 3, p. 38-45. Godwin, Mike. 1995a. «Artist or Criminal?» *Internet World* 6, no. 9 (September): 96-100. Godwin, Mike. 1995b. «Philip's Folly». *Internet World* 6, no. 10 (October): 102—104. Godwin, Mike. 1996. «The Wrong Spin». *Internet World* 7, no. 1 (January): 86-87. Haynes, Cynthia, and Jan Rune Holmevik, eds. 1998. *High Wired: On the Design, Use, and Theory of Educational MOOs*. Ann Arbor: University of Michigan

Press.

HumbertHumbert's LambdaMOO archive. Доступен по адресу <http://vesta.physics.ucla.edu/~smolin/lambda>.

Ludlow, Peter, ed. 1996. *High Noon on the Electronic Frontier: Conceptual Issues in Cyberspace*. Cambridge, MA: MIT Press.

Marvin, Lee Ellen. 1996. «Spoof, Spam, Lurk, and Lag: The Aesthetics of Text-Based Virtual Realities». *Journal of Computer-Mediated Communication* 1, no. 2. Доступен по адресу <http://www.ascusc.org/jcmc/voll/issue2/marvin.html>.

Nakamura, Lisa. 1995. «Race in/for Cyberspace: Identity Tourism and Racial Passing on the Internet». *Works and Days* 25/26: 181-94. Доступен по адресу <http://gradeng.en.iup.edu/works&days>.

Penley, Constance, and Andrew Ross, eds. 1991. *Technoculture*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Poster, Mark. 1996. «Cyberdemocracy: Internet and the Public Sphere». Доступен по адресу <http://www.hnet.uci.edu/mposter/writings/democ.html>.

Reid, Elizabeth. 1995. «Virtual Worlds: Culture and Imagination». In Steven G. Jones, ed., *Cybersociety: Computer-Mediated Communication and Community*. Thousand Oaks, CA: Sage. 164—183.

Stivale, Charles J. 1996. «"Spam": Heteroglossia and Harassment in Cyberspace». *Readerly/Writerly Texts* 3, no. 2 (1996): 74—93. Переведено: David Porter, ed., *Internet Culture*. New York: Routledge, 1997. 133—144.

Надлежащая правовая процедура и кибернетическая юрисдикция Дэвид Джонсон²⁰⁴

Предисловие

Онлайновая коммуникация способствовала развитию нового вида всемирной торговли в сфере идей, информации и услуг. Поскольку для электронных сообщений не существует территориальных границ и большинство онлайн-транзакций осуществляется независимо от какого-то определенного местоположения, то основанное на географической привязке местное законодательство при попытке регулировать этот феномен столкнулось со многими

204 Оригинальная версия этой статьи опубликована в электронной форме в *Journal of Computer-Mediated Communications* 2, № 1 (June 1996). Публикуется с разрешения автора. © 1996, David R. Johnson. [Перевод Т. Рассказовой.]

сложностями. Пользователи и системные операторы сами пытаются регулировать конфликты и решать споры, при этом они создают прецеденты и устанавливают какие-то правила. Так создается новая форма закона — закон киберпространства, базирующийся на частных договорах, которые, в свою очередь, основываются на общепринятых нормах. Системные операторы обладают правом налагать санкции на пользователей, которые нарушают правила, а пользователи могут переходить от одного провайдера к другому.

Сможет ли киберправо стать настоящей надлежащей правовой процедурой? Другими словами, будет ли он уважать базовые принципы справедливости, как это происходит со всеми действующими правовыми доктринами? Эти доктрины направлены на то, чтобы обеспечить процедурную защиту от произвола со стороны государства, а также призваны охранять основные права на жизнь, свободу и собственность, которые не могут быть отняты, даже если за это выступает подавляющее большинство. Сейчас уже есть некоторые признаки того, что киберправо будет действовать в согласии с принципами справедливости и будет уважать права личности. Тем не менее цель киберправа — обеспечить защиту пользователя от произвола, прежде всего, со стороны провайдеров, а не государства. Очевидно, что те методы, при помощи которых эта цель будет достигнута, должны отличаться от тех, к которым прибегает укоренившаяся система государственного законодательства.

Необходима ли правовая процедура в киберпространстве?

На первый взгляд, онлайн-коммуникация не нуждается в создании специальных механизмов защиты для пользователей или ограничения полномочий и определения прерогатив системных операторов. Решение заключить договор о предоставлении доступа к коммерческим информационным услугам или к Интернету сугубо добровольно, в то время как ситуация с местным законодательством и властями совсем другая. Правила электронного мира в большинстве своем базируются на частных договорах, а устанавливаются в законодательном порядке, не зависят от административных решений или толкования закона судьями. Если оператор соглашается с правилами, которые кажутся несправедливыми, то пользователи, подключенные к этому оператору, могут проголосовать своими модемами и перейти в другую, более подходящую юрисдикцию. Действительно, некоторые наиболее искушенные пользователи могут передавать сообщения без посредников, которым известно, кто эти пользователи, и которые могут вмешаться и навязать какие-то установленные правила.

Важно, чтобы все стороны изначально доверяли друг другу. От этого зависит степень свободы пользователей коммуникаций, опосредованных компьютером, от вмешательства государства. Однако остается ряд неразрешенных вопросов: о полномочиях системных операторов, о возможности большинства или меньшинства подавлять отдельных пользователей. В то время как те, кто не согласен с местными правилами, может просто уйти, другие пользователи тратят массу времени и усилий на то, чтобы обустроить свою идентичность в Сети (создать репутацию, которая основывается, например, на конкретном адресе электронной почты или веб-страницы). Многие стараются зарекомендовать себя в качестве активных и долгосрочных членов киберсообществ. Для таких людей отделение от подобного сообщества влечет за собой очень существенные личные потери. Таким образом, те сложности, которые испытывает системный оператор в ситуации, когда пользователь реализует свое право на отказ от его услуг, в значительной мере компенсируются неудобствами, которые испытывает сам пользователь. Системный оператор может изгнать пользователя. Такая власть вполне может стать причиной явной несправедливости, если подобные меры принимаются, например, без наличия адекватных причин или без соответствия законам, которые дают пользователю (и, пожалуй, всему киберсообществу) право быть услышанными.

Некоторые системные операторы подвергают сомнению необходимость надлежащей правовой процедуры, подчеркивая, что право на подачу апелляции лишь ограничивает

властные полномочия, как это было доказано на опыте суверенных правительств. Они также настаивают на том, что частные коммерческие и гражданские договоренности в целом гарантируют соблюдение логики. Редактура для частного электронного издателя — это то же, что для правительства — цензура. То, что для правительства — дискриминация, для киберсообщества — права на свободу собраний.

Аргументы в пользу защиты некоторых законов Сети для пользователей могут выглядеть вполне убедительно. Обычно при попытке контролировать глобальную электронную Сеть власти сталкиваются с рядом сложностей. Каждый бизнесмен настаивает на саморегулировании, а системные провайдеры могут с успехом выполнять функции «правительства» сетевого мира. Работая сообща, они обладают монополией на то, что играет роль «силы» (или выключателя) в их среде. До тех пор пока они вместе вырабатывают стандарты (фактически они уже сделали это при создании протоколов Интернета и системы доменных имен, а также при разработке связанных с ним правил), в их частной сфере деятельности существует нечто похожее на суверенную власть.

Системные операторы могут признать, что, с точки зрения пользователей, ставки, сделанные на создание или применение онлайн-правил, очень высоки. Если эти правила не ограничены базовыми понятиями о справедливости и уважении прав личности, как это принято в культуре сетевого мира, то вышестоящие власти могут не захотеть даже рассматривать претензии на самоуправление. Более того, отказ защищать онлайн-права на «жизнь, свободу и частную собственность» в сетевом мире может отпугнуть многих потенциальных пользователей и уничтожить всю онлайн-коммерцию.

Какого рода надлежащая правовая процедура доступна пользователям?

Правила, действующие онлайн, могут воплощаться в жизнь как посредством обычной практики пользователей, так и при помощи соглашений, заключаемых между пользователем и провайдером. Большинство из этих договорных правил оговариваются в контрактах на подключение к Сети. Они практически не подлежат изменению. Многие контракты, заключенные с провайдерами, которые предоставляют платные услуги, подразумевают, что провайдеры получают право отказывать кому-либо в предоставлении услуг, причем в любое время и по любому поводу. Иногда пользователи настаивают на изменении правил доступа — интерактивное пространство дает для этого блестящую возможность, в частности они могут подать петицию он-лайн-правительствам и обсудить возможные изменения. Но официально такой процедуры — внесения предложения об изменениях — не существует. Наоборот, многие контракты содержат следующие пункты: пользователи заранее соглашаются со всеми правилами Сети, какими бы несправедливыми они ни были, причем даже с теми, которые появятся в будущем. В крайнем случае для пользователя остается только одна возможность — если он считает, что правила несправедливы или оскорбительны, он может отказаться от услуг Сети.

Точно так же происходит во многих случаях. Системный оператор принимает решения в одностороннем порядке, он выполняет функции и обвинителя, и судьи, и присяжных и даже приводит в исполнение вердикт. Есть и исключения, например известный случай, связанный с многопользовательским доменом LambdaMOO. Клиенты этого домена потребовали независимой юрисдикции, после того как на основе кампании общественной обструкции управитель сайта лишил доступа одного из пользователей. Теперь существует проект по созданию Виртуального Магистрата, специально для разрешения онлайн-споров посредством электронной почты. Таким образом, споры будут рассматриваться нейтральной стороной. В настоящее время в киберпространстве существует только так называемая суммарная юстиция (или помощники по осуществлению мести).

Отсутствие защиты в киберпространстве — явление смехотворное, и оно дает шанс посредникам в рациональном разрешении споров и публичных дебатах проявить себя. Онлайн-конференции позволяют рассмотреть различные точки зрения и предложения по

урегулированию конфликтов. (Комиссия по ядерному регулированию проводит эксперимент, связанный с выработкой онлайн-законодательства, а конгресс США пришел к выводу, что электронная почта достаточно эффективна для того, чтобы позволить всем высказывать свою точку зрения.) Более того, целенаправленное вынесение судебного решения онлайн может оказаться более эффективным с финансовой точки зрения. Все стороны могут присутствовать на заседании, когда им это удобно. Эксперты и нейтральная сторона также могут высказываться онлайн, что значительно ускоряет процесс. Вся процедура может сразу архивироваться. В Сети можно обсуждать и принимать новые правила, анализировать факты и принимать судебные решения.

Как в киберпространстве возникнет судебная процедура?

С увеличением количества онлайн-услуг и ростом числа пользователей будет возникать больше споров, затрагивающих интересы все большего количества людей. Раньше было неважно, что именно оператор называет вашим сервером. Сегодня крупные компании агрессивно защищают торговые марки — домены и отстаивают интересы пространства, которое считают своим. Это похоже на то, как при переходе на другую работу у вас меняется номер телефона. Но некоторые работники могут столкнуться с очень неприятной ситуацией, если прежний провайдер откажется пересылать их электронную почту. Многие злые пользователи придут в ужас при одной мысли о том, что системный оператор может в одностороннем порядке ликвидировать их онлайн-идентичность без всякой причины или что отдел технической поддержки по каким-то инженерным соображениям может прекратить работу их веб-страницы. Такие люди ожидают законных гарантий и изыскивают возможности для защиты индивидуальных прав. Возможно, они будут настаивать на соблюдении частных прав в отношении номеров телефонов, адресов электронной почты и идентификации веб-страниц, а также касательно рассмотрения их жалоб и предложений.

Первым шагом на пути установления процедуры станет признание важности личных и корпоративных интересов. На первом этапе это может проявиться в форме апелляций к существующим институтам. Но местные власти не в состоянии контролировать глобальную Сеть, у них нет соответствующего законодательства, касающегося всех заинтересованных сторон, и им придется обращаться только к деталям онлайн-контрактов, заключенных пользователями. Таким образом, эти апелляции напрямую адресованы сисопам и попадают к группе связанных между собой систем, которые осуществляют контроль над всем онлайн-трафиком. Те, кто контролирует доступ к ресурсам Сети и взаимосвязанным системам, могут сообщать и применять дисциплинарные санкции и отказывать в обмене сообщениями сайтам, которые не придерживаются норм киберпространства.

Интернет-сообщество, состоящее из долгосрочных пользователей, уже продемонстрировало (при помощи, к примеру, специальной Internet Engineering Task Force²⁰⁵) возможность проводить свою политику и поддерживать специальные протоколы, которые управляют технической передачей сообщений в сетях и руководят работой системы в целом. Те, кто не согласен с этим, просто сталкиваются с тем, что их системы не взаимодействуют с другими. Совершенно также и «процедурные» правила для пользователей могут быть эффективны только посредством принятия их на основе консенсуса, как и «стандарты» или «протоколы» были необходимыми условиями для связи или для попадания в группу, разрабатывающую технологии повышения функциональности онлайн-коммуникаций.

Некоторые элементы таких принципов могут частично базироваться на технической архитектуре, как, например, на [физическом] расположении администрации, управляющей системой доменных имен. Некоторые элементы просто соответствуют общепринятой

205 Группа по инженерным проблемам Интернета — открытое сообщество сетевых разработчиков, операторов, поставщиков услуг и исследователей, занимающихся развитием архитектуры Интернета и обеспечивающих его бесперебойную работу.

практике общения с пользователями и разбора каждого отдельного нарушения и жалобы. Отклонение от подобной практики может вызвать подозрение по отношению к целой зоне Сети или быть отмечено соответствующими гипертекстовыми ссылками, поддерживаемыми ответственным провайдером.

Вряд ли основные общепринятые принципы и права—такие, как переносимость (или право пользователя на собственность) по отношению к доменному имени — будут зафиксированы в записанном своде правил. Технологии глобальной онлайн-коммуникации развиваются так быстро, что будет необычайно сложно иметь дело со всеми потенциальными проблемами с помощью писанных правил. Интернет-сообщество в ответ на эти сложности разработало довольно общую доктрину этикета в Сети — «нетикета», в основе которого лежит групповое обсуждение и который может быть принят в духе обычного права.

Вряд ли возможно возникновение строго определенного свода законов или нормативных текстов, на основе которых можно было бы трактовать все происходящее в мире Сети с точки зрения соответствия процедуре — даже случаи из прошлого нужно будет пересматривать с учетом условий нового времени. Это будет лишь слабое подобие законодательства в сфере компьютерных коммуникаций, поскольку даже презумпция рассматривается с учетом обстоятельств (включая технические возможности, интересы всех участвующих сторон и все это вместе взятое). Все эти условия могут измениться стога времени, когда та или иная проблема возникла. Но можно достичь справедливости путем обсуждения с участием информированных нейтральных сторон. Например, когда рассылка спама стала настоящей проблемой Интернета, пострадавшие пользователи приняли конкретные меры—они сами стали забрасывать почтовые ящики отправителей. Однако гораздо более эффективный с технической точки зрения метод борьбы со спамом — отправить отправляющей стороне специальное послание. В скором времени была создана группа обсуждения. Цель — распространение информации обо всех достижениях в борьбе со спамом, оповещение о новых технологиях и методах. Конечно, некоторые виды такой самодеятельности присутствуют и теперь, но реакция на рассылку спама стала своего рода стимулом и показала, что действия, направленные на защиту коллективных интересов (даже препятствование рассылкам или лишение доступа) и предпринятые как результат совместного обсуждения, могут послужить независимым механизмом решения проблем. Эта культурная практика потенциально способна стать разновидностью процессуального права для всех пользователей Интернета.

В чем разница между судебным процессом в виртуальном мире Сети и судебным процессом в реальном мире?

«Судебный процесс» в киберпространстве может быть представлен в форме консенсуса между большинством пользователей и системных операторов. Это касается и применения средств крайнего принуждения (запреты, лишение доступа, ликвидация онлайн-адресов), которые должны быть в руках соответствующих лиц. Пользователи будут избегать систем, где у системных операторов есть право ограничивать пользователя, вносить изменения в идентификационные данные или произвольно принимать правила, запрещающие законную и общепринятую деятельность. Пользователи, нарушившие правила, могут требовать разбирательства, и такая возможность будет им предоставлена: любые отклонения от этих правил сразу же станут общеизвестными, несанкционированные действия будут осуждаться, и в таком случае принятое решение обернется против системы оператора-нарушителя. Защита такой степени не может быть гарантирована напрямую законами местных властей, чья юрисдикция может даже не распространяться на все заинтересованные стороны. Тем не менее местные власти могут стать стороной, к которой могут обращаться менеджеры сетей и пользователи. Фактически они станут частной формой глобального сетевого закона, к которому можно будет обращаться за посредничеством в разрешении споров. Кроме того, заинтересованные стороны могут сами выбирать себе посредников и, возможно, обращаться к местным властям.

Согласно законодательству США, надлежащая судебная процедура гарантируется Конституцией, которая действует на определенной территории и распространяется на проживающих на ней граждан. Она основана на ключевом принципе, согласно которому «государство» служит интересам защиты справедливости для его граждан. Напротив, защита интересов отдельных пользователей в глобальной Сети зависит не от территориальной юрисдикции, а от совместных действий онлайн-сообществ. Эффективность законов в Сети будет в большей степени зависеть от системных операторов, которые стоят у выключателей, и реакции их клиентов — неважно, где они находятся, — это нечто совершенно чуждое понятию «суверенной» власти. Более того, выгодоприобретатели надлежащей правовой процедуры в Сети по своей природе отличаются от тех, кто принимает и реализует эту доктрину в реальном мире. Пользователи могут вести свои онлайн-дела без обязательного указания на то, кто они такие и какие роли играют в реальном мире. Как бы то ни было, те, кто формулирует доктрину онлайн-правовой процедуры, должны решить, каким образом те или иные права связаны с онлайн-личностью, должен ли пользователь, который настаивает на соблюдении своих прав, сообщать дополнительную информацию о себе, могут ли такие права, как право на жизнь, свободу и частную собственность, принадлежать группе или корпорации.

Возможно, самый главный вопрос, касающийся судебной процедуры в киберпространстве, — это онлайн-эквивалент права на жизнь. Этот вопрос возникает, когда системный оператор намеревается изменить или удалить онлайн-личность из Сети против воли пользователя. Такая ситуация возможна, к примеру, когда пользователь нарушает правила данного участка Сети или мешает другим пользователям. В таком случае, достоин ли пользователь суда и соответствующего компетентного решения или же системный оператор просто линчует его в режиме онлайн? Должна ли принимающая решение сторона быть нейтральной? Учитывая, что пользователь ожидает от системного оператора, которому он в какой-то степени доверяет свои дела, справедливости, ограничения могут стать основой эволюции закона Сети.

Судебный процесс, основанный на принципах, применяемых в США, может включать некоторые специфические атрибуты, которым сложно найти применение в Сети. Например, суд присяжных, состоящий из шести или двенадцати человек (ограничение физического, реального присутствия людей в здании суда, являющееся исторической традицией) вряд ли будет востребован в Сети, даже несмотря на то, что Сеть способна обеспечить и приветствует взаимодействие с нейтральной оценивающей стороной. США в законодательном порядке гарантируют очную ставку между обвинителями и свидетелями. Это право почти неприменимо, когда речь идет целиком об онлайн-процедуре. США в законодательном порядке гарантируют право перекрестного допроса свидетелей в хорошо разработанном процедурном мероприятии. Соблюдение подобных формальностей в онлайн может оказаться недостижимым или нерелевантным.

И наоборот, отдельные аспекты взаимодействия в Сети могут способствовать разработке новых форм процессуального права.

Возможно, справедливо будет позволить обвиняемой стороне ответить на выдвигаемые обвинения при помощи электронной почты или путем публичного размещения сообщения на форуме. Позволить такое, с одной стороны, проще, а с другой — более справедливо. Кроме того, можно при помощи той же электронной почты известить пользователя, чьи действия стали предметом общественного обсуждения. Учитывая относительную важность мнения сообщества и нежелание сторон усугублять сложившуюся ситуацию в каждом отдельном случае, онлайн-суды могут быть более открыты для дискуссий при помощи «друзей суда» — тогда возможно даже привлечь незаинтересованные стороны к обсуждению в режиме онлайн.

Еще одна важная особенность судебной доктрины США предполагает защиту корпораций и других организаций, которые официально могут действовать как юридическое лицо. В мире Сети юридические лица и все, что с ними связано, имеет несколько другой

смысл, поскольку все участники онлайн-взаимодействия не могут (или им все равно) легко и непринужденно сообщить, кто скрывается за конкретным пользователем: один человек или несколько. Мир Сети предлагает очень важную вещь — возможность для сотрудничества по предоставлению информации и услуг группам людей. Таким образом, только время покажет, когда перед миром Сети встанет вопрос — есть ли необходимость в создании специальных законов, относящихся к группам лиц, представляющих свои интересы при помощи электронной почты или веб-страниц, должны ли их права отличаться от прав индивидов? Мы уже допускаем возможность «реального» объединения в группы при регистрации доменных имен. Непонятно, почему подобные группы должны быть зарегистрированы на какой-то определенной физической территории. То, как мы разрабатываем методы защиты для коллективов, может повлиять на развитие электронной торговли.

Последняя проблема разработки онлайн-судебной процедуры — вопрос о том, нужна ли доктрина, которая защищает индивидов от чрезмерных наказаний, даже если решение о введении таких наказаний было принято с благими намерениями. В настоящее время системные операторы наслаждаются абсолютной властью над доменами и не видят необходимости хоть как-то компенсировать пострадавшим изменение адреса электронной почты, отмену доменного имени или неожиданное введение новых правил, запрещающих деятельность, которую пользователь рассматривает как коммерческую. Пользователи в какой-то степени защищены от такой тирании — благодаря возможности перейти в другую систему. Но доктрина, предусматривающая компенсацию за несанкционированные действия, обеспечит более надежную защиту. Даже коллективные решения не всегда могут быть панацеей от миграции пользователей. Хотя это именно тот тип решений, который становится более популярным в мире Сети и оправдывает возлагаемые на него ожидания. (Конечно, для того чтобы стать максимально эффективной в условиях Сети, этой доктрине недостает чего-то вроде налоговой инспекции.) Гарантия компенсации может стать настоящим испытанием для утверждения о том, что ограничение власти обеспечивается только возможностью недовольных пользователей сбежать, — или же, напротив, оно обусловлено коллективным желанием граждан Сети добиться самоуправления и обеспечить рациональное решение проблем, а также избежать несанкционированных и незаслуженных наказаний.

Заключение

Надлежащая судебная процедура в киберпространстве затронет интересы многих — пользователей (не важно, индивидов, группы или объединения), но не граждан конкретного национального государства. Эта процедура позволит защищать разнообразные интересы: жизнь онлайн-личностей, свободу видов деятельности без произвольного изменения правил, право собственности на доменное имя или хорошо известную веб-страницу. Скорее всего, судебные процессы примут форму общего обсуждения, независимого от прав физической личности (таких как перекрестный допрос свидетелей или очная ставка). Конечно, судебные процедуры в разных местах будут отличаться. Пользователи смогут сами выбирать свое онлайн-окружение в зависимости от того, какие правила им ближе. Но, несмотря на все эти различия, законы киберпространства будут в целом воплощать одни и те же базовые ценности, обозначенные в доктрине: уважение интересов индивидов перед лицом подавляющего большинства, вдумчивый и рациональный подход к каждому конкретному случаю, возможность всеобщего участия в разработке и применении новых законов сетевого мира.

Пресс-релиз проекта Виртуального Магистрата²⁰⁶

Для срочной публикации, 4 марта 1996 года

Учрежден Виртуальный Магистрат для добровольного разрешения споров при сетевых коллизиях по Интернету

ИНТЕРНЕТ. — Недавно учрежденный проект Виртуального Магистрата будет содействовать быстрому первичному разрешению споров в отношении компьютерных сетей. Специализированная система третейского суда и обнаружения фактов, работающая в реальном времени, была анонсирована Тимоти Лейкснером, председателем правления Национального центра автоматизированного поиска информации (NCAIR), который и финансирует пилотный проект. В разработке проекта участвовали члены Института киберпространственного права (CLI).

«Миллионы людей во всем мире общаются и ведут бизнес при помощи компьютерных сетей, — сказал мистер Лейкснер при объявлении проекта. — Споры неизбежны, и существующие суды могут быть слишком медленными, слишком обременительными и слишком локальными для того, чтобы иметь глобальный эффект. Нам нужно исследовать новые формы разрешения споров, обеспечивать своевременную помощь, и разработать соответствующие санкции, применимые для глобальных компьютерных сетей. Это и является целью проекта Виртуального Магистрата».

В качестве виртуальных судей будет выступать группа независимых третейских судей сознанием законов и опытом использования компьютерных сетей. Судьи (которые не должны быть юристами) будут совместно выбираться Американской ассоциацией специалистов по арбитражу и Институтом киберпространственного права и проходить тренинг по арбитражному разбирательству.

Иски будут приниматься как по электронной почте, так и посредством заполнения формы на веб-сайте Виртуального Магистрата. Подателями исков могут быть пользователи Интернета, системные операторы и все, кому нанесен ущерб сетевыми сообщениями, публикациями и файлами. В первое время Виртуальный Магистрат будет решать, следует ли системному оператору удалить или иными способами ограничить доступ к сомнительному сообщению, публикации или файлу.

Запреты могут основываться на нарушении авторского права или незаконном использовании торговой марки, разглашении секретов фирмы, клевете, обмане, нечистоплотной коммерческой деятельности, непристойных (порнографические, развратные или иные, нарушающие локальные системные правила) материалах, вторжении в личную жизнь и другом незаконном содержании. В дальнейшем Виртуальный Магистрат сможет принимать иски, относящиеся к другим видам сетевой деятельности.

Потребность в быстром и доступном разрешении споров ярко продемонстрирована на примере ведущейся судебной тяжбы между Netcom On-Line Communications Services и церковью сайентологии. Церковь заявила, что публикации, осуществленные пользователем Netcom, якобы нарушают ее авторские права. Случай находится на рассмотрении в федеральном окружном суде и ожидается длительное судебное разбирательство. Однако арбитраж проекта Виртуального Магистрата может предложить независимую оценку того, имело ли место в данном случае нарушение закона. Несомненно, что немедленное определение соответствующих ответных действий системных операторов было бы выгодно всем. Использование Виртуального Магистрата для немедленного разрешения споров не заменит традиционные судебные тяжбы.

Беспристрастный магистрат будет рассматривать каждую жалобу. Обычно судебные разбирательства будут происходить по электронной почте. Их целью является нахождение

²⁰⁶ Начиная с этого пресс-релиза проект Виртуального Магистрата переместился в Чикаго-Кентский Колледж права по адресу <http://www.vmag.org>. [Перевод А. Кузнецова.]

решения в течение семидесяти двух часов (трех рабочих дней), разумеется, если это возможно. Информация о случаях, по которым были вынесены решения Виртуальным Магистратом, будет общедоступна на веб-сайте, поддерживаемом Центром информационной политики и информационного права Виллиановы, по адресу <http://vmag.law.vill.edu:8080>. Дополнительная информация о проекте находится на том же веб-сайте.

Дэвид Джонсон, содиректор Института киберпространственного права сказал: «Проект Виртуального Магистрата не является решением всех сетевых проблем. Некоторые дела неизбежно закончатся традиционными судами. Но если проект Виртуального Магистрата сможет содействовать быстрому, недорогому и справедливому разрешению некоторых споров, то это уже будет успех».

Пол Эван Петере, исполнительный директор Коалиции сетевой информации, ведущей разнообразное сотрудничество более чем с двумястами институтами и организациями, способствующими трезвому и интеллектуально продуктивному использованию Интернета, отметил: «Этот проект обещает стать чрезвычайно важной и крайне востребованной альтернативой законодательству, согласованиям условий контрактов и судебным процессам, для разрешения неопределенностей, с которыми мы можем столкнуться в процессе быстрого развития сетевых ресурсов и изменений условий эксплуатации».

Проект Виртуального Магистрата является пилотным. Корректировки правил и процедур будут осуществляться на основании опыта работы. Оценку проекту дадут участники конференции, которая будет созвана NCAIR и CLI в мае 1996 года, кроме того, там же будут сделаны выводы относительно нахождения более надежной структуры и надежного финансирования. NCAIR вложила 75 тысяч долларов для обеспечения работы этого пилотного проекта.

NCAIR является некоммерческой образовательной корпорацией, с 1966 года активно участвующей в процессе обучения и применения технологий в юридических и бухгалтерских профессиях.

Американская ассоциация арбитража (AAA) является общественной некоммерческой организацией, предлагающей корпорациям, юристам, страховым компаниям, частным лицам, торговым ассоциациям, профсоюзам, потребителям и всем уровням государственной власти широкий спектр услуг по разрешению споров. AAA является центральным международным органом для неофициального разрешения споров с тех пор, как в 1920-х годах арбитражное разбирательство стало приемлемой альтернативой судам.

Джордж Фридмен, старший вице-президент AAA, сказал: «Всвязи с увеличивающейся недоступностью судебной системы и лавинообразным ростом онлайн-технологий, вполне естественно, что будет сделана попытка разработки средств простого и быстрого разрешения споров в реальном времени. Американская ассоциация арбитража рада быть основоположником проекта Виртуального Магистрата, который, бесспорно, подготовит почву для дальнейшего развития альтернативного разрешения споров».

Центр информационной политики и информационного права Виллановы будет поддерживать общественное онлайн-хранилище исков, решений и документов Виртуального Магистрата. Центр Виллановы будет также поддерживать электронные дискуссионные группы для судей, участников и других заинтересованных сторон, он будет работать совместно с AAA при подготовке обучающих материалов. Центр Виллановы располагается в Школе права Университета Виллановы, недалеко от Филадельфии.

Как я могу найти Проект Виртуального Магистрата в Интернете?

Копии правил Виртуального Магистрата и другие материалы, описывающие проект, можно получить по адресу <http://www.vmag.org>.

Виртуальный Магистрат публикует свое первое решение

Для срочной публикации, 21 мая 1996 года

AOL рекомендуется удалить сообщение пользователя, предлагающее для продажи миллионы адресов электронной почты

Сегодня проект Виртуального Магистрата опубликовал свое первое решение. Дело связано со спорным сообщением, разосланным по сети America Online (AOL) компанией Email America. Принятое решение рекомендует AOL удалить сообщение, предлагающее продажу адресов электронной почты, так как оно нарушает соглашение об оказании услуг, а также обычаи Интернета.

Проект Виртуального Магистрата — это базирующаяся в Интернете служба арбитражного разбирательства, которая содействует быстрому первичному разрешению споров в отношении компьютерных сетей. Проект начал работать в марте 1996 года. Основное решение, выносимое Виртуальным Магистратом, заключается в следующем: сетевое сообщение, файл или публикация удаляются или оставляются для просмотра.

Название дела — Tierney and Email America, VM Docket № 96-0001 (от 8 мая 1996 года). Дата принятия решения — 20 мая 1996 года. Полный текст, относящиеся к делу материалы и переписка доступны для всеобщего просмотра на домашней странице Виртуального Магистрата по адресу <http://vmag.law.vill.edu:8080>.

Подателем иска в деле является Джеймс Тирни, работник компании America Online, присоединившийся к проекту Виртуального Магистрата в качестве советника по вопросам обмана потребителей.

Тирни также является бывшим главным прокурором штата Мэн. Его иск был направлен против кампании Email America, которая разместила в сети AOL сообщение с предложением продажи перечня из двадцати миллионов адресов электронной почты. В иске утверждалось, что сообщение кампании Email America представляет собой вторжение в частную жизнь, противоречит известным публичным правилам и является обманом. Тирни охарактеризовал предложение компании Email America как спам (захламление) электронной почты. Эти термины описывают многочисленные беспорядочные торговые предложения, рассылаемые потенциальным заказчикам по электронной почте.

America Online добровольно приняла участие в деле. AOL в своем заявлении обращает внимание на то, что ее условия в договоре по оказанию услуг допускают удаление вредных, оскорбительных или другими способами нарушающих правила AOL сообщений. AOL также заявила, что не поощряет в своей системе беспорядочную многочисленную незатребованную почту. AOL считает подобную рассылку противоречащей обычаям и практике Интернета, препятствием работе службы и потенциально опасной для своей системы. К тому же большое количество незатребованной почты стало причиной многочисленных жалоб со стороны абонентов AOL.

Виртуальный Магистрат постановил, что при установлении состава вредной или оскорбительной деятельности можно принимать во внимание ограничения системы AOL, обычаи и практику Интернета, а также жалобы абонентов. Магистрат определил, что удаление или блокирование рассматриваемого сообщения будет разрешено согласно условиям в договоре по оказанию услуг AOL и что AOL следует удалить сообщение из системы.

Решение по делу было вынесено Н. М. Нортоном-мл. в сотрудничестве с адвокатской конторой Райта, Линдси и Дженнингса из Литтл-Рока, штат Арканзас. До недавнего времени мистер Нортон являлся членом Национального американского консультативного совета по информационной инфраструктуре. Он является одним из восьми человек, выбранных к настоящему времени для оказания услуг в качестве виртуальных судей.

Проект Виртуального Магистрата является экспериментальной службой, разработанной Институтом киберпространственного права и профинансированной Национальным центром автоматизированного поиска информации. Реализацию проекта обеспечивают Американская ассоциация арбитража и Центр информационной политики и информационного права

Виллановы. Документы, поясняющие правила, процедуры и цель проекта располагаются на домашней странице Виртуального Магистрата.

Роберт Джелмен, исполнительный директор Виртуального Магистрата, сказал: «...это судебное решение является хорошим стартом для начала работы проекта Виртуального Магистрата. Мы ожидаем, что проект продемонстрирует, как компьютерные сети способны самостоятельно поддерживать порядок. Это решение поддерживает право системных операторов устанавливать подходящие правила, регулирующие их сервисы. Мы были разочарованы тем, что компания Email America не отреагировала на неоднократные просьбы принять участие в данном деле. Но поскольку присутствовали иск и участвующий в деле системный оператор, то мы осуществили процессуальные действия по этому делу».

Уильям Слейт II, президент и главный исполнительный директор Американской ассоциации арбитража, заявил: «...первое решение, вынесенное Виртуальным Магистратом, несомненно, является началом для альтернативного разрешения споров в реальном времени. Прецедент наглядно показывает, что технологии реального времени могут использоваться для разрешения споров с впечатляющей скоростью и эффективностью, наряду с тем, что сохраняется равнодоступность и целостность благодаря автоматической диагностике и восстановлению системы. Американская ассоциация арбитража довольна тем, что играет ведущую роль в развитии этой передовой технологии».

Утопия, дистопия и пиратские утопии Утопия, обретенная заново²⁰⁷

Кэрри Джекобс

Первым делом пал коммунизм. После этого последовала рекламная кампания по продвижению напитка «Fruitopia»²⁰⁸. Теперь заводишь ки-берпространства, так называемые диггерати50, рекламируют виртуальное пространство, где вы можете находиться как в terra incognita, где можно начать жизнь заново.

Однако очевидно, что утопические концепции сильно деградировали и стали объектом коммерциализации. Слово ответственному редактору журнала Wired Кевину Келли:

Причина, по которой хиппи и людей вроде меня интересуют компьютеры, состоит в том, что они позволяют моделировать миры, миниатюрные вселенные. Они позволяют создать новую цивилизацию. Мы постоянно задаем вопросы: что такое жизнь? Что такое человек? Что такое цивилизация? Мы задаем эти вопросы совсем не так, как это делали старые философы, сидя в своих креслах, мы пытаемся ответить на них практически. Давайте попробуем и создадим жизни. Давайте попробуем и создадим общество (Lew York Times Magazine).

Дуглас Рашкофф:

Когда программисты и психоделические воины осознали, что «все суть одно», возникло распространенное мнение, что вся эволюция человечества направлена на создание Киберии — нового дома для сознания («Киберия»).

²⁰⁷ Эта статья первоначально появилась в электронном журнале word.com в 1996 г. Публикуется с разрешения автора. © 1996, Karrie Jacobs. [Перевод С. Кормильцева.]

²⁰⁸ Напиток компании Соса-Сола, анонсированный в марте 1994-го. Прославился благодаря дорогостоящей (порядка 30 млн долларов) рекламной кампании, использовавшей слоганы с уклоном в риторику нью-эйдж, например: «Яблоки не сражаются с ананасами, а объединяются с ними во взаимной фруктовой интеграции». В России практически не известен.

Редактор Wired Луис Россетто:

Читатели Wired связываются с нами, чтобы связаться со своими друзьями, чтобы связаться с сообществом, чтобы стать частью умонастроения и потока группового сознания, которое преодолевает границы старых медиа. И, участвуя в этом процессе, они начинают строить новое общество, новую культуру, новый способ мышления об обществе (New York Times).

Соучредитель Фонда электронного фронта Джон Перри Барлоу:

Все властные отношения на планете подверглись дизассемблированию, новые тенденции носятся в воздухе. Все идет к тому, что центр в значительной степени теряет свою роль и произойдет перераспределение власти (New Perspectives Quarterly).

Какое еще перераспределение власти? Я не верю, что Келли, Рашкофф, Россетто и Барлоу знают это лучше меня. Я не могу поверить, что будто они не понимают, что электронная культура, в которой они варятся, до сих пор по большей части творение белого человека (и пишет о ней он же; см. статью «Сценарии: будущее будущего», опубликованную в Wired в октябре 1995 года) и заправляют в ней такие корпоративные гиганты, как АТТ, Microsoft и Sony.

Внутри этого нового мира, дорога в который начинается, когда наши пальцы дотрагиваются до клавиатуры, и заканчивается, когда мы попадаем на веб-сайт, рекламирующий новейшую модель «Крайслера», или на электронную доску объявлений с обсуждением фильма «Детки»²⁰⁹, мы находим ту же жизнь и тех же людей, что и снаружи. Когда люди надевают электронные маски, — «изменяя» свой пол, расу, физические параметры, — чаще всего они продолжают играть самих себя. Когда корпорации появляются в Сети и приглашают нас к взаимодействию с ними в режиме реального времени, они продают те же самые продукты, которые они продают посредством рекламных щитов, телерекламы и купонов в газетах.

Мир по ту сторону монитора — это, в действительности, продолжение мира по эту его сторону, причем до такой степени, что в Сети присутствует даже Секретная служба²¹⁰. В сентябре они устроили охоту на шестерых «хакеров», обвиненных в сбыте краденых паролей к сотовым телефонам. Любопытно, что арестованные не испытывали никаких угрызений совести, обсуждая свою деятельность на одной из электронных досок объявлений, посвященной мошенничествам с телефонами и кредитными карточками, которая специально была создана Секретной службой для отлова подобных деятелей. Вероятно «хакеры» на самом деле верили в то, что Сеть — это территория безудержной анархии, и федералы не осмелятся туда залезть.

Я согласен с мнением одного из самых суровых критиков компьютерной культуры, Джерри Мандера, который считает, что «проблемы, решаемые при помощи компьютеров, — это проблемы корпораций. Никаких других проблем они не решают».

Кибернетические рекламщики представляют часть многолетней традиции. Они и в цифровой вселенной продолжают делать то, что делают все коммивояжеры. Они продают нам новые технологии, будто клочок земли на золотом прииске, и мы связываем с этими технологиями все наши надежды и голубые мечты. Мы отрываемся от хорошо знакомого родного мира и отправляемся вперед, надеясь на лучшее. Так поступали наши деды,

209 «Детки» — фильм 1995 года режиссера Ларри Кларка, «старейшины вымирающего племени хиппи» (по определению кинокритика Бена Фельсенбурга), рассказывающий о том, что случается с группой нью-йоркских подростков в течение одного дня. Фильм затягивает зрителя прямо в гуцу подростковой распущенности внутри потребительского общества и не предлагает никакого решения проблемы. По влиянию на американского зрителя эта лента сравнима только с тем воздействием, которое произвел показ фильма «Маленькая Вера» (режиссер В.Пичул) на зрителей в СССР. Одна из первых широко обсуждаемых кинолент на Интернет-форумах.

210 Имеется в виду подразделение министерства финансов США, в функции которого входит охрана президента и борьба с фальшивомонетчиками.

путешествуя в Новый Свет третьим классом. Так поступали и наши отцы, оправляясь на Всемирную выставку и возвращаясь оттуда в полной уверенности, что они воочию узрели будущее на стендах General Motors. А мы с блаженной улыбкой вслушиваемся в треск наших модемов и думаем, что слышим музыкальную тему нового общества.

И все же я готов признать, что Сеть обладает, по крайней мере, одним из свойств настоящей утопии — стандартизацией.

Оригинальный вариант утопии был описан сэром Томасом Мором в одноименной книге в 1516 году. Это был остров, расположенный где-то в южном полушарии, тогда в еще практически не исследованном Новом Свете. Утопийцы, как мужчины, так и женщины, работали шесть часов в день на добровольно выбранной работе, жили в больших семьях, не имели денег и бесплатно приобретали все необходимые вещи на эквиваленте Wal-Mart XVI века. Золото и серебро сохранялись только для того, чтобы оплачивать военные действия (война в «Утопии» велась по преимуществу иностранными наемниками), а когда в них не было необходимости, их плавили и делали из них ночные горшки или кандалы для рабов, которые и производили всю грязную работу вместо утопийцев.

Что поражает меня больше всего на острове Мора и что так хорошо знакомо всем нам — это то, что утопийцы не могут выйти за границы своей привычной жизни, потому что любое место на острове похоже на любое другое: «На острове есть 54 города, все огромные и величественные, и во всех них принят один язык, одинаковые обычаи, учреждения и законы, — пишет Мор. — Насколько позволяют условия местности, все они построены по одному и тому же плану и имеют одинаковый вид».

Можно подумать, что это написано об американских торговых центрах или системе мотелей Holiday Inn. Надругой стороне планеты могут подумать, что Мор предвидел города, возведенные советскими архитекторами спустя 450 лет после его смерти, с одинаковой поквартальной застройкой, угрюмыми площадями, магазинами продуктов, кафе и серыми ДК.

Влияние «Утопии» (это слово, кстати, буквально значит «нигде») может быть прослежено и в том, как программисты упаковывают мир. Вы можете пойти куда угодно в Сети при помощи Netscape, и все же вы останетесь в привычных границах окна вашего «навигатора». Как и «Утопия» Мора, Сеть — это место, где, «если вы знаете один город, вы знаете все». Перескакиваете ли вы с одного веб-сайта на другой или получаете деньги через банкомат, электронный мир — это место с ограниченным набором действий.

Бесспорно, успех кинематографа и телевидения связан с тем же свойством — упаковывать наши фантазии в знакомый формат. Но в онлайн все аспекты нашей жизни: покупки, религия, секс — становятся предметом форматирования. Они распадаются на прямоугольники текста и графики. Мы набиваем текст. Мы кликаем мышкой. Мы выбираем между «да», «нет» и «отмена». Сеть превращает бескрайность планетарных просторов во что-то оформленное и управляемое.

«Куда бы они ни отправились, они не нуждаются ни в чем, хотя и не берут с собой ничего, — писал сэр Томас Мор о первых утопийцах, — потому что всюду они дома».

«Это мой дом», — сказал много путешествовавший по свету Джон Перри Барлоу на прошлогодней конференции в Амстердаме, подняв над головой свой PowerBook. Он также сказал, что киберпространство превратится в «глобальное коллективное сознание, достаточно умное для того, чтобы составить кампанию Богу, грандиозную экосистему ноосферы».

Подобно утопийцам в один прекрасный день мы можем обнаружить, что из нашей повседневности нет выхода. Утопия старых времен была островом. Новая утопия — это мир, заключенный в ящик.

Бог «дигерати»

*Джедедия Перди*²¹¹

«Никакая амбиция, пусть даже и самая экстравагантная, никакая фан тазия, даже и самая причудливейшая, не может более считаться бе зумной или невероятной. Наступил век, когда вы, наконец, можете все... Вы можете стать чем хотите». Это дерзкое воззвание напечатано на первых страницах октябрьского выпуска журнала Wired зг 1994 год. На его обложке красуется сгенерированный компьютерок/ ландшафт в духе Сальвадора Дали, населенный полупрозрачными человеческими телами, внутри которых мозг, мускулы и внутренности переплетаются с кремниевыми чипами и оптоволоконными кабелями. Фраза напоминает любимый лозунг редактора Wired Кевина Кел-ли: «Мы стали как боги, и мы могли бы стать такими же». Означают ли эти два обещания одно и то же? Должны ли мы поверить им? И какими окажутся последствия для нашей культуры и политики, если мы сделаем это?

Эти вопросы вовсе не предмет праздного любопытства. Wired — это журнал определенного образа жизни *par excellence* — сборник пристрастий, табу и надежд авангарда информационной экономики. Более 300 тысяч читателей зарабатывают свои 80 тысяч долларов в год, занимаясь разработкой, продажей и взломом компьютерных систем, которые все больше определяют вид наших рабочих мест, дома и гражданскую жизнь. Более чем для каких-либо других групп их работа означает работу над будущим. Wired также определяет это будущее, объявляя одни идеи и продукты «wired», а другие «tired»²¹²; следит за обновлением жаргона, так что читатели знают, что надо заняться очередной «перезагрузкой образа жизни», а не «замыкаться в силовом поле»; указывает на товары и манеры, прошедшие «стрит-крид»²¹³, новый знак качества и доверия; и устремляется к «фетишам» — супервещам для суперпродвинутых.

Среди наиболее заметных фетишей журнала — сама новая идеология, современное ответвление либертарианства, старой политической точки зрения, согласно которой правительство только и делает, что создает неудобства, преграды между частными лицами, а во всех иных случаях уклоняется от пути прогресса. Wired просто меняет старое шерстяное одеяние конвенционального, экономически ориентированного либертарианства на блестящие цвета и романтическую риторику дополненного технологией Фридриха Ницше. Журнал провозглашает рождение новой политической культуры, ницшеанского либертарианства.

Ницшеанское племя

Ницше, немецкий философ и иконоборец, окончивший свой земной путь в 1900 году, в течение всего XX века являлся неистощимым источником, питавшем усилия по слому цепей прошлого и созданию совершенно новой интеллектуальной и моральной вселенной. Он считал, что все старые религиозные, национальные и философские мифы потерпели крах и что человек впервые оказался в мире, в котором нет ни божества, ни магических сил. Несмотря на отчаянную болезненность, такая ситуация предоставляет человеку и новые возможности. Христианская мораль и ее светское воплощение — либеральная демократия — подавляли индивидуумов, наделенных самой сильной волей и харизмой, вовлекая их в культ смирения и сея среди них презрение к самим себе, насаждая доктрину о первородном грехе человечества. Когда эта ноша спадет окончательно, сильнейшие смогут создать новые мифы

211 Эта статья впервые появилась в *The American Prospect* 37(March — April, 1998). Публикуется с разрешения автора и *The American Prospect*. © 1998, *The American Prospect*, 5 Broad, MA 02109. All rights reserved. [Перевод С. Кормильцева.]

212 Букв.: подключенный и уставший (англ.). Здесь: прогрессивный и устаревший.

213 Здесь: проверка улицей (англ.).

и объединиться в новые сообщества равных по силе единомышленников. Они станут, если употребить, к несчастью, столь популярное слово, суперменами — сверхлюдьми. Wired представляет своих читателей как племя потенциальных суперменов. В первом же номере журнала провозглашалось: «Wired — это журнал о самых могущественных людях на планете на сегодняшний день — о Цифровом Поколении». Луи Россетто, издатель, предпочитает употреблять словечко дигерати, видеоизмененные литерати, называя им представителей новой экономической и (во все возрастающей степени) культурной элиты. Эта элита не просто наслаждается обычными преимуществами своего положения, но и предвкушает тот день, когда биологический и электронный прорыв предоставит им возможность переделать себя на новый, невиданный ранее лад.

Цитата, которая предпослана этой статье, принадлежит лидеру экстропианцев, любимцев редактора Wired, Кевина Келли. Экст-ропианцы собираются «превратить человечество в нечто более высшее» посредством технологии и поддерживают «философию свободы от любых ограничений». Те, кто может позволить себе это, в конечном итоге победят саму смерть, «сгружая» сознание в компьютеры, где оно будет существовать вечно в развоплощенном состоянии, вероятно, взаимодействуя со вспомогательными средствами вроде робототехники или виртуальной реальности. Экстропианцы также заинтересованы в фармацевтических, хирургических и иных способах концентрации и расширения сознания. Они также «ненавидят правительство» и предпочитают жить в полностью добровольных объединениях, где царит «спонтанность».

Экстропианцы по-настоящему одержимы. В манифесте «Рождение цифровой нации», тексте, автор которого Йон Катц, стремится уловить пульс нового поколения, написано, что дух настоящего времени требует «рассчитывать только на собственные силы, быть капитаном собственного корабля и прокладывать свой собственный курс». Почти каждый выпуск Wired включает портрет такого одинокого человека-метеора, о котором рассказывается в тоне, которого бы постыдилась сама Айн Рэнд²¹⁴. Да и во всем журнале преобладает убеждение, что мы можем делать себя и свое окружение такими, какими мы захотим.

Эти добровольные объединения, в описании которых дигерати превзошли всех прочих, выдержаны в духе строгого техноязычества, племенного либертарианства. Примерно год назад Wired опубликовал рассказ «Горящий человек», о фестивале, проходящем в пустынях Невады, где технология и контркультура объединяются, чтобы создавать боди-арт, производить барабанный грохот и организовывать высокотехнологичные военные игры. Кульминацией праздника является поджигание огромной человеческой фигуры (подобный обычай практиковался древними кельтами в Европе). В этой статье, между прочим, можно обнаружить восхитительное интервью с канадским исследователем в сфере медиа Дерриком де Керкховом, полагающим, что пользователи Интернета заново создали «мир первобытного племени, космос которого наделен жизнью. Он живет. Все члены племени разделяют одну громадную, органическую реальность». В этом смысле такие разделы журнала, как Tired/Wired и Fetish, призваны следить за символикой этих племенных взаимоотношений, которая требует постоянного обновления. Это племя только тем и занимается, что передвигается с места на место и постоянно что-то покупает.

Боги и их миры

Каков облик новых странников? Из чего они состоят? Ответ таится где-то в паутине Wired. В своей книге «Вне контроля» редактор журнала Кевин Келли заявляет, что граница между «рожденным и сотворенным» уже непоправимо размылась. Биотехнологии, особенно

214 Айн Рэнд (Алиса Розенбаум, 1905—1982) — писательница, публицист, типичное воплощение «американской мечты». В 1924 году она закончила Петроградский университет, а в 1926-м — эмигрировала в Америку. Воинствующий пропагандист эгоистического и индивидуалистического капитализма. Rand Corporation, один из самых известных «мозговых центров» США, занимающаяся текущими экономическими исследованиями и прогностикой, названа в ее честь.

генная инженерия, рассматривают организм как технический объект. В то же время самовоспроизводящиеся компьютерные программы, которые, непредсказуемо развиваясь и изменяясь, по сути, подражают эволюционным процессам, а ранние стадии «искусственного интеллекта» приносят в машинерию динамизм живых систем.

По Келли, эти изменения позволяют нам увидеть истину, которая до сего дня была сокрыта. «Жизнь» — это не организмы на основе соединений углерода, а любая самоуправляющаяся, самовоспроизводящаяся система. Такие системы Келли называет *vivisystems*. Мы — это вивисистемы, но «вивисистемами» являются и компьютерные сети, рыночная экономика, и «соединения нервной системы с кремниевыми схемами». Более того, рассуждает Келли, жизнь демонстрирует тенденцию проникать в доселе инертную материю, сражаться против энтропии (отсюда и самоназвание группы — экстропианцы) и отодвигать час смерти Вселенной. Переходя от нас к компьютерам, «жизнь завоевывает углерод» и движется дальше, оставляя человечеству «готовую станцию переброски в пространство гипержизни».

И снова мы видим следы Ницше в *Wired*. Последний труд Ницше, подвергнутый многократной авторской правке и написанный в период умопомрачения, когда он уже был всецело охвачен душевной болезнью, посвящен «воле к власти», которая наполняет вселенную, выковыывая порядок из хаоса. Мы среди главных агентов этого порядка. В этом свете *Wired* обязан своему появлению не одному лишь Ницше, но и всей предшествующей традиции романтического витализма, который воздерживается от разрешения политических и этических вопросов в пользу прославления «жизни», чем бы она ни была.

Только человек может создать компьютер, именно поэтому наша задача состоит в прокладке дороги для жизни, в том, чтобы создавать следующую «вивисистему». Для этого мы разрабатываем компьютерные программы, способные к самовоспроизводству, и, кроме того, расширяем себя непредставимыми ранее способами, включаясь в «постдарвиновскую эволюцию». Лучший пример этому, согласно Келли, программы для создания виртуальной реальности, в которой творцы могут стать их виртуальными обитателями. И это время вовсе не так далеко от нас, как кажется. Некоторые люди уже проводят значительное время в «виртуальных сообществах», многопользовательских версиях компьютеризированных ролевых игр, которые появились в 1980-е годы. Там игроки взаимодействуют друг с другом и с «ботами» (программы, имитирующие людей) на фоне ландшафта, словесное описание которого появляется на экране. Эта технология может быть напрямую объединена с недетерминированными эволюционирующими самовоспроизводящимися программами и с техникой для создания виртуальной реальности, которая рождает у пользователя впечатление присутствия и непосредственного участия в созданных ландшафтах.

Некоторые люди, в основном студенты колледжей, почти потеряны для жизни в своих собственных телах и живут почти исключительно в виртуальных сообществах. Келли хочет, чтобы эта практика зашла гораздо дальше. Он хочет видеть множество людей, населяющих специализированные онлайн-сообщества, часто созданные ими самими. Создание этих миров расширяет область «жизни», и «любой творческий акт не более и не менее как повторение заново акта творения». Программисты, творящие эти миры, воспроизводят «старую тему бога, сходящего в созданный им самим мир». Келли отождествляет эту тему с темой Иисуса, но можно спросить себя, не будет ли образ Нарцисса более уместным для описания столь амбициозного замысла.

Боги и наш мир

Эти странные идеи дают нам ключ к феномену дигерати и отчасти объясняют приписываемое им отношение к различным проявлениям современной жизни. Возьмем, к примеру, свободный рынок, который *Wired* просто боготворит. Рынок идеален с точки зрения «спонтанного порядка» и уже сам по себе близок к живым системам. Именно этот аспект прославляется журналом, когда заходит речь об экономическом сдвиге, в ходе которого

индустриальная экономика замещается информационной. В прошлом году Келли писал: «Говоря поэтическим языком, первичная задача сетевой экономики — разрушать индустриальную экономику, компанию за компанией, отрасль за отраслью». Знание того, что Келли видит в этом экономическом скачке триумфальную победу одной «вивисистемы» над другой, когда люди оказываются лишь «перебросочной станцией», проливает свет на восторженный тон его анализа.

Ирония такой точки зрения состоит в том, что этой «сети для всех даром», которой восхищаются в Wired, угрожает не столько правительство, сколько перспектива попасть под власть мегакорпораций. Меньше чем год назад, когда проект создания онлайн-версии Wired провалился, Microsoft объявила о планах потратить добрую часть своего девятимиллиардного оборота на доминирование в этой области²¹⁵. Любимый журнал символом информационной обратной связи — змея, кусающая свой собственный хвост, — может стать символом вечного либертарианского парадокса: монополия, переходящая в феодализм, возникает из нерегулируемого состязания и закусывает свой либертарианский хвост.

Вдобавок к сказанному техноромантизм Келли приводит к тому, что Wired упрямо закрывает глаза, соприкасаясь с экологическими аспектами проблемы. Грегори Сток из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, который верит, что «генная инженерия — это следующая ступень природной эволюции», заявил на страницах журнала следующее: «...планета переживает процесс массового вымирания [видов]... Мы находимся в его эпицентре». Но нас, тем не менее, это волновать не должно, ибо «современная технология позволяет нам совершить эволюционный переход... Будет удивительно, если этот скачок случится без разрушительного влияния на существующие ныне формы жизни». В другом номере журнала Пол Левинсон успокаивал читателей, говоря, что, поскольку сегодня ДНК может быть сохранена для возможного в будущем воссоздания ее носителя, «угроза вымирания отошла навсегда». По большому счету, если посмотреть глубже, массовое вымирание и глобальное потепление могут рассматриваться как «эволюционный переход», триумф человека и индустриальных вивисистем. Точно так же, если даже от видов останется только генетический материал, мы можем не беспокоиться по поводу гибели экосистемы, которую они сейчас населяют. Конечно, читатель прав, когда думает, что что-то, может быть даже самое важное, теряется при таком повороте событий. Причудливые биологические идеи Келли скрывают под собой легкомысленное безразличие к публичной политике.

Такое самодовольство — это иску́с, свойственный подобному отношению к вещам. Когда любая трансформация воспринимается как плод борьбы против энтропии, обсуждение социальных и экономических изменений выглядит бессмысленным. Любые тенденции неизбежны и приводят к неизбежному благу. Любая доктрина, прославляющая грубую силу природных процессов и их влияние на общество, завершается принесением демократических условностей в жертву удовольствиям виталистского энтузиазма.

Технократическое тщеславие

Конечно, речь здесь идет по большей части о Wired, а не о романтическом либертарианстве. Журнал вновь и вновь обращает наше внимание на оптимистические в духе Панглоса картины будущего демократии в Интернете. Внештатный редактор журнала Йон Катц, в частности, наслаждается сравнением дигерати с йоменами эпохи Джефферсона — твердыми самостоятельными индивидуалистами, имеющими свои собственные идеи и мужество озвучивать их. Катцу нравится задавать вопросы вроде: «Можем ли мы создать

²¹⁵ Не вполне понятно, по поводу чего выражает свой скепсис автор. На сегодняшний день информационный портал Wired (www.wired.com), включающий и онлайн-версию журнала, является одним из самых уважаемых и популярных. Сам журнал вполне удачно (для его основателей) выпустил акции на рынок и был куплен международной корпорацией Conde Nast. При этом тираж журнала с 300 тысяч, упоминаемых автором статьи, вырос до 575 тысяч экземпляров (конец 2004 года).

новую разновидность политики? Можем ли мы построить лучшее гражданское общество при помощи наших могущественных технологий? Служим ли мы делу продолжения эволюции свободы человеческих существ?» К сожалению, он отвечает на это банальными наблюдениями и предложениями не по существу: дигерати не интересна большая политика, они разочарованы в ней. Они никогда не участвовали в политике, кроме тех случаев, когда им приходилось защищать свои киберинтересы. Тем не менее, если они когда-нибудь обратят к ней свои живые умы, они, вероятно, придумают что-нибудь достойное.

То, что они придумают, обычно покоится на преимуществах онлайн-коммуникации и чрезвычайно простого доступа к информации в Интернете. Оба этих преимущества весьма ценны, особенно для тех граждан, которые занимаются частными аспектами проблем и озабочены поисками соседей, разделяющих их интересы и общественные ресурсы в местной библиотеке. Чем больше мы занимаемся воспитанием информированного, склонного к полемике гражданина, тем лучше для всех нас. Тем не менее эти технологии главным образом расширяют свободу действий уже вовлеченных в какую-либо деятельность мужчин и женщин; они служат скорее побочным целям, нежели влияют на основное течение политического процесса. Упускать из внимания этот факт — типично для технофилов, склонных путать новые инструменты с новыми мирами. Катц с трепетом говорит о «невиданной доселе возможности индивидуумов говорить друг с другом напрямую» в Сети, но вдумчивый читатель напомним, что в истории уже были эпохи, когда обсуждение совершалось здесь и сейчас. Более того, картина демократии, которую прославляет Wired, покоится не столько на совместном обдумывании, сколько на «спонтанном порядке». Келли в качестве параболы для такой демократии предлагает стадион, полный людей, которые без явных инструкций манипулируют светящимися палочками, формируя узоры. Подобная разновидность «сознания пчелиного роя», как Келли в возбуждении называет это, похоже, идеальна для шоу на стадионах; но в случае с самоуправлением это не столь очевидно. По сути, перед нами виталистский образ демократии.

Этот витализм, граничащий с мистицизмом, заставляет Wired презирать самые привычные институты управления как такового. Часто пишущий в журнал сетевой гуру Джон Перри Барлоу считает, что, по большому счету, «сенат США скоро станет таким же бездействующим придатком, как и британская палата лордов». В том же духе выдержано трехлетнее давности интервью издателя Wired Луиса Рос-сетто газете New York Times: «В ближайшие десять или двадцать лет мир будет полностью преобразован... [Мы не видим] никакой разницы между Эл-Би-Джеем60 и Никсоном, но еще не известно, будет ли вскоре вообще какой-либо президент». Все указывает на то, что команда Wired предпочла бы, чтобы его не было. Восхитительная статья, посвященная кибернетическим ловкачам, уходящим от налогов не на Карибских островах, а где угодно, радостно приглашает читателя вообразить будущее «состояние государства, — при котором 20%-ный налог сразу же превращается в доход». Экстропианцам это снится уже наяву.

Нищета Бога

В некоторых отношениях лучше не принимать все слишком всерьез. Wired повинен в опьяняющем интеллектуальном обмане и искажении фактов. Значительная часть журнала — это просто подростковое излияние мальчишек-переростков, которые получают слишком много денег. Статья о «Горящем человеке» не упускает шанса показать молодую грудь участников фестиваля, покрытую боди-артом. Через каждые несколько выпусков — захватывающие перспективы военных технологий воплощаются в новых видеоиграх. Описание героических провайдеров Интернета из северных регионов Канады — это всего лишь взгляд через розовые очки на тяжело живущих и много пьющих провинциалов, которые известны по романам Луи Лямура. Хефнер или Хемингуэй тоже питают фантазии читателей журнала, которые в большинстве своем являются молодыми мужчинами.

Более амбициозные моменты тоже не выдерживают критики. Заявление профессора Деррика де Керкхова о том, что мы заново открываем «живой космос», оказывается основанным на том факте, что в Интернете язык одновременно практикуется в реальном времени и обладает перманентным зафиксированным бытием. Первое обстоятельство, как представляется, создает органическую непосредственность, в то время как второе обеспечивает онтологическую стабильность: перманентность языка позволяет ему встраиваться в систему вещей. Это «новое свойство языка», если разобраться как следует, означает, что мы можем иметь твердые копии наших разговоров, получать почту практически непрерывно и читать журналы, как только они появляются в онлайн. Интересно, когда Эл-Би-Джей и Никсон начали записывать на пленку свои переговоры в Овальном кабинете, ощущали ли они тогда бытие живого космоса? Представьте себе такой фрагмент в расшифровке: «П.: Генри, я чувствую себя, как в [затерто цензурой] племени!»

Если серьезно, то будущее, к которому взывает Wired, — это удел небольшой популяции дигерати, которые счастливы навязать свои переживания всем остальным. Информационная экономика, как раз наоборот, не означает «участия в акте творения» для большинства трудящихся в ее рамках. Операторы ПК (фактически исполняющие роль машинисток), служащие магазинов, работники складов Интернет-магазина amazon.com сталкиваются с обычными проблемами — с заниженной зарплатой, ущемлением своих прав, с препонами на пути к созданию профсоюзов, с неадекватным политическим представительство в конгрессе, сходство которого с палатой лордов для них следствие принадлежности к определенному экономическому классу. Их судьбы больше всего пострадают от «творческого разрушения» фирм и отраслей индустрии, которое приветствуется Келли. Трайбализм не принесет им ничего хорошего, также как и менее многочисленным племенам.

Либертарианство или тупик?

Именно потому, что дигерати не являются племенем, их главный культурный документ требует пристального внимания. Невероятные идеи Wired и неправдоподобные прогнозы имеют в итоге меньшее значение, чем сам характер журнала, производимый им сдвиг в мышлении, расстановка моральных и аморальных приоритетов, которые в нем отражены. Характер, атмосфера, темперамент — это тема, которая недооценивалась в культурологической и политологической рефлексии. Хотя темперамент и не связан напрямую с конкретным политическим строем, между мыслительными клише и политической практикой существуют переключки, влечение и скрытые конфликты.

Дух Wired презирает все границы — закона, общества, морали, места, даже границы тела. Идеал журнала — это раскованный индивидуум, который, если ему однажды что-то понравилось, делает это, покупает, изобретает или сам становится этим без промедления. Такой дух ищет товарищей лишь по равенству целей в самоизобретении и создании миров; это не пренебрежение, а скорее нежелание возноситься, это желание забыться вместе. Ничем не ограниченный индивидуализм, при котором закон, требования общества и любая деятельность носят радикально произвольный характер, — это подростковая доктрина, бесконечный шоп-тур по стране фантазий.

Либеральная демократия, напротив, в своих лучших проявлениях исходит из признания известных ограничений, которые присущи нам всем. Никто из нас не является совершенно мудрым, добрым или подходящим для управления другими людьми. Каждый из нас иногда нуждается в помощи соседей или общественных институтов. Мы связаны моральными обязательствами по отношению к нашим близким. Все мы разделяем один и тот же природный мир, который нам нечем заменить. Этот в высшей степени взрослый темперамент чужд дигерати.

Какого темперамента придерживаться — своевременный вопрос, ибо от этого напрямую зависит, какие решения мы будем принимать в отношении развивающейся

глобальной информационной экономики. Увидим ли мы в ней последнее искушение жадностью, безразличием друг к другу и эгоцентризмом, всеми нашими знакомыми прегрешениями и станем ли целенаправленно работать над этой проблемой с использованием всех ресурсов либерализма как в индивидуальном порядке, так и при помощи наших политических институтов? Или притворимся вместе с Wired, что все эти угрозы и связанные с ними ограничения уже позади, что новое тысячелетие пришло к нам уже готовым в микрочипе?

Приглашение в боги имеет длительную традицию в нашей культуре, от искушения в Эдеме до сделки Фауста. Келли имеет эту традицию в виду, когда спрашивает о перспективах искусственной эволюции: «Разве мы раньше хоть раз устояли перед искушением?» Но перед тем как слепо принять эту мысль, мы должны вспомнить, что подобные сделки традиционно трактовались, по меньшей мере, трагически, а по преимуществу — оборачивались бедствием. Имея в виду это обстоятельство, мы преодолеем искушение, но не раньше, чем отвергнем удовольствия легкого либертарианства, романтику лентяя и гордыню технофила. Перед лицом этих обстоятельств отказ заслуживает быть удостоенным чести стоять рядом с другими либеральными добродетелями. Мы должны научиться распознавать сделку с inferнальными силами, когда нам ее предлагают.

Калифорнийская идеология²¹⁶

Ричард Барбрук, Энди Камерон

Не лгать о будущем невозможно, и поэтому каждый волен лгать о нем так, как ему заблагорассудится.

Наум Габо²¹⁷

Когда прорывает плотину...

В конце двадцатого столетия наконец-то происходит давно предсказывавшееся слияние медиа, компьютерных технологий и телекоммуникаций в гипермедиа. И вновь не ослабевающее стремление капитализма к большему разнообразию и интенсивности творческих возможностей человеческого труда готово качественно изменить характер нашей работы, развлечений и совместной жизни. В результате объединения различных технологий посредством общих протоколов образуется нечто, превосходящее простую сумму составляющих. Когда способность к производству и приему неограниченных объемов информации любого вида сочетается с потенциалом глобальных телефонных сетей, появляется возможность фундаментального преобразования существующих форм трудовой деятельности и проведения досуга. Возникнут новые отрасли промышленности, а от нынешних фаворитов фондового рынка не останется и следа. В такие периоды глубоких социальных изменений любой человек, способный дать простое объяснение происходящего, будет выслушан с превеликим вниманием. В этот критический момент представителям свободного союза писателей и хакеров, капиталистов и художников с Западного побережья США удалось дать определение гетерогенной ортодоксии наступающей информационной эпохи — «калифорнийская идеология».

216 Другие варианты данной статьи появились, помимо прочих мест в Сети, в журнале Mute3 (1995), на веб-сайте Исследовательского центра по гипермедиа и в списке электронной рассылки nettime, среди прочих адресов в Интернете. Публикуется с разрешения авторов. © Richard Barbrook and Andy Cameron, 2001. [Перевод А. Матвеева.]

217 Naum Gabo and Antoine Pevsner, «The Realistic Manifesto, 1920», in John E. Bowlt, ed., Russian Art of the Avant-Garde: Theory and Criticism (London: Thames & Hudson, 1976), p. 214.

Эта новая вера возникла на основе странного сплава культурной богемности Сан-Франциско с передовыми технологиями Силиконовой долины. Раскручиваемая в журналах, книгах, на телевидении, веб-сайтах, в группах новостей и Интернет-конференциях, «калифорнийская идеология» причудливым образом сочетает в себе вольный дух хиппи с предпринимательским рвением яппи. Подобное сочетание противоположностей было достигнуто благодаря глубокой вере в освободительный потенциал новых информационных технологий. В этой цифровой утопии каждый станет хиппи и богачом. Поэтому отнюдь не удивительно, что столь оптимистическое видение будущего было с энтузиазмом воспринято компьютерными «чайниками», нерадивыми студентами, капиталистами-новаторами, общественными активистами, модными преподавателями, бюрократами от футурологии и политиками-оппортунистами по всей Америке. Что касается европейцев, то они, как всегда, быстро скопировали последнюю американскую моду. В то время как отчет Комиссии Евросоюза содержит рекомендации следовать калифорнийской модели «свободного рынка» с целью построения «информационной супермагистрали», наиболее продвинутые художники и профессора энергично подражают «постчеловеческим» философам экстропианского культа с Западного побережья. В отсутствие сколько-нибудь заметных конкурентов триумф «калифорнийской идеологии» кажется абсолютным.

Повсеместная привлекательность этих идеологов с Западного побережья не просто следствие их заразительного оптимизма. Прежде всего, они являются горячими поборниками того, что представляется безупречной либертарианской моделью политики: они жаждут использовать информационные технологии для построения новой «джефферсоновской демократии», при которой любой индивид получит возможность для свободного самовыражения внутри киберпространства. Однако в своей борьбе за этот кажущийся столь восхитительным идеал технофанаты одновременно воспроизводят некоторые из наиболее атавистических черт американского общества, в частности связанных с горьким наследием рабства. Их утопические представления о Калифорнии основываются на умышленном игнорировании других, еще более негативных сторон жизни обитателей Западного побережья: расизма, нищеты и деградации окружающей среды. По иронии судьбы в не столь отдаленном прошлом интеллектуалы и художники района залива Сан-Франциско были всерьез обеспокоены именно этими вопросами.

Рональд Рейган против хиппи

15 мая 1969 года губернатор Рональд Рейган приказал вооруженным полицейским совершить предрассветный налет на протестующих хиппи, оккупировавших Народный парк возле кампуса Калифорнийского университета в Беркли. В ходе последовавшего побоища один человек был застрелен, а еще 128 — оказались в больнице. В этот день «правильный» мир и контркультура, казалось, стали непримиримыми противниками. По одну сторону баррикад губернатор Рейган и его последователи защищали неограниченную свободу предпринимательства и поддерживали вторжение во Вьетнам. Им противостояли хиппи, боровшиеся за социальную революцию дома и выступавшие против имперской экспансии за пределами страны. В год совершения того налета на Народный парк казалось, что исторический выбор между этими двумя противоположными представлениями о будущем Америки может быть сделан только в результате ожесточенного столкновения сторон. Как сказал тогда один из лидеров йиппи²¹⁸ Джерри Рубин, «наши поиски приключений и героизма ведут нас за пределы Америки, на путь самосозидания и бунта. Америка же в ответ готова уничтожить нас...»

На протяжении 1960-х годов радикалы из района Залива распространяли политические взгляды и культурный стиль движения новых левых по всему миру. Отказавшись от

²¹⁸ Йиппи (yippies от YIP, Youth International Party, по созвучию с hippies) — представители Международной партии молодежи

недальновидной политики послевоенного периода, они проводили кампании против милитаризма, расизма, сексуальной дискриминации, гомофобии, бездумного потребительства и загрязнения окружающей среды. Вместо традиционных для левых жестких организаций они создавали коллективные демократические структуры, которые, надо полагать, служили прообразом либертарианского общества будущего. Прежде всего, калифорнийские «новые левые» сочетали политическую борьбу с культурным бунтом. В отличие от своих родителей, хиппи отказывались подчиняться строгим общественным правилам, навязывавшимся «человеку организации» армией, университетами, корпорациями и даже политическими партиями левого толка. Вместо этого они в открытую демонстрировали свое неприятие «правильного» мира пренебрежением к своему внешнему виду, беспорядочными половыми связями, громкой музыкой и увлечением наркотиками.

Радикальные хиппи были либералами в социальном смысле этого слова. Они боролись за универсальные, рациональные и прогрессивные идеалы: демократию, терпимость, возможность самореализации и социальную справедливость. Обнадеженные более чем двадцатилетним периодом экономического роста, они верили, что история на их стороне. В научно-фантастических романах они грезили об «экотопии» — Калифорнии будущего, где нет автомобилей, экологически чистое промышленное производство, эгалитарный характер сексуальных отношений, повседневная жизнь, протекающая внутри общин. Для некоторых хиппи подобные представления могли бы реализоваться только путем отказа от научно-технического прогресса как ложного идола и возвращения к природе. Другие, наоборот, надеялись, что технологический прогресс неминуемо трансформирует их либертарианские принципы в социальную реальность. Самое главное, что такие тех-нофилы, находясь под влиянием теорий Маршалла Маклюэна, верили, что слияние медиа, компьютерных технологий и телекоммуникаций неизбежно приведет к созданию «электронной агоры» — виртуального пространства, где каждый может выразить свое мнение без боязни подвергнуться цензуре. Будучи преподавателем филологии средних лет, Маклюэн, тем не менее, проповедовал радикальные воззрения, согласно которым власть крупного бизнеса и «большого правительства» обязательно будет ниспровергнута благодаря, по сути, неявным воздействиям новых технологий на отдельных индивидов:

«Электронные медиа... упразднят пространственное измерение... Посредством электричества мы возобновляем контакты друг с другом в любом месте, словно находясь в пределах самой маленькой деревушки. Это глубокая связь и без передачи каких-либо функций или полномочий... На смену лекции приходит диалог»²¹⁹.

Воодушевленные предсказаниями Маклюэна, радикалы с Западного побережья увлеклись разработкой новых информационных технологий для альтернативной прессы, общинных радиостанций, компьютерных клубов для энтузиастов и видео-коллективов. Эти общественные активисты медиа верили, что они находятся на переднем крае борьбы за построение новой Америки. Создание «электронной агоры» было первым шагом в реализации идеи прямой демократии внутри всех социальных институтов. Борьба обещала быть жесткой, но до «экотопии» уже рукой подать.

Возникновение «виртуального класса»

Разве мог бы кто-нибудь предсказать, что менее чем через 30 лет после сражения за Народный парк добропорядочные буржуа совместно с хиппи создадут «калифорнийскую идеологию»? Кто бы мог подумать, что столь противоречивая мешанина из технологического детерминизма и либертарианского индивидуализма способна стать гибридной ортодоксией информационной эпохи? Наконец, кто бы мог предположить, что, по мере того как будет

219 Marshall McLuhan, *Understanding Media* (London: Routledge & Kegan Paul, 1964), p. 255—256. Также см.: Marshall McLuhan and Quentin Fiore, *The Medium Is the Message* (London: Penguin, 1967) nGerald Emanuel Stern, ed., *McLuhan: Hot and Cool* (London: Penguin, 1968).

усиливаться преклонение перед технологией и свободой, возможность высказать нечто разумное в отношении общества, в котором они используются, будет становиться все менее и менее реальной?

Популярность «калифорнийской идеологии» проистекает из предельной двусмысленности ее положений. На протяжении нескольких последних десятилетий подвижническая деятельность общественных активистов общественных медиа была в значительной степени востребована хайтечной промышленностью и медиа-индустрией. Хотя оперирующие в этих секторах компании могут посредством механизации и заключения субдоговоров восполнить большую часть своих потребностей в рабочей силе, они по-прежнему продолжают зависеть от ведущих специалистов, способных проводить исследования и создавать оригинальные продукты — от программного обеспечения и микросхем до книг и телевизионных программ. Эти квалифицированные работники вместе с некоторыми владельцами высокотехнологичных предприятий образуют так называемый виртуальный класс: «техническая интеллигенция из ученых-когнитивистов, инженеров, компьютерщиков, разработчиков видеоигр и прочих специалистов в области коммуникаций...». Будучи не в состоянии подчинить их дисциплине сборочной линии либо заменить машинами, менеджеры привязывают таких работников-интеллектуалов срочными контрактами. Подобно «рабочей аристократии» прошлого столетия, ведущие специалисты медиа-индустрии, компьютерной и телекоммуникационной индустрии на собственном опыте получают и вознаграждение и узнают, что такое ненадежность рынка. С одной стороны, эти мастера высоких технологий привыкли получать хорошие деньги за свой труд, будучи к тому же более или менее свободными в выборе темпа выполнения работы и места приложения своих сил. Как следствие, культурный водораздел между хиппи и «человеком организации» в наши дни стал довольно размытым. С другой стороны, такие работники связаны условиями своих контрактов, не имея какой бы то ни было гарантии постоянной занятости. Они, в отличие от хиппи, испытывают недостаток свободного времени, и поэтому для многих представителей виртуального класса сама работа как таковая становится основным средством самореализации.

«Калифорнийская идеология» дает возможность понять представление о реальности этих мастеров высоких технологий. С одной стороны, специалисты этого типа являются привилегированной частью рабочей силы, с другой стороны — адептами радикальных идей общественных активистов медиа. Таким образом, «калифорнийская идеология» одновременно сочетает в себе дисциплину рыночной экономики и свободу ремесленничества хиппи. Столь причудливый гибрид стал возможен лишь благодаря чуть ли не поголовной вере в технологический детерминизм. Еще в 1960-е годы либералы — в социальном смысле этого слова — тешили себя надеждой, что новые информационные технологии позволят им реализовать свои идеи. Отвечая на вызов новых левых, новые правые возродили старую форму либерализма — экономический либерализм. В отличие от радикальных представителей хиппи, стремившихся к коллективной свободе, они боролись за свободу индивидуумов в рамках рынка. Но даже эти консерваторы не смогли устоять перед романтикой новых информационных технологий. Предсказания Маклюэна 1960-х годов получили иную трактовку и стали восприниматься как реклама новых медиа, компьютерных технологий и телекоммуникаций, разрабатываемых в частном секторе. Начиная с 1970-х годов Тоффлер, де Сола Пул и прочие гуру пытались доказать, что пришествие гипермедиа парадоксальным образом влечет за собой возврат к экономическому либерализму прошлого. Эта ретро-утопия повторяла прогнозы Азимова, Хайнлайна и других «мачо» научной фантастики, чей мир будущего обязательно населен космическими торговцами, сверхловкими коммивояжерами, гениальными учеными, капитанами пиратов и прочими упрямыми индивидуалистами. Путь технологического прогресса не всегда вел к «экотопии» — он мог увести и назад, во времена Америки «отцов-основателей».

«Электронная агора» или «электронный рынок»?

Двусмысленность «калифорнийской идеологии» наиболее наглядно проявляется в противоречивости ее воззрений на цифровое будущее. Развитие гипермедиа становится главной составляющей следующей стадии капитализма. Как указывает Зубофф, внедрение медиа, компьютерных и телекоммуникационных технологий на промышленном предприятии и в офисе представляет собой кульминацию долговременного процесса отстранения рабочей силы от непосредственного участия в производстве. Если руководствоваться только соображениями конкурентоспособности, то тогда все ведущие промышленные экономики в конце концов будут вынуждены подключить все свое население, чтобы добиться увеличения производительности цифрового труда. Не ясно, какими будут социальные и культурные последствия предоставления гражданам возможности производить и обмениваться почти неограниченными объемами информации в мировом масштабе. Прежде всего, кому именно, новым левым или новым правым, пришествие гипермедиа позволит реализовать свои утопии? Будучи гибридной верой, «калифорнийская идеология» благополучно справляется с этой головоломкой, возлагая надежды на ту и другую перспективы одновременно и не подвергая критике ни одну из них.

С одной стороны, антикорпоративная чистота новых левых была сохранена сторонниками «виртуального сообщества». По утверждению их гуру, Говарда Рейнгольда, ценности контркультурных детей бэби-бума определяют развитие новых информационных технологий. Как следствие, общественные активисты медиа смогут воспользоваться гипермедиа для замещения корпоративного капитализма и «большого правительства» высокотехнологичной «экономикой дара». Электронные доски объявлений, Интернет-конференции в реальном времени и чаты уже сориентированы на добровольный обмен информацией и знаниями между участниками. С точки зрения Рейнгольда, члены «виртуального класса» все еще находятся на переднем крае борьбы за социальное освобождение. Несмотря на лихорадочную коммерческую и политическую деятельность по построению «информационной супермагистрали», электронная агора непременно одержит победу над своими корпоративными и бюрократическими противниками.

С другой стороны, другие идеологи с Западного побережья воспользовались идеологией *laissez-faire*⁶³ своего бывшего консервативного оппонента. К примеру, Wired—ежемесячная библия «виртуального класса» — не критически воспроизвела воззрения Ньюта

Гингрича, лидера ультраправых республиканцев в палате представителей конгресса США, и Тоффлеров, являющихся его ближайшими советниками. Игнорируя их курс на урезание программ социального обеспечения, журнал зачарован энтузиазмом этих деятелей в отношении либертарианских возможностей, которые предоставляют новые информационные технологии. Тем не менее, даже позаимствовав у Маклюэна его концепцию технологического детерминизма, Гингрич и Тоффлеры отнюдь не стали сторонниками электронной агоры. Напротив, они заявляют, что слияние медиа, компьютерных технологий и телекоммуникаций приведет к созданию электронного рынка: «...в киберпространстве... технологический прогресс преобразовывает рынок за рынком из "естественной монополии" в такую ее форму, где конкуренция является нормой».

В этой версии «калифорнийской идеологии» у каждого члена «виртуального класса» есть перспектива стать преуспевающим высокотехнологичным предпринимателем. Согласно приводимой аргументации, информационные технологии наделяют индивида соответствующими полномочиями, повышают уровень личной свободы и радикально ослабляют мощь национального государства. Существующие общественные, политические и правовые структуры власти зачехлены, и их заменят ничем не стесненные взаимодействия между независимыми индивидами и их программными средствами. Последователи Маклюэна новой волны энергично доказывают, что «большое правительство» должно отстать от находчивых предпринимателей, поскольку только они достаточно хладнокровны и смелы для того, чтобы рисковать. Вместо составления контрпродуктивных инструкций

склонные к фантазиям инженеры занимаются разработкой инструментария, необходимого для создания «свободного рынка» внутри киберпространства: криптографической защиты, цифровых денег и процедур верификации. В самом деле, попытки воспрепятствовать новым проявлениям этого технологического и экономического влияния (предпринимаемые, в частности, правительством) бьют только лишь по тем, кто достаточно глуп, чтобы игнорировать фундаментальные законы природы. По мнению исполнительного редактора Wired, «невидимая рука» рынка и слепые силы дарвиновской эволюции — это, по существу, одно и то же. И в научно-фантастических романах Хайнлайна и Азимова дорога в будущее, похоже, оказывается дорогой, ведущей назад, в прошлое. Информационная эпоха двадцать первого века станет временем реализации либеральных идеалов Томаса Джефферсона восемнадцатого столетия: «...создание новой цивилизации, основывающейся на вечных истинах Американской идеи».

Миф о «свободном рынке»

После победы партии Гингрича на парламентских выборах 1994 года правая версия «калифорнийской идеологии» стала доминирующей. И тем не менее, священные принципы экономического либерализма вступают в противоречие с фактической историей развития гипермедиа. Так, например, ключевые компьютерные и сетевые технологии удалось разработать только благодаря массивным государственным субсидиям и энтузиазму занимавшихся этим непрофессионалов. Немаловажную роль сыграло и свободное предпринимательство, но лишь в качестве одной из составляющих смешанной экономики.

К примеру, первый компьютер — «дифференциальная машина» — был спроектирован и изготовлен частными компаниями, однако его разработка оказалась возможной только благодаря дотации британского правительства в размере 17 470 фунтов стерлингов, что для того времени (1834 год) составляло весьма приличную сумму. Развитие компьютерных технологий — от Colossus до EDVAC²²⁰, от имитаторов полета до виртуальной реальности — в решающие моменты зависело от государственных пожертвований на исследовательские работы или выгодных контрактов с общественными организациями. Первая программируемая цифровая ЭВМ была изготовлена корпорацией IBM только по запросу министерства обороны США во время войны в Корее. С тех пор разработки очередных поколений компьютеров прямо или косвенно субсидировались за счет американского военного бюджета*25. Помимо государственной поддержки, на прогресс компьютерной техники оказывало свое влияние и культура «сделай сам». К примеру, персональный компьютер был изобретен технарями-самоучками, жаждавшими конструировать собственные недорогие вычислительные машины. «Дарственная экономика», характерная для увлеченных своим хобби фанатиков, стала необходимой предпосылкой для успеха продукции компаний Apple и Microsoft. И даже сейчас условно-бесплатные программы продолжают играть весьма важную роль в разработке передового программного обеспечения.

Вся история Интернета также противоречит догмам идеологов свободного рынка. На протяжении первых двадцати лет развитие Сети почти полностью зависело от столь поносимого всеми федерального правительства. Немалые средства, собранные с налогоплательщиков США, через посредство военного ведомства и университетов пошли на создание инфраструктуры Интернета и компенсацию расходов по использованию его услуг. В то же самое время многие ключевые для Сети и прикладные приложения разрабатывались либо любителями, либо профессионалами, занимавшимися этим в часы своего досуга. К

220 Машина Colossus была создана А. Тьюрингом в 1942—1943 годах для расшифровки секретных немецких радиোগрамм и стала первой в мире специализированной цифровой вычислительной машиной. Машина EDVAC — один из компьютеров, хранивших программу в оперативной памяти, — был создан в 1945—1951 годах Дж. Мочли и П. Эккертом.

примеру, программа MUD, позволяющая проводить сетевые конференции в реальном времени, была создана группой студентов для игр в духе фэнтези по компьютерной сети.

Наиболее странным и непонятным в этом правом уклоне «калифорнийской идеологии» является то, что само Западное побережье как таковое представляет собой детище смешанной экономики. Выделяемые правительством доллары расходовались на сооружение ирригационных систем, автомагистралей, школ, университетов и других элементов инфраструктуры, способных обеспечить Калифорнии высокий уровень жизни. Помимо этих государственных субсидий, высокотехнологичный промышленный комплекс Западного побережья на протяжении вот уже нескольких десятилетий питается из самой щедрой в истории страны «кормушки». Правительство США потратило миллиарды долларов налогоплательщиков на закупку самолетов, ракет, электроники и ядерного оружия, производимых калифорнийскими компаниями. Людям, не находящимся в плену догм свободного рынка, было совершенно ясно, что у американцев всегда существовало государственное планирование: они называют это военным бюджетом. В то же время основные элементы образа жизни обитателей Западного побережья связаны с их давней традицией культурной богемы. И хотя позже они подверглись коммерциализации, общественные медиа, спиритуализм «ню-эйджа», серфинг, здоровая пища, наркотики, поп-музыка и многие другие формы культурной гетеродоксии возникли в силу явно некоммерческих обстоятельств, сопутствовавших жизни университетских кампусов, объединений художников и сельских общин. Не будь у Калифорнии ее культуры «сделай сам», ее мифы не имели бы того глобального резонанса, который наблюдается в наши дни.

Все эти виды государственного финансирования вместе с соответствующей общественной активностью оказали чрезвычайно благоприятное — пусть даже неподтвержденное и неоцененное — воздействие на развитие Силиконовой долины и других высокотехнологичных отраслей промышленности. Предприниматели-капиталисты зачастую имеют гипертрофированное представление о своих способностях по части разработки новых идей, и поэтому они склонны преуменьшать значение вклада, вносимого государством, их собственной рабочей силой либо более широким сообществом. Любой технологический прогресс по своей сути является кумулятивным: он определяется результатами коллективного исторического процесса и должен рассматриваться (по крайней мере, частично) в качестве коллективного достижения. Следовательно, как и в любой другой промышленно развитой стране, американским предпринимателям при построении планов и развитии своих производств приходилось полагаться на государственное вмешательство и инициативы типа «сделай сам». Когда со стороны японских компаний возникла угроза захвата американского рынка микросхем, либертариански настроенные калифорнийские производители компьютеров не стали изводить себя идеологическими сомнениями по поводу вхождения в поддержанный государством картель, созданный для отражения посягательств с Востока. До включения сетевых программ, допускающих общественное участие в киберпространстве, Билл Гейтс полагал, что у Microsoft нет иного выхода, кроме как повременить с выпуском Windows'95 на рынок. По аналогии с любыми другими секторами современной экономики вопрос, стоящий перед зарождающейся индустрией гипермедиа, заключается не в том, будет ли она организована по образу и подобию смешанной экономики, а в том, какой вид смешанной экономики она будет собой представлять.

Свобода есть рабство

Если священные заповеди «калифорнийской идеологии» опровергаются мирской историей, то почему же тогда мифы свободного рынка столь сильно повлияли на сторонников этой идеологии? Существовая в условиях контрактной культуры, мастера высоких технологий ведут шизофреническое существование. С одной стороны, они не могут оспорить главенства рынка по отношению к их собственным жизням. А с другой стороны, они негодуют по поводу посягательств власти предрержащей на их индивидуальную автономию. Объединив

новых левых с новыми правыми, «калифорнийская идеология» мистически разрешает противоречие в позициях, занимаемых членами «виртуального класса». Главным здесь является то, что антиэтатизм предлагает средства для согласования радикальных и реакционных представлений в отношении технологического прогресса. В то время как новые левые возмущаются по поводу финансирования правительством военно-промышленного комплекса, новые правые критикуют государство за вмешательство в стихийный процесс распространения новых технологий, обусловленный рыночной конкуренцией. Игнорируя главенствующую роль общественного вмешательства в развитие гипермедиа, калифорнийские идеологи проповедуют антиэтатистскую доктрину хайтечного либертарианства — причудливую мешанину из анархизма хиппи и экономического либерализма, обильно сдобренную постулатами технологического детерминизма. Вместо постижения реально существующего капитализма гуру как новых левых, так и новых правых предпочитают выступать пропагандистами конкурирующих между собой вариантов цифровой «джефферсоновской демократии». К примеру, представляющий новых левых Говард Рейнгольд полагает, что электронная агора даст людям возможность добиться именно такой свободы СМИ, за которую ратовали «отцы-основатели». Аналогичным образом новые правые утверждают, что устранение всех регулятивных препон в отношении частного предпринимательства позволит обеспечить свободу медиа, достойную «джефферсоновской демократии».

Триумф подобного ретро-футуризма явился результатом провала попытки обновления Соединенных Штатов в конце 1960 — начале 1970-х годов. После столкновения в Народном парке противоборство между американским истеблишментом и контркультурой вошло в спираль яростной конфронтации. В то время как вьетнамцам ценой огромных человеческих страданий удалось изгнать американских агрессоров из своей страны, хиппи и их союзники в борьбе за гражданские права негров были в конце концов подавлены государственными репрессиями в сочетании с культурной кооптацией.

«Калифорнийская идеология» идеально передает последствия этого поражения для представителей «виртуального класса». Хотя они и пользуются завоеванной хиппи культурной свободой, большинство из них уже не принимают активного участия в борьбе за построение «экотопии». Вместо открытого противостояния с системой мастера высоких технологий теперь соглашаются с тем, что индивидуальной свободы можно добиться только при работе в условиях ограничений, налагаемых технологическим прогрессом и «свободным рынком». Во многих киберпанковских романах подобное асоциальное либертарианство персонифицируется в образе главного героя — хакера, в одиночку борющегося за выживание в виртуальном мире информации.

Дрейфу калифорнийских идеологов вправо способствует безоговорочное принятие ими либерального идеала самодостаточной личности. В американском фольклоре государство создают из дикой природы флибустьерского типа личности: охотники, ковбои, проповедники и колонисты-первопроходцы. Да и целью самой американской революции была защита свободы и собственности отдельных лиц от жестоких законов и несправедливых налогов, взимавшихся иностранным монархом. Как для новых левых, так и для новых правых первые годы американской республики представляют собой убедительную модель для их конкурирующих версий индивидуальной свободы. Однако в этой исконно американской мечте заключено глубокое противоречие: благополучие одних в тот период строилось исключительно за счет страданий других. Лучшей иллюстрацией для этого может служить жизнь Томаса Джефферсона — кумира калифорнийских идеологов. Этот человек вписал в Декларацию о независимости вдохновенный призыв к демократии и свободе — и в то же время он был владельцем почти двух сотен человек, использовавшихся им в качестве рабов. Как политик он защищал право американских фермеров и ремесленников самим определять свою судьбу без каких-либо ограничений со стороны феодальной Европы. Подобно другим либералам своей эпохи, он полагал, что защиту политических свобод от посягательств авторитарных правительств может обеспечить только широкое распространение

индивидуальной частной собственности. Права граждан представлялись ему производными от этого основополагающего естественного права. Для поощрения стремления соотечественников к самостоятельности он предложил выделить каждому американцу не менее пятидесяти акров земли, что позволило бы гарантировать экономическую независимость. В то время как Джефферсон идеализировал мелких фермеров и предпринимателей-пионеров новых земель, сам он фактически оставался виргинским плантатором, жившим за счет труда своих рабов. И хотя «специфический институт» Юга будоражил его совесть, он, тем не менее, полагал, что естественные права человека включают в себя право владеть людьми как частной собственностью. В «джефферсоновской демократии» свобода для белых оборачивалась закабалением черных.

Вперед в прошлое

Несмотря на окончательное освобождение от рабства и успехи движения за гражданские права, проблема расовой сегрегации по-прежнему остается главным вопросом американской политики, и особенно на Западном побережье. На проводившихся в 1994 году выборах губернатора Калифорнии республиканцу Питу Уилсону удалось одержать победу в результате злобной кампании против иммигрантов. Триумф республиканской партии Гингрича на парламентских выборах в общенациональном масштабе основывался на мобилизации «разгневанных белых мужчин» в ответ на мнимую угрозу со стороны чернокожих попрошайек государственных пособий, нелегальных иммигрантов из Мексики и прочих «наглых» меньшинств. Этим политикам удалось извлечь электоральную выгоду из возрастающей поляризации между белыми состоятельными жителями пригородов, большинство из которых участвуют в выборах, и «цветными» бедняками из центральных городских районов, большая часть которых не голосует.

Хотя калифорнийские идеологи хранят верность некоторым идеалам хиппи, они посчитали невозможным занять четкую позицию по отношению к сеющей распри политике республиканцев. Дело здесь в том, что высокотехнологичная промышленность и медиа-индустрия являются ключевым элементом электоральной коалиции новых правых. И капиталисты, и высокооплачиваемые работники, в частности, опасаются, что открытое признание государственного финансирования их компаний послужит оправданием для повышения налогов с целью возмещения крайне необходимых расходов на здравоохранение, защиту окружающей среды, жилищное строительство, общественный транспорт и образование. Еще более существенным моментом является то, что многие представители «виртуального класса» жаждут оказаться соблазненными либертарианской риторикой и технологическим энтузиазмом новых правых. Работая на высокотехнологичные и медийные компании, они заставляют себя верить, что «электронный рынок» окажется в состоянии решить хотя бы часть неотложных социально-экономических проблем Америки без какого-либо ущерба для них самих. «Пойманный» на противоречиях «калифорнийской идеологии», Гингрич, по выражению одного из авторов Wired, является для них «и другом и врагом»²²¹.

Существенное перераспределение материальных ценностей представляется крайне необходимым для обеспечения долговременного экономического благополучия большинства населения США. Однако это идет вразрез с краткосрочными интересами богатых белых американцев, включая многих представителей «виртуального класса». Вместо того чтобы делиться со своими бедными чернокожими или испаноязычными соседями, яппи предпочитают ретироваться в свои богатые пригороды под защиту вооруженной охраны, где есть собственные службы социального обеспечения. Вся роль малоимущих в эпоху

221 О возникновении укрепленных предместий см.: Mike Davis, *City of Quartz* (London: Verso, 1990) и «Blade Runner»: *Urban Control, the Ecology of Fear* (Open Magazine Pamphlet Series, Westfield, NJ, 1992). Такие «изолированные пригороды» служат в качестве вдохновляющего прообраза обстановки отчуждения, характерной для многих научно-фантастических киберпанковских романов, например романа Нила Стивенсона «Лавина».

информации сводится лишь к поставкам неорганизованной дешевой рабочей силы для вредных производств компаний Силиконовой долины — изготовителей микросхем. Даже сама структура киберпространства может стать неотъемлемой частью фрагментации американского общества на антагонистические, разделенные по расовому признаку классы. Обитателям бедных центральных городских районов, уже пострадавшим от практики «красной черты»²²², теперь грозит недоступность новых онлайн-услуг из-за недостатка денег. В то же время представители «виртуального класса» и другие профессионалы могут спокойно играть в киберпанков в пределах гиперреальности, не опасаясь встречи с кем-либо из своих обедневших соседей. В дополнение к углубляющемуся социальному расслоению между «информационно богатыми» и «информационно бедными» складываются отношения апартеида иного уровня. В этой высокотехнологичной «джефферсоновской демократии» взаимоотношения господ и их слуг приобретают новые формы.

Хозяева-киборги и невольники-роботы

Страх перед восстанием нижних слоев общества в наши дни привела к искажению самого главного догмата «калифорнийской идеологии» — ее веры в освободительный потенциал новых информационных технологий. В то время как поборники электронной агоры и электронного рынка обещают освободить индивидов от иерархии государства и частных монополий, социальная поляризация американского общества делает очевидной более пессимистическую перспективу цифрового будущего. Технологии освобождения превращаются в аппараты подавления.

В своем имени Монтиселло Джефферсон изобрел много хитроумных приспособлений для домашнего хозяйства, например специальный лифт для доставки готовых блюд из кухни в столовую. Используя различные технические средства в качестве промежуточного звена для связи со своими рабами, этот революционно настроенный индивидуалист избегал столкновения с реальностью, заключавшейся в его зависимости от подневольного труда ближних. А в конце двадцатого века техника вновь начинает использоваться для разделения людей на господ и слуг.

Если верить некоторым провидцам, стремление к совершенству ума, тела и духа неизбежно приведет к появлению «постчеловечества» — биотехнологического воплощения социальных преимуществ «виртуального класса». В то время как хиппи считали саморазвитие частью социального освобождения, мастера высоких технологий сегодняшней Калифорнии, вероятно, будут стараться реализовать свои возможности посредством терапии, спиритуализма, упражнений и прочих занятий нарциссического свойства. Их стремление укрыться в изолированном пригороде гиперреальности — всего лишь один из аспектов глубокой одержимости самими собой. Проповедники экстропианского культа, вдохновленные ожидаемыми успехами искусственного интеллекта и медицинских наук, предаются мечтаниям о полном отказе от человеческого мозга с превращением государства людей в государство живых машин. Точно так же, как Вирек и Тессье-Эшпулы — герои трилогии Гибсона о киберпространстве — верят, что превосходство в социальном положении в конце концов вознаградит их бессмертием. Вместо того чтобы выступать в качестве прорицателя освобождения человечества, технологический детерминизм этого типа способен лишь предсказывать дальнейшее углубление социальной сегрегации.

Но, несмотря на все эти фантазии, белые в Калифорнии продолжают зависеть от своих собратьев с более темным цветом кожи, которые трудятся на их предприятиях, убирают их урожаи, присматривают за их детьми и ухаживают за их садами. После беспорядков в Лос-Анджелесе в 1992 году они все больше и больше боятся, что в один прекрасный день эти «обездоленные» потребуют своего освобождения. Однако если использование людей-рабов

²²² Практика «красной черты» — отказ в выдаче ссуды по закладной на дома в старых или трущобных районах, зачастую по расовым соображениям.

представляется уже невозможным, то тогда должны быть изобретены механические слуги. Поиски Грааля «искусственного интеллекта» выдают эту скрытую потребность в Големе — сильном и верном рабе с землистого цвета кожей и внутренними органами, сделанными из песка. Как и в романах Азимова о роботах, таким техноутопистам кажется, что из неодушевленных машин могут получиться рабски покорные работники²²³. Однако, хотя техника и способна сберечь или увеличивать рабочую силу, она никогда не сможет полностью исключить необходимость в людях, изобретающих, изготавливающих и обслуживающих такие машины. Создать тружеников-рабов без порабощения кого-либо невозможно.

Во всем мире «калифорнийская идеология» воспринимается как оптимистическая, освободительная форма технологического детерминизма. Однако эта утопическая фантазия Западного побережья зиждется на собственной слепоте в отношении социально-расовой поляризации общества, которой она обязана своим рождением. Несмотря на свою радикальную риторику, «калифорнийская идеология» фактически является пессимистической по отношению к фундаментальным социальным изменениям. В отличие от хиппи ее сторонники не борются за построение «экотопии» или хотя бы за возрождение политики «Нового курса»²²⁴. Вместо этого произошла конвергенция социального либерализма новых левых и экономического либерализма новых правых с появлением неопределенной мечты о высокотехнологичной «джефферсоновской демократии». Вольно интерпретируя такой ретро-футуризм, его может истолковать как некий кибернетический фронт, где мастера высоких технологий будут ре-ализовывать свои способности в электронной агоре или на электронном рынке. Однако как выражение духа времени для «виртуального класса» «калифорнийская идеология» параллельно является и религией привилегированных слоев. Если доступ к новым информационным технологиям получают только определенные лица, «джефферсоновская демократия» может стать высокотехнологичной версией плантаторской экономики «старого Юга». Демонстрируя свою глубокую противоречивость, технологический детерминизм «калифорнийской идеологии» является не просто оптимистическим и освободительным. Одновременно он представляет собой весьма пессимистическое и репрессивное видение будущего.

Возможны альтернативы

Несмотря на присущие ей глубокие противоречия, люди по всему миру продолжают верить, что «калифорнийская идеология» указывает единственно возможный путь в будущее. По мере глобализации мировой экономики многие представители «виртуального класса» в Европе и Азии испытывают все большую симпатию к своим калифорнийским братьям, чем к другим категориям работников в их собственных странах. В реальности, однако, никто эту идеологию не обсуждал (или не считал это необходимым). «Калифорнийская идеология» была разработана группой лиц, проживающих в определенной стране, характеризующейся специфическим сочетанием социально-экономических и технологических факторов. Произведенное ею эклектичное, противоречивое смешение консервативной экономики с радикализмом хиппи — отражение истории развития Западного побережья, но отнюдь не неизбежная картина будущего для всего остального мира. Так, например, антиэтатистские воззрения калифорнийских идеологов довольно-таки ограничены. В Сингапуре правительство не только руководит созданием оптоволоконной сети, но и пытается контролировать идеологическую приемлемость передаваемой по ней информации. С учетом

223 См. рассказы А. Азимова о роботах

224 Программа мероприятий, проводившихся правительством Ф. Д. Рузвельта в 1933—1938 годах по ликвидации последствий «Великой депрессии».

гораздо более высоких темпов развития азиатских «тигров» вполне возможно, что цифровое будущее вовсе не обязательно первым наступит в Калифорнии.

Вопреки неолиберальным рекомендациям доклада Бангеман-на, большинство европейских правительств также решили активно включиться в разработку новых информационных технологий. Minitel — первая в мире интерактивная сеть, получившая широкое распространение, — стала результатом сознательного решения французских властей. Рассмотрев официальный отчет о потенциальном воздействии гипермедиа, правительство решило направить значительные средства на развитие «передовых» технологий. В 1981 году France Telecom запустила систему Minitel, в которой текстовая информация сочеталась с коммуникационными возможностями. Обладая монополией, эта национализированная телефонная компания оказалась в состоянии накопить критическую массу пользователей для своей передовой интерактивной системы путем бесплатной раздачи терминалов всем желавшим отказаться от бумажных телефонных справочников. Когда рынок был создан, коммерческие и общественные провайдеры смогли найти достаточно много клиентов или участников, чтобы обеспечить успех системы. С тех пор миллионам французов различного социального происхождения удалось благополучно забронировать билеты, познакомиться друг с другом или объединиться в политические организации, даже не подозревая о том, что они нарушают либертарианские заповеди «калифорнийской идеологии».

Ничуть не демонизируя государство, подавляющее большинство населения Франции считает, что для прогресса и процветания общества требуется усиление государственного вмешательства. В ходе последних президентских выборов почти все кандидаты вынуждены были выступать (по крайней мере, риторически) в защиту большего государственного участия с целью положить конец социальной дискриминации безработных и бездомных. В отличие от своего американского эквивалента, французская революция проделала путь от экономического либерализма к народной демократии. После победы якобинцев над своими либеральными оппонентами в 1792 году демократическая республика во Франции стала олицетворением общей воли. Считалось, что государство как таковое отстаивает интересы всех граждан, а не только защищает права частных собственников. В своих речах французские политики допускают возможность коллективных действий со стороны государства для смягчения (или даже полного устранения) проблем, с которыми сталкивается общество. В то время как калифорнийские идеологи стараются не замечать долларов налогоплательщиков, субсидирующих развитие гипермедиа, французское правительство позволяет себе осуществлять открытые интервенции в этот сектор экономики.

Хотя технология Minitel сейчас уже устарела, история этой сети четко опровергает антиэтатистские предубеждения и калифорнийских идеологов, и членов комиссии Бангеманна. Цифровое будущее станет гибридом государственного вмешательства, капиталистического предпринимательства и культуры «сделай сам». Важным моментом здесь является то, что если государство будет способствовать развитию гипермедиа, будут предприняты и осознанные действия по предотвращению возникновения социального апартеида между «информационно богатыми» и «информационно бедными». Не отдавая ничего на откуп капризной рыночной стихии, Евросоюз в лице входящих в него стран мог бы гарантировать предоставление каждому гражданину возможности подключения к широкополосной оптоволоконной сети по самой низкой цене.

В первую очередь это могла бы быть столь необходимая в период массовой безработицы программа трудоустройства работников со средней квалификацией. Согласно кейнсианской теории обеспечения занятости, нет ничего лучше, чем платить людям за рытье ям на дороге и последующее их засыпание. Однако еще более важным моментом является то, что проведение оптоволоконной сети в жилые дома и офисы позволило бы каждому человеку получить доступ к новым онлайн-услугам с образованием мощного динамического сообщества, в котором люди могли бы обмениваться знаниями. Долгосрочные выгоды для экономики и для всего общества в целом от построения такого «инфобана» трудно

переоценить. Это дало бы промышленности возможность повысить эффективность и найти новые рынки сбыта для новых видов продукции. Это сделало бы образование и информационные услуги доступными всем и каждому. Вне всякого сомнения, «инфобан» приведет к созданию массового рынка для реализации частными компаниями через Интернет имеющихся у них «информационных товаров»: фильмов, телепрограмм, музыки и книг. В то же время, когда люди окажутся в состоянии распространять и принимать передаваемые посредством гипермедиа данные, быстро расцветут общественные медиа и появятся группы с особыми интересами. Для того чтобы все это стало реальностью, потребуется коллективное вмешательство, дабы гарантировать всем гражданам цифровое будущее.

Возрождение модерна

Даже и не делая пока собственного выбора, европейцы должны теперь отстаивать собственное видение будущего. К информационному обществу ведут различные пути, и одни из них более предпочтительны, чем другие. Для того чтобы сделать обоснованный выбор, цифровым мастерам в Европе нужно провести более последовательный анализ воздействия гипермедиа, чем тот, который можно найти среди двусмысленностей «калифорнийской идеологии». Представители европейского «виртуального класса» должны позаботиться о собственной, особой идентичности.

Исходным моментом в альтернативном варианте видения будущего является неприятие любой формы социального апартеида как внутри, так и вне киберпространства. Любая программа развития гипермедиа должна гарантировать возможность доступа всего населения к новым онлайн-услугам. Вместо анархизма новых левых и новых правых европейская стратегия развития новых информационных технологий должна открыто признать неизбежность какой-либо из разновидностей смешанной экономики — созидательного и противоречивого единства государственных, корпоративных и частных инициатив. Неопределенность цифрового будущего — следствие повсеместного распространения такой смешанной экономики в современном мире. Никто точно не знает, какой окажется относительная эффективность каждой из частей, однако совместность действий способна послужить гарантией того, что ни одна из социальных групп не будет сознательно исключена из киберпространства.

Европейская стратегия для информационной эпохи должна также поддерживать творческий потенциал мастеров цифровых технологий. Поскольку выполняемые ими функции нельзя упростить либо механизировать, представители «виртуального класса» вынуждены тщательно контролировать свою собственную работу. Вместо того чтобы поддаваться фатализму «калифорнийской идеологии», нам следует использовать воистину пророческие возможности гипермедиа. Ограниченные рамками смешанной экономики, мастера цифровых технологий, тем не менее, способны изобретать нечто совершенно новое, то, чего не найти ни в одном научно-фантастическом романе. Такие инновационные формы познания и коммуникации вберут в себя достижения других, в том числе и некоторые аспекты «калифорнийской идеологии». Сегодня ни одно серьезное движение за социальное освобождение не может обойтись без выдвижения требований в отношении эмансипации женщин, наркокультуры, равноправия сексуальных меньшинств, этнической идентичности и прочих проблем, впервые поднятых радикалами Западного побережья. Аналогичным образом любой попытке развития гипермедиа в Европе следует позаимствовать установку на предпринимательское рвение и активность, проповедуемую калифорнийскими новыми правыми. В то же время разработка гипермедиа — это новаторство, креативность и изобретательство. У цифрового будущего во всех его аспектах нет прецедентов.

Будучи первопроходцами, мастера цифровых технологий испытывают потребность в том, чтобы снова соединиться с теорией и практикой продуктивного искусства. Они не просто наемные работники или даже потенциальные киберпредприниматели. Одновременно они являются и своего рода художниками-инженерами — проектировщиками следующей

стадии современности. Увлекаемые опытом Сен-Симона и конструктивистов, эти мастера цифровых дел способны создать новую машинную эстетику информационной эпохи. Так, например, музыканты используют компьютеры для создания чисто цифровых разновидностей музыки типа джангл или техно. Интерактивных дел мастера изучают потенциал технологии CD-ROM, свидетельством чего является работа ANTI-rom. Исследовательским центром по гипермедиа был сконструирован экспериментальный виртуальный социум, получивший название J's Joint. В каждом отдельном случае художники-инженеры стараются выйти за рамки технологических ограничений и собственного творчества. Более того, новые формы самовыражения и использования коммуникаций ассоциируются с более широкой культурой. Разработчики гипермедиа должны будут подтвердить возможность рационального и осознанного контроля над образом цифрового будущего. В противоположность элитизму «калифорнийской идеологии» европейские художники-инженеры должны построить киберпространство, которое станет всеобъемлющим и универсальным. Пришло время для возрождения современности:

Существующие обстоятельства благоприятствуют национализации роскоши. Роскошь обретет полезность и нравственность, когда наслаждаться ею будет весь народ. За нашим столетием зарезервировано право и преимущества использования, согласно политическим договоренностям, достижений точных наук и изящных искусств.

Распад битов²²⁵ Марк Деру²²⁶

В медиатусовке мало кто расстроился, узнав о его уходе, но вот лично автор этой статьи сожалеет о том, что мы уже не сможем придирается к Хитрому Нику. В декабре 1998 года Николас Негропonte из Wired, директор Лаборатории медиа Массачусетского технологического института, одетый с иголки сплетник, распинающийся перед корпоративной Америкой о перспективах повышенной пропускной способности (и перед неумытыми миллионами пользователей AOL в своем бестселлере «Жизнь в цифровом мире»), — объявил, что перестает вести свою хлесткую колонку на последней странице журнала. Проработав шесть лет обозревателем в Wired, этот человек, чья проза, словно написанная говорящими роботами, имеет такое же отношение к литературному стилю, как похожий на последствия болезни Паркинсона тик г-на Линкольна в Диснейленде — к плавным движениям, свойственным здоровому человеку, решил уйти.

Вполне возможно, что на роль обличителя, режущего правду-матку на последней странице журнала, больше подошел бы какой-нибудь Алвин Тоффлер или Джордж Гилдер²²⁷.

225 Согласно определению «The New Hacker's Dictionary», «распад битов» — это «гипотетическое нарушение, проявляющееся в том, что неиспользуемые программы или возможности нередко перестают функционировать по истечении некоторого времени, даже если "ничего не изменилось". В теории предполагается, что биты начинают распадаться, как если бы они были радиоактивными. Чем дальше, тем сильнее портится содержимое файла или кода программы» (р. 65). Я использую это понятие как каламбур — в свете заикленности Негропonte на цифровых битах, которые он превозносит до небес, в нравственном отношении ставя их едва ли не выше низкопробных атомов. «Цифровые технологии могут стать естественной силой, которая приведет людей к великой гармонии», — пишет он в своей книге «Жизнь в цифровом мире» (Being Digital, New York: Knopf, 1995, р. 230). Цифровой эпохе, как уверяет Негропonte, присуща внутренняя способность «глобализировать, гармонизировать и наделять властью» (р. 229). Подобный виртуальный вздор в духе «ню-эйджа», типичный для Негропonte, вполне заслуживает того, чтобы его назвали распадом битов.

226 Эта статья написана специально для настоящей антологии. © 2000, Mark Dery. [Перевод Т. Давыдовой.]

227 Алвин Тоффлер — американский социолог и футуролог, автор известных работ «Футурошок», «Экоспазм», «Третья волна» и др.; Джордж Гилдер — влиятельный эксперт в области экономики и сетевых

Но именно Негропonte подбросил 75 тысяч долларов для продолжения проекта, когда магнаты из старой медиа-знати указали на дверь основателям Wired Луису Россетто и Джейн Меткалф. За такой искренний порыв его и назначили главным обозревателем, несмотря на то, что общий стиль Wired, ярким примером которого может служить журналистика радикальных хакеров в исполнении Брюса Стерлинга и По Бронсона, никогда не был ему близок. Не выносящий договоров и не восприимчивый к иронии, Негропonte писал так, будто составлял план выступления, в котором было поровну намешано Ли Якокки и Локатуса Борга²²⁸. Его излюбленным приемом было пророческое заявление в духе «все-что-вам-известно-сплошная-неправда», которое подавалось с видом Чарльтона Хестона, с выражением читающего десять библейских заповедей²²⁹. «На известной встрече создателей Интернета, состоявшейся в 1994 году, я предположил, что к 2000 году сеть объединит миллиард пользователей, — пишет Негропonte. — Винт Серф рассмеялся мне в лицо. Остальные закатили глаза в ответ, как им показалось, на типичное для Негропonte преувеличение». На что другой бездельник обронил: «Понятное дело, никто не ожидал, что Интернет станет так динамично развиваться». Ну и дураками же они были, эти новички!

Уход Негропonte из Wired — еще один признак того, что мнимую «киберэлиту», которая волновала и с которой носился медиары-нок, наконец-то вышибли с насиженного места, прямо как в водевиле. Разумеется, это не единственный показатель: постоянные читатели Wired установили пристальное наблюдение за журналом, когда он стал выходить уже не в такой крутой версии у Conde Nast, а Джон Перри Барлоу от фраз типа «приготовьтесь-так-как-велел-Господь» по поводу Интернета («в мире технологии это явление, способное вызывать самые кардинальные изменения, каких еще не случалось с тех самых пор, как человек открыл для себя огонь»)*3 перешел к воспеванию своих причиндалов с точки зрения кризиса среднего возраста (мы готовы признать, что самый внушительный памятник человечеству — до изобретения «виагры»).

«Взгляните правде в лицо — Цифровая Революция закончилась», — заявляет Негропonte в своей последней статье, напечатанной в Wired. Этим он хочет сказать, что колоссальные изменения, к которым привела тотальная, на первый взгляд, компьютеризация, уже не вызывают прежнего удивления, превратившись в обычную прозу жизни. Скрытой причиной ухода Негропonte из журнала служит то, что, хотя компьютеризация и глобализация действительно вызвали культурные сдвиги примерно такой же важности, как смещение материковых плит, Революции (именно с большой буквы, в контркультурном смысле, в каком обычно использует это понятие Россетто) хватило лишь на то, чтобы зашипеть на манер отсыревшей хлопущки. Фантазии Третьей волны, родившиеся у неолибералов «ню-эйджа» и «консервативных футурологов» Гингрича, — децентрализованное с самого начала управление, социальные болячки, которые лечатся с помощью компьютерных классов в школах и ноутбуков, доступных малоимущим, многообещающий «длительный подъем», на волне которого взлетят вверх лодки всех и каждого, — захлебнулись. А эпитафией всему этому стал скромный и незаметный уход Ньюта Гингрича из большой политики. Необходимость слинять он почувствовал печенкой, но еще сильнее к этому шагу его подтолкнула социальная дифференциация и экономическое неравенство, спровоцированное доминирующей в экономике концепцией *laissez-faire*, бойко проповедуемой со страниц Wired. В 1995 году Джон Баттель, ставший впоследствии ответственным редактором журнала, опрометчиво возвестил: «Сегодня каждый житель планеты верит в свободный рынок так же, как в силу земного притяжения». Не прошло и технологий.

228 Ли Якокка — топ-менеджер Ford и Chrysler, автор книги «Карьера менеджера». Локатус Борг — киборг, герой сериала «Стартрек».

229 Чарльтон Хестон — американский актер, сыгравший заглавную роль в фильме «Бен Гур», президент Национальной стрелковой ассоциации, лоббирующей свободную продажу оружия.

четырёх лет, как экономика стран Юго-Восточной Азии перешла в режим свободного финансового падения, а развал Советского Союза обернулся погружением бывших советских республик в бездну бандитского капитализма. В свете этих событий слова Баттеля воспринимаются как невольная ирония.

Уход Негропonte знаменует собой завершение целого периода, когда всякие Великие хартии вольностей для эпохи познания и Декларации независимости киберпространства воспринимались всерьёз, по крайней мере, «цифровой элитой», которая сама же и провозгласила себя таковой. Что странно, Негропonte, похоже, не замечает, насколько «немодными» выглядят его мультяшные образы роботов-дворецких и начиненные компьютерными суперпримочками запонки в контексте политически неустойчивого и экономически тревожного начала века. На закате столетия, испытавшего кислотный дождь и глобальное потепление, ставшего свидетелем Бхопала и Чернобыля, он заманивал нас в будущее, где технология никогда не даёт сбоя, корпорации — сама бесконечная доброта, а любую болезнь социума можно вылечить при помощи технологически усовершенствованной волшебной пули.

Согласно представлениям Негропonte о будущем, работодатели, не спускающие с нас глаз благодаря «активным бэджам», вшитым в нашу рабочую униформу, думают лишь о том, как наиболее оптимально организовать рабочее место («когда вам звонят, работает ближайший к вам телефонный аппарат»); перестраховываясь, они вынуждены все время шпионить за нами и наблюдать, как мы ходим на перерыве в туалет, прикрываясь стремлением к тейлорист-ской эффективности. Более того, невозможно представить, что придуманные Негропonte дома, напичканные электроникой, которую контролирует вездесущая, объединенная в единую сеть компьютерная система, вдруг выйдут из строя, как тот умный дом в аду из «Дьявольского семени», где Джули Кристи становится заложницей системы Enviromod, управляющей ее «роскошным, полностью автоматизированным домом, оснащенным электронными домохозяйками и охранниками».

Раз уж речь зашла об охране, то стоит отметить бросающееся в глаза отсутствие криминала в фантазиях Негропonte о днях грядущих. «Умные дверные ручки» в его умных же домах, которые «позволят войти курьеру из ФедЭкса, а коту Фидо — выйти», никогда не откроют дверь технически подкованному психопату. Беспокойные размышления на тему таких социальных изъянов, как преступность, безработица, нехватка жилья, редко заставляют Негропonte хмурить брови. Невероятно, но факт: его вообще не интересует социальное как таковое — ни на уровне отношений с соседями, ни на уровне государственной политики. Несмотря на настойчивые заявления Негропonte о том, что Цифровая Революция™ коснулась прежде всего коммуникации, а не компьютеров, о реальной гражданской жизни или общественной сфере в его будущем говорить не приходится.

В будущем, написанном по сценарию Негропonte, коммуникация по большей части протекает между вами и разговорчивыми дверными ручками или «агентами интерфейса» — «голографическими помощниками высотой в двадцать сантиметров, расхаживающими по вашему столу». По его предсказаниям, в следующем тысячелетии «мы обнаружим, что львиную долю времени — или в любом случае больше, чем сейчас, — разговариваем с машинами, а не с другими людьми». Вот он, аутизм информационной эпохи, вытекающий из щемящей «мечты по интерфейсу», которой охвачен Негропonte, желающий, чтобы «компьютеры были как люди». В его будущем полноценным общением наслаждаются различные приспособления и бытовые приборы, обменивающиеся электронными «рукопожатиями» и «дружескими звонками». «Если ваш холодильник замечает, что у вас закончилось молоко, — моделирует ситуацию Негропonte, — он может "попросить" вашу машину напомнить вам купить молока по дороге домой». А общение между людьми будет сводиться к «цифровому соседству, где физическое пространство перестанет иметь какое-либо значение». И вот перед нами высококвалифицированные специалисты, подключающиеся к Интернету из своих электронных коконов, втискивающие свою социальную жизнь в телефонные провода.

Тот факт, что персональная электронная газета, которую читают жители информационной утопии Негропonte, с нечаянной иронией названа *The Daily Me*, — это не простая случайность. Человек завтрашнего дня в изображении Негропonte — замкнутая на себе частица социума, знакомая нам еще с эпохи капитализма *laissez-faire*, заявившая о себе в XVIII веке. В течение многих лет Негропonte проводил в Лаборатории медиа показушные представления для корпоративных инвесторов — его представления о государстве сформировались не без влияния этих мероприятий. В его Стране Завтрашнего Дня, где правит бал концепция *laissez-faire*, гражданин превращается в потребителя. Покупательная способность приравнивается к возможностям: «В мире цифровых технологий потребители сосредоточивают у себя в руках почти всю власть, что не может не радовать». Гражданская активность проявляется в организации «прихожан для покупки кукол Барби прямо у компании *Mattel*, минуя посредников». Будущее Негропonte — это общество потребления, наводненное неутомимыми производителями и ненасытными покупателями, своеобразная кондитерская для завсегдатаев магазинов *Sharper Image*²³⁰, закормленных часами Дика Трейси, говорящими тостерами и ноутбуками. На этой карусели прогресса не предусмотрены места для тех бедняг-туристов, которые хотят от жизни большего, чем видеть «Ларри Кинга собственной персоной» на экране своих электронных газет или телевизора-компьютера, позволяющего им делать из прогноза погоды «мультик с любимым диснеевским героем».

Не исключено, что Негропonte мог бы возразить, указав на то, что его описание ограничивается лишь технологической экстраполяцией и что в нем в принципе не затрагивается социальная ответственность. «Лаборатория медиа — это не какая-нибудь общественно-научная организация, — как сказал Негропonte журналисту Дэвиду Беннауму, пишущему о развитии технологии (этот материал о Лаборатории медиа был опубликован в журнале *New York*), — мы не занимаемся исследованиями. Мы изобретаем. А затем пытаемся что-то сделать». Как и недовольство Маклюэна, протестующего против того, чтобы его считали всего лишь клиническим наблюдателем электронной революции, так и попытка Негропonte завернуть его замешанную на концепции *laissez-faire* футурологию в лабораторный халат с плеча равнодушного изобретателя-вредителя, выглядит не вполне убедительно.

Отмазка вроде «черт возьми, Джим, я-же-изобретатель, а-не-какой-нибудь-там-обществовед!» перестала действовать после Хиросимы, когда Роберт Оппенгеймер, с радостным нетерпением предвкушая свое открытие, закрыл глаза на его морально-этические последствия: «...когда перед тобой возникает перспектива сделать соблазнительную в техническом плане штуку, ты идешь вперед и воплощаешь ее в жизнь». В результате мир до сих пор содрогается от кошмара шагающих трупов. Очевидно, что Лаборатория медиа играет с Флаббером-попрыгунчиком, а не с огнем. Дорога к Армагеддону вымощена вовсе не достижениями помешанного на изобретениях умника, которого, к примеру, вдруг осенило, как технически реализовать возможность обмена визитными карточками между двумя сотрудниками Лаборатории медиа через обычное рукопожатие, при котором данные передавались бы посредством мгновенного электрического заряда, проходящего через кожу. Зато невнятное бормотание таких известных представителей Лаборатории, как Брюс Блумберги Нил Гер-шенфельд, звучит как откровения участников возможного (пост)человеческого культа, стоит им заикнуться о «формировании коллективного сознания» и обнародовании данных о человеческом геноме с тем, чтобы *homo cyber* получил возможность «выращивать» компьютерные микросхемы прямо в своей плоти. И если вести речь о технически соблазнительных мечтах с далеко идущими социальными последствиями, то за примерами далеко ходить не надо: они перед вами.

230 *Sharper Image* — сеть магазинов, торгующих разнообразным гаджетами, типа очень полезного приспособления, имитирующего движения вашей руки, в которое вы можете поместить свои часы с подзаводом, пока спите...

Вдобавок ко всему, это корпоративное «мы» в заявлении «мы, изобретатели» нахально вводит в заблуждение, потому что парнишка с постера, рекламирующего Лабораторию медиа, никакой не изобретатель. Он по всем статьям выходит торговцем мирового класса. Его клиентами являются представители элиты, сосредоточившей в своих руках власть, — флагманы индустрии, главы государств, — а продукт, выставленный на продажу этим мальчишкой, — дружелюбное к корпорациям будущее, в котором капитализм планетарного масштаба отправил само государство и его назойливые распоряжения в Корзину на рабочем столе истории, — элитарен по своей сути.

В своей последней статье для Wired Негропонте, потирая руки, утверждает, что «любой магазин, работающий не в круглосуточном режиме, окажется неконкурентоспособным» — предсказание, призванное обрадовать всех рабочих в мире, получающих минимальную заработную плату; и добавляет, что «пенсия исчезнет как понятие» — пророчество, уже ставшее беспощадной явью для сидящих без денег пенсионеров, вынужденных работать в той Америке, где реальные зарплаты рабочих сократились на 19% в период с 1972 по 1994 год.

В книге «Жизнь в цифровом мире» на пути к Вознесению случается одна забавная вещь. За пять страниц до конца бестселлера унылое серое облачко на мгновение набегаёт на пронзительной голубизны небосвод, на котором удобно расположились представления Негропонте о цифровом мире. «Любая технология или дар, преподнесенный наукой, имеет свою темную сторону, — признает автор на 227-й (!) из 231 страницы сплошных восхвалений "бога из машины". — По мере нашего продвижения к цифровому миру целый пласт населения окажется лишенным гражданских прав или будет ощущать себя так, словно у него эти права отобрали. Потеряв работу, пятидесятилетний сталевар — в отличие от своего двадцатипятилетнего отпрыска — может не найти в себе цифровой способности быстро восстановиться от подобного удара».

Но этот полоумный профессор, этот бездонный источник решений проблем пропускной способности и источников питания для портативных компьютеров, хранит удивительное молчание, когда речь заходит о том, что он называет «наихудшим» из всех социальных последствий компьютерной революции — потерю работы вследствие автоматизации производства. Минута молчания для уволенных с работы по сокращению; затем Негропонте начинает отгонять от себя замаячившие на горизонте пораженческие мыслишки, используя при этом одну из тех банальных фраз в стиле «сегодня-первый-день-остатка-твоей-жизни», которые у него, судя по всему, всегда припрятаны в рукаве пиджака в тонкую полоску: «Тем не менее цифровая жизнь действительно дает повод для оптимизма. Подобно силе природы, цифровую эпоху невозможно отрицать или остановить. У нее есть четыре весьма эффективных качества, которые обеспечат ее окончательный триумф: децентрализация, глобализация, согласование и наделение властью».

Вполне естественно, что без каких-то мелких жертв — вроде пятидесятилетнего сталевара — на этой Дороге в Светлое Будущее не обойдется. Но как ни крути, а сталевары устарели; они занимаются физическим трудом и не имеют никакого отношения к Крутым Умным Небожителям, какдигерати; из грубых, ничем не впечатляющих атомов они делают вещи, которые можно потрогать. Чем скорее они и остальные аутсайдеры Второй волны уступят место электрическому молодняку, в которого слепо верит Негропонте, тем лучше. Детишкам известно, что решение проблемы разницы доходов и способ борьбы с тревожным фактом, согласно которому «у четверти из нас приемлемые условия жизни, а у трех четвертей — нет», — а что еще остается? — цифровые технологии. Взаимосвязанность в электронной форме «может стать естественной силой, под воздействием которой люди придут к великой мировой гармонии», даже, вероятно, при условии того, что некоторые будут наслаждаться кибербарон-ской роскошью, доступной Биллу Гейтсу, тогда как остальные — жить в презренной нищете. (Не забыть напомнить моему агенту интерфейса: карманные компьютеры для бездомных!)

Те из нас, кому нравятся дифирамбы прогрессу с небольшими историческими заметками на полях в качестве своеобразной коррективы, припомнят похожее потрясение, вызванное изобретением телеграфа в середине позапрошлого столетия. «Дальнейшее существование предрассудков и враждебности невозможно после появления такого аппарата, созданного в результате интеллектуального обмена между всеми народами, населяющими землю», — написали Чарльз Бриггс и Огастес Маверик в 1858 году. Однако Негропonte, которому нравится шокировать Свен Биркертсов²³¹ по всему миру своим не имеющим никаких оправданий признанием в том, что он не любит читать, сочиняет утопическую философию для эпохи амнезии. Вот так, наверное, история и заканчивается.

Не менее серьезна мысль о социальных и экономических последствиях постиндустриализации и глобализации для американских нищих рабочих, мексиканских сборщиков изделий из импортных компонентов, индонезийцев, которых эксплуатируют по потогонной системе, и для всех остальных, чьи ежедневные заботы обременяют их немного сильнее, чем недостаточное изящество технологии передачи факсимильных сообщений. Им грозит вылететь из обоймы раз и навсегда. Повседневная жизнь «низов» никогда особо не волновала человека, который в одной из редакторских статей в *New York Times* беззаботно записал «нуждающихся» и «неимущих» в класс безграмотных, понятия не имеющих о технологии, — в «цифровых бомжей». Эта фраза заслуживает награды Ньюта Гингрича в стиле «пусть-они-ло-пают-лэптопы» за «небожительство» и полное незнание жизни маленького человека.

Сын магната, сколотившего себе состояние на морских грузоперевозках, Негропonte вырос в «модных кругах» Нью-Йорка и Лондона, если верить Стюарту Бранду, и ходил на занятия в школу Чоат и Ле Розы, элитарную школу-интернат в Швейцарии. Сейчас он продает будущее предполагаемым корпоративным инвесторам, работая в какой-то Лаборатории медиа, сжирающей 25 миллионов долларов ежегодно. Его будущее — это будущее человека, который на короткой ноге с членами французского правительства, японскими премьер-министрами и шейхами из ОПЕК, человека, в больших количествах покупающего белое вино, разъезжающего на «БМВ» и владеющего домом во Франции и еще одним в Греции. Он часто летает — за год у него «набегает» порядка 500 тысяч километров. Он плавно рассекает стратосферу в социальном и буквальном смысле, полностью равнодушный к таким заботам Второй волны, как география и часовые пояса, здравоохранение и детское социальное обеспечение, социальная и экономическая справедливость. (Впрочем, он может порядком взъесться из-за неровностей так называемых «ступенек», из-за которых кое-какие письма на экране компьютера выглядят довольно забавно, или впасть прямо-таки во вселенскую скорбь по поводу недоработок телефонного коннектора RJ-11.) Подключаясь к интерактивным системам, которые «не менее суровы и требовательны по части дисциплины, чем няня, выписанная из Баварии», или включая «умный» тостер, который поджаривает хлеб на завтрак и одновременно сообщает окончательную цену на любимые акции (у вас ведь есть любимый пакет акций, не правда ли?), он говорит на языке корпоративного правящего класса. Его мечты сводятся к приобретению цифрового дворцевого и умного дома, что вернет нас в эпоху домашней прислуги, только без бурлящего негодования низших слоев общества.

«У меня возникло такое ощущение, что проблемы, которые вы пытаетесь здесь [в Лаборатории медиа] решить, — это проблемы, существующие у таких людей, как вы, то есть у людей относительно обеспеченных», — высказал свое мнение Беннаум. Негропonte признал: «Да, мы собираемся делать вещи, которые выглядят привилегированными и эксклюзивными, из серии "игрушек для богатых". Но в действительности они по большому счету являются инструментами мышления, пригодными для использования во всем мире, и я надеюсь, что такого рода вещи получат распространение и в развивающихся странах». Теория имиджиниринга, предполагающая естественное распространение

231 Свен Биркертс — известный американский публицист и литературовед.

Один вопрос, касающийся Лаборатории медиа, так и остается не заданным. Раздутая реклама в воскресных приложениях обходит его стороной: а что это, собственно говоря, за «инструменты мышления»? По словам Негропonte, Лаборатория — это место, где создаются программируемые игрушки из разряда Лего/Лого и QuickTime, своеобразная видеотехнология для компьютеров. Но, как указывает Беннаум в своей статье, опубликованной в New York, «Интернет, Всемирная паутина, гипертекст, электронная почта — ни одна из этих компьютерных технологий не была изобретена в Лаборатории. Она больше не может заявлять, что изменяет мир. А лучшая разработка Лаборатории, имеющая отношение к трехмерной голографии, едва ли может привлечь большое внимание».

Что действительно может вызвать широкий отклик — так это попытка Негропonte при помощи неких колдовских заклинаний вызвать к жизни техноутопию во всей ее красе, когда «мониторы можно будет продавать галлонами и раскрашивать, проигрыватели компакт-дисков станут съедобными, а параллельные процессоры можно будет использовать в качестве лосьона для загара». Если воскресить в памяти известный слоган, рекламировавший в 1950-х годах компанию General Electric, — «Прогресс — самый важный продукт, который мы производим», — то по аналогии можно сказать, что из всех изобретений Лаборатории наибольшую известность ей принес сценарий будущего, родившийся в ее стенах. «Продукт, производимый Лабораторией медиа, — это не "продукт как таковой", а место в экспедиции за пределы границ технологии», — пишет Фред Хэпгуд в своей восторженной статье о Лаборатории медиа, появившейся на страницах Wired. Другими словами, Лаборатория предлагает корпоративно оплаченную прогулку в технологическую заповедность, напоминающую поход в парк аттракционов.

Достижения корпоративной футурологии не сводятся к вышесказанному; этоэктоплазмический выплеск фантазий встревоженных менеджеров, желающих, чтобы их мечты непременно исполнились. И едва ли имеет значение тот факт, что нарисованное Негропonte будущее, судя по всему, окажется нежизнеспособным в рекламируемом варианте, наступи оно — если вообще такое произойдет. «Этот парень оставил тяжеленькое наследство в виде глупых пророчеств и туманных идей, на которые нужно просто не обращать внимания, — считает источник, пожелавший остаться неизвестным. — Выводящий из себя Portico/Wildfire — чем не его "цифровой дворецкий"? Его онлайн-арендные сделки в видеоформате — это ошибка в программе Divx, которую мы уже имеем сегодня. И так далее. За что народ ругает Негропonte, так это за хайтечную обработку героя Майкла Китона в фильме "Ночная смена" ("Чтобы салат с тунцом был вкуснее, корми рыбу майонезом", "Заботимся о защите окружающей среды — съедобный мусор"). Лучше бы ему стали больше платить, и серьезности ему можно было бы добавить. Он выглядит как ничего не делающий Хозяин Своего Угла, считающий себя Владыкой Вселенной. На какое-то время ему удастся одурачить весь мир — и мир тоже считает его всесильным».

Если проявить снисхождение, то можно сказать, что Негропonte и возглавляемая им Лаборатория медиа — это не что иное, как предприятие по производству будущего, своего рода сборочный конвейер, на котором клепаются фантомное программное обеспечение, технологии, существующие лишь в форме галлюцинаций массового сознания. Квинтэссенцией фантомного программного обеспечения становится виртуальная реальность, технология, устаревшая еще до своего появления. Обрушившаяся под напором немислимых ожиданий, наваленных на нее киберрекламщиками, виртуальная реальность пала жертвой своего частого появления на публике в Эпоху Беспорядка при дефиците внимания. Очевидно, что виртуальная реальность существует в буквальном смысле, но в том состоянии, в котором она находится сейчас, — недоработанной, со многими острыми углами, — ей существенно недостает отпущенного на свободу исступленного восторга, разбуженного Джароном Ланье и Уильямом Гибсоном. Как и виртуальная реальность в ее масс-медийном воплощении, которое можно было наблюдать в начале 1990-х годов, будущее как товар будет потребляться исключительно в виде идеи, проживая свои пятнадцатиминутные биологические циклы в виварии масс-медиа.

Странно, но описанные Негропonte технические фишки вроде самостирающихся рубашек, передающих галстуков и автомобилей с полностью автоматизированным управлением всегда заметно отдавали старомодностью — по крайней мере, на взгляд автора этой статьи. Так, к примеру, его «умное окружение», с говорящими тостерами и цифровой прислугой, похоже на Димаксион-хаус Бакминсте-ра Фуллера образца 1927 года, укомплектованный автоматической машинкой для стрижки волос, вакуумной зубной щеткой и самовключающейся стиральной машиной, выдающей чистую и сухую одежду через три минуты после загрузки. Его «электронное окно в гостиную» напоминает видеоэкраны во всю стену, закрепившиеся в научной фантастике начиная с «1984» и перекочевавшие в фильм «Вспомнить все», в котором блеснул Арнольд Шварценеггер. Даже тем читателям, кто просто пролистывает «Жизнь в цифровом мире», кажется, что они словно только что вышли из состояния глубокой криогенной заморозки и удивляются: разве еще кто-то разговаривает, как служащий в приемной, от которого Негропonte слышит: «О, этого же не может быть, сэр?» Они и мир, в котором они существуют, — это воспоминание о минувшем будущем. Это вымирающая технократия времен Всемирной выставки 1939 года или диснеевская Страна Завтрашнего Дня — социально срежиссированные утопии, вероятно, подсмотренные мечтательной элитой, которая «в основном и правит цивилизацией», если верить лихому заявлению Стюарта Бранда, которое появилось в Los Angeles Times.

Кажется, что Негропonte живет в семиотическом мираже, как главный герой «Континуума Гернсбека» («The Gemback Continuum») — рассказа Уильяма Гибсона о так и не наставшей эпохе машин, которая была придумана под влиянием «призрачной логики, ничего не знающей о загрязнении окружающей среды — последнего предела, поставленного ископаемым топливом». Как наполненный галлюцинациями технополис Гибсона, модернизированный фантастический образ, взятый прямо из «Метрополиса» Фрица Ланга, населенного светловолосыми и голубоглазыми арийцами в ослепительно белой одежде, будущее в изображении Негропonte корпоративно, элитарно и белее белого. Раздражающие вопросы о будущем расовой и ген-дерной политики ни разу не встретились на страницах «Жизни в цифровом мире» по той простой причине, что стратосфера власти, где Негропonte проводит большую часть своего времени и которая напоминает редут-пентхаус корпорации Tyrell в «Бегущем по лезвию бритвы», похоже, является заповедной территорией белых парней. (Единственный намек на расовую напряженность, который встречается в книге Негропonte, — это сожаление, высказанное автором по поводу того, что действующие правила заставили компанию NYNEX «разместить телефоны-автоматы всамых темных уголках [курсив мой] Бруклина (где они остаются на месте сорок восемь часов)», — неудачная фраза, хотя, наверное, тогда она казалась к месту.)

Как от гибсоновских ясноглазых технофилов, «щеголеватых, сияющих от счастья и бесконечно довольных собой и своим миром», так и от Негропonte исходит холодящая своим безразличием аура превосходства, которой отличается класс управленцев: их не волнует интеллектуальная амбивалентность, а с такой вещью, как сомнение в себе, они вообще не знакомы. Такое мы уже видели — это же технократическая элита из бульварного мифа: сверхрациональные правители в «Людах-богах» Уэллса и правящий класс, обитающий на облаках из старого «Стратрека» в эпизоде про Мерак II. Похоже, те, кто помнит будущее, обречены его повторять.

Временная автономная зона²³² Хаким Бей

*...Ныне пришел я как Дионис-победитель, обращающий этот мир
в один всеобщий праздник... Но у меня не так много времени...
Ницше (из последнего «безумного» письма Козиме Вагнер)*

Пиратские утопии

Морские волки и корсары XVIII столетия создали «информационную сеть», охватившую весь земной шар: несмотря на всю ее примитивность и узость целей, которые преследовали ее создатели — в первую очередь служить их мрачному бизнесу, эта сеть, тем не менее, превосходно функционировала. Ее узлами были острова, отдаленные убежища, где пиратские капитаны могли запастись пресной водой и провиантом или обменять трофейные корабли на предметы роскоши и первой необходимости. Некоторые из этих островов поддерживали существование «спецпоселений», целых миниатюрных обществ, сознательно живущих вне закона и стремящихся сохранить подобное положение дел хотя бы на срок их короткой, но веселой жизни.

Несколько лет назад я просмотрел большое количество вторичного материала о пиратстве, надеясь найти исследование этих анклавов, но обнаружил, что историки не считали нужным их анализировать. (Уильям Берроуз коснулся этой темы²³³ также я нашел ссылку на нее у позднего британского анархиста Ларри Лоу — но я не обнаружил того, что искал — систематического исследования темы.) Тогда я обратился к первоисточникам и построил свою собственную теорию, некоторые аспекты которой будут обсуждаться в этом эссе. Я назвал эти поселения «пиратскими утопиями».

Недавно Брюс Стерлинг, один из представителей киберпан-ковской научной фантастики, опубликовал роман о близком будущем, основанный на том допущении, что упадок политических систем приведет к спонтанному возникновению различных жизненных экспериментов: огромных корпораций, принадлежащих их сотрудникам, независимых анклавов, занятых компьютерным пиратством, анклавов зеленых социал-демократов, анклавов неработающих, анархистских свободных зон и т. д. Информационная экономика, на базе которой существует все это разнообразие, называется «Сеть», а анклав (как и сама книга) — «Острова в Сети».

Средневековые ассасины основали свое «государство», состоящее из сети замков в отдаленных горных долинах, расположенных друг от друга на расстоянии тысяч миль, стратегически неуязвимых для любого вторжения, связанных только информационным потоком секретных агентов и ведущих войну со всеми правительствами и преданных исключительно тайному знанию. Современная технология, кульминацией которой стал спутник-шпион, делает такой вид автономии романтической мечтой²³⁴. Больше никаких пиратских островов! В будущем та же технология, свободная от любого политического

232 Эта статья представляет собой отрывок из книги Хакима Бей «Временные автономные зоны», опубликованной издательством Autonomedia. Печатается с разрешения автора и издателя. © Hakim Bey, 1985, 1991. [Перевод С. Кормильцева.]

233 Берроуз посвятил этой теме один из романов своего цикла «Города красной ночи» и повесть «Призрачный шанс».

234 Нельзя не заметить, однако, что ни один спутник-шпион не помог правительству США выследить Усаму бен Ладена и окончательно разрушить «Аль-Каеду», которая устроена по тем же древним принципам «государства» ассасинов.

контроля, позволит создать целый мир автономных зон. Но на сегодняшний момент эта концепция остается именно научной фантастикой, то есть чистой спекуляцией.

А мы, живущие сегодня? Разве мы обречены никогда не получить опыта автономии, никогда даже на миг не стоять на земле, где правит лишь свобода? Неужели нам остается только ностальгия по прошлому или тоска по будущему? Должны ли мы ждать, пока весь мир не освободится от политического контроля, чтобы до тех пор ни один из нас не смог сказать, что он познал свободу? Рассудок и чувство объединяются в нас, чтобы отвергнуть подобное предположение. Разум утверждает, что нельзя бороться за то, чего не знаешь; сердце же восстает против жестокой вселенной, поразившей одно наше поколение несправедливостями, предназначавшимися всему человечеству.

Сказать «я не буду свободен, покуда все люди (или все разумные существа) не будут свободны» — значит просто впасть в ступор нирваны, отказаться от собственной человечности, отнести себя к проигравшим.

Я верю, что путем экстраполяции историй из прошлого и будущего, касающихся «островов в сети», мы можем собрать достаточное количество свидетельств того, что своего рода «свободные анклав» не только возможны в наше время, но и существуют. Все мои исследования и теории кристаллизуются вокруг концепции Временной Автономной Зоны (далее ВАЗ). Несмотря на синтезирующую силу, которой обладает эта концепция для моего собственного мышления, я, тем не менее, не хочу, чтобы ВАЗ рассматривалась как что-то большее, чем простой опыт («попытка»), предположение, почти поэтическая причуда. Несмотря на время от времени охватывающий меня энтузиазм в духе рантеров²³⁵, я не пытаюсь сконструировать политическую догму. На самом деле я сознательно уклонюсь от того, чтобы дать определение ВАЗ, — я кружусь вокруг темы, испуская исследовательские лучи. В конце концов, это название — ВАЗ — почти объясняет само себя. Если это словосочетание будет у всех на устах, оно будет понятным без особых сложностей... понятным в действии.

В ожидании Революции

Каким образом «мир, поставленный с ног на голову» всегда начинает править сам? Почему реакция всегда идет на смену революции, как времена года в Аду?

Слово восстание и его старинный латинский эквивалент — *insurrection* использовались и используются историками для обозначения неудавшихся революций — движений, которые не достигли ожидаемой точки на графике, принятой за норму траектории. Революция — реакция — предательство — основание еще более сильного и даже репрессивного Государства — поворот колеса, история повторяется вновь и вновь и достигает своей высшей формы: отпечаток кованой подошвы на лице человечества.

Выпадая из этой цепи, восстание предполагает возможность движения за пределы гегельянской спирали такого «прогресса», который всего лишь замаскированный порочный круг. *Surgo* — вставать, поднимать. *Insurgo* — вставать, подниматься. Это самостоятельная операция. Это прощание с жалкой пародией на кармический круг, с революционной тщетою. Лозунг «Революция!» из звука набата стал смертельно опасным ядом, пагубной псевдогностической ловушкой, кошмаром, находясь в котором мы никогда не спасемся от этого злого Зона, этого инкуба Государства, одного Государства за другим, всякий раз попадая на новое «небо», управляемое новым злым ангелом.

Если История является «Временем», как нас пытаются убедить, тогда восстание — это момент, преодолевающий Время и нарушающий «законы» Истории. Если Государство является Историей, как нас пытаются убедить, тогда восстание — это запрещенный момент, незабываемый момент низвержения всякой диалек танец с финальным вылетом в трубу,

235 Рантеры — протестантская секта XVII века. Основа их доктрины — всеприсутствие Бога, обращение к внутреннему опыту в поисках Христа и отрицание Священного Писания.

шаманский жест, производимый под «невозможном углом» с вселенной. История учит, что революция — это нечто, что достигло «постоянства» или, по крайней мере, длилось «достаточно долго», в то время как восстание — это что-то «временное». В этом смысле восстание подобно «пиковому переживанию» в противоположность стандарту «обыденного» сознания и опыта. Подобно фестивалям, восстания не могут происходить каждый день — иначе они не были бы «необычными». Но подобные моменты интенсивных переживаний придают форму и смысл всей жизни в целом. Шаман возвращается — нельзя находиться на крыше²³⁶ вечно, но вещи уже изменились, произошли сдвиги, образовались новые связи — произошли изменения.

Вы можете сказать, что все это — просто отчаянные попытки оправдаться. А где же анархистская мечта — власть безвластия, Коммуна, постоянная автономная зона, свободное общество, свободная культура? Мы что, собираемся отказаться от этой мечты ради возвращения к экзистенциалистскому *acte gratuit*²³⁷? Ведь не сознание надо менять, а мир — не так ли?

Это хороший вопрос, и я принимаю такую критику. Я дам два ответа на него. Во-первых, революция никогда не достигала этой мечты. В ходе восстания это видение посещает нас, но как только «Революция» свершается, и Государство возвращается, мечта и идеал уже преданы. Я не оставляю ни мечты об изменениях, ни даже ожидания их, но я не доверяю слову революция. Во-вторых, даже если мы заменим революционный подход концепцией восстания, спонтанно прорастающего из глубин анархистской культуры, очевидно, что текущая историческая ситуация не благоприятствует предпрятию подобного масштаба. Ничто, кроме бесполезного мученичества, не станет итогом лобового столкновения с Государством в его предельной форме, с мегакорпоративным информационным Государством, империей Спектакля и Симуляции. Его винтовки нацелены на нас, в то время как наше жалкое оружие даже не может найти никакой цели, кроме повтора, косной пустоты, призрака, способного задушить любую искру эктоплазмой информации. Это общество массовой капитуляции, управляемое призраком Полицейского и засасывающим глазом экрана ТВ.

Короче говоря, мы не навязываем ВАЗ как высшее достижение, заменяющее собой все прочие формы организации, тактики и цели. Мы рекомендуем ее, потому что она может обеспечить качество жизни, сравнимое с тем, которое дает восстание, но без обязательных последствий в виде насилия и мученичества. ВАЗ — это восстание, которое не угрожает Государству напрямую, это партизанская операция, которая освобождает область (земля, время или воображение), а затем рассыпается на частицы, заставляющие изменяться все вокруг до того, как Государство придет, чтобы сокрушить ее. Поскольку Государство озабочено в первую очередь целостностью своей Симуляции, а не субстанции, ВАЗ может занимать эти области незаметно и может достигать своих праздничных целей в относительном мире. Вероятно, некоторые небольшие ВАЗ существовали на протяжении поколений, потому что они оставались незамеченными, как горные деревушки — потому что они никогда не пересекались со Спектаклем, никогда не появлялись за пределами той реальной жизни, которая невидима для агентов Симуляции.

Вавилон принимает собственные абстракции за реальность; точно таким же образом — через ошибку — может появиться и ВАЗ. Старт ВАЗ может быть связан с тактикой насилия или обороны, в то время как самая сильная сторона ВАЗ — это ее невидимость, Государство

236 Хаким Бей имеет в виду ритуал общения с духами в практике северного шаманизма, один из эпизодов которого состоит в том, что шаман находится на крыше хижины, обозначая момент своего подъема в верхний мир или возвращения оттуда.

237 *Acte gratuit* в экзистенциализме — вознаграждаемая решимость выбора свободы как «осознанной необходимости», по сути — компромисс между бунтом и самоубийством

просто не в состоянии распознать ее, потому что историческая наука не имеет для нее определений. Как только ВАЗ названа (как-то представлена, чем-то опосредована), она должна быть уничтожена, и она будет уничтожена, оставив только змеиную кожу для того, чтобы возникнуть где-нибудь еще, опять-таки оставаясь невидимой, ибо для нее нет названия в терминах Спектакля. Поэтому ВАЗ — это превосходная тактика в эпоху, когда Государство вездесуще и всемогуще и в то же время изобилует трещинами и пустотами. И поскольку ВАЗ — это микрокосм той самой «мечты анархиста» о свободной культуре, я думаю, что сегодня не существует лучшей тактики для того, чтобы работать над достижением этой цели, в то же время уже пользуясь некоторыми преимуществами будущего здесь и сейчас.

Суммируя сказанное, стоит заметить, что реализм требует от нас, чтобы мы не только перестали ждать «революции», но также перестали бы и желать ее. «Восстание» — да, как можно чаще и где только можно, даже если есть риск стать жертвой насилия. Агония Государства Симуляции сама по себе будет «зрелищной», но в большинстве случаев лучшей и самой радикальной тактикой будет отказ от участия в зрелищном насилии, уход из области симуляции, исчезновение.

ВАЗ — это квинтэссенция онтологии партизанской войны: атаковать и скрыться. Это партизанский лагерь. Следует не переставая кочевать всем племенем, даже если это племя — всего лишь данные в Паутине. ВАЗ должна уметь защитить себя; но «атака» и «оборона» должны по возможности избегать насилия Государства, которое больше не имеет никакого смысла. Атака производится на структуры контроля, особенно на идеи; защита — это «невидимость», техники боевых искусств и «непроницаемость» — «окультурные» техники внутри техники единоборства. «Кочевая машина войны» завоевывает незаметно и успевает передвинуться до того, как определено ее местонахождение. Что касается будущего — только автономная зона может планировать автономию, встраиваться в нее, создавать ее. Это самостоятельная операция. Первый шаг подобен просветлению — осознание того, что ВАЗ начинается с простого акта осознания...

Психотопология повседневной жизни

Концепция ВАЗ вытекает в первую очередь из критики Революции и переоценки Восстания. Сточки зрения первой, второе — это провал; но для нас восстание представляет гораздо более интересную возможность, отличную от стандарта на психологию освобождения, от всех «успешных» революций буржуазии, коммунистов, фашистов и т. д.

Второй источник ВАЗ — это то историческое развитие, которое я называю «закрытием карты». Последний участок суши, не принадлежащий ни одному национальному государству, был занят в 1899 году. XX век — это первый век без terra incognita, без фронта. Национальность — это высший принцип управления миром: ни одна скала в южных морях не должна остаться свободной, ни одна труднодоступная долина, ни даже Луна и планеты. Это апофеоз «территориального гангстеризма». Ни один квадратный дюйм на планете Земля не должен быть свободен от политики и налогообложения... по крайней мере в теории.

«Карта» — это абстрактная политическая сетка, гигантская мошенническая операция, создаваемая для нужд «профессионального государства» кнута и пряника и навязываемая им, пока для большинства из нас карта не станет территорией — вместо «острова Черепахи» теперь «США». Но поскольку карта — это абстракция, она не может покрывать Землю в масштабе 1:1. В связи с фрактальным строением настоящей земной поверхности на карте можно отобразить что-то только с определенной степенью приближения. То, что лежит за пределами точности измерительных приборов, не попадает на карту. Карта всегда не точна; карта просто не может быть точной.

Итак, дорога к революции закрыта, но открыта дорога восстанию. Пока мы сконцентрируем наши усилия на временных «демонстрациях силы», не позволяя вовлекать себя в какое бы то ни было «окончательное решение проблемы».

Карта закрыта, но открыта автономная зона. Метафорически можно сказать, что она свернута во фрактальных измерениях, невидимых для картографов Контроля. Здесь нам следует ввести понятие психотопологии (и психотопографии) как альтернативной «науки», противостоящей государственной картографической службе и «психическому империализму». Только психотопограф может рисовать карту реальности в масштабе 1:1, потому что только человеческое сознание обладает достаточной сложностью, чтобы моделировать реальность. Но карта масштаба 1:1 не может «контролировать» свою территорию, потому что она, по сути, тождественна территории. Ее можно использовать только для того, чтобы предложить, в смысле «выложить перед нами», некоторые важные для нас черты реальности. В первую очередь мы ищем те «пространства» (географические, социальные, культурные, воображаемые), которые потенциально могут расцвести как автономные зоны, — и мы ищем те моменты, когда эти места относительно открыты то ли по невнимательности Государства, то ли потому, что они избежали внимания картографов, да вообще по любой причине. Психотопология — это искусство лозоходца в поисках потенциальной ВАЗ.

Закрытие революции, как и закрытие карты, — это только негативные источники ВАЗ. Еще много предстоит сказать о ее позитивных источниках. Одна только реакция не обладает энергией, необходимой, чтобы «манifestировать» ВАЗ. Восстание должно совершаться ради чего-то.

Прежде всего, мы поговорим о естественной антропологии ВАЗ. Нуклеарная семья — основная ячейка общества консенсуса, но только не ВАЗ. («Семьи! — как я ненавижу их! Это бедствие для любви» — Андре Жид.) Нуклеарная семья и сопутствующий ей эдипов комплекс являются изобретениями неолита. Это ответ на «сельскохозяйственную революцию» вкупе с присущим ей голодом и социальной иерархией. Палеолитическая модель в одно и то же время и более первобытна и более радикальна: стая²³⁸. Типичная кочевая или полукочевая стая охотников-собирателей состоит примерно из 50 человек. В более крупных племенных обществах стайная структура сохраняется благодаря кланам, товариществам, тайным обществам, охотничьим и военным братствам, женским/мужским обществам, «детским республикам» и т. д. Нуклеарная семья является результатом постоянной нехватки (и потому ее результат — скарედность), в то время как стая — результат изобилия, ее жизнь — это расточительство. Семья закрыта как генетически, так и социально: из-за власти мужчины над женщиной и детьми, из-за иерархической структуры аграрного или индустриального общества. Стая открыта, не для каждого, разумеется, а для духовно и телесно близких, инициатов, принесших клятву любви. Стая не является частью более крупной иерархической единицы. Скорее она субъект расширенного родства, фрагмент горизонтального узора, объединенного договорами, союзами, склонностями и т. п. (Общество американских индейцев даже сегодня сохраняет некоторые черты этой структуры.)

В нашем собственном постзрелищном обществе чистой Симуляции есть много сил, которые работают, по большей части оставаясь невидимыми, над постепенным изменением нуклеарной семьи и возвращением стаи. Полочки в структуре Труда отзываются на расколотой «стабильности» дома-ячейки и семьи-ячейки. Какая-то «стая» сегодня может включать друзей, бывших супругов и любовников, людей, встречающихся на различных работах, постоянных собеседников, членов групп по интересам, по переписке и т. д. Нуклеарная семья все с большей очевидностью становится ловушкой, выгребной ямой культуры, точкой коллапса, случайного судорожного соединения делящихся атомов. И

238 В оригинале band, однако «банда» в сознании жителя России неразрывно связана с «бандитизмом». С точки зрения отечественной школы «истории первобытного общества» (исторической антропологии) следовало бы сказать «первобытное человеческое стадо», однако «стадо» справедливо представляется нам собранием тупых и послушных жвачных животных и больше подходит для характеристики обывателя. В то же время объединение хищников — стая, ассоциируется (благодаря Кипплингу, например) с чем-то благородным, автономным и мобильным.

очевидно, что контрстратегия возникает спонтанно в ходе почти неосознаваемого открытия заново более архаичных и в то же время более постиндустриальных возможностей, предоставляемых стаей.

ВАЗ как праздник. Стивен Перл Эндрюс однажды предложил в качестве своего видения анархического общества вечеринку, когда все властные структуры растворяются в празднике... Мы должны также вспомнить здесь Фурье и его концепцию телесных ощущений (или их отсутствие) как базиса общественных приличий — «обнюхивание» и «гастрософию», оду, пропетую презренным (с точки зрения массового общества) запаху и вкусу²³⁹. Античная идея юбилея и сатурналий происходит из своего рода предчувствия некоторых событий, лежащих за пределами «профанного времени», ломающих штангенциркуль Государства и Истории. Эти праздники в буквальном смысле закрывают собой дыры — добавочные високосные дни. В Средневековье около трети года было отдано праздникам. Возможно, что бунты против реформы календаря были связаны не столько с «одинадцатью потерянными днями», сколько с ощущением того, что имперские ученые сговорились закрыть эти зазоры в календаре, в которых еще жили народные свободы — предчувствие своего рода государственного переворота, покушения на само время, превращения органического космоса в механический универсум. Убийство праздника.

Участники восстания неизменно отмечают его праздничные аспекты, даже находясь в гуще вооруженной борьбы, опасности, риска.

Восстание — это праздник сатурналий, который выскользнул из своей календарной щели (или его заставили оттуда выбраться) и теперь несет освобождение всем вокруг. Он свободен от времени и пространства, но, тем не менее, тяготеет к оформленным событиям и связан с магией места. Наука психотопологии помогает обнаружить «потoki силы» и «места с особой энергетикой» (если заимствовать оккультные метафоры), которые локализуют ВАЗ в пространстве-времени или, по крайней мере, помогают определить ее отношение к конкретным месту и времени.

Реклама приглашает нас «отпраздновать незабываемые моменты жизни», иллюзорно унифицируя потребление и спектакль, отправиться в небытие голой репрезентации. Наш ответ этому бесстыдству, с одной стороны, отказной список (составленный ситуационистами, Джоном Зерзаном, Бобом Блэком и др.), а с другой — возрождение праздничной культуры, далекой или даже спрятанной от новоявленных менеджеров нашего досуга. «Сражайтесь за право на вечеринку» — это вовсе не пародия на радикальную борьбу, а новый ее манифест, приспособленный к эпохе, которая предлагает ТВ и телефоны в качестве способа «дотянуться и дотронуться» до другого человека, способа «быть там»!

Перл Эндрюс был прав: вечеринка — это уже «зародыш нового общества, растущий внутри старой оболочки» (так гласит Преамбула ИРМ²⁴⁰). «Собрание племен» в стиле 1960-х годов, лесные конклавы эко-саботажников, идилический Белтэйн неоязычников, анархистские конференции, волшебные хороводы геев... Вечеринки в Гарлеме 1920-х годов, ночные клубы, банкеты, либертарианские пикники старого времени — мы должны признать, что все это уже своего рода «свободные зоны» или, по крайней мере, потенциальные ВАЗ. Они могут быть открытыми только для нескольких друзей, как званые вечерники, или для тысяч участников, как тусовки хиппи, — все равно: вечеринка всегда «открыта», потому что она не «упорядочена»; она может быть спланирована, но если она не «случается», это провал. Элемент спонтанности играет ключевую роль.

239 Подобное утверждение может показаться странным, поскольку современное массовое общество как раз безразлично к запаху и вкусу. Однако во времена Фурье отношение буржуазии было именно таково: «приличный человек не должен ничем пахнуть». К XX веку это правило эволюционировало: «приличный человек не должен пахнуть потом», — и реализуется посредством антиперспирантов.

240 ИРМ — «Индустриальные рабочие мира», радикальная рабочая организация начала XX века, ратовавшая за объединение пролетариата во всемирный профсоюз.

В чем сущность вечеринок? Главное, что люди встречаются лицом к лицу, они соединяют свои усилия, для того чтобы реализовать мечты друг друга, страсть к хорошей пище и веселью, танцам, беседам, искусству жизни. Может быть, они стремятся к эротическим удовольствиям, или совместно создают произведение искусства, или просто наслаждаются самим моментом счастья, будучи «союзом эгоистов» (как называл это Штирнер) в его самой простой форме. Если пользоваться терминологией Кропоткина, можно сказать, что они удовлетворяют первичную биологическую потребность во «взаимопомощи». (Также здесь можно упомянуть батаевскую «экономику траты» и его теорию культуры потлача²⁴¹.)

В определении контуров реальности ВАЗ жизненно важной является концепция «психического номадизма»²⁴² (или, как мы шутя называем ее, концепция «беспочвенного космополитизма»). Аспекты этого феномена обсуждались в работе «Номадология: машина войны» Делёза и Гватари, в «Смещении» Лиотара [и Ван Ден Эббеле] и в статьях авторов в сборнике «Оазис», вышедшем в серии «Semiotext(e)». Мы используем термин «психический номадизм», вместо таких аналогичных терминов, как «городской номадизм», «номадология», «смещение» и т. д., просто для того, чтобы соединить эти концепции в единое целое, дабы затем изучить это целое с точки зрения становления ВАЗ.

«Смерть Бога», лишив «европейский» проект единого центра, открыла плюралистический, постидеологический взгляд на мир. Стало возможным «беспочвенно» переходить от философии к племенному мифу, от физики к даосизму, в первый раз стало возможным смотреть на мир глазами какой-нибудь златоглазой стрекозы, каждая фасетка которых отражает свой мир, не похожий на другие.

Но такое видение было получено дорогой ценой: мы живем в эпоху, где скорость и «товарный фетишизм» создали тираническое, фальшивое единство, прикрывающее культурное разнообразие и индивидуальность. Ныне «любое место не хуже любого другого». Этот парадокс порождает «цыган», психических путешественников, подгоняемых желанием или любопытством, скитальцев с незначительной степенью лояльности (в действительности нелояльных «европейскому проекту», который потерял все свое обаяние и жизненность), не связанных каким-то одним временем и пространством, находящихся в постоянном поиске разнообразия и приключений... Это описание включает в себя не только второсортных художников и интеллектуалов, но и сезонных рабочих, беженцев, «бездомных», туристов, семей, путешествующих в домах на колесах, людей, которые «путешествуют» в Сети, хотя могут вообще никогда не покидать своей квартиры (или людей вроде Торо, которые «много путешествовали — в пределах Конкорда, разумеется»). Это описание может относиться к каждому из нас и ко всем нам, с нашими автомобилями, отпусками, телевизорами, книгами, фильмами, телефонами, меняющих работы, «стили жизни», религии, диеты и т. д.

Психический номадизм — это тактика, это то, что Делёз и Гватари метафорически назвали «машиной войны». Это тактика парадоксального сдвига из пассивного в активную и, может быть, даже «насильственную» фазу существования. Последние спазмы и предсмертные хрипы умирающего «Бога» длились слишком долго — в формах Капитализма, Фашизма и Коммунизма, к примеру, — так что до сих пор есть огромное поле для «творческого разрушения», учиняемого постбакунинскими, постницшеанскими командос или апачами, то есть врагами («апачи» буквально значит «враги») старого Консенсуса. Эти кочевники практикуют раззью²⁴³, они — корсары, они — вирусы; им просто необходимы

241 Потлач — распространенная у североамериканских индейцев специфическая форма экономического обмена, реализующего посредством одаривания гостей с явным (или неявным) предположением взаимного дара. Потлач отличается от обычного подарка избыточностью, доходящей до нанесения реального экономического урона племени.

242 Номады — кочевники.

243 Раззья {араб.} — полупиратский военный набег.

ВАЗ, лагерь черных палаток под звездным небом, интерзоны²⁴⁴, укрытые от чужих глаз, укрепленные оазисы и тайные караванные тропы, «освобожденные» участки джунглей и каменистых пустынь, секретные области, черные рынки и подпольные базары.

Эти кочевники чертят свои тропы среди странных звезд, которые могут быть светящимися кластерами данных в киберпространстве или галлюцинациями. Начерти карту территории. Поверх нее — карту политических перемен. Поверх той — карту Сети, особенно контр-Сети, где главное — скрытые информационные потоки и их пути. И наконец, поверх всего — в масштабе 1:1 — карту творческих сил воображения, эстетики, ценностей. И вот эта сеть оживает, приходит в движение благодаря неожиданным водоворотам и фонтанам энергии, коагуляциям света, секретным туннелям, сюрпризам.

Сеть и Паутина

Следующий фактор, относящийся к ВАЗ, настолько обширен и неоднозначен, что потребовал для себя отдельного раздела.

Мы говорили о Сети, которую можно определить как совокупность информации и ее передачи. Совершение некоторых из актов передачи разрешены и ограничены различными элитами, что придает Сети иерархический аспект. Прочие связи и действия открыты для всех, так что Сеть обладает и горизонтальным, или неиерархическим, характером. Доступ к военной информации или разведанным закрыт, закрыта информация по банковским вкладам, валютам и т. п. Но по большей части телефония, почта, общественные банки данных доступны для всех и каждого. Поэтому внутри Сети развилась теневая контр-Сеть, которую мы будем называть Паутиной (как если бы Сеть была рыбацкой сетью, а Паутина была бы протянута в ее разрывах и промежутках). Обычно мы будем использовать термин Паутина, имея в виду дополнительную горизонтальную открытую структуру информационного обмена, неиерархическую сеть, а термин контр-Сеть — для того, чтобы обозначить скрытое нелегальное и повстанческое использование Паутины, включая такие действия, как информационное пиратство и прочие способы присосаться к Сети. Сеть, Паутина и контр-Сеть — это части одного запутанного комплекса: они проникают друг в друга в неисчислимом количестве точек. Эти термины не определяют отдельные области, а указывают на тенденции.

(Лирическое отступление. Перед тем как обвинить Паутину и контр-Сеть в «паразитизме», который никогда не может быть подлинно революционной силой, спросите себя, что «производится» в Эпоху Симуляции. И что такое сегодня «класс производителей»? По всей видимости, вам придется признать, что эти термины потеряли всякий смысл. В любом случае, ответы на эти вопросы настолько сложны, что в концепции ВАЗ они совершенно игнорируются. Вместо этого мы говорим: используйте все, что плохо лежит. «Наша природа — культура», а мы — сороки-воровки, охотники-собиратели в мире компьютерных технологий.)

Существующие сегодня формы неофициальной Сети все еще, как нетрудно видеть, довольно примитивны: маргинальные периодические издания, электронные доски объявлений, пиратские программы, хакерство, телефонное мошенничество, некоторое влияние на печать и радио, практически никакого влияния на большие медиа — ни тебе телестанций, ни спутников, ни оптоволокон, ни кабельного телевидения и т. п. Тем не менее сама Сеть представляет собой сложный узор меняющихся и эволюционирующих отношений между субъектами («пользователями») и объектами («данными»). Природа этих отношений была исчерпывающим образом исследована различными авторами — от Маклюэна до

244 Интерзона — термин из романа Берроуза «Гольый завтрак», герой которого попадает в нее, будучи инспирирован так называемым «черным мясом» — сильнодействующим наркотиком, вырабатываемым из мяса «гигантских морских многоножек».

Вирилио. Сотни страниц заняло у них «доказательство» того, что теперь «знает каждый». Вместо того чтобы пересказывать их, я задамся вопросом о том, какие возможности для воплощения ВАЗ предоставляют эти эволюционирующие отношения.

ВАЗ занимает проходящее, но конкретное место в пространстве-времени. Однако ясно, что она должна также занимать «место» в Паутине, хотя это место совсем иного рода, не актуальное, а виртуальное, не непосредственное, но с возможностью мгновенного доступа. Паутина не только обеспечивает логистическую поддержку ВАЗ, она также помогает ей возникнуть. Грубо говоря, ВАЗ «существует» в информационном пространстве, как она существует в «настоящем мире». Паутина может объединить и упаковать большой объем времени и пространства в виде данных, при этом «объем» полученных данных будет приближаться к нулю. Мы уже отметили, что ВАЗ, поскольку она временная, обязательно будет недоставать некоторых свобод, связанных с устойчивостью и более или менее зафиксированным положением в пространстве. Но Паутина может обеспечить своего рода замену, по крайней мере частичную, этой устойчивости. Она может снабжать ВАЗ информацией с момента ее появления, снабжать большими объемами сжатого пространства-времени, которое было подвергнуто «возгонке» и превращено в данные.

В связи с эволюцией Паутины мы должны четко понимать, учитывая наше требование быть с другими «лицом к лицу» и потребность в чувственных отношениях, что Паутина — это система поддержки, которая способна переносить информацию от одной ВАЗ к другой, защищать ВАЗ и делать невидимой или демонстрировать ее «оскал», как того потребует ситуация. И даже больше: если ВАЗ — это лагерь кочевников, то Паутина помогает хранить эпос, песни, генеалогии и легенды этого племени, хранит карты тайных караванных троп и схемы набегов — потоки племенной экономики. Она даже содержит некоторые из этих троп в «свернутом виде», некоторые из снов, которые видят погонщики, зашифрованные в знаках и предзнаменованиях.

Паутина не нуждается в компьютерах для своего существования. Устная речь, бумажная почта, маргинальные сетевые журналы, «телефонные деревья» и так подходят для создания информационной паутины. Самое главное — это не уровень технической оснащенности, а открытость и горизонтальность структуры. Тем не менее сама концепция Сети подразумевает использование компьютеров. Научно-фантастический образ Сети — это киберпространство (как в «Троне» или «Нейроманте»²⁴⁵) и связанные с ним псевдотелепатические свойства «виртуальной реальности». Как поклонник киберпанка, я ничем не могу помочь, но если без шуток, то именно «взлом реальности» играет главную роль в создании ВАЗ. Вслед за Гибсоном и Стерлингом я утверждаю, что официальная Сеть никогда не сможет положить конец существованию Паутины и контр-Сети — компьютерному пиратству, неавторизованной передаче данных... Свободное течение информации не может быть заморожено. (Теория хаоса, как я ее понимаю, утверждает, что существование системы тотального контроля невозможно в принципе.)

Тем не менее, если оставить в стороне все спекуляции относительно будущего, мы окажемся перед серьезным вопросом о сущности Паутины и используемой в ней техники. Высшая цель ВАЗ — избежать опосредования, для того чтобы получить опыт непосредственного переживания бытия. Сама сущность ее может быть выражена суфийским термином «грудью к груди», или, как говорим мы, лицом к лицу. Но! Сама сущность Паутины — это медиация, посредничество. Машины — это наши посланники, в частности тело сводится к терминалу в зловещем смысле этого слова²⁴⁶.

245 «Трон» — художественный фильм (1982) с элементами компьютерной графики, где метафора киберпространства истолкована буквально. «Нейромант» — культовый киберпанковский роман Уильяма Гибсона (1984), который, собственно, и придумал термин «киберпространство».

246 Terminal {англ.} — букв. «окончательный».

ВАЗ может определить собственную позицию, возвысившись над двумя противоположными точками зрения на Хай-Тек и Сеть как его апофеоз: (1) точкой зрения тех, кого мы можем назвать консервативными радикальными анархистами, сторонниками неопалеолитической постситуационистской и «ультразеленой» позиции, которые полуддистски протестуют против опосредования и Сети; и (2) киберпанковских утопистов, футуролибертарианцев, Хакеров Реальности и их союзников, которые видят Сеть как ступень в естественной эволюции человечества и полагают, что все возможные неприятные эффекты опосредования могут быть преодолены, по крайней мере, когда мы освободим эти новые средства производства от их бывших хозяев.

ВАЗ согласна с хакерами, потому что хочет воплотиться также и посредством Сети (да, даже посредством, опосредованно). Но она согласна и с зелеными, потому что обладает острым чувством себя как тела и испытывает отвращение к кибергнозису, к попытке превзойти тело через умирание и последующее призрачное бытие симуляции. В свете ВАЗ дихотомия технологии и ее противоположности выглядит надуманной, как, впрочем, и вообще все дихотомии, которые есть не что иное, как фальсификации или даже галлюцинации, порожденные семантикой. ВАЗ хочет существовать в этом мире, а не в идее иного мира, не в некоем мире визионера, где царит опасная и ложная унификация (все зеленое либо все металлическое). Подобные миры — это всего лишь стая журавлей в небе (как говорила кэрролловская Алиса, «вчерашнее варенье или завтрашнее, но только не сегодняшнее»).

ВАЗ «утопична» в том смысле, что она максимальное воплощение и интенсификация повседневной жизни, или, как могли бы сказать сюрреалисты, это проникновение Чудесного в жизнь. Но она не может быть утопией в буквальном смысле этого слова, быть нигде, «местом, которого нет». ВАЗ находится где-то. Она располагается на пересечении множества сил, как какое-нибудь языческое «место силы», лежащее на перекрестке таинственных линий, находимых адептом по вроде бы ничего не значащим особенностям почвы, ландшафта, потокам ветра, воды, миграциям животных. Просто сегодня не все линии проходят через время и пространство. Некоторые из них существуют только «внутри» Паутины, даже если они и пересекаются с реальным пространством-временем. Некоторые из этих линий «необычны» в том смысле, что не существует терминов, в которых мы могли бы описать их существование. Эти линии лучше изучать в свете теории хаоса, чем в рамках социологии, статистики, экономики и т. д. Переплетение силовых линий, в котором воплощается ВАЗ, чем-то похоже на хаотические «странные аттракторы», которые, как говорят, существуют между измерениями.

ВАЗ по самой своей природе использует любые подходящие средства для того, чтобы реализовать саму себя, в пещере ли или в Космограде в пятой точке Лагранжа. И там и там она стремится жить — сейчас или как можно раньше, какой бы подозрительной и обветшавшей ни казалась бы ее форма. Она возникает спонтанно, без всякой связи с идеологией или даже с антиидеологией. Она использует компьютеры, потому что компьютер тоже существует, но она прибегает и к силам, которые настолько далеки от отчуждения или симуляции, что гарантируют ВАЗ известную степень психического палеолитизма, примордиально-шаманского духа, который «заражает» собой даже Сеть (в этом для меня и заключается подлинный смысл киберпанка). Поскольку ВАЗ — это интенсификация, избыточность, излишек, потлач, жизнь, отданная жизни, а не одному только выживанию (сопливый пароль 1980-х), она не может ограничиваться рамками только Технологии или только Антитехнологией. Она противоречит сама себе как истинные ненавистники домовых, потому что она хочет быть — любой ценой, ценой «совершенства», ценой громоздкости результата.

Множество Мандельброта и его компьютерная графическая модель дают нам наглядное представление о фрактальной вселенной — карты внутри карт внутри карт и т. д., пока хватает вычислительной мощности. Зачем она, эта карта, которая, по сути, стремится к

однозначному соответствию фрактальному измерению? Что с ней делать, если не восхищаться ее психоделической эlegantностью?

Если мы вообразим карту информации — картографическую проекцию Сети во всей ее целостности, нам придется включить в нее все свойства хаоса, который уже стал проявляться, например, в параллельной обработке данных, телекоммуникациях, системах электронных платежей, вирусах, хакерских атаках и т. д.

Топографическое представление каждой из этих «областей» хаоса напоминает множество Мандельброта — те же «полуострова», внедренные в карту, спрятанные в карте вплоть до иллюзии «исчезновения». Эти «письмена», часть которых пропущена, часть — написана поверх других таких же, демонстрируют сам процесс компрометации Сети самой себя. Она уже не целостна в самой себе, совершенно не-контролируема. Другими словами, множество Мандельброта или что-то похожее на него, может оказаться полезным в «построении» (во всех смыслах этого слова) контр-Сети, в хаотическом процессе, в процессе «творческой эволюции», как его называл Пригожий. Каждая «катастрофа» в Сети — это силовой узел Паутины, контр-Сети. Сеть разрушается от хаоса, в то время как Паутина процветает благодаря нему.

Посредством ли обыкновенного компьютерного пиратства или через развитие сложных отношений с хаосом хакер Паутины, кибернетик ВАЗ найдут способы извлечь пользу из пертурбаций, аварий и дыр в Сети (способы делать информацию из «энтропии»). Бриколер²⁴⁷, старьевщик, падальщик, собиратель информационных черепков, контрабандист, шантажист, может быть, даже кибертеррорист — какой бы облик ни принял хакер от ВАЗ, он будет работать на эволюцию скрытых фрактальных соединений. Эти соединения и разнообразная информация, которая циркулирует по ним, сформируют «места силы» для появления ВАЗ собственной персоной. Это похоже на кражу электричества у монополии, для того чтобы осветить заброшенный дом, занятый сквоттерами.

Поэтому Паутина будет паразитировать на Сети для того, чтобы создавать ситуации, благоприятствующие появлению ВАЗ. Но мы можем думать об этой стратегии и как о попытке, направленной на конструирование альтернативной и автономной Сети, «свободной» и непаразитической, Сети, которая послужит базисом для «нового общества, возникающего из скорлупы старого». Контр-Сеть и ВАЗ, говоря практическим языком, могут рассматриваться как высшие цели, но теоретически на них можно смотреть как на формы борьбы за создание иной реальности.

Проговорив все это, мы все же должны развеять некоторые сомнения по поводу пользы компьютеров, ответить на некоторые вопросы, особенно о Персональном Компьютере.

Компьютерные сети, электронные доски объявлений и прочие упражнения в электронной демократии до сих пор большей частью были разновидностью хобби. Многие анархисты и либертарианцы имели глубокую веру в ПК как в орудие освобождения и самоосвобождения, но они не достигли видимых целей, никакой осязаемой свободы.

Меня почти не волнует появление гипотетического класса индивидуальных предпринимателей, обрабатывающих данные и текст как фрилансеры, которые вскоре могут работать прямо в своих коттеджах над участком какого-нибудь дерьмового корпоративного или бюрократического проекта. Более того, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы предвидеть нижнюю часть этого класса — разновидность люмпен-яппитариата: домохозяек, например, которые обеспечивают свои семьи «вторичными доходами», превращая свои дома в электронные потогонные конвейеры, маленькие тирании Труда, где в роли «босса» выступает компьютерная сеть.

Кроме того, я не впечатлен той информацией и тем сервисом, которые предлагают современные «радикальные» сети. Где-то там, говорят, существует «информационная

247 Бриколер — тот, кто собирает различные предметы с целью спонтанного создания из них чего-то нового и причудливого (фр. слово «бриколаж», пришедшего из игры в бильярд, активно использовал Кло Леви-Стросс для описания процесса порождения мифов).

экономика». Может быть, итак, но информация, которой торгуют на «альтернативных» досках объявлений состоит целиком из дерьмовых чатов и технотрепа. Это, что ли, экономика? Или это всего лишь способ убить время для энтузиастов? Хорошо, ПК вызвали еще одну «книгопечатную революцию» — очень хорошо. Развиваются маргинальные сети — тоже хорошо. Я теперь могу заказать телефонный разговор с шестью абонентами одновременно. Но какие изменения все это вызвало в моей повседневной жизни?

Честно говоря, у меня уже и так достаточно данных, обогащающих мое восприятие благодаря книгам, фильмам, ТВ, театру, телефону, почтовой службе США, измененным состояниям сознания и т. д. Нужен ли мне в самом деле ПК для того, чтобы получить еще больше таких данных? Вы предлагаете мне секретные сведения? Ну... возможно, я заинтригован — но мне нужны изумительные тайны, а не просто нигде не указанные номера телефонов или полицейская и политическая чушь. Я хочу, чтобы компьютеры снабжали меня информацией, связанной с реальными благами — «всем тем хорошим, что только есть в жизни», как говорится в Преамбуле ИРМ. И поскольку я обвиняю здесь хакеров и сисопов в распространении раздражающей интеллектуальной ерунды, я спущусь с барочных облаков Теории и Критики и объясню, что я подразумеваю под «реальными благами».

Начну с того, что равно из политических и личных соображений я желаю хорошей пищи, лучшей, чем та, которую я получаю от Капитализма, — пищи без примесей, обладающую сильным естественным запахом. Для того чтобы усложнить игру, вообразите, что пища, которой я взалкал, нелегальна — например, парное молоко²⁴⁸ или изысканный кубинский мамей²⁴⁹, ввоз которого в сыром виде в США запрещен, потому что его семена галлюциногенны (так мне, по крайней мере, говорили). Ладно, я не фермер. Давайте представим, что я импортер редкой парфюмерии и афродизиаков и большая часть моих припасов также нелегальна. Или я хочу всего лишь торговать услугами по обработке текстов для выращивания репы, но отказываюсь сообщать о сделках в налоговую службу (какого требует закон, хотите верьте, хотите нет). Или, может быть, я хочу встречаться с другими людьми для добровольных, но нелегальных взаимных удовольствий (так уже пытались делать, но на все электронные доски объявлений, посвященные крутому сексу, был произведен наезд — какой же, спрашиваю я вас, прок от подполья с такой вшивой безопасностью?). В конце концов, допустим на минуту, что я призрак, живущий в машине, питающийся только информацией. Если верить вам, компьютеры уже способны облегчить удовлетворение моих потребностей в пище, наркотиках, сексе и уклонении от налогов. Так в чем же дело? Почему этого не происходит?

ВАЗ возникали, возникают и будут возникать с участием или без всякого участия компьютеров. Но, для того чтобы ВАР реализовала весь свой потенциал, процесс ее существования должен меньше напоминать самопроизвольное горение и больше — жизнь «островов в Сети». Сеть, или, скорее, контр-Сеть, берет на себя работу по интеграции ВАР, она является тем самым дополнением, которое умножает ее потенциал, позволяет ей совершить «квантовый скачок» (интересно, почему это выражение стало означать «большой прыжок»?) на следующий уровень сложности и значимости. ВАР должна с этого момента существовать в мире чистого пространства, в чувственном мире. Существовая на грани, едва уловимая, ВАР должна соединять информацию и желание, для того чтобы быть приключением («хэппенинг»), для того чтобы заполнить собой пространство своей судьбы, пропитать самое себя своим собственным становлением.

248 1 см³ парного молока от здоровой коровы содержит до 3 млрд бактерий (в основном полезных). Этого ужасающего для пуританского сознания факта, наряду с соображениями экономической политики, видимо, оказалось достаточно, чтобы правительство США запретило всякую торговлю молоком без предварительной пастеризации в промышленных условиях.

249 Мамей (*Pouteria sapota*) — фрукт с красной плотной кожицей и оранжево-красноватой мякотью, напоминает по вкусу сладкий картофель и используется скорее как овощ, чем фрукт, его добавляют в супы, салаты (в том числе фруктовые) и десерты.

Возможно, представители Неопалеолитической Школы правы, когда утверждают, что все формы отчуждения и опосредования должны быть уничтожены для того, чтобы наши цели могли быть достигнуты, или, может быть, анархия достижима лишь в открытом космосе, как считают некоторые футуролибертарианцы. Но ВАЗ стремится не связываться с «было» или «будет». ВАЗ заинтересована в результатах, в успешных набегах на общепринятую реальность, в прорывах к более интенсивной и изобильной жизни. Если компьютер нельзя использовать в этом проекте, тогда мы перешагнем через компьютер. Моя интуиция, между тем, подсказывает мне, что контр-Сеть уже появляется, может быть, уже существует — но я не могу доказать это. Я основывал свою теорию ВАЗ в значительной степени именно на интуиции. Конечно, Паутина включает в себя некомпьютерные формы сетевой работы, такие как самиздат, черный рынок и т. д., — но желание работать со всем потенциалом неиерархической информации логически приводит нас к компьютеру как к идеальному инструменту. Итак, я жду, когда хакеры докажут, что я прав, что моя интуиция меня не подвела. Ну, где моя репа?

«Ушли к Кроатанам»

У нас нет желания как-то определять ВАЗ или вырабатывать догмы, касающиеся способов их создания. Вместо этого мы говорим: ВАЗ уже создавались, будут создаваться и создаются сейчас. Тем не менее весьма важно и интересно взглянуть на прошлое и настоящее какой-нибудь ВАЗ и поразмышлять о действиях, которые следует предпринять в недалеком будущем. Для этого мы вспомним несколько типичных примеров и, таким образом, сможем охватить весь комплекс в целом и, возможно, даже усмотреть некий «архетип». Вместо того чтобы прибегнуть к энциклопедизму, мы воспользуемся техникой моментальной фотографии, составим из наших снимков мозаику. А начнем мы, скажем... с XVI и XVII веков, с первых поселений в Новом Свете.

Открытие «нового» мира первоначально мыслилось как оккультная операция. Придворный маг Джон Ди, духовный советник Елизаветы I, по всей видимости, изобрел концепцию «магического империализма» и заразил своими идеями целое поколение. Хэлкют и Рэли²⁵⁰ попали под действие этого заклинания, и Рэли употреблял свои связи с так называемой «Школой ночи» — группой выдающихся мыслителей, аристократов и адептов — для продвижения в таких начинаниях, как исследование новых территорий, колонизация и картография. Шекспировская «Буря» явилась своего рода пропагандистской брошюрой новой идеологии, а колония в Роаноке была первым практическим экспериментом в этой области.

Алхимический символизм Нового Света связывался с концепцией первоматерии, гиле, с «царством Природы», невинностью и всемогуществом («Virginia»), хаосом или дикостью, каковую материю адепт должен был превратить в «золото», то есть как в собственное духовное совершенство, так и в материальное изобилие. Но в то же время это алхимическое видение до некоторой степени питалось и преклонением перед дикостью, тайной симпатией к ней, чувством восхищения перед ее безобразием. Фигура «индейца» оказалась в фокусе подобных настроений: «Человек» в природном состоянии, неиспорченный «правлением». Калибан²⁵¹, Дикий Человек, подобно вирусу распространялся в чреве машины Оккультного

250 Видимо, опечатка, и автор имел в виду Хэклота. Ричард Хэклот (1552?—1616), английский географ и историк географических открытий, собиратель и публикатор рассказов мореплавателей, пропагандист английской колонизации Северной Америки, автор знаменитого трехтомного труда «Важнейшие мореплавания, путешествия, торговые дела и открытия Английского Государства» (1598—1600); названное в его честь Hakluyt Society (осн. 1846) до сих пор занимается публикацией материалов о ранней истории географических открытий. Сэр Уолтер Рэли (1554—1618) — бретер, писатель, вице-адмирал, путешественник: один из основателей английских колоний в Северной Америке в Виргинии, организатор многочисленных экспедиций, в том числе в поисках Эльдорадо.

251 Калибан — дикарь, персонаж «Бури» Шекспира.

Империализма; лес/зверь/дикарь с самого начала были наделены магической силой своего юродства. С одной стороны, Калибан уродлив, а Природа — это «ужасная дикость», с другой — Калибан благороден и ничем не скован, а Природа — Эдемский сад. Этот дуализм, свойственный европейскому сознанию, появился до того, как романтизм и классицизм вступили в свой спор. Он укоренен в Высокой Магии эпохи Возрождения. Открытие Америки (Эльдорадо, Источник Вечной Молодости) кристаллизовало этот эликсир, и в осадок выпали практические схемы колонизации.

В начальной школе всем нам говорили, что первые поселенцы в Роаноке потерпели неудачу. Колонисты исчезли, оставив лишь загадочную записку: «Ушли к кроатанам». Впоследствии на сообщения о «сероглазых индейцах» смотрели как на легенды. Учебник намекает, что индейцы перебили беззащитных поселенцев. Но «Кроа-тан» — совсем не мифическое Эльдорадо: так действительно называлось соседнее племя дружественных индейцев. Несомненно, поселенцы просто перебрались с побережья в Великое Мрачное Болото и смешались с племенем. И сероглазые индейцы существовали на самом деле — они есть и сейчас, и они продолжают называть себя кроатанами.

Итак, самая первая колония Нового Света предпочла разорвать договор с Просперо²⁵² (Ди/Рэли/Империя) и уйти с Калибаном к Дикарям. Они выбыли из состязания, из сражения с Природой. Они стали «индейцами», «туземцами», хаос предпочли ужасной службе плутократам и интеллектуалам Лондона.

Когда там, где была «Земля Черепахи», воцарилась Америка, кроатаны осталось в ее соборной душе. За пределами фронта люди все еще по преимуществу жили в царстве Природы (а не Государства), и в их сознании постоянно таилась возможность одичания, искушение покончить с Церковью, фермерством, грамотностью, налогами — короче, всем бременем белого человека — и, так или иначе, «уйти к кроатанам». Более того, когда Английская революция сначала была предана Кромвелем, а затем задушена в ходе реставрации Стюартов, волны протестантских радикалов добровольно или поневоле потекли в Новый Свет (который отныне стал тюрьмой, местом ссылки). Антиномианцы, фэмилисты, разбойные квакеры, левеллеры, диггеры и ран-теры попали под оккультную тень Дикости и бросились в ее объятия.

Энн Хатчинсон и ее друзья — самые известные (то есть принадлежащие к самому высшему классу) из антиномианцев²⁵³ имели несчастье попасться на удочку колониальной политики Побережья, но совершенно ясно, что существовало и радикальное крыло движения. Те случаи, которые упоминает Готорн²⁵⁴ в своем «Майском дереве на Лысой горе», абсолютно исторически достоверны. Похоже, что экстремисты решили сообща низложить христианство и обратиться в язычество. Если бы они преуспели в объединении со своими индейскими союзниками, в результате могла бы возникнуть синкретическая антиномиано-кельтско-алгонкинская религия, нечто вроде североамериканской Сантерии²⁵⁵ в XVII веке.

Сектанты почувствовали себя гораздо лучше и просто расцвели там, где власть функционировала спустя рукава и погрязла в коррупции — на Карибских островах, где столкновение интересов соперничавших европейских держав привело к тому, что многие

252 Просперо — персонаж «Бури» Шекспира, воплощающий цивилизаторский дух.

253 Антиномианство отвергает закон как таковой: как утверждают его сторонники, христиане не под законом, а под божественной благодатью.

254 Натаниэль Готорн (1804—1864) — американский писатель, автор романа «Алая буква».

255 Сантерия — афро-американская синкретическая секта католического толка. Первые общины сантерия появились в середине XIX века на Кубе в результате слияния католицизма с традиционными верованиями йоруба. Верование сантерия основано на Библии и африканских устных преданиях, и в нем сложно переплетены христианские представления и политеизм. Принадлежность к католической церкви является необходимым условием вступления в секту.

острова не были заселены, а на некоторые даже никто не предъявил права. Барбадос и Ямайка, в частности, должны были привлекать экстремистов, и я верю, что левеллеры и рантеры внесли свою лепту в создание буканьерской «утопии» на Тортуге. Здесь впервые благодаря Эсквемелину²⁵⁶ мы можем изучить удачный прототип ВАЗ, существовавший в Новом Свете, чуть более глубоко. Спасаясь от отвратительных «достижений» империализма, таких как рабство, крепостное право, расизм, нетерпимость, от насильственной военной службы и плантаций, где человек гнил заживо, буканьеры пошли по стопам индейцев: женились на местных женщинах, считали негров и испанцев равными себе, не признавали национальностей, избирали своих капитанов демократическим голосованием и обращались к «царству Природы». Провозгласив себя в состоянии «войны со всем миром», они отправлялись пиратствовать, объединяясь вокруг контрактов, называемых «статьями», которые были настолько эгалитарны, что гарантировали капитану лишь на четверть или на половину больше той доли, которую получал каждый член команды. Телесные наказания были запрещены — ссоры улаживались общим голосованием или в рамках дуэльного кодекса.

Совершенно неверно считать пиратов такими морскими разбойниками с большой дороги или даже провозвестниками капитализма, как это делали некоторые историки. Пираты были, по сути, «социальными бандитами», хотя ядра подобных сообществ являлись не традиционными крестьянскими общинами, а «утопиями», созданными *ex nihilo in terra incognita*, анклавом полной свободы, захватившей белые пятна на карте. После падения Тортуги буканьерский идеал продолжал жить на протяжении всего «Золотого века» пиратства (примерно 1660—1720 гг.) и породил, к примеру, поселения в Белизе, основанные буканьерами. Затем действие перенеслось на Мадагаскар — остров, который все еще не был занят ни одной империей и состоял из карликовых туземных «королевств», возглавляемых вождями племен, которые были рады пойти на союз с пиратами. Там Пиратская Утопия достигла своей высшей формы.

Как полагают некоторые историки, повествование Даниэля Дефо о капитане Миссьоне и основанной им Либерталии, могло быть литературной «уткой», созданной для пропаганды теорий радикального крыла вигов.²⁵⁷ Однако эта история была включена во «Всеобщую историю пиратов» (1724—1728), большая часть которой до сих пор рассматривается как достоверный и точный источник. Более того, история капитана Миссьона не была опровергнута в те времена, когда книга впервые появилась и были еще живы многие матросы мадагаскарской пиратской флотилии. Они, похоже, верили всей этой истории и, без всякого сомнения, именно потому, что своими глазами видели пиратские анклавы, очень похожие на Либерталию. А в нее, замечу, освобожденные рабы, туземцы и даже традиционные враги, такие как португальцы, приглашались на равных. (Захват кораблей работоторговцев с последующим освобождением рабов был основным занятием пиратов.) Землей владели сообща, представители избирались на короткие сроки, добыча делилась поровну; проповедь свободы заходила гораздо дальше, даже дальше, чем того требовал Здравый Смысл.

Либерталия просуществовала недолго, и Миссьон погиб, защищая ее. Но большинство пиратских утопий с самого начала создавались как временные образования; в действительности, настоящими «республиками» пиратов были их корабли, которые в море управлялись «статьями». Анклавы на побережьях обычно вообще не имели никаких законов.

256 Эсквемелин — врач, мореплаватель и хронист неизвестного происхождения, опубликовавший в 1678 году уникальный труд «Пираты Америки», переведенный на все европейские языки и ставший основным источником по истории пиратства

257 В настоящее время реальное существование Либерталии подтверждено рядом независимых источников, в том числе дипломатической перепиской шведского двора, дважды выходившего на связь с «республикой» и архивными материалами русского двора (Петр I планировал заключить союз с Либерталией, считая ее монархией, и даже снарядил на Мадагаскар секретную эскадру, которая трижды безуспешно пыталась достичь острова).

Последний по времени классический пример — Нассау на Багамах, поселение на побережье, состоящее из хижин и палаток, жители которого отдавались вину, женщинам (и возможно, также и мальчикам, если верить труду Бёрджа «Содомия и пиратство»), песням (пираты чрезвычайно увлекались музыкой и, бывало, даже брали в рейс камерные оркестры). Их торжества закончились в ночь, когда британский флот появился на Багамах. Черная Борода и «Кали-ко Джек» Рекхэм со своей командой пираток перебрались на менее гостеприимные берега и выбрали трудную судьбу, а прочие смиренно приняли королевскую амнистию и поступили на имперскую службу. Но традиции буканьеров возродились как на Мадагаскаре, где пиратские дети-полукровки принялись захватывать туземные королевства, так и на Карибах, где беглые рабы и смешанные банды негров, белых и краснокожих расцвели в горах и глуши под именем «маронов». Маронская община на Ямайке еще пользовалась известной степенью автономии и во многом сохраняла старый уклад, когда Зора Нейл Херстон посетил их в 1920-х годах (см. «Скажи моей лошади»). Мароны Суринама до сих пор исповедуют африканское «язычество».

На протяжении всего XVIII века в Северной Америке возникало множество так называемых «изолированных трехрасовых общин». Этот клинический термин был придуман Евгеническим движением, которое провело первые научные исследования этих сообществ. К несчастью, «наука» служила лишь прикрытием для преследования «полукровок» и бедноты, а «решение проблемы» обычно заключалось в принудительной стерилизации. Ядро таких общин неизменно состояло из беглых рабов и крепостных крестьян, «преступников» (то есть нищих), «проститутков» (то есть белых женщин, выбиравших себе в мужа небелых) и членов разнообразных туземных племен. В некоторых случаях, например, как это случилось с индейцами семинола и чероки, традиционная племенная структура вобрала в себя пришельцев; в других случаях образовывались новые племена. Так, мароны Появились на Великих Мрачных Болотах и просуществовали там на протяжении XVIII и XIX веков, принимая в свои ряды беглых рабов, являясь, по сути, железнодорожной станцией американского подполья и служа идеологическим центром, вдохновлявшим восстания рабов. Их религией было Худу — смесь африканских, туземных и христианских элементов, и, если верить историку Х. Лиминг-Бею, старшины этой веры и лидеры маронов Великих Болот именовались Небесное Сияние Седьмого Пальца.

У рамапогов северной части штата Нью-Джерси (их неправильно называют «белыми Джексона») — другая романтическая и архетипическая генеалогия: их предками были освобожденные рабы голландских наемников, разнообразные кланы делаверов и алгонкин, всенепременные «проститутки», «гессенцы» (так называли проигравших наемников британской короны, остатки лоялистов и т. д.) и местные бандиты вроде Клодиуса Смита.

Некоторые из этих групп заявляют о своем исламском происхождении, например так называемые делаверские мавры и бен-исмаэлиты, которые мигрировали из Кентукки в Огайо в середине XVIII века. Исмаэлиты практиковали многоженство, никогда не употребляли спиртного, выступали как бродячие негритянские музыканты, женились на индианках, перенимали их обычаи и были до такой степени кочевниками, что ставили свои дома на колеса. Каждый год они кочевали в треугольнике приграничных городов, носящих такие имена, как Мекка и Медина. В XIX веке некоторые из них стали выразителями анархистских идеалов и мишенью особенно жестоких погромов, предпринятых сторонниками евгеники в рамках негласной программы «спасения через уничтожение». Некоторые из ранних евгенических законов были приняты в их честь. Как племя они «исчезли» в 1920-х годах, но, вероятно, пополнили ряды ранних «черных исламских» сект, таких как Храм Мавританской Премудрости. Я и сам рос на легендах о «калликаках», населявших соседние Сосновые Пустоши штата Нью-Джерси (и, разумеется, на книгах Лавкрафта, этого махрового расиста, который был увлечен изолированными общинами). Источником этих легенд были воспоминания местных жителей о клеветнических слухах, распространяемых сторонниками евгеники, штаб которых располагался в Винланде, Нью-Джерси. Оттуда они проводили свои обычные «реформы», направленные против «смешения рас» и «умственного вырождения» в

Пустошах (например, публикуя грубо ретушированные фотографии калликаков, представляя их как монструозных выродков).

«Изолированные общины», по крайней мере, те, что сохранили свою идентичность в XX веке, последовательно отвергали и культуру мейнстрима, и черную «субкультуру», к которой их предпочитают относить современные социологи. В 1970-х, вдохновленные индейским ренессансом, некоторые группы, включая мавров и рамапогов, пытались добиться от ВИА²⁵⁸ признания их индейскими племенами. Они получили поддержку от туземных активистов, но в официальном статусе им было отказано. Ведь если бы они победили, то, помимо всего прочего, их победа создала бы опасный прецедент для отверженных всех сортов, от «белых пейотистов» и хиппи до черных националистов, арийцев, анархистов и либертарианцев: пришлось бы давать «резервацию» всем и каждому! «Европейский проект» не может признать и понять существования Дикаря — зеленый хаос все еще угрожает имперской мечте о порядке.

На самом деле, и мавры и рамапоги отвергли «диахроническое», или историческое, объяснение своего происхождения и предпочитают «синхроническую» самоидентификацию, основанную на «мифе» об усыновлении индейцами. Проще говоря, они назвали себя «индейцами». Если бы каждый, кто захотел бы «быть индейцем», мог достичь этого единственно актом самоименования, вообразите, какой мог бы начаться повсеместный уход в Кроатан. Эта старая оккультная тень все еще скитается по остаткам наших лесов (площадь которых, кстати, сильно увеличилась на северо-востоке страны за время, прошедшее с XVIII и XIX веков, поскольку обширные пространства, ранее занятые фермерскими хозяйствами, поросли кустарником. Торо на своем смертном ложе мечтал о возвращении «...индейцев... лесов...» — возвращении униженных).

Мавры и рамапоги, конечно, имели важные причины материального характера, чтобы думать о себе, как об индейцах: в конце концов у них были индейские предки, — но если мы станем рассматривать их самоназвание в аспекте «мифа», а не только исторически, то обнаружим прямую связь с нашим поиском ВАЗ. В племенных обществах существует то, что некоторые антропологи называют *tannenbunden*²⁵⁹: тотемические общества идентифицируют себя с миром «Природы» в акте оборотничества, перевоплощения в животное-тотем (волки-оборотни, ягуары-шаманы, люди-леопарды, ведьмы-кошки и т. д.). В контексте колониального общества (на что указывает Таус-сиг в своей работе о шаманизме, колониализме и дикарях) сила оборотня видится как присущая туземной культуре в целом, поэтому наиболее подавленный сектор общества парадоксальным образом приобретает силу, черпая ее в мифе о своем тайном знании, которого колонизатор боится и жаждет одновременно. Конечно, туземцы на самом деле обладают некоторым тайным знанием; но, отвечая на имперское восприятие туземной культуры как своего рода «духовной дикости», туземцы все более и более осознанно подходят к этой роли. Даже когда они маргинализированы, их маргинальность излучает ауру магии. До того как пришел белый человек, они были племенами людей. Теперь они «стражи Природы», жители «царства Природы». И вот колонизатор в конце концов соблазнен этим «мифом». Когда америка-нецхочет вырваться и уйти назад к Природе, он с неизбежностью «становится индейцем». Радикальные демократы Массачусетса (духовные наследники радикальных протестантов), которые организовали «бостонское чаепитие» и которые верили в то, что все правительства могут быть уничтожены (весь район Беркшира объявил тогда себя в «царстве Природы»!), считали себя «могавками». Так колонисты, неожиданно обнаружившие, что стали маргиналами по отношению к своей исторической родине, взяли на себя роль маргинализованных туземцев, стремясь, таким образом (по сути) приобщиться к их оккультной силе, к их мистическому сиянию. Мечта

258 Bureau of Indian Affairs — Бюро по делам индейцев.

259 Видимо, опечатка, и автор имел в виду *mannerbunden* (нем.) — мужские союзы.

«стать индейцем» может быть прослежена в американской истории, культуре и сознании на множестве примеров от «горных людей» до бойскаутов.

Образ сексуальности, связанный с «трехрасовыми» группами также подтверждает нашу гипотезу. «Туземцы», разумеется, всегда имморальны, но расовые ренегаты и отверженные просто должны быть подвержены многообразным извращениям. Буканьеры были мужеложцами, мароны и «горные люди» рожали полукровок, «Джуки и Кал-ликаки» обвинялись в блуде и кровосмешении (ведущим к мутациям вроде полидактилии²⁶⁰), дети их бегали голыми и открыто мастурбировали и т. д. и т. п. Возвращение в «царство Природы» парадоксальным образом позволяет практиковать любые «протиестественные» действия; по крайней мере, в это верили пуритане и сторонники евгеники. И поскольку многие люди в морализаторском и расистском обществе тайно мечтали о том, чтобы совершать эти развратные действия, они проецировали их на маргинализов, тем самым убеждая себя в том, что уж они-то останутся цивилизованными и чистыми. В действительности некоторые маргинальные сообщества отвергали общепринятую мораль — уж пираты-то точно! — и, без сомнения, делали многое из того, чего желали подавленные цивилизацией. (А вы разве нет?) «Одичание» — это всегда эротический акт, акт обнажения.

Перед тем как закрыть тему «трехрасовых изолятов», я хочу напомнить вам, с каким энтузиазмом Ницше относился к «смешению рас». Находясь под впечатлением силы и красоты сельскохозяйственных гибридов, он предложил межрасовое скрещивание не только как решение проблемы расы, но и как основополагающий принцип для нового человечества, свободного от этнического и национального шовинизма, образ которого, наверное — предшественник «психических кочевников». Мечта Ницше, похоже, также далека от нас сегодня, как была далека от него самого. С шовинизмом до сих пор все ОК. Смешанные культуры остаются в подчиненном положении. Но автономные зоны буканьеров и маронов, исмаэлитов и мавров, рамапо-гов и «калликаков» продолжают существовать, или же продолжают существовать их истории как свидетельство феномена, который Ницше мог бы назвать «Воля к Власти как Исчезновение». Мы должны вернуться к этой теме.

Музыка как организационный принцип

Тем временем, однако, обратимся к истории классического анархизма в свете концепции ВАЗ.

До того как состоялось «закрытие карты», солидная доля антиавторитарной энергии уходила на создание «эскапистских» коммун, различных Фаланстерий и т. д. Любопытно, что некоторые из них создавались не «навсегда», а только лишь до тех пор, пока проект оправдывал себя. По социалистическим/утопическим стандартам эти эксперименты «провалились», и поэтому мы мало о них знаем.

Когда побег за фронт оказался невозможным, в Европе началась эра революционных городских Комунн. Парижская, Лионская, Марсельская коммуны не просуществовали достаточно долго, чтобы приобрести какие-либо устойчивые свойства, и можно только спрашивать себя, преследовали ли они подобную цель. С нашей точки зрения главная причина обаяния этих образований коренится в духе коммун. В эти и последующие годы анархисты стали практиковать революционное кочевничество, перемещаясь от восстания к восстанию, стремясь сохранить в себе ощущение духовного подъема, которое они испытывали во время этих восстаний. В действительности, некоторые анархисты штирнерианско-ницшеанского направления стали рассматривать этот процесс как самоцель, как способ постоянно открывать для себя все новые и новые автономные зоны, которые появлялись накануне или в ходе войны и революции (ср. с «зоной» Пинчона в его «Радуге гравитации»). Они заявляли, что если бы какая-нибудь социалистическая революция

260 Полидактилия — генетическая мутация, выражающаяся в появлении лишних пальцев на руке.

увенчалась успехом, они первыми бы стали противиться ей. Испытывая потребность во всеобщей анархии, они не собирались останавливаться. В России в 1917 году они с радостью встретили свободные Советы: их цель была достигнута. Но как только большевики предали дело Революции, анархисты-индивидуалисты первыми вернулись на тропу войны. После Кронштадта, разумеется, вообще все анархисты осудили «Советский Союз» (какое, однако, противоречие в терминах) и выдвинулись на поиски новых мятежей.

Махновская Украина и анархистская Испания были нацелены на продолжительное существование и, несмотря на издержки непрекращающейся войны, в известной степени преуспели в этом отношении: они не существовали «долго», но они были успешно организованы и могли бы существовать и дальше, если бы не внешняя агрессия. Тем не менее среди всех экспериментов межвоенного периода я выберу для очерка сумасбродную Республику Фиуме, которая известна слабо и которой не предназначалась долгая жизнь. Габриэль Д'Ан-нунцио, декадентский поэт, художник, музыкант, эстет, распутник, безрассудно смелый испытатель первых аэропланов, черный маг, гений и хам, вышел в отставку после Первой мировой войны, имея под своим командованием маленькую армию так называемых «Ардити» (пылкие). В поисках приключений он решил захватить город Фиуме у Югославии и подарить его Италии. После некромантской церемонии со своей любовницей на кладбище в Венеции он отправился завоевывать Фиуме и достиг этого без особых трудностей. Но Италия отвергла его щедрое предложение, а премьер-министр назвал его придурком.

Разозлившись, Д'Анунцио решил провозгласить независимость и посмотреть, сколько он сможет продержаться. Он и один из его друзей-анархистов написали Конституцию, которая провозглашала музыку основой существования государства. Флот (набранный из дезертиров и миланских портовых анархистов-юнионистов) назывался Ускочи, в честь давным-давно исчезнувших пиратов Адриатики, которые когда-то жили на местных прибрежных островах и охотились на венецианские и османские купеческие корабли. Современные Ускочи провели ряд успешных набегов: несколько богатых итальянских торговых судов неожиданно обеспечили республике будущее: в их сейфах оказались деньги! Художники, богема, авантюристы, анархисты (Д'Анунцио переписывался с Малатестой), изгнанники и беженцы, гомосексуалисты, денди из военной среды (униформой республики были черные мундиры с пиратскими «черепом-и-костями» — впоследствии этот символ был украден СС) и причудливые религиозные реформаторы всех расцветок (включая буддистов, теософов и последователей веданты) толпами повалили во Фиуме. Праздник не прекращался ни на минуту. Каждое утро Д'Анунцио читал со своего балкона стихи и манифесты, каждый вечер давался концерт, затем фейерверк. Это и составляло всю деятельность правительства. Спустя восемнадцать месяцев, когда вино и деньги кончились, а итальянский флот, наконец, проявил себя и выпустил пару снарядов по Городскому дворцу, ни у кого уже не было энергии сопротивляться.

Д'Анунцио, подобно многим итальянским анархистам, впоследствии обратился к фашизму — Муссолини (сам бывший анархист-синдикалист), по сути, лично подбил поэта встать на этот путь. К тому времени как Д'Анунцио осознал свою ошибку, было уже слишком поздно: он был слишком стар и болен. Но дуче все равно его убрал — скинул с балкона и сделал его «мучеником». Что до Фиуме, то, хотя этому предприятию не хватало серьезности свободной Украины или Барселоны, его пример может пролить свет на некоторые аспекты нашего исследования. В некотором роде это была одна из последних пиратских утопий (или это единственный известный современный пример). С другой стороны, похоже, что это была почти что первая современная ВАЗ.

Я думаю, что если мы сравним Фиуме с парижским восстанием 1968 года (а также с итальянскими городскими восстаниями начала семидесятых), с американскими контркультурными коммунами и влиянием анархистов и новых левых, мы обязательно найдем известные сходства. Например, то значение, которое придается эстетической теории (ср. с ситуационистами), а также то, что может быть названо «пиратской экономикой», то

есть принципы красивой жизни на базе избыточности современного производства. Определенное сходство есть даже в популярности яркой военной формы, концепции музыки как революционной силы и, наконец, в общем для всех этих образований духе непостоянства или готовности изменяться, двигаться, перебраться на другое место, заброшенную ферму или даже на другие уровни реальности. Никто не пытался переехать в другой университет, горный лагерь, гетто, фабрику, оставленный дом, объявить «диктатуру пролетариата» в Фиуме, в Париже или в Милл-бруке. Будет меняться мир или не будет, мы будем путешествовать и жить насыщенной жизнью — таковы были их принципы.

Мюнхенская Советская республика 1919 года также обладала некоторыми чертами ВАЗ, несмотря на то, что, подобно большинству революций, ее первоначальные цели не мыслились как «временные». Участие в правительстве Густава Ландауэра на посту министра культуры и Сильвио Гесея на посту министра экономики, а также других антиавторитарных и крайне либертарианских социалистов, таких как поэт и драматург Эрик Масам, Эрнст Толлер и Рет Марут (писатель, известный как Б. Травен), придало Советам хорошо различимый привкус анархизма. Ландауэр, который провел годы тюремного заключения за работой над великим синтезом концепций Ницше, Прудона, Кропоткина, Штирнера, Мейстера Экхарта и других радикальных мистиков, философов эпохи романтизма, знал, что Советы обречены. Он лишь надеялся, что они просуществуют достаточно долго, чтобы быть понятыми. Курт Эйсер, основатель Советов, погибший мученической смертью, буквально верил в то, что поэты и поэзия создадут базис революции. Планировалось отвести значительную часть Баварии под эксперимент по построению анархо-социалистической экономики и общества. Ландауэр выработал ряд предложений для системы Свободных Школ и Народного Театра. Поддержка Советов исходила в основном из беднейших окраин Мюнхена, где проживала богема и рабочий класс, а также от таких групп, как Вандерфогель (неоромантическое молодежное движение), еврейских радикалов (вроде Бубера), экспрессионистов и прочих маргиналов. Поэтому историки отмахиваются от мюнхенской коммуны как от «республики кафе» и принижают ее значение по сравнению с марксистским и спартакистским влиянием на немецкую послевоенную революцию. Ландауэр, обставленный коммунистами и в итоге убитый солдатами, находившимися под влиянием оккультного фашистского Общества Туле, заслуживает того, чтобы мы поминали его как святого. Вместо этого даже сегодняшние анархисты не понимают его и предпочитают осуждать за то, что он «продался социалистическому правительству». Если бы Советы просуществовали хотя бы год, мы бы рыдали при упоминании об их красоте, но до того как увяли первые цветы той Весны, дух поэзии был растоптан и мы забыли о ней. Вообразите, каково это было — вдыхать воздух города, в котором министр культуры только что предсказал, что вскоре школьники начнут учить на память стихи Уолта Уитмена. Ах, где моя машина времени...

Воля к власти как исчезновение

Фуко, Бодрийяр и другие продолжительное время занимались обсуждением различных вариантов «исчезновения». Здесь я хочу сказать о том, что ВАЗ в некотором смысле — это тактика исчезновения. Когда теоретики говорят об исчезновении социального, они отчасти имеют в виду невозможность «социальной революции» и отчасти невозможность «государства» — бездну власти, конец властного дискурса. Во-прос, который должен задать себе анархист, должен быть таким: так зачем тогда идти на лобовое столкновение с «властью», которая потеряла весь свой смысл и стала чистой симуляцией? Такое столкновение приведет к опасным и уродливым вспышкам насилия со стороны пустоголовых придурков, у которых остались ключи от всех арсеналов и тюрем. (Вероятно, это только грубое американское искажение возвышенной и тонкой франко-германской теории. Даже если так, что с того? Кто сказал, что понимание идеи необходимо для ее применения?)

Насколько я понимаю, исчезновение — это очень радикальный путь для нашего времени, а вовсе не бедствие и не конец для радикального проекта. Моя интерпретация этой теории, в отличие от нездоровых, вымороченных и нигилистических толкований, предлагает приемлемую стратегию для постоянно идущей «революции повседневной жизни»: эта борьба не прекратится даже с прекращением какой бы то ни было политической или социальной революции, потому что ничто, за исключением светопреставления, не может положить конец повседневной жизни или нашим надеждам на лучшее, на Чудесное. И, как сказал Ницше, если бы мир мог прийти к своему концу, логически он уже пришел бы к нему; а раз нет, значит — нет. Или, как сказал один суфий, сколько бы мы не пили запретного вина, мы унесем эту нестерпимую жажду с собой в вечность.

Зерзан и Блэк, независимо друг от друга, отметили так называемые «элементы отказа» (термин Зерзана), которые до некоторой степени могут рассматриваться как симптомы радикальной культуры исчезновения, частично бессознательного, но отчасти и осознаваемого. Они влияют на гораздо большее число людей, чем левые или анархистские идеи. Эти жесты отказа совершаются против институтов власти, и в этом смысле они «негативны», но каждый негативный жест потенциально содержит в себе и «позитивную» сторону — тактику, позволяющую скорее заменять, чем отвергать презируемые институты.

Например, негативный жест, направленный против школьного образования, состоит в «добровольной неграмотности». Поскольку я не разделяю либерального культа грамотности во имя облагораживания общества, я также не могу вполне разделить атмосферу удушливого страха, которая царит вокруг этого феномена: мне нравятся дети, которые выбрасывают книги вместе с мусором, который в них содержится. Тем не менее есть и позитивные альтернативы, которые используют ту же энергию исчезновения. Домашнее обучение и ученичество в подмастерьях у мастера параллельно прогулам официальных занятий позволяют избежать школьных застенков. Хакинг — еще одна форма «образования», обладающая известными аспектами «невидимости».

Когда люди в массовом порядке не ходят на выборы, они демонстрируют негативный жест, направленный против политики. «Апатия» (то есть здоровая скука, вызванная лицемерием надоедливой Спектакля) оберегает свыше половины нации от избирательных урн; анархизм никогда не мог достичь подобного! (Как никакому анархизму не снилось недавняя неудача с переписью.) Есть и позитивные параллели: неформальные «сети» как альтернатива политике используются на многих уровнях жизни общества, и неиерархические объединения приобретают популярность даже за пределами анархистского движения, просто потому, что они действуют (ACT UP и Earth First! — примеры таких организаций. Еще один пример, хоть и довольно чудной — Анонимные Алкоголики).

Отказ от работы может принимать формы абсентеизма, пьянства на рабочем месте, саботажа и простой невнимательности, но он может вызвать к жизни новые способы протеста: самозанятость, участие в «теневой» экономике, мошенничество и другие криминальные операции, выращивание марихуаны на продажу и т. д. — все это более или менее «невидимые» действия, по сравнению с традиционной левой тактикой, провоцирующей столкновения, то есть с массовой забастовкой.

Отказ от церкви? Ну, «негативный жест» здесь похоже заключается в том, чтобы... смотреть телевизор. Но позитивные альтернативы включают все неавторитарные формы духовной жизни, от «вне-церковного» христианства, до неоязычества. «Свободные религии», как я люблю это называть, то есть небольшие авторские полусерьезные культы, на которые повлияли такие современные прототипы, как дискордианизм²⁶¹ и анархо-даосизм, могут быть найдены повсюду в маргинальной Америке. Они предлагают «четвертый путь» за пределы массовых конфессий, телепроповедников-изуверов, бессодержательного и коммерциализованного «ню-эйджа». Можно сказать, что главный шаг к отказу от

261 Дискордианизм — полушутливый культ, основанный в 1958—1959 гг. Гретом Хиллом и Керри Торнли, допускающий первичность хаоса, а не порядка, и предполагающий поклонение богине раздора Эрис.

ортодоксальности состоит в конструировании «частной морали» в ницшеанском смысле: духовности «свободных духом».

Негативный отказ от дома — это «бездомность», которая в большинстве случаев рассматривается как несчастье, ведь никто не хочет по чужой воле стать бродягой. Но «бездомность» может быть и в некотором роде добродетелью, приключением — как это обстоит в широком международном движении сквоттеров, современных сезонных рабочих.

Негативный отказ от семьи — это обычный развод или другая форма прекращения связей. Позитивная альтернатива исходит от осознания того, что жизнь может быть счастливее без нуклеарной семьи, и пусть расцветают все цветы — от неполной семьи до шведских семей или группы любовников. «Европейский проект» ведет отчаянные арьергардные бои, чтобы защитить «семью» — эдипово нытье лежит в сердце Контроля. Альтернативы и так существуют — но им приходится скрываться, особенно в условиях начавшейся еще в 1980—1990-х годах Войны против Секса.

В чем состоит отказ от Искусства? «Негативный жест» здесь — это не глупый нигилизм «бунта против искусства» и не обезображивание известных полотен, а почти повсеместная зеленая тоска, которая охватывает большинство людей при одном упоминании об искусстве. Но в чем может состоять «позитивный жест»? Можно ли вообразить эстетику, которая не продается, которая удаляет себя из Истории и даже с рынка или по крайней мере нацелена на это, которая стремится заменить репрезентацию присутствием? Каким образом присутствие может вовлекаться в репрезентацию (и преодолевать ее)?

«Лингвистика Хаоса» отслеживает присутствие, которое постоянно ускользает от жесткого порядка языка и знаковых систем; виртуальное присутствие, мимолетное, *latif* («тонкая субстанция» в терминах суфийской алхимии) — Странный Аттрактор, вокруг которого вьются мемы, хаотическим образом формируя новые неожиданные структуры. Таким образом, у нас есть эстетика границы между хаосом и порядком, эстетика маргинального, область «катастрофы», где распад системы — то же самое, что просветление...

Исчезновение художника является «вытеснением и реализацией искусства» в терминах ситуационистов. Но откуда мы бежим? И услышат ли о нас когда-нибудь вновь? Мы ушли к кроатанам — какова наша судьба? Все наше искусство состоит из прощальной записки к истории — «Ушли к кроатанам», — но где это и что мы будем там делать?

Прежде всего: мы не говорим о том, чтобы буквально исчезнуть из мира и будущего, которое его ждет. Это не побег назад в пещеры, в палеолитическое «общество первобытного отдохновения» — не утопия, утвержденная на веки вечные, не убежище в горах, не остров; кроме того — не постреволюционная утопия, — скорее всего вообще не революция! Это также не «вону»²⁶², не анархистская космическая станция, и мы не принимаем бодрийеровский вариант «исчезновения» как погружения в тень молчаливого большинства, в иронический гиперконформизм. Я не имею ничего против Рембо, который сбегает от искусства в какую-нибудь Абиссинию. Но мы не можем создать эстетику, даже эстетику исчезновения, одним только актом своего невозвращения. Сказав «нет» авангарду и «авангарда нет», мы написали свое «ушли к кроатанам». Теперь вопрос в том, как увидеть черты «повседневной жизни» в Кроатане, особенно если мы не можем сказать, что Кроатан существует во времени (каменном веке или в «после революции») или пространстве, ни в качестве утопии, ни в каком-либо забытом городке на Среднем Западе Америки или в Абиссинии? Где и когда он — мир непосредственного творчества? Если он может существовать, то он уже существует, но, возможно, только как разновидность альтернативной реальности, которую мы до сих пор просто еще не сумели постичь. Где нам искать семена —

262 «Вону» — образ жизни туриста-кочевника, ищущего жизнь за пределами мира «блеска и шума тех, кто не живет, и не дает жить другим». Термин придуман в 1970-х годах Томом Маршаллом, ушедшим жить в леса Орегона.

ростки, пробивающие асфальт: из того мира — в этот? Где путеводная нить, правильное направление для поисков, перст, указующий в небо?

Я верю или, по крайней мере, хочу предположить, что единственное решение проблемы «подавления и осуществления» искусства лежит в возникновении ВАЗ. Я не принимаю критику, когда мне говорят, что ВАЗ сама по себе это «только» произведение искусства, хотя и наряженное в отвлекающие одежды. Я считаю, что ВАЗ — это единственно возможное «пространство-время», где акт искусства может состояться ради удовольствия творческой игры и какданьтем силам, которые собирают ВАЗ и позволяют ей проявиться.

Искусство в Мире Искусства стало товаром; но еще глубже лежит сама проблема репрезентации и возможности отказа от всякого опосредования. Внутри ВАЗ искусство как товар становится попросту невозможным; вместо этого оно превращается в условие жизни. Сложнее преодолеть опосредование, но снятие барьеров между художником и «пользователем» искусства приводит к возникновению условий, в которых (согласно А. К. Кумарасвами) «художник — это не какая-нибудь особая разновидность людей, наоборот, каждый человек — это какая-то особая разновидность художника».

Суммируем: исчезновение не обязательно «катастрофа», разве что в математическом смысле «внезапного изменения топологии». Все позитивные жесты, обрисованные здесь, так или иначе подразумевают известную степень невидимости вместо традиционного революционного столкновения. Новые левые никогда не верили в собственное существование, пока не увидели себя в вечерних «новостях». Новые Автономы, по контрасту с ними, скорее проникнут в медиа и обратят «их» себе на пользу или просто вообще никогда не будут «увидены». ВАЗ существует не только за пределами Контроля, но и за пределами определений, избегая рассмотрения и называния как актов порабощения, превосходя способности государства к пониманию, находясь вне диапазона воспринимаемых им волн.

Крысиные норы в Вавилонской башне Информации

ВАЗ станет сознательной радикальной тактикой при следующих условиях.

1. Психологическое освобождение. Это значит, что мы должны реализовать (сделать реальным) моменты и места, в которых свобода не только возможна, но и действительна. Мы должны знать, где и как нас действительно подавляют, а также как мы подавляем самих себя или попадаем в плен к фантазии об идеях, которые подавляют нас. Труд, к примеру, гораздо в большей степени является источником несчастий для нас, чем законодательная политика. Отчуждение гораздо опасней для нас, чем беззубые умирающие идеологии. Психологическая зависимость от «идеалов», которые в действительности оказываются ни чем иным, как проекциями нашего негодования и комплексажертвы, никак не поможет нам продвигаться вперед. ВАЗ — это не предвестник какой-нибудь недостижимой Социальной Утопии, для которой мы должны пожертвовать своими жизнями, чтобы дети наших детей могли вдохнуть немного свободного воздуха. ВАЗ должна быть сценой нашей автономии здесь и сейчас, но это может осуществиться только при условии, что мы уже осознаем себя в качестве свободных существ.

2. Контр-Сеть должна расширяться. В настоящее время она отражает больше абстракцию, чем реальность. Фэнзины и электронные доски объявлений осуществляют обмен информации, которая является составляющей фундамента ВАЗ, но слишком малая часть этой информации касается конкретных вещей и услуг, необходимых для автономной жизни. Мы не живем в киберпространстве. Полагать, что это так, значит впасть в КиберГнозис, заниматься фальшивым преодолением тела. ВАЗ — это физическое место, и мы либо находимся в ней, либо нет. Все чувства должны быть учтены. Паутина в некотором смысле подобна шестому чувству, но в таком случае оно должно быть добавлено к остальным: остальные чувства не должны вычитаться из него, как в какой-нибудь кошмарной пародии на мистический транс. Без Паутины полная реализация всего комплекса ВАЗ будет невозможна. Но Паутина — это не самоцель. Это оружие.

3. Аппарат Контроля — «Государство» — должен (по крайней мере, мы так полагаем) продолжать растворяться и в то же время окаменевать, он должен продолжать придерживаться текущего курса, когда истерическая неуступчивость все больше начинает прикрывать пустоту, бездну власти. Если власть «исчезает», наша воля к власти должна быть волей к исчезновению.

Мы уже обсуждали вопрос о том, может ли ВАЗ рассматриваться «только» как произведение искусства. Но вы, вероятно, также захотите знать, не является ли она только жалкой крысиной норой в Вавилонской Башне Информации или лабиринтом туннелей, связанных между собой (и чем дальше, тем лучше), но предназначенных только для тупикового в экономическом смысле пиратского паразитизма? Я отвечу вам, что лучше предпочту быть крысой в стене, чем крысой в клетке, но я также утверждаю, что ВАЗ превосходит все эти категории.

Мир, для которого ВАЗ закладывает основы, напоминает мир, провиденный «Р. М.» в его романе-фэнтези «боло'боло». Возможно, ВАЗ — это «прото-боло». Но поскольку ВАЗ существует здесь и сейчас, она стоит гораздо большего, чем обыденность негативизма или контркультурный эскапизм. Мы говорили о праздничном аспекте, неконтролируемом, который вырастает благодаря спонтанному самоупорядочиванию, пусть даже и краткому. Это «эпифаническое»²⁶³, пиковое переживание как в социальном измерении, так и в индивидуальном.

Освобождение — это осознанная борьба. В этом сущность ницшеанского «самопреодоления». Настоящий тезис может быть также соотнесен с Ницше-странником. Это предпосылка всеобщего сдвига, в ситуационистском смысле термина и в лиотаровском определении «дрейфа». Мы можем предвидеть новую географию, некую разновидность карты пилигрима, на которой вместо святых мест отмечены пиковые переживания и ВАЗ: настоящая наука психотопографии, которую, возможно, следует называть «геоавтономией» или «анархо-мантией».

ВАЗ включает в себя аспекты своего рода одичания, выхода из прирученного состояния в мир дикости, «возвращение», которое в то же время является шагом вперед. ВАЗ также требует от нас познаний в «йоге» хаоса, проектирования «более высоких» порядков (сознание или просто жизнь), что достигается «серфингом по фронту волны хаоса», сложной динамикой. ВАЗ — это искусство жить в постоянном восстании, в диком, но симпатичном состоянии, быть соблазнителем, а не насильником, контрабандистом, а не кровавым пиратом, танцором, а не эсхатологом.

Давайте представим, что мы посетили вечер, где на одну короткую ночь была создана республика сбывшихся желаний. Не должны ли мы признать, что политика этой ночи имеет для нас больше реальности и силы, чем, скажем, все действия правительства Соединенных Штатов? Некоторые из «вечеринок», которые мы упомянули, продолжались два или три года. Разве они не достойны того, чтобы о них мечтали, чтобы за них сражались? Давайте изучать невидимость, работу в сетях, учиться психическому кочевничеству — кто знает, чего мы достигнем?

Весеннее равноденствие 1990 года **Приложение: Интервью с Ноамом Хомским об анархизме,** **марксизме и надежде на будущее**

*Кевин Дойл*²⁶⁴

263 Эпифания — богословский термин, буквально означающий воплощение, явление божества

264 Это интервью впервые появилось в журнале Red and Black Revolution и доступно по адресу <http://flag.blackened.net/revolt/wsm.html>. Публикуется с разрешения Ноама Хомского и Red and Black Revolution. © Red and Black Revolution, 1996. [Перевод С. Кормильцева.]

Ноам Хомский широко известен как из-за своей критики международной политики США, так и благодаря его работам в области лингвистики. Меньшее число людей знает его как твердого сторонника либертарианского социализма. В этом интервью, которое он дал [журналу] *Red and Black Revolution*, Хомский излагает свои взгляды на анархизм, марксизм и современные перспективы социализма. Вопросы задавал Кевин Дойл в мае 1995 года.

RBR: Прежде всего, Ноам, долгое время Вы были защитником идей анархизма. Многие знакомы со вступлением, которое Вы написали в 1970 году для книги «Анархизм» Даниэля Герена, но большинство — с Вашей недавней деятельностью, например с фильмом «Производство общественного согласия». Вы приняли участие в этом проекте для того, чтобы снова подчеркнуть потенциал анархизма и анархистских идей. Что же привлекает Вас в анархизме?

Хомский: Я увлекся анархизмом еще в отрочестве, как только стал мыслить об окружающем мире более свободно и широко, и с тех пор у меня не было достаточно серьезной причины для того, чтобы пересмотреть отношение к анархизму, возникшее тогда. Я думаю, что только благодаря анархизму я могу осмысленно выявлять и опознавать механизмы власти, иерархии и доминирования во всех сферах жизни и бросать им вызов. Какое бы юридическое обоснование не подводило под все это, эти структуры не легитимны и их следует разобрать, чтобы увеличить степень человеческой свободы. К этим структурам относятся политическая власть, право собственности и управление, отношения между мужчинами и женщинами, родителями и детьми, наш контроль над будущими поколениями (это, на мой взгляд, основной моральный императив, стоящий за движением защитников окружающей среды) и многое другое. Естественно, это означает вызов, брошенный громадным институтам насилия и контроля: государству, невероятной тирании корпораций, которые контролируют большую часть отечественной и международной экономики и т. д. Но и это еще не все. Сущность анархизма, как я ее всегда понимал, заключается в том, что любой авторитет должен пройти тест на встречную реакцию. Устранен должен быть только такой авторитет, которому не идут навстречу. В некоторых случаях авторитету идут навстречу. Если я гуляю по улице со своими внуками и они вдруг выбегают на проезжую часть с оживленным движением, я использую не только авторитет, но и физическую силу для того, чтобы их остановить. Их поступку необходимо воспрепятствовать, но я уверен, что они с готовностью пойдут навстречу моим действиям. Бывают и другие случаи. Жизнь — сложная штука, мы знаем очень немного о людях и обществе, и грандиозные декларации обыкновенно приносят больше вреда, чем пользы. Но сама идея вполне здрава и может привести нас весьма далеко. После того, как мы заявили о главном, мы начинаем присматриваться к частностям, в которых и затрагиваются конкретные человеческие интересы.

RBR: Не будет преувеличением сказать, что Ваши идеи и Ваша критика сегодня известны шире, чем когда-либо прежде. Также следует сказать, что Ваши взгляды уважаются в широких кругах. Как Вы полагаете, Ваша поддержка анархизма воспринимается в этом контексте? В особенности мне интересен отклик, которые Вы получаете от людей, впервые заинтересовавшихся политикой, возможно, не согласных с Вашими взглядами. Удивлены ли эти люди тем, что Вы, оказывается, поддерживаете анархизм? Заинтригованы ли они?

Хомский: Большинство интеллектуалов, как Вы знаете, отождествляют анархизм с хаосом, насилием, бомбами, диверсиями и т. д. Поэтому люди часто удивлены, когда я говорю об анархизме в позитивном ключе и отождествляю себя с его основными традициями. Но у меня создалось впечатление, что даже для большей части публики основные идеи [анархизма] кажутся вполне ясными, если снять с них пелену мрака. Конечно, когда мы обращаемся к конкретным темам, скажем, к сущности новой семьи, или к вопросу о том, как сможет работать экономика в свободном обществе, начинаются различные вопросы и возражения. Но так и должно быть. Физики до сих пор не могут толком объяснить, почему

вода, вытекающая из ванны через сливное отверстие, ведет себя именно так²⁶⁵. Когда же мы обращаемся к куда более сложным вопросам о значении человека, то грань понимания очень тонка, поэтому есть достаточно места для разногласий, экспериментов, умозрительных и практических исследований возможностей, которые помогают нам узнать больше.

RBR: Анархизм, пожалуй, больше чем любая другая идеология страдает от проблемы неправильной интерпретации. Анархизм может означать что угодно для кого угодно. Часто ли Вам приходится объяснять, что Вы имеете в виду под анархизмом? Беспокоит ли Вас неверная интерпретация анархизма?

Хомский: Всякая ложная интерпретация досадна. По большей части за нее ответственны структуры власти, заинтересованные в предотвращении правильного понимания, по совершенно очевидным причинам. Здесь можно вспомнить трактат Дэвида Юма «Принципы правления». Он выражает сомнение в том, что люди вообще когда-либо покорялись своим правителям. Он пишет, что, поскольку «сила всегда принадлежит тем, кем правят, у правителей нет иной опоры, кроме мнения народа. Вследствие того только на мнении народном воздвигается правительство; и максима эта может быть распространена как на самые деспотические и самые воинственные правительства, так и на самые вольные и пользующиеся в народе всеобщей поддержкой». Юм был умелым политическим игроком, кстати, вовсе не либертарианцем по стандартам нашей эпохи. Он явно недооценивал эффективность силового воздействия, но в основных чертах его наблюдение кажется мне правильным и важным, особенно для более свободных обществ, где искусство управления мнением гораздо утонченней. Неверная интерпретация и другие формы одурачивания — извечные спутники.

Так раздражает ли меня неверная интерпретация? Да, но не больше, чем плохая погода. Неверная интерпретация будет существовать до тех пор, пока сконцентрированная в центрах власть порождает сторожевой класс для собственной защиты. А поскольку его представители недостаточно сообразительны, то есть сообразительны ровно настолько, чтобы понять, что им лучше избегать арены, где действуют аргументы и факты, то они прибегают к дезинформации, диффамации и другим разнообразным приемам, доступным тем, кто всегда знает, что он защищен другими разнообразными приемами, доступными, в свою очередь, уже тем, кто наделен властью. Мы должны понимать, почему так происходит и разоблачать происходящее всеми средствами. Это тоже часть проекта по освобождению — нас самих и остальных, или, если выражаться более сдержанно, людей, работающих вместе для достижения этих целей.

Звучит простижки, но так это и есть. Но у меня найдутся не столь простые комментарии о человеческой жизни и обществе, когда абсурдная и своекорыстная поза [власть имущая] будет прояснена.

RBR: Как насчет признанных левых кругов, от которых можно ожидать большей степени осведомленности о действительной сущности анархизма? Встречаете ли Вы здесь удивление по поводу Ваших взглядов и Вашей поддержки анархизма?

Хомский: Если я правильно понимаю, что Вы имеете в виду под «признанными левыми кругами», то отсюда исходит не так много удивленных возгласов по поводу моих взглядов на анархизм, просто потому, что [им] мало что в действительности известно о моих взглядах на что бы то ни было. Это не те круги, с которыми я имею дело. Вы редко наткнетесь на упоминание моих высказываний или письменных трудов. Это, конечно, не вся правда. В США (в Великобритании уже с большим трудом, как и повсюду в остальных местах) Вы обнаружите некоторую степень знакомства с тем, что я делаю, в самом критическом и независимом секторе того, что может быть названо «признанными левыми кругами», и у меня есть личные друзья и знакомые, живущие тут и там. Но загляните в книги и журналы, и Вы увидите, что я имею в виду. Я не ожидаю, что мои слова в этих кругах воспринимались

²⁶⁵ Хомский приводит не самый удачный пример, поскольку корректное физическое описание этого явления дается почти в самом начале стандартного университетского курса механики

бы лучше, чем в факультетском клубе или кабинете редактора (хотя здесь тоже есть свои исключения). Это вопрос не о главном, а третьестепенном, потому-то на него тяжело ответить просто.

RBR: Многие люди заметили, что Вы используете термин «либертарианский социализм» в том же контексте, что и слово «анархизм». Вам эти термины представляются близкими? Для Вас анархизм — разновидность социализма? Ранее Вы говорили, что «анархизм тождествен социализму со свободой». Согласитесь ли Вы сейчас с собственным утверждением?

Хомский: Предисловие к книге Герена, которое Вы упомянули, открывается цитатой, принадлежащей человеку, жившему около столетия назад и симпатизировавшему анархизму. Он говорил, что «у анархизма широкая спина» и что он «все на ней вынесет». Одним из основных понятий, которое обычно связывают с анархизмом, является и «либертарианский социализм». Я старался объяснить повсюду, что я имею в виду под этим, делая акцент на том обстоятельстве, что разработка этого термина принадлежит вовсе не мне. Я воспринял идеи от ведущих фигур анархистского движения. Их я и цитирую. Они достаточно последовательно определяют себя как социалисты, но при этом сурово обличают новый класс интеллектуалов, стремящихся укрепить свою власть в политической борьбе для того, чтобы образовать отвратительную красную бюрократию, о которой предупреждал Бакунин и власть которой так часто зовется «социализмом». Скорее я соглашусь с представлением Рудольфа Рокера о том, что основные тенденции анархизма коренятся во всем лучшем, что было в Просвещении и классической либеральной мысли, хотя и далеко ушли от них. По сути, я пытался показать, что эти идеи резко отличаются от марксистско-ленинских теории и практики, либертарианской доктрины, в частности той, что вошла в моду в США и Великобритании, и других современных идеологий — все они, как мне кажется, почти перестали защищать ту или иную форму нелегитимного авторитета, которая часто оборачивается настоящей тиранией.

Испанская революция

RBR: В прошлом, когда Вы говорили про анархизм, Вы часто приводили в пример испанскую революцию. Для Вас, кажется, в этом примере важны два аспекта. С одной стороны, опыт испанской революции, как Вы говорите, это хороший пример анархизма в действии. С другой стороны, Вы подчеркивали, что испанская революция — это хороший пример того, что трудящиеся могут достигнуть собственными силами, используя методы демократии участия. Эти два аспекта — анархизм и демократия участия — для Вас одно и то же? Является ли анархизм философским обоснованием власти народа?

Хомский: Я избегаю употреблять красивые составные термины, такие как «философия», для того чтобы обозначить обыкновенный здравый смысл. Я также чувствую неудобство, возникающее от употребления лозунгов. Достижения испанских рабочих и крестьян, пока революция не была задушена, во многом впечатляют. Термин «демократия участия» возник позже, он развивался в других условиях, но здесь определенно есть точки соприкосновения. Прошу прощения, если Вам кажется, что я уклоняюсь от прямого ответа. Так оно и есть, но это потому, что я не думаю, что концепция анархизма, как и концепция демократии участия, достаточно ясны для того, чтобы можно было ответить на вопрос, являются ли они одним и тем же.

RBR: Одним из главных достижений испанской революции была та степень прямой демократии, которая была достигнута. Для народа это означало, что свыше трех миллионов человек напрямую участвовали в управлении. Производством в сельском хозяйстве и городах непосредственно управляли рабочие. Совпадает ли это с Вашей мыслью о том, что анархисты, известные как защитники индивидуальной свободы, преуспели в области коллективного управления? **Хомский:** Здесь вообще нет никакого совпадения. Тенденции в анархизме, которые я всегда находил самыми убедительными, стремятся к

высокоорганизованному обществу, включающему различные виды структур (рабочее место, общественное объединение и прочие разнообразные формы добровольных объединений), но контролируемые самими участниками, а не теми, кто уполномочен отдавать приказы (кроме особых случаев, когда авторитет оправдан, в специфических обстоятельствах).

Демократия

RBR: Анархисты часто тратят огромные усилия на построение прямой демократии. Разумеется, часто их обвиняют в том, что они доводят демократию до крайности. И все же, несмотря на это, многие анархисты не считают демократию центральным компонентом философии анархизма. Анархисты часто описывают свою политику как нечто касающееся социализма или нечто касающееся индивидуума, но они, скорее всего, не говорят о том, что анархизм — это что-то касающееся демократии. Согласны ли Вы с тем, что идея демократии — одна из присущих анархизму черт?

Хомский: Критика демократии среди анархистов — это часто критика парламентской демократии в том виде, в каком она существует в обществах, глубоко репрессивных по своему характеру. Возьмем, к примеру, США, которые были свободнее, чем другие страны, с самого своего основания. Американская демократия была основана на принципе, подчеркнутом Джеймсом Мэдисоном на Конституционном Конвенте 1787 года, согласно которому первая функция правительства — «защищать богатое меньшинство от большинства». Он говорил о том, что в Англии, единственном квазидемократическом государстве тех дней, всегда есть риск, что, как только основная часть населения получит доступ к управлению обществом, она сможет начать аграрную реформу или какое-нибудь другое кошмарное предприятие и что американская система должна управляться правильно, для того чтобы избежать подобных преступлений против «прав собственности», которые должны быть защищены (по сути, должны торжествовать). Парламентская демократия, заключенная в такой тугий корсет, заслуженно подвергается острой критике со стороны настоящих либертарианцев. Я уже не говорю о других институтах, не столь изысканных: о рабстве, к примеру, или о рабстве наемного труда. Его с горечью проклинали трудящиеся, которые даже не слышали об анархизме или коммунизме вплоть до девятнадцатого века и более поздних времен.

Ленинизм

RBR: Значение прямой демократии для любого значительного изменения в обществе, казалось бы, самоочевидно. Но в прошлом левые относились к ней не столь однозначно. Я говорю в основном о социал-демократии, но и о большевиках: эта традиция левого движения, по-видимому, имеет куда больше общего с элитарным мышлением, чем с демократической практикой в строгом смысле. Ленин, как хорошо известно, относился со скептицизмом к сознательности рабочего класса и сомневался, что рабочие способны дойти до чего-то большего, чем «тред-юнионизм». Я полагаю, этим он хотел сказать, что рабочие не способны видеть дальше ситуации, непосредственно касающейся их. Аналогично социалистка из фабианского клуба Беатрис Вебб, которая имела большое влияние в лейбористской партии Великобритании, считала, что рабочие заинтересованы лишь в «ставках на лошадиных бегах»! Откуда берется элитаризм и что он делает в левом движении?

Хомский: Я боюсь, мне трудно ответить на этот вопрос. Если подразумевается, что левое движение включает в себя большевизм, тогда я решительно утверждаю, что с ним не связан. Ленин, по моему мнению, был одним из величайших врагов социализма — по причинам, которые я уже описал. Мысль о том, что рабочие заинтересованы только в лошадиных бегах — это абсурд. Это понятно даже поверхностному взгляду на историю рабочего движения и независимую рабочую прессу, которая процветала во многих местах, включая промышленные развитые города Новой Англии недалеко от места, где я пишу, — не

говоря уже о впечатляющих свидетельствах смелой борьбы преследуемого и угнетенного народа на протяжении всей истории вплоть до нынешнего времени. Возьмем для примера самый несчастный угол в этом полушарии — Гаити, который европейские завоеватели считали раем и источником немалой части европейского богатства. Ныне остров разорен и, возможно, не подлежит восстановлению. За прошедшие годы в условиях столь ужасающих, что мало кто в богатых странах вообще может себе такое представить, крестьяне и жители трущоб создали всенародное демократическое движение, основанное на организациях прямого участия, которые превзошли все, что мне известно. Только самые суровые комиссары могли удержаться от приступов смеха, когда они слышали торжественные заверения американских интеллектуалов и политических лидеров о том, что США должны преподать гаитянам уроки демократии. Их достижения были настолько существенными и наводили такой страх на власть имущих, что гаитяне просто должны были испытать на себе очередную порцию жестокого террора, разумеется, поддержанного США в гораздо большем объеме, чем официально признается, но они все еще не сдались. Что, неужели и они интересуются только лошадиными скачками?

Вот Вам несколько строчек из Руссо, которые я иногда цитирую: «...когда я вижу множество совершенно голых дикарей, презирающих сладострастие европейцев и стойко переносящих голод, огонь, меч и смерть, для того чтобы защитить то единственное, что у них есть — свою независимость, я понимаю, что не надлежит рабам рассуждать о свободе».

RBR: Вернемся теперь к главной теме. В Ваших собственных трудах — «Пугающей демократии» [1992], «Необходимых иллюзиях» [1989] и других — рассмотрены роль и степень распространенности элитаристских идей в таких обществах, как наше собственное. Вы утверждаете, что внутри западной (или парламентской) демократии существует глубокое сопротивление включению народных масс в реальную деятельность, в противном случае они угрожали бы неравномерному распределению богатства, в котором заинтересованы богатые. Ваша работа звучит как обвинение, но, хорошо, пусть... ведь некоторые были шокированы [другими] Вашими утверждениями. Например, Вы сравниваете политику президента Джона Ф. Кеннеди с политикой Ленина, почти уравнивая их. Это, я должен сказать, шокировало сторонников обоих лагерей! Не могли бы Вы разъяснить, каково основание для такого сравнения?

Хомский: На самом деле я не «уравнивал» доктрину либеральных интеллектуалов из администрации Кеннеди с ленинизмом, но я отметил моменты поразительного сходства — это до некоторой степени похоже на предсказание Бакунина, сделанное им столетием раньше: я имею в виду его проницательный комментарий о «новом классе». К примеру, я приводил отрывки из МакНамары о необходимости усилить управленческий контроль, если мы хотим быть действительно «свободными», и о том, как «недостаточный менеджмент» представляет собой «настоящую угрозу демократии» — ну, это просто какое-то покушение на здравый смысл. Изменим несколько слов в этом отрывке, и мы получим стандартную доктрину ленинизма. Я утверждал, что в обоих случаях корни подобного отношения достаточно глубоки. Без прояснения того, что, как вы сказали, «шокирует людей», я не смогу продолжать свой комментарий. Сравнения точны, и, я думаю, они правильны и правильно подобраны. Если это не так, тогда это ошибка, и в этом случае я заинтересован в том, чтобы мне указали на нее.

RBR: Кстати, ленинизм обращается к разновидности марксизма в том виде, в каком оно было развито Лениным. Отделяете ли Вы безоговорочно работы Маркса от детальной критики Ленина в том случае, когда Вы говорите о ленинизме? Не видите ли Вы преемственности между взглядами Маркса и практикой Ленина?

Хомский: Бакунин предупреждал о «красной бюрократии», которая установит «худший из всех деспотических режимов», задолго до Ленина, и это предостережение было направлено против последователей г-на Маркса. На самом деле, конечно, у Маркса были

весьма разнообразны последователи; Паннекук²⁶⁶, Люксембург²⁶⁷, Маттик²⁶⁸ и другие очень далеки от Ленина, и в их взглядах есть элементы анархо-синдикализма. Корш¹¹⁸ и другие с настоящей симпатией писали об испанской революции. Существует линия преемственности от Маркса к Ленину, но существуют также и марксисты, которые жестко критиковали Ленина и большевизм. Здесь уместно упомянуть и недавнюю работу Теодора Шанина об отношении позднего Маркса к крестьянской революции. Я вовсе не специалист по Марксу, так что не ждите от меня серьезного приговора касательно того, какая из этих двух ветвей марксизма отражает подлинного Маркса, да и вообще, неизвестно еще, существует ли ответ на подобный вопрос.

RBR: Недавно мы получили копию Ваших «Заметок об анархизме» (в прошлом году они были переизданы в США Discussion Bulletin). В «заметках» Вы касаетесь взглядов «раннего Маркса», в частности его идеи отчуждения при капитализме. Согласитесь ли Вы с тем, что есть разный Маркс: молодой либертарианский социалист, а в поздние годы последовательный сторонник авторитаризма.

Хомский: Ранний Маркс глубоко укоренен в столетии, в котором он жил, и в работах этого периода можно обнаружить много общего с мышлением, воодушевлявшим либералов классического периода, различные аспекты Просвещения и романтизма, как французского, так и немецкого. Опять же я не настолько разбираюсь в Марксе, чтобы претендовать на авторитетное суждение в этой области. У меня складывается впечатление, что если и стоит о чем-то говорить, то о том, что ранний Маркс был во многом личностью позднего Просвещения, в то время как поздний Маркс — крайне авторитарным активистом и критиком капитализма, мало говорившим о социалистических альтернативах. Но это только впечатление.

RBR: Как я понимаю, ядро всех Ваших взглядов покоится на Вашей концепции человеческой природы. В прошлом человеческая природа рассматривалась как нечто, по всей видимости, регрессивное, даже ограничивающее. Например, на неизменность человеческой природы часто ссылались в качестве аргумента, показывающего, почему положение вещей не может быть в основе своей изменено в направлении анархизма. Вы считаете по-другому? Почему?

Хомский: Основой каких угодно взглядов является определенная концепция человеческой природы, хотя придерживающийся этих взглядов человек может не сознавать или не суметь ее выразить. По крайней мере, это утверждение верно относительно тех людей, которые считают себе носителями определенной морали, а не монстрами. Но оставим монстров в покое. Защищает ли некто реформу или революцию, или стабильность, или возвращение в прошлое, или просто ухаживает за собственным огородом, он стоит на том основании, что все им совершаемое полезно для людей. Но такое суждение базируется [в свою очередь] на некоей концепции человеческой природы, которую рассудительный человек постарается сделать как можно более ясной, ибо только так ее можно оценить. В этом отношении я не отличаюсь от других.

Вы правы, что человеческая природа рассматривалась как нечто регрессивное, но это совершенно точно результат глубокого заблуждения. Отличается ли моя внучка от скалы, саламандры, цыпленка, обезьяны? Человек, который считает вздором подобные, безусловно, вздорные вопросы, с неизбежностью должен полагать, что есть некоторая постигаемая человеческая природа. Нам остается лишь вопрос о том, что же это такое? Очень необычный и пленительный вопрос, имеющий огромный научный интерес и человеческую ценность. Мы

266 Антон Паннекук (1873—1960) — нидерландский астроном, в начале 1920-х годов был одним из лидеров ультралевой Коммунистической рабочей партии Германии.

267 Карл Корш (1886—1961) — неомарксист и критик марксизма-ленинизма.

268 Пауль Маттик (1904—1981) — деятель германского, а затем американского рабочего движения, теоретик (сотрудничал с Карлом Коршом и хоркхаймеровским Институтом социальных исследований).

знаем немало о некоторых ее аспектах — но, увы, не о тех, которые рождают чувство значимости человека. Выйдя за эти пределы, мы остаемся наедине со своими надеждами и желаниями, интуицией и домыслами.

Нет ничего регрессивного в том факте, что человеческий зародыш устроен так, что у него не отрастают крылья, или в том, что его зрение не может функционировать на манер насекомого, или что ему недостает гнездового инстинкта голубей. Те же факторы, что сдерживают развитие организма, помогают ему стать богатой, сложной и высоко организованной структурой, обладающей фундаментальным внутривидовым единством, богатыми и достойными удивления способностями. Организм, которому не хватает этой внутренней, присущей ему структуры, которая, разумеется, радикально ограничивает набор возможных путей для его развития, будет представлять собой какое-то жалкое амебоподобное существо (если оно вообще будет способно выжить). Возможности и пределы развития логически связаны.

Возьмем, к примеру, язык — одну из чисто человеческих способностей, о которой много что известно. У нас есть серьезные причины считать, что все возможные человеческие языки сходны; марсианский ученый, изучающий людей, пришел бы к выводу, что на всей Земле существует всего один язык с незначительными вариантами. Причина заключается в том, что тот конкретный аспект человеческой природы, который связан с развитием языка, обладает весьма ограниченным набором возможностей. Это обстоятельство ограничивает нас? Разумеется. Освобождает? Разумеется. Именно эти ограничения делают возможным существование богатой и замысловатой системы выражения мыслей, которая развивается всякий раз примерно одинаково на основе рудиментарного, фрагментарного и меняющегося опыта.

А что вы скажете по поводу биологически детерминированных различий в человеческом облике? Эти различия существуют совершенно точно, и это повод для радости, а не для страха или сожаления. Жизнь среди клонов не стоила бы труда быть прожитой, и здравомыслящий человек должен только приветствовать тот факт, что у других есть способности, отличные от его собственных. Это же элементарно. Довольно странными, на мой взгляд, представляются распространенные мнения об этих вещах.

Благоприятствует ли человеческая природа, чем бы она ни была, развитию анархистских форм общежития или препятствует ему? У нас нет достаточных знаний для того, чтобы как-то ответить на этот вопрос. Это повод для экспериментов и открытий, а не тема для пустых разглагольствований.

Будущее

RBR: Перед тем как закончить [наш разговор], я бы хотел задать Вам короткий вопрос о некоторых тенденциях современного левого движения. Я не знаю, какова ситуация в США, но здесь после падения Советского Союза в левом движении наблюдается определенная деморализация. Не следует сразу же заключить из этого, что люди горячо поддерживали строй, существующий в СССР. Скорее есть общее ощущение, что с распадом СССР идея социализма похоронена. Проходили ли Вы через подобную деморализацию? Что Вы скажете на это?

Хомский: Моя реакция на кончину советской тирании аналогична моей реакции на поражение Гитлера и Муссолини. Во всех этих случаях это победа человеческого духа. Социалисты должны особенно ее приветствовать, ведь великий враг социализма повержен. Подобно Вам, я с удивлением смотрел, как люди, включая тех, кто считал себя антисталинистом и антиленинцем, были деморализованы обвалом тирании. Это демонстрирует, что они были гораздо крепче преданы делу ленинизма, чем сами хотели верить.

Между тем есть и причины для беспокойства по поводу уничтожения этой жестокой и тиранической системы, которая была настолько же социалистической, насколько она была

демократической. Вспомните, ведь провозглашалось, что она сочетает в себе и то и другое, и если последнее утверждение подвергалось осмеянию на Западе, то первое с готовностью принималось как оружие для дискредитации социализма — один из многих примеров того, как западные интеллектуалы прислуживали власти. Первая причина связана с природой холодной войны. На мой взгляд, это в значительной степени был особый случай конфликта Севера и Юга, если использовать этот современный эвфемизм для обозначения завоевания Европой большей части мира. Восточная Европа первоначально была самым настоящим третьим миром, и холодная война начиная с 1917 года не имела ничего общего со встречными попытками других частей третьего мира следовать собственным курсом, хотя в этом случае различия в масштабе придали конфликту в каждом случае свою специфику. По этой причине разумно было ожидать, что эти регионы нор-нутя к прежнему состоянию. Бывшие части Запада, такие, как Чош-ская Республика или Западная Польша, присоединились к нему, и в то время как остальные вернулись к традиционной служебной роли, бывшая номенклатура стала стандартной элитой третьего мира (с одобрения западной государственно-корпоративной власти, которая в целом предпочла номенклатуру другим вариантам). Это безрадостная перспектива, и она привела к колоссальным страданиям.

Другая причина для беспокойства связана с вопросом о сдерживании и неприсоединении. Какой бы гротескной ни была советская империя, само ее существование оставляло известное место для неприсоединения, и, по совершенно циничным причинам, она иногда помогала жертвам атак Запада. Эти варианты ушли в прошлое, и Юг испытывает на себе эти последствия.

Третья причина связана с теми, кого деловая пресса называет «избалованными западными рабочими» с их «роскошным образом жизни». Когда большая часть Европы вернулась в прежнее стойло, собственники и менеджеры приняли на вооружение новые могущественные средства войны против рабочего класса и бедных в своей собственной стране. General Motors и Volkswagen теперь могут вынести производство не только в Мексику или Бразилию (или, по крайней мере, они угрожают сделать это, а значит, как это часто бывает, сделают), но также в Польшу или Венгрию, где их ждут умелые и обученные рабочие, готовые работать за полцены. Понятно, что западные предприниматели торжествуют, заполучив такое сокровище.

Мы можем понять, чем была холодная война (как любой другой конфликт), если посмотрим, кто торжествует и кто несчастлив после того, как она окончилась. Если следовать этому критерию, победители в холодной войне — это западная элита и бывшая номенклатура, обогатившаяся сегодня так, как ей это и не грезилось в самых разнузданных мечтах. А в лагере проигравших оказалась существенная часть населения Восточной Европы, трудящиеся и беднота на самом Западе и народные массы Юга, которые выбрали свой собственный путь развития.

Этот анализ вызывает состояние, близкое к истерии в среде западных интеллектуалов, если только они доходят до понимания ситуации, что случается редко. Это легко проиллюстрировать. Это, можно понять. Наблюдения истинны, а правда колет глаза власть имущим и привилегированным слоям — отсюда и истерия.

В целом реакция честного человека на конец холодной войны гораздо сложнее, чем простая радость по поводу крушения жестокой тирании, и преобладающая реакция, на мой взгляд, отмечена печатью крайнего лицемерия.

Капитализм

RBR: Сегодня левая, во многих отношениях, вернулась к своему исходному состоянию, в котором она пребывала в позапрошлом веке. Как и тогда, она стоит перед лицом капитализма, который идет на подъем. Похоже, что сегодня существует молчаливое соглашение, подобного которому не было никогда прежде, о том, что капитализм — единственно здоровая форма организации экономической жизни, несмотря на то, что

имущественное неравенство увеличивается. На этом фоне можно утверждать, что левая не знает, как двигаться дальше. Как Вы смотрите на настоящее положение дел? Может быть, следует вернуться к основам? Должны ли сегодня все усилия быть направлены на то, чтобы внести либертарианскую традицию в социализм и сделать ударение на демократических идеях?

Хомский: На мой взгляд, почти все это — пропаганда. То, что называется капитализмом, это в своей основе система корпоративного меркантилизма, в которой ведущую роль играют громадные и, как правило, безответственные частные тирании. Они осуществляют широкий контроль за экономической и политической системой, общественной и культурной жизнью и функционируют в тесной связи с могущественными государствами, которые интенсивно вмешиваются во внутреннее хозяйство и жизнь международного сообщества. Такова драматическая правда о США, противостоящая многим иллюзиям. Богатые и привилегированные больше не хотят подчиняться стандартам рынка, как они делали это в прошлом. Вместе этим они считают, что рыночные стандарты замечательно подходят всем остальным слоям населения. За примерами далеко ходить не надо. Администрация Рейгана, которая упивалась риторикой свободного рынка, в то же время хвасталась в деловых кругах своим протекционизмом, самым суровым в послевоенной истории США, в действительности, превышающим суммарный протекционизм всех предыдущих администраций. Ньют Гингрич, возглавляющий нынешний крестовый поход — выходец из сверхбогатого района, получающего больше федеральных субсидий, чем любой другой пригород в стране, но сам стоит вне федеральной системы. Консерваторы, которые призывают покончить с практикой школьных завтраков для голодных детей, требуют увеличить бюджетное финансирование Пентагона, который был создан в конце сороковых потому что, как услужливо объяснила нам деловая пресса, наукоемкая промышленность не может выжить в условиях «состязательной, не субсидируемой экономики свободного предпринимательства», и поэтому правительство должно стать ее «спасителем». Без этого спасителя электорат Гингрича состоял бы из бедных рабочих (если бы они были довольны). В этом мире не было бы компьютеров, да что там — электроники вообще, авиастроения, металлургии, автоматизации и т. д. по списку. Анархисты всех стран не должны попадаться на эти традиционные уловки.

Идеи либертарианского социализма сегодня актуальны как никогда прежде, и население чрезвычайно открыто для них. Несмотря на огромный вал корпоративной пропаганды, за пределами образованных кругов люди в значительной степени сохраняют традиционное отношение. В США, например, более чем 80% населения рассматривают экономическую систему как «порочную в самой основе», а политическую систему — как систему обмана, служащую «частным интересам», а не «народу». Подавляющее большинство считают, что трудящиеся имеют слишком малый вес в принятии общественно важных решений (то же верно и для Англии); что правительство обязано помогать людям, терпящим нужду; что урезание бюджета и снижение налогов должно осуществляться не в ущерб затратам на образование и здравоохранение; что от нынешних предложений республиканцев, проводимых через Конгресс, выиграют богатые и пострадает основное население и т. д. Интеллектуалы могут рассказывать какие угодно басни, но не так уж сложно выяснить настоящие факты.

RBR: Итак, крушение Советского Союза только подтвердило идеи анархистов — предсказания Бакунина осуществились на практике. Как Вы думаете, должны ли анархисты воспрянуть духом от такого хода событий и от пронизательности бакунинского анализа? Должны ли анархисты смотреть в будущее с большей верой в свои идеи и в историю?

Хомский: Я думаю, по крайней мере, надеюсь, что ответ на это уже содержится во всем, что было сказано выше. Я думаю, нынешняя эпоха — это и эпоха зловещих предзнаменований, и великой надежды. Что из этого возобладает, зависит от того, что выберем мы сами.